

**Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова**

Факультет политологии

SCHOLA-2009

Сборник научных статей

Под редакцией А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Издательство
«Социально-политическая МЫСЛЬ»

Москва
2009

УДК 101.1::316
ББК 66.51(0)53
S36

Печатается по решению Ученого совета
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

S36 SCHOLA-2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под общ. ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин, Э. А. Козьменко. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2009. — 481 с.

ISBN 978-5-91579-028-4

В десятый выпуск сборника «SCHOLA» вошли статьи по широкому кругу проблем истории и теории политики, истории социально-политических учений, российской политики, социологии и психологии политики, мировой политики и международных отношений, а также других направлений современной политической науки.

Для политологов, философов, историков, всех, кто интересуется политологией.

УДК 101.1::316
ББК 66.51(0)53

ISBN 978-5-91579-028-4

© Коллектив авторов, 2009

Предисловие к первому выпуску¹

Всякое ученое исследование, беседу, чтение и объяснение научных сочинений греки и латиняне обозначали словом «schola».

«Школой» сегодня принято называть учебное заведение², направление в области науки, в конце концов — выучку, достигнутый в чем-то опыт.

Все эти смысловые оттенки вполне отражают характер, форму и содержание настоящего издания, включающего работы представителей нескольких поколений философов и политологов, получивших исследовательские навыки и опыт в стенах Московского университета.

Статус авторов сборника различен — от заведующего кафедрой, доктора наук, профессора до студента. Однако все мы испытываем пиетет по отношению к своим университетским учителям, участие которых в нашей судьбе трудно переоценить, и потому сочли нужным указать фамилии научных руководителей — профессоров и преподавателей Московского университета.

Советы старших коллег, стимулировавшие индивидуальные усилия авторов; «публичное» научное знание, разделяемое членами научного сообщества политологов; совокупность социологических факторов, влияющих как на развитие науки, так и на общий культурный контекст времени — все это определило личную приверженность (пусть даже неявную), направившую наше творческое воображение, глубинную установку, проявившуюся уже в ситуации выбора темы, а затем в характере результатов ее исследования. Поэтому авторы старались не конкретизировать свои методологические представления, простое перечисление которых и объявление себя сторонником той или иной философской школы представляется в данном случае неуместным и выглядело бы частью некоего ритуала, смысла которого не понимают его участники, так как «Школа» у нас одна — Московский университет.

А. А. Шириняну

¹ См.: SCHOLA-2000. — М., 2000. — С. 4.

² Так, кстати, на студенческом сленге зовется МГУ.

Предисловие к десятому выпуску

Институционализация политической науки в современной России началась сравнительно недавно: в системе отечественного образования политология нашла своё место среди прочих дисциплин социальной и гуманитарной направленности немногим более двадцати лет назад. Однако уже сейчас на этом пути достигнуты определенные успехи. Так, в МГУ, на базе отделения политологии философского факультета, осенью 2008 года был создан самостоятельный факультет политологии. Он продолжил традиции исследования мира политического, заложенные ещё во времена основания Московского университета. Факультеты политологии действуют в ряде крупнейших университетов страны, политологические отделения и кафедры представлены в значительной части гуманитарных вузов, а дисциплины политологической направленности включены в учебные планы большинства учреждений, дающих высшее профессиональное образование.

Российское политологическое сообщество (само по себе успешнее стать за последние два десятилетия одним из крупнейших среди прочих наук об обществе) ежегодно пополняется сотнями молодых специалистов. Значителен вклад Московского университета в дело подготовки нового поколения ученых: факультет политологии МГУ выпускает не только политологов-преподавателей, но также специалистов в области политического менеджмента, экологической политики, политической коммуникативистики, политической регионалистики, экономической политики. Но нельзя забывать и о том, что в неразрывной связке с учебным процессом идет и научная работа. Все те, кто решил связать свою судьбу с изучением мира политического (начиная со студентов и аспирантов, которые только приступают к ведению научной работы, и заканчивая состоявшимися учеными, имеющими не один десяток монографий), испытывают потребность в апробации результатов своих исследований, так как без презентации результатов своего труда научной общественности не может быть полноценной исследовательской деятельности.

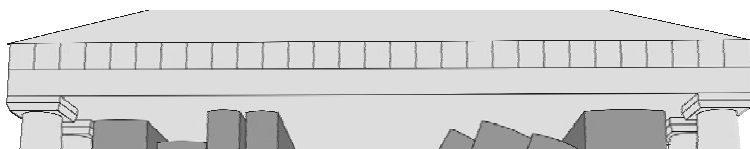
В течение девяти лет сборники научных статей серии «SCHOLA», страницы которых стали площадкой для публикации работ учащихся и сотрудников Университета, содействовали интеграции научного сообщества. Изданием юбилейного десятого сборника «SCHOLA 2009» факультет политологии МГУ продолжает эту традицию. В 2009 году количество разделов книги возросло до одиннадцати, число статей превысило сто двадцать авторских работ¹, а география книги расширилась².

А. Ю. Шумов

¹ В сборнике представлена 121 статья от 124 авторов из 16 вузов России и странах СНГ.

² В сборник поступили статьи из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ульяновска, Грозного, Перми, Саратова, Тулы, Тюмени, Одессы, Харькова, Гродно и Кокшетау.

История и теория политики

Бекхан Вахаевич Агаев

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

**Российский либерализм в начале XX века:
политическая программа кадетов**

Аннотация

В статье излагаются основные пункты политической программы «Партии народной свободы» (конституционалистов-демократов). Рассматривается отношение кадетов к идеальному государственному устройству России, позиция по аграрному вопросу, стратегия и тактика партии во взаимоотношениях с властью и народов, а также её место в политическом спектре Российского государства начала XX века.

Ключевые слова: «Партия народной свободы», конституционалисты-демократы, кадеты, программа партии, аграрный вопрос, монархия, Дума.

В российском либеральном движении начала XX века четко обозначились различные позиции. Так, правый фланг составили октябристы, являвшиеся олицетворением самого умеренного, консервативного либерализма, которые в решительные моменты могли и чаще всего становились на сторону самодержавия. А левый фланг, который в период высшего подъема революции 1905–1907 гг. солидаризировался с радикальными партиями: эсерами, социал-демократами, организационно был оформлен в «Союз освобождения» и «Союз Союзов». Крайности этих флангов «отсекались» и находили свое концентрированное выражение во взглядах, идеях и мнениях интеллигенции, группировавшейся и разделявшей политические умонастроения партии конституционных демократов (кадетов). Кадетская партия представляла собой весьма сложный и изменчивый социальный организм, в котором удельный вес составляющих его элементов не был постоянным. Во всяком случае, большая часть интеллигенции (служащие, учителя, врачи) разделяла демократические установки этой партии и составляла ядро ее массовой базы.

С точки зрения теоретиков-кадетов основная причина сложившейся революционной ситуации в России заключалась в неограниченной самодержавной форме правления и устаревших правовых институтах общества. Все это, по их мнению, привело в явное противоречие с необходимостью дальнейшего прогрессивного технического и социально-экономического развития страны. Необходимо было устранить неограниченную самодержавную форму правления, заменив ее парламентарной. Кадеты считали, что в дости-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

жении этой цели одинаково заинтересованы все слои населения. Именно поэтому они видели в данном процессе борьбы с самодержавием только две силы, два противостоящих друг другу лагеря: самодержавие (реакция) и все остальные массы, выступающие против реакции — демократия. Правда, в отличие от радикально настроенной интеллигенции, кадеты и в теории, и на практике были противниками насильственного свержения самодержавия и установления в России демократической республики. Они стремились сохранить и монархию, и постоянную армию, и полицию, и вообще оставить весь государственный аппарат в неприкосновенности, сменив лишь форму правления в обществе. Их «идеальный» вариант государственного устройства в этой связи делил власть на три равные части. Одна часть власти оставалась за монархией. Другая часть власти передавалась предпринимателям, специалистам, составляющим вторую палату парламента (Думы) и, наконец, третья — делегировалась народу, представителям различных регионов страны, составляющим первую палату Думы.

При постановке и решении аграрного вопроса кадеты выступали против национализации земли. Они стремились сохранить и упрочить частное землевладение и тем самым отстоять буржуазную эволюцию сельского хозяйства. Кадеты предлагали принципиально выкупить по фиксированной цене те помещичьи земли, которые сдавались в аренду, и вместе с государственными, церковными и другими землями продать их в рассрочку через банк крестьянам. Существенным моментом изменений такого подхода является стремление установить «социальный мир» в деревне, поскольку было уже понятно, что община не только тормозила развитие рыночных отношений в аграрном секторе экономики страны, но и «подрывала» этот социальный мир деревни, вела к серьезным внутренним конфликтам российского общества. В этой связи кадеты значительное место в своих выступлениях уделяли устранению полуфеодальных пережитков деревни, которые являлись существенным тормозом развития сельского хозяйства страны.

Своеобразно кадеты решали и национальные вопросы. В своих программных заявлениях лидеры партии требовали восстановления конституции Финляндии, предоставления автономии Польше, в ряде случаев они допускали возможность региональной автономии и образования губернских представительных собраний, обладающих правом законодательной инициативы по вопросам местного управления. Центральным пунктом национальных воззрений кадетов было требование культурного самоопределения всех народностей, входивших в состав России. Они выступали за предоставление каждой народности прежде всего права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, а также за создание учебных и других культурных учреждений для сохранения языка, литературы, самобытности народов национальных окраин империи вообще. Требование культурного самоопределения народов у кадетов, как видим, не ставило своей целью вести революционную борьбу в решении национального вопроса. Это требование, весь его смысл и пафос сводился лишь к призыву развивать общую культуру лю-

дей, не препятствовать им в следовании их национальным истокам.

Основной подход, тактика кадетской партии в решении многообразных вопросов общественной жизни, даже в период революционного кровопролития (например, декабрьского вооруженного восстания в Москве) — это тактика мирного решения всех вопросов. Ориентация на реформы «сверху», путем конституционного, парламентского решения вопросов нашла свое особое яркое выражение в период революции 1905–1907 гг. Это была по сути тактика выступления против насилия «снизу» и «сверху», которая характеризовала нейтральную позицию либеральной интеллигенции. Все это понятно, ибо либерально настроенной интеллигенции было свойственно фетишизировать государственную Думу. Она представлялась им тем институтом, который способен умиротворить, снять напряженность, классовые противостояния. Как известно, на выборах в Первую Думу кадеты одержали победу благодаря прежде всего тому, что они оказались самой левой партией, поскольку практически все левые партии были устранены от выборов насилием, арестами, избирательным законом.

Добившись успеха на выборах, кадеты поставили своей целью увлечь за собой широкие массы людей и создать на базе Думы институт подлинного народного представительства. Исходя из этой цели, они поставили задачу не допустить падения монархических чувств в народе и вместе с тем спасти и укрепить идею конституционализма. Именно этим можно объяснить, что всю ответственность за сложившуюся ситуацию революции 1905 года они возлагали только на министров, но не на царя (об этом красноречиво свидетельствуют, например, дебаты и результаты голосования кадетов в Думе по так называемой горемыкинской декларации 13 мая 1906 года, квинтэссенцией которой было: ни земли, ни воли крестьянам).

Создавая из Думы конституционный центр, кадеты руководствовались при этом идеологией «мирного обновления» страны. В этой связи они определенно четко сформулировали свое оппозиционное отношение ко всем антиконституционным движениям, откуда бы они ни исходили. Естественно, во всех своих подходах они исходили из общечеловеческих этических принципов, поскольку считали, что разрушительным идеям социализма необходимо противопоставить идеи о незыблемости нравственных начал, безусловной ценности человеческой личности как таковой, общенародном (надклассовом) характере православной религии и национальной культуры. Вполне понятно, что в декабрьские дни 1905 года либеральная интеллигенция предпочитала оставаться в стороне от борьбы между самодержавием и радикально настроенной массой. Она не встала ни на сторону царского правительства, ни на сторону восставшей массы. Их действия свелись лишь к словесным призывам к революционерам и самодержавию — образумиться. Такая тактика, вытекающая, еще раз подчеркнем, из политического унастроения этих групп интеллигенции, отнюдь не свидетельствовала об их трусости, и их подспудном интересе помочь буржуазии, как об этом говорил В. И. Ленин. Она свидетельствовала лишь о том, что интеллигенция в лице кадетов стави-

ла знак равенства между революционной насильственной борьбой массы за свое политическое и социальное освобождение и военно-полицейскими методами, которые применял царизм для подавления революции. Ей одинаково претили агрессия, нетерпимость, употребление без разбора всех средств и методов в достижении своих целей.

Однако как показал опыт революции 1905–1907 гг., либеральная идеология интеллигенции, ориентированная на установление в стране «социального мира», не получила поддержки ни «сверху» — со стороны правительственного лагеря, ни «снизу» — со стороны радикально настроенной «массы». Правительственный лагерь полагал, что кадеты и вся составляющая их интеллигенция по своим приемам и методам борьбы по существу почти ничем не отличаются от революционной массы, всяких социалистов, большевиков и прочих подобных им. Все они, как бы «помазаны одним миром», поскольку подрывают основы многовекового существования российской государственности и порядка. Именно поэтому предлагавшиеся кадетами идеи оказались неприемлемыми для царского правительства, предпочитавшего действовать традиционными грубыми военно-полицейскими методами подавления любых проявлений неподчинения власти, любых форм инициативы и устремлений людей. Кадетские идеи интеллигенции были отвергнуты и всеми революционными радикалами, прежде всего, конечно, большевиками. Путь, методы, которые предлагались этой частью интеллигенции, отменялись с порога, рассматривались как интеллигентская болтовня, говорильня, отвлечение внимания от насущных проблем общества. Радикалам нужны были немедленные, уже сейчас ощутимые результаты, а поэтому, естественно, мириться с неопределенной по срокам будничной постоянной работой по реформированию общества они не могли, да и не хотели.

Библиография

1. *Богатырева Л. В.* Кадеты и общественные организации в 1905 — феврале 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Москва, 2000. — 171 с.
2. *Костюченко И. Ю.* Кадеты и третьиюньская политическая система : : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. — Москва, 1993. — 213 с.
3. *Кудряков В. В.* Кадеты и левые партии в 1914–1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Москва, 2007. — 205 с.
4. *Пушкарева Ж. Ю.* Кадеты и избирательные компании в Государственную думу I–IV созывов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Москва, 1998. — 193 с.
5. *Романов Н. В.* Октябристы и кадеты. — Санкт-Петербург: Зерно, 1906. — 15 с.
6. Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Павлов Д. Б., Шелохаев В. В. — М.: Росспэн, 1996. — 303 с.

Андрей Сергеевич Алтухов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Последствия миграционных процессов и необходимость их учета при формировании государственной миграционной политики Российской Федерации

Аннотация

Миграция представляет собой неоднозначное и многогранное явление. Ее влияние на развитие страны может иметь как положительные последствия, так и носить отрицательный характер. При формировании государственной политики Российской Федерации необходим дифференцированный подход, который позволит увеличить положительные эффекты и снизить издержки миграции.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, миграционные процессы, последствия миграции, проблемы миграции.

Эффективность государственной миграционной политики повысится в том случае, если при ее реализации будут учитываться тенденции миграционных процессов, анализироваться их причины и последствия, применяться существующие в мировой практике механизмы регулирования. Однако миграция представляет собой явление сложное и многогранное, которое приводит порой к неоднозначным последствиям. Ее влияние на развитие страны может иметь как положительные стороны, так и носить явно отрицательный характер. Для правильного понимания и оценки миграционных тенденций и закономерностей, с тем, чтобы в последующем на основе полученных данных появлялась возможность скорректировать направления миграционной политики, необходимо выявление актуальных проблем в области миграции, а также изучение миграционных эффектов (положительных последствий для государства и общества) и издержек (негативных последствий для государства и общества). Одной из классификаций миграционных проблем может служить их деление на социально-экономические, социально-политические и криминогенные.

Социально-экономические проблемы, вызванные миграционными процессами, в Российской Федерации связаны в первую очередь с трудовой миграцией. К положительным социально-экономическим последствиям миграции можно отнести следующие: «использование иностранной рабочей силы создает дополнительные возможности для роста экономики и позволяет ликвидировать дефицит рабочей силы, так как иностранные рабочие в большин-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ Александр Вадимович Попов.

стве своем привлекаются для выполнения самых тяжелых, низкоквалифицированных, непрестижных работ. В результате это дает возможность местной рабочей силе перемещаться на более высокооплачиваемую и квалифицированную работу»¹. Кроме того, «миграция способствует увеличению трудоспособной части населения, омоложению возрастной структуры населения, так как основная часть мигрантов — представители возрастной группы от 20 до 45 лет»². Что касается негативных последствий, связанных с социально-экономическими проблемами миграции, то к таковым следует отнести отток капитала из страны, а также «возможность иностранных рабочих потеснить местных жителей на тех локальных рынках труда, где численность мигрантов велика»³.

Негативные последствия миграции в социально-политической сфере связаны с «утечкой умов» и выражаются во временных выездах ученых и специалистов, которые могут превратиться в безвозвратную эмиграцию, что в конечном итоге приведет к увеличению интеллектуальных потерь России. «Преодолеть эту проблему возможно путем увеличения затрат на науку и образование, создания благоприятных условий для роста научных кадров, притока в нее молодежи»⁴.

В настоящее время особое внимание при формировании направлений миграционной политики необходимо уделить проблеме интеграции, так как бороться с негативными проявлениями миграции одними запретительными и карательными методами невозможно. К тому же интеграция мигрантов позволяет получить дополнительные положительные эффекты, такие как: «приток трудоспособного населения, повышение демографических показателей и т. д.»⁵. Однако сегодня программа интеграции мигрантов в Российской Федерации фактически отсутствует. Это в свою очередь приводит к появлению таких болезненных политических проблем как формирование этнически замкнутых общин мигрантов, что порождает настороженное отношение к ним со стороны населения и выливается в рост антимиграционных настроений и ксенофобии, а иногда выражается в открытых конфликтах и противостоянии между приезжими и местными жителями.

К криминогенным проблемам миграционной политики относятся проблемы, вызванные правонарушениями в сфере миграции. В первую очередь

¹ См.: Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. — М.: Формула права, 2007. — С. 446.

² См.: Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. — М.: Грааль, 2002. — С. 47.

³ См.: Веденина О. В. Мигранты в Москве — рост этнокультурного разнообразия или социальной напряженности? // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. / Под ред. Зайончковской Ж. А. — М.: Адамант, 1999. — С. 252.

⁴ См.: Рошин Ю. В. Миграция населения в судьбе России. — М.: Авангард, 2008. — С. 396.

⁵ См.: Богданов А. В. Социальная адаптация вынужденных мигрантов как фактор стабильности общества. — М.: Союз, 2000. — С. 38.

это проблемы, связанные с нелегальной миграцией, которая приводит к расширению теневых процессов в различных сферах российского общества, вызывая целый ряд весьма болезненных социально-политических и экономических последствий. Стоит отметить, что криминогенные явления не приводят ни к каким положительным эффектам и являют собой только издержки. Негативные последствия незаконной миграции и ее роста очевидны. «Все большее число мигрантов из-за рубежа оказывается в теневом секторе экономики и теневой сфере занятости. Растут потери бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Незаконная иммиграция ведет к усилению давления на занятость в нетеневом секторе, способствует наполнению рынка труда неквалифицированной рабочей силой»¹. Очевидны и негативные последствия незаконной миграции в социальной сфере: «ухудшение криминогенной обстановки, расширение рынка торговли наркотическими веществами, усиление этнических организованных преступных группировок, обострение национальных противоречий и межэтнических столкновений, внедрение инородной культуры и антиобщественного поведения, рост социальной напряженности между мигрантами и местным населением»². Такое количество негативных последствий нелегальной миграции требует активизации усилий по противодействию этому явлению как на федеральном, так и на местном уровнях. В связи с этим важное значение приобретает деятельность органов исполнительной власти в сфере миграции. Кроме того, проблема незаконной миграции в России должна рассматриваться в тесной связи с совершенствованием миграционного законодательства.

В целом же, подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что неоднозначность роли, которую играет сегодня миграция, требует от государства дифференцированного регулирования в этой сфере. С одной стороны, необходима политика поддержания законной трудовой иммиграции с учетом того положительного, что вносят иностранные работники в экономическое и социальное развитие регионов и страны в целом, а с другой — политика, направленная на ограничение незаконной миграции и незаконной занятости иностранной рабочей силы.

Библиография

1. Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. — М.: Грааль, 2002. — 168 с.
2. Богданов А. В. Социальная адаптация вынужденных мигрантов как фактор стабильности общества. — М.: Союз, 2000.

¹ См.: Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюркжанова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. — М.: Academia, 2000. — С. 247.

² См.: Топилин А. В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. — М.: Экономика, 2004. — С. 246.

3. *Веденина О. В.* Мигранты в Москве — рост этнокультурного разнообразия или социальной напряженности? // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. / Под ред. Зайончковской Ж. А. — М.: Адамант, 1999. — С. 294–321.
 4. *Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюркжанова Е. В.* Нелегальная миграция в Россию. — М.: Academia, 2000. — 95 с.
 5. *Роцин Ю. В.* Миграция населения в судьбе России. — М.: Авангард, 2008. — 228 с.
 6. *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. — М.: Формула права, 2007. — 576 с.
 7. *Топилин А. В.* Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. — М.: Экономика, 2004. — 328 с.
-

Роман Юрьевич Анисимов

Преподаватель испанского языка факультета государственного управления и факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Креативный компонент политического дискурса

Аннотация

В статье анализируются примеры политической коммуникации в контексте изучения специфических особенностей и сущностных характеристик политического дискурса. Рассматриваются креативные решения, которые облегчают аудитории модернизацию существующей у нее политической картины мира, вписывают новые политические реалии в традиционную или приемлемую для аудитории систему норм, ценностей и представлений о реальности.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, номинация, депривация, имидж.

Категория «дискурс» выходит сегодня за рамки собственно лингвистической науки и становится частью понятийно-категориального аппарата иных, прежде всего, социальных и гуманитарных наук, проблемное поле которых тесно связано с исследованием самых разнообразных аспектов межличностной и социальной коммуникации. Сугубо лингвистические определения дискурса концентрируются вокруг понимания его как конкретного коммуникативного события — это «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи»¹ Но сегодня подобное определение более относится к тексту, чем к дискурсу. Категория же «дискурс» во все большей степени используется для характеристики такого процесса, как коммуникативное взаимодействие. А при его исследовании необходимо рас-

¹ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — С. 86.

сма­т­ри­вать уже не толь­ко вер­баль­ную со­став­ляю­щую, но и куль­тур­ные, со­ци­аль­ные, пси­хо­ло­гиче­ские ас­пек­ты вза­имодей­ствия. «Дис­курс — свя­занный текст в со­во­куп­ности с эк­стра­линг­вистиче­скими — праг­ма­тиче­скими, со­цио­куль­тур­ными, пси­хо­ло­гиче­скими и др. фак­то­ра­ми; текст, взя­тый в со­бы­тий­ном ас­пек­те; речь, рас­сма­три­вае­мое как це­ленав­ре­жен­ное со­ци­аль­ное дей­ствие, как ком­по­нент уча­ст­вую­щий во вза­имодей­ствии лю­дей и в ме­ха­низ­мах их соз­на­ния»¹. Ис­сле­до­вание дис­кур­са — это ис­сле­до­вание «речи, по­гру­жен­ной в жизнь», т. е. в те об­сто­ятель­ства, в ко­то­рых эта речь была соз­да­на. Б. М. Га­спа­ров² к таким об­сто­ятель­ствам от­но­сит: ком­му­ни­ка­тив­ные на­ме­ре­ния ав­то­ра; вза­имодей­ствия ав­то­ра и ад­ре­са­та; все­воз­мож­ные слу­чай­ные об­сто­ятель­ства, зна­чи­мые для ком­му­ни­ка­ции; об­щие иде­оло­гиче­ские чер­ты и сти­ли­сти­че­ский кли­мат эпо­хи в це­лом и той кон­крет­ной сре­ды и кон­крет­ных лич­но­стей, ко­то­рым со­об­ще­ние пря­мо или ко­свен­но ад­ре­со­ва­но; жан­ро­вые и сти­ле­вые чер­ты как са­мо­го со­об­ще­ния, так и той ком­му­ни­ка­тив­ной си­ту­а­ции, в ко­то­рую оно вклю­ча­ется; ас­со­ци­а­ции с пре­ды­ду­щим опы­том. Раз­де­ляя та­кую точку зре­ния, Ю. Е. Про­хо­ров опре­де­ляет дис­курс как эк­стра­вер­тив­ную, т. е. об­ра­щен­ную вов­не, ори­ен­ти­ро­ван­ную на внеш­ний мир и де­я­тель­ность в нем, фи­гу­ру ком­му­ни­ка­ции³. Еще более по­сле­до­ва­тель­но раз­ви­ва­ет ана­ло­гич­ную точку зре­ния А. Н. Ба­ра­нов, ко­то­рый вклю­ча­ет в дис­курс не толь­ко ре­че­вые пра­кти­ки, взя­тые в ши­ро­ком со­цио­куль­тур­ном и со­цио­пси­хо­ло­гиче­ском кон­тек­стах, но и са­мих уча­ст­ни­ков ком­му­ни­ка­ции, сло­жив­ших­ся пра­вил их де­я­тель­ности в рам­ках дан­ной об­ла­сти со­ци­аль­ной пра­кти­ки (на­у­ки, об­ра­зо­ва­ния, про­из­вод­ства и т. д.). На­ко­нец, кон­цеп­ция дис­кур­са из­вест­ных фран­цуз­ских ис­сле­до­ва­те­лей Э. Ла­кло и Ш. Му­фф ин­те­гри­ру­ет в по­ня­тии дис­кур­са не про­сто со­ци­аль­но де­тер­ми­ни­ро­ван­ные «слова и выс­ка­зы­ва­ния», но и «язык и все со­ци­аль­ные яв­ле­ния»⁴, кар­ди­на­льно рас­ши­ряя дан­ный кон­цепт. Но все же эта точка зре­ния ка­жет­ся нам чрез­мер­но ши­ро­кой, в­след­ствие че­го ка­те­го­рия «дис­курс» тер­яет свою ка­че­ствен­ную опре­де­лен­ность. Мы при­дер­жи­вае­мся в своей ра­боте то­го по­ни­ма­ния дис­кур­са, ко­то­рое сфор­му­ли­ро­вано А. Н. Ба­ра­новым.

Ме­жду по­ни­мае­мым так дис­кур­сом и со­ци­аль­ной пра­кти­кой (в са­мом ши­ро­ком смы­сле слова) су­ществуют сло­ж­ные ди­алек­тиче­ские от­но­ше­ния. Бу­ду­чи, с од­ной сто­ро­ны, поро­жде­нием пра­кти­ки, дис­курс, в то же время, кон­стру­и­рует со­ци­аль­ный по­ря­док в дан­ной об­ла­сти со­ци­аль­ной де­я­тель­ности. «Выс­ка­зы­ва­ния — это не про­сто слова или ре­че­вые акты, это «кир­пичи­ки», из ко­то­рых скла­ды­ва­ются со­ци­аль­ные от­но­ше­ния, об­ра­зы «себя» и

¹ Про­хо­ров Ю. Е. Дей­стви­тель­ность. Текст. Дис­курс. — М.: Флинта, На­у­ка. — 2004. — С. 23.

² Га­спа­ров Б. Язык. Па­мять. Об­раз. Линг­вистика язы­ко­вого су­щес­тво­ва­ния. — М.: Новое ли­тератур­ное об­озре­ние, 1996. — 352 с.

³ Филипс Л., Йор­ген­сен М. В. Дис­курс-анализ: теория и метод. — Харь­ков: Гуманитар­ный центр, 2004. — С. 60.

⁴ Филипс Л., Йор­ген­сен М. В. Дис­курс-анализ: теория и метод. — Харь­ков: Гуманитар­ный центр, 2004. — С. 60.

«других», различные аспекты личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном акте», — пишет М. Макаров¹. Не с лингвистической, а с социологической точки зрения такая взаимосвязь дискурса и практики концептуально рассмотрена в широко известной работе социологов-конструктивистов П. Бергера и Т. Лукмана².

Одной из наиболее актуальных областей дискурсивных исследований является сегодня исследование современного **политического дискурса**. Мы придерживаемся определения М. А. Баранова, который говорил об этой категории как о совокупности всех участников политической коммуникации, речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом³. Незрелость политической коммуникации, особенно в его диалогической форме, накладывает существенные ограничения на возможности демократического развития, т. к. демократия неотделима от взаимодействия коммуницирующих субъектов политического процесса для достижения общественного согласия. Характеристики политического дискурса в том или ином обществе — достаточно точные индикаторы состояния и тенденций развития политического процесса, политической жизни данного социума.

В политический дискурс входит **политический язык** — специфическая знаково-символическая система, используемая в процессе политической коммуникации. С помощью политического языка вырабатываются, обосновываются и презентуются различным аудиториям политические решения, реализуется воздействие (в том числе и манипулятивное) на эти аудитории. В определенных социально-политических и культурных ситуациях в политическом языке могут доминировать компоненты, обусловленные ориентацией на публичный диалог, на достижение консенсуса, на толерантность, или же преобладать составляющие, связанные с подавлением политических оппонентов, с агрессией, жестким противопоставлением «свой-чужой».

Так, например, показательно, что в советский период во внутренний политический дискурс вошло много метафор, связывающих вполне мирные и даже созидательные действия с «военной» лексикой: «борьба за мир», «битва за урожай», «трудовой героизм», «трудовой подвиг», «победа советского строя» и т. п. Развитие новых, демократических в своей сути, основ общественного устройства в Новое время реанимировало, а, по сути дела, ввело заново в политический дискурс понятие «общественное мнение». Выражение «публичное мнение» было впервые, как считают, использовано греческим философом Протагором (V век до нашей эры). В условиях городов-полисов введение такого термина в политический дискурс было необходимостью. За пределами античности термин «общественное мнение» впервые был исполь-

¹ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — С. 63.

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: Медум, 1995. — 323 с.

³ Баранов А. Н. Общественное сознание и язык (введение в проблему) // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. — М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. — С. 110.

зован английским писателем и государственным деятелем Д. Солсбери в XII веке, в связи с процессом становления предпарламентских форм представительства в Англии. Общеупотребительным он стал в эпоху Просвещения, причем широко вошел в политический дискурс Франции. В России термин «общественное мнение» начал использоваться только с начала XIX века и пример подал Александр I, придерживавшийся в начале своего царствования либеральных политических взглядов. В николаевской России это словосочетание перешло исключительно в дискурс демократов, в частности оно неоднократно встречается в работах В. Белинского.

Политический язык формируется, прежде всего, за счет номинаций, «языковых клеток» и языковых деприваций. «Номинация» произошла от латинского слова “nominatio” — называние. Небезызвестный капитан Врунгель верно полагал, что «как вы яхту назовете, так она и поплывет»: в «назывании» во многих случаях уже заложена оценка объекта. «Точно так же, как один запах может быть назван „ароматом“ или „вонью“ в зависимости от того, как хотят, чтобы к нему относились, так же одни и те же партизаны могут называться „борцами за свободу“, „мятежниками“, „террористами“», — писал по этому поводу американский лингвист Чарльз Остуд. Широкий спектр номинаций какого-то объекта, явления (от «бандитов» до «борцов за свободу») свидетельствует, в первую очередь, об отсутствии у политического класса и широкой общественности единого представления о политическом факте. «Языковая клетка» — использование стандартизованных языковых формул для описания определенных политических событий, процессов. Для периода афганской войны были характерны понятия «воин-интернационалист», «интернациональный долг», «помощь братскому афганскому народу». Американцы во время вьетнамской войны широко употребляли такие «языковые клетки», как «обязательства», «ответственность», «союзнический долг», «сдерживание». Наконец, используется и так называемая «лингвистическая депривация», когда накладывается запрет на употребление определенных слов. Так, например, в советский период в печати не использовалось слово «номенклатура». Подобные примеры специфики политического языка подтверждают тезис о том, что дискурс, с одной стороны, порождается действительностью, с другой — ее конструирует.

Компонентом политического дискурса является не только политический язык, но и **политические дискурсивные практики** — способы и ситуации использования языковых средств для выражения определенного, относящегося к области политики, смысла. А. Н. Баранов считает, что они определяются, прежде всего, устойчивыми наборами средств вариативной интерпретации действительности, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации¹. В этом смысле можно говорить, например, о «дискурсе Буша», «дис-

¹ Баранов А. Н. Общественное сознание и язык (введение в проблему) // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. — М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. — С. 119.

курсе Путина», «дискурсе Черномырдина» как совокупности индивидуальных особенностей лексики, грамматики, идиоматики и фонетики их речи, проявляющихся в интервью, выступлениях, в ответах на вопросы и т. д. Аналогом понятия «дискурсивная практика» является хорошо разработанное лингвистическое понятие идиолекта — совокупности особенностей речи, присущей конкретному индивиду в определённый момент времени или в определённом коммуникативном контексте. Наиболее пристальному на сегодняшний момент изучению подверглись политические дискурсивные практики и политический язык советской эпохи (т. н. *lingua sovetica*), Великой французской революции, «Третьего рейха».

Дискурс политика является неотъемлемой чертой его имиджа. Мы берем за основу предложенное О. О. Савельевой определение имиджа как целенаправленно сформированного субъектом воздействия представления аудитории о каком-то объекте или процессе, основанного на ценностных характеристиках, приписанных объекту. Это представление предназначено для интернирования в аудиторию с целью повлиять на ее сознание и поведение в нужном субъекту воздействия направлении¹. В алгоритме работы имиджмейкера можно выделить несколько этапов. С помощью исследований (а иногда и интуитивно) выявляются социальные ожидания аудитории относительно объекта имиджирования — например, характер ожиданий определенной социальной группы населения относительно политика, претендующего на депутатский мандат. Далее выделяются характеристики, которые необходимо ввести в имидж, чтобы сделать имиджируемый объект (политика) социально привлекательным для данной аудитории. Находятся те визуальные стереотипы, символы, знаки, элементы политического языка и дискурсивных политических практик, которые ассоциируются у данной аудитории с этими характеристиками. На их основе разрабатывается имиджевая информация — определенные тексты (в семиотическом смысле этого слова), которые имиджируемый политик должен донести до целевой аудитории через дискурсивные политические практики и породить у нее заранее заданное, системное, эмоционально окрашенное представление.

Хотелось бы подчеркнуть, что именно политический язык и дискурсивные практики политика играют весьма значимую роль в успехе коммуникации. В ходе этой коммуникации те знания, которые передает коммуникатор, должны быть интегрированы аудиторией в ее модель мира, т. е. должна произойти онтологизация знания. Онтологизация в некоторых случаях требует лишь незначительных корректировок уже существующих у аудитории знаний и представлений. Но вполне возможно, что она спровоцирует у аудитории значительный когнитивный диссонанс вследствие существенного расхождения новых и старых знаний и представлений.

В таких случаях в политической коммуникации приходится прибегать к

¹ Савельева О. О. Социологические и социокультурные аспекты рекламной технологии. — М.: МПГУ, 2009. — С. 89.

креативным решениям, облегчающим аудитории модернизацию существующий у нее политической картины мира, вписывание новых политических реалий в традиционную или приемлемую для аудитории систему норм и ценностей. Так, в европейских странах общим контекстом политической коммуникации можно назвать ориентацию аудитории на толерантность, мультикультурность, диалог, достижение консенсуса и т. п. Если же сила применяется, то это должна быть «мягкая сила». Такой контекст требует создания особого политического языка. И вот в период Балканского кризиса появляются креативные лексемы — «гуманитарная бомбардировка», «гуманитарная интервенция». События 2008 года в Южной Осетии были интерпретированы российской стороной как «принуждение к миру». Здесь был использован термин, вошедший в язык дипломатии во время «войны в Заливе». Сегодня он используется все шире. В середине 90-х годов в связи с нежеланием позиционировать события в Чечне как войну (тем более как гражданскую войну), в военно-политический дискурс вошли эвфемизмы — «конфликт», «зачистка», «вытеснение», «локализация», «нейтрализация», языковая клетка «восстановление конституционного порядка» и т. д. Эти «обтекаемые» выражения немедленно нашли свое отражение в дискурсе СМИ, вошли в картину мира некоторой части аудитории.

Есть старая арабская поговорка: «Слово что сухожилие — куда потяни, туда и растянется». По сути своей, политический дискурс, транслируемый СМИ, есть креативная модель политической реальности, которую креатор «растягивает» в ту или иную сторону в соответствии с «представлениями о должном» (своими собственными или кого-то еще). «Растягивание» модели, т. е. интерпретация реальности, происходит не в последнюю очередь за счет создания нового политического языка и новых дискурсивных политических практик. Примерно об этом писал Ж. Бодрийяр, рассматривая практики СМИ в одной из своих работ. По его мнению, каждый кадр, каждая передача СМИ служит тестом — то есть они, в строгом соответствии со смыслом термина «тест», активируют в нас механизмы ответа в соответствии со стереотипами или аналитическими моделями. Информация масс-медиа больше не имеет общего с «реальностью фактов». Эта информация — результат отбора, монтажа, съемки, которые уже протестировали реальность, задали ей только те вопросы, которые были нужны, разложили реальность на простые элементы, а затем сложили заново. В результате таких креативных операций создания нового из уже имеющегося исходного материала можно добиться точного ответа на что угодно¹. Итак, главное в успешном (с точки зрения реализации поставленных перед коммуникатором задач) построении политического дискурса — «поймать ракурс», найти тот угол зрения, в рамках которого будут осуществляться номинации, депривации и т. п.

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С. 136.

Владимир Григорьевич Белоус

Доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Миссия интеллектуалов. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (1907–1917) и его историческое значение¹

Аннотация

Современный интеллектуал, возведя барьер между собой, с одной стороны, и государством и обществом — с другой, неизбежно одинок. Но вместе с тем этот факт заставляет его испытывать чувство гордости. Есть лишь один вопрос — обосновано ли оно? Найти ответ на него можно лишь обратившись к опыту прошлого. Проведенный в статье анализ деятельности Религиозно-философского общества, Религиозно-Философских Собраний и Вольного Философского Общества первой четверти XX века позволяет определить место и роль коммуникации или *совместного общения* интеллектуалов, а также их характер их миссии в этом мире.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллигенция, Религиозно-философское общество, Религиозно-Философские Собрания, Вольное Философское Общество, коммуникация, общение.

В современных публикациях, тематически коррелирующих с приведенным выше заголовком, слово «интеллектуал», как правило, употребляется в единственном числе. Что и не удивительно: в мире постмодерна интеллектуалы — либо неадаптированные социумом одиночки, либо в своей совокупности обезличенное *нечто*, плохо поддающееся описанию. Интеллектуал сегодня пребывает вне политического общения, чем весьма и весьма гордится. Его место, согласно знаменитой аристотелевской типологии, — вне полиса, хотя он, конечно, никакой не «сверхчеловек»². Конъюнктурной современности противостоит знание исторической традиции. Точкой отсчета настоящему служит прошлое: это обстоятельство позволяет не столько сравнивать, сколько отчетливо понимать, какими *мы* никогда уже не будем. Перенесемся на сто лет назад с тем, чтобы взглянуть на миссию наших предшественников — людей, «обладающих высоким интеллектом», или людей, «занимающихся умственным трудом» — так интерпретируют понятие «интел-

¹ Данная работа выполнена в рамках проекта «Современные концепции политического образования: Запад и Россия. Опыт сравнительного анализа».

² Ср.: «...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...» (Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4-х т. — Т. 4. — М., 1983. — С. 378).

лектуал» современные словари.

«Информационным поводом» для размышлений такого рода являются вышедшие в свет материалы Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде), опубликованные в издательстве «Русский путь»¹. Книга объемная, трехтомная, во всех смыслах тяжелая, своим содержанием, своей физической массой и даже своей ценой, очевидно, не для каждого подъемная. Дополнительный вес (вполне в духе нашего постмодернистского времени) придает ей напутственное слово Президента России о значимости культурного наследия страны в целом и материалов РФО, в частности. Книга состоит из стенограмм отдельных заседаний Общества, которые либо были опубликованы в свое время, либо хранились в виде архивных единиц в Российском государственном архиве литературы и искусства. Доклады и прения хронологически распределены по трем томам: 1907–1909; 1909–1914; 1914–1917. Издание сопровождается вступительная статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии». Каждый том содержит подробные комментарии к текстам стенограмм, а заключительный — еще и аннотированный список участников заседаний РФО, подготовленный С. М. Половинкиным. Для полноты обзриваемой картины к трехтомнику следует присоединить *четвертый* том — книгу А. А. Ермичева «Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний» (СПб.: Издательство СПб ун-та, 2007). Это издание, которое вышло двумя годами ранее и в буквальном смысле поспело к столетнему юбилею, существенно расширяет границы наших представлений о РФО детальнейшей росписью всех его заседаний, многочисленными материалами из периодических изданий, а также публикацией Устава РФО и нескольких списков его действительных членов и членов-соревнователей.

Деятельность Религиозно-философского общества пришлось на самое горячее — предреволюционное — десятилетие «серебряного века» — эпохи *практического идеализма*². В те времена не политика «заказывала» идеи, а идеи определяли политику. Сами политики были, прежде всего, идеологами, а вовсе не «технологами» или «менеджерами». Люди, убежденные в том, что мир подлежит тотальному изменению, питали надежду, будто власть может прямо опосредоваться их индивидуальной волей и дело заключается в ма-

¹ См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ермишина О. Т., Коростелева О. А., Хачатурян Л. В. и др. — М.: Русский путь, 2009. — Т.1: 1907–1909. — 680 с.; Т.2: 1909–1914. — 600 с.; Т.3: 1914–1917. — 656 с.

² Подробнее см.: Белоус В. Г. Вольфила, или кризис культуры в зеркале общественного самосознания. — СПб.: Мирь, 2007. — С. 17–37; а также: Белоус В. Г. Практический идеализм в российской общественно-политической традиции 1900–1920 гг. // Политэкс: Альманах. — СПб., 2005. — С. 36–49.

лом: в одухотворении этой воли самосознанием, в задании ей верного праксеологического алгоритма, в точном следовании декларируемым принципам. Наконец, сам политико-идеологический процесс был органической *частью* общекультурного движения. Интеллектуалы того времени именовали себя «интеллигенцией», совершенно по-разному интерпретируя ее трансцендентальную миссию: от тотальной политической ангажированности до максималистского индивидуального выбора действия.

Религиозно-философское общество (1907–1917) — центральный элемент знаменитой триады, включающей также Религиозно-Философские Собрания (1901–1903)¹ и Вольную Философскую Ассоциацию (1919–1924)². Изначальное подобие задач, сформулированных этими объединениями, позволяет считать сущностной характеристикой эпохи — поливариантный и в то же время целостный эксперимент, сориентированный на совершенную *коммуникацию*. В самом начале нового века с инициативой по конституированию особого социального и духовного жизненного пространства выступил ограниченный круг одаренных личностей, соединенных друг с другом тесными дружескими узами. РФС были инициированы группой, общим мировоззрительным знаменателем которой являлся «христианский идеализм». Хотя представители духовенства принимали активное участие в дискуссиях, наступательные позиции все же принадлежали светской стороне. Возможно, как раз по этой причине искомое взаимодействие в рамках Собраний не сложилось: представители враждующих сторон разошлись непримиренными.

Несколько лет спустя тот же самый инициативный кружок учредил Религиозно-философское общество. Одни из его участников мечтали отгородить «себя от всякого академического духа» и превратить объединение в место «встречи *верующих* людей, а не людей религиозно-осведомленных, не ученых, для которых религия есть пережиток старины, любопытный только для исследователей и исследования», а «всех ищущих религиозной истины»³. Другие, ориентированные на так называемую «религиозную общественность», были озабочены формированием собственной организации по образу и подобию «церкви». Уже в силу раздвоения институциональных интенций РФО несло в себе противоречивые черты. Характер взаимоотношений инициаторов Религиозно-философского общества и публики был, по существу, предопределен уже самим фактом идейного ригоризма его руководителей, которые отводили слушателям пассивную роль. Очевидным признаком коммуникативного самораспада этого сообщества стало исключение в 1914 году из его членов В. В. Розанова — самого яркого «инакомысля-

¹ См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Общ. ред. Половинкина С. М. — М.: Республика, 2005. — 543 с.

² См.: Белоус В. Г. Вольфила (Петроградская Вольная философская ассоциация): 1919–1924 : В 2 кн. — М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. — Книга первая: предыстория, заседания. — 848 с.; Книга вторая: хроника, портреты. — 800 с.

³ Розанов В. В. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. — М.: Республика, 2003. — С. 224–225.

щего» идеалистического движения.

Чем более зрелыми становились институты общения, тем сильнее внутри них обострялись идейные противоречия. В ситуации коммуникативного распада каждый воевал с каждым, претендуя на истину в последней инстанции, усиленно пытаясь оградить себя и своих сподвижников от влияния неразумных собратьев по еще недавно единому идеалистическому лагерю. Не случайно Вольная Философская Ассоциация (Вольфила), ведомая утопическим идеалом философского *содружества*, возникла во многом как коммуникативная альтернатива Религиозно-философскому обществу. В конечном итоге каждое из этих объединений — и РФС, и РФО, и ВФА — потерпело свое историческое «поражение». И, несмотря на это, все они исполняли и исполнили общую миссию, являясь центрами общественного самосознания. Уроком их деятельности может служить простая максима: люди, желающие утвердить принцип осмысленной жизни в качестве первостепенного условия собственного *политического* существования, должны *совместно* философствовать.

Александр Вахтангович Гегечкори

Доцент, заместитель начальника кафедры социальных и правовых дисциплин Академии ВВ МВД Украины

Елена Викторовна Поступная

Аспирант кафедры социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Применение системного подхода к исследованию высшего образования как объекта государственного управления в Украине

Аннотация

Анализируются организационно-структурные формы, в которых осуществляется управленческая деятельность в сфере высшего образования в Украине. Рассматриваются правовые основы её функционирования, а также иерархия системы, включающая высший, центральный и региональный уровни.

Ключевые слова: система высшего образования, Украина, украинское законодательство, системный подход.

На протяжении последних десятилетий высшее образование является объектом исследования украинских авторов. Это объясняется следующим: во-первых, после провозглашения независимости Украины, перенесенная историческая трансформация в политической, экономической, социальной сферах и идеологии привела к изменениям в социальных приоритетах страны,

включая образование; во-вторых, система высшего образования способствует переходу к информационному обществу, а молодое поколение, которое получило высшее образование, является основным стратегическим резервом страны в осуществлении социально-экономических реформ; в-третьих, вступление Украины в Болонский процесс с целью улучшения национальной системы высшего образования, поиска и внедрения наилучших мировых достижений в образовании и науке, обязывает руководство страны проводить модернизацию образовательной сферы.

В основном все авторы, исследующие данную проблему, используют логические методы познания, а именно — системный подход. Такой подход «сосредотачивается на организационно-структурных формах, в которых осуществляется управленческая деятельность, и рассматривает организацию как целостное явление, все составляющие которой взаимосвязаны целями, функциями, принципами, методами, структурами, процессами, кадрами и ресурсным обеспечением»¹. Именно системный подход лучше раскрывает сущность системы образования и его функциональность. Благодаря этому можно исследовать взаимодействие управляемой и управляющей систем, в основе которых субъект в условиях изменений пытается приспособиться к объекту. В этом случае объект остается неизменным. Это особенно касается современных трансформаций, которые происходят в высшем образовании. Мы поддерживаем точку зрения, что «системный подход к управлению образованием — это познавательный метод (инструмент познания) и способ преобразования (изменения) в этой отрасли»². Таким образом, системный подход позволяет рассматривать систему образования в целом и высшее образование в частности как целостную систему, которая находится в постоянном взаимодействии подсистем как на микроуровне (внутри системы), так и на макроуровне (взаимодействие с внешней средой).

Как объект государственного управления, образование, согласно украинскому законодательству³, представлено системой, которую составляют: учебные заведения, научные, научно-методические и методические учреждения, научно-производственные предприятия, государственные и местные органы управления образованием, а также самоуправление в области образования. Вместе с тем отрасль высшего образования, согласно Закону Украины «О высшем образовании», представлена: высшими учебными заведениями всех форм собственности; другими юридическими лицами, которые предоставляют образовательные услуги в отрасли высшего образования; органами, которые осуществляют управление в этой отрасли.

¹ Словник термінів і понять з державного управління / Малиновський В. Я. — К.: Атіка, 2005 — С. 188.

² Колісніченко Н. М. Взаємозв'язок державного регулювання та механізмів самоорганізації в управлінні вищою освітою : дис. ...канд. наук з держ. упр. : 25.00.02 — К., 2003. — С. 11.

³ См.: Про освіту. Закон України від 23 травня 1991 р. № 1060-ХІІ // Освіта України. Збірник законів. Довідкове видання. — Х.: Вид-во «Бурун Книга», 2007. — С. 3–46.

Следует заметить, что государственное управление высшим образованием имеет свою специфику, то есть совокупность особенных качеств, признаков, которые свойственны только этой отрасли. Специфика управления образованием состоит в особенностях предмета (субъекта управления, то есть руководителя учебного заведения или учреждения), продукта труда (информации об учебно-воспитательном процессе), орудия труда (слово, речь) и результатов деятельности менеджера образования (уровень грамотности, воспитанности и развития учащихся)¹. Управление образованием — это «осознанное взаимодействие с другими людьми, направленное на обеспечение их активного и скоординированного участия в достижении поставленной цели»². Таким образом, стратегическая цель управления образованием состоит в создании благоприятных условий для саморазвития и самоактуализации личности — участника учебно-воспитательного процесса. Именно система органов исполнительной власти позволяет функционировать и развиваться отрасли высшего образования в пределах государства.

Государственные органы управления образованием представляют собой иерархичную систему руководящих структур, находящихся на высшем, центральном, региональном, областном и районном уровнях³. В управлении высшим образованием Украины принимают участие только первые три уровня, каждый из которых имеет определенные полномочия для реализации государственной образовательной политики:

- на высшем уровне определяются цели, задачи, механизмы реализации государственной образовательной политики, разрабатываются законопроекты, нормативно-правовая база функционирования и развития образования;
- центральный уровень, возглавляемый Кабинетом Министров Украины, осуществляет управление образованием через Министерство образования и науки Украины, министерства и ведомства, которым подчиняются учебные заведения образования, Высшую аттестационную комиссию Украины. Названные государственные органы реализуют государственную образовательную политику, осуществляя контроль над ее воплощением и соблюдением законодательных актов в отрасли высшего образования, разрабатывает программу развития высшего образования и его стандарты, определяет нормативы материально-технического, финансового обеспечения высших учебных заведений. Кроме того, совершает аналитическо-прогностическую деятельность в отрасли высшего образования, определяет тенденции и стратегические направления ее развития, осуществляет организацию и контроль над учебно-воспитательной, учебно-методической и научной деятельностью

¹ Теорія та практика менеджменту в освіті : навч. посіб. / Крижко В. В. — К.: Освіта України, 2005 — С. 30.

² Менеджмент і маркетинг освіти : навч.-метод. посіб. / Мороз І. В. — К.: Освіта України, 2006 — С. 19.

³ Енциклопедія освіти / Акад. пед. наук України; головний ред. Кремень В. Г. — К.: Хрінком Інтер, 2008. — С. 176.

высших учебных заведений и т. д.;

- региональный уровень — Совет министров Автономной Республики Крым, местные органы государственной исполнительной власти и органы местного самоуправления — устанавливают размеры бюджетного финансирования высших учебных заведений государственной и коммунальной форм собственности, обеспечивают исполнения государственных программ в отрасли высшего образования, а также осуществляют социальную защиту участников учебного процесса, обеспечивают развитие сети высших учебных заведений, укрепление материальной базы, хозяйственного обслуживания заведений. Кроме того, они изучают потребности в специалистах на местах и выносят предложения относительно размеров государственного заказа на подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов, привлекают предприятия, учреждения, организации для решения проблем развития высшего образования, содействуют трудоустройству выпускников высших учебных заведений¹.

Таким образом, государственные органы, непосредственно руководящие высшим образованием в Украине, составляют целостную систему менеджмента данной отрасли, объединяющую в себе как управляемую, так и управляющую подсистему и функционирующую для достижения позитивного результата.

Следует отметить, что на региональном уровне управления высшим образованием существует своя специфика, которую предопределяет конкретная территориальная организация материальной и экономической базы социальных отношений, а также хозяйственные, культурные, этнические, социальные и демографические особенности. Все это необходимо учитывать субъекту (региональному органу власти) во время управленческой деятельности.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что системный подход при решении вопросов, связанных с государственным управлением высшим образованием, ориентируется на рассмотрение высшего образования как целостной системы, которая состоит из взаимосвязанных элементов; установление взаимосвязей и взаимодействий этих элементов на микро- и макро- уровнях и их влияние на определенный позитивный результат; деятельность государственных органов руководства в отрасли высшего образования как субъектов и объектов управления.

Библиография

1. *Энциклопедія освіти / Акад. пед. наук України ; головний ред. Кремень В. Г. — К.: Хрінком Інтер, 2008. — 1040 с.*
2. *Колісніченко Н. М. Взаємозв'язок державного регулювання та ме-*

¹ См.: *Энциклопедія освіти / АПН України ; головний ред. Кремень В. Г. — К.: Хрінком Інтер, 2008. — 1040 с.; Про вищу освіту. Закон України від 17 сянчі 2002 р. № 2984-III // Вища освіта. Нормативно-правові акти про організацію освіти у вищих навчальних закладах III-I рівнів акредитації / За ред. Панова М. І. — Х.: Право, 2006. — С. 7–35.*

- ханізмів самоорганізації в управлінні вищою освітою : дис. ...канд. наук з держ. упр : 25.00.02 — К., 2003. — 201 с.
3. Крижко В. В. Теорія та практика менеджменту в освіті : навч. посіб. / Крижко В. В. — К.: Освіта України, 2005 — 256 с.
 4. Словник термінів і понять з державного управління / Малиновський В. Я. — К.: Атіка, 2005 — 240 с.
 5. Менеджмент і маркетинг освіти : навч.-метод. посіб. / Мороз І. В. — К.: Освіта України, 2006 — 144 с.
 6. Про вищу освіту. Закон України від 17 сянчі 2002 р. № 2984-III // Вища освіта. Нормативно-правові акти про організацію освіти у вищих навчальних закладах III-I рівнів акредитації / За ред. Панова М. І. — Х.: Право, 2006. — С. 7–35.
 7. Про освіту. Закон України від 23 травня 1991 р. № 1060-XII // Освіта України. Збірник законів. Довідкове видання / За ред. Борисенка С. О. — Х.: Вид-во «Бурун Книга», 2007. — С. 3–46.
-

Юлія Вікторівна Ігнатенко

Студентка факультета політології Московського державного університету ім. М. В. Ломоносова¹

Сложность изучения феномена политической культуры

Аннотация

В статье рассматриваются трудности изучения политической культуры: нерешенность вопроса об авторстве, времени появления термина и о его содержании, неоднозначность трактовки явления в современном глобальном мире, факт неумовності и абстрактности проявлений политической культуры, научная неразработанность и молодость понятия, неизученность природы политической культуры, проблема адекватности и обоснованности критериев оценки уровня политической культуры, междисциплинарность исследования феномена.

Ключевые слова: концепция политической культуры, ценностно-нормативная система, деятельностный аспект, общегуманистическое содержание, междисциплинарность подхода.

Появление концепции политической культуры относится к началу второй половины XX столетия, хотя, по мнению ряда исследователей, данный термин был впервые употреблен еще немецким философом-просветителем XVIII века Иоганном Гердером, а многое из того, что в настоящее время ас-

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко**.

социруется с политической культурой, описывалось еще мыслителями древности¹. Вопрос об авторстве усложняется еще и тем, что, согласно одним источникам, понятие «политическая культура» впервые появилось в работе американского ученого Х. Байера «Системы правления европейских государств» (1956 г.)²; другие же связывают рождение понятия с выходом в свет статьи политолога (тоже американского и в том же 1956 году) Г. Алмонда «Сравнительные политические системы»³. В связи с этим встает вопрос о содержании, которое вкладывалось в данное понятие. Ведь на протяжении всего процесса разработки концепта политической культуры в науке сложилось более 40 различных определений, множество разных подходов относительно трактовки содержания, состава, структуры политической культуры и т. д. Согласно классическому определению, данному Г. Алмондом и С. Вербой, политическая культура представляет собой «разнообразные, но устойчиво повторяющиеся, когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее аспектов «на входе» и «на выходе», и себя как политического актора». Однако данная интерпретация обнаружила ряд уязвимых черт, на которые указали другие исследователи: во-первых, в таком случае не выявляется функциональный план самих политических институтов; во-вторых, не рассматривается чрезвычайно важный поведенческий аспект этой стороны политики; в-третьих, не специфицируется собственно автономное качество политической культуры как ценностно-нормативной системы⁴. Использование емкого, но в значительной степени «скользящего» понятия «ориентации» разделило дальнейших разработчиков концепта политической культуры на два «лагеря». Одни видят в содержании политической культуры лишь систему знаний, чувств, оценок и других ментальных категорий. Другие же включают в политическую культуру также и образцы поведения, т. е. выделяют деятельностный аспект политической культуры. Таким образом, нерешенной остается проблема более или менее однозначной трактовки данного многогранного и неоднозначного феномена.

Остается открытым вопрос: какой смысл вкладывал автор в данный термин, а, следовательно, и кто автор, и какое содержание актуально видеть в понятии «политическая культура» сегодня, в связи с новыми реалиями и

¹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 306.

² Колоткин М. Н. Политология: Учебно-метод. пособие для студентов всех форм обучения. — Новосибирск: Сибирская государственная геодезическая академия, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.inep.ru/Module/files/1_094.zip (дата обращения: 12.07.2009).

³ Гаджиев К. С. Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. — М.: Сорос — Международные отношения, 1994. — С. 334.

⁴ Колмакова Н. Н. Политическая культура [Электронный ресурс]. // Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого : [сайт]. URL: <http://tspu.tula.ru/res/other/politolog/lec11.html> (дата обращения: 12.07.2009).

проблемами как глобального масштаба, так и местного значения? Данные проблемы имеют, в первую очередь, научно-теоретический характер, так как изменение трактовки того или иного явления, особенно в современном глобальном мире, по мере ускорения процессов в обществе, закономерно вследствие необходимости корректировки подходов в соответствии с изучаемой действительностью.

Для современного исследователя феномена политической культуры большую сложность составляет сам факт сложности и неоднозначности данного явления. Несмотря на всю важность исследований, преградой становится неуловимость и абстрактность существования и проявления политической культуры, у которой не существует никаких механизмов контроля, кроме ограничений человеческого сознания. Анализ политической культуры и ее эффективное использование в качестве важного индикатора уровня развития, стабильности в обществе и т. д., затрудняется вследствие научной неразработанности данного направления политологических исследований, молодости понятия и неизученности всей многогранной природы политической культуры того или иного общества. В науке сохраняются разногласия по вопросу адекватной оценки и правильного способа измерения уровня политической культуры. В современной литературе встал вопрос о наличии общегуманистического содержания политической культуры: рассматривать ли фашистские, расистские или шовинистические движения, практики геноцида и терроризма, охлократию и тоталитарный диктат властей, не способных поддерживать и расширять культурное пространство в политической жизни любого общества, как формы политической культуры? Разделение политической культуры по степени охвата электората на высокую и массовую, как правило, сопровождается спором о том, должна ли культура (в том числе и политическая) идти «на поводу у толпы» или она должна «подтягивать» массы к пониманию «высокой» политической культуры¹. Сравнительные исследования политических культур обычно вызывают разногласия относительно обоснованности критериев оценки уровня развития политической культуры в той или стране; результаты подобных изысканий могут ставиться в ущерб репутаций различных народов и негативно сказываться на их статусе на международной арене. Немалые трудности встают, таким образом, как в отношении методологии исследования, так и в аспекте трактовки и практического применения их результатов. Сам же факт междисциплинарности подхода к категории политической культуры, существования данного феномена на стыке двух сфер жизнедеятельности общества, несмотря на дополнительные трудности, может быть использован во благо посредством расширения спектра методов и подходов изучения политической культуры.

¹ Глущенко В. В. Политология: системно-управленческий подход. — М.: ИП Глущенко В. В., 2008. — С. 67.

Библиография

1. *Гаджиев К. С.* Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. — М.: Сорос — Междунар. отношения, 1994. — 400 с.
 2. *Глуценко В. В.* Политология: системно-управленческий подход. — М.: ИП Глуценко В. В., 2008. — 160 с.
 3. *Колмакова Н. Н.* Политическая культура [Электронный ресурс] // Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого : [сайт]. URL: <http://tspu.tula.ru/res/other/politolog/lec11.html> (дата обращения: 12.07.2009).
 4. *Колоткин М. Н.* Политология: Учебно-методическое пособие для студентов всех форм обучения. — Новосибирск: Сибирская государственная геодезическая академия, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.iner.ru/Module/files/1_094.zip (дата обращения: 12.07.2009).
 5. *Пугачев В. П., Соловьев А. И.* Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 447 с.
-

Татьяна Николаевна Краснопольская

Соискатель кафедры социальных теорий Одесской национальной юридической академии¹

Стратегии гражданского общества и модели его взаимодействия с государством

Аннотация

В статье рассмотрены три стратегии гражданского общества (в зависимости от типа государства), кратко рассмотрены исторические подходы к соотношению гражданского общества и государства, а также выделены две современные модели взаимодействия гражданского общества и государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, политическая активность, американская модель, европейская модель.

На современном этапе процесс утверждения гражданского общества как общечеловеческой ценности и значимого политико-правового института окончательно не завершён, не выработано устойчивого определения данного феномена, не установлены четкие границы его взаимодействия с политической, государственной сферами.

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, заведующая кафедрой социальных теорий Одесской национальной юридической академии, профессор Людмила Ивановна Кормич.

Проблемы, касающиеся основ соотношения государства и общества приковывали к себе внимание философов, историков, юристов практически на всех этапах становления и развития политико-правовой мысли. В *античный период* государство воспринимали как коллективность особого рода, возникшую ради потребности жизни, но существующую как самодовлеющее состояние общества (Аристотель, Платон, Сократ, Цицерон). В *средневековье* выделяются теологические концепции соотношения общества и государства А. Августина и Ф. Аквинского. Эти мыслители в политико-правовой сфере придерживались сходных с античными авторами воззрений — изначального предназначения человеческого сообщества для служения государственным (определенным Божественной волей) интересам. Дальнейшая эволюция представлений о взаимодействии государства и общества обусловлена становлением концепций *естественного права либеральной доктрины* (Г. Гроций, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо и др.). Здесь появляется идея о служебной функции государства, его рассматривают как инструмент, при помощи которого общество обеспечивает реализацию своих интересов. На этом этапе формируются взаимодополняющие концепции гражданского общества и правового государства. В *постсоветской юридической мысли* при обращении к вопросу о соотношении институтов гражданского общества и государства акцент делался на ценностях духовно-нравственного характера (Н. Н. Алексеев, П. Е. Астафьев, И. А. Ильин, В. С. Соловьев и др.).

Исходя из исторического опыта и современности выделяются три стратегии гражданского общества, соответствующие трем типам государства.

Первая возникает, когда государство выполняет свои функции как сугубо политический институт, инструмент властвования. Его задача: укрепление позиций достигшей власти группы, т. е. легитимности правящего режима. Взаимодействие государства с гражданским обществом строится по принципу властвования и подвласности.

Конкретные формы активности гражданского общества здесь зависят от типа политического режима. В тоталитарном режиме она может быть полностью устранена, в демократическом — проявляется через деятельность политических партий, групп интересов, электоральной активности граждан.

Вторая образуется, когда государство имеет главной целью урегулирование и упорядочение социальных взаимоотношений людей. Тут мы сталкиваемся с отношениями управляющих и управляемых. Гражданское общество представлено людьми, вступающими в ассоциацию друг с другом не для диалога с властью, а для самостоятельной реализации собственных интересов в различных сферах.

На Западе такая активность опирается на доминирующий в обществе средний класс. В Украине же в настоящее время деятельность структур гражданского общества определяется соперничеством низкодоходных групп и крупных капиталистов. Средний класс в Украине окончательно еще не оформился, поэтому мало оснований для утверждений о сформированности гражданского общества. Сейчас наблюдается предварительное, начальное

формирование общественных структур, способных регулировать социальные процессы без помощи государства. Главные задачи общественности на современном этапе: создание условий, способствующих более активному формированию гражданских объединений, их вовлечению в сферу управления социальными процессами; препятствие их криминализации и т. д.

Суть третьей стратегии заключается в том, что государство может выступать как парapolитическое объединение граждан, как совокупность специфических, иерархизированных организаций, задача которых состоит в реализации интересов общества и оказывающих людям конкретные практические услуги. Гражданское общество контактирует с государством даже не как партнер, а как получающий услуги клиент. Такой тип государства характерен развитым индустриальным странам (Великобритании, например).

В Украине деятельность государственных учреждений пока чаще негативно стимулирует активность населения по защите своих прав. Поэтому в реформировании государственных учреждений и совершенствовании стиля деятельности государственной бюрократии содержится огромный потенциал для становления и развития гражданского общества Украины.

Соответственно стратегиям гражданского общества выделяют две модели его взаимодействия с государством: американскую и европейскую. Они соответствуют двум типам демократий. Первым является либерально-конституционная модель, для которой характерно гражданское общество; она воплощена в политической и конституциональной системе США. Ее особенности: разделение властей, институционализированное вето, двухпалатный парламент. Это все формирует механизм взаимосвязей между государством и обществом (т. е. общественную политику). В это время партии функционируют как электоральные аппараты, которые выдвигают кандидатов на выборы. В межвыборный период наиболее значительно влияют на власть внепартийные объединения (гражданские ассоциации, группы специальных интересов, лоббирующие конкретные отрасли, регионы, экологические движения и т. д.). Но они, в отличие от партий, не столь массовы и несут тематический характер.

В Европе этот механизм принадлежит партиям. Группы давления действуют или через партии, или через механизмы выхода непосредственно на правительство. Это вторая модель — модель суверенной демократии, основанная на власти народа.

Система украинской демократии ближе к европейской модели. Но в связи с глобализацией общественных отношений происходит трансформация европейской модели: возрастающая роль масс-медиа, формирование влияния на политику различного рода гражданских и неправительственных объединений. И сегодня проблема для изменяющихся европейских общественных систем заключается в том, чтобы найти оптимальное сочетание между традиционными партийными и общественными институтами в их влиянии на институты представительной демократии. Это касается и Украины.

Библиография

1. *Зинченко Г. П.* От администрирования к менеджменту // Полис. — 1996. — № 1 — С. 165–166.
 2. *Карасев В. А.* Между американской и европейской моделями [Электронный ресурс] // Всеукраинская газета «День» : [сайт]. [2002] URL: <http://day.kiev.ua/43558/> (дата обращения: 04.07.2009).
 3. *Кравченко И. И.* Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. — 1991. — № 5. — С. 128–138.
 4. Політологія. Кінець XIX — перша половина XX ст.: Хрестоматія / За ред. Семківа О. І. — Львів: Світ, 1996. — 800 с.
 5. Політологія: історія та методологія / За ред. Кирилюка Ф. М. — К.: Здоров'я, 2000. — 632 с.
 6. *Пугачев В. П.* Политология. Справочник студента. — М.: Филологическое общество «СЛОВО», ООО «Издательство АСТ», 1999. — 576 с.
-

Светлана Владимировна Крестовская

Соискатель кафедры теории государства и права и политологии Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Идея разделения власти Петра Великого в документах и указах

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению идеи разделения властей, на основе которой строилась созданная Петром Первым в XVII–XVIII вв. политическая система России. Разделение властей в России Петром Великим автор обосновывает на анализе документов, рукописей и мнениях ученых XVIII–XIX веков.

Ключевые слова: власть, исполнительная власть, законодательная власть, судебная власть, Петр Первый, петровские реформы.

«Все собрание..., говорит протокол заседания бывшего все еще под председательством Аббата Биньона, решило единогласно и без балотировки признать Царя (Петра Алексеевича Романова – прим.авт.) академиком “hors de tout rang” и возложило на президента всепокорнейше возблагодарить Его Величество от имени всей академии»².

Семнадцатый век внес в понятие государственной власти новые коррективы, обусловленные практикой управления государством. Впервые «теория

¹ Научный руководитель: доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ, профессор **Михаил Николаевич Марченко**.

² Голицын А. П. Петр I — член Парижской академии наук. — Berlin: A. Asher & Co.; Paris: A. Franck; London: Trubner & Co., 1859. — P. 7.

разделения властей» была обозначена английским философом-эмпиристом Джоном Локком (1632–1704 гг.) в конце XVII века. «Славная революция» закончилась Актом «Билль о правах»¹ 1689 года, что положило начало практике разделению власти между королем и парламентом, дабы снизить вероятность концентрации управляющих нитей в руках одной из социальных групп.

Идея разделить свою власть возникла у молодого царя Петра Алексеевича Романова (30.05.1672–28.01.1725 гг.) при посещении Англии в 1697–1698 годах, где тот интересовался достижениями науки и искусства, политическим устройством английского государства, познакомился с лучшими умами своего времени. Этого требовали интересы русского государства, которое перед административными реформами Петра Великого, отставало от Западной Европы в науке, просвещении, политическом устройстве. Реализации идеи способствовали **объективные политические причины**:

- 1) претензия на власть со стороны царевны Софьи;
- 2) кризис в отношениях с боярами в «невежестве утопавшими»²;
- 3) затяжная Северная война.

Один из способов просвещения общества Петр Великий видел в организации библиотек в Российском государстве. Так, например, в библиотеке князя Д. М. Голицына в Архангельском насчитывалось 6000 томов, были сочинения западно-европейских мыслителей: Макиавелли, Гроция, Дж. Локка, Пуффендорфа, Томазия и других. Владея многими иностранными языками, царь Петр Алексеевич изучал труды мыслителей, был хорошо осведомлен во многих областях знаний. Русский царь неоднократно приезжал в Париж, вел переписку с академиками Парижской академии наук по вопросам религии и науки.

В 1711 году Петр Великий посетил немецкого философа-рационалиста Г. В. Лейбница в г. Торгау (Германия). Протокол беседы Петра Великого, Меншикова и Лейбница был издан в Берлине, в 1861 году под названием «Петр Великий, Меншиков и Лейбниц, разговор, бывший в Торгау 1711 года»³. Собравшиеся на ту встречу царь и мыслители обозначили **предмет** обсуждения: народное просвещение и разделение самодержавной власти Петра Великого⁴. Г. В. Лейбниц поднял вопросы технологии и методов управления, отрицательно характеризуя правителей, которые «правят и обманом, правят

¹ Билль о правах [Электронный ресурс]. URL: http://legislator.narod.ru/txt/new/bill1689-1_main.html (дата обращения: 21.07.2009).

² См.: Петр I. Записная книжка любопытных замечаний великой особы странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. — СПб.: Типография Богдановича, 1788. — 50 с.

³ Петр Великий, Меншиковъ и Лейбницъ: разговоръ, бывший въ Торгау 1711 года. — Берлин: Типография Тровича и сына, 1861. — С. 14–17. (Прим. автора: до 1861 года протокол разговора был в рукописном варианте).

⁴ Там же. С. 7.

и дубиною»¹, не относя указанное к деятельности русского царя. Напротив, законодательной деятельности Петра Великого была дана высокая оценка. **Цель** поездки Петра Великого к Лейбницу состояла в том, чтобы построить правление, которым «охраняется счастье народное» и власти разделены так, «чтоб от разделения оных доставлено было последнему человеку средство избегать личного угнетения»².

Планировалось функционирование следующих ветвей власти:

1) законодательная: предписывает законы общие, но не судящая никого, и «до исполнения не касающаяся».

2) судебная: рассматривает споры по делам собственности и уголовные дела и не может издавать законы и применять силу.

3) исполнительная, в обязанности которой вменялось предотвращение «внешних опасностей» и охрана внутреннего покоя и порядка. При этом исполнительная власть не могла издавать законы и судить.

Философ Лейбниц дал наставление царю: «царствуй, не предписывая один законов, и не судя никого». Петр Великий обещал «наставление твердо помнить»³.

Князь Меншиков и философ Лейбниц подняли вопросы, затрагиваемые юристами и политологами на протяжении столетий, сопутствующие принятию разделения власти:

1) поддержание власти — силою; определение ситуаций, в которых насилие может быть применимо к народу, «познавшему свою силу»⁴.

2) административные реформы в управлении государством. Меншиков был сторонником организации многочисленных войск и полицмейстеров для охраны страны и внутреннего порядка.

На что Лейбниц возразил, что «охранены точно так и заключенные в тюрьме»⁵. Сила должна давать благо обществу и быть **для него** безвредною.

Одним из важных вопросов, обозначенных Лейбницем, был вопрос просвещения народа так, как «были просвещены государи в правлении самодержавном»⁶. До встречи с философом, Петр Алексеевич предпринял действия по просвещению высшего общества-дворян. Однако, просвещать все слои населения необходимо было для того, чтобы реформы царя Петра Великого были поняты людьми, чтобы таланты были раскрыты образованностью. Наследственный монарх Петр Великий, нашел 2 пути образовательного просвещения народа:

Первый — светский, при котором **любой холоп** мог повысить свой образовательный уровень бесплатно (в том числе, за границей), имея способность и желание учиться. Так, известно, что крестьянин Посошков смог реа-

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 10.

лизовать свои таланты в технических изобретениях и исследованиях по политической экономии. А холоп боярина Шереметьева — Курбатов, был принят благодаря своим талантам на государственную службу, на пост Архангельского Губернатора, с 1711 года заведовал императорской архи-канцелярией Сената. Молодой Федор Салтыков выполнял поручения царя Петра Первого в Лондоне. Ему принадлежал проект учреждения восьми академий и библиотек в восьми губерниях России, а также устройство женского образования — училищ. Петр Великий направлял офицеров русского флота для обучения во Францию, так как «приказные люди, повинны твердо знать юриспруденцию»¹.

Царь Петр Алексеевич перенял и внедрил английский обычай «общественного призрения»², суть которого состоит в том, что на церковные приходы возлагались обязанности по содержанию бедных, воспитанию и образованию незаконорожденных. Деятельность Петра Великого нашла поддержку у общества и была понята простыми людьми, считавшими царя «просветителем народа»³.

Русский царь приучал население к нравам и обычаям тех народов, среди которых он жил во время своих путешествий за границей. Требование Петра Великого носить кафтаны немецкие и бриться распространялось лишь на лиц, находящихся на службе при царском дворе⁴. Петр Первый основал Российскую академию наук в Санкт-Петербурге в 1723 году, а в 1724 году — университет.

Второй путь образования народа Петр Великий видел в **духовном** его просвещении, что выразилось в многочисленных Указах, разработанных Кабинетом Петра Великого и подписанных царем. Можно видеть активное влияние законодательной власти (Кабинета) на нормы обычного права, например, семейные. В Духовном регламенте, Указе «О невольном бракосочетании» от 5 января 1724 года, было «запрещено неволить в бракосочетании»⁵. Разрешалось венчать по церковному обычаю, если до обряда бракосочетания будет установлено наличие **воли** сторон, вступающих в брак. Необходимо было «прежде венчания брачных приводить родителей»⁶. В Указе «О взятии штрафа с неисповедавшегося» от 17 февраля 1718 года сочетались

¹ Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты / Павлов-Сильванский Н. П. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. — С. 29.

² Там же. С. 43.

³ Полежаев Т. Краткое описание Славных и Достопамятных дел Императора Петра Великого... — СПб.: Императорская Типография, 1788. — С. 7.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Указы Блаженные и вечностойные памяти Государя императора Петра Великого... / Напечатаны по указу Всепресветлейшей державнейшей великой Государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы Всероссийской. — СПб.: Императорской Академии Наук, 1739. — С. 784. См. также издание: Указы Петра Великого. — М.: Издательство «Ломоносов», 2009. — 1040 с.

⁶ Там же.

нормы религиозные со светскими требованиями к государственным служащим, суть которых состояла в том, что если разночинцы, поселяне, посадские люди, бурмистры и др. не являлись на исповедь более года «таких отнюдь ни в какие службы не выбирать»¹. Оригинальность действий Петра Великого в просвещении народа способствовала значительным результатам в развитии государства и общества, промышленности и наук.

Петр Великий разделил свою власть **добровольно**. Однако русский царь не стал копировать организацию государственной власти Англии. Механизм государственного управления был представлен институтами исполнительной (Правительствующий Сенат), законодательной (Кабинет Петра Великого) и судебной ветвей власти (надворные суды, суды высших и низших инстанций).

В 1722 году Петр Великий закончил Генеральный регламент и «повелел под смертною казною, чтобы все судьи от онаго не отдалялись»². Синод состоял из архиереев и обер-прокуроров. Церковный суд рассматривал дела, связанные с вопросами нравственности.

Исполнительная власть: Правительствующий Сенат. Указом от 22 февраля 1711 года был учрежден Правительствующий Сенат, действовавший на основании инструкции, утвержденной Петром Великим³. Сенат осуществлял надзор за судопроизводством. В 1712 году Г. В. Лейбниц представил проект об устройстве коллегий и Сената⁴.

Первоначально планировалось девять коллегий: Политическая коллегия, Военная коллегия, Финансовая коллегия, Полицейская коллегия, Юстиц-коллегия, Коммерц-коллегия, Ревизион-коллегия, Духовная коллегия, Вотчинная коллегия.

С 1718 года Сенату были поручены все дела, связанные с государственным управлением коллегиями и поступавшими на них жалобами. После реформ 1721–1723 гг., Петровский Сенат был высшим правительственным учреждением. Жалобы на коллегии подавались сенатскому секретарю, в обязанность которого входило передать ее Государю для резолюции. Жалобы по указу царя рассматривались всеми президентами коллегий совместно⁵. Петровский Сенат не был судебной инстанцией. В дальнейшем духовная коллегия была обозначена как Святейший Синод; возглавлял её светский чиновник — обер-прокурор. В 1722 году состав Сената был изменен путем **вы-**

¹ Там же. С. 78.

² См.: Петр I. Записная книжка любопытных замечаний великой особы странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. — СПб.: Типография Богдановича, 1788. — 50 с.

³ См.: Демченко Г. В. Судебный прецедент. — Варшава: Изд-во Варшавского учебного округа, 1903. — 244 с.

⁴ Попов Н. И. В. Н. Татищев и его время: эпизод из истории гос., обществ. и част. жизни в России, первой половины прошедшего столетия. — М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. — С. 12.

⁵ Там же. С. 54.

бора новых президентов. Прежних — оставили «сенаторами», которые должны были «непрестанно трудиться о распорядке государства и правом суде, и смотрели бы над коллегиями...»¹.

Законодательная власть: Кабинет Петра Великого. Членами Кабинета были царь Петр Алексеевич Романов, секретарь А. В. Макаров и, начальник канцелярии Иван Черкасов. «Инициатива, начало всех преобразований шло из Кабинета. Сенат был исполнителем распоряжений, шедших из Кабинета»². Законодательная власть в Кабинете реализовывалась коллегиально, но Указы подписывал царь Петр. Появлялось законодательство, подтверждавшее намерение Петра Первого разделить свою власть и снять с себя часть полномочий. Примером тому может быть Указ от 8 декабря 1714 г. «Императорскому Величеству не бить челом»³.

Судебная власть. Данную ветвь власти представляли судьи, должностные обязанности которых определялись инструкциями и Указами Петра Великого. Председатель суда именовался президентом. По свидетельству современников русского царя, Петр Первый «ввел новые суды»⁴. Судьями становились профессионалы из числа обученных во Франции офицеров. Судебная власть отделялась от административной и других ветвей власти. Происходил процесс совершенствования процессуальных норм, что нашло свое выражение в Указе «Каким образом челобитчикам поступать» от 22 декабря 1718 года (о процессуальных правах и обязанностях челобитчиков, т. е. истцов).

С 10 ноября 1721 г. суды руководствуются Указом «О введении в губерниях и провинциях надворных судов». «По провинциям и по городам учреждены суды и судьи..., а над ними всеми высший надворный суд в знатных губерниях учрежден будет, куда от нижних судов, ежели неправдою вершат, или волочить за срок будут, переносить против регламенту»⁵. Надворные суды первоначально были учреждены в Москве и в Санкт-Петербурге. В их

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 54.

³ Указы Блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя императора Петра Великого... / Напечатаны по указу Всепресветлейшей державнейшей великой Государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы Всероссийской. — СПб.: Императорской Академии Наук, 1739. — С. 104. См. также: Именной указ от 22 декабря 1718 года «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казнию» // ПСЗ-1. Т. 5. № 3261; Суд и расправа: полн. собр. новых законоположений по крестьян. делам и мировым судеб. учреждениям (выс. утв. 12 июля 1889 г.): В 2 ч. — М.: Тип. Ф. К. Иогансон, 1890. — 1 ч. — 383 с. — 2 ч. — 309 с.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Балакирева Л. М. Проекты создания новой судебной системы России (1718 г.) [Электронный ресурс]. // Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»: [сайт]. URL: <http://www.rostmuseum.ru/publication/sgm/013/balakireva01.html#prim/> (дата обращения: 21.07.2009). См. также: Именной указ от 22 декабря 1718 года «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казнию» // ПСЗ-1. Т. 5. № 3261; Суд и расправа: полн. собр. новых законоположений по крестьян. делам и мировым судеб. учреждениям (выс. утв. 12 июля 1889 г.): В 2 ч. — М.: Тип. Ф. К. Иогансон, 1890. — 1 ч. — 383 с. — 2 ч. — 309 с.

обязанность входило рассмотрение дел по тяжким преступлениям и на вступившие в силу приговоры нижних судов, когда нужно было «на галеру или смертную казнь подписать»¹. Были образованы ведомственные суды: военные, морские, при Адмиралтействе.

Петр Великий знал, что в ряде стран Европы существовали тюрьмы и полиция, однако при жизни великого русского царя полицейская коллегия не была реализована, а первая тюрьма появляется в России лишь к концу XVIII столетия. Основные виды наказания были: штрафы, публичные физические наказания, лишения званий и имений (для судей), выносивших незаконные и несправедливые приговоры, ссылки в Сибирь, на галерные работы, смертная казнь (за тяжкие преступления по действовавшим обычаям, Уложению Алексея Михайловича и Генеральному регламенту). Процессуальное законодательство совершенствовалось, но уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные нормы не отделялись в использовании. В обязанности суда входило производство розыскных и следственных действий, непосредственно судебный процесс и исполнение решений (приговоров) судей. Петр Алексеевич вел решительную борьбу со взяточничеством в Сенате и Судах. Административным путем им было разработано два пути предотвращения взяточничества.

1. В Сенате и коллегиях все дела решались совместно, даже требующие срочного вмешательства. Незначительные решения мог принимать «дежурный чиновник», однако свои действия он обязан был вписывать в дежурную книгу. Чиновникам запрещалось действовать без предварительного коллегиального обсуждения проблемы.

2. Всевозможные конфликты решались в судах. При этом взяточничество предупреждалось введением в судейский состав Президентов (председателей судов) и коллегиальным рассмотрением дел.

Петр Великий выдвинул идею преобразования государственного устройства России, в основу которого положено разделение властей. Теоретическое обоснование идеи, приемлемой для реалий русского государства начала XVIII века, было разработано совместно с Г. В. Лейбницем.

По мнению князя М. М. Щербатова, Россия Петра Великого по уровню политических, экономических, научных достижений опередила естественный ход своего развития на двести лет². Однако фраза сказанная в 1892 году, лишена полноты знаний, установленных в последующее время. Заслуги и знания Петра Алексеевича Романова по достоинству оценили только акаде-

¹ Что написано Петром // Власть. — 2003. — № 25. URL: <http://kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=392221> (дата обращения: 20.07.2009).

² Примерное времяисчислительное положение во сколько бы лет при наилучших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в какой она ныне есть в рассуждении просвещения и славы // Щербатов М. М. Соч.: В 2 т. / Под ред. Хрушова И. П. и Воронова А. Г. — СПб.: Изд. кн. Б. С. Щербатова, 1898. — Т. 2. — С. 13–22. URL: <http://pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=6015> (дата обращения: 20.07.2009).

мики Парижской академии наук, заочно, без проявления инициативы со стороны Петра Первого, избравшие его в свои члены в 1724 году. Подобная инициатива со стороны парижских академиков впоследствии не переросла в практику.

Государство Петра Великого уникально и таким останется во времени. Идея и практика реализации государственной власти не была угодна последующим представителям различных форм власти. Именно этим можно объяснить факт недоступности архивов для юристов, исследовавших опыт управления государством Петром Алексеевичем Романовым. По этому поводу известный русский ученый-юрист Н. М. Коркунов писал: «Не юристы, конечно, в этом виноваты: до последнего времени доступ в наши архивы был до крайности затруднен, а для многих и вовсе не возможен»¹.

Формирование государственной власти наследственным монархом Петром Алексеевичем Романовым имело свои особенности:

1) кабинет Петра Великого представлял **законодательную власть, суверенную по своей сути;**

2) **исполнительную власть** — представляло правительство (Сенат);

3) **судебную власть** — представляли суды различных инстанций.

Отличительной особенностью власти Петра Алексеевича Романова была высочайшая степень ответственности перед обществом, включая все его слои, пожертвование полнотой своей власти монарха ради процветания России. Русский царь Петр Алексеевич Романов инициировал основы конституционного строя в России первой четверти XVIII века без революционных потрясений и жертв своего народа.

Библиография

1. Билль о правах (The Bill of Rights) [Электронный ресурс]. URL: http://legislator.narod.ru/txt/new/bill1689-1_main.html (дата обращения: 21.07.2009).
2. *Балакирева Л. М.* Проекты создания новой судебной системы России (1718 год) [Электронный ресурс] // Ростовский Кремль : [сайт]. URL: <http://rostmuseum.ru/publication/srm/013/balakireva01.html> (дата обращения: 21.07.2009).
3. Именной указ от 22 декабря 1718 года «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казней» // ПСЗ-1. — Т. 5. — № 3261.
4. *Коркунов Н. М.* О Сенате в царствование Петра Великого. Историко-юридическое исследование Сергея Петровского // Журнал граждан-

¹ Коркунов Н. М. О Сенате в царствование Петра Великого. Историко-юридическое исследование Сергея Петровского // Журнал гражданского и уголовного права. — 1875. — Год пятый (книжка пятая). — Сентябрь-Октябрь. — С. 276. См. также: О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование / Петровский С. А. — М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1875. — 357 с.

- ского и уголовного права. — 1875. — Год пятый (книжка пятая). — Сентябрь-Октябрь. — С. 276–285.
5. Краткое описание Славныхъ и Достопамятныхъ дѣлъ Императора Петра Великаго, Его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій въ разныя Европейскія Государства, со многими важными и любопытства достойными произшествіями, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ Генераль-Фельдмаршала и Кавалера Россійскихъ и Мальтійскаго орденовъ Графа Бориса Петровича Шереметева, боярина Ѳедора Алексѣевича Головина, и самого сего Великаго Императора съ Россійскимъ Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, съ Шведскимъ Королемъ Карломъ XII, Израильскимъ Царемъ Соломономъ и Греческимъ Царемъ Александромъ. — СПб.: Императорская Типография, 1788. — 104 с.
 6. О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование / Петровский С. А. — М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. — 357 с.
 7. Петр Великій, Меншиковъ и Лейбницъ: разговоръ, бывшій въ Торгау 1711 года. — Берлин: Типография Тровича и сына, 1861. — 20 с.
 8. Примерное времяисчислительное положение во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до то-го состояния, в какой она ныне есть в рассуждении просвещения и славы // Щербатов М. М. Сочинения: В 2 т. / Под редакцией Хрущова И. П. и Воронова А. Г. — СПб.: Издательство князя Щербатова Б. С., 1898. — Т. 2. — С. 13–22. URL: <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6015> (дата обращения: 20.07.2009).
 9. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты / Павловъ-Сильванскій Н. П. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. — 240 с.
 10. Суд и расправа: полн. собр. новыхъ законоположеній по крестьян. делам и мировымъ судеб. учреждениямъ (выс. утв. 12 июля 1889 г.): В 2 ч. — М.: Тип. Ф. К. Иогансон, 1890. — 1 ч. — 383 с. — 2 ч. — 309 с.
 11. Указы Блаженныя и вечнодостоинныя памяти Государя императора Петра Великаго самодержца Всероссійскаго, состоявшіеся с 1714, по кончину Его императорскаго Величества, Генваря по 28 число, 1725 году / Напечатаны по указу Всепресветлейшей державнейшей великой Государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы Всероссійской. — СПб.: Императорской Академии Наук, 1739. — 1022 с.
 12. Указы Петра Великаго. — М.: Ломоносов, 2009. — 1040 с.
 13. Что написано Петромъ // Власть. — 2003 — № 25 (30 июня). URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=392221/> (дата обращения: 20.07.2009).

Евгений Александрович Минаев

Студент факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого¹

Антидемократические политические режимы в XX веке: отдельные модели и их эволюция

Аннотация

Рассматриваются исторические предпосылки формирования и существенные особенности трех основных моделей антидемократических политических режимов: авторитарных традиционного и мобилизационного и тоталитарного мобилизационного. Показываются опасности, присущие таким формам взаимодействия государства и общества, а также демонстрируется возможная преемственность в их развитии.

Ключевые слова: политический режим, авторитаризм, тоталитаризм, традиционная модель, революционная модель, мобилизационная модель.

Под политическим режимом мы понимаем способ взаимодействия государства и общества. Такой подход позволяет избежать формального взгляда на проблему и проследить двусторонние связи между государством и обществом. Наши основные «переменные величины» — цели, которые стоят перед системой в данных конкретно-исторических условиях; и средства, используемые государством для их достижения.

Любая модель политического режима успешно функционирует до тех пор, пока отвечает задачам, стоящим перед обществом в каждый конкретный исторический момент. Исходя из этого, мы выделили несколько моделей антидемократических режимов, существовавших в XX веке. Такая классификация не может претендовать на статус полной или единственно верной — но в нашем исследовании она показала себя полезной.

1. Традиционная модель.
2. Революционная модель.
3. Мобилизационная модель.

Традиционная модель политического режима соответствует традиционному обществу, революционная — периоду слома старого строя и становлению нового; мобилизационная — служит способом вывода страны из глубокого кризиса и модернизации. В традиционной классификации мобилизационная модель соответствует тоталитаризму, остальные — авторитаризму.

Традиционная модель пришла в XX век из Средневековья, является наиболее древней и долговечной в истории. Её основа — аграрная экономика, общинная организация, традиция. Задача власти сводится к поддержа-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин ТГПУ им. Л. Н. Толстого **Игорь Александрович Червяков**.

нию веками сложившегося порядка, защите от внешней угрозы. Её наиболее показательная и идейно завершенная форма — абсолютная монархия. В начале века различные формы традиционной модели существовали в Российской империи, Османской империи, Китае и ряде других стран. Многие из них рухнули в результате Первой мировой войны и её последствий. Разрушение общины, секуляризация, развитие буржуазных отношений в перспективе неизбежно приводит к ликвидации традиционного режима. Катализатором этого процесса часто служит внешний фактор.

История революционного режима прослеживается, как минимум, с середины XVII века — начала эпохи буржуазных революций. Он возникает на поворотном этапе истории, когда появляется объективная необходимость в сильной власти, способной решительными мерами быстро разрешить сложившиеся в обществе противоречия, препятствующие его дальнейшему развитию. В условиях внутренней и внешней угрозы революционное государство немислымо без централизации, милитаризации, террора. Особенно показательны примеры межформационных революций: чем более прочным был традиционный режим, тем большая сила требуется революционному для его слома.

Революционный режим недолговечен. Он либо выполняет свою задачу и трансформируется в более мягкий, либо наступает его коллапс. Средства, эффективные и необходимые в экстремальных условиях, неэффективны и неадекватны в мирное время. Но при определенных условиях возможна его трансформация в режим мобилизационный и своеобразное продолжение революции «сверху».

Тоталитарное государство подобно живому организму в экстремальной ситуации. Он должен перестроиться, чтобы выжить. Партия выполняет роль «нервной системы» общества, террор — иммунной, идеология — своего рода анестезия, благодаря которой общество способно воспринимать меры, немислымые в иных условиях. Мобилизационная система обладает огромной стойкостью, может успешно решать сложнейшие задачи в самых жестких условиях. Но режим, функционирующий за счет предельного напряжения всех ресурсов, не может существовать длительное время. В итоге неизбежно происходит его размывание и либерализация. Любая мобилизационная модель в исторической перспективе обречена.

XX век — это очередной этап в развитии антидемократических режимов. Если традиционная модель закономерно уходит в историю, то тоталитаризм вышел на сцену впервые. И нет никаких оснований полагать, что в условиях XXI века не возникнут новые мобилизационные модели. Фашизм возник из массовой, формальной демократии, из нерешенных её проблем и кризисов¹. В «группе риска» оказывается целый ряд государств, включая Россию.

¹ Золина М. Б. Проблема тоталитаризма в политологии Ильина // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5. — С. 191.

Библиография

1. *Золина М. Б.* Проблема тоталитаризма в политологии Ильина // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5. — С. 183–191.
 2. *Истягин Л. Г.* Исследования по тоталитаризму: в поисках нового обоснования концепции // Полис. — 1997. — № 2. — С. 180–191.
 3. *Мирский Г. И.* Авторитаризм и демократия: две модели? // Полис. — 1996. — № 6. — С. 136–144.
 4. *Соловьев Э. Г.* Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. — 1998. — № 1. — С. 3–21.
 5. *Студников П. Е.* Теоретические проблемы тоталитаризма // Социально-гуманитарные знания. — 1999. — № 2. — С. 274–286.
-

Ринат Маратович Нуруллин

Аспирант философского факультета Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина¹

Терминологические проблемы теории сепессии

Аннотация

В работе анализируется соотношение категории «сепессия» (стремление части государства к обретению полной политической независимости) с понятиями сепаратизма, ирредентизма и энозиса. Автор указывает на типичные неточности в употреблении данных терминов в рамках современного общественно-политического и научного дискурса и утверждает необходимость рассмотрения явлений сепессии, ирредентизма и энозиса как различных по своей интенсивности и направленности форм выражения сепаратистских устремлений.

Ключевые слова: сепаратизм, сепессия, ирредентизм, энозис.

Сепессия является наиболее радикальной формой политического сепаратизма и представляет собой процесс отделения от государства какой-либо его части, что предполагает выход этой территориальной единицы из состава единого государства и создание новой независимой политии.

По подсчётам учёных, с 1990 по 2007 гг. сепессии привели к образованию 25 новых государств, которые получили международное признание (Pavšević, Radan, 2008, p. 1). Поэтому интерес к изучению сепессии огромен.

¹ Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры политологии философского факультета Казанского государственного университета **Олег Иванович Зазнаев**.

Однако на сегодняшний день в зарубежном дискурсе слово «сецессия» приобрело негативное звучание: оно практически не встречается в официальных документах, а средства массовой информации просто не упоминают его в контексте сюжетов, посвященных теме политического сепаратизма.

Российские масс-медиа слово «сецессия» практически не используют, хотя в научном лексиконе термин «сецессия» употребляется уже с советских времён (Дурденевский, 1959, с. 27). На табуированность рассматриваемого явления указывают также эксперты одного из российских центров политического консалтинга. Они, в частности, утверждают, что термин «сецессия» почти неизвестен в России, а разговоры о возможности сепаратизма в этой стране сегодня «...для многих столь же болезненны, как в незапамятные времена — вопрос о существовании секса в Советском Союзе...» (Виноградов, Ядыкин, 2003, с. 18).

Поэтому можно с уверенностью констатировать, что существует тенденция вкладывать в понятие сецессии сугубо негативный смысл. В связи с этим некоторые деятели пытаются конструировать лексические заменители сецессии, которые, по их мнению, обладают «положительным» оттенком значения: «стремление к независимости», «борьба за национальное освобождение» и другие.

На наш взгляд, слово сецессия является в первую очередь научным термином и лишено какого-либо оценочного значения и эмоциональной окраски. Что же касается выражения «стремление к независимости», то оно, во-первых, неточно отражает суть сецессии, а во-вторых, само может быть легко подвергнуто словесной казуистике в зависимости от того, какой моральный или идеологический смысл в него вкладывается. Например, одно и то же событие может быть интерпретировано двояко: «угнетённые народы стремятся к независимости» или «повстанцы хотят отколоться и призывают к сецессии».

К сожалению, идеологические штампы прошли в науку, что привело к противоречивой трактовке сущности сецессии и многочисленным терминологическим неточностям.

Так, в ряде публикаций утверждается, что сецессия «...может существовать в двух основных формах: сепаратистской, если деятельность оппозиционной группировки связана с достижением полной политической независимости, ... и ирредентистской, когда сецессионисты добиваются вхождения в состав уже существующего государства...» (Попов, 2006, с. 98). Следуя отмеченному определению, у исследователя может сложиться ложное впечатление о том, что сецессия обладает сепаратистским потенциалом, а ирредентизм им не обладает; что сецессия проявляется в форме сепаратизма или ирредентизма, а сепаратизм в форме сецессии выражен быть не может.

Как представляется, подобная точка зрения вызывает серьёзные возражения. Ведь сепаратизм является более широким и менее определённым понятием: это и стремление, и убеждение, и движение, и требование, и целая идеология за отделение части государства. Учитывая названные характери-

стики, можно утверждать, что сепаратизм не может быть формой сепаратизма, наоборот: сепаратизм является одной из форм политического сепаратизма.

Наряду с сепаратизмом сепаратизм может быть выражен также в форме ирредентизма и энозиса. Под ирредентизмом обычно понимают отделение части территории государства с целью присоединения к соседнему государству. Например, заявление абхазских лидеров начала 1990-х гг. о стремлении Абхазии отделиться от Грузии и войти в состав России может быть названо ирредентизмом. Энозис представляет собой отделение территории с целью присоединения к государству с одноэтничным населением, т. е. своеобразное воссоединение этнического меньшинства с государственно организованным одноэтничным большинством (Лубский, 2005, с. 4). Примером попытки энозиса может быть требование армянского населения Нагорного Карабаха об отделении этой территории от Азербайджана и присоединении к Армении. Итак, сепаратизм, ирредентизм и энозис как формы сепаратизма с логической точки зрения являются более узкими терминами, отсюда следует, что понятие сепаратизм по объёму гораздо шире.

Таким образом, выявленные терминологические неточности свидетельствуют о наличии значительного теоретического пробела в цепочке современных исследований и подчёркивают актуальность концептуального анализа сепаратизма.

Библиография

1. *Бьюкенен А.* Сепаратизм. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. — М.: Издательство «Рудомино», 2001. — 238 с.
2. *Бодрова Е. В.* К вопросу о причинах роста национального сепаратизма на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 2. — С. 23–30.
3. *Виноградов М., Ядыкин А.* Сепаратизм в современной России // Со-Общество. — 2003. — № 3. — С. 18–20.
4. *Дурденевский В. Н.* Главные правовые вопросы при образовании нового государства // Вопросы теории и практики международного права. — 1959. — Вып. 2. — С. 27–29.
5. *Лубский А. В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. Черноус В. В. — Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. — 190 с.
6. *Первышин В. Г.* Развал Советского Союза. История СССР с 1946 по 1991 г. — М.: Компания Спутник+, 2007. — 492 с.
7. *Попов Ф. А.* Сравнительный анализ действующих зон распространения сепаратизма на территории Африки и Америки // Вестник молодых учёных «Ломоносов». Выпуск III. — М.: Макс-Пресс, 2006. — С. 98–103.
8. *Pavković A., Radan P.* On the way to statehood: secession and globalization. — Aldershot (UK): Ashgate, 2008. — 188 p.

Борис Александрович Прокудин

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Панславизм как модернистский политический проект

Аннотация

В статье рассматривается развитие теории панславизма в России во второй половине XIX века на примере идей, высказанных в работах таких авторов, как В. И. Ламанский (1833–1914), О. Ф. Миллер (1833–1889), Р. А. Фадеев (1824–1883), Н. Я. Данилевский (1822–1885), Ф. М. Достоевского (1821–1881)

Интеллектуалы эпохи модернизма, будь они политологами, философами или писателями, выступили с критикой либерального человека, разумного эгоиста, который разумно преследует свой материальный интерес. Модернисты полагали, что сфера человеческих идей и сфера человеческих эмоций не являются подлинными. Подлинное же основание личности — некое глубинное, неназываемое начало: воля, раса, бессознательное, классовый интерес и т. п. Панслависты, отрицавшие либеральное понимание мировой истории, считали, что европейский и славянский «миры» имеют противоположные пути развития, обусловленные спецификой национального «духа». Именно представление о «духе», как о неназываемом начале жизни, которому должна подчиняться политика, дает основание называть панславизм модернистским политическим проектом.

Ключевые слова: политический панславизм, культурный панславизм, славянофильство, модернизм, Ламанский, Миллер, Фадеев, Данилевский, Достоевский, восточный кризис.

Термин «модернизм» в контексте политической науки употребляется уже достаточно давно. Разумеется, прописан он в словаре гуманитарной, а не позитивистской политологии, и значение его несколько размыто, однако такие категории, как «модернистская политическая система» или «модернистский политический режим», являются вполне конвенциональными. Модернизм — это определенный вид рефлексии над обществом, получивший свое развитие во второй половине XIX — начале XX века. Интеллектуалы эпохи модернизма, будь они политологами, философами или писателями, выступили с критикой либерального человека, того самого разумного эгоиста, который, как бы сказал Милль, разумно преследует свой материальный интерес. Модернисты полагали, что сфера человеческих идей, рациональная сфе-

ра, и сфера человеческих эмоций не являются подлинными. Человек в этом смысле не может быть свободным, а его поступки — «разумными». Идеи и эмоции — это всего лишь тексты массовой культуры, которые не формируют человеческую личность и не оказывают влияние на исторический процесс. Подлинным же основанием личности для модернизма является некое глубинное и неназываемое начало. Ницше называл это волей, Фрейд — бессознательным, в то время как Маркс считал такой первоосновой классовые интересы.

Похожее миропонимание формирует националистические концепции, в частности, панславизм. Ядром панславизма является тезис о славянском единстве. Наибольший вклад в разработку идейного содержания этой теории, возникшей в 40-е гг. XIX века, внесли славянофилы. Они выводили необходимость славянского единства из представления о необратимом противостоянии между романо-германским и греко-славянским «мирами». Славянофилы отрицали либеральное понимание мировой истории как единого, одностороннего процесса. По их мнению, европейский и славянский «миры» имеют собственные пути развития, обусловленные спецификой национального «духа». «Дух» и есть то неназываемое основание мира, окончательная истина, которой должна соответствовать политика. Славянофилы и панслависты, исходя из этого, говорили, что государственные границы, проходящее по территории славянского «мира», не являются подлинными. Они искусственны и нуждаются в пересмотре. А культурная экспансия, оказываемая на славянские народы со стороны на то время их «законных хозяев» — Австрии, Венгрии и Турции, для славян губительна, так как затмевает «славянский дух».

В соответствии с наиболее общей классификацией, панславистские концепции в российской политической мысли можно разделить на «культурные» (которые имеют в виду сближение славянских народов в области культуры) и «политические» (которые предполагают их государственное объединение).

Развитие теории панславизма в России во второй половине XIX века было тесно связано с обострением кризисной ситуации на Балканах и политикой царского правительства в отношении славянских народов. Можно выделить три основных этапа в становлении панславизма. Первый — после окончания Крымской войны (1856 г.) до так называемого «восточного кризиса» (1875 г.), второй — от восточного кризиса и Русско-турецкой войны до Берлинского мира (1878 г.), и третий — после Берлинского мира. Причем первый период можно назвать периодом собственно культурного панславизма, второй — политического, а третий — периодом упадка интереса к славянскому единству.

Одной из фигур, ярко характеризующих культурный панславизм, можно назвать историка-слависта В. И. Ламанского (1833–1914), в концепции которого идея славянского единства получила геополитическое измерение.

Ламанский вслед за славянофилами включал славянский вопрос в теорию «двух миров» (греко-славянского и романо-германского), различных по религиозному, гражданскому и «нравственному» характеру и содержанию, а главное — исторически враждебных. Ученый был убежден, что славянам предстоит вести борьбу со своими «заклятыми европейскими врагами», а средств для этой борьбы (равноценной культуры и цивилизации, за которой стоял бы «великий исторический народ») у них еще нет. «Объединение сил только механическое» Ламанскому представлялось недостаточным. Основную потребность славянских народов он видел в «объединении нравственном»: славянские народы должны были проникнуться общеславянским сознанием и иметь «общий для всех орган связи и деятельности». Таким «органом» для славян, по мнению Ламанского, мог быть русский язык как общий литературный язык, с помощью которого мелкие части славянства стали бы органическими частями «колоссального организма», способного на равную борьбу с «германской машиной»¹. Однако, по мнению Ламанского, для того чтобы добровольное принятие русского языка славянами было бы для них «нравственной необходимостью», русский язык сначала должен стать носителем великих, универсальных начал любви и свободы.

Схожей позиции придерживался другой представитель культурного панславизма — О. Ф. Миллер (1833–1889). Вслед за Ламанским он считал, что решение славянского вопроса прежде всего зависит от преодоления внутренних российских противоречий, а для этого надо «не щадить сил нравственных, а не военных»². Миллер выступал за объединение всех славянских народов, причем не только в сфере культуры и интеллектуальной жизни. Но при этом он был против того, чтобы «тянуть славян в союз силой», чтобы рассматривать территории их проживания в качестве буферной зоны между Россией и Германией, зоной стратегических интересов России. В подобном прагматическом подходе к славянам он видел отрицание отстаиваемой им идеи «народности».

Накануне и в период восточного кризиса возникают концепции, которые можно назвать концепциями политического панславизма. В это время впервые появилась возможность воплотить в жизнь панславистские мечты об изгнании турок с Балкан, поэтому подавляющая часть теоретиков славянского единства открыто призывала к политическому объединению славян. Характерными представителями этого течения в русском панславизме были Р. А. Фадеев (1824–1883) и Н. Я. Данилевский (1822–1885).

¹ Эти взгляды были впервые высказаны им в статьях «Из записок о славянских землях» (Отечественные записки. — 1864. — № 2, 5.), «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (Отечественные записки. — 1864. — № 11–12), а также в рукописи «Проекты славянских федераций. Обзор» (ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.).

² Миллер О. Ф. Русско-славянский вопрос и «начало народности» // Миллер О. Ф. Славянство и Европа. — СПб., 1877. — С. 89.

Фадеев, например, формулирует отстаиваемую им государственническую позицию следующим образом: «Мы будем дышать свободно тогда лишь, когда устроим внешние окраины собственными и сочувственными, теперь еще задавленными силами, без спроса у Европы». Причем объединение славянских народов может осуществиться только силой, и «на первых порах одной русской силой». Фадеев предлагает создать конфедерацию славянских народов: у каждого из них будет «свой государь для домашних дел и великий славянский царь для общих дел». В ведении конфедеративного правительства должны были находиться руководство вооруженными силами и вопросы внешней политики.

Наиболее ярким представителем политического панславизма был выдающийся мыслитель Н. Я. Данилевский. В своем историософском трактате «Россия и Европа»¹ он призывал к объединению всех славянских народов как в политическом, так и в культурном отношении. Вместе с тем он отмечал, что «Всеславянский Союз» сможет возникнуть только после неизбежной войны России с Европой, что в свою очередь поможет «излечить русские культурные недуги», то есть увлечение западничеством, и «разовьет общеславянские симпатии»². Ученый также считал, что после такой войны и основания Союза необходимо сделать русский язык общеславянским. Политической формой такого единения первоначально должен был стать «тесный союз» славянских народов, в котором России по объективным причинам (обширности ее территории и высокой численности населения) принадлежало бы первое место, но это первенство не должно было подавлять самостоятельность других членов Союза.

Берлинский конгресс поставил крест на планах и мечтаниях панславистов относительно полного освобождения южных славян. Время после конгресса можно назвать периодом стагнации панславистского движения. В интеллектуальной среде возобладали мессианские и религиозно-нравственные идеи. Их выразителем явился Ф. М. Достоевский (1821–1881). Он не ратовал за расширение русского культурного влияния в славянских странах, как это делал Ламанский, не призывал к окончательному изгнанию турок из славянских земель, как это делали Данилевский, Фадеев. Вопрос славянского единения к 1880-м годам перестает у него быть политическим, становится «вопросом высшего объединения духовного» и уже не для защиты России или Русско-Славянской цивилизации, а для защиты всего человечества от католической и протестантской угрозы.

Таким образом, мы можем констатировать, что понимание истории представителями всех основных направлений панславизма второй половины XIX века было глубоко антилиберальным, а в своих политических построениях они апеллировали к теории «двух миров», непримиримость которых обусловлена глубоким антагонизмом европейского и славянского «духа».

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 573 с.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — С. 472.

Василий Иванович Тимошенко

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Методологические основания структурно-ценностного анализа предвыборных партийных программ

Аннотация

С изменением характера политического процесса в России в 90-е годы XX века возникла необходимость изучения предвыборных партийных платформ и программ. Относительная новизна задачи поставила проблему выявления продуктивного метода анализа возрастающего массива эмпирических данных. Содержательная уникальность предвыборных программных документов требует обращения не только к традиционным качественным методам изучения, но к углубленному или синтезированному качественному анализу, позволяющему охарактеризовать структурные и ценностные аспекты материалов. Эффективное изучение партийных платформ и программ предполагает единый исследовательский охват формы и содержания документов. Такая трактовка оказывается близка герменевтическому подходу к изучению текстов. Автором представлен краткий очерк становления герменевтики и ее постулаты в контексте исследования содержания предвыборных материалов, а также приводится характеристика современных дискуссий относительно её теоретических и практических аспектов. В заключении излагается оригинальный структурно-ценностный метод анализа и интерпретации программных партийных документов и алгоритм его использования.

Ключевые слова: методология, структурно-ценностный анализ документов, предвыборные партийные программы, предвыборные партийные платформы, качественные методы исследования, синтезация, герменевтика.

Изучению содержания политических программных документов, в том числе предвыборных партийных платформ и программ, автор уделяет внимание на протяжении более полутора десятков лет своей исследовательской деятельности. В результате это вылилось в широкий ряд выступлений на различных научных форумах, в череду подготовленных аналитических материалов для органов государственной власти и заинтересованных партийных структур.

Однако в самом начале своей исследовательской деятельности в названной сфере пришлось буквально мучительно искать ответы на такие вопросы: как же подойти к изучению содержания предвыборных партийных докумен-

тов; как можно, образно говоря, эффективно «переварить» многосотенный — в страничном эквиваленте — массив партийных материалов; какой избрать метод для продуктивного анализа?

В ходе долгих поисков, в решении проблемы метода по изучению сравнительно новой для современной российской политической науки эмпирического материала, а именно предвыборных партийных платформ и программ, мы сделали принципиальный выбор в пользу качественных методов политологического анализа.

Чем мотивировался этот наш методологический выбор? Во-первых, тем, что применительно к политологии, социологии и ряду других общественных и гуманитарных наук в принципиальном плане существуют и используются два основных вида анализа документов: качественный (традиционный) анализ и формализованный анализ, носящий название контент-анализа. И, во-вторых, тем, что качественный анализ приобретает особое самостоятельное значение при изучении уникальных документов¹.

Эти научные констатации явились для нас базисным и отправным фактором в выборе качественного варианта исследования. В самом деле, предвыборные платформы и программы, как и программные партийные документы в целом, — это, как правило, уникальные, многослойные, сложноструктурированные документы. Их содержание изложено «естественным», нормативным, емким по смыслу и часто образным политическим языком, передающим суть человеческих ценностей и идеалов, языком, рассчитанным на широкое общественное восприятие, а стало быть — на поддержку идей, инициатив и программ, предлагаемых субъектами политики. И, конечно, многие из образов, символов, оценок, положений, транскриптов языка в данных программных документах никак не поддаются формализации и количественным преобразованиям контент-анализа. Контент-анализ становится неэффективным.

Однако содержательная уникальность предвыборных программных документов, их тематическая многослойность и исключительно нормативно-ценностный, «естественный» политический язык их изложения ставят, на наш взгляд, вопрос не просто об их качественном анализе, а об углубленном, синтезированном качественном анализе.

То есть на современном, постбихевиористском этапе важна, как нам представляется, не только синтезация количественно-качественных методов исследования, о чем немало указаний в работах ряда авторитетных зарубежных и российской исследователей,² но не менее актуальна и синтезация в рамках качественной методологии познания применительно к изучению пар-

¹ Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы. Курс лекций. — М.: МГИМО-Университет, 1997. — С. 27; 395–396.

² См.: Дегтярев А. А. Методы политологических исследований // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 1996. — № 6. — С. 62; Хайнман Р. А. Введение в политическую науку // Политическая наука на рубеже веков : проблемно-тематический сборник. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 43–57.

тийных программных документов как разновидности сложных политических текстов и материалов.

Для нас синтезация — это процесс и факт объединения в одном исследовательском подходе сущностных сторон, качеств двух и более исследовательских методов, имеющих общий объект исследования. Мы считаем, что синтезация состоялась, т. е. новый метод возник тогда, когда мы за счет объединения (слияния) получили единую, целостную, непротиворечивую исследовательскую процедуру и имеем в итоге исследовательский эффект от использования этой процедуры, этого метода.

В синтезации качественного (по нашей трактовке — структурно-ценностного) метода исследования партийных программных документов мы руководствовались следующими посылами. В ходе многолетнего изучения партийных программных документов нами было замечено, что по своей форме они, как правило, состоят из типических содержательных блоков.

То есть структура партийных программных документов типична, и это — вслед структуралистским воззрениям Клода Леви-Строса, Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса¹ — надо расценивать как результат работы коллективного партийного ума по поиску оптимального варианта упорядочения поступающего извне эмпирического социально-политического материала, и как то, что партийные платформы и программы — это, в первую очередь, символические матрицы партийно-политических воззрений по отношению к сложившейся социально-политической реальности, и что познание их сущности возможно прежде всего через выявление и описание структур данных платформ и программ.

Что же касается содержания партийных программных документов, то последние (по нашей оценке, имеющей под собой многолетнюю исследовательскую практику) в высшей степени агрегируют партийно-политические ценности, а потому требуют при своем анализе, выражаясь языком крупных российских исследователей К. С. Гаджиева, В. П. Пугачева, А. И. Соловьева и др., соответствующего ценностного языка, инструментария и подхода².

Исходя из данных обстоятельств, мы делаем следующее умозаключение: эффективно изучить партийные платформы и программы — это значит охватить единой исследовательской процедурой и форму, и содержание данных документов, а потому следует объединить и использовать сущностные качества структурного и нормативно-ценностного методов в единую техно-

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — С. 338–340; 343, 349, 351, 353; Бурдьё П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 14; Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. — М.: Начала-Пресс, 1993. — С. 59–63.

² Гаджиев К. С. Методология политической науки / Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1999. — С. 702; Фундаментальные проблемы политической науки // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 1996. — № 6. — С. 9.; Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. Учебник. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 22, 27, 28.

логию, в конструируемый метод¹.

Раскроем методологические основания введенного в исследовательский оборот структурно-ценностного метода, обозначим выстроенный нами контур его действия и отметим некоторые общие итоги его использования.

Полагаем, что когда мы ставим своей целью постичь содержание и смысл таких партийно-политических ценностей, как предвыборные платформы и программы современных российских политических партий, которые на период избирательной кампании являются концентрированным выражением идеалов, целей, задач, намерений той или иной партии, а значительная часть сформулированных в этих документах положений и позиций большинства партий представляет собой интеллектуальный, высокоактуализированный вызов существующим проблемам политического процесса России, и когда мы формируем качественный структурно-ценностный метод для того, чтобы понять смысл исследуемых программ, изложенных «естественным» политическим языком, несущим массу образов, символов, метафор, иносказаний, умозаключений, аллегорий и других языковых форм, не поддающихся постижению через формальные процедуры контент-анализа, то мы встаем на путь следования герменевтической методологии, причем на путь следования одному из базисных принципов герменевтики — принципу обеспечения понимания и интерпретации сложных «многослойных» по содержанию и смыслу текстов.

Обозначим для себя методологически опорные постулаты герменевтики в контексте ее развития, а также нынешней необходимости для построения и использования структурно-ценностного метода для изучения содержания партийных предвыборных платформ и программ.

Фридрих Шлейермахер (1768–1834). Он первым в истории науки посчитал необходимым осмыслить герменевтику как способ понимания текстов, являющихся носителями и выразителями мысленного творчества и духовного опыта их авторов².

Сам процесс понимания текстов у Шлейермахера осуществляется, согласно точной оценке Г. И. Рузавина, посредством двух взаимосвязанных интерпретаций: грамматической и психологической. Грамматическая интерпретация происходит в сфере языка и достигается в соответствии с общими и независимыми от субъектов познания правилами грамматики. Психологическая же интерпретация стремится выявить индивидуальные особенности автора произведения, и поэтому обращает внимание на события его жизни, духовный мир, его взгляды и настроения. Чтобы использовать и по-настоящему понять произведение, интерпретатор должен проникнуть в духовный мир автора, прочувствовать и пережить то, что пережил он. Именно такую

¹ См.: Тимошенко В. И. Структурно-ценностный метод анализа предвыборных партийных документов. Теоретические основы, исследовательский ресурс, практические результаты. — М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2002. — 230 с.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — С. 225–226.

реконструкцию духовного опыта автора произведения Шлейермахер считал истинно позитивной стороной герменевтического анализа¹.

Вильгельм Дильтей (1833–1911). Он осмыслил и с высоты науки середины XIX века изложил сущность и своеобразие метода герменевтики или, иначе говоря, сумел убедительно показать, почему «герменевтический метод является понимающим», а не каким-либо другим.

Как объясняет сам Дильтей, если для «естественных наук факты познания даются извне», то в основе познания, осуществляемого «науками о духе», лежит, по его мнению, постоянно присутствующая душевная связь субъекта познания с объектом познания или «связь душевной жизни как первоначальное данное». Поэтому, заявляет Дильтей, если природу мы объясняем, то душевную связь постигаем².

Во-вторых, Дильтей указал на основание, позволяющее считать герменевтический метод основополагающим в сфере «наук о духе» или, говоря по-современному, в сфере социально-гуманитарного знания. Он полагал, что душевная связь составляет подпочвенный слой процесса познания в «науках о духе». Переживание связи лежит в основе постижения фактов духовного, исторического и общественного порядка³.

В-третьих, в контексте разработки герменевтического метода Дильтей публично заявил о «требованиях наук о духе» на право самостоятельного определения методов, *соответствующих их предмету* (выделено автором исследования — В. Т.). «Науки о духе», заявил Дильтей, должны, исходя из наиболее общих понятий учения о методе и испытывая их на своих особых объектах, дойти до определенных приемов и принципов в своей области совершенно так, как это сделали в свое время науки естественные⁴.

Мы полагаем, что этим, последним по счету своим предложением, Дильтей отвергает имевшуюся на тот период времени методологию научного познания, в которой доминировало так называемое «естественнонаучное направление». Не случайно Дильтей критически заявлял, что в венах познающего субъекта, сконструированного Дж. Локком, Д. Юмом и И. Кантом, нет ни капли действительной кроки. И что познание у этих мыслителей отделено не только от чувств и воли, но и от исторического контекста внутренней человеческой жизни⁵.

Ханс-Георг Гадамер (1900–2002). Осуществляя «критический анализ предшествующего герменевтического опыта» и констатируя, что «герменевтика есть классическая дисциплина, занимающаяся искусством понимания

¹ Рузавин Г. И. Методология научного исследования. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — С. 201.

² Дильтей В. Описательная психология. — М.: Русский книжник, 1994. — С. 8.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Рузавин Г. И. Методология научного исследования. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — С. 203.

текстов»¹, Гадамер выразил солидарность с принципом «герменевтического круга» Мартина Хайдеггера. Суть последнего проявляется в момент, когда исследователь, стремясь понять смысл изучаемого текста, осуществляет предварительное набрасывание его смысла, которое затем может неоднократно (повторно, т. е. «по кругу» — Т. В.) уточняться за счет замены первичных, предварительных понятий, понятиями более уместными, или за счет, допустим, введения соперничающих предварительных смысловых набросков, с целью формирования более адекватных оценочных позиций по изучаемому тексту. Это и есть, как подчеркнул Гадамер, «постоянная задача понимания»².

Однако, стремясь идти дальше в понимании феномена герменевтики, ученый трактует ее в качестве «универсального аспекта философии». И он полагает, что определенное им новое качество герменевтики, вытекает из следующих обстоятельств и зависимостей: если понимание и истолкование, как познавательные приемы герменевтического метода, «сплетены друг с другом», то с осознанием этого, как уверяет Гадамер, связано также осознание языка и системы понятий, в которых осуществляется истолкование в качестве внутреннего структурного момента понимания, а это означает, что язык выходит из своего окказионального окраинного положения и становится в центр философии³.

Чтобы глубже и адекватнее понять изложенный строй мыслей Гадамера по поводу философской сущности герменевтики, обратимся к его системе доказательств. Гадамер пишет: в наших размышлениях мы руководствовались тем, что язык — это среда, в которой объединяются, или, вернее, предстают в своей исконной принадлежности «Я» и мир. Бытие, которое может быть понято, утверждает Гадамер, есть язык. Герменевтический метод, подчеркивает мыслитель, как бы отбрасывает здесь свою собственную универсальность на бытийное устройство понятого, определяя это последнее в качестве языка в универсальном смысле, на свое собственное отношение к существу в качестве интерпретации. Поэтому мы говорим не только о языке искусства, но также и о языке природы, и вообще о некоем языке, на котором говорят вещи⁴.

«Спекулятивный способ бытия языка», — считает Гадамер, — «раскрывает тем самым свое универсальное онтологическое значение... Ведь языковым и поэтому понятным является человеческое отношение к миру вообще и в принципе. Поэтому... герменевтика представляет собой универсальный аспект философии, а не просто методологический базис так называемых „наук о духе“»⁵.

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — С. 215.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 364, 464.

⁴ Там же. С. 548–549.

⁵ Там же. С. 549–551.

Вслед за Х.-Г. Гадамером о герменевтике как о «философской науке», как о «философии интерпретации», как о «науке о правилах толкования»¹ говорит и современный крупный французский философ Поль Рикер.

Если кратко выразить один из сущностных вкладов Рикера в теорию и методологию герменевтики, то надо отметить его продуктивную попытку развития такого концепта, как «онтологический аспект герменевтики». Так, если его талантливые предшественники — М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер — говорили о герменевтике как о «способе бытия постичь бытие»², то П. Рикер идет в этом смысле дальше: у него герменевтика (через понимание и интерпретацию осуществляемых «живым», бытийствующим субъектом познания — В. Т.) — это уже даже не способ познания, а способ бытия самого бытия, т. е. такого бытия, которое существует понимая³. Так герменевтика, заявляет Рикер, открывает способ существования, который остается от начала и до конца интерпретированным бытием⁴.

В оценках теоретической и методологической сущности герменевтики важно опираться и на позиции авторитетных современных российских исследователей из числа активных приверженцев герменевтического феномена. Так, крупнейший специалист в области философии познания, профессор Л. А. Микешина считает, что герменевтика является одной из ведущих когнитивных практик. И что она имеет дело не только с текстами, но и с пониманием как неотъемлемым моментом бытия субъекта, при этом познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующийся субъект⁵.

Далее она пишет, что эта деятельность мышления оказывается не менее значимой, чем обычное накопление знаний, которое она существенно дополняет, и потому интерпретация должна быть признана фундаментальным феноменом, использована как способ бытия (онтологически), которое по Хайдеггеру существует понимая; а также как способ истолкования текстов; наконец, как общенаучный метод с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания⁶.

Таким образом, мы видим, что профессор Л. А. Микешина солидаризируется со всеми основными аспектами воззрений Шлейермахера, Дильтея, Хайдеггера, Гадамера и Рикера по поводу сущности герменевтики, но при

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. / Пер. с франц. Московский философский фонд. — М.: Изд-во «Медиум», 1995. — С. 96, 97.

² См., например, Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — С. 548–549; Рузавин Г. И. Методология научного исследования. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1994. — С. 204.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Изд-во «Медиум», 1995. — С. 9–10, 16.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Микешина Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. — М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2003. — С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

этом вносит свои нюансы видения проблемы, которые органичны классическим взглядам на герменевтику, о которых мы говорили выше по тексту.

Примечательно, что весьма близок к позициям Л. А. Микешиной по проблеме герменевтики и научный руководитель Института философии РАН, академик В. С. Степин. Так, на одном из «круглых столов», работавшего под эгидой редакции журнала «Вопросы философии» и посвященного теме «Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа», он, выступая вслед за Л. А. Микешиной, отметил: «Это и моя позиция, но я уточнил бы следующее: ...при характеристике герменевтического подхода часто ограничиваются такими определениями, которые присущи и обыденному сознанию, и восприятию произведений искусства, и многому другому, что относится к различным типам человеческих коммуникаций и вненаучным формам познания». «Но этого», — подчеркнул В. С. Степин, — «недостаточно, если герменевтика интерпретируется как метод, выражающий специфику социально-гуманитарных наук. Необходимо ответить на вопрос, в чем состоят особенности этого метода? Какие операции и процедуры он предполагает? И нужно дать описание этих процедур»¹.

Итак, мы видим, что крупнейшие российские ученые считают актуальным осмысление не только теоретических аспектов герменевтики, но и ее прикладных, практических проявлений, вплоть до операционных и процедурных элементов данного метода.

Исходя из вышеизложенных теоретических и методологических аспектов герменевтики и ее современных прикладных исследовательских задач, а также движимые целью изучить смысл и содержание такого сравнительно нового для современной России политического материала, как предвыборные программные партийные документы, мы в рамках выстроенного структурно-ценностного метода сформулировали и реализовали следующие исследовательские процедуры, своеобразный «герменевтический круг» анализа, понимания и интерпретации изучаемых текстов.

Предлагаемый алгоритм применения структурно-ценностного метода:

Первый шаг (этап) в изучении предвыборных платформ и программ — это первичное изучение и препарирование многостраничного содержания программных документов и его «плотное», панорамное изложение в соответствии с выявленными типичными тематическими блоками. Иначе говоря, мы используем выявленную структурированность платформ и программ, то есть превращаем данную структурированность в первый шаг нашего исследования.

Второй шаг (этап) — это понятийная, политологическая интерпретация структурированных материалов с поиском ответов на общий для всех программ вопрос, а именно: как политологически оценивать и трактовать ключевые позиции политических партий, изложенные в структурных тематиче-

¹ Степин В. С. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 2007. — № 6. — С. 60, 69.

ских блоках?

Третий исследовательский шаг (этап). Понимая структурно-ценностный метод как «движение вглубь сущности» программных документов, мы идем на углубление понятийной интерпретации исследуемых документов за счет уточнения и развития оценок относительно содержания платформ и программ.

Четвертый исследовательский шаг (этап) — это теоретическое обобщение и концептуализация исследуемых материалов. Мы полагаем, что выражением осуществленных аналитиком обобщений могут быть ответы на следующие укрупненные вопросы: в чем состоялось «приращение» партийно-политической мысли; какие «модели» общественного устройства выдвигаются в партийных документах; с каким типом общественного объединения мы имеем дело?

Введенное и используемое нами понятие «модель общественного устройства» как бы «замыкает» на себя весь исследовательский алгоритм (цикл) структурно-ценностного метода, емко, интегративно «схватывает» и выражает его результаты. Ибо понять сущность предлагаемой «модели» — значит осмыслить содержание выявленных типичных структурных блоков предлагаемых платформ и программ.

Юлия Константиновна Шталикова

Студентка филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы¹

К проблеме соотношения «духовного» и «политического» в условиях современности

Аннотация

В статье автор размышляет над соотношением «духовного» и «политического» в условиях современной жизни государства. В ходе рассуждений делается вывод о необходимости включения духовных ценностей в политическое пространство.

Ключевые слова: «духовное», «политическое», государство, субъект духовности, Русская Православная Церковь.

О духовности в современном обществе говорят довольно часто не только в религиозной среде, но и в сфере культуры, этики и даже политики. Для начала попытаемся определить, что же подразумевается под понятием «духовность». В словаре В. Даля «духовность» определяется как «состояние,

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гродненского государственного университет имени Янки Купалы **Олег Александрович Романов.**

относимое к Богу, вере, душе человека и отражающее все его умственные, нравственные силы и волю». В марксистско-ленинском лексиконе духовность определялась как «высокие моральные качества человека. К. Маркс духовность выводил из материального производства, которое есть его базис»¹. Н. Бердяев отмечал, что «духовность — есть целостность жизни». Философ считал, что с духовностью связано глубинное «я» человека². «Именно духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и подерживающая личность в человеке»³, — полагал мыслитель.

В массовом сознании спектр значений понятия «духовность» достаточно широк: духовность связывают с верой в Бога, религией, церковью; духовность воспринимается как совокупность положительных моральных качеств человека; а также как интеллектуальное богатство человека, его ум, кругозор, воспитанность⁴. Таким образом, «духовность есть высшее достоинство человеческой души, сердцевина личности»⁵. А ведь только из духовно здоровых личностей может складываться полноценное общество и, соответственно, государство. Как отмечал И. Ильин в работе «О государстве»: «Первая и основная аксиома политики... утверждает, что право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания»⁶.

Вопрос утраты духовности и необходимости ее возрождения остро стоит сегодня, в период экономического и духовного кризиса, особенно в политической сфере. Возникают сомнения, а возможно ли вообще сближение духовности и власти, или это лишь желаемый, но невозможный союз. Рассмотрим взгляд на эту проблему современных религиозных мыслителей.

Ряд авторов, вроде А. В. Якушева, полагают, что если политика — это одна из важнейших сторон жизни, то «духовность — качественное состояние бытия вообще»⁷. Близких идей придерживаются сторонники правонационалистических политических сил, которые утверждают, что «соедине-

¹ Стурова М. П. Материалы круглых столов [Электронный ресурс] // Нравственность и образование : [сайт]. URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2272 (дата обращения: 22.11.2009).

² Парошина Р. А. Духовность и ее развитие в свете синтеза науки, философии и религии // Пути развития цивилизации. Взгляд из XXI века. — Красноярск: Красноярский писатель, 2003. — С. 235–251.

³ Бердяев Н. А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — С. 324.

⁴ Духовность – вчера и сегодня / Исследование ФОМ, 11.01.2007 [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение» : [сайт]. URL: <http://bd.fom.ru/report/whatsnew/d0700120> (дата обращения: 22.11.2009).

⁵ Парошина Р. А. Духовность и ее развитие в свете синтеза науки, философии и религии // Пути развития цивилизации. Взгляд из XXI века. — Красноярск: Красноярский писатель, 2003. — С. 235–251.

⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности / Ильин И. А. — М.: Республика, 1993. — С. 276.

⁷ Духовность и политика [Электронный ресурс] // Андрей Якушев : [сайт]. URL: <http://avy.ru/ftopic765.html> (дата обращения 22.11.2009).

ние духовности и власти дано в самом представлении о Боге, в то время как Дух — высшая власть в мироздании»¹. Воззрения эти идут из XVII–XIX веков. Так, митрополит Филарет (1782–1867) задавался вопросом, чем же на самом деле является государство: по его мнению, это «союз свободных нравственных существ, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона Нравственности, который составляет необходимость их бытия»². Именно поэтому высшие иерархи Русской Православной Церкви, вроде митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна, столь часто обращаются к богословскому наследию прошлого: «Религиозно-нравственная основа государственной жизни сегодня практически выпала из общественного сознания, часто трактуя государство лишь как бездушный механизм поддержания примитивного материального благополучия граждан... Само государственное тело, его территория, ресурсы, иные богатства становятся объектом разрушительной, жестокой и беспринципной борьбы..., развещающей внутренний строй государственного механизма, саму государственную власть во всех ее проявлениях»³. Некоторые политические силы, вроде партии «Великая Россия» берут подобные концепты на вооружение, утверждая, что «соединение духовного и политического начал является древнейшей истиной, в этом соединении духовного авторитета и политического творчества формировался дух каждой нации, каждого государства»⁴.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что часть ряд политических сил воспринимает духовность как признак идеальной политической власти, несущей ответственность за организацию управленческого процесса, радующей за народ и т. п. Политика без учета и опоры на духовные ценности — мертва и незначима, прагматична и негуманна.

Однако возникает практический вопрос: какая сила может стать основной привнесения в политику духовности? Как нам видится, эта роль предназначается Русской Православной Церкви. Русский философ И. А. Ильин замечал, что «государство по своей основной идее есть духовный союз людей»⁵. А это значит, что государство и Церковь имеют общую точку соприкосновения в виде имманентного обеим структурам духовного начала.

Интенсивное взаимодействие Церкви и государство стала вполне есте-

¹ Русская доктрина. Программный документ политической партии «Великая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95566.html>

² Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский Ладужский. Русская симфония. Часть первая [Электронный ресурс] // Мужской монастырь Спаса Нерукотворного пустынь, Клыково: [сайт]. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/11020> (дата обращения: 04.08.2009).

³ Там же.

⁴ Русская доктрина. Программный документ политической партии «Великая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95566.html>

⁵ Ильин И. А. О Сущности правосознания [Электронный ресурс] // Philosophy.ru: [сайт]. URL: <http://philosophy.ru/library/il/02/01.html> (дата обращения: 04.08.2009).

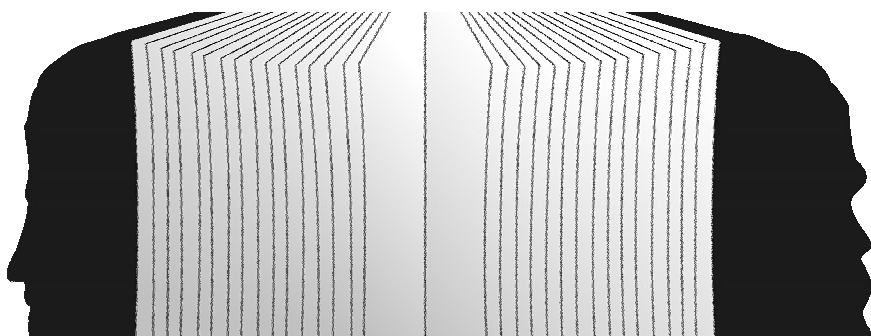
ственной практикой современности: причем оно зачастую проявляется в решении сложных социальных противоречий.

Религиозный мыслитель и сотрудник Московского патриархата А. Ситников полагает, что «не представляется возможным без помощи Церкви выйти из нравственного и даже экономического кризиса, который охватил общество. Пьянство, наркомания, преступность заставляют прислушиваться к ценностям, которые проповедует Православная Церковь: к идеям духовности, милосердия и внимания к другому человеку»¹. Эти идеи становятся особенно актуальными в контексте воззрений выдающегося русского философа А. С. Панарина: «Неподкупная духовная власть способна питать и власть государственную, противостоящую экспансии „политического рынка“»². Стратегические задачи государства и Церкви различны (Церковь направлена в вечность, в то время как государство беспокоят земные дела), однако они должны быть едины в понимании необходимости борьбы со злом, в стремлении к победе добра. И в этом смысле хотя церковь и государство могут быть отделены друг от друга: но не до полной их автономии, ибо по природе своей они симфоничны.

¹ Ситников А. В. Церковь и государство. Проблемы и перспективы взаимоотношения [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Православие.RU» : [сайт]. URL: <http://pravoslavie.ru/analit/cerkovgsudars.htm> (дата обращения: 04.08.2009).

² Панарин А. С. Христианский фундаментализм против «рыночного терроризма» // Наш современник. — 2003. — № 2. — С. 232.

История социально-политических учений

История социально-политических учений, шире — история социально-политической мысли, другими словами «критика идей», наряду с политической философией и политической социологией — важнейшая, конститутивная часть политической науки. Известно, что без истории нет теории. Более того, можно утверждать, что в известном смысле история социально-политической мысли — это сама политология, политическая наука, представляющая собой, как и любая наука, массив непрерывно пополняемого и обновляемого научного наследия. С такой точки зрения совершенно справедливым будет следующее умозаключение: с одной стороны, представление о том, что такое история политологии основано на определенном видении того, что такое политология, с другой — представление о том, что такое политология, определяется тем, как осмыслена ее история.

Современная традиция преподавания истории — сначала социалистических, а затем — социально-политических учений в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова насчитывает почти сорок лет. За это время сформировалась научная программа и учебная практика уникального в мировом масштабе курса истории социально-политических учений, включающего как историю зарубежной, так и отечественной мысли. Новый факультет политологии, в структуре которого достойное место занимает кафедра истории социально-политических учений, является продолжателем университетских традиций. Факультет и кафедра нацелены на сотрудничество, мы открыты к диалогу по широкому кругу проблем, волнующих политологическое сообщество. В этом диалоге для нас очень важно обозначить собственную позицию и, конечно же, узнать мнение наших коллег.

Александр Андреевич Шириняну, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Дарья Алексеевна Акулова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политическая мифология Фридриха Ницше

Аннотация

В статье представлена краткая характеристика роли мифа в жизни общественного организма на современном этапе его развития. Обращая внимания на тот факт, что Ф. Ницше (1844–1900) одним из первых в истории социально-политической мысли приступил к анализу проблематики политической мифологии, автор работы обращается к изучению творческого наследия немецкого философа. Разбирается содержание понятия сверхчеловека, рассматриваются его свойства, соотношение с массой обычных людей. Данный анализ позволяет охарактеризовать концепцию Ницше о сверхчеловеке как особую разновидность политической мифологии, а также найти пути применения данной теории на практике.

Ключевые слова: политическая мифология, Ницше, сверхчеловек.

Сверхчеловек — смысл земли².
Ф. Ницше

В настоящее время мифы играют значительную роль в жизни общества. Интерес к ним чувствуется в литературе, в кино, и, конечно, в политике. Политический миф — это миф, хранящий в коллективной памяти народа опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации³. Политическая мифология — это стержень, который интегрирует общество в единую систему, а также оправдывает право власти управлять. Современные имиджмейкеры чаще всего при проведении избирательной кампании опираются на архетип героя или сверхчеловека.

Данную проблематику впервые разработал Фридрих Ницше. Сверхчеловек — центральный образ его философской системы. Автор пошел наперекор своей эпохе, проповеди гуманизма, которая существовала в то время. Для него человек есть нечто, что должно преодолеть⁴. Это не самое совер-

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Алексей Александрович Зоткин.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 54.

³ Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. — М.: Ладомир, 1999. — С. 169.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 49.

шенное существо на земле. «Человек — это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком»¹. И для того, чтобы по этому канату пройти нужно совершить три превращения. Первое — стадия верблюда, когда для человека существует лишь «ты должен». В этот момент он полностью находится под властью тех обычаев и устоев, которые существуют в обществе, они его сковывают и не дают свободы. Второе превращение — стадия льва. Здесь человек понимает, что все навязанные добродетели мешают ему жить, он сбрасывает с себя сковывающее «ты должен». Это «час великого прозрения»². Третье превращение — это уже созидающая стадия младенца. В этот момент происходит создание новых ценностей, человек приобретает свободу «для», которая не сковывает его, а наоборот, открывает широкие перспективы. Важной категорией у Ницше является воля к мощи, причем в сверхчеловеке она достигает максимальной силы. Эта воля концентрирует в себе все творческие, созидательные способности человека.

В противоположность христианской любви к ближнему автор вводит понятие «любви к дальнему»³, что означает любовь к максимальному развитию воли к мощи одинаково как в себе, так и в других. То есть она предполагает любовь к себе, осуществляемому идеал сверхчеловека и любовь к другим, которые этот идеал олицетворяют.

На пути к сверхчеловеку должна раскрыться «дарящая добродетель»⁴. Это стремление отдавать свое внутреннее богатство всякому, нуждающемуся в нем, чтобы и в других была такая же полнота душевных сил.

У сверхчеловека должна произойти «переоценка ценностей», отказ от старой морали и замена ее своей. И после всего этого происходит «закат»⁵ человека. Но вслед за ним занимается «утренняя заря»⁶ — сверхчеловек, который обладает следующими качествами: ему все дозволено, ничто не может обладать им; он освободил свою жизнь от всего лишнего, причем сделал это сам, без подсказки, и стал абсолютно свободен. Он принадлежит типу аристократии. Жизнь для сверхчеловека — это постоянная борьба. Чтобы стать созидающим придется подвергнуться страданиям и многим превращениям. В противовес состраданию — утверждение эгоизма. Необходимо прислушаться к собственной самости, чтобы именно она реализовалась в созидании.

Сверхчеловек Ницше — высшая ступень развития. Он является абсолютно свободным, его действия — это практически произвол. Выше сверхчеловека нет ничего, он — вершина властной вертикали, совершенное создание. Для него нет обязательных моральных ценностей «вне», которые могут его сдерживать. Он — самый могущественный, наделенный высшей во-

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 32.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же.

лей, силой. Это, безусловно, сильное существо, которое может принимать решения, порой достаточно смелые. Он является уникальным, в отличие от всех людей, которые лишь масса, толпа. Он отважный. Он деятельный, то есть его сила направлена на изменение реального мира. Он не уходит в виртуальное пространство для того, чтобы поклоняться каким бы то ни было идолам. В своем становлении он проходит через многочисленные страдания, которые помогают стать ему еще сильнее, набраться опыта, максимально развить волевые качества. Лишь сверхчеловек способен творить, созидать. Он находится по ту сторону добра и зла, то есть морали. Все критерии оценки находятся внутри него. «Любви к ближнему» у него нет, зато появляется «любовь к дальнему», которая с лихвой заменяет предыдущую. Сверхчеловек решителен в своих действиях, настойчив в достижении целей, самоуверен, ибо если он не будет уверен в себе, то тогда нельзя верить ни во что, он знает, чего он хочет и как этого добиться, что тоже немаловажно. Он отвергает идеалы христианства, но сам заменяет умершего Бога. То есть заслуживает преклонения и почитания со стороны массы — серых людей, которые являются слабыми, не могут сами выбрать свой путь, свою жизнь.

По мнению исследователя, тот образ, который создал Ницше, зачастую надевают на себя современные политики. Для этого не обязательно называть себя сверхчеловеком, нужно лишь подчеркнуть, что в кандидате сконцентрированы вышеперечисленные характеристики. Можно легко заметить, что теория Ницше применялась на практике: как на Западе, так и в России. Конечно, в разное время акценты ставятся на различные характеристики героя, но базис остается один и тот же. И если правильно воспользоваться этим, то можно сказать, что лучшего способа добиться подчинения и придумать нельзя. Ведь в данном случае политик воздействует на архетипы людей, на их бессознательное. Ему не нужно рациональными методами получать право на господство.

Значение мифов не нужно недооценивать, хотя многие до сих пор считают, что миф — это обязательно что-то сверхъестественное, некая сказка. Но это не так. Миф — это просто история без мистики, магии и чудес. История, в которой нужно разобраться.

Библиография

1. *Кэмбелл Д.* Герой с тысячью лицами. — Киев: София, 1997. — 336 с.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 5–237.
3. *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. Исследование политической мифологии. — М.: Ладомир, 1999. — 441 с.
4. *Элиаде М.* Аспекты мифа. — М.: Академический Проект, 2000. — 223 с.
5. *Юн К.-Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. — Минск: Харвест, 2004. — 400 с.

Кирилл Михайлович Андерсон

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Осуществленная невозможность: экспериментальная утопия Нового времени

Аннотация

Со времен выхода в свет «Утопии» Томаса Мора принимался целый ряд попыток претворить в жизнь идеи об идеальном общественном устройстве, изложенные в учениях самых разных мыслителей. Раз за разом повторяющиеся в течение нескольких столетий акты, направленные на реализацию казалось бы несбыточной мечты, неумолимо разбивались о реальную жизненную практику. Однако с наступлением «Века пара» соотношение сил изменилось: впервые за многие годы была доказана правота теории со стороны реальной деятельности — и сделать это смог Роберт Оуэн. В работе описывается опыт целого ряда проектов Оуэна, включая фабрику в Нью-Лэнарке и общину «Новая Гармония», а также анализируются причины, по которым смогли сблизиться мечта и реальность, утопия и жизнь.

Ключевые слова: утопизм, Р. Оуэн, фабрика в Нью-Лэнарке, «Новая гармония», общины, XIX век.

В сентябре 1817 года в Лондоне, неподалеку от Флит-стрит, было открыто «Бюро Нового состояния общества», в которое приглашались все желающие счастья человечеству. Учредил Бюро Роберт Оуэн, задумавший изменить к лучшему мир, а заодно и Британию. Впервые в истории можно было официально записаться в волонтеры утопии.

Эпитетом «утопический», словно клеймом, отмечены многие учения, в силу этого отнесенные к разряду визионерских, неосуществимых. Между тем, на протяжении столетий предпринимались небезуспешные попытки воплотить «мечтания». Идеи «поистине золотой книжечки» Томаса Мора проступают в истории государства иезуитов в Парагвае, деяниях Васко де Кирог¹. Польский инсургент и беглый каторжник Беньовский в конце XVIII века намеревается создать город Солнца на Мадагаскаре². Проповеди Мюнцера

¹ См. Лафарг П. Поселения иезуитов в Парагвае // Из истории общественных течений (История социализма). 2 т. в одной кн. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1906. — С. 328, 359.; Мордвинцев В. Ф. Васко де Кирог и «Утопия» Томаса Мора // Томас Мор. Коммунистические идеалы и история культуры. — М.: Наука, 1981. — С. 165–190.

² Orłowski L. Maurycy August Beniowski. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1961. — 285 p.

различимы в учении анабаптистов и узаконениях Мюнстерской коммуны. Можно привести не один десяток примеров начатого, но незавершенного строительства «земного рая» вальденсами, гуситами, моравскими братьями и иными еретическими сообществами.

Эпизодически проявлявшееся стремление утвердить в жизни принципы общежития, заповеданные тем или иным Учителем, в XIX веке становится правилом. Новая индустриальная цивилизация изменила среду распространения социально-политических учений, включая те из них, которые, по словам Этьена Кабе, звали к «осуществлению невозможного»¹. Вращение идей в замкнутом кругу «образованной публики» преобразовалось в идеологию массовых движений, рожденных промышленной революцией.

Вызванные ею социальные сдвиги создали особый тип человека: волею экономических обстоятельств деятельного, мобильного, сопричастного не дрязгам местечкового базара, но рыночным отношениям, национальной экономике и политике². Человек толпы, вместе с подобными ему, образовывал массу, находившуюся в разнообразных движениях: от просветительских, до синдикалистских и политических. Он чувствовал свою силу и значение. Не случайно в середине XIX века кухарки, плотники, ткачи примутся писать и публиковать собственные мемуары, как будто они принадлежали к сливкам общества. Серьезнейшие авторы, к примеру Дж. Ст. Милль и Алексис де Токвиль, будут уделять человеку толпы больше внимания, чем коронованным особам, понимая его власть над событиями, а сам век пара нарекут веком толп.

Новые условия изменили соотношение теории и практики. Разумеется, между ними сохранялась известная дистанция, однако практика теперь не только отшлифовывала идеи, но и серьезно их переиначивала. Пожалуй, классическим примером тому может служить учение Роберта Оуэна³.

Склонный, как и большинство англичан, к прагматизму, Оуэн, став успешным предпринимателем, укоренился в нем. Он без обиняков выражал презрение к «кабинетным мыслителям» и отдавал предпочтение практическим доказательствам, а не теоретическим построениям, даже элегантным. Он осуждал существующий строй не за несправедливость, а за неразумность, которая выражалась в неспособности получать максимальную общественную выгоду от новейших средств производства.

Свое главное открытие Оуэн именовал «наукой об образовании челове-

¹ Кабе Э. Путешествие в Икарию. В 2 т. Т. 2. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 429.

² Подробнее см. Inglis B. Poverty and the Industrial Revolution. — London: Hodder & Stoughton, 1971. — 437 p.; Хобсбаум Э. Век революции. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 475 с.; Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. — М.: КоЛибри, 2008. — 430 с.

³ Подробнее см. Podmore F. Robert Owen: A Biography. — London: G. Allen & Unwin Ltd., 1923. — 688 p.; Подмарков В. Г. Роберт Оуэн — гуманист и мыслитель. — М.: Наука, 1976. — 128 с.; Андерсон К. М. Оуэнисты в Британии. — М.: Наука, 1989. — 251 с.

ческого характера», основной, а по сути — единственный постулат коей гласил — «характер человека формируется не им, но для него». «Человек продукт обстоятельств» — корявая фраза, излагающая суждение, распространенное среди просветителей задолго до Оуэна. Хотя Оуэн, вопреки его уверениям, не был автором этого тезиса, он первым попытался доказать его на практике. Фабрика в Нью-Лэнарке, совладельцем которой он стал, превратилась в «экспериментальный полигон». Оуэн пограл все теоретические устои промышленного менеджмента той поры. Его коллеги полагали, что увеличить прибыль можно только максимально обделив рабочего. Оуэн затратил огромные средства на обустройство быта рабочих, обучение их детей (одних только наглядных пособий было куплено на несколько тысяч фунтов), выплачивал пособия во время вынужденных простоев, т. е., по расхожему мнению, бросал деньги на ветер. Но не разорился: напротив, фабрика была самой прибыльной в Британии. Человек, сумевший накормить волков и сохранить овец, обрел европейскую славу. Под влиянием нью-лэнаркского эксперимента в Британии постепенно складывается система фабричного законодательства, до известной степени охраняющая права рабочих.

Поскольку практика доказала правоту его теории, избавив от социальных бед маленький фабричный городок, логично было перенести опыт на всю Британию, а затем и на все человечество, ибо они страдали от той же самой напасти. Весной 1817 года Оуэн обнародовал проект «самообеспечивающегося сельскохозяйственного и промышленного поселка единения и сотрудничества»¹. Как предприниматель и человек с практической сметкой, Оуэн звал к содействию властей, но полагал, что слова о возможном благе ничто в сравнении с живой демонстрацией этих благ в показательном «поселке».

После долгих мытарств, не добившись помощи государства и состоятельных британцев, в 1824 г. Оуэн создает в штате Индиана общину «Новая Гармония». Хотя Оуэн перессорился со многими своими последователями из-за вносимых ими мелких поправок в его проект «поселка», в котором он все рассчитал с точностью до пенса, «Новая Гармония» мало походила на «модель» и по архитектуре, и по укладу жизни. Тем не менее, Оуэн был доволен. Поселок, как и задумывалось, основывался на принципе совместного владения собственностью, совместного труда и потребления.

Опыт «Новой Гармонии» воздействовал на умы англичан, прежде всего из числа рабочих. Создать общину, бежать от дурного строя, нищеты, невежества, казалось заманчивым. Не хватало сущего пустяка — денег. Приверженцев революционной экспроприации в ту пору было немного. Опыт французов надолго отбил охоту к насильственным преобразованиям. Выход нашелся в принципах взаимопомощи, благо в Британии уже существовали законы, допускавшие создание больничных касс, артельных читален, потреби-

¹ Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк // Оуэн Р. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. — С. 268.

тельских товариществ. Схема выглядела просто и убедительно. Рабочие создают общества взаимопомощи, еженедельно делают взносы, со временем начинают совместно закупать продукты оптом, далее — организация собственного производства (пока ремесленного), затем аренда земли, переход в стадию «самообеспечивающегося поселка единения и сотрудничества», пусть не столь многочисленного и благоустроенного, как планировал Оуэн. Первой организацией, поставившей перед собой эту задачу, стало «Общество объединенных семей Спа-Филдс», возникшее в Лондоне в 1821 году. К 1831 году число подобных обществ в Британии достигло 900¹.

Поначалу Оуэн отнесся к объединениям своих сторонников-рабочих настороженно, ибо потребительские товарищества, с его точки зрения, смахивали на торговые ассоциации, а торговлю и торговцев он не жаловал. Но поскольку своей конечной целью они ставили устройство поселка по начертанному им плану, Оуэн не только смирился с их существованием, но и способствовал объединению их в одну организацию, на протяжении нескольких лет проводившую общенациональные конгрессы. Успехи «кооператоров», как именовались приверженцы оуэновской доктрины «сотрудничества» (*co-operation*, после 1834 года в употребление войдет «social system» или «socialism»), навели Оуэна на мысль о создании альтернативной, некапиталистической системы производства и распределения, основой которой должны были стать «рабочие базары», иначе — «биржи справедливого обмена труда», и производственные гильдии, создаваемые тред-юнионами. Пиком развития оуэнизма — как теории, так и движения — стало создание в 1834 году Великого национального союза производств, объединявшего, по некоторым данным, около полумиллиона человек. Союз просуществовал недолго, во многом благодаря преследованиям властей. Его гибель привела часть оуэнистов к убеждению в необходимости завоевания политической власти для обеспечения социально-экономических преобразований, и они основали чартистскую ассоциацию. Другие остались приверженцами сугубо экономической борьбы, заложив основы идеологии тред-юнионизма и кооперативного социализма.

Оуэновское учение, насыщенное утопическими идеями, принесло вполне зримые плоды во многом благодаря тому, что Роберт Оуэн, оставаясь непоколебимым в отношении общих принципов своего учения, адаптировал его к меняющейся практике. Разумеется, сказались и особенности развития Британии. Здесь существовало влиятельное рабочее движение, складывалось гражданское общество, чему способствовало британское законодательство. Этого были лишены при жизни Сен-Симон и Фурье, мыслители, близкие по духу Оуэну². Лишь в середине XIX века их учения будут переиначиваться,

¹ См. Holyoake G. J. The history of co-operation in England. London: Trübner & co., 1875. — Vol. 1. — 419 p.; Vol. 2. — 501 p.; Cole G. D. H. A Century of Co-operation. — Oxford: George Allen & Unwin Ltd., 1944. — 427 p.

² См. Кучеренко Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. — М.: Наука, 1975. — 358 с.; Ревякин А. В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. — М.:

приноравливаясь к социально-политическим реалиям, что требует от исследователя не только анализа творений основоположников систем, но и изучения их распространения, восприятия и влияния на практические движения.

Станислав Кириллович Андерсон

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Остзейский вопрос в творчестве Ю. Ф. Самарина

Аннотация

В статье рассмотрены работы Ю. Ф. Самарина из цикла «Окраины России» по остзейскому вопросу и актуальность обращения к этой теме в публицистическом наследии мыслителя. Рассматривается природа и суть проблемы Прибалтийского края в составе Российского государства, взгляды Самарина на её причины и пути разрешения, а также творчество публициста XIX века в контексте современных трудностей в отношениях Российской Федерации со странами Балтийского региона.

Ключевые слова: Остзейский вопрос, Юрий Федорович Самарин, Прибалтика, Остзейский край, русская публицистика второй половины XIX века.

Во второй половине XIX века на российском политическом небосклоне возник «остзейский вопрос», который был связан с особым положением Прибалтийского края в рамках Российской империи. Этот вопрос вызвал острую полемику в печати, которая велась на протяжении многих лет и имела даже международный резонанс.

Суть «остзейского» или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского» вопроса, сводилась к коллизии, связанной с двухмиллионным коренным населением края — латами и эстами, которых, с одной стороны, «онемечивало» остзейское меньшинство и лютеранская церковь, с другой, стремилась обрусить и прорусски настроить центральная власть и православная церковь.

Обсуждение положения в Прибалтике на страницах русской печати XIX века сыграло немалую роль в истории прибалтийских народов — эстонцев и латышей. Это обсуждение привлекло внимание широких кругов тогдашней

Наука, 1999. — 283 с.; Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений / Под ред. Прошиной Е. М. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 150 с.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

русской общественности к ненормальности положения в Прибалтике, где господствовал особый остзейский режим, сохранявший всю власть в крае в руках местных немецких баронов, где крестьяне были лишены земли и сколько-нибудь обеспеченного состояния. Обсуждение остзейского вопроса в русской печати получило внеевропейский резонанс, вызвав огромное количество статей и книг, в первую очередь, в германской, но также и во французской, английской, бельгийской, чешской прессе. Юрий Федорович Самарин является одной из ключевых фигур, участвовавших в полемике по остзейскому вопросу, отраженной в русской публицистике XIX века.

Попав в 1847 году по делам службы в Ригу в составе комиссии МВД по ревизии городского управления, Самарин два года провел в Прибалтике. Изучив городские архивы Риги, он написал историю этого города (издана в 1852 году в Петербурге под названием «Общественное устройство г. Риги»). В своих «Письмах из Риги» Самарин первым в русской печати дал развернутую историко-политическую характеристику Остзейского края, поднял вопрос об отношении прибалтийских немцев к России, нарушениях прав местного населения и русских людей в крае (за что был на 12 дней заключен в Петропавловскую крепость). После этого Самарин надолго перестал публично высказываться по остзейскому вопросу. По словам Самарина, «в российском обществе остзейский вопрос был забыт вместе с «Письмами».

Девятнадцать лет спустя, в газете «Москва», Самарин поместил ряд передовых статей, касавшихся жалкого, унижительного положения представителей православной церкви в балтийском обществе. За эти статьи, в которых министр внутренних дел обнаружил «возбуждение вражды в одной части народонаселения против другой», газета получила предостережение и подверглась трехмесячному запрещению. Систематическое возбуждение немецкой прессы по остзейским вопросам и послужило причиной появления «Окраин России». Возникшая несколько позже между русской и балтийской прессой полемика вызвала недоумение публициста. Самарин поставил перед собой цель — доказать, что «три губернии, в настоящее время разобщенные с Россией, и стремящиеся к еще большему разобщению с ней, убедились, наконец, что они составляют не передовое укрепление Германии, как они охотно себя величают, а западную, приморскую окраину России, и потому признали бы себя всецело, безоговорочно и навсегда связанными в настоящем и в будущем с судьбою последней»¹. В результате публицист приходит к следующему выводу: остзейцами уже выработана целая программа действий, включающая в себя три задачи: германизация «туземцев», опасность которой особенно велика потому, что земля находится в руках остзейцев, на их стороне политическая и экономическая сила в крае; сближение немецких сословий и онемечивающейся прослойки «туземцев» в интересах объеди-

¹ Самарин Ю. Ф. Окраины России. Вып. I. // Самарин Ю. Ф. Сочинения. В 8 т. Т. 8. — М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1890. — С. 12–14. URL: <http://knigafund.ru/bo-oks/8590> (дата обращения: 05.08.2009).

ненного противодействия русским «началам»; третья задача состоит в том, чтобы «довести правительство незаметным для него путем до признания балтийского германизма за политическую национальность» и создать особое остзейское государство в государстве со своей «земской конституцией».

Актуальность обращения к этой теме обусловлена рядом причин. Объективные процессы, происходящие в российском государстве и обществе, требуют изучения наследия прошлых лет под углом зрения современных смыслов, что характерно для истории социально-политической мысли. При этом совершенно очевидно, что в каждую эпоху развития социально-политической мысли по-новому интерпретируются, трактуются старые идеи, многие из которых представляют не просто исследовательский интерес, важны не просто как отрицательный или положительный опыт в конкретных исторических условиях, но, имея универсальный характер, приобретают практическое значение для современности. Особенно, если эти идеи помогают решить проблемы, актуальные и на сегодняшний день. С этой точки зрения, обращение к творческому наследию Юрия Федоровича Самарина весьма своевременно. Написанное Самариним читать не только интересно, но и крайне поучительно, потому что почти все его работы отточены, стройны, логичны, доказательны. Такой же характер носят и работы Самарина о Прибалтике. Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона — вопросы, ответы на которые публицист ищет в своих трудах. В современных условиях глобализации и биполярного мира эти вопросы все так же злободневны. Отличие заключается лишь в том, что расположены они уже в плоскости не внутренней, а внешней политики. Стремясь как можно скорее стать полноценными членами Европы, латыши и эстонцы стремятся забыть многовековую историю, связывающую народы России и Прибалтики.

Библиография

1. *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. — Тарту: Изд-во Тартусского гос. ун-та, 1961. — 186 с.
2. Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX — 30-е гг. XX века. — М.: ИВИ РАН, 2000. — 172 с.
3. *Самарин Ю. Ф.* О православии в прибалтийских губерниях // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 9. — М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1898. — С. 441–456. URL: <http://www.knigafund.ru/books/21134> (дата обращения: 05.08.2009).
4. *Самарин Ю. Ф.* Окраины России. Вып. I. // Самарин Ю. Ф. Сочинения. В 8 т. Т. 8. — М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1890. — С. 1–177. URL: <http://www.knigafund.ru/books/8590/> (дата обращения: 05.08.2009).
5. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — 421 с.

Стелла Игоревна Балахнина

Выпускница факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Справедливость как проблема политической теории: основные подходы в западной политической мысли во второй половине XX века

Аннотация

В статье анализируются три подхода к справедливости как проблеме политической теории, сложившиеся во второй половине XX века: либеральный, коммунитарный и неоконсервативный. Центральным вопросом дискуссии стал вопрос о справедливом государстве и необходимости осуществления им перераспределительных функций.

Ключевые слова: справедливость, либералы, коммунитаристы, неоконсерваторы, перераспределение, равенство.

Проблема справедливости тесно связана с историческим контекстом, социально-историческими реалиями того времени, в которое она рассматривается. Во второй половине XX века на формирование подходов к данной проблеме значительное влияние оказали такие явления, как возникновение государства всеобщего благосостояния, усиление бюрократии, а также появление в научном сообществе интереса к фундаментальным нормативным исследованиям политики.

Работа Джона Ролза «Теория справедливости» задала основное направление дискуссий по проблеме справедливости и оказала серьезное влияние на развитие политической мысли. Фундаментальный труд мыслителя стал первой крупной работой второй половины XX века, посвященной справедливости. Главной заслугой Ролза является разработка двух принципов организации справедливого государства — принципа свободы и принципа различия. Автор предложил собственную оригинальную версию теории общественного договора: принципы справедливости принимаются в ситуации «занавеса неведения». Его книга вызвала большое количество критических откликов в политической мысли в 1970–1980-е годы. Формулируя свои аргументы против теории Ролза, мыслители выработали собственные оригинальные концепции политической справедливости.

Во второй половине XX века сложилось три основных подхода к проблеме политической справедливости — либеральный, коммунитарный и неоконсервативный. К представителям либерального подхода относятся Дж. Ролз, Р. Дворкин, Дж. Бьюкенен, Р. Нозик. Коммунитарный подход

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

представлен работами А. МакИнтайра, М. Сандела, М. Уолцера, Ч. Тейлора. Ведущими же представителями неоконсервативного подхода выступают Л. Штраус и Д. Белл.

Специфика либерального подхода заключается в разработке содержательных принципов справедливости, на основе которых должно функционировать государство. Впервые такие принципы разработал Ролз, занимавший позицию либерал-реформизма, пытавшийся совместить свободу и социальное государство, считавший необходимым участие государства в перераспределении благ в пользу наименее обеспеченных категорий населения. С критикой Ролза в русле либерального подхода выступил радикальный либерал Роберт Нозик, для которого справедливость связана с эквивалентным обменом, происходящим между гражданами без участия государства. По Нозику, любое государство, выходящее за рамки минимального, нарушает права человека. В своей теории «справедливости как правоуполномочения» мыслитель использовал идею общественного договора и вывел три принципа справедливости: принцип справедливого приобретения ранее никому не принадлежавшей собственности, принцип справедливой передачи и принцип исправления ранее допущенной несправедливости.

Особенности коммунитарного направления заключаются в рассмотрении политической справедливости с точки зрения социального контекста. Коммунитаристы критикуют позицию либералов и отрицают возможность разработки универсальных принципов политической справедливости. Либералы считают, что не существует общего блага, поэтому государство должно признать право на существование любых индивидуальных концепций блага. Для коммунитаристов же существует определенное общее благо, следовательно, государство не может быть нейтральным в отношении концепций блага. Центральным понятием для коммунитаристов является «коммуна» — общность людей, которые разделяют общие ценности и историю, соучаствуют в действиях и имеют стремление к солидарности. Коммунитаристы считают, что справедливость должна быть ориентирована на защиту интересов общности, поэтому ее принципы зависят от социокультурных реалий конкретного общества. Коммунитарист Майкл Уолцер связывает принципы справедливости для современного западного общества с понятием «сложного равенства». Он вводит термин «сферы справедливости», под которыми понимает сферы обращения различных благ. Сложное равенство предполагает, что каждая из сфер справедливости обладает своим собственным уникальным критерием справедливости, который не должен применяться в другой сфере. В связи с этим, вопрос о необходимости осуществления перераспределительных функций государства также увязывается коммунитаристами с культурными традициями конкретной страны.

Представители неоконсервативного направления выступают против активного участия государства в перераспределении благ. По их мнению, справедливое политическое сообщество должно быть основано на принципе распределения пропорционально личному вкладу каждого человека. Дениел Белл раз-

работал «нормативную философию общественного хозяйства». Он является сторонником теории общественного договора и рассматривает его как приглашение о признании концепции справедливости, дающей всем людям ощущение честности и включенности в общество и способствующей — в пределах соответствующих сфер — большому равенству. Мыслитель считает невозможным нахождение единого критерия возмещения последствий социального неравенства и рассматривает его как следствие принадлежности индивида к определенной социальной группе. Сокращение неравенства возможно только внутри соответствующих социальных страт. Следовательно, Белл выступает против перераспределительных функций государства. Он считает, что государство, проводящую активную политику выравнивания экономических диспропорций, не является эффективным. Перераспределительный процесс нарушает баланс между распределением благ и экономическим ростом, а также приводит к возникновению «стационарного государства», т. е. такого, в котором чистые сбережения равны нулю. Новаторство концепции справедливости Белла проявляется в том, что в ней справедливость соединяется не с моралью, а с эффективностью, т. е. экономической категорией.

Таким образом, все три подхода к справедливости как проблеме политической теории, сложившиеся во второй половине XX века, обладают определенной спецификой и предлагают различные варианты решения данной проблемы. Центральным вопросом, по которому развернулась дискуссия, является вопрос о справедливом государстве и необходимости осуществления им перераспределительных функций.

Библиография

1. *Алексеева Т. А.* Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. — М.: МОНФ, 2001. — 241 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
3. *Кашиников Б. Н.* Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. — Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2004. — 260 с.
4. *Макеева Л. Б.* Дискуссия между «либералами» и «коммунитаристами» в социальной философии и этике // История философии: Запад — Россия — Восток (книга четвертая: Философия XX века) / Под ред. Мотрошиловой Н. В. и Руткевича А. М. — М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. — С. 425–427.
5. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 424 с.
6. *Оганесян А. К.* Равенство и справедливость (Концепции Д. Роулса и Д. Белла) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. — М.: Политиздат, 1990. — С. 214–228.
7. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? /

- Печерская Н. В. — Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 77–88.
8. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. с англ. и науч. ред. Целищева В. В. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та 1995. — 535 с.
9. *Сваровская Е. Б., Целищев В. В.* Структура «Теории справедливости» Дж.Роулза и ее место в современной политической философии // Гуманит. науки в Сибири. — 1996. — № 1. — С. 8–13.
10. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Перев. с англ. Макеевой Л. Б. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — 248 с.
11. *Шамилева Р. К.* Модели справедливости в современной либеральной теории Запада. — М.: МАКС Пресс, 2004. — 260 с.
-

Федор Сергеевич Богров

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Добродетель «существа политического»

Аннотация

Этическое учение древнегреческого философа Аристотеля является основой для политиков и законодателей в деле воспитания добродетельных граждан. В работе разбираются взгляды мыслителя относительно воспитания «добродетельного человека». Подробным образом анализируются пути достижения «человеческого блага», а также природа счастья и роль добродетели в процессе движения к нему; определяется место человеческого разума, философии и других наук в деле повышения уровня общественной морали, а также разбирается ключевая роль последней в вопросах государственного управления и установления наилучшей формы общественно-политического устройства. Устанавливается прямая зависимость уровня общественной нравственности от уровня нравственности властей предрежащих.

Ключевые слова: Аристотель, добродетель, человек, государство, счастье.

Общественная жизнь складывается не столько из определенных политических убеждений отдельных людей, сколько из самих людей, носителей этих убеждений. По Аристотелю, нрав людей, составляющих общество, определяет форму правления этого общества.

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Алексей Александрович Зоткин.**

Аристотель говорит, что нравственное воспитание человека начинается с установления правил поведения человека. Насаждать благонравие в обществе должны правители с помощью юридических законов, соответствующих справедливости, в лоне которой государство должно воспитывать своих граждан. Только счастье собственных граждан есть конечная цель внутренней политики государства, все остальные цели есть лишь вспомогательные для достижения оной.

Человек обладает смертным телом и бессмертным (божественным) умом. Цель человеческого существования есть достижение счастливого состояния. Человек, как и животное, обладает способностью к ощущению, то есть органами чувств. Имея способность получать ощущения, человек и животное выбирают удовольствие и избегают страдания. Но человек, в отличие от животного, имеет ум. Ум — это абстрактное мышление или мышление в понятиях. Не будь у человека ума, он вел бы такую же жизнь, как, скажем, медведь или волк.

«Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели»¹, — заключает Аристотель. Добродетельные поступки доставляют удовольствие во время их совершения. Это удовольствие есть благо. Такое благо есть путь к счастью. Счастье есть самодостаточное состояние. Поэтому невозможно к счастью добавить какое-нибудь еще благо и получить большее счастье.

Вне общества, то есть в природе, человек не может подняться выше животного существования ради сохранения своего тела и продолжения рода. Счастья человек может достичь только в обществе, ведя добродетельную жизнь. Однако при этом предполагается, что человеческое существование имеет смысл (логос), который заключен в уме. Если следовать этому логосу, то есть своей деятельностью воплощать его в жизнь, то само это инобытие божественного логоса в теле есть искомое земное человеческое счастье. Животное, не имеющее ума, не ведает этого логоса, и поэтому его деятельность ограничена достижением материальных благ.

Обладая телом, человек погружен в каждое его движение. Он получает ощущение удовольствия или неудовольствия не только от приема пищи, как животное, но и от своих поступков, касающихся его многообразных отношений к другим людям и к самому себе. Поступая добродетельно, человек получает подлинное удовольствие от существования своего тела, которое воплощает своими движениями мысль, которая делает возможным счастье. Поэтому есть добродетели мысленные и практические. Мы можем обладать знанием о добродетели, но не реализовывать ее своей жизнью. Только совершая добродетель, мы формируем добропорядочный нрав. Слово «нрав» в греческом языке производно от слова «привычка». Привычка облегчает выполнение привычного действия.

Лишь поступая добродетельно, человек достигает счастья. «Счастье —

¹ Аристотель. Никомахова этика. // Соч. в 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 64.

это высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие»¹. Ум, по Аристотелю, это одновременно и логос (суждение), и стремление. Наши мысли зависят от наших стремлений, то есть от нашего нрава. Нужно упражнять себя в добродетели, чтобы в дальнейшем легче ее осуществлять в соответствии с логосом (понятием) добродетельности. Человека, знающего, что есть добродетель, и поступающего добродетельно, Аристотель называет разумным.

Человек должен быть разумным, то есть поступающим с ближними и самим собой добродетельно, для того чтобы, достигнув состояния счастья земного, материального существования, направить деятельность своего ума не на объекты, лежащие вне себя, а на ту часть божественного, которая есть в человеке. Человек должен направить деятельность своего ума на сам ум, посредством которого возможны все практические науки, которые существуют не ради себя самих, а ради конечной, определенной цели (этика, политика). Философия дает возможность существования этих наук.

Аристотель говорит, что целью науки о государстве является наивысшее благо, потому что именно эта наука больше всего уделяет внимания тому, чтобы создать граждан определенного качества, то есть добродетельных и совершающих прекрасные поступки². Человек должен жить божественной частью своей души, умом. От более совершенной деятельности человек получает большее удовольствие и Аристотель полагает, что если ум в сравнении с человеком божественен то и жизнь, подчиненная уму, божественна в сравнении с человеческой жизнью³. Поэтому главная цель государства — это воспитание добродетельных граждан, стремящихся к прекрасному и занимающихся философией.

Библиография

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 54–77.
2. *Аристотель*. Большая этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 295–374.
3. *Аристотель*. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 375–644.
4. *Аристотель*. О душе // Сочинения: В 4-х т. Т. 1. — М.: Мысль, 1975. — С. 371–448.
5. *Аристотель*. Метафизика — М.: Эксмо, 2006 — 604 с.
6. *Виндельбанд В.* История древней философии. — Киев, Тандем, 1995. — 320 с.
7. *Мамардашвили М. К.* Лекции по античной философии. — М.: Аграф, 1997. — 311 с.

¹ Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 67.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 283.

Ольга Юрьевна Бойцова

Доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

**К вопросу о нормативных теориях
в современной политической науке**

Аннотация

Историко-политологическое исследование современной политической мысли требует четких оснований типологизации политических теорий. В статье рассматриваются три критерия отнесения политических теорий к разряду нормативных: по характеру нормативного долженствования, по направленности и по «носителю нормативности». На основании данных критериев описываются основные типы нормативных теорий в современной политической науке.

Ключевые слова: нормативизм, политическая теория, дескриптивная теория, прескриптивная теория, политическая теория, деонтологический подход, формальный подход, ценностный подход, эпистемологический подход.

Историко-политологическое исследование современной политической мысли требует четких оснований типологизации политических теорий. В современной политической науке фактом является концептуальная размытость термина «нормативизм», проявляющаяся не только в синхронном (в рамках единовременного дискурса), но и в диахронном плане: сложившаяся традиция отнесения к нормативизму определенных теорий не связана с жестко определенными критериями и не позволяет определить его специфику в качестве конкретного теоретико-методологического подхода, связанного с определенной научной школой или исследовательским направлением. В политологическом научном сообществе отсутствует консенсус по вопросу о критериях нормативности и соотношении нормативизма с другими теоретико-методологическими подходами.

Проведенный анализ современной политологической литературы¹ позволяет сделать вывод о том, что при отнесении политических теорий к разряду нормативных используются следующие основания:

А) *По характеру нормативного долженствования* выделяются формальный и ценностный подходы. Формальная трактовка рассматривает нормативность как следование определенным стандартам и правилам, а норма-

¹ Более подробно см.: Бойцова О. Ю. Нормативизм в западной политической мысли: проблема определения // ПОЛИС. — 2003. — № 6. — С. 27–38; Бойцова О. Ю. Нормативизм в западной политической мысли XX в. // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. — 2002. — № 5. — С. 20–38.

тивизм — как подход, исследующий нормативные системы как средство регулирования политических процессов. Ценностная трактовка связывает нормативность с аксиологической ориентацией, в частности, со стремлением подчинить сферу политического внеполитическим нормам, за которыми признается статус высших ценностей.

Б) По направленности выделяются три типа подходов, акцентирующие, соответственно, эпистемологические, аксиологические и деонтологические (директивная направленность и прескриптивность) характеристики. Эпистемологический подход связывает нормативность с высоким уровнем абстрагирования, противопоставляя нормативные теории эмпирическим исследованиям, а также с наличием императивов, регулирующих познавательную деятельность. Аксиологический рассматривает нормативность как соотношение с ценностями и противопоставляет ей ценностно-нейтральный подход и теории, игнорирующие вопросы ценностной регуляции. Деонтологический определяет нормативность как директивную направленность и прескриптивный характер теорий, проводя грань между ними и теориями описательного, дескриптивного типа.

В) По «носителю нормативности», т. е. в зависимости от того, прилагается свойство нормативности к содержанию исследований или к установкам самих теорий, выделяются два подхода. В первом случае в качестве нормативных выступают теории, которые ставят и решают нормативные проблемы. Во втором — те, которые зависят от определенных установок — ценностного или эпистемологического характера.

Основываясь на данных критериях, в современной политической науке можно выделить следующие типы нормативных теорий:

1. *Дескриптивные теории*, анализирующие нормативные системы и степень их воздействия на реальный политический процесс. Они расцениваются как нормативные, как правило, при формально-институциональной трактовке нормативизма.

Данные исследования опираются на эмпирические данные и претендуют на полное соответствие сциентистской модели «позитивной науки». Их объектом являются конкретные институты власти. Они исследуют нормы как кодифицированные и некодифицированные предписания и правила, регулирующие политические процессы, происхождение и генезис политических регулятивов, условия, в которых они приобретают, сохраняют и теряют влияние, их роль в политической жизни, механизмы их действия, особенности детерминации отдельных политических феноменов и т. д.

2. *Прескриптивные теории*, ориентированные на познание ограничений, которым подчиняется политика. Данные теории нормативны в силу своей деонтологической направленности — в них акцент ставится на должествование, предписывание. Среди них выделяются две группы:

1) Теории политики. В центре внимания находятся такие вопросы, как способы оптимизации политической организации и связанные с этим требования к процедуре принятия и реализации политических решений, основания

сопоставления и оценки политических режимов и пр. Прескриптивность теорий данной группы может покоиться как на формальном, так и на ценностном основании. Соответственно, в качестве подтипов выступают:

а) теории, разрабатывающие формальные модели, имеющие характер «инструкций», т. е. предписывающие определенные алгоритмы решения политических задач¹;

б) теории, подчиняющие политику социально-культурным регулятивам и требующие оценивать институты и действия в зависимости от их соответствия нормам морали, религии, традиции и пр.

2) Теории политического познания. Это теории, устанавливающие определенную «норму познания» в политической мысли и, соответственно, выполняющие директивную и регулятивную функции в процессе получения политического знания. Они выполняют функции парадигмы, т. е. определяют образцы научного исследования, модели постановки проблем и методы их решения².

III. «Нормальные» теории. Они являются «нормальными» в куновском понимании данного термина — как подчиняющиеся установленной «норме познания». Такие теории причисляют к числу нормативных на основании трактовки нормативности как следования установленным нормам, зависимости от определенных стандартов.

Отнесение данного типа теорий к политическому нормативизму — наиболее дискуссионный вопрос. С одной стороны, следует отметить, что подобный подход существенно затрудняет спецификацию нормативизма как теоретико-методологического подхода в политической науке, предельно затрудняя разграничение его с другими подходами. Действительно, практически невозможно вычленив в политической науке XX в. концепции, не подчиняющиеся никаким эвристическим нормам, следовательно, все они должны рассматриваться как нормативные. В другой стороны, нельзя обойти вниманием указанное понимание нормативности и нормативизма. В частности, именно тот аспект нормативности предельно актуализировали мыслители постмодернистского направления, заострив внимание на политическом характере не только любого нормативного регулирования в обществе, но и любой стандартизации и институционализации познавательного процесса³.

¹ При подобной трактовке нормативности исследователи отводят нормативным моделям более значимую роль не в фундаментальных, а в прикладных исследованиях, обосновывающих практические рекомендации для политиков (См., напр.: Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. — 2003. — № 1. — С. 159–170; Quade E. S. Analysis for public decisions. — New York: North-Holland, 1989. — 409 p.).

² См.: Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ; Ермак, 2003. — 365 с.

³ Проблема нормативной силы институтов науки требует особого внимания, позицию автора по этому вопросу см. в.: Бойцова О. Ю. Власть нормы и норма власти: о специфике нормативного подхода в западной политической мысли XX в. — М.: Современные тетради, 2004. — 158 с.

В целом представляется, что предложенная типология позволит решать задачу анализа нормативизма в политической науке с позиций комплексного подхода, при котором учитываются установки и исследовательские стратегии, представляющие различные типы нормативности в политическом познании. Возможно, это позволит преодолеть неопределенность, порождаемую спецификой политологического дискурса, в рамках которого не сложилось убедительной традиции спецификации нормативизма как единого теоретико-методологического подхода, соотносимого с определенной научной школой или исследовательским направлением.

Вера Александровна Вархотова

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Основные тенденции развития идеи вечного мира в истории социально-политической мысли Европы Нового и Новейшего времени

Аннотация

В статье выделяются и описываются основные тенденции и этапы развития идеи вечного мира в истории политической мысли Европы XVI–XIX вв. Проанализировав наиболее значительные трактаты по данной тематике, делается вывод о том, что на протяжении четырех столетий формы выражения идеи мира эволюционировали — от гуманистических призывов до политических проектов и программных документов пафлистских общественных организаций.

Ключевые слова: идея вечного мира, основные тенденции и этапы эволюции, историко-политологический подход, инструменты реализации вечного мира, основы вечного мира.

В политической мысли Европы одной из самых актуальных тем на протяжении веков оставалась проблема поиска основ вечного мира. Творчество гуманистов разных эпох, посвященное разработке проектов по установлению мира, привело к формированию в истории социально-политической мысли своеобразной «мирной традиции».

Использование историко-политологического подхода позволяет выделить ряд этапов и тенденций в развитии идеи мира в истории социально-политической мысли.

Зарождение идеи всеобщего вечного мира произошло в политических учениях эпохи Возрождения. Этому способствовали, с одной стороны, территориальные войны, сопровождавшие процесс образования централизован-

ных государств и формирования международной политической системы, с другой — становление новой гуманистической философии, для которой были характерны обращение от общих проблем бытия и познания к человеку как таковому, его внутреннему миру, утверждение ценности и уникальности человеческой жизни. Необходимо отметить, что гуманисты, выступая с требованиями всеобщего мира, в основном связывали возможности его установления с доброй моральной природой человека, но не предлагали практических механизмов прекращения войн.

По мере того как более светским и рационалистическим становилось сознание европейцев, место религии занимала наука, оформлялась международная политическая система, идея мира в XVII в. изменяла свое содержание и приобретала новые характерные черты. Теперь установление мира между людьми заключалось не только в моральной природе последних, а связывалось с разработкой конкретных инструментов — договора между государствами и организации арбитражного суда для политического, а не силового решения конфликтов.

В Эпоху Просвещения дальнейшая эволюция идеи мира характеризовалась подробной разработкой механизмов установления и поддержания без войн. Европейские мыслители обращались к разуму, логике, экономической выгоде, обосновывая необходимость и возможность установления мира. Особое место в ряду проектов мира этого периода времени занимает трактат «К вечному миру» И. Канта. В целом, предложения и разработки мыслителей эпохи Просвещения составили рационально-правовую концепцию мира, поскольку возможность последнего связывали с урегулированием международных отношений на основе подчинения государств нормам права, вырабатываемым международным судом, а в обоснование его необходимости приводили доводы рационального, а не морального порядка.

Идея мира в политических учениях XIX в. отразила специфику эпохи промышленной революции и ее реалий. Можно говорить о формировании «экономической» концепции мира, сторонники которой (А. Сен-Симон, Ш. Фурье) связывали необходимость прекращения войн с тем, что только мир является оптимальным условием для развития промышленности, торговли и экономики всех стран, для материального и духовного развития человека, для социального прогресса. Основу всеобщего мира социалисты-утописты находили в организации производства и распределения в интересах всего общества, а не отдельных индивидов и групп, во всеобщем сотрудничестве. Таким образом, в развитии идеи мира сформировалась новая тенденция, поскольку мыслители «уходили» от разработки инструментов предотвращения конфликтов и обращались к разработке принципов преобразования социально-экономических отношений как основе всеобщего мира.

Во второй половине XIX века в развитии идеи мира обозначилось новое направление. Многочисленные теории об установлении всеобщего вечного мира, разработанные гуманистами многих поколений, нашли свое отражение и реализацию в программах общественных движений за мир. В частности, в

программе Женевской Лиги за мир и свободу (1867) использовались идеи просветителей о демократизации общества как основе мира, о создании Конгресса с функциями международного арбитра. Таким образом, с формированием пацифистского движения идея мира вышла за рамки умозрительных проектов и стала частью политической жизни общества, завершив свое развитие по пути приобретения все более практического содержания. И хотя общественные организации и движения за мир не имели полномочий принимать решения об образовании «международного суда», создании «Соединенных Штатов Европы» и т. п., тем не менее, они оказали влияние на создание таких политических организаций, как Лига Наций, ООН, определив дальнейший — практический — вектор развития идеи мира.

Таким образом, изучение идеи мира в творчестве европейских мыслителей XVI–XIX вв., во-первых, позволяет выделить ряд этапов ее эволюции, особенности каждого из которых обусловлены социально-политическим и культурным контекстами эпохи. Во-вторых, анализируя трактаты о мире, создаваемые в разные периоды истории, можно выявить определенную преемственность «мирной традиции». Так, идея договора как способа решения спорных вопросов, впервые высказанная английскими мыслителями Т. Гоббсом и Дж. Локком, до логического завершения была доведена И. Кантом в его концепции о всемирной федерации народов, основанной на добровольном разумном естественном заключении договора между государствами. Идея о том, что для установления межгосударственного мира необходима демократизация внутри каждого государства была впервые высказана Ж.-Ж Руссо, а переосмыслена в XIX в. участниками общественной Лиги за мир и свободу. Наконец, можно выделить определенный вектор эволюции идеи мира в истории политической мысли Европы XVI–XIX вв., зафиксировать нарастание ее практической значимости на протяжении нескольких столетий: от гуманистических призывов к миру до политических проектов, от философских трактатов до программных документов международных миротворческих организаций, от разработки механизмов реализации мира до разработки принципов изменения социально-экономических отношений. Таким образом, идея мира, пройдя многовековое развитие, из сферы духовной культуры преломилась в область общественной деятельности и политической практики.

Библиография

1. *Сен-Пьер Ш.* Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж Руссо) // Трактаты о вечном мире. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. — С. 107–137.
2. *Камаровский Л. А.* Успехи идеи мира. — М.: Гросман и Кнебель, 1898. — 219 с.
3. *Купер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816–1871) // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. — М.: ИВИ РАН, 1998. — С. 68–93.

4. *Пенн У.* Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств // Тракта-ты о вечном мире. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. — С. 82–106.
 5. *Кант И.* К вечному миру // Тракта-ты о вечном мире. — М.: Издатель-ство социально-экономической литературы, 1963. — С. 150–192.
 6. *Роттердамский Э.* Жалоба мира // Тракта-ты о вечном мире. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. — С. 39–65,
 7. *Руссо Ж.-Ж.* Суждение о вечном мире // Тракта-ты о вечном мире. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. — С. 138–149.
 8. *Carr E. H.* The League of Peace and Freedom // International Affairs. — 1935. — Vol. 14. — № 6. — P. 837–844.
 9. Peace projects of the XVIII century. Comprising A shorter project for per-petual peace. — New York: Garland Pub., 1974. — 44 p.
-

Виктор Николаевич Ватыль

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Общетеоретические основания социально-политического идеала в российском либерализме Серебряного века

Аннотация

На основе анализа ключевых работ раннего российского соци-ального либерализма представлены теоретические принципы социально-политического идеала. Исходным среди них прин-цип личности, понимаемой как принцип бесконечного нравст-венного самосовершенствования. Показаны взаимосвязи дан-ного принципа с категориями свободы и равенства, его взаи-мосвязи с конкретной социокультурной средой.

Ключевые слова: ранний российский социальный либерализм, идеал, принцип личности, свобода, равенство, культура.

Представители российского социального либерализма рубежа XIX — XX вв. исходили из того, что принцип личности является определяющим общетеоретическим началом и выступает основанием социально-политиче-ского идеала. Если сущность абсолютного идеала заключается в требовании бесконечного совершенствования, то в применении к общественной жизни это требование может быть осуществлено только через личность. Школа «нравственного идеализма» в российском социальном либерализме утвер-

ждала, что нравственное определение относительного в общественном идеале становится возможным, если абсолютное получает нравственную же интерпретацию: «В центре построений общественной философии, — писал Новгородцев, — должна быть поставлена не будущая гармония истории, не идея земного рая, а вечный идеал добра, обязательный для каждого исторического периода, для каждого поколения, для каждого лица в конце истории, как и в ее начале»¹. Но вечный идеал добра обязывает признать личность той реальностью, через которую могут быть осуществлены нравственные требования причастности абсолютному закону добра. «В области общественных явлений, — отмечал Новгородцев, — не может быть какой-либо другой высшей нормы, кроме той, которая должна руководить человеком в его личной жизни»².

В его понимании содержание социально-политического идеала должно быть ограничено теми пределами, которые полагаются началом личности, взятой во всей полноте ее идеальных стремлений. Рассматривая личность в ее общественном проявлении, он выделял требования свободы и равенства. «Безусловное значение человека. — отмечал философ, — предполагает свободу как естественное и необходимое выражение его нравственного существа; без свободы мы не мыслим личности. С другой стороны, так как в каждом человеке мы должны признать эту высшую нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства. Представить себе общественный прогресс без стремления к осуществлению этих начал — равенства и свободы — немислимо»³. Из понятия личности вытекают не только права этой личности, но и обязанности. Живя в кругу себе подобных, личность не может отрицать права окружающих, не отрицая себя как личность и свои права. Следовательно, уже в самом понятии личности берут свое начало как ее притязания на равенство и свободу, так и обязанность солидарности и единства с другими, то есть с обществом.

Понимание в ее своеобразии и особенности делает невозможным полное осуществление притязаний на свободу и равенство, ставя этому осуществлению известные ограничения. Безграничное развитие свободы ведет к углублению общественного неравенства, осуществление всеобщего равенства имеет своим последствием полное подавление свободы. В итоге неолберальная философско-правовая мысль приходила к пониманию антиномичности природы требований, входящих в содержание общественного идеала. Такое понимание существенно отличалось от классической либеральной парадигмы, в контексте которой равновесие общественного и личного начал существовало в форме юридического равенства. При таком чисто внешнем порядке все в равной мере ограничивают друг друга при посредстве закона, но это не имеет ничего общего с внутренним единством. Что же касается

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М.: УРСС, 1991. — С. 66–67.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 110–111.

второго начала общественного идеала — свободы, то в классической либеральной парадигме она существовала только внутри общих для всех границ, причем является содержательно неопределенной.

В соответствии с представлением социально-политического идеала в неолиберальной политико-правовой мысли, каждый человек не должен быть ни средством чужой деятельности, ни ее границей: он должен быть ее целью в собственном смысле этого слова. Идея равенства имеет реальный смысл в соотносении с идеей справедливости лишь как требование возможного равенства условий для развития личности в целях ее свободного самоопределения и нравственной автономии. В то же время идея равенства людей необходимо включает в себя идею свободы как нормы человеческих отношений, поскольку ни один человек не имеет естественного права подавлять личность другого насильственными средствами. Неолиберальные философы критиковали идею приоритетности равенства перед свободой. «На стремление к свободе без равенства. — писал Котляровский, — смотрели как на известного рода измену народным интересам, и привилегированной свободе решительно предпочитали равенство в бесправии»¹. Равенство без свободы, по мнению неолибералов, означало бы качественное тождество людей, противоречащее самой идее человека и упраздняющее его бытие в качестве такового. «Нравственно необходимы, — отмечал Струве, — в равенстве моменты: во-первых, самоцельности человека — человек никогда не может быть рассматриваем как чье-либо орудие — и, во-вторых, воплощения в каждом человеке высшего блага в человеческой форме индивидуальности»².

Рассматривая личность как исходное начало и содержание общественного идеала, неолиберальные политические мыслители рассматривали идею личности в контексте культуры. Культура как творчество по преобразованию действительности, направленное на установление целесообразно выработанных форм духовного общественного бытия, означает развитие планомерности в человеческой жизни. Но планомерность предполагает момент организации и подчинения личности государственной воле. На основании этого может возникнуть убеждение, что развитие культуры обеспечивается только подчинением личности воле целого. В связи с этим Струве и Франк подвергают критике социалистический идеал демократического деспотизма, в котором абсолютизируется момент организации, планомерности общественной жизни. Сколь ни правомерна и полезна для культурного прогресса организация и дисциплина, абсолютизация идеи организованности сама по себе пагубно действует на культуру. Поэтому «идея рационализации общественной жизни, приведении всего к одному знаменателю, распределения всего в точ-

¹ Котляровский С. А. Проблема демократизации государства // Полярная звезда. — 1906. — № 13. — С. 92.

² Струве П. Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. — М.: Республика, 1997. — С. 382–383.

ном порядке и на своем месте, есть в принципе антикультурная идея»¹.

Конфликт между планомерным культурным творчеством и свободой личности, считали они, в своей основе имеет прежде всего моральную основу. Отсюда возникают крайности в разрешении этого конфликта. Если, как утверждают одни, личность есть высшая ценность для политического идеала, которая с точки зрения нравственности неприкосновенна, то необходимо отказаться от участия в общественном деле, преследующем отдаленную культурную цель. Если, как считают другие, направить все усилия для осуществления этой цели, то отдельная личность выступает лишь средством достижения этой цели. Налицо моральная антиномия, разрешение которой возможно при достижении компромисса между политической необходимостью и уважением к человеческой личности².

Николай Викторович Ватыль

Студент юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Трактовка политического насилия в работе И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»

Аннотация

В статье характеризуются понятнейшие признаки политического насилия (в том числе положительных и отрицательных черт, присущих последнему), а также его связь с такими категориями, как власть, личность, свобода. Дана оценка понимания Иваном Александровичем Ильиным (1883–1954 гг.) политического насилия как одного из инструментов осуществления государственной власти.

Ключевые слова: политическое насилие, власть, поступок, умысел, принуждение.

Среди ключевых факторов, обеспечивающих стабильность и эффективность власти как одного из основных элементов государства, особо выделяется взаимодействие политических и социальных институтов, направленное на подчинение воли граждан как субъектов управления. «Если власть не добивается подчинения граждан, она исчезает как таковая. И потому органы насилия и принуждения ... являются необходимым элементом власти»³. Од-

¹ Струве П. Б., Франк С. Л. Очерки философии культуры. Культура и личность // Полярная звезда. — 1905. — № 3. — С. 179.

² Там же.

³ Теория власти: учеб. пособие для вузов / Желтов В. В. — М.: Флинта; МПСИ, 2008. — С. 32.

ним из вариантов такого подчинения выступает политическое насилие.

В общем понимании насилие — «действие, направленное на намеренное нанесение ущерба субъектам действия или вещам либо на уничтожение последних»¹. В политологии насилие чаще определяют как «разновидность отношений власти, поскольку последняя представляет собой господство одной воли над другой, принятие решения за другого»². Некоторые современные ученые рассматривают политическое насилие как норму в контексте ее законности либо незаконности³. Такая множественность дефиниций показывает, что категория политического насилия до конца не разработана и еще не имеет однозначной трактовки, что обуславливает актуальность темы нашего исследования.

Для рассмотрения категории политического насилия мы проанализируем работу русского государствоведа И. А. Ильина (1883–1954 гг.) «О сопротивлении злу силою» (1925 год). Данный труд явился ответом толстовству — религиозно-нравственному учению непротивлению злу, синонимом которого выступает насилие в любых формах и проявлениях⁴. Политика есть род человеческой деятельности, которая всегда — так или иначе — строится на сознательном отношении человека к себе, окружающим и своему делу, а такое отношение невозможно вне оценивания в категориях добра и зла⁵. Добро и зло у Ильина неразрывно связаны с внутренним миром человека. Только сознательный, волевой поступок, имеющий умысел и мотивированную направленность, может иметь добрую или злую окраску. Данные категории являются проявлениями нравственности, свободного человеческого духа. «Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях, как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла»⁶.

Поэтому преобразующее воздействие на зло как «противодуховную вражду» через добро как «одухотворенную любовь» может осуществляться только во внутреннем мире человека. И такое воздействие возможно без применения внешнего физического принуждения и насилия как его проявления — ненасильственно, путем убеждения, разъяснения и просвещения. Но следует помнить, что преимущества ненасильственного воздействия сугубо ситуативны: «Ненасилие, по существу, есть оружие сильного. В руках сла-

¹ Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Аверьянов Ю. И. — М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. — С. 191.

² Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3 / Институт философии РАН. — М.: Мысль, 2000. — С. 14.

³ Свендсен Л. Философия зла. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — С. 274.

⁴ Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4 / Институт философии РАН. — М.: Мысль, 2000. — С. 77.

⁵ Политология: Лексикон / Под ред. Соловьева И. А. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 267.

⁶ Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Лисицы Ю. Т. — М.: Русская книга, 1996. — С. 43.

бого — перед лицом вооруженного насильника — ненасилие есть всего лишь трусость»¹.

Ученый объясняет необходимость действенного сопротивления тем, что все люди, являясь физически обособленными индивидами, в своем высшем проявлении — духе, являются одной, целостной общностью. «Вследствие такой бессознательной цельности общения и передачи ни добро, ни зло не имеют в жизни людей «чисто личного» или «частного» характера»². Действия по предотвращению могут быть выражены в форме психического понуждения, состоящего в «душевном давлении на волю человека, причем это давление должно побудить его волю к известному решению»³. Однако зачастую случается, что в силу яркой выраженности агрессии, отсутствия времени, возможности либо смысла для реализации психологического понуждения, необходимо перейти к крайней, стадии воздействия — насилию.

И психическое, и физическое воздействие направлены не только на перерождение злой воли, но также на защиту общей цели всех людей как духовной общности. А целью этой является общее благо, которое либо присутствует у всех, либо ни у кого. Чувство взаимной связи и взаимной ответственности перед общей целью является духовной основой любой общественной организации. И каждый член такой организации, оказывая сопротивление злой воли в любой форме, делает это не по своей прихоти, не в форме произвола, а исполняет свой долг перед общим делом. «Именно благодаря тому, что духовно осмысленная общественная власть почерпает свои права из отношения к общей цели, а свою силу — из общей солидарности, воля каждого отдельного члена вливается в эту власть, признает ее добровольно и, подчиняясь ей, сохраняет свою духовную свободу»⁴.

Прибегающий к насилию как последнему аргументу в процессе осуществления власти должен чувствовать в этом долг, а не привилегию, и «только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ею; найти и sobлюсти в ней должную меру; помнить о ее несправедности и о ее духовной опасности»⁵.

Таким образом, И. А. Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силой» характеризует политическое насилие как последнюю, но необходимую меру в ходе осуществления власти. Он выводит необходимость применения насилия исходя из важности защиты таких духовных первооснов человеческого существования в едином государственном союзе, как общая цель и общее благо.

¹ Ганди М. К. Моя жизнь. — М.: Наука, 1969. — С. 506.

² Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Лисицы Ю. Т. — М.: Русская книга, 1996. — С. 157

³ Там же. С. 51–52.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Там же. С. 210.

Богдан Витальевич Вовченко

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Социально-политические идеалы православного фундаментализма

Аннотация

Русская Православная Церковь на протяжении всего своего существования представляла собой достаточно неоднородное образование, в рамках которого действовали различные религиозные группировки, положения учений которых не всегда совпадали догмами, на которые опиралось высшее церковное руководство. Одним из наиболее крупных таких течений является православный фундаментализм. В статье исследуются социально-политические идеалы, исповедуемые в православном фундаментализме современной России. В качестве выразительного примера подобных взглядов приводится концепция «монашеского государства», разработанная монахом Максимианом (Архангельским) в книге «Церковь и государство».

Ключевые слова: фундаментализм, Церковь, государство, социально-политический идеал.

На протяжении всей своей многовековой истории Русская православная церковь (РПЦ) никогда не представляла собой однородный организм. На современном этапе ее развития, кроме официального выразителя церковного мнения в лице Московского патриархата, существует ряд внутрицерковных объединений представителей духовенства. Нередко основные положения вероучений таких идейно-религиозных течений идут вразрез с политическими и социальными институтами современного им общества. К сожалению, современные российские политологи не уделяют достаточного внимания исследованию социально-политических аспектов учений данных группировок, что особенно актуально в связи с ростом религиозного экстремизма в современном мире.

Несмотря на то, что внутри РПЦ существует достаточно большое количество вышеуказанных группировок, наиболее многочисленными из них являются православные фундаменталисты². Они же пропагандируют максимально радикальные взгляды на решение социально-политических вопросов. В связи с этим представляется наиболее актуальным охарактеризовать соци-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Дмитрий Васильевич Ермашов**.

² Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 210–211.

ально-политические идеалы представителей православного фундаментализма.

В политическом плане фундаменталисты, чьи богословские установки основаны на манихейском восприятии мира, крайне враждебно относятся к любым проявлениям церковно-государственных отношений. В их рядах широко распространены апокалиптические настроения, поэтому они призывают к отказу от любых форм участия в политическом процессе и построению так называемого «монашеского государства». Такая модель православной государственности, по их мнению, способствует подготовке человечества к грядущему Судному дню.

Особо следует подчеркнуть, что позиция фундаменталистов определена стремлением к консервативной модернизации. Фактически они (возможно и не осознавая) в своем стремлении вернуться к некоему золотому веку русского православия хотят значительно изменить Церковь. Как отмечает Е. Холмогоров, религиозный фундаментализм отнюдь не консервативен, напротив — он обычно революционен и поражает масштабами своих социальных проектов¹. Лидеры фундаменталистов часто склонны к модернизации либо коренной переработке традиционного ортодоксального учения в близком себе духе.

На наш взгляд, выразительным примером фундаменталистских социально-политических воззрений является произведение монаха Максиана (Архангельского) «Церковь и государство». В этой работе автор излагает собственную историсофскую концепцию, в которой в частности рассматривает проблему построения православной государственности.

Происхождение государства автор связывает с грехопадением первого человека. Он считает, что в личности Адама и его жены Богом были заложены соответственно прообразы Церкви и государства. В Эдеме Господь устроил так, что Ева не играла особой роли, а выступала лишь в качестве помощника в обустройстве райского сада. За Адамом же оставалась главная функция человеческого бытия, которая заключалась в любви к Богу. Таким образом, уже на начальном этапе человеческой истории, с точки зрения Максиана, в церковно-государственных отношениях проявляется отчетливое доминирование Церкви.

Как известно, по библейскому сюжету именно Ева непосредственно повлияла на богоотступничество первочеловека, за что они были изгнаны из Эдема на «проклятую» землю. С этого момента начинается, пока лишь символическое, противостояние Церкви и государства, которое впоследствии усиливается после убийства Авеля братом Каином. Это преступление окончательно разделяет весь человеческий род на сынов Божьих и каинитов.

¹ Холмогоров Е. С. Застенчивая иерократия. Заметки на полях «Основ социальной концепции РПЦ» // Отечественные записки. — 2001. — № 1. — С. 183. Более подробно см.: Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. — 2000. — № 5; Кырлежев А. И. Религиозный фундаментализм // Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. — М.: Мысль, 2000–2001. — Т. 4. — С. 280–281.

Фактически вся известная история человечества есть история развития каинитов, «общества язычников», которые на протяжении своего существования продолжали укрепляться в грехе и отступать от Бога. Это проявлялось и проявляется по сей день в их стремлении достичь удовлетворения своих потребностей, главными из которых являются власть и богатство. Следствием подобного стремления стало возникновение государственного аппарата и социальных институтов, которые предназначаются для обслуживания личных и общественных интересов людей.

Воспринимая государство в качестве одного из базовых источников по поддержанию зла в мире, Максиану свойственно резкое отрицание любых церковно-государственных отношений. Отвергая традиционную идею построения православной государственности на основе классической концепции симфонии властей, Максиан взамен предлагает оригинальную альтернативу — монашеское государство.

Высказывая тезис о постоянном обмирщении Церкви и ее постепенном духовном крушении, автор утверждает, что «только монашество несет в себе чистое исповедание Христа и единой, святой, соборной и апостольской Церкви»¹. Монахи основывают свою жизнь на главной заповеди любви к Богу, которая, по мысли Максиана, стоит выше любви к ближнему. Только соблюдение этой заповеди может остановить отступничество от Христа. Поэтому автор предлагает христианам оставить всякую политику и социальное устройство суетного мира. Таким образом, можно говорить, что Максиан проповедует полный уход из мира, своеобразный эстархизм, т. е. выход христиан за рамки юрисдикции государства. В итоге это приведет к образованию «монастырей-народов, детоводимых вселенской Церковью ко Христу»². Подобный анклав будет существовать в рамках Вселенского Монашеского Государства, в котором «власть гражданского закона и духовная власть Церкви соединяются в неспянное и нераздельное единство власти церковно-монастырской государственности»³.

Как видно из краткого анализа, в работе монаха Максиана «Церковь и государство» излагаются довольно мрачные взгляды на государство, которое преподносится в качестве еретической организации. Взамен Максиан предлагает построить православную государственность путем превращения социума в подобие мирового монастыря, чтобы оградить его стенами «сынов Божьих» и саму Церковь от соблазнов мира. В этом Вселенском Монашеском Государстве под руководством монахов как носителей чистоты православной веры христиане в полной аскезе будут готовиться ко встрече с Христом во время Второго Пришествия.

¹ Максиан (Архангельский), монах. Церковь и государство. — М.: Спутник+, 2002. — С. 9.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 94.

Ольга Александровна Гусева

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Международные отношения в политической философии Г. В. Ф. Гегеля

Аннотация

Статья представляет собой обзор теоретического и конкретно исторического аспектов представления Гегеля о международных отношениях. В ней также затрагивается гегелевское философское понятие войны, ее взаимосвязь с всемирной историей, взгляды мыслителя на войну как конкретный способ решения конфликтов.

Ключевые слова: государство, война, международные отношения, всемирная история.

Выбор политической философии Гегеля в качестве объекта исследования обусловлен существованием бесконечных интерпретаций его идей, вырванных из конкретно-исторического контекста гегелевского учения. Оно используется для обоснования таких положений, о которых не идет речь ни в ранних гегелевских работах, ни в «Философии права» и других произведениях позднего периода. Те или иные интерпретации не раскрывают суть теории и методологии гегелевской философии, а скорее затемняют ее.

Необходим анализ теоретического и исторического аспектов гегелевского представления о международных отношениях. В связи с этим необходимо рассмотреть гегелевское философское понятие войны, а также его взгляды на войну как конкретный способ решения международных конфликтов.

Согласно Гегелю, всемирная история есть обнаружение духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть. Всемирная история не начинается с сознательной цели отдельных людей и даже народов: она начинается со своей общей цели. Отдельные народы, ища себя, оказываются лишь средствами, орудиями. Действуя согласно своим целям и страстям, бессознательному стремлению, народы оказываются тем, что воплощают их действия. Народ нравственен, а также силен, так как, создавая то, чего он желает, он защищает свое дело против внешней агрессии, объективируя себя. После того как исчезает противоположность между народом и его высшим интересом, народ живет, сообразуясь с действительностью, и «эта привычка вызывает естественную смерть»². Начинается изолирование индиви-

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Алексей Александрович Зоткин.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 121.

дуумов друг от друга, их стремление к личной выгоде, что приводит к гибели народа. Дух народа есть лишь момент единого всеобщего духа, который, проходя эти моменты, завершается в истории, постигает себя и возвращается к себе. Самый последний период в ходе развития всемирно-исторического народа — это соприкосновение его с народом, который должен затем стать всемирно-историческим. Смысл столкновений и войн обнаруживается во всеобщей цели абсолютного духа. История идет вперед, исторические индивидуумы умирают, исчерпав свои жизненные силы, а эстафета прогресса переходит к другому народу. Эту мысль Гегель раскрывает в «Философии истории» и повторяет в «Философии права». Он пишет: «...единственный абсолютный судья, который всегда выступает, и выступает против особенного, есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории как всеобщее и как действующий род»¹. В рамках такого философского понимания войны можно, по мнению ряда толкователей Гегеля, оправдать любую войну или международную агрессию. Однако неправомерно делать заключение, что Гегель выступает за равнодушное примирение со всякой исторической несправедливостью, имеющей место в отношениях между государствами. Разумность действительности Гегель ищет в ней самой, а не в утопических идеалах или искусственных конструкциях. Разумный дух реализует себя только в ходе всего исторического развития человечества, а поэтому лишь целостность развития и конечный результат соответствуют требованиям разума.

Еще в своих ранних политических произведениях Гегель указывает на то, что в войне проявляются все внутренние противоречия и проблемы государства. Война показывает насколько прочны связи внутри государства, в какой степени подданные готовы содействовать сохранению государства. Время военных действий заставляет каждого жертвовать частными благами, а нередко и жизнью ради сохранения государства. Интерес и право отдельного лица становятся незначительными по отношению к идеальности внешнего суверенитета государства. Здесь выражена диалектика конечного и бесконечного, необходимого и случайного. Во время продолжительного мира внутренние части государства затвердевают и оказываются отделены от целого. Сфера частного интереса поглощает человека, и единство субъективного и объективного исчезает.

Специфика гегелевского учения о взаимоотношениях государств обусловлена, в частности, его трактовкой сферы международного права как внешнего государственного права. То есть само государство воплощает в себе это право. Внешнее государственное право исходит из взаимоотношений суверенных и самостоятельных государств. Но оно не является действительным, Гегель характеризует его как должествование. Само по себе международное право и возможность установления правовых отношений Гегель не отвергает. Государства должны признавать друг друга в качестве суве-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 285.

ренных и независимых, не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Но подобные формальные моменты долженствования определяются силой существования особенного государства. Только сила является гарантией признания, даже если оно не выражено официально. При этом государство склонно нарушать договоры, приходящие в противоречие с его волей и стремлением. Гегель пишет, что «...нравственная субстанция государство, имеет свое наличное бытие, то есть свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения»¹.

Гегелевское учение о международных отношениях тесно связано с его философско-исторической концепцией, но в то же время имеет самостоятельное значение. В гегелевских суждениях об эпохах господствующих наций речь идет о смене циклов культурных сфер, а вовсе не о международном политическом господстве или военных завоеваниях. С точки зрения отдельных моментов международных отношений Гегель принимает определенные правила и нормы.

Основы взаимоотношений государств Гегель ищет в реальности, не создавая идеальных конструкций. Тезис о разумной действительности следует понимать только в контексте всего философского учения Гегеля, так как понятие разума и действительности отображает специфическое понимание автором этих категорий.

Библиография

1. *Гегель Г. В. Ф.* Политические произведения. — М.: Наука, 1978. — 437 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет в двух томах. Том 2. — М.: Мысль, 1971. — 630 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Система наук. Часть первая. Феноменология духа. — СПб: Наука, 2006. — 443 с.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 2000. — 477 с.
6. *Дворцов А. Т.* Гегель. — М.: Наука, 1972. — 173 с.
7. *Кузнецов В. Н.* Немецкая классическая философия. — М.: Высшая школа, 2003. — 437 с.
8. *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. — М.: Наука, 1987. — 614 с.
9. *Нерсесянц В. С.* История политических и правовых учений : учебник для вузов. — М.: НОРМА, 2005. — 703 с.
10. *Нерсесянц В. С.* Философия права Гегеля. — М.: Юрист, 1998. — 350 с.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 368.

Асланбек Хаважович Денильханов

Кандидат политических наук, философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Естественно-правовая проблематика в русской либеральной мысли на рубеже XIX–XX веков

Аннотация

В статье характеризуется либеральное движение в России на рубеже XIX–XX вв., его программные требования, формы политической борьбы, естественное право, как основа теории реформизма. Обосновывается вывод, что общедемократические идеи социально-политических преобразований либералов того периода не имели практического приложения.

Ключевые слова: П. И. Новгородцев, либерализм, естественное право, право положительное, правосознание, реформизм.

Политическая система Российской империи на рубеже XIX–XX вв. характеризовалась рядом особенностей, существенно отличающих ее от соседних европейских государств. Это был период напряженной общественно-политической борьбы, которая заставила страну активно развиваться в сторону демократии, усваивать европейский опыт формы правления. Зарождавшийся капитализм имел свою специфику, обусловленную полным контролем абсолютистского государства над экономикой страны. В результате неравномерного и скачкообразного индустриального развития обострялись противоречия аграрного и промышленного секторов экономики, центров и окраин, передовой технологии и архаичных социально-политических институтов (общины, помещичьего землевладения, абсолютизма, сословности)¹.

Социальной структуре российского общества придавала своеобразие политически активная разночинная интеллигенция, находившаяся в оппозиции правящему режиму и являвшаяся ядром различного рода антиправительственных и реформаторских движений, в том числе и либерального².

В качестве средства для социально-политического преобразования либеральная интеллигенция признавала только реформы. В это время в России сложилось влиятельное юридическое направление общественной мысли, дававшее сильные импульсы общественному сознанию. Это П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский и многие другие. Одной из составных частей теории ре-

¹ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. — М.: Наука, 1974. — 412 с.; Миронов Б. Н. Внутренний рынок в России. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века. — Л.: Наука, 1981. — 259 с.

² См.: Павлов Д. Б., Шелохаев В. В. Российские либералы: кадеты и октябристы. — М.: РОССПЭН, 1996. — 304 с.

формизма явилось «возрожденное естественное право». Последнее олицетворяло собой целое естественно-правовое течение и не замыкалось в строгие рамки юридической тематики.

По утверждению одного из наиболее ярких представителей этого направления П. И. Новгородцева, идея естественного права была «частным отражением более общего мирозерцания и более широкого морально-практического настроения. Еще прежде, чем о ней заговорили новейшие юристы, она нашла для себя место среди политических идей прогрессивных партий»¹.

«Возрожденное естественное право» складывалось из идей естественного права, которое, по мысли авторов, могло обретать разные формы в разные исторические периоды. Оно не было явлением чисто русским и развивалось в России параллельно с такими же разработками на Западе.

Либерализм как интеллектуальная традиция русской общественной мысли восходит к XVIII в. Так называемый «новый либерализм» как идеологическое течение развивался с начала XX в. до октября 1917 г. и носил все признаки социального либерализма. Его адепты — П. И. Новгородцев, Н. И. Кареев, Б. А. Кистяковский, С. И. Гессен, М. М. Ковалевский, П. Н. Милков, Л. И. Петражицкий, С. А. Муромцев и другие — провозглашали основополагающее значение «права на достойное человеческое существование» каждого человека. Эта благородная социальная позиция соединения классического либерализма и социалистической традиции побуждала к теоретическому осмыслению проблем правового государства и «правового» социализма в условиях идейной борьбы с представителями как консервативных, так и леворадикальных сил.

В 1902 г. в Москве был опубликован сборник статей «Проблемы идеализма», в котором с одной идеологической позиции выступила значительная часть представителей «возрожденного естественного права». В нем были опубликованы программные для либеральной интеллигенции этого периода статьи: «Нравственный идеализм в философии права» П. И. Новгородцева, «Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем» Б. А. Кистяковского, «Этическая проблема в свете философского идеализма» Н. А. Бердяева, а также статьи Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве².

По-разному обосновывая естественно-правовую идею, участники его сходились в том, что «возрожденное естественное право» фактически представляет собой нравственные требования к праву положительному. Поэтому в узком смысле слова под «возрожденным естественным правом» следует понимать доктрину «нравственного идеализма в праве».

Дальнейшее развитие идеи «возрожденного естественного права» получили в период после революции 1905–1907 гг. и нашли свое отражение в из-

¹ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в праве // Проблемы идеализма. — М.: Типография И. Н. Кушнарева, 1902. — С. 242.

² Там же. С. 248.

вестном сборнике «Вехи» (1909), провозгласившем отказ от революционной борьбы и призывавшем к религиозному «обновлению»¹. Воплощением «веховской» идеологии явилось усиление роста религиозно-этических концепций. Принципиальное отличие заключалось в том, что естественное право понималось ими не как нравственное требование к праву положительному, а как идея, рациональный смысл права, реально существующий в жизни. Однако такое правопонимание, когда в положительном праве заключали идею права, недалеко было до оправдания существующего строя, как воплощенной идеи права.

Общей для всех естественно-правовых теорий в России этого периода являлась идеалистическая методология. На ее основе разрешалась основная проблема «возрожденного естественного права» — соотношение права и морали. Дискуссии по данному вопросу подводили итог длительным поискам нравственного оправдания общественных отношений, начатые еще в 40-е годы XIX века, особую остроту получившие у «шестидесятников» и народо-вольческих теоретиков и завершившиеся теперь на фоне нараставшего государственного кризиса.

Неудивительно, что эти идеи получили наивысшее развитие в период первой русской революции. Революционный вызов требовал немедленного ответа как на теоретическом, философско-правовом уровне, так и на уровне практической политики. Выражалось это в том, что, будучи идеологическим центром борьбы с революционно-демократическим течением, сторонники «возрожденного естественного права» открыто выступали против революционного пути развития России.

Не случайно была найдена формула, объясняющая, по мнению ряда мыслителей, все то, что происходило в политической жизни России на рубеже веков, — «кризис современного правосознания»². «Кризис» этот пытались преодолеть с помощью развития и пропаганды идеи о связи права с деятельностью и свободой общественного человека, с моральным долженствованием, с внутренним психологическим отношением людей к нормативному регулированию их жизни и т. п. При этом все надежды возлагались на власть, на ее способность к проведению реформ. Данное обстоятельство привело к тому, что в России конца XIX — начала XX в. имевшие общедемократический характер идеи правовых начал в деятельности государства, равенства перед законом и судом, концепция прав человека и т. п. были далеки от реальности и не могли получить практического воплощения.

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Бердяев Н. А., Булгаков С. Н., Гершензон М. О. и др. — М.: Типолит. товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. — 219 с.

² См.: Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии и психологии. — 1901. — Кн. 56. — С. 113; Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. — С. 420; Чичерин Б. Н. Философия права. — М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1900. — С. 24.

Наталья Владимировна Евдокимова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Проблема воспитания идеального человека (М. Лютер, Т. Мор)

Аннотация

В статье сравниваются представления М. Лютера и Т. Мора относительно идеала человека.

Ключевые слова: Реформация, Возрождение, идеал человека, труд, религия, воспитание, свобода воли.

Проблема идеала занимала умы мыслителей во все времена. С ней напрямую связан один из главных споров политической и философской мысли: возможность прогресса человеческого общества. Из множества разрозненных представлений об идеальном правителе, образе жизни, путях научения складывается социальный идеал. Важное место занимает проблема человека и его воспитания. Для него создаются законы, система воспитания и образования.

Особый интерес в изучении проблемы идеального человека вызывают переходные, переломные моменты истории — эпохи, когда меняются общественные представления, идет поиск новых путей развития. В их числе XIV–XVI века, часто именуемые эпохой Возрождения и Реформации. Эти определения нередко употребляют вместе, но не как тождественные.

Что же их объединяет? Отрицание средневековых идеалов и представлений о мире. В Средневековье господствовала вера в неизменность мироздания, существовало сословное деление общества, отсюда корпоративность и отсутствие стремления к прогрессу, совершенствованию.

Т. Мор и М. Лютер — важнейшие мыслители эпохи Возрождения и Реформации². В их представлении идеальный человек — человек деятельный, занимающий свое положение в обществе благодаря таланту и труду, а не знатному происхождению. Для Мора труд умственный выше физического, в идеальном государстве Утопия посвящать все свое время наукам могут лишь избранные: «...в каждом городе имеется лишь немного лиц, которые освобождены от прочих трудов и приставлены только к учению, это именно те, у кого с детства обнаружили прекрасные способности, выдающийся талант и призвание к полезным наукам»³. Лютер не делает различий: «человек име-

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Кирилл Михайлович Андерсон**.

² См. Шурбелев А. П. Мартин Лютер как политический мыслитель : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.01. — СПб., 1998. — 17 с; Осинковский И. Н. Томас Мор. — М.: Мысль, 1985. — 174 с.

³ Мор Т. Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. — М.: Худ. лит., 1971. — С. 98.

ет двойственную природу — сущность духовную и сущность физическую»¹. У Мора обязательный труд является источником равенства, для Лютера же он — призвание и служение Богу.

Взгляды обоих мыслителей сходны в понимании необходимости реформирования религии и Церкви. Мор выступал за свободу совести, но не призывал к атеизму. Идеи всесвященства и свободы толкования священного Писания Лютера являются одними из основ новой религии.

Лютер и Мор считают, что воспитание — обязанность государства: «И кто иной, кроме властей, не обращающих внимания на воспитание и обучение детей, повинен в том, что сейчас во всех городах ощущается нехватка образованных людей, а дети растут, как деревья в лесу?»².

По-разному основатель движения Реформации Лютер и один из главных гуманистов своей эпохи Мор отвечают на вопрос о свободе человеческой воли. Спасение предопределено Богом, и человек не в силах что-либо изменить, считает Лютер. Для Мора человек — существо свободное, способное влиять на свою судьбу.

Мартин Лютер и Томас Мор дают общие по духу ответы на вопрос о том, каким должен быть идеальный человек, это подводит к мысли о необходимости изменения норм человеческого общежития. Кто из мыслителей оказал большее влияние? Сложно определить. Мор внес неоспоримый вклад в теорию, повлиял на интеллектуальные элиты. Лютер — на массовое движение, основав новую ветвь христианства, близкую пониманию простого человека.

Библиография

1. *Мор Т.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков : антология. — М.: Художественная литература, 1971. — С. 39–139.
2. *Лютер М.* О свободе христианина // Лютер М. Избранные произведения. — СПб.: Андреев и согласие, 1994. — С. 16–54.
3. *Лютер М.* К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Лютер М. Избранные произведения. — СПб.: Андреев и согласие, 1994. — С. 164–184.
4. *Лютер М.* 95 тезисов. — СПб.: Роза мира, 2002. — 673 с.
5. *Осиновский И. Н.* Томас Мор. — М.: Мысль, 1985. — 174 с.
6. *Шурбелев А. П.* Мартин Лютер как политический мыслитель : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.01. — СПб., 1998. — 17 с.

¹ Лютер М. О свободе христианина // Лютер М. Избранные произведения. — СПб.: Андреев и согласие, 1994. — С. 14

² Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Лютер М. Избранные произведения. — СПб.: Андреев и согласие, 1994. — С. 169.

Анастасия Сергеевна Ермолина

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским как памятник русской политической мысли XVI века

Аннотация

В статье на основе переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским рассматриваются духовно-политические концепции двух выдающихся общественных деятелей и публицистов XVI века, внесших значительный вклад в сокровищницу отечественной политической мысли.

Ключевые слова: Иван Грозный, Андрей Курбский, духовно-политическая концепция, самодержавие, Святорусское царство, «нестяжатели».

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским является важнейшим источником по истории русской социально-политической мысли XVI века. В ходе переписки ее участниками в целостном виде были сформулированы две самостоятельные духовно-политические концепции, отражающие различные традиции понимания происхождения, целей и границ власти и методов управления государством.

Исторический контекст возникновения переписки следующий. Инициатором полемики стал русский воевода Андрей Михайлович Курбский, происходивший из древнего знатного рода ярославских князей. Более 15 лет Курбский нес военную службу в войсках царя Ивана IV, участвовал, среди прочего, в завоевании Казани в 1552 г. и Ливонской войне, где прославился как храбрый полководец и талантливый управленец (был назначен воеводой в Юрьев Ливонский). В ранние годы царствования Ивана IV князь участвовал в проведении политики «Избранной рады» (термин Курбского) — круга приближенных к царю «просвещенных советников». Опасаясь за свою жизнь из-за начавшихся на Руси гонений и казней бояр, в 1564 году князь Курбский бежал в Литву, откуда в том же году написал свое первое «обвинительное» послание царю.

Иван IV Грозный — первый русский царь, во времена правления которого к Руси были присоединены Казанское и Астраханское царства, проведены масштабные внутриполитические реформы, свернутые, впрочем, в период введения института опричнины, оставил после себя внушительный корпус сочинений публицистического жанра (два послания А. М. Курбскому, три послания шведскому королю Юхану III, ответ Яну Роките, посла-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Сергей Вячеславович Перевезенцев**.

ние в Кирилло-Белозерский монастырь, два послания польскому королю Стефану Баторию и др.).

5 июля 1564 года Иван Грозный отправил Курбскому развернутый ответ, который, по замыслу царя, предназначался не только непосредственному адресату, но гораздо более широкой аудитории (в «Российское... государство»). Последующие послания датируются 1577 г. (второе послание Грозного Курбскому) и 1579 г. (второе и третье послания Курбского Грозному, причем второе послание Курбский писал и редактировал около 15 лет). Важно указать, что эта переписка не дошла до нас ни в автографах, ни в современных ей списках, а сохранилась лишь в рукописной традиции XVII-XIX веков и в нескольких редакциях, однако считается исследователями достоверной (хотя не отрицается и наличие более поздних вставок, сделанных уже в XVII веке).

В своих посланиях Курбскому Иван IV Грозный формулирует и развивает основные принципы самодержавной власти русских государей, из которых выделяются:

1) идея божественного происхождения царской власти и богоизбранности личности царя;

2) принцип неограниченной самодержавной власти: воля государя не ограничена ни другими лицами, ни гражданскими законами — он руководствуется только высшим законом совести (в трактовке царя — прямыми Божественными указаниями);

3) идея высокой ответственности государя за исполнение своего предназначения — просвещения всего мира светом евангельской истины, сохранение чистоты веры и превращение православия во вселенскую религию.

Важной стороной духовно-политической концепции Ивана Грозного стало понимание методов воплощения теоретических постулатов в реальную политическую практику, главным и единственным среди которых им был объявлен «страх», принуждение. Будучи подготовленным всей предшествующей религиозно-политической мыслью к идее высокого призвания правителя Русского государства, Иван Грозный выбирает жесткие методы для выполнения возложенных на него задач, и с тем же намерением гарантировать результат взятых на себя обязательств отказывается от помощи политических советников.

Этот комплекс политических идей, выстроенный Иваном Грозным в своих посланиях Курбскому, послужил в дальнейшем одним из источников формирования идеологии самодержавной власти русских государей. Так, во второй половине XVII века, за период правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, была выработана и реализована концепция самодержавной монархии Московской Руси — «российское самодержавство», — во многом перекликавшаяся с принципами духовно-политической концепции Ивана Грозного.

Послания князя Курбского Грозному свидетельствуют о принадлежности первого к «нестыжательской» традиции древнерусской мысли, представ-

ленной такими фигурами, как Максим Грек, Нил Сорский, Ермолай-Еразм, митрополит Макарий, священник Сильвестр. В трудах и общественной деятельности этих мыслителей, равно как и в посланиях Курбского, присутствует идея богоизбранности Русского государства, необходимости хранения в чистоте истинной веры, высокого призвания и ответственности государя.

Андрей Курбский неоднократно называет свою Родину «Святорусской землей», поскольку полагает, что только на Руси христианство сохранилось в первоначальном, неповрежденном виде. Однако он отрицает божественное происхождение царской власти, а тем более самой личности царя. Так же чужда князю идея неограниченной самодержавной власти.

Святорусский идеал для Курбского остался в прошлом, во времена правления «Избранной рады», когда «благочестивый царь» окружал себя мудрыми советниками и управлял государством, прислушиваясь к их мнению, а также к советам «всенародных человек» (по предположению отечественных исследователей, имеются в виду Земские соборы, созывавшиеся в первые годы царствования Ивана IV). Основной принцип управления государством, следующий из сочинений Курбского и находящийся в полном согласии с «нестяжательской» традицией, — «любовь», толкуемая в свете евангельских заветов.

Идеи, содержащиеся в посланиях князя Андрея Михайловича Курбского, не нашли отклика в современной ему политической практике, однако стали серьезным стимулом для дальнейшего теоретического осмысления поставленных им проблем. Так, в политических концепциях XVII века обосновывается необходимость ограничения власти царя действующими в государстве законами, а также отстаивается идея профессиональной государственной деятельности в противовес случайных «назначенцев» на высокие государственные посты.

Библиография

1. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской литературы от Владимира Святого до конца XVII века. — М.: Территория будущего, 2006. — 365 с.
2. *Громов М. Н., Мильков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. — СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. — 959 с.
3. *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. — 224 с.
4. Иван Грозный / Под. ред. Перевезенцева С. В. Сост.: Ермашов Д. В., Перевезенцев С. В., Фомин В. В. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. — 284 с.
5. *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт Древней России // Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. — М.: Правда, 1989. — С. 11–67.

6. *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. — М.: Московский рабочий, 1989. — 174 с.
 7. *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. — М.: Издательство УРАО, 2001. — 161 с.
 8. Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. Творогова О. В. — М.: Просвещение, 1996. — 240 с.
 9. *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — М.: Наука, 1993. — С. 214–249.
 10. Царь Иван IV Грозный / Сост. Перевезенцев С. В. — М.: Русский Мирь, 2005. — 719 с.
 11. *Перевезенцев С. В.* Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. — 2006. — № 4. — С. 88–97.
 12. Русская социально-политическая мысль X— начала XX века. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства / Под ред. Перевезенцева С. В. Авт.-сост.: Ермашов Д. В., Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А., при участии Талиной Г. В. — М.: Информационно-издательская продюсерская компания «Ихтиос», издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. — 156 с.
 13. *Филлюшкин А. И.* Андрей Курбский. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 299 с.
 14. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 401 с.
-

Марат Умербаевич Ибраев

Соискатель Кокшетауского государственного университета имени Шокана Уалиханова

Концепт политической власти в учении классического евразийства

Аннотация

В статье выявлены основные признаки политической власти. Дана критическая оценка теории и практики властных отношений в западноевропейском обществе. Вскрыты негативные стороны опыта советской власти. Предложена типология евразийского понимания власти.

Ключевые слова: политическая власть, концепт, евразийство, теория и практика власти.

Рассмотрение работ основоположников и ведущих представителей классического евразийства по обозначенной теме показывает, что они сформиро-

вали совокупность взаимосвязанных положений по вопросу о власти. В первую очередь они критически оценивали западно-европейское понимание власти, считая, что оно не отражает волю народа и не соответствует принципам народовластия. На этой основе евразийцы также выступали против европейской типологии форм власти, считая главным ее недостатком то, что выделяемые в её рамках формы не указывают реальных носителей власти. Формальный подход к рассмотрению власти в политической мысли Запада акцентировал метод осуществления народом своей власти в то время как евразийское учение о сущности и истоках демократического государства признавало народ единственным и реальным носителем власти.

Евразийские мыслители создают свою типологию форм власти, в основании которой лежит неформальный принцип отношений между официальными органами и правящим слоем государства, подчеркивая, что эта типология отражает реальное соотношение власти и народного волеизъявления.

Евразийская система состоит из двух типов власти. Согласно первому типу — существует соответствие между структурой общества и составом ведущего слоя — властно-иерархическая форма власти. Данный тип власти (во всяком случае, в его теоретическом, идейном обосновании) больше соответствует феодализму и мало напоминает расстановку социальных сил в современных европейских странах. Другое дело, что в текущей политической жизни Европы складывается ситуация, в которой ведущий слой в свою очередь формируется из представителей высших слоев общества, однако это не является правовой нормой, которая закрепляет такое положение на законодательном уровне.

В соответствии со вторым типом, правящий слой формирует государственные органы власти путем комбинации своих собственных сил с представителями народа. Ведущий слой не отождествляет свою организацию с государственной, то есть существует параллельно с государством. Внимательный взгляд на эту типологию показывает, что здесь просматривается аналогия с советской политической системой, в которой существует правящий слой — партия большевиков» которая официально не считается органом власти и существует, таким образом, параллельно с официальными органами власти — Советами. При определенной комбинации этих двух политических сил происходит формирование официальных органов власти.

Имея определенную привлекательность, предложенная евразийцами типология имела и определенные недостатки. Они появлялись в связи с тем, что отражали опыт только двух общественно-политических устройств. Одно из них соответствовало историческому прошлому феодальной Европы и никак не могло быть применено к европейским политическим институтам на современном этапе их развития. Второй тип формы власти учитывал реалии Советской России, то есть только единичный случай, который можно рассматривать как исключение из общего правила. Помимо этого тенденция подвести правовое обоснование и оправдать советскую политическую систему теоретическими выкладками поставило под вопрос объективность рас-

смотрения данной проблемы.

Стремясь найти такой тип власти, при котором у власти были бы лучшие, действующие в соответствии с общим благом всего населения, евразийцы не смогли выйти за пределы античной и европейской традиции. Вслед за своими предшественниками они решают этот вопрос через создание политического механизма, но не учитывают самый главный фактор — личность человека. В конечном итоге, они приходят к традиционной утопической ситуации, когда желаемое выдается за действительное.

Составляющими евразийского концепта политической власти выступают суждения о государственной власти и ее устройстве. Критикуя исторический опыт государств Европы по причине несоответствия европейских политических институтов основным принципам народоправства, евразийцы в то же время определяя *демотию* как народное государство, в определенной степени воспринимают наработки видных представителей европейской демократии. Так, например, органична идеям евразийской демотии политическая идея народоправия Ж. Ж.Руссо, в которой общая воля народа заключается в том, что она не противоречит интересам частного лица. Общая воля заботится об общих интересах, об общем благе, благе для всех, уже поэтому она не может нанести вред конкретному человеку. В общих положениях — идея общей воли, изложенная Руссо, соответствует евразийским представлениям о всеобщей воле государственной симфонической личности и так называемой «положительной обязанности», которая представляет мнение всех, учитывая мнение каждого.

Вместе с тем, у Руссо евразийцам импонирует не все. Если у Руссо принцип народоправия определяется тем, что источником власти является не государство, не аристократия, не монарх, а народ, то у евразийцев принцип народоправия — означает только способ управления и сущность государства, а источником власти является государственная идеология. Тем самым, евразийцы, в отличие от представителей демократического направления европейской политической школы, используют принцип народоправия и народовластия опосредованно, через государственную идеологию. Из этого следовало, что евразийцы не принимают идею народного суверенитета (идею Руссо), предлагая взамен идею взаимодействия народа и государственной идеи. В этом двуединстве на первом месте стоит государственная идея, которая есть источник власти, рождающийся в народном сознании и оформляющийся в правящем слое.

Расхождение в определении источника верховной власти объясняется тем, что евразийцы, в отличие от Руссо (как, впрочем, и остальных философов-просветителей), иначе рассматривают процесс образования государства. Идею договорного начала евразийцы противопоставляют идею органического развития культуры, венцом которой выступает государство. Вследствие этого, начало государственности у евразийцев объясняется иначе, как и проблема взаимоотношений личности и государства.

У западно-европейских мыслителей раннего Нового времени идея лич-

ности, защита ее прав и свобод или борьба за возвращение личности к ее естественному состоянию выступает исходной. У евразийцев же тема противостояния личности и государства отсутствует. Соединив общество и государство, объявив последнее народным по существу, евразийцы полностью подчинили человека государству, которое, по их мнению, воплощает общую волю, разрешающую проблему противоборства частного лица и общественного целого. Общая воля, олицетворенная в государстве, через правящий слой определяет, что хорошо и что плохо для человека. Государство берет на себя право решать все жизненно важные вопросы. Этот тезис становится ключевым для евразийской концепции власти и государства.

При признании верховенства принципа народоправия, евразийская модель власти отличается от властных концепций европейского демократизма, так как она отрицает суверенитет народа, рассматривает проблему взаимоотношений власти и личности в неразрывном единстве с государством, а также полностью подчиняет личность государству.

Иван Андреевич Козиков

Доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Д. И. Менделеев о безопасности России

Аннотация

В статье рассматриваются идеи и положения Д. И. Менделеева о внешних угрозах и укреплении безопасности и территориальной целостности России.

Ключевые слова: территориальные проблемы человечества, безопасность России, территориальная целостность. России.

Для российского общества современный этап его истории характеризуется тем, что с особой остротой встала проблема укрепления и обеспечения её безопасности, сохранения суверенитета как независимого государства. Патриотические силы страны в острой борьбе против внешних и внутренних недругов России ищут пути сохранения своей Родины как единого и неразделимого, суверенного государства. Вопросы защиты страны от внешних посягательств всегда были в центре внимания и волновали российских патриотов. В связи с этим большой интерес и актуальность представляют мысли наших естествоиспытателей, среди которых можно назвать Д. И. Менделеева, который большое внимание уделял проблеме безопасности России, рассматривал её глубоко и всесторонне, наметил ключевые направления для её обеспечения, сохранения страны как развивающегося сильного и независимого государства. Хотя свои идеи он формулировал и

доносил до общественности в начале XX века, однако последовавшие в нем события и реалии научающегося века XXI подтвердили его предвидения.

Подходя к проблеме безопасности страны конкретно-исторически, Д. И. Менделеев учитывал тенденции мирового развития, исторический опыт народов и России. Прежде всего, он глубоко раскрыл причины экспансионистской политики других государств, особенно Запада, в отношении России. Он показал, что большинство войн в мире происходило из-за территорий. Рост народонаселения и рост потребностей, как отмечал он, побуждает те или иные страны к захвату территорий. «Главные черты истории определяются стремлением народов заполучить себе землю, что за последний век выразилось преимущественно в колониальной политике»¹. Менделеев отмечал, что к началу XX столетия почти вся поверхность земли человечеством охвачена, однако между народами распределена неравномерно. Поэтому будут и далее возникать территориальные проблемы, и будут порождаться постоянные войны, в которых целью будет захват чужих территорий, то есть, попытки передела уже поделенного мира. «Период бывших еще сравнительно исторически недавно крупных изменений в границах стран и в их составе в общих чертах почти закончился, но я — при всем желании мирного решения международных столкновений — не могу думать, что войны прекратятся в ближайшее время, потому что неравномерность условий разных стран будет еще долго возбуждать споры и зависть, кончающиеся войнами»², — отмечал Д. И. Менделеев.

Как показала история, всё XX столетие развивалось по определенному ученому сценарию. В первой половине XX столетия и, в частности, в первой мировой войне, была первая серьезная попытка территориального передела мира. Вторая мировая война в середине XX века была, по своей сути, вторым глобальным переделом территорий планеты между государствами. Особенностью этого передела было то, что наряду со стремлением к обладанию новыми территориями борьба шла и за сферы влияния.

События завершившегося XX века и наступившего XXI века с еще большей убедительностью подтверждают выводы Д. И. Менделеева о мировых тенденциях и месте России в мировом развитии. Сегодня развитие мира сопровождается также *глобальной тенденцией — третьим территориальным переделом мира*. Усилились дезинтеграционные процессы, конкуренция за обладание мировыми ресурсами жизнеобеспечения. Это — существеннейшая черта формирующегося нового мирового порядка. XX век и начавшийся XXI век подтверждают и выводы Д. И. Менделеева о том, что из-за территорий неизбежно будут вестись войны. Прошлые и современные международные конфликты во многом возникали и возникают на основе защиты

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 204.

² Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. — С. 49.

или сохранения своих территорий, независимости.

Менделеев в конце XIX столетия и начале XX столетия увидел и определил тенденции мирового развития, связанные с территориальным переделом уже освоенного и поделенного между государствами мира, которые остаются и сегодня действующими. К ним прибавились такие факторы, как ресурсы планеты, которые катастрофически истощаются, а также экологические проблемы. Сегодня под видом формирования нового мирового порядка осуществляется новая попытка территориального передела мира.

Д. И. Менделеев с особой настойчивостью говорил о том, что в войнах за обладание территориями Россия была и останется центром притяжения других государств на её территории. «Войн, — писал он, — России пришлось в прошлом вести множество, но большинство их носило характер чисто оборонительный»¹. Обладая огромными территориями и большой долей территории на душу населения, слабой заселенностью, Россия, по Д. И. Менделееву, будет подвергаться давлению со стороны соседних с нею государств, желающих обладать частью её земель. «Наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов»², — писал он. «Как принципиально убежденный реалист, — отмечал Менделеев, — я принадлежу к числу уже немалочисленных ныне противников всяких войн, поклонников мирного улаживания всяких международных столкновений. Но это не означает, по моему мнению, что разоружение страны можно было бы ныне же начать даже такой многоземельной стране, какова Россия. Она лакомый кусок для соседей Запада и Востока потому именно, что многоземельна, и оберегать её целостность всеми народными средствами необходимо ради одной уверенности в том, что срединный наш народ имеет в себе задатки того реального и здорового сочетания идеализма с материализмом, которое должно содействовать развитию высших начал человеческой жизни... Наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов, т. е. что нам помимо всяких соображений должно быть готовым к отпору против appetitов, естественно свойственных всем людям... Это значит, что мы должны быть еще долго и долго народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели... Мы ничего другого и впереди не видим, как войны да войны»³. Какую бы миролюбивую политику ни проводила страна, «впереди России предстоит еще много оборонительных войн, если Россия не оградится сильнейшим войском в такой мере, чтобы боязно было затевать с ней военную распря в надежде отхватить от нее часть её территорий»⁴.

Сегодня очевидно, что Россия никогда не была исключена из стратегических территориальных воцелений и целей стран Запада. В XX веке Рос-

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 378.

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Дмитрий Иванович Менделеев: жизнь и труды. — М.: Изд. АН СССР, 1957. — С. 378.

сии пришлось отстаивать свою независимость в русско-японской войне, в двух мировых войнах, в Великой отечественной войне (наиболее ожесточенной и опасной), в условиях «холодной войны». При этом эти цели не всегда провозглашались открыто. Как стало видно из событий сегодняшнего дня, главными стратегическими установками Запада была не борьба против угроз мирового коммунизма, но ослабление мирового влияния СССР, а затем и его разрушение, а затем использование новой России в своих интересах в той или иной форме. Усиливающийся с развалом СССР процесс ослабления России связан уже более откровенно не только с освоением поверхности территории для добывания жизненных условий, но, главным образом, с ресурсами, находящимися в её недрах (газ, нефть, золото, минералы, водные ресурсы и другие). Такое отношение к России идет в русле формирования нового мирового порядка... При этом, как и раньше, передел мира и наступление на Россию прикрываются «горячей заботой» о демократии во всем мире, в том числе и в России, а по существу, стремлением её всячески ослабить, а возможно даже расчлениить. Сегодня для этого многое уже сделано. Россию насильственно ускоряют глобализируют в мировую рыночную капиталистическую систему, быстро, во многом даже цинично разрушая её цивилизационную идентичность, традиции, менталитет российского народа, её экономику, культуру, интеллект; идет неслыханное сокращение народонаселения. Разрушительные процессы привели к тому, что во многом в стране стала господствовать международная транснациональная финансовая олигархия. Россию, по сути, превратили во второстепенную державу, локальное образование, сырьевой придаток Запада.

Раскрывая мировые тенденции в борьбе за территориальный передел мира, место России в этом переделе, Менделеев определил и факторы, которые обеспечивают безопасность России. Можно сказать, что ни одну проблему внутренней и внешней жизни России ученый не рассматривал вне связи с проблемами безопасности страны. Он показал, что России следует быть сильной военной державой, необходимо иметь обороноспособные вооруженные силы. Поэтому существует «необходимость держать России наготове сильнейшую военную сухопутную и морскую оборону в виде организованного войска»¹. «Чисто реальный инстинкт подсказывает нам при этом всегда, что важнее-то всего оборона страны и организация её военных сил»². Для этого, отмечал ученый, нам нельзя жалеть никаких средств. Менделеев доказывал, что если есть цель создать и обеспечить всем необходимым сильные вооруженные силы, то нужно всесторонне развивать национальную промышленность, наращивать промышленное производство, которое обеспечивало бы могущество страны, её будущее, её обороноспособность³.

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 11.

² Там же. С. 205.

³ Дмитрий Иванович Менделеев: жизнь и труды / Ответственный редактор Вольфович С. И. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — С. 49.

Большое внимание Д. И. Менделеев обращал на необходимость укрепления территорий страны в военном отношении, особенно Дальнего Востока, азиатских территорий, побережья сибирских рек, морских рубежей, прибрежных территорий. «Значение для будущей России морских берегов, прозорливо усмотренных Великим Петром, — писал он, — никогда не прекратится»¹. считал, что границы России до Тихого океана являются её естественными границами. Поэтому, отмечал он, необходимо укреплять тихоокеанские берега России. Это важно для её будущего развития, ибо на берегах Тихого океана, «началась ярмарка новой мировой жизни, а впереди виден её разгар»². «Нам необходимо на берегах Тихого океана „создать новые русские силы“»³, — подытоживает ученый.

Важным внутренним фактором укрепления безопасности страны Д. И. Менделеев считал проведение разумной и справедливой национальной и социальной политики, рост народного благосостояния, укрепление дружбы народов, упрочение и преобразование государственных институтов и организованности в целом, развитие образования, укрепление духа народа и его быта как важных факторов стабилизации страны. «Разрозненных, — отмечал Менделеев, — нас сразу уничтожат, наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия»⁴.

Укрепление безопасности страны ученый связывал так же с ростом народонаселения. «Для всех стран весьма важно увеличение народонаселения, а для России его значение, по моему мнению, стоит даже на первом месте». Большое значение для укрепления безопасности страны Д. И. Менделеев придавал развитию образования в стране: «Чтобы при этом уцелеть и продолжить свой независимый рост нам необходимо не только быть готовым к отпору всякому на нас внешнему посягательству, и всемерно позаботиться о таком своем развитии, которое бы отвечало нашим особенностям, нашему положению и предстоящим нам делам, а для этого, конечно, первее всего надобно скорее приняться за установление твердых начал всей нашей образованности»⁵. Ученый предложил целую систему реформ по укреплению российского государства, в частности, укреплению законодательной базы, улучшению управления страной, реорганизации системы власти и др.

Д. И. Менделеев отмечал, что для обеспечения безопасности страны и её единства необходимо вести борьбу против сепаратизма, принимать меры для укрепления целостности государства.

¹ Менделеев Д. И. К познанию России: с приложением карты России. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. — 71–72.

² Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 201.

³ Там же. С. 380.

⁴ Там же. С. 217–218.

⁵ Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. — М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. — С. 230.

Укрепление безопасности страны Д. И. Менделеев связывал также с ростом благосостояния народа. Готовым к отражениям будущих нашествий на страну, отмечал он, может только внутренне-благоустроенное государство «с обеспечением условий роста всеобщего благосостояния»¹. Для этого роста в России есть все возможности.

В своих размышлениях и идеях о безопасности России Д. И. Менделеев касался так же и внешних условий и факторов, обеспечивающих эту безопасность. Он считал, что важным направлением для этого является проведение миролюбивой политики на международной арене, развитие внешних экономических связей, развитие торговых отношений. Подчеркивал, что Россия должна усилить свою активность на международной арене, свою деятельность в защите интересов страны. Для решения этих задач он предлагал реорганизовать дипломатическую службу в соответствии с требованиями времени, укрепить его кадровый состав, повысив его профессиональный уровень и ответственность, учитывать при этом мировой и отечественный опыт.

В связи с этим во внешней политике важное значение ученый придавал внешним стратегическим и временным союзам. Он отмечал, что Россия должна в этом направлении добиваться дружественных отношений со всеми странами. Она должна способствовать сближению Европы и Азии. Важным, желаемым и перспективным союзником в Азии он считал Китай. Сотрудничество с Китаем, по его мнению, имеет большое значение не только для этих государств, но и для всего мира. «Тесный союз с Китаем мог бы послужить объединением как дальнейшего мирного развития обеих стран, так и господства мира во всем мире»². Оценивая потенциальные возможности этих стран, ученый называл их спящими гигантами. К числу стратегических союзников России ученый относил южных и западных славян. Он всячески одобрял союз России с Францией, с Англией и США, Германией, Австрией и африканскими странами. Он отмечал, что при миролюбивом стремлении Россия, Франция, Англия, Германия и США смогли бы заключить всеобщий союз, объединивший их по главным вопросам времени, с отказом от каких-либо личных приобретений, во имя мира, равенства стран и мирового порядка.

Д. И. Менделеев одновременно предупреждал, что осуществление таких союзов для человечества дело не простое, что реально войны между государствами за территории будут продолжаться, предупреждал россиян, о том, что, несмотря на миролюбие, необходимо быть внимательными к миролюбивым призывам на международной арене, которые часто расходятся с действительностью. Нам, писал он, «быть готовым к войнам надо и при союзах самых надежных». Ибо «как бы люди не желали век вечный жить в добром согласии и какие бы союзы государств ни заключали, все же впереди, т. е. в

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 216

² Менделеев Д. И. К познанию России: с приложением карты России. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. — С. 14.

XX веке, войн избежать нельзя»¹.

Таким образом, заботясь о безопасности своей страны, о её обороноспособности и защищенности от внешних посягательств, Д. И. Менделеев активно выступал за то, чтобы Россия была сильным и мощным государством, чтобы страна использовала свои богатые возможности, свои геополитические и ресурсные преимущества, исторические традиции, свой интеллектуальный потенциал, для того, чтобы обезопасить себя от всяких попыток захвата её территорий и сохранения своего суверенитета и независимости.

Библиография

1. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — 414 с.
2. *Менделеев Д. И.* Проблемы экономического развития России. — М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. — 615 с.
3. Дмитрий Иванович Менделеев: жизнь и труды / Ответственный редактор Вольфович С. И. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — 256 с.
4. *Менделеев Д. И.* К познанию России: с приложением карты России. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. — 159 с.

Анастасия Михайловна Козлова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Диалектика как методологическая основа политической концепции Гегеля

Аннотация

В работе анализируются методологические особенности гегелевской диалектики. Рассматриваются точки зрения таких видных исследователей Гегеля, как А. В. Кожев и В. Н. Кузнецов, а также приводится авторский взгляд на проблему.

Ключевые слова: Гегель, диалектика, методология, Кожев, Кузнецов.

Диалектический метод Гегеля стал базовым для многих мыслителей философской и социально-политической мысли. Его методология оказала существенное влияние на становление марксизма, особое влияние на развитие социально-политических учений в России (А. Герцен, Н. Чернышевский, И. Ильин), и, конечно же, стала основным методом и источником, на кото-

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). — М.: Мысль, 1995. — С. 377.

² Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Алексей Александрович Зоткин**.

рый при создании его концепции опирался К. Маркс. Диалектика Гегеля требует глубокого изучения, т. к. стала основой и для большинства концепций последующих периодов.

Диалектика стала предметом различных споров и послужила основанием для появления различных методологических концепций. В данной статье будут рассмотрены две точки зрения — позиция французского мыслителя русского происхождения А. Кожева, творившего в первой половине XX-го века, и нашего современника, профессора Московского университета В. Н. Кузнецова.

А. Кожев, широко известный как исследователь трудов Гегеля, в своей работе «Введение в чтение Гегеля» задается вопросом, что же такое диалектика и как ее применяет великий немецкий философ. В статье «Диалектика реального или феноменологический метод у Гегеля», Кожев говорит, что «гегелевская «Логика» это вовсе не логика в обычном смысле этого слова и не гносеология, но онтология или Наука о Бытии как таковом»¹.

Кожев понимает диалектику Гегеля не как метод построения системы, не как подход к изучению бытия, а именно как само бытие. Он утверждает, что «гегелевская диалектика — это не метод философского познания или повествования, но адекватное описание Бытия, а также описание его осуществления»².

Другой взгляд на диалектику Гегеля представлен крупным исследователем немецкой классической философии Н. В. Кузнецовым. В своих трудах он пришел к выводу о том, что Гегель рассматривает диалектику с двух позиций, а именно с позиций объективности и субъективности, выделяя в свою очередь «объективную» и «субъективную» диалектику. Именно «субъективность» диалектики в его понимании и делает особенным его точку зрения. Кузнецов, опираясь на работы Ленина и Маркса, отмечает, что в «Науке логики» Гегель разрабатывает субъективную диалектику, характеризующую процесс познания и его категориальное оформление. «*Диалектика* в качестве разработанного Гегелем метода выступает в науке логики как теория познания. В. И. Ленин, говоря о прекрасном «изложении диалектики» в разделе об идее, обращал внимание на то, что «здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии»³.

С нашей точки зрения, прежде всего необходимо отметить, что диалектика является не статичным бытием, а бытием в развитии, при котором стирается грань между истинным и ложным. Диалектика предстает перед нами как постоянный процесс развития, в котором постоянно возникает нечто новое, включающее в себя всю полноту и богатство предшествующих ступеней

¹ Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, в Высш. практ. шк / Пер. с франц. Погоняйло А. Г. — СПб.: Наука, 2003. — 554 с. URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/kogiev/1.htm> (дата обращения: 04.08.2009).

² Там же. С. 656.

³ Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: Учеб. пособие для. ун-тов. — М.: Высш. шк., 1989. — С. 299.

развития.

Это развитие происходит циклично, а также в двух мирах: в мире природном и человеческом. Основным источником развития мира социального является борьба, как отрицающее действие, которое «может превратить преступление в добродетель, нравственную или антропологическую ошибку — в истину»¹. В работе «Философия права» Гегель формирует свою целостную политическую концепцию, рассматривая подробно, каким образом развивается мир права и политики, как работают в нем законы диалектики.

Библиография

1. *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет в двух томах. Том 2. — М.: Мысль, 1971. — 630 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. Философия истории. — М.: Эксмо, 2007. — 880 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. — М.: Мысль, 1975. — 452 с.
4. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. — СПб.: Наука, 1994. — 542 с.
5. *Кожев А. В.* Атеизм и другие работы. — М.: Праксис, 2007. — 512 с.
6. *Кожев А. В.* Идея смерти в философии Гегеля. — М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998. — 207 с.
7. *Кожев А. В.* Понятие власти / Пер. с фр. Руткевича А. М. — М.: Праксис, 2007. — 192 с.
8. *Кожев А. В.* Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, в Высш. практ. шк. / Пер. с франц. Погоняйло А. Г. — СПб.: Наука, 2003. — 791 с. URL: <http://www.anthropology.rchgi.spb.ru/kogiev/1.htm> (дата обращения: 04.08.2009).
9. *Кузнецов В. Н.* Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. шк., 1989. — 480 с.
10. *Нерсесянц В. С.* Философия права Гегеля. — М.: Издательство «Юрист», 1998. — 350 с.
11. *Пионтковский А. А.* Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. — М.: Госюриздат, 1963. — 468 с.
12. *Рассел Б.* История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста Целищева В. В. — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. — 992 с.

¹ Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, в Высш. практ. шк. / Пер. с франц. Погоняйло А. Г. — СПб.: Наука, 2003. — 576 с. URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/kogiev/1.htm> (дата обращения: 04.08.2009).

Александр Ермолаевич Костюков

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Концепция государства в политическом учении Н. Н. Алексеева

Аннотация

Статья посвящена анализу взглядов на государство Николая Николаевича Алексеева — русского философа и одного из основных идеологов евразийства. Характеризуется учение о гарантийно-правовом государстве и взгляды мыслителя относительно должного пути модернизации России.

Ключевые слова: Н. Н. Алексеев, гарантийно-правовое государство, государственность, Россия, евразийство.

Концепция государства, созданная Николаем Николаевичем Алексеевым (1879–1964), в истории политической мысли России первой трети XX века занимает самобытное и оригинальное место. Ему удалось органично и в адекватной теоретической форме ответить на основополагающий вопрос: как сохранить общественную справедливость и защитить при этом свободу человеческой личности. Алексеев исходил из того, что обеспечить это возможно при определенной организации государства. В этом его также убеждал исторический анализ взаимоотношений общества и государства. Рассмотрение русского исторического процесса показало, что государство играло одну из главных ролей на авансцене политической истории России. Связано это было с определенными естественно-историческими факторами и механизмами взаимодействий общества и государства, расстановкой социально-классовых сил и соответствующей культурой и идеологией.

Наличие социокультурных, формализованных и содержательных условий и признаков позволило Алексееву создать учение о гарантийно-правовом государстве как разновидности социально-демократического типа государства. В основе этой разновидности государства лежит сбалансированное взаимоотношение государства и личности. Суть концепции гарантийно-правового государства заключалась в том, что интересы человека, гражданина, личности, органично связаны с интересами государства. Сущностное выражение эта концепция наиболее зримо получает в таких основополагающих чертах российской государственности, как идея созидания единства, целостности общества («собирательная идея»); нравственная идея (идея ответственности государства и правителей); идея служения; идея сильной власти.

Самобытность российского государства осмысливается в концепции

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Сергей Вячеславович Перевезенцев**.

Алексеева прежде всего как идея геополитическая, как преодоление пространства, осуществление великого культурно-исторического синтеза, уравновешивания двух культурно-исторических векторов — западного и восточного. Государство — единственная сущность, которая способна обеспечить «сцепление» невиданной по географической протяженности территории России. Целостность и единство российской государственности определяется самим географическим положением России в качестве «срединной земли», призванной нейтрализовать два исторических антагониста — Восток и Запад. Историко-культурная целостность евразийского «месторазвития» создает, по мнению Алексеева, целостную и на редкость устойчивую геополитическую модель российского государства. Государство, органически возникшее в самом центре евразийского материкового пространства, само становится его естественным объединителем.

Алексеев предвосхитил современную дилемму эпохи модернизации — дилемму универсализации прогресса материальных основ жизни и сохранения культурно-национальной самобытности. Ему принадлежит плодотворная идея отделения материального фундамента культуры, который может относительно легко «транспортироваться», от духовно-интеллектуальных элементов, которые суть уникальные и неповторимые «коды» национального развития. Неорганический способ модернизации наносит непоправимый ущерб отечественной культуре, правовому и политическому развитию, приводит к дестабилизации в обществе. Несмотря на колоссальную пропагандистскую кампанию западничества во всех сферах жизни общества того времени, для большинства россиян продолжали в качестве главных оставаться коммунитарные ценности (социальная справедливость, нация, Родина, семья), сохранялся культурный стереотип превосходства интересов общества над интересами личности, общественного права над индивидуальным и потребность в отношениях патернализма и социального равенства. Ценности, сформированные столетиями российской истории, продолжали сохраняться в качестве основных, однако дальнейшая вестернизация могла привести либо к социальному взрыву, либо к постепенному демографическому и культурному исчезновению русской нации и сепарации России. Анализ стратегии развития отечественной государственности показывал, что выход из создавшейся ситуации может быть найден в евразийской государственно-правовой идеологии, так как иные модели модернизации России не имеют органической основы либо не реализуемы по целому ряду причин.

Библиография

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М.: Аграф, 1998. — 635 с.
2. *Алексеев Н. Н.* Идея государства: очерки по истории полит. мысли. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. — 407 с.
3. *Алексеев Н. Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов: очерки по истории и методологии общественных наук. — М.: Тип. Московского университета, 1912. — 294 с.

4. *Алексеев Н. Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. — М.: Московское науч. изд-во, 1919. — 208 с.
 5. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — Прага: Пламя, 1924. — 283 с.
 6. *Алексеев Н. Н.* Советский федерализм // Мир России — Евразия: антология / Составители: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. — М.: Высшая школа, 1995. — С. 154–176.
 7. *Алексеев Н. Н.* Теория государства : теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. — Париж: Издательство евразийцев, 1931. — 188 с.
-

Виктор Кузьмич Кудрявцев

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Идеи обновления монархии в консервативной политической мысли России начала XX века

Аннотация

В статье характеризуется отношение к самодержавию консервативной части российского общества начала XX века и его наиболее ярких выразителей. Автором отмечаются две тенденции развития консервативной мысли: с одной стороны верноподданничество, заключающееся в желании сохранить и укрепить российскую монархию, а с другой — явное или скрытое желание обновления общественно-политического строя государства. Анализируется позиция царя и его ближайшего окружения по вопросу реформирования государства и её соотношение со взглядами умеренных консерваторов.

Ключевые слова: монархия, консерватизм, обновление монархии, Российская империя, первая четверть XX века.

Как показывают современные исследования, сущностной чертой российской интеллигенции была ее в разной степени выражаемая оппозиционность власти². Исповедуя ценности «хранительной» культуры³, включив в

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

² См.: Шириняц А. А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX — начала XX века. — М.: РОССПЭН, 2002. — 358 с.

³ См.: Шириняц А. А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (концепт русской монархии) // Вест. Моск. университета. Сер. 12.

свои задачи содействием органическому развитию политической системы страны, русские консерваторы, с одной стороны, не могли и не хотели претендовать на звание «интеллигентов», с другой — именно они составили интеллектуальный круг людей — духовную элиту русского общества, сформулировавшую конструктивное видение исторической судьбы России, внесших огромный вклад, не оцененный по достоинству ни тогда, ни теперь, в формирование национального самосознания русского народа. Тогда как русская интеллигенция, ее радикально-революционная часть, в полной мере оправдала тезис о своей оппозиционности, сформировав особую политическую субкультуру нигилистического разрушения, нетерпимости и самоуверенности, доведя эту оппозиционность до логического завершения, в 1917 году разрушив как «базовый миф», так и политическую структуру православно-самодержавной России, русские «консерваторы» разделяли ценности монархического общественного строя. Все они желали его сохранения и укрепления. При этом явно или неявно, смутно или прямо в их работах выражались идеи об обновлении самодержавия, особое звучание приобрели в период потрясений начала XX века.

К этому времени консервативное крыло российской интеллигенции составляли в основном правительственные чиновники, духовенство, высшие офицеры российской армии. Конечно, среди них по своим политическим воззрениям были разные люди: от ярко выраженных «охранителей» типа князя В. П. Мещерского или К. П. Победоносцева до крайне умеренных монархистов, разделявших некоторые идеи конституционных демократов. Вполне понятно, что не всех их можно было с полным основанием отнести собственно к интеллигенции. Монархисты, или правительственный лагерь — это особая суть интеллигенции, которая была связана тесными узами с правящим классом. Это люди типа С. Ю. Витте, В. К. Плеве, П. Д. Святополк-Мирского, В. Н. Коковцева, П. А. Столыпина, которые, отнюдь не порывая связей с именитыми родственниками и влиятельной чиновнично-бюрократической средой, сознательно ратовали за проведение буржуазной трансформации страны во «всесловную монархию», в государство с более современной экономической структурой. При этом, естественно, при всех различиях в подходах к модернизации общества, все они стояли за сохранение основ самодержавия.

Желание во что бы то ни стало спасти монархию побуждало эту часть интеллигенции требовать проведения хотя бы «косметического ремонта» ее фасада. Так, в предложениях П. Д. Мирского, направленных царю¹, на пер-

Политические науки. — 2006. — № 4. — С. 69–87; Он же. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России XIX в.) // Вест. Моск. университета. Сер. 12 Полит. науки. — 2006. — № 2. — С. 5–22.

¹ В ноябре 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II доклад, в котором предлагал провести ряд реформ либерального толка. Центральным пунктом этой программы было предложение допустить выборных представителей к участию в законодательной деятельности.

вое место ставилось укрепление законности, которая постоянно нарушается самой администрацией. Мирский считал, что надо преобразовать Сенат так, чтобы все «изъятия» из закона проводились только по его санкции, а не по воле отдельных бюрократов-сановников. Он считал, что необходимо создать объединенный Совет министров, который не только бы координировал, но и контролировал деятельность всех министров и правительственных учреждений. В дополнение к этому Мирский предлагал смягчить законы о печати, ослабить законы, связанные с административными высылками, обысками, увольнениями и т. п. В целях спокойствия в стране и укрепления власти самодержавного царя, он предлагал в состав Государственного совета и его департаментов ввести выборных от губерний, представляющих «коренную Русь».

Но даже эти явно верноподданнические предложения не могли повлиять на царя и его окружение. Царь был не в состоянии понять ни остроты социально-экономического и политического кризиса в стране, ни осознать необходимость перемен и обновления абсолютистской системы. Николай II и его приближенные видели лишь один путь — это только укрепление и только усиление (без послабления) самодержавия, которое, по их убеждению, полностью соответствовало требованиям и помыслам русского народа и всецело, якобы, им поддерживалось.

Только с нарастанием революции царь вынужден был пойти на некоторые, в общем-то микроскопические, уступки. Была введена законодательная Дума, однако правительство должно было по-прежнему быть ответственным только перед царем, назначаться и смещаться только им. Дума могла сколько угодно «печь» законы, но реальная власть оставалась у самодержца, поскольку эти законы утверждались сначала Государственным советом, а затем царем. Были провозглашены царским Манифестом политические свободы, но осуществлялись они в усеченном виде. Поэтому не было полного прекращения репрессий, не было амнистии всем без исключения политическим заключенным, а все свелось лишь к некоторым ограничениям насильственных мер против действий, которые явно не угрожали ни обществу, ни государству.

Будораживший Россию аграрный вопрос, его решение в ходе столыпинских реформ по сути свелось к безусловному сохранению помещичьего землевладения. Реформа Столыпина способствовала переселению «излишков» крестьянского населения на свободные земли Сибири и Алтая и т. д., тем самым способствуя слому общин — с одной стороны и возвышению «сильного» мужика — опоры самодержавия — с другой. Эта реформа несомненно несла социальный мир в деревню, поскольку уравнивала помещичье землевладение и крепкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Она как бы давала шанс крестьянам (естественно, всем тем, у кого имелись возможности) стать собственниками земли, но на свободных территориях. Тем самым реформа способствовала устранению потенциальной безземельной силы, готовой в любой момент сокрушить и помещиков, и их более удачливых

сообщинников-сельчан.

Тактика лавирования царизма, свидетельством чему являются столыпинские реформы, отнюдь не смогла приостановить размах революционного движения, ибо самодержавие не решило ни одной из кардинальных проблем страны. Более того, эти проблемы, наслаиваясь одна на другую, все более и более вели к тому, что правительственная власть становилась бессильной. Новая революция была неизбежна.

В этой связи и интеллигенция, группировавшаяся вокруг правительства, царя и его окружения, разделила их судьбу. Очень немногие, как например, А. С. Суворин — влиятельный журналист и издатель, могли все же понять, что самодержавие стало давно фикцией. Характерна запись в его дневнике: «Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии и не может из нее вырваться. Если семья гнетет иногда своего бессильного главу, то глава империи, в которой произволу столько, и подавно находится под этим гнетом. Бедовое у нас дело»¹.

В этом плане весьма показательна политическая психология данных людей. Даже признавая, что самодержавие стало фикцией, они до конца своих дней защищали его «олицетворение» — царя. Суворин пишет в своем дневнике: «Можно спросить: есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров»². В. Н. Коковцев, будучи председателем Совета министров и делая все возможное на своем посту, чтобы защитить монархию, обвинял во всех бедах Думу, которую называл зловещим «революционным скопищем», используя любой повод для дискредитации царя и его правительства³.

Таким образом, верноподданнические чувства, лежащие в основе политического умонастроения чиновной интеллигенции, резко контрастировали с умонастроениями других групп российских интеллектуалов. Верноподданнические чувства — это определенная линия политического поведения и сознания этих людей. Она могла быть выражена словами, сказанными П. А. Столыпиным в одном из своих выступлений перед Думой: «Вам нужны великие потрясения. Нам же нужна Великая Россия». Великая же Россия для этих людей была немислима без ее великой истории, без ее традиций, в том числе и такой, освященной историей традиции, как самодержавное политическое устройство.

Именно желание Великой России, стремление ей служить — политико-культурный принцип, разделяемый всеми российскими интеллигентами, но, как видим, по-своему понимаемый и осознаваемый консервативным крылом российской интеллигенции.

¹ Суворин А. С. Дневник. — М.: Новости, 1992. — С. 380.

² Там же. С. 392.

³ См.: Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания [министра финансов России], 1911–1919. — М.: Современник, 1991. — 591 с.

Екатерина Леонидовна Лукиенко

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

**Личность и государство в социально-политической теории
П. И. Новгородцева**

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы соотношения личности, общества и государства в социально-политической и правовой теории П. И. Новгородцева, анализируется роль личности в концепции «естественного права» и «общественного идеала».

Ключевые слова: Новгородцев, государство, личность, общественный идеал, естественное право, принцип свободного универсализма.

Проблема соотношения личности, общества и государства — одна из важнейших в социально-политической теории видного русского юриста и философа П. И. Новгородцева. Мыслитель придавал принципиальное значение вопросам о месте и роли личности в обществе и о праве отдельной личности требовать совершенствования государства с позиций абсолютных нравственных идеалов.

Понятие свободной и нравственной личности является своеобразным отправным пунктом возрожденной Новгородцевым теории «естественного права». Рассматривая личность как нравственную основу общества, он развивает идею личностного нравственного закона, который по своей природе абсолютен и является врожденной нормой морального сознания. Данный нравственный закон, как полагает философ, составляет основу естественного права. Поэтому «принцип личности» является, согласно Новгородцеву, высшей, безусловной нравственной и правовой нормой, а также целью развития общества: «Стоит отринуть понятие этой цели, и мы придем к необходимости узаконить произвол субъективной и изменчивой человеческой воли; и все равно, будет ли это воля индивидуальная или коллективная, воля личная или народная; не может быть источником твердых норм, если она сама не признает над собой какой-либо высшей и твердой нормы»².

В политической теории Новгородцев также обосновывает абсолютную ценность личности. Он рассматривает общество в первую очередь как «союз лиц». Новгородцев видит в обществе лишь отвлеченное понятие и не признает за ним самостоятельного значения, кроме того, которое оно получает от личности. По его мнению, несмотря на то, что совместная жизнь дает со-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Дмитрий Васильевич Ермашов**.

² Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. — С. 237.

держание нравственному сознанию, в действительности только лица являются носителями сознания: «Отнимая нравственную ценность у отдельного лица, мы тем самым отнимаем ее у совокупности лиц, и наоборот, признавая нравственное значение за лицами, мы должны признать его и за союзом лиц»¹.

Новгородцев дополняет классические либеральные права личности на равенство и свободу ее обязанностями солидарности и единства с другими. Личность, по его убеждению, должна уважаться всегда и везде, взаимное признание не может быть ограничено никакими пределами и различиями, не может иметь никаких персональных исключений. Последовательно проведенный данный принцип сосуществования личности и общества (Новгородцев называет его принципом всеобщего универсализма) приводит к идее «свободной солидарности всех»². Новгородцев полагает, что этот принцип составляет абсолютный идеал, к которому общество должно стремиться.

По утверждению Новгородцева, разрешение всех противоречий между обществом и личностью в историческом процессе не возможно. Конкретные формы общества не способны воплотить беспредельные возможности личности. Поэтому «вселенский универсализм», где возможно полное нравственное соответствие личности, общества и государства, по его мнению, осуществим лишь в Абсолюте.

Понятие абсолютного общественного идеала формирует общее направление развития и не отождествляется Новгородцевым с каким-либо конкретным типом политического устройства. Мыслитель полагал, что временные и конкретные политические формы нельзя принимать за абсолютный идеал.

Отвергая нравственную абсолютизацию институтов и форм общественной жизни, Новгородцев рассматривает государство, церковь, народ как реальные явления, а не «отвлеченные нравственные нормы».

Для философа государство «даже в идеальном своем определении», «очищенное от всяких временных и исторических искажений» — это, прежде всего, «дисциплина и узда внешнего закона»³. Новгородцев утверждает: «Государство — это, прежде всего, властвование и подчинение, это дисциплина и узда нашего закона. Если бы государство утратило эти черты, если бы оно стало внутренним законом, написанным в сердцах, добровольно исполняемым всеми, без органов власти и принуждения, тогда действительно осуществилось бы «царство духов», но только это не было бы уже более государством»⁴.

Для того чтобы предотвратить монополию и произвол государства в правовом регулировании, необходимо, по мнению Новгородцева, включить в правовую практику естественное право. Это позволит установить над госу-

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М.: УРСС, 1991. — С. 104

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 117

⁴ Там же.

дарством некие высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно «черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала»¹. Новгородцев утверждает необходимость изначальной установки государства по отношению к человеку, к его жизни и свободе как ценности, цели, а не средству.

Новгородцев придавал важнейшее значение созданию политических, правовых и экономических предпосылок для совершенствования личности. Он дополнил положения классического либерализма идеей необходимости осуществления государством социальных функций.

В статье «Право на достойное человеческое существование» данные идеи были впервые сформулированы мыслителем в качестве правовой проблемы. Как полагает Новгородцев, провозглашаемое либерализмом формальное право свободы необходимо дополнить правом на обеспечение достойного существования личности, без этого свобода некоторых может остаться недостижимым благом, закрепленным юридически, но фактически отнятым. Эти идеи стали теоретическим фундаментом «социального» или «нового» либерализма, сменившего классический либеральный индивидуализм.

Библиография

1. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. — 407 с.
2. *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. — 1904. — Кн. 74–75.
3. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. — М.: Унив. тип., 1901. — 253 с.
4. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. — М.: УРСС, 1991. — 640 с.
5. *Новгородцев П. И.* Нравственная проблема в философии Канта. — М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1903. — 29 с.
6. *Новгородцев П. И.* О задачах современной философии права. Речь, произнесенная пред диспутом в Санкт-Петербургском университете 22 сент. 1902 года. — СПб: Типография АО «Слово», 1902. — 8 с.
7. *Новгородцев П. И.* Лекции по истории философии права проф. П. И. Новгородцева. Учения нового времени. XVI–XIX вв. — М.: Высшая школа, 1914. — 234 с.
8. *Новгородцев П. И.* Конспект к лекциям по истории философии права. — М.: Издательство В. М. Саблина, 1909. — 246 с.
9. *Новгородцев П. И.* Сократ и Платон. Из лекций по истории философии права, читанный на Высших жен. курсах и в Московском университете). — М.: Издательство И. Власова, 1901. — 72 с.

¹ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопр. философии и психологии. — 1904. — Кн. V (75). — С. 510–511.

Максим Викторович Максимов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Социально-экономические взгляды М. Н. Каткова

Аннотация

В России в последнее время процесс восприятия идейного творчества отечественных мыслителей прошлого перешел к новой фазе своего развития, вызванной стремлением к пониманию национальной идеи. В связи с этим показательна историческая фигура М. Н. Каткова, деятельность и творчество которого до сих пор воспринимается неоднозначно даже среди специалистов.

Ключевые слова: национальная экономическая политика, отечественная промышленность, национальные интересы, верховная власть, социальная ответственность.

Характерной особенностью российской экономической мысли XIX в. являлась органическая связь теоретического анализа с актуальными проблемами развития производительных сил, процессами реформирования социально-экономических отношений. В центре внимания отечественных экономистов стоял ряд вопросов, требующих своего решения: крестьянский вопрос, перспективы общинного землевладения, пути вовлечения села в систему рыночных отношений, необходимость решительных перемен в промышленности и др.

В России в меньшей степени, чем где-либо, экономическая наука была чисто теоретической отраслью знаний, академической наукой. Экономические проблемы оставались предметом широкого обсуждения среди представителей различных слоев общества. Таким образом, в выдвижении и обосновании оригинальных идей активно участвовали не только профессиональные экономисты, но и представители других сфер знания — публицисты, практики и т. д.

В связи с этим показательны деятельность и творчество Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), в круг научных интересов которого входило изучение также и экономических проблем пореформенной России². Следует

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Александр Вадимович Попов**.

² Основной источниковой базой для изучения социально-экономических идей М. Н. Каткова является целый комплекс статей по экономической тематике, помещенный автором в возглавляемую им на протяжении ряда лет газету «Московские ведомости». См.: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1863–1887). В 25 т. — М.: Издание С. П. Катковой, 1897–1898. URL: <http://knigafund.ru/authors/4253> (дата обращения: 02.11.2009).

заметить, что Катков относится к той категории мыслителей, экономические взгляды которых являются лишь составной частью целостного восприятия социальной реальности¹.

По мнению М. Н. Каткова, социальная система русского общества в целях сохранения своей стабильности должна строиться по принципу четкой сословной структуры, в которой каждое сословие (в отличие от старой сословной структуры) свободно и автономно, и в рамках своей социально-пространственной ниши выполняет свою естественную функцию в соответствии с едиными национальными интересами². Следовательно, общество и государство представляют собой единое национальное целое. Гарантом этого единства выступает единая и неделимая верховная власть в лице царя³.

В связи с вышеизложенным, экономические взгляды М. Н. Каткова следует рассматривать исключительно через призму национальной компоненты, связь с которой обнаруживается в следующих положениях: свобода всех слоев русского общества, основанная на частной собственности; приоритет общих интересов общества над частными интересами отдельных сословий и социальных групп; социальная ответственность правительственной власти за экономическое благосостояние народа; согласованная работа всех сословий на благо единой нации.

Именно эти принципы проходят красной нитью через всю систему экономических воззрений М. Н. Каткова. Тезисно обозначим лишь некоторые из них.

Проблема реформирования податной (налоговой) системы. Несмотря на отмену крепостного права, система податей и сборов в пореформенной России имела существенные сословные перекосы⁴. Это снижало стремление, прежде всего крестьян к эффективной хозяйственной деятельности. Отмена откупов как возможность предотвратить использование плодов чужого труда и коренное изменение принципов подушной подати, сдерживающей экономическую мобильность, приведут, по мнению М. Н. Каткова, к неременному увеличению народного богатства, а это, в свою очередь, позволит возместить временные затраты бюджета, связанные с отменой откупной системы, и расходы на военное дело⁵.

Развитие промышленности как главный фактор отечественной экономики. Идея развития отечественной промышленности была ключевой в системе экономических взглядов М. Н. Каткова. Приоритетное значение он

¹ Социально-политические вопросы отражены М. Н. Катковым в передовых статьях «Московских ведомостей», «Русском вестнике», а также в работах «О самодержавии и конституции», «О дворянстве» и др.

² Катков М. Н. Без названия // Современная летопись. — 1862. — № 22. — С. 16.

³ Катков М. Н. О самодержавии и конституции. — М.: Тип. Снигирева, 1905. — С. 25.

⁴ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1863–1887). В 25 т. 1878 г. — М.: Издание С. П. Катковой, 1898. — С. 380.

⁵ Там же. С. 15.

придавал строительству железных дорог¹. Расширение железнодорожной сети с целью связывания в единое экономическое пространство огромной территории России необходимо было осуществлять систематическими мерами, «начиная с наиболее нужных и постепенно расширяя сеть»². Строительство железной дороги ставило неизбежную проблему его финансирования. Тогдашняя система стимулирования металлической промышленности включала в себя, прежде всего, право беспроцентного пользования заграничным металлом. Однако это были лишь паллиативные меры, которыми смогли воспользоваться только крупные предприятия. Политика, ставящая в привилегированное положение отдельных лиц и компании, согласно представлениям М. Н. Каткова, должна быть заменена системой поощрения всей промышленности³.

Реформенные вызовы системе законодательства Российской империи. Главную причину экономического бессилия России М. Н. Катков видел в крепостном праве, т. к. только на основе свободного развития человеческого капитала можно построить сильную экономику России. Это было особенно актуально для сельского хозяйства, т. к. именно в этой отрасли исторически укоренились пережитки крепостного мышления. Поэтому, с точки зрения М. Н. Каткова, главная потребность в частности русского сельского хозяйства заключалась не столько в поиске новых экономических и технологических приемов улучшения земледелия, сколько в оформлении и закреплении политико-правовой регламентации системы сельскохозяйственных отношений и экономики в целом⁴.

Проблемы финансовой отчетности государственных органов. Комплексное реформирование российской экономической жизни требовало четкой и слаженной работы различных государственных органов и ведомств. Назревала объективная необходимость в усилении контроля над самой государственной структурой. Поэтому, как полагает М. Н. Катков, введение формальной финансовой отчетности должно быть дополнено систематическим (в том числе материальным) контролем над расходованием бюджетных средств⁵.

Таким образом, М. Н. Катков был сторонником проведения твердой и последовательной национальной политики в экономической жизни русского общества. Национальная экономическая политика должна была выражаться в комплексной поддержке со стороны правительства отечественной промышленности, торговли, сельского хозяйства и всех остальных отраслей.

¹ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1863–1887). В 25 т. 1878 г. — М.: Издание С. П. Катковой, 1898. — С. 177.

² Там же. С. 441.

³ Там же. С. 157–158.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. С. 222.

Иван Владимирович Манаев

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Методология политической концепции Гегеля

Аннотация

В статье рассматриваются методологические особенности политической концепции Гегеля и принципиальная роль диалектики в гегелевском философском концепте. Указывается особое место и роль «Феноменологии духа» в творчестве мыслителя, а также разбираются следующие из неё методологические выводы в отношении науки вообще и политической науки частности.

Ключевые слова: Гегель, диалектика, методология, «Феноменология духа», наука, политическая наука.

Творчество Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831 гг.) по праву может быть названо вершиной немецкой классической мысли и качественно новым этапом в истории развития идеалистического течения философии. Весь обширный корпус его сочинений, среди которых традиционно выделяют «Феноменологию духа», «Науку логики», «Энциклопедию философских наук» и «Философию права», образует собой последовательный и подробный путь становления его всеобъемлющей философской системы, охватывающей, пожалуй, все основные области знания от логики через философию природы до философии истории, права, религии и истории самой философии.

Говоря о философском конструкте Гегеля, невозможно обойти вниманием его политическую концепцию. Философ уделял большое внимание, как частным политическим вопросам своего времени, так и политике вообще. Политические идеи занимают далеко не последнее место в творчестве мыслителя, органично вписываясь в его философско-научную систему.

Гегеля часто называют абсолютистом — и не без оснований на то. Наторп — неокантианец и видный представитель марбургской школы — так пишет о нем, противопоставляя Канту: «Гегель мог верить в возможность привести к абсолютному завершению закономерность мышления, которую он постоянно описывает в виде замкнутого кругового процесса и которая в то же время должна порождать все содержание мышления; поэтому его философия пытается с неслыханной дерзостью изложить завершение философии, дать абсолютную философию, которая была бы в то же время и абсо-

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Алексей Александрович Зоткин.

лютной наукой»¹. Несмотря на тот негативный оттенок, с которым Наторп говорит о диалектическом методе Гегеля, он оказывается в определенном смысле прав. Действительно, невозможно говорить о политической теории Гегеля, не усматривая в ней отражения тех принципиальных оснований, из которых вырастает и на которые впоследствии опирается весь гегелевский философский концепт.

Эти первоосновы заложены в ключевом, как отмечается многими исследователями, произведении Гегеля — «Феноменология духа», являющимся своего рода введением, но отнюдь не популярным, в философское мышление и началом его становления. Решающий шаг к созданию собственной вполне самостоятельной системы Гегель сделал в ходе написания именно этого сочинения. Эта работа очень важна не только отображением духовной эволюции мыслителя, знаменуя рубеж между еще «молодым» Гегелем и Гегелем зрелым, создателем нового философского учения, но и своей опосредующей и промежуточной ролью, которую играет феноменология. «Она рассматривает приуготовление к науке со своей особой точки зрения, вследствие чего феноменология духа выступает в качестве новой и интересной науки, исходной для философского познания»².

Можно сказать, что в определенном смысле «Феноменология духа» — это философская система Гегеля, редуцированная до формы научного предпослания, одновременно вмещающего в себя основные моменты движения и становления духа и открывающего собой путь к нему, словно указывающий направление компас, в который помещены все четыре стороны света. Таким образом, обращаясь к феноменологии, мы находим не просто оторванное от основного философского содержания введение, и не рафинированную квинтессенцию всей системы Гегеля, а гениальное создание, которое служит дверью для всякого, отыскивающего доступ к самому предмету³, органической частью и началом которого это создание одновременно является. Уже одним этим видно, что анализ и корректные выводы по поводу политических воззрений мыслителя невозможны без обращения к «Феноменологии духа», играющей, с точки зрения методологии, первостепенную роль.

Для Гегеля наука есть система, и только в системе, не как в застывшем моменте, а как в формирующейся и обновляющейся реальности, постигается и развивается истинное знание: «Лишь природа содержания может быть тем, что движется в научном познании, причем именно лишь эта собственная рефлексия содержания полагает и порождает само определение содержания»⁴. С помощью диалектики Гегель объясняет происходящее движение,

¹ Наторп П. Кант и марбургская школа // Новые идеи в философии / Под ред. Лосского Н. О. и Радлова Э. Л. — СПб.: Образование, 1913. — Сб. IV. — С. 124.

² Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. — М.: Акад. проект, 2008. — С. 31.

³ Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. — СПб.: Наука, 1994. — С. 15.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — М.: Наука, 2002. — С. 19.

обращая внимание на то, что любое начало, любой принцип — ничто без своей противоположности, именно негация, проистекающая из начального положения, таким образом его достраивает, восполняет его одностороннее понимание и раскрывает его истинный смысл, заключающийся в этом самом развитии вещи из самой себя, «ибо суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результатом есть действительное целое, а результатом вместе со своим становлением»¹. Гегель снимает противоречия метафизического мышления, точнее показывает их взаимосвязь и взаимозависимость как отдельных моментов органически стройной системы. Истина по Гегелю это не свернувшаяся цель, не застывший результат, а все та же система, великий Дух, который сам себя познает, раскрывает и движет, а наука как царство духа, в котором он себя познает, призвана помочь сознанию подняться до понимания истины, перейти от незнания к знанию. Философ пишет, что «рассудочная форма науки — это всем представленный и для всех одинаково проложенный путь к ней, и достигнуть при помощи рассудка разумного знания есть справедливое требование сознания, которое приступает к науке, ибо рассудок есть мышление, чистое «я» вообще; рассудочное есть уже известное и общее для науки и научного сознания, благодаря чему последнее в состоянии непосредственно приобщиться к науке»². Именно разум — тот универсальный инструмент, с помощью которого и по стопам которого нужно проделать этот путь из простого понятия в его обогащенную опытом форму.

К сожалению, как показывает анализ современной литературы, в научном сообществе нет конвенции по поводу как самого понятия науки, так и, в частности, политологии как науки, до сих пор не ясно: каков ее предмет, границы понятийного аппарата, каковы подходы и какими методами располагает политология.

Господствует мнение, что любая наука, коль скоро она таковая, обязана жертвовать теоретической разработанностью в угоду прикладной реализации. Политология не стала исключением. Мало того, многие специалисты часто пренебрегают историей, отдавая предпочтение математике, статистике и психологии, из-за чего политология принимает форму графиков функций, числовых таблиц, призванных придать гуманитарному знанию математическую точность, или форму пособия по поведению в политической среде. Следуя Гегелю, который говорит, «что движение математического доказательства не принадлежит тому, что есть предмет, а есть действие, по отношению к существу дела внешнее»³, и логически это доказывает, нужно признать, что разговоры о политологии как о дисциплине преимущественно прикладной — несправедливы и далеки от истины. Именно этим можно обу-

¹ Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. — М.: Акад. проект, 2008. — С. 37.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 62.

словить теоретическую актуальность обращения к творческому наследию величайшего систематика и методолога Гегеля.

Практический же аспект вытекает из теоретического. Гегель говорит о том, что метод и предмет — суть одно и то же. Такая формула весьма привлекательна и дает массу преимуществ при рассмотрении современных политических реалий. Ведь проецируя открывшиеся закономерности на политическую действительность, можно будет говорить о полноценном анализе, что открывает огромный потенциал политологии и уводит ее от соблазна запутаться и затеряться в статусе смежной подчиненной научной дисциплины.

Библиография

1. *Гегель Г. В. Ф.* Наука Логики. — М.: Наука, 2002. — 799 с.
 2. *Гегель Г. В. Ф.* Система наук. Часть первая. Феноменология духа. — М.: Акад. проект, 2008. — 767 с.
 3. *Наторп П.* Кант и марбургская школа // Новые идеи в философии / Под редакцией Лосского Н. О. и Радлова Э. Л. — СПб.: Образование, 1913. — Сб. IV. — С. 98–129.
 4. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. — СПб.: Наука, 1994. — 542 с.
-

Илья Александрович Матвеев

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Эссекская школа дискурс-анализа

Аннотация

Школа анализа политического дискурса на базе Университета Эссекса (Великобритания) — крупный центр теоретических и эмпирических исследований, объединенных методологией, разработанной на основе теории политического дискурса Эрнесто Лаклау. В статье раскрываются основные черты дискурс-анализа как методологии, перечисляются ключевые исследования в рамках данного направления.

Ключевые слова: дискурс, постмарксизм, гегемония, популизм.

В 1982 году в Университете Эссекса (Великобритания) при участии известного политического теоретика Эрнесто Лаклау была основана магистерская программа по подготовке специалистов-политологов «Идеология и анализ дискурса». Теоретическое направление, к которому принадлежит Лаклау

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

и его последователи, часто называют «Эссекской школой» дискурс-анализа.

Как отмечает Лаклау, создание новой учебной программы было ответом на «неудовлетворенность преобладавшими на тот момент моделями интерпретации социальных явлений (бихевиорализм, структурный функционализм, теория рационального выбора)»¹. Теория политического дискурса Лаклау, пройдя институционализацию в Университете Эссекса, стала одним из ключевых направлений современной политической науки, существенно отличающимся от других.

Ядро методологии Эссекской школы образует понятие *дискурса*, концептуализированное в работах Лаклау с опорой на пост-хайдеггеровскую феноменологию, концепцию языковых игр Витгенштейна и в особенности на пост-структурализм². Дискурс понимается Лаклау как поле производства значений, «область, где образуются смыслы и значения»³. В отличие от подходов, представляющих [политические] интересы и идентичности как изначально данные, неизменные сущности, дискурс-анализ предполагает, что и интересы, и идентичности являются политическими конструктами, чье существование зависит от конкретных обстоятельств и дискурсивных условий⁴. Поэтому ставкой в политической борьбе всегда является смысл, политическое действие — это дискурсивная практика, порождающая смысл, значение, идентичность. При этом смыслопорождение не является полностью случайным, но обладает некоторыми регулярностями, изучению которых и посвящены основные теоретические работы Лаклау и других представителей Эссекской школы. Характеризуя свой собственный метод, Лаклау и его соавтор, Шанталь Муфф, используют термины Хайдеггера *онтический* и *онтологический* в значении «относящийся к содержанию» и «относящийся к форме»⁵. Они стремятся уйти от всех *онтических* вопросов политики, сосредоточив внимание на ее *онтологических* принципах, т. е. формальных закономерностях функционирования политического дискурса, независимых от содержания конкретных идеологий, политических программ и т. д.

В теории Лаклау и методологии Эссекской школы ключевую роль играет понятие *гегемонии*, концептуализированное в книге Лаклау и Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985). Гегемония по Лаклау и Муфф — это особая политико-дискурсивная практика, суть которой состоит

¹ Discourse theory and political analysis: identities, hegemonies, and social change / Edited by Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. — Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. — P. X.

² Ibid.

³ Гололобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. — 2003. — Вып. 3. — С. 129–136.

⁴ Discourse theory and political analysis: identities, hegemonies, and social change / Edited by Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. — Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. — P. 55.

⁵ См. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. — London: Verso, 2001. — P. X.

в том, что «частная социальная сила начинает представлять *тотальность*, радикально несводимую к ней»¹. Общество как таковое является недостижимой универсальной категорией, символическая репрезентация которой является ставкой в борьбе частных политических сил. При этом полное слияние универсального и частного невозможно, так как всегда присутствует Другой, через отрицание, исключение которого и определяется общность, — но который в то же время не дает ей определиться до конца.

Последняя из вышедших книг Лаклау — «О популизме» (2005)². В ней популизм как политический феномен определяется не конкретным (онтическим) содержанием, которое позволило бы отличить его от фашизма, либерализма, консерватизма и т. д., а особой дискурсивной структурой, сводящей к минимуму политические различия между разрозненными требованиями и противопоставляющей их «полюсу власти», через радикальное отрицание которого и определяется «народ» как субъект популистской политики.

Важной вехой в истории Эссекской школы стала публикация альманаха «Теория дискурса и политический анализ» (2000), авторы которого использовали теорию дискурса в ее различных вариантах для анализа конкретных социальных и политических явлений: аргентинского перонизма, североирландского конфликта, экологистских движений, идеологии кемализма в Турции и др.

Среди других эмпирических исследований, основанных на методологии дискурс-анализа, — «Дискурс расы и сексуальности новых правых: Великобритания 1968–1990» А.-М. Смит (1994)³, «Деконструируя дискурс апартеида» А. Норвал (1996)⁴, «Идеология зеленых: дискурсивное прочтение» Я. Ставракакиса (1997)⁵ и др.

Библиография

1. Гололобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. — 2003. — Вып. 3. — С. 129–136.
2. Laclau: A Critical Reader. — London: Routledge, 2004. — 368 p.
3. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. — London: Verso, 2001. — 198 p.
4. Laclau E. On populist reason. — London: Verso, 2005. — 276 p.
5. Deconstructing theory and political analysis: identities, hegemonies, and social change / Edited by Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. — Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. — 243 p.

¹ Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. — London: Verso, 2001. — P. XI.

² Laclau E. On populist reason. — London: Verso, 2005. — 276 p.

³ Smith A.-M. New Right discourse on race and sexuality: Britain 1968–1990. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 308 p.

⁴ Norval A. J. Deconstructing apartheid discourse. — London: Verso, 1996. — 388 p.

⁵ Stavrakakis Y. Green Ideology: A Discursive Reading // Journal of Political Ideologies. — 1997. — Vol. 2. — № 3. — P. 259–279.

6. *Norval A. J.* Deconstructing apartheid discourse. — London: Verso, 1996. — 388 p.
 7. *Smith A.-M.* New Right discourse on race and sexuality: Britain 1968–1990. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 308 p.
 8. *Stavrakakis Y.* Green Ideology: A Discursive Reading // Journal of Political Ideologies 1997. — Vol. 2. — № 3. — P. 259–279.
-

Яков Павлович Миронов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Особенности интерпретации понятия «власть» Мишелем Фуко

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию Мишелем Фуко проблемы политической власти и формированию новой постмодернистской парадигмы в политологии, которая интерпретирует «власть» как подавляющее индивида начало, способное проявляться на различных этапах межличностных отношений. Отдельное внимание уделяется рассмотрению концепций «власти — знания» и «дисциплинарной власти».

Ключевые слова: постмодернизм, власть, М. Фуко, знание, политика.

Современная тенденция повышения роли коммуникаций в политике приводит к изменению привычной формы демократического представительства на представительство интересов. Данная трансформация связана с тем, что появляются новые влиятельные акторы — группы интересов, влияющие на властные структуры, причем оказывающие свое воздействие без участия в выборах. Их действия выступают не только в качестве одного из основных факторов, влияющих на процессы разработки и принятия политических решений на различных уровнях, но и как сила, способствующая смене традиционного понимания термина «власть». Растущая роль коммуникации между различными акторами политического поля становится феноменом, позволяющим нам с уверенностью говорить о формировании нового взгляда на процесс получения и удержания политической власти. Данные обстоятельства подчеркивают необходимость восполнить существующий пробел в отечественных исследованиях и сконцентрироваться на анализе того, как происходит постепенная смена парадигмы, что поможет более четко понимать смысл одного из ключевых терминов политической науки — «власть».

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Юлия Борисовна Мишкинене**.

М. Фуко можно назвать основоположником нового подхода к интерпретации данного термина. Его взгляд интересен тем, что Фуко отказывается от традиционного подхода к пониманию «власти» как жесткой системы субъектно-объектных отношений. Он видит «власть» как «множественное, автоматичное и анонимное» начало. Фуко выделяет два уровня проявления властных отношений: «малые или локальные формы власти, — власти, находящейся на нижних пределах своего проявления, когда она касается тела индивидов», и «великие аппараты»¹, т. е. государственные структуры принуждения и социальные институты, формирующие мировоззрение индивидов и настаивающие на необходимости общественного одобрения поведения личности (институты семьи, церкви, высшей школы).

М. Фуко показывает, что общество отличается особой системой власти — «властью над живым как биологическим видом». Такая «власть» функционирует как механизм, стремящийся к максимальной эффективности и всеобщему контролю.

В своих работах французский философ не исследует истоки «власти» как феномена, а обращает свое внимание на проблему ее проявления в обществе и на реакции субъектов на ее воздействие. «Власть» как институт проявляет себя в форме государственного аппарата и системы оппозиции. Мишель Фуко заявлял о необходимости критиковать эти властные органы и проводимую ими политику, позже данная точка стала весьма распространена среди постмодернистов и послужила основой для формирования нового понимания «власти» как подавляющего индивида начала, способного проявляться на различных этапах межличностных отношений.

В своих работах Фуко говорит о двух способах реализации «власти»: «власть как подавление» и «власть как закон». «Власть как подавление» представляет собой борьбу двух независимых субъектов, у каждого из которых есть возможность победить. «Власть как закон», по Фуко, зачастую выступает как побуждение к конформизму. Так, научный прогресс и научное знание относительны, т. к. их результаты подлежат постоянному пересмотру. Предлагая обществу корректные на данный момент результаты, наука фактически навязывает знание, от которого откажется через некоторое время, которое с позиции «абсолютной истины» ложно. «Знание» становится эквивалентно «власти». «Воля к знанию неспособна постичь универсальную истину: человеку не дано уверенно и безмятежно господствовать над природой. Напротив, она непрестанно увеличивает риск, порождает опасности повсюду ... ее рост не связан с установлением и упрочением свободного субъекта; скорее она все больше поработает его своим инстинктивным насилием»². М. Фуко признает единство власти и знания, по-разному проявляющееся на протяжении истории. Так, Фуко пишет в своей работе «Надзирать и

¹ Foucault M. Power, truth and strategy. — Sydney: Feral Publications, 1979. — P. 9.

² Foucault M. Language, counter-memory, practice. — Oxford: Basil Blackwell, 1977. — P. 163.

наказывать», что «властные» отношения выражаются через различные формы подчинения и приводит в пример применение пыток, т. е. ситуацию, в которой наказуемый, по сути, становится объектом применения власти с целью получения знания.

«Власть — знание» — это феномен, развивающийся посредством сбора информации об индивидах, выполняющих функцию объектов власти. Помещение людей в дисциплинарные институты является одним из способов, с помощью которых государство познает основные модели поведения человека. Следовательно, подобная позиция государства по отношению к своим гражданам говорит о том, каким образом государственный аппарат видит свою роль в жизни общества. Таким образом, имеют место не просто «властные отношения» индивида и государства, а особый феномен, который М. Фуко обозначает как «власть — знание».

Можно утверждать, что М. Фуко разработал особое представление о «политической власти». Его концепции «власти — знания» и «власти как дисциплины» во многом определили дальнейшее развитие политической науки и наложили опечаток на современную политическую мысль. М. Фуко вкладывал особый смысл в понятие «политическая власть», его исследования по анализу механизмов осуществления государственного контроля над гражданами внесли значительный вклад в современную философию и политологию. Его можно рассматривать как одного из основоположников нового видения «политической власти» и разработчика постмодернистской парадигмы, используемой ныне в политологии.

Библиография

1. *Foucault M.* Language, counter-memory, practice: Sel. essays a. interviews. Ed., pref., a. introd. by Bouchard D. F. — Oxford: Basil Blackwell, 1977. — 240 p.
2. *Foucault M.* Power, truth and strategy / Edited by Morris M., Patton P. — Sydney: Feral Publications, 1979. — 184 p.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб.: Асаd., 1994. — 408 с.
4. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
5. *Фуко М.* Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. — СПб.: Наука, 2007. — 450 с.
6. *Фуко М.* Правительственность (идея государственного интереса и её генезис) / Пер. И. Окуновой // Логос. — 2003. — № 4/5. — С. 4–22.
7. *Фуко М.* Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 44–53.
8. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. году. — СПб.: Наука, 2005. — 312 с.

Анна Валериевна Мырикова

Кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии М. В. Ломоносова.

Ф. И. Тютчев как представитель русского консерватизма XIX века

Аннотация

В статье обосновывается принадлежность Ф. И. Тютчева к консервативному направлению социально-политической мысли России XIX века. Показана близость его воззрений славянофильским, раскрывается его понимание термина «руссофобия», его политический панславизм, понимание им идеи славянской взаимности.

Ключевые слова: консерватизм, Россия, Запад, православие, славянофильство, руссофобия.

Политический консерватизм в России не сводился лишь к обоснованию «проправительственной точки зрения», будь то позиция Министерства народного просвещения или какого-либо другого ведомства, включая цензурные комитеты или даже Святейший Синод. Особенно наглядно свидетельствуют об этом политические воззрения славянофилов. «Государственническая» линия политической философии славянофилов наиболее ярко проявилась в политической публицистике Ф. И. Тютчева.

Творчество Тютчева как политика-славянофила слабо изучено в научной литературе. Великий поэт и известный дипломат, Тютчев более 20 лет служил в российских посольствах — в Мюнхене, затем в Турине, понимал свою дипломатическую миссию как защиту не только российских, но и всеславянских интересов. Он был также выдающимся политическим философом, близким к славянофилам, особенно к семье Аксаковых, с которой его связывали родственные узы (И. С. Аксаков был его зятем). Тютчева называли «русским выходцем» из Европы и здесь нет никакого противоречия с его славянофильскими воззрениями. Они были частью общего интеллектуального, национального и духовного подъема, который охватил Европу в период после наполеоновских войн. Тютчев был близко знаком с Шеллингом и Баадером, встречался с Гейне, интересовался творчеством Гете, посещал в Париже лекции Гизо, Кузена и др., Обширные политические статьи Тютчева написаны и опубликованы на французском языке и получили первоначальную известность в Европе, а не в России («Письмо г-ну Густаву Кольбу, редактору „Альгемайне цайтунг“» (1844) (на русском языке опубликована под названием «Россия и Германия»); кроме этого им было написано еще три статьи: «Россия и революция» (1848–1849), «Папство и римский вопрос» (1850), «О цензуре в России» (1858) и незавершенный трактат «Россия и Запад».

Тютчев предстает глубоким и тонким аналитиком европейского политического процесса (эта черта его творчества отражала общую особенность русского консерватизма от Н. М. Карамзина до К. Н. Леонтьева). Ему принадлежит термин «русофобия» (введен в 1844 году).

В своих политических статьях Тютчев раскрывал и объяснял феномен русофобии, анализировал причины антирусских настроений, получивших распространение в Западной Европе. Главная причина, как абсолютно верно замечал он, — стремление вытеснить Россию из Европы если не силой оружия, то силой презрения. Западная русофобия, по Тютчеву, проистекает и от незнания «целой половины европейского мира». По его замыслу, русофобии и революции должна противостоять славяно-русская империя, которая будет образована на Востоке Европы. Подобные замыслы будут позже подхвачены Ф. М. Достоевским, Н. Я. Данилевским, В. И. Ламанским, И. С. Аксаковым, К. Н. Леонтьевым, ранним В. С. Соловьевым.

В отличие от славянофилов, Тютчев не был сторонником социального устройства по общинному принципу. Но и он видит именно в народной России «мир русско-византийский, в котором жизнь и богослужение одно». По сравнению со славянофилами Тютчев более решительно отстаивал принцип теизации политической жизни, подчинения внутренней и внешней политики России церковным интересам. Отсюда вытекали, например, его многочисленные поэтические призывы к тому, чтобы Царьград был «нашим». Однако панславизм Тютчева (этот термин употреблялся им самим) отнюдь не был равнозначен агрессивности и экспансионизму. Прежде всего, он являлся реакцией на имперскую австро-венгерскую политику подавления славянских народов, суть которой недвусмысленно выразил австрийский министр иностранных дел фон Бейст, заявивший, что «славян должно прижать к стенке» (Тютчев блестяще обыграл эту фразу в своем знаменитом стихотворении, сравнив Россию с этой самой пресловутой «стенкой»).

Политический панславизм Тютчева претерпел определенную эволюцию. Неоднократно в публицистике и в стихах Тютчев излагал утопии «возвращения Константинополя» и «соединения двух церквей — восточной и западной» (последняя идея, как известно, позже разрабатывалась Вл. Соловьевым). Вместе с тем, будучи опытным политиком, Тютчев высказывался в том смысле, что на прямое дипломатическое (не говоря уже о военном) вмешательство с целью защиты славян Россия часто не имеет «положительного права» и поэтому должна действовать преимущественно силой общественного мнения, «словом русской печати». Тютчев писал: «Лозунг завтрашнего дня — это возрождение Восточной Европы, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово».

По Тютчеву, Россия и славянство не противостоят христианскому западу, а являются его «законными сестрами», живущими, правда, «своей собственной органической, самобытной, жизнью». Для позднего периода творчества Тютчева характерно то, что геополитические аспекты панславизма отступают на второй план. Как многие приверженцы культурного пансла-

визма он делает акцент на духовное, а не на племенное единство славянства. Тютчев выступает также (в трактате «Россия и Запад») против революционного панславизма М. А. Бакунина. Он ведет речь о возрождении не только славянского мира, но и Венгрии и всей Восточной Европы.

Можно говорить об особенностях политического дискурса мыслителя, которые определяются следующими обстоятельствами.

Во-первых, по своему мировоззрению Тютчев предстает перед нами как христианский, православный мыслитель, исторический и политический дискурс которого является опытом (индивидуальной, специфической, оригинальной) рационализации его православной веры. Истинным субъектом исторического процесса, по Тютчеву, выступает Бог как до конца никем не постижимая сила Провидения, имеющая, однако, свою историческую закономерность. Реальная историческая жизнь человечества, политические процессы, происходящие в ней, обладают относительной самостоятельностью, что особенно заметно в мирные, бескризисные периоды развития. Основываясь на православной вере и исторической интуиции, человек способен отчасти угадать волю Провидения и выстроить на этой основе анализ исторической политической реальности, что особенно актуально в периоды кризиса цивилизаций, революций и войн.

Во-вторых, с точки зрения Тютчева, фундамент всякой цивилизации, ее главный социообразующий и культурогенный фактор — религия как легитимный способ объединения божественной и человеческой воли. Для всего европейского региона таким фундаментом является христианская Вселенская Церковь, трагический раскол в которой породил две цивилизационные разновидности — Запад и Восток. Именно неадекватное отражение божественной воли в западноевропейском христианстве есть, по Тютчеву, наиболее глубокая причина политического, культурно-исторического, цивилизационного кризиса Запада.

В-третьих, Тютчев впервые в русской и европейской интеллектуальной традиции ставит знак тождества между католицизмом, протестантизмом, секулярным гуманизмом, атеизмом и революцией как этапами единого процесса деградации западноевропейской цивилизации. Политические события современной ему истории: борьбу за объединение Германии, формирование нового статуса Ватикана, революции во Франции 1830 и 1848 годов, другие европейские революции этого периода; возникающие вопросы и проблемы теоретического плана: о демократии и государстве, взаимоотношении институтов государственной власти и Церкви, о роли общественного мнения и прессы и т. д. — все это рассматривается Тютчевым в свете идеи закономерного кризиса такой цивилизации, в основании которой имплицитно содержится приоритет человеческого перед божеским. Основным содержанием современной ему эпохи Тютчев считает борьбу Революции и России как выражающих собой ложное и истинное проявления христианства в исторической жизни человечества.

Можно также с уверенностью утверждать, что во всех политических во-

просах, которых касался Тютчев, он выступал рупором того, что противники называли «русской партией», а сам он «громдным консервативно-национальным большинством русского общества», «всем, что ни есть здорового и благонамеренного»¹.

Такая позиция мыслителя определила его представления о русофобии — ненависти ко всему русскому, порожденной инстинктивным страхом, в основе которого непонимание и нравственная безответственность, обусловленные цивилизационными различиями Запада и России.

Различая русофобию «внешнюю» и «внутреннюю», подчеркивая их взаимосвязь, Тютчев указал на антирусские силы в самой России (либералы, нигилисты, польская оппозиция, остзейские бароны, правительственная клика), наметил пути и способы борьбы с «внутренней» русофобией.

Подчеркивая генетическую связь русофобии с пропагандой, важнейшим средством борьбы с нею Тютчев считал не «материальную силу», а воздействие печати на общественное мнение, главным способом такого воздействия — убеждение «свободным словом», а не силой оружия.

Противопоставляя творческой мысли — мысль бюрократическую, Тютчев подверг резкой критике цензурную политику правительства, считая «свободу мысли и слова» — главным принципом организации печати, в дела которой власть может вмешиваться «гомеопатически».

Таким образом, негативное отношение к русофобским настроениям на Западе и антирусских сил в самой России, неприятие «европейничанья» части русского общества являются важнейшей точкой соприкосновения Тютчева и славянофилов. Христианский пафос, вера в истинность православия и критика западной церкви, критическое отношение к буржуазной радикальности и индивидуализму, неприятие революции, приверженность принципу органического развития — это и многое другое сближает и объединяет Тютчева со славянофильством. В свою очередь, политическая философия, обращенная к внешнеполитическим проблемам существования России и Славянства, которая так характерна для творчества Тютчева, дополняла во многих отношениях славянофильскую доктрину, способствуя тому, чтобы славянофильская русофильская идея стала «панславистской» действительностью европейского масштаба.

Декларируемые в исследовательской литературе «отличия» и «различия», иначе говоря — «особенное», не могут заслонить общего стержня мышлений славянофилов и Тютчева, того, что делало Тютчева человеком славянофильского круга. Целый ряд обстоятельств позволяет судить о близости и совпадениях позиций славянофилов и Тютчева.

Во-первых, Тютчева и славянофилов объединяет вера в самобытность славян и историческую миссию России, истинность православия; критика

¹ Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам: А. И. Георгиевскому. 1864–1866. Письмо восемнадцатое. 8 мая 1866 года // Литературное наследство. — Т. 97. — В 2 кн. — Кн. 1. Федор Иванович Тютчев / Макашин С. А. и др. — М.: Наука, 1988. — С. 403.

западной церкви; критическое отношение к буржуазной рациональности и индивидуализму; монархические идеалы и неприятие революции, приверженность принципу органического развития общества. Общий стержень, системообразующий принцип их теоретических построений — признание православной религии и Церкви основой самобытности России, обуславливающей мессианские качества русского народа и предназначение России во всемирной истории человечества.

Во-вторых, консервативные, «националистические», если их можно так назвать, а лучше сказать «русские» аспекты славянофильства — обращенность «внутрь себя и своего Отечества» (Киреевский), трактовка России как особого организма, особого мира — православно-христианского, не похожего на западный мир, раздираемый насильственными переворотами и революционными катастрофами и др. — оказали большое воздействие на историко-социальную концепцию Тютчева, его представления об «органическом» развитии жизни.

В-третьих, как у основателей славянофильства, так и у Тютчева нет восхваления современной России, нет пренебрежения к Европе, при этом, так же, как и славянофилы, Тютчев не принимал западнического тезиса о поглощении русской народности западной «общечеловеческой» цивилизацией, ставил во главу угла пробуждение национального самосознания русского народа.

В-четвертых, близок Тютчеву и антизападнический пафос славянофильства в преодолении «европейничанья». Вслед за славянофилами Тютчев не только был противником каких либо заимствований с Запада, перенесения на русскую почву европейских учреждений и институтов — чуждых, неорганических для России, но и разделял славянофильскую идею об отсутствии в самодержавной России *средостения* между властью (царем) и народом, о бесполезности и ненужности любого посредничества между ними. Единственным законом будущего развития России, единственно возможной конституцией Тютчев считает формулу: «*чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ*». Новые — представительные, но не совпадавшие по своему смыслу с западноевропейскими, — институты, по Тютчеву, должны были постепенно вырасти на почве «русского народного исторического начала» — традиционных устоев русской жизни, и ее новых пореформенных учреждений.

В-пятых, развернутые «антиславянофильские» выкладки В. В. Кожина, его положения о «принципиальных расхождениях Тютчева со славянофилами» как с фактической, так и концептуальном отношениях не выдерживают критики. При всем своем «русифильстве», ни славянофилы, ни Тютчев, не были шовинистами.

Таким образом, необходимо акцентировать внимание на следующем.

Во-первых, идея славянской взаимности в своем генезисе прошла непростой путь, сложность которого определили разнообразие представляющих её общественно-политических сил. Возникнув сначала как основа куль-

туртрегерского движения, эта идея приобрела затем *политическое* звучание и *историсофское* измерение. В начале своего генезиса она имела, по крайней мере, три основных концептуальных разновидности — «*литературную*», «*австрославистскую*» и «*славянофильскую*», из которых затем развилось множество концепций и теорий объединения славян, как литературного, так и политического характера.

Во-вторых, идея славянской взаимности, славянский вопрос, проблема единства славян — иначе говоря, славянская тема — занимала важнейшее место в размышлениях Тютчева на протяжении всей его сознательной жизни. В целом воззрения Тютчева на славянский вопрос в пореформенный период мало чем отличались от его ранних представлений. Предлагаемое Тютчевым общее направление решения славянского вопроса, его образ Вселенской православной славянской империи под эгидой России позволяют отнести его творчество к славянофильской, русофильской разновидности политического консервативного панславизма.

В-третьих, в тютчевской трактовке идея славянской взаимности и славянского единства была основана на вере в историческую миссию России как освободительницы и объединительницы славянского мира, противостоящего «революционной» Европе. При этом явно просматриваются государственные приоритеты России: сохранение территориальной целостности, усиление политического влияния и т. д. Для Тютчева одно не противоречило другому: интересы России объективно совпадали с интересами славянских народов. Консерватизм идеи заключался в предположении, что славянский мир будет основан на началах православия и монархических принципах.

В-четвертых, представления Тютчева о славянских народах и степени их близости имели романтическую окраску. Сотни лет онемечивания и отуречивания славянских народов сделали свое дело. Произошла их дифференциация по конфессиональному признаку, культурно-бытовым особенностям, уровню социально-экономического развития и политического самосознания. Понимая все это, Тютчев, однако, черты сходства считал преобладающими над различиями, веря и надеясь на всеславянское единство.

В-пятых, его идея славянского единства имела скорее историсофский, чем политический и прагматический характер. Эта идея, сконцентрированная в идеале Вселенской православной монархии, не подкреплялась конкретными политическими программами и планами устройства государства славян, развернутым обоснованием путей и способов ее осуществления, а потому вполне может быть отнесена к разряду мифологем, никогда не достижимых утопий.

В принципе, славянофильские идеи Тютчева и пропагандистов культурного панславизма, в контексте обострившегося в конце XX века и до сих пор не решенного «славянского вопроса», звучат современно. В частности, идея «славянской взаимности» может быть реализована в наши дни, как и предсказывал Тютчев, лишь через укрепление взаимного доверия и разнообразных связей между славянскими народами.

Виталий Владимирович Ошкин

Студент факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета¹

Критика демократии в творчестве Л. А. Тихомирова

Аннотация

Критика демократии учеными разных эпох помогает нам выявить ее слабые места, чтобы затем усовершенствовать демократические институты для всеобщего блага. Творчество Л. А. Тихомирова представляет собой яркий образец такой критики. В статье рассмотрены в динамике основные проблемы демократии, выделенные ученым.

Ключевые слова: Тихомиров, демократия, политиканство, гражданское общество, выборы.

Изучая историю русской общественной мысли XIX века, мы часто уделяем исключительное внимание революционно-демократическому и либеральному направлениям. При этом иногда игнорируется целый пласт весомых работ ученых-монархистов. У такого явления есть свое объяснение. Во-первых, это направление общественной мысли сейчас не актуально: основные споры велись в 90-е годы прошлого века относительно социалистической и либерально-демократической моделей. Мало кто ратует за восстановление монархии. Во-вторых, это направление даже в период своего существования считалось анахронизмом, идеологической защитой отжившего режима. Однако, некоторые мысли ученых-монархистов не теряют актуальности и сейчас, например, критика демократии. Их аргументы против такого способа управления обществом позволяют нам сейчас провести сравнение между демократией позапрошлого века и ее современным вариантом, найти проблемы, решенные с тех пор, и проблемы пока неразрешимые. В данной работе для этого будет использована работа Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность».

В целом работа посвящена отстаиванию права на существование монархии и доказательству того, что она является лучшей формой правления. Конечно, в данном контексте рассматривалась и демократия, как основной конкурент монархии.

Демократия, по Л. А. Тихомирову, связана с таким явлением, как политиканство. Разберемся подробнее, что под этим термином подразумевал автор. В своей книге он полемизирует с теми, кто называет бюрократию порождением абсолютизма, кто призывает к демократии под знаменем дебюро-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета, профессор **Нина Владимировна Дергунова**.

кратизации. Демократия также имеет бюрократический аппарат, хотя и характеризуется самоуправлением. Но это «народное самодержавие» не может пронизывать всю систему государственного управления. Самоуправление возможно лишь на том уровне, когда граждане лично знакомы и известны друг другу. При увеличении объема совокупности избирателей это уже не самоуправление, а делегирование полномочий и власти. «Вместо народоправства мы имеем тут парламентаризм и господство партии»¹. Партия хорошо организована, почти по-военному, общество же разобщено, не может системно отстаивать свои интересы, поэтому страдает от произвола властей. Здесь появляется возможность манипуляций, обмана, всего того что Тихомиров назвал «политиканством». «Политиканство» — отличительная черта демократии. Политиканы — люди, которые делают карьеру в политике, считают ее единственным средством своего существования и обеспечения. Это беспринципные люди, которые готовы на сделку с самим дьяволом ради возможности поживиться от бюджета государства, штата, муниципалитета. Л. А. Тихомиров приводит нелюбимые факты из повседневной политической практики США, говорящие о безудержном мздоимстве и махинациях на выборах. Также заявляется, что подлинная интеллектуальная элита и простые граждане, наблюдая эту нечестную борьбу «наверху», делают вывод о политике как о сфере деятельности для аморальных, беспринципных людей, как о недостойном честного человека занятии и самоустраиваются из этой сферы.

«Политиканство» — такое же зло, как и бюрократизм. Оно имеет лишь одно преимущество — политиканы, воспитанные в жесткой борьбе за власть более активны и приспособлены к нестандартным ситуациям, чем формалисты-бюрократы, не знающие слова «инициатива».

Таким образом, Л. А. Тихомиров выделил следующие проблемы демократии: (1) коррупция, сращивание с крупным капиталом; (2) нечестные выборы; (3) негативное отношение к политике «лучших людей страны»; (4) разобщенность гражданского общества перед лицом четко организованной партии; (5) как итог всего вышеперечисленного — отрыв власти от народа, пренебрежение его нуждами.

Теперь посмотрим, что изменилось в демократическом мире за сто с лишним лет. Коррупция не побеждена окончательно нигде, а в России борьба с ней только начинается. Крупные аферы и кражи бюджетных средств происходят даже в «оплоте демократии» — США. Доверие к институту выборов крепко только на Западе. Во многих странах можно наблюдать печальный процесс, когда одна из сторон еще до окончания подсчета голосов объявляет себя победителем и производит переворот, названный по имени какого-нибудь цвета. Негативное отношение к политике крепко в нашей стране, но в большей части западного мира оно сменилось на равнодушие.

¹ Примечание редакции: здесь и далее цитаты приводятся по работе Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность».

Никакие рекламные трюки не могут заманить избирателя к урнам в день голосования (выборы в Европарламент подтверждают это). Изменилась роль гражданского общества. На Западе общественные организации играют значительную роль в политической жизни. К сожалению, в России это не так. Отрыв власти от народа, скорее всего, будет существовать всегда, вопрос лишь в том, как сделать его поменьше.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что проблемы демократии, подмеченные Л. А. Тихомировым еще в позапрошлом веке во многом актуальны и сейчас. Сейчас продолжаются дискуссии по поводу вопросов, обсуждение которых началось еще в XIX столетии в России и в XVII–XVIII в Европе. Анализируя их результаты можно понять, почему некоторые из проблем (например, эффективного формирования самоуправления и гражданского общества) решены на Западе и не решены у нас. Все это как нельзя лучше обосновывает необходимость тщательного изучения современными учеными истории социально-политических учений для поиска оптимальных способов решения современных политических и социальных трудностей. Опыт и взгляды ученых прошлых лет могут оказать в этом нам неоценимую помощь.

Кирилл Алексеевич Папин

Выпускник факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Ценностные ориентиры народнического революционаризма

Аннотация

Эволюционный вектор народничества был направлен от социокультурного к революционному движению, от народных устоев хождения в народ к «крестьянскому общинному социализму» и террору. Политический терроризм также связывался с особенностями российской ментальности — жизнь простого человека не стоила ничего, в отличие от человека государственного. Цену всем определяла власть.

Ключевые слова: русская революционаристская мораль, эволюционный вектор народничества, вера в народ как хранителя традиционной ценности правды, мировоззрение разрушения.

Русская революционистская мораль формировалась в России в течение нескольких десятилетий и стала восприниматься позитивно в кругах широкой общественности.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

Специфической чертой русского революционаризма был нигилизм, придававший субкультуре культ утилитарной рациональности, отрицание общепринятых норм морали, разрыв с традиционной системой ценностей образования и воспитания.

Самой яркой чертой поколения нигилистов была склонность сводить все к какой-то одной формуле, реализация которой изменит существующую жизнь.

В основе русского нигилизма лежит православное мироотрицание, ощущение мира, лежащего во зле, признание греховности богатства. Помимо этого, греховными признавались государство, право, религиозная мораль, культура, ибо они оправдывали порабощение человека. Все силы должны быть отданы на эмансипацию народа от невероятных страданий, от порабощающих человека традиций и норм, идей и предрассудков. Все остальное — «от лукавого».

Нигилистическая картина мира помогала русским интеллигентам легко идти на жертвы, на виселицу и на каторгу. Они были устремлены в будущее, но для себя лично не имели никаких надежд ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали.

Вместе с тем, в 1870-е годы и на ближайшие десятилетия возникает новое направление — народничество, имеющее многообразные проявления: консервативное, религиозное, материалистическое, демократическое, революционное. Эволюционный вектор народничества был направлен от социокультурного к революционному движению, от народных устоев хождения в народ к «крестьянскому общинному социализму» и террору.

Вопрос о самобытности, в отличие от славянофилов, получил новую установку: «народные устои», которыми теперь стали считать только организацию крестьянской жизни (общину, артели) и брожение религиозной мысли, были не только признаны достойными уважения, но и прямо поставлены выше духовных устоев интеллигенции.

Характерно, что понятие «народничества» воспринималось как синоним демократизма и интереса к народу вообще, а большую роль в распространении идеи «долга интеллигенции перед народом» сыграла русская литература и публицистика.

Практически у всех народников в основании идеи лежала вера в народ как хранителя традиционной ценности правды. И, в целом, народничество не носило националистических черт, разделяя понятия «народ» и «нация». Государство противопоставлено народу, власть угнетает народ, но нация есть часть единства общества и власти. Данные теоретические положения отличали народников от славянофилов и консервативно-хранительного направления.

Религиозное народничество связывало народ с сакральным духом, а нация представлялась лишь историческим образованием, связанным с государством. В демократическом народничестве народ отождествлялся с социальной категорией трудового класса общества, и его интересы отождествлялись

с интересами труда.

Оформившееся народническое движение требовало от интеллигенции полного отречения в служении трудовому народу — крестьянству. Народ жил на земле, и интеллигенция начала поход в народ с целью содействовать и руководить установлением справедливого социалистического социального строя в деревне, носителем которого являлась, по их мнению, сельская община.

Поход в народ был частью народнической практики. Они желали начать новую жизнь и проводить пропаганду социальных идей, которые, по их мнению, вполне соответствовали взглядам и нуждам народа. Они считали своей задачей лишь вызвать эти взгляды и идеи наружу. Действуя наивно, не соблюдая никакой конспирации, они сразу же вызывали неприятие деревни в силу своей чужеродности. Движение под лозунгом «хождение в народ» обернулось полной катастрофой. Идеал не имел ничего общего с действительностью: народу был свойственен нравственный цинизм, накопительская жилка и монархические убеждения.

Народничество было мировоззрением, в силу которого весь душевный пыл и самоотвержение сосредоточивались на разрушении. Любовь к народу, как исходная точка, заслонялась эмоциями ненависти и ярости к государственной власти и конкретным ее представителям. Интеллигент-народник эволюционировал в злобствующего фанатика-революционера.

Эта эволюция нашла воплощение в новой практике — создании организации «Земля и воля».

Терроризм народников — путь отчаявшихся; крайние формы борьбы были вызваны бессилием, невозможностью использовать легальные методы. Политический терроризм также связывался с особенностями российской ментальности — жизнь простого человека не стоила ничего, значительно большей ценностью обладал человек государственный. Цену всем определяла власть. Почти обожествляя простого мужика, народники назначили его жизни более высокую цену, чем чиновникам и генералам. Большой террор всегда был прерогативой государственной власти. Народовольцы, присвоив себе эту функцию, в ответ вызвали жестокие репрессии. Обескровив себя, политические террористы, тем не менее, выработали своеобразную политическую традицию, которую в начале XX века развивала Боевая организация эсеров.

К массовому террору народники перешли летом 1879 года, создав подпольную организацию «Народная воля».

Народовольческая идеология обосновывала террор как единственно возможное средство «нравственно переродить холопа-верноподанного в человека-гражданина»¹. Масштабы политического терроризма определяются не только количеством покушений, царубийством и уничтожением высоко-

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под. ред. Рудницкой Е. Л. — М.: Археографический центр, 1997. — С. 132.

поставленных чиновников. О реальном размахе свидетельствуют массовые репрессии власти. С 1881 по 1900 год было рассмотрено 7159 дел и вынесены приговоры 11879 обвиняемым, из них две трети — смертная казнь и каторга¹.

Террор вызывал репрессии, репрессии — террор, который обретал собственную инерцию. Путь террора как метода борьбы с государственной машиной и индивидуального бунта оказался тупиковым.

Но и другой путь нового поколения революционеров не отвергал бескомпромиссности, аскетичности и готовности бороться до конца, присущих народникам.

Библиография

1. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. — М.: Мысль, 1986. — 343 с.
2. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под редакцией Рудницкой Е. Л. — М.: Археологический центр, 1997. — 576 с.

Сергей Вячеславович Перевезенцев

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Идея сильной личности в сочинениях Федора Курицына

Аннотация

В «Сказании о Дракуле», автором которого предположительно считается Федор Курицын, впервые в древнерусской духовно-политической мысли столь ярко прозвучала идея о том, что государь является неограниченным властителем не только над своими подданными, но и над всеми, кто оказался в его распоряжении.

Ключевые слова: идея сильной личности, Федор Курицын, «Сказание о Дракуле», «Лаодикийское послание».

Федор Васильевич Курицын (ум. не ранее 1500 г.) — одна из известных и в то же время загадочных фигур в отечественной истории². В 80-е годы XV века он служил посольским дьяком, затем стал одним из ближайших советников великого князя Ивана III. И одновременно Федор Курицын оказался

¹ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. — М.: Мысль, 1986. — С. 223.

² Биографию Курицына см.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. — Л.: Наука, 1988. — С. 125–130.

одним из тех, кто возглавлял в Москве ересь «жидовствующих»¹. Недаром еще в 1485 г. новгородский архиепископ Геннадий именовал Курицына «начальником» всех еретиков. Но уже в самом начале XVI века с ересью «жидовствующих» было покончено. О судьбе Ф. Курицына неизвестно ничего, кроме того, что его имя последний раз упоминается документах в 1500 г.

Тем не менее, Федор Курицын вошел в историю отечественной духовно-политической мысли. Именно он считается автором двух очень своеобразных и необычных произведений — «Лаодикийского послания»² и «Сказания о Дракуле». Более того, о Федоре Курицыне писали как о своеобразном русском «гуманисте» и деятеле Предвозрождения³.

Но был ли Федор Курицын «гуманистом»? Собственно говоря, с западноевропейским гуманизмом его роднит только одно качество: увлечение нехристианскими религиями и восточными мистическими учениями. Уже в «Лаодикийском послании» можно заметить предрасположенность Федора Курицына к ветхозаветной тематике, иудаизму и учению Каббалы⁴. А в целом это послание можно рассматривать как закодированную еретическую антитезу всему христианскому образу жизни. Но в данном случае интересно, что в «Лаодикийском послании» представлена *идея сильной личности*. Ведь главной фигурой всего послания является «мудрец-фарисей», «пророк», который только и обладает «самовластной душой». Именно «пророк» силой «самовластной души» приводит своих последователей в «страх Божий», и,

¹ Существо ереси «жидовствующих» сегодня восстановить очень трудно, недаром дискуссии по этому поводу продолжают много лет. Само именование — «жидовствующие» — еретики получили по двум причинам. Во-первых, потому, что у истоков ереси стояли иудеи, приехавшие на Русь из Западной Европы. Во-вторых, еретики отрицали значение Нового Завета, отдавая предпочтение ветхозаветным и, видимо, каким-то иудейским книгам. Кроме того, у последователей ереси прослеживаются параллели с иудейской догматикой и обрядностью — почитание субботы, обрезание, пользование еврейским календарем. Известно также, что еретики отрицали важнейшие догматы православного вероучения — Святую Троицу, богочеловеческую природу Иисуса Христа и Его роль Спасителя, идею посмертного воскресения и т. д. Кроме того, еретики отказывались признавать многие традиционные принципы православной церкви, в том числе институт монашества и иконопочитание.

² Полный текст «Лаодикийского послания» по трем спискам опубликован в кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. — С. 265–276.

³ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. — Л.: Наука, 1988. — 159 с.; Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. — М.: Аспект-пресс, 1996. — 366 с.

⁴ О влиянии иудаизма на Федора Курицына см.: Ettinger S. Jewish Influence on the Religions Ferment in Eastern Europe at the End of 15 Century // Yitzhak F. Baer Jubilee Volume. — Jerusalem: The Historical Society of Israel, 1960. — P. 228–247; Fine J. V. A. Fedor Kuritsyn's "Laodikijskoje poslanie" and the Heresy of the Judaisers // Speculum. — 1966. — Vol. 41. — № 3. — P. 500–504; Kämpfer F. Zur Interpretation des "Laodicensischen Sendschreibens" // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1968. — Bd. 16. — S. 53–69; Lilienfeld F. Das "Laodikijskoe poslanie" des grossfürstlichen Djaken Fedor Kuricycn // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1976. — Bd. 24. — S. 1–22; Die "Harisie" des Fedor Kuricycn // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1978. — Bd. 24. — S. 39–64.

следовательно, к «добродетели»¹.

Эта идея сильной личности, обладающей «самовластием души», находит продолжение в другом произведении, которое приписывается Федору Курицыну — в «Сказании о Дракуле»².

Дракула — это прозвище князя Валахии Влада Цепеша (правил в 1456–1462 и 1477 гг.). Валахия располагалась на территории современной Румынии и в «Сказании» называется «Мунтьянской землей» (горная страна Мунтения — это восточная часть Валахии). Свое прозвище валашский князь получил в наследство от отца, который, видимо, принадлежал к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами. Однако затем оно стало ассоциироваться с румынским словом «*drac*» — *дьявол*. Рассказы и анекдоты о Дракуле оказались очень популярными в конце XV века в Европе и отразились в немецких, венгерских и итальянских источниках. Русский автор «Сказания о Дракуле» все-таки создает более обобщенный образ, нежели его западноевропейские современники.

Герой «Сказания» — это, несомненно, очень сильная личность. Свои поступки он совершает, руководствуясь исключительно «самовластием души». А результатом этих поступков оказывается неоправданная и невиданная по своей изощренности жестокость. Однако Дракула был способен и на справедливые деяния, что всячески подчеркивается в «Сказании». Ведь он, одновременно, ненавидел «во своей земли зла» и беспощадно карал всякое преступление, кто бы его ни совершил.

Но важно тут и другое — причиной всех поступков Дракулы является непреходящая жажда власти, как следствие «самовластия души». Так, чтобы сохранить власть, Дракула даже отказывается от православной веры и принимает католичество³. Идея неограниченной, абсолютной власти монарха — это главная идея всего «Сказания о Дракуле». Недаром один из тех, кого Дракула собирался посадить на кол, иностранный посол, избежал мучительной смерти лишь потому, что сказал: «Государю, аще достойное смерти соделать буду, твори, еже хочещи: праведный бо еси судия — не ты повинень моей смерти, но азь самъ»⁴.

Слова «*твори, еже хочещи*» («делай как хочешь») и являются ключом к пониманию внутреннего смысла всего повествования о Дракуле. По сути дела, впервые в древнерусской духовно-политической мысли столь ярко и даже, в каком-то смысле, цинично прозвучала идея о том, что *государь является неограниченным властителем не только над своими подданными, но и над всеми, кто оказался в его распоряжении*. Принцип самовластия («твори, еже хочещи») распространяется и на отношения с соседними державами,

¹ См. об этом: Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. — М.: Прометей, 1999. — С. 225–230.

² См.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. — Л.: Наука, 1988. — С. 89–108.

³ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 562.

⁴ Там же.

становится вообще *принципом жизни государя*. И не случайно в Дракуле нередко видели истинную «модель царского поведения».

Впрочем, у автора «Сказания» нет однозначного одобрения Дракулы. Более того, в конце повествования Дракула гибнет от копий своих же воинов, принявших его за турка. Иначе говоря, «Сказание» показывает, что неограниченная власть имеет не только свои прелести, но и свои горести. А самого Дракулу можно воспринимать и как абсолютно отрицательную фигуру злодея. В понимании Я. С. Лурье, Федор Курицын не мог найти иных средств борьбы с церковью и несправедливостью и потому пугал современников Дракулой¹.

Но знаменательно, что и однозначного, ярко выраженного порицания Дракулы в «Сказании» тоже нет. Видимо, высказав идею абсолютной власти монарха, автор не решился, или не захотел дать нравственную оценку своему герою. Это, между прочим, более чем нехарактерно для традиции древнерусской литературы и совсем не соответствует церковным канонам. Ведь древнерусские книжники обязательно вносили в свои сочинения нравственные оценки, оправдывая, или, наоборот, осуждая своих героев.

В итоге, автор представляет читателям самим выбирать — ужасаться ли жестокостям, или восхищаться абсолютным самовластием Дракулы. А может быть, вообще, смириться и признать — истинной справедливости и истинной правды на Земле не существует, как не существует и истинно справедливого государства. Если признавать автором «Сказания о Дракуле» Федора Курицына, то в последнем умозаключении тоже есть большой смысл. Ведь истинной справедливости нет среди христианских государей, в христианском мире. Следовательно, подспудно осуждается и само христианство, неспособное внести правду и истину в реальную земную жизнь. Зато наиболее яркими и сильными фигурами в христианском мире оказываются лишь такие государи, как Дракула.

Как можно было заметить, предложенный вариант трактовки произведений Ф. Курицына побуждает иначе взглянуть на духовно-политические взгляды этого мыслителя. Вряд ли его можно считать гуманистом или деятелем Предвозрождения. Скорее сочинения Курицына — это свидетельство его глубокого увлечения ветхозаветной тематикой. И его творчество показывает, как далеко в сторону от православия могло увести такое увлечение.

Судьба «Сказания о Дракуле» была непростой. Признанная, по выражению того времени, «неполезной повестью», она долгое время не включалась в рукописные сборники. В то же время, идея сильного, самовластного государя, главным свойством которого было бы соединение жестокости и справедливости, в XVI в. все более набирает силу. Об этом позднее писал Иван Пересветов, на этих качествах государя заострял внимание в своих произведениях и Иван Грозный.

¹ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. — Л.: Наука, 1988. — С. 107.

Оксана Олеговна Пертель

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Понятие власти Ханны Арендт и его критики

Аннотация

В статье анализируется понимание Ханной Арендт категории «власть», её соотношения с понятиями «сила», «истина», «политика». Разбираются пункты критики концепции Арендт со стороны Юргена Хабермаса и Вольфганга Керстинга.

Ключевые слова: Х. Арендт, В. Керстинг, Ю. Хабермас, власть, сила, политика, истина, коммунитаризм.

Ханна Арендт считается основоположницей коммунитаристской² концепции власти.

Юрген Хабермас в своей статье «Понятие власти Ханны Арендт» так раскрывает это определение: «Власть образуется посредством коммуникативного действия. Она является выражением конечного результата дискуссии, в которой для каждого участника главной целью является понимание»³.

Концепция власти Арендт соотносится с двумя аспектами ее теории действия. Согласно этим аспектам, власть возникает в результате совместного согласования целей действий и проявляется в ходе *реализации* действий. Изначальная отчужденность между людьми исчезает в совместной дискуссии, в которой люди признают себя равноправными. Власть охватывает всю протяженность действия. Арендт писала: «Власть не только соответствует человеческой способности совершать поступки и дела, но также заключается в умении объединяться и достигать согласия друг с другом»⁴.

Поскольку власть онтологически присуща группе людей, возникает вопрос о критериях образования этой группы. Эти критерии раскрывают нормативное измерение власти. Размышления Арендт в работе «Гражданское непослушание» проливают свет на них. Когда люди начинают действовать, они должны договориться о своих целях. Не важно, какие мотивы побуждают людей к действиям: чтобы достигнуть политического воздействия, они должны объединиться. Индивидуальные решения должны стать частью об-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

² Такое обозначение концепции власти Х. Арендт можно в работах следующих авторов: Habermas J. Philosophisch-politische Profile. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. — S. 228–241; Kersting W. Drei Theorien der Macht // Analyse & Kritik. — 1991. — № 13. — S. 134–154.

³ Habermas J. Philosophisch-politische Profile. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. — S. 231.

⁴ Arendt H. Macht und Gewalt. — München: R. Piper & Co Verlag, 1970. — S. 45.

щественного мнения, чтобы придать группе людей власть. Из этого духа объединения вырастает легитимность, поскольку она придает организации моральное содержание.

Нормативные основания концепции власти Арендт объясняются ее договорной теорией происхождения власти. Она рассматривает горизонтальную модель общественного договора в качестве примера образования политического общества. При этом она понимает сообщество как образование, основанное на взаимных обязательствах. Тем самым она отличает свою концепцию от моделей библейского союза, который основан на послушании перед богом и от вертикальной модели общественного договора (Гоббс), в котором каждый отдает часть своего властного потенциала суверену. Взаимные обязательства Арендт определяет как возможность обеспечить надежность и предсказуемость будущего.

Базис концепции власти Ханны Арендт образуют 3 тезиса. Первый тезис звучит как: понятия власть и сила строго исключают друг друга. Второй констатирует, что власть и политика являются взаимодополняющими понятиями. Третий тезис акцентирует внимание на том, что власть и истина не связаны друг с другом или как утверждается в работе «Власть и сила»¹: «Истина и власть являются по своей сущности различными феноменами, каждый из которых относится к своей области и предполагает экзистенциально различные образы жизни»².

Раскрывая содержание первого тезиса, следует отметить, что Арендт настойчиво указывала на необходимость различать понятия власть и сила и не объединять их под одной наиболее общей категорией. Как сила не является формой усиления или «явной манифестацией»³ власти, так и власть не скрывает в своем потенциале силу. Согласно Арендт, власть и сила являются противоположностями, которые, тем не менее, определенным образом соотносятся друг с другом. При этом власть является первичной: «Власть принадлежит, в сущности, ко всем государственным образованиям, а также организованным группам. На силу эта принадлежность не распространяется»⁴. Несмотря на то, что сила — неполитический феномен, она является средством защиты внутреннего и внешнего политического пространства.

Различие между властью и силой Арендт объясняет также ссылкой на контекст оправдания и легитимации. «Власть не нуждается в оправдании, т. к. она всегда имманентна всем человеческим сообществам. Но она нуждается в легитимации... Притязание на власть легитимируются ссылкой на прошлое, в то время как оправдание средства происходит с помощью цели,

¹ Работа Х. Арендт называется на немецком языке «Macht und Gewalt». Слово «Gewalt» может переводиться на русский язык как «насилие» или «сила». Исходя из контекста работ Арендт, мы предпочли перевести это слово как «сила». Соответственно и в названии этой работы Арендт и по тексту слово «сила» отсылает к немецкому слову «Gewalt».

² Arendt H. Macht und Gewalt. — München: R. Piper & Co Verlag, 1970. — S. 92.

³ Ibid. S. 36, 58.

⁴ Ibid. S. 52.

которая лежит в будущем. Сила может быть оправдана. Но она никогда не является легитимным»¹.

Второй тезис основывается на том, что власть является по определению политическим отношением. Она образуется в общественном взаимодействии и конституирует его. Власть возникает благодаря симметричному участию во взаимодействии членов политической общности. Она является внутренним отношением политического и проявляется как координация действий, «как совершенно ненадежное и только временное пересечение различных волевых побуждений и интенций»². Это взаимное пересечение является очень хрупким. Поэтому политическая сфера обладает очень нестабильным существованием. Ей всегда угрожает сила, а также злоупотребления со стороны целерациональности.

Третий тезис Арндт, согласно которому власть и истина являются взаимоисключающими понятиями, нужно понимать так, что политика конституируется не как когнитивное пространство, в основе которого лежит дискурсивно-коммуникативная рациональность, а как intersубъективность настоящего суждения и мнения, не обремененного поиском истины. Ориентация на поиск истины может привести к «тирании истины» и тем самым способствовать разрушению политической сферы.

Именно концепция власти Арндт, противопоставленная классическому пониманию, стала предметом критического разбора со стороны таких мыслителей как Юрген Хабермас и Волфганг Керстинг. При этом необходимо отметить, что критика Хабермаса и Керстинга является результатом значительной рецепции идей Арндт в теориях вышеназванных авторов. Критика Хабермаса направлена против ограничения понятия власти Арндт на модуле производства, ограничения условий ее возникновения, а также на антимодернистские варианты проявления власти. Керстинг в свою очередь поддержал критическую аргументацию Хабермаса в отношении разграничения, которое Арндт проводит между властью и истиной. Это возражение выражается в вопросе о том, каким образом можно провести различие между властью и силой, между властью, конституирующей политику и между силой, разрушающей политическую сферу, кроме как посредством заложения всеобщепризнаваемых нормативных критериев? Рассмотрим подробнее суть этой критики.

Хабермас отмечает, что концепция власти Ханны Арндт возникла под влиянием теории действия Аристотеля. Это значит, что Арндт сводила политическую власть к понятию практики, которое выражается в общении и взаимодействии индивидов. Понятию практики она противопоставляла такие неполитические занятия, как производство, труд и мышление. По мнению Хабермаса, сведение Арндт политического к практике позволило проде-

¹ Ibid. S. 53.

² Arndt H. *Vita Activa oder Vom tätigen Leben*. — Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1960. — S. 195.

монстрировать вытеснение практического содержания из современного политического процесса, но оно также привело ее к теоретическим заблуждениям. А именно к тому, что она «во-первых, назвала все стратегические элементы «силой» и исключила их из политического процесса; во-вторых, разделила политическую, экономическую и общественные сферы и их связанность через административную систему; в-третьих, оказалась не в состоянии осмыслить проявления структурной силы»¹.

Согласно Хабермасу, в современном государстве борьба за политическую власть институционализована в виде стратегического действия посредством разрешения оппозиции, конкуренции между партиями и объединениями, легализации забастовок. Политические теоретики от Гоббса до Шумпетера акцентировали свое внимание именно на этих феноменах получения и утверждения власти, тем самым подменяя понятие власти стратегическим действием. Хабермас отдает должное Арендт за ее попытку показать, что ни борьба за политическую власть, ни институты, через которые власть проявляет себя, не вызывают и не оправдывают ее наличие. В унисон с Арендт он утверждает, что «политические институты основываются не на силе, а на признании»². Однако философ не согласен с исключением стратегического действия из политической сферы. По его мнению, стратегическое действие в форме проявляемой силы нужно понимать как способность препятствовать индивидам и группам воспринимать их собственные легитимные интересы. И в этом смысле сила всегда выступала средством получения и утверждения власти.

Сопоставляя понятие власти Арендт с историей политического господства, Хабермас показывает, что политическое господство возникает вопреки общественному мнению, и тем самым его легитимность не может быть доказана тезисами Арендт. Философ полагает, что легитимность в данном случае достигается не посредством общественного дискурса, как полагает Арендт, а с помощью структурной силы, основанной на иллюзорных убеждениях. По Хабермасу структурная сила не проявляет себя как сила. В большей степени речь идет о том, что эта сила незаметно блокирует любую коммуникацию, направленную на формирование легитимизирующих убеждений. Хабермас имеет в виду силу идеологии, базирующейся на иллюзиях, оформленных с помощью власти общих убеждений.

Хабермас критикует Арендт за то, что она исключает возможность проявления власти, основанной на «ложном сознании» граждан, которые исходят из иллюзионных убеждений. Это произошло потому, что она придерживалась античной теории истины, основывающейся на мнениях и убеждениях, которые в строгом смысле не могут быть истинными. Таким образом, истинность норм не может быть проверена в ходе рациональной аргументации и

¹ Habermas J. Philosophisch-politische Profile. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. — S. 140–141.

² Ibid. S. 142.

базируется на власти общих убеждений.

Единственное принципиальное основание власти мнений и убеждений Арендт видит в способности людей давать и сдерживать обещания. В качестве фундамента власти она рассматривает договор между свободными и равными людьми, который всесторонне обязывает стороны. Хабермас критикует Арендт за обращение к теории общественного договора, с помощью которой она пыталась придать своей теории власти реалистичное содержание. По мнению философа, в своей коммунитаристской концепции власти Арендт возвратилась к «традиции естественно права», а результатом ее теоретических усилий стала антимодернистская критика политики.

Критика Керстинга в основном направлена против формалистского определения Арендт понятия власть. По ее мнению, власть основана на способности к взаимным обещаниям и не существует критерия для оценки различных форм организации власти. Керстинг говорит о том, Арендт положила на имплицитную нормативность «condition humana», которая по идее должна была бы иметь отношение к концепции политической рациональности, чтобы придать ее теории власти отчетливые контуры¹.

Сведение содержания политической речи к высказыванию мнений приводит к тревожному «институционализму мнений». А политический деятель в этом случае внушает опасения, если его политическая речь отделена от объективной истины. К этому же относится предупреждение антимодернизма: «если тирания истины заменяется политией свободного от истины мнения, то в этом случае полития представляет собой случайную конкордацию интуитивных суждений и власть оказывается под контролем всепоглощающего насилия традиционалистов»². Керстинг соглашается с Хабермасом в том, что Арендт в своей критике классических теорий власти опрометчиво исходит от субъектов и их особенностей и отказывается от нормативно гарантированной способности к универсализации в политической речи. Керстинг полагает, что «институционализм мнений» должен дисциплинироваться с помощью универсального стандарта обосновывающей и оправдывающей речи³.

Библиография

1. *Arendt H. Macht und Gewalt.* — München: R. Piper & Co Verlag, 1970. — 106 S.
2. *Arendt H. Vita Activa oder Vom tätigen Leben.* — Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1960. — 375 S.
3. *Habermas J. Philosophisch-politische Profile.* — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. — 479 S.
4. *Kersting W. Drei Theorien der Macht // Analyse & Kritik.* — 1991. — № 13. — S. 134–154.

¹ Kersting W. Drei Theorien der Macht // Analyse & Kritik. — 1991. — № 13. — S. 150.

² Ibid. S. 152.

³ Ibid.

Анастасия Михайловна Репьёва

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Социально-исторические предпосылки формирования политико-экономических взглядов В. В. Берви-Флеровского

Аннотация

Обширная и всеобъемлющая роль идеологического фактора в жизни советского общества на долгие годы лишила возможности для исследователей беспристрастно изучать работы целого ряда российских мыслителей, творивших до 1917 года. Одним из таких попавших под цензурные ограничения авторов стал В. В. Берви (1829–1918), творивший под целым рядом псевдонимов, наиболее часто используемых из которых был Н. Флеровский. Статья посвящена анализу произведений этого русского мыслителя для корректного определения его места и роли в истории политической мысли России XIX — начала XX века. Разбираются экономические воззрения мыслителя, отношение современников к его творчеству, а также актуальность его идей для российского государства на современном этапе его развития.

Ключевые слова: социально-экономические учения, утопические идеи, равенство классов, политические направления, критика капитализма, аргументация экономических фактов, идеологические предрассудки.

Литературная и исследовательская работа В. В. Берви (псевдоним Н. Флеровский) — русского экономиста, народнического публициста и писателя, представляет собой научную ценность. В советской России его труды рассматривали сквозь призму социалистических, коммунистических идей, давая им из-за этого достаточно однообразную оценку, приводя критику там, где идеи и чаяния мыслителя не удовлетворяли тогдашней марксистско-ленинской доктрине.

Те идеи и концепции (о рациональном потреблении, налоговой системе и т. д.), которые разработал Флеровский, актуальны и в наши дни. Его произведения содержат в себе не только богатый исследовательский материал, но и замечательные исторические факты, попытки синтезировать уже имеющиеся социально-экономические учения.

Почти все без исключения труды Флеровского не оставили равнодушными его современников. Одни критиковали его за излишнюю идеализацию

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

отдельных аспектов социально-экономической жизни России, другие — и вовсе уличали в незнании положения дел «трудового народа» на Западе и в Америке, на которые он ссылался в рамках своих работ. Надо заметить, что некоторые критики являлись представителями конкретных политических направлений, вследствие чего недовольство их сводилось к попыткам обнаружить в содержании трудов В. В. Берви-Флеровского несоответствия их идеалам. Так, критикуя его работу «Положение рабочего класса в России», Туган-Барановский писал: «Книга Флеровского... представляет собой чрезвычайно хаотическое собрание факторов весьма различного достоинства... Тем не менее, в свое время она несомненно влияла на умы»¹. Это можно объяснить классовыми интересами и характерным для того времени презрительным отношением по отношению к первым критикам капитализма в России.

Писателя пытались обвинить в непоследовательности рассуждений, недостаточности фактического материала, «наивности» и утопичности идей. Критики, однако, упускали из виду весьма нелестные отзывы самого Берви относительно современного ему устройства государства; тот факт, что его знаменитая работа «Положение рабочего класса в России» была аналогом работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», также остался незамеченным.

Все идеи В. В. Берви-Флеровского, основанные на непосредственном наблюдении за происходящей действительностью, для своего времени были революционны. Основой их были попытки понять истоки неравенства между рабочими разных регионов России; привести статистические данные в доказательство пагубного влияния налоговой системы на экономические отношения между ними; обличить государственный строй, который, по мнению писателя, совершенно не заботила судьба трудовых классов, совершенную бесполезность реформаторских преобразований — т. е. доказать читателю, что современное ему социально-историческое положение страны нуждается в конструктивной модернизации: и в первую очередь речь шла о её экономической компоненте.

По произведениям Берви можно составить своеобразный портрет эпохи и ее представителей. Описывая свой путь становления как личности, писателя, ученого, он проводил параллель с тогдашней политической ситуацией, указывая на непосредственные причины того или иного события в своей жизни.

Подчеркнем, что исследование данного вопроса свободно от идеологических предрассудков прошлых лет. Делается попытка принципиально нового прочтения полузабытого автора. Практически вся привлеченная к работе литература значима в своем методологическом отношении, поскольку содержит в себе богатый фактический материал и собственные рассуждения

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика. — М., Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. — С. 410

Берви, которые позволяют делать конкретные выводы о проделанной им работе.

Возможно, некоторые его воззрения выглядели несколько утопично, что вызывало негативную реакцию у критиков, ожидавших готовых рецептов для преодоления очерченного круга проблем, забывая при этом, что любая идея, которую пытаются высказать, всегда будет иметь элемент мистичности и нереальности ее исполнения. Берви-Флеровский не собирался скрывать своих идеологических и политических пристрастий. Он прямо указывал на тех авторов и учения, которые он брал за своеобразный образец для создания и аргументации своего.

В любом случае, все сказанное показывает рациональное зерно в системе аргументации приведенных экономистом фактов, основанных на наблюдениях и анализе.

С практической точки зрения, возобновление исследований трудов Флеровского позволит более полно оценить их историческую ценность, взглянуть на них уже без идеологических предрассудков, «реабилитировать» незаслуженно забытого автора.

Библиография

1. *Флеровский Н.* [Берви В. В.] Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. — Берлин: Кн. маг. Штура, 1897. — 543 с.
2. *Навалихин А.* [Берви В. В.] О чем мы думаем? // Литературно-политический журнал «Дело». — 1871. — № 6 (июнь). — СПб.: Типография А. Моригеровского, 1871. — С. 1–36.
3. *В.* [Берви В. В.] Наши великие экономические вопросы // Научный, литературный и политический журнал «Русская мысль». — 1881. — № 5 (май). — М: Типолитография И. Н. Кушнерев и К^о, 1881. — С. 79–104.
4. *Флеровский Н.* [Берви В. В.] Классическая страна крупного землевладения // Сборник «Недели»: Русские общественные вопросы с приложением литературно-политического отдела. — СПб.: Типография А. М. Котомина, 1872. — С. 3–52.
5. *Навалихин С.* [Берви В. В.] Изящный романист и его изящные критики («Война и мир», роман графа Толстого) // Литературно-политический журнал «Дело». — 1868. — № 6 (июнь). — М.: Издательство Бартенева, 1868. — С. 1–28.
6. *Флеровский Н.* [Берви В. В.]. Критика основных идей естествознания. — СПб.: Типография Монтвида, 1904. — 518 с.
7. *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. — М., Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. — 436 с.
8. *Подоров Г. М.* Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. — М.: Политиздат, 1952. — 236 с.
9. Советский энциклопедический словарь / Глав. ред. Прохоров А. М. — 4-ое изд., исп. и доп. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 838 с.

Владислав Александрович Сасов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Карл Маркс и русский народ (историко-политологическая характеристика)

Аннотация

В статье анализируются взгляды К. Маркса на русский народ и их соответствие таким основным положениям классического марксизма, как политическая борьба рабочего класса в государстве и на международной арене. Рассматривается политическое взаимодействие русского народа с другими народами с точки зрения этой теории, а также определяется место русского народа в её рамках. Источниковой базой исследования выступает ряд сравнительно малоизвестных и недостаточно изученных научным сообществом публикаций Маркса, изданных им в 50-е годы XIX века: в них немецкий ученый высказывает своё отношение к России и её населению (в том числе в контексте сравнения с народами Центральной Европы; немцами — в первую очередь), его истории, культуре и месте в мире. Крайне настороженные, если даже не резко критичные и категоричные выводы Маркса относительно русского и российского предоставляют, по мнению автора, богатые возможности для новых открытий в истории западной социально-политической мысли XIX века.

Ключевые слова: Маркс, русский народ, Россия.

Сегодня интерес к работам Карла Маркса и Фридриха Энгельса заметно возрос в связи с мировым экономическим кризисом. «Капитал» Маркса становится в ряде стран одной из самых продаваемых книг².

Относительно взглядов Маркса на русский и другие славянские народы в литературе политологического и философского характеров имеется ряд мало чем обоснованных точек зрения, заключающихся в следующем:

- Маркс положительно отзывался о русском революционном движении;
- Маркс видел и всячески способствовал возможности свершения социалистической революции в России;

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Георгий Александрович Багатурия**.

² См., например: «Капитал» Маркса вновь стал популярен во время финансового кризиса [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство РИА «Новости» : [сайт]. URL: http://rian.ru/crisis_news/20090414/168083463.html (дата обращения: 06.07.2009).

- Маркс сочувствовал судьбе русского крестьянства, о чем говорит его неподдельный интерес к реформе в России 1861 года.
- Как аргумент в пользу симпатии к русскому народу и России некоторыми авторами приводится факт изучения русского языка Карлом Марксом.

Поэтому теоретическая актуальность данной работы состоит в том, чтобы потеснить господство данных положений в политологии и представить новый взгляд на проблему, базирующийся на работах Карла Маркса.

Нами будут рассмотрены следующие источники: ряд статей К. Маркса, написанных им для американской газеты «New York Daily Tribune» в период с марта 1853 года по апрель 1856¹ года и впоследствии изданные под заголовком «Восточный вопрос»²; и статьи, опубликованные им в лондонской «The Free Press» за период с августа 1856 по апрель 1857 года под общим названием «Разоблачения по истории тайной дипломатии XVIII века»³.

В данных работах Карл Маркс выражает о России своё мнение как о государстве варваров, имеющем постоянную и неизменную политику вне зависимости от исторического периода, с постоянным желанием одурачить соседей и Европу. Россия обрисовывается как закономерный «одураченный враг» европейских стран. Более того, как пишет Маркс, раса, которая населяет Россию, — это раса варваров. И против этих «варваров», заключает классик социалистической мысли, надо выступить военным походом для продвижения европейских интересов далее на Восток.

Также недвусмысленно выражено желание Карла Маркса представить русских как народ не славянский, а пришлый, который по большей части является потомком или татар, или монголов; народ, который не в состоянии будет когда-либо измениться в силу господства принципа почвы⁴ над сознанием. По нашему предположению такие выводы делались не из научных воззрений Маркса, а из того, что последний ставил своей целью умалить значение русского народа, обезличить его, приписать истории и политике России несвойственные им черты.

В суждениях большинства авторов наблюдается много ошибок по поводу «всемирного» характера теории Маркса. Дело в том, что действительно, действие определённых законов Маркс распространял на все страны, но законы эти были разными. Например, законы производства и смены формаций относятся Марксом только к капиталистической Западной Европе, так как именно на её примере учёный и проводил исследование. Он неоднократно в письменной форме выражал своё возмущение непониманием и неверной трактовкой идей в отношении всемирного характера его учения. В письме в

¹ То есть во время Крымской войны.

² См.: Вопросы истории. — 1989. — № 1.

³ См.: Маркс против России (анализ неизвестных статей). — Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1961. — 58 с.

⁴ Не путать с почвенничеством — учением в России XIX века.

редакцию «Отечественных записок»¹ Карл Маркс говорит, что было бы глупо воспринимать его теорию как всемирную. Прямо заявляет, что раскрытые им законы действительны только для западной капиталистической Европы. У России может быть свой путь, тем более, что в России сохранилась сельская община, которая может быть опорной точкой в формировании нового общества, новой формации, при этом необязательно именно коммунистической. Здесь мы видим здравое рассуждение учёного, использующего системный подход в исследовании. Действительно, если условия изменились, то последствия тоже могут меняться. Маркс также приводит пример того, как аналогичные процессы происходили в разное время в разных государствах, что не дает право любому добросовестному учёному делать выводы об идентичности причин, которые породили эти самые процессы.

Всемирность проявлялась в другом: в том, что Западная Европа должна пройти через ряд социалистических революций, чтобы после объединения быть окрепшей для военного похода на Восток, для его «цивилизации» ради всей европейской культуры. Приведем эту цитату: «Константинополь — это золотой мост между Востоком и Западом, и западная культура не может, подобно солнцу, обойти весь мир, не перешагнув через этот мост; а это невозможно осуществить, не вступив пререкания с Россией»².

Подводя итог, можно сказать следующее:

- в приведенных сериях статей видно, что К. Маркс позволяет себе высказывания и суждения русофобского характера;
- Маркс активно пытался внедрить и популяризировать представление о русском народе как народе неславянском, ведущем свои корни (в т. ч. и культурные) или от татар, или от монгол;
- на основе данных работ, названия которых мы представили в начале статьи, Маркс предстает перед нами как европоцентрист, как европофил. Также Карл Маркс сам отрицал всемирный характер своей теории и видел в России «свой путь» развития.

В заключении надо отметить, что данная тематика взаимоотношений К. Маркса, Ф. Энгельса, России и русского народа практически неразвита как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Разрешение данной проблемы предоставляет многочисленные возможности для новых открытий в истории социально-политических учений.

Библиография

1. Горский Г. П. Ошибки гения самые опасные. Развитие теории Маркса и её изъяны. — М.: Наука, 1995. — 176 с.
2. Жукоцкий В. Д. Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт исто-

¹ Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 19. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 116–121.

² Маркс против России (анализ неизвестных статей). — Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1961. — С. 17–18.

- рико-философской реконструкции смысла. — Нижневартовск: При-
обье, 2000. — 352 с.
3. К. Маркс, Ф. Энгельс и Россия. Итоги и задачи разработки проблемы. Стенограмма заседания ученого совета ИМЛ при ЦК КПСС, 22 марта 1988 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: ИМЛ, 1988. — 94 с.
 4. *Кагарлицкий Б. Ю.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. — 480 с.
 5. *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1985. — 344 с.
 6. *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 19. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 116–121.
 7. Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 10 декабря 1864 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 31. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. — С. 32.
 8. Маркс против России (анализ неизвестных статей). — Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1961. — 58 с.
 9. *Николаев И. В.* Главная ошибка Карла Маркса. — СПб.: Возрожденная Россия», 2003. — 16 с.
 10. *Кара-Мурза С. Г.* Основания марксизма: этничность в тени классовой теории [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство «Интернет против Телеэкрана»: [сайт]. URL: <http://www.contr-tv.ru/common/1357/> (дата обращения: 06.07.2009).
 11. *Маркс К.* Разоблачения истории тайной дипломатии тайной дипломатии XVIII века // Вопросы истории. — 1989. — № 1–4.
 12. «Капитал» Маркса вновь стал популярен во время финансового кризиса // Российское информационное агентство РИА «Новости»: [сайт]. URL: http://rian.ru/crisis_news/20090414/168083463.html (дата обращения: 06.07.2009).
 13. *Рязанов Д. Б.* Англо-русские отношения в оценке К. Маркса // Очерки по истории марксизма. — М.: Московский рабочий, 1923. — 570 с.
 14. *Рязанов Н. Б.* Две правды. Народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции // Отказываемся ли мы от наследства. — Женева: Изд-во группы «Борьба», 1902. — С. 75–116.
 15. *Чернов В. М.* Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма // Русские Записки. — 1916. — № 11–12.
 16. *Munck R.* The Difficult Dialogue. Marxism and Nationalism. — London: Zed Books, 1986. — 184 p.
 17. *Bernstein E.* La socialdemocracia y los disturbios turcos. — Цит. по: A. Cheroni. La ciencia enmascarada. — Montevideo: Universidad de la República, 1994. — P. 89–90.

Мария Игоревна Семенова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Антон Шпрингер как историк пангерманизма

Аннотация

Автором рассматриваются предпосылки формирования идей пангерманизма, а также разбираются причины, по которым этап их складывания незаслуженно упускается из виду в работах большинства исследователей. В Австрии начала XIX века имели место два противоположных направления мысли: с одной стороны, этнические немцы стремились к объединению германогворящих народов в одно государство, а с другой — были консервативны и не желали изменения системы управления. Этот феномен описан в труде немецкого историка Антона Шпрингера (Springer, 1825–1891) «История Австрии с венского мира 1809 года». Статья посвящена анализу содержания данной работы: идей Шпрингера относительно причин патриотизма немцев и политических последствий подобных представлений для Европы начала XIX века.

Ключевые слова: пангерманизм, объединение германогворящих народов, Австрия, первая половина XIX века.

Историческим стержнем, основной идеей пангерманизма (нем. *Pangermanismus*) сначала было культурное объединение людей, говорящих на немецком языке, а затем и объединение германогворящих народов Европы в одно государство или союз государств.

История идейно-политического комплекса пангерманизма начинается в Австрии XIX века, в период наполеоновских войн. Австрия в это время была многонациональным государством, граждане и народы которого имели различные национальные устремления: имели место как стремления к объединению, так и к разделению на более мелкие национальные государства.

Однако именно этот период становления пангерманизма не привлекает внимания ученых (как отечественных, так и зарубежных), а последующее его развитие рассматривается не вполне объективно. Вряд ли соответствует современному уровню историко-политологической науки трактовка пангерманизма как политической доктрины, отражавшей «агрессивные устремления буржуазии и юнкерства»².

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

² См.: Большая советская энциклопедия. Т. 19. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — 648 с.

Такой же односторонностью в отношении пангерманизма страдает большинство современных работ, авторы которых представляют пангерманистов вдохновителями политики захвата польских, украинских и прибалтийских земель, ратующими за установление мирового господства германоязычных народов. Им приписываются такие черты, как ярый национализм, шовинизм, расизм, а сам пангерманизм становится идейным предшественником германского нацизма.

Одной из причин такой необъективности, на наш взгляд, служит скудность источниковой базы этих исследований. Они ориентированы на конец XIX — начало XX века и не затрагивают ранний период. Поэтому каждый источник, в котором содержится информация о зарождении и генезисе пангерманизма, представляет большую ценность для истории и политологии, а потому заслуживает самого тщательного рассмотрения и анализа.

Одним из таких источников является труд немецкого историка, профессора Пражского, Боннского, Лейпцигского университетов Антона Шпрингера (Springer, 1825–1891) «История Австрии с венского мира 1809 года»¹, в котором особое внимание уделяется росту самосознания ненемецких народов Австрии. В частности, историк пишет о росте патриотизма среди славян, проживающих на территории Австрии, который вызывал тревогу и опасения у немецкого населения страны. Однако он тут же отмечает, что «сквозь все размолвки проходит чувство естественного единства»², а австрийская власть соблюдала в своем внешнем поведении немецкую форму; правительство не могло обходиться без немецкого элемента, который объединял малые национальности и являлся посредником между ними.

Определяя же суть патриотизма немецкого населения Австрии, Шпрингер связывает его, во-первых, с чувством удовлетворения и нежеланием изменять государственное устройство империи (сам Шпрингер был противником имперской Австрии и выступал за федеративное государственное устройство страны). Этнические немцы, проживающие на территории Австрии, которые получили классическое немецкое образование, сохраняли его проавстрийские взгляды, они даже находили в нем лучшее оправдание своему консервативному отношению к системе управления и безразличию по отношению к стремлениям к единству.

Во-вторых, суть патриотизма немецкого населения Австрии Шпрингер связывает с формированием чувства естественного единства, которое возникло у немецкоязычного населения в процессе размолвок с другими народностями. Этнические немцы Австрии считали своей задачей «нести немецкую культуру на восток, поддерживать немецкое господство над славянами»³. Они могли осуществить свою задачу только при условии, что сила Австрии

¹ Springer A. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. — Leipzig: Verlag von J. Birzel, 1865. — S. 7.

² Ibid.

³ Ibid.

крепка и сильна, а основы конституции останутся непоколебимыми. Препятствием на пути к достижению этой цели было и увеличение доли ненемецкого населения.

Интересно, что Шпрингер причисляет к немцам Австрии и германизированных славян; так, он отмечает, что население, говорящее на немецком языке, систематически получало значительный прирост благодаря семьям государственных служащих, которые, изначально принадлежа к другой национальности, переносили государственный язык и в свой домашний круг. Германизированные славяне считали, что пангерманские интересы по существу сходились с интересами правительства государства, гражданами которого они себя ощущали, а следовательно, и с их собственными.

Немцы в Австрии, как указывает Шпрингер (который был сторонником выхода Австрии из Германского союза), не желали «быть лишенными своего положения правящего народа и добровольно отказаться от многочисленных преимуществ, которыми они были наделены милостью политических возможностей сверх меры своих естественных прав»¹. При этом австрийские немцы не поддерживали и известное стремление немецкого народа к объединению. Они «не чувствовали себя оскорбленными ничтожным значением Германии в вопиющем несоответствии величины страны и духовной силы народа»²; рядовых немецких австрийцев не смущало существование на немецкой земле многочисленных мелких государств, что противоречило национальному единству Германии.

Как показывает Шпрингер, в начале XIX века, с одной стороны, наблюдалась стремление к укреплению немецкой государственности (этнические немцы считали своей задачей — как говорит излюбленная поговорка — «нести немецкую культуру на Восток, поддерживать немецкое господство»³). С другой — этнические немцы были консервативны и не желали изменения системы управления. Они были зачастую «безразличны по отношению к стремлениям к единству»⁴. Сильнее, чем стремление к политическому объединению немецкой нации, этому будущему идеалу, у австрийских немцев проявилась боязнь вражды с остальными народами Австрии и тревога, что придется выдержать жестокий бой с последними.

Эти опасения вполне подтвердились в эпоху революций 1848–1849 гг., обнаруживших глубинные противоречия между немецким и ненемецким населением Австрийской империи и стимулировавших идейное противостояние панславизма и пангерманизма, которые именно в это время из культурных комплексов становятся политическими.

¹ Springer A. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. — Leipzig: Verlag von J. Birzel, 1865. — S. 7.

² Ibid. S. 8.

³ Ibid. S. 7.

⁴ Ibid. S. 8.

Библиография

1. *Alter Peter*. Nationalismus. — Frankfurt am Main: Oldenbourg, 1985. — 176 S.
2. *Anderson Benedict*. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. — Frankfurt am Main: Campus Fachbuch, 1996 — 306 S.
3. *Andics Hellmut*. Das Osterreichische Jahrhundert: die Dinaumonarchie 1804–1918. — Wien: Molden, 1974. — 107 S.
4. *Brubaker Rogers*. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 214 p.
5. *Dann Otto*. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770–1990. — München: C. H. Beck, 1993. — 363 p.
6. *Etienne Balibar*. Race, nation, class. — London: Verso, 1991. — 232 S.
7. *Gellner Ernest*. Nationalismus. Kultur und Macht. — Berlin: Siedler, 1999. — 184 S.
8. *Hagen Schulze*. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. — München: Beck, 1994. — 376 S.
9. *Heinrich Hanz-Georg*. Politische Kultur in Osterreich. — Linz: Veritas, 1996. — S. 18–28.
10. *Hobsbawm Eric*. Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780. — New York: Campus-Verl., 1991.— 239 S.
11. *Langewiesche Dieter*. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. — München: Beck, 2000. — 266 S.
12. *Molisch Paul*. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Osterreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. — Jena: Gustav Fischer, 1926. — 277 S.
13. *Smith Anthony D.* Nationalism. Theory, ideology, history. — Cambridge: Canbridge University Press, 2001. — 182 p.
14. *Springer Anton*. Geschichte Osterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. — Leipzig: Verlag von J.Birzel, 1865. — 773 S.
15. *Wehler Hans-Ulrich*. Nationalismus, Geschichte, Formen, Folgen. — München: C. H. Beck, 2001. — 121 S.
16. *Zollner Erich*. Der Osterreichbegriff: Formen und Wandlungen in der Geschichte. — Wien: Oldenbourg, 1988. — 103 S.
17. *Zollner Erich*. Volk, Land und Staat: Landes Bewusstsein, Staatsidee und nationale Frage in der Geschichte Osterreichs. — Wien: Oldenbourg, 1984. — 727 S.
18. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. — М.: Эксмо-пресс, 2002. — 672 с.
19. *Воцелка К.* История Австрии: культура, общество, политика. — М.: Весь мир, 2007. — 512 с.
20. *Ратнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце 19 века. — М.: Наука, 1970. — 190 с.

Никита Романович Сетов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Джон Миэршеймер как представитель политического реализма

Аннотация

В статье рассматриваются базовые аспекты политической теории Джона Миэршеймера. Особое внимание уделяется работе «The Tragedy of Great Power Politics» (2001) и ее значению в теории международных отношений.

Ключевые слова: реализм, наступательный реализм, Миэршеймер, силовая политика, тип силы.

Джон Миэршеймер (1947 — н. в.) — профессор Чикагского Университета, специалист в области теории международных отношений, основатель традиции «наступательного реализма» в исследовании мировой политики.

Политическая концепция Миэршеймера уходит корнями в классический политический реализм Г. Моргентау, но, несмотря на это, имеет свои специфические аспекты. Так, в рамках парадигмы наступательного реализма идеи силовой политики как основной формы взаимодействия государств на международной арене доведены до абсолюта.

Наиболее полно видение международных отношений с позиции Джона Миэршеймера описано в работе «The Tragedy of Great Power Politics»², которая увидела свет в 2001 году. В основе теоретических построений данной работы лежит тезис о том, что государства не удовлетворены имеющимся в их распоряжении силовым потенциалом и стремятся к гегемонии для достижения собственной безопасности.

Основываясь на этом тезисе, Миэршеймер предлагает пять утверждений, которые наиболее четко характеризуют ситуацию, сложившуюся на международной арене.

Первое положение заключается в том, что международная система анархична, но в ней наблюдается некая упорядоченность, которая заключается в том, что акторы международных отношений — суверенные государства — не подчиняются какой-либо другой высшей силе в международной политической системе.

Второй тезис гласит о том, что суверенные государства — акторы рациональные, они трезво оценивают состояние среды международных отношений и осуществляют внешнюю политику, направленную на обеспечение

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

² Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. — N. Y.: W. W. Norton & Co., 2001. — 576 p.

собственной безопасности.

Третий пункт теории Миэршеймера ставит понятие «выживания» во главу угла всей системы ценностей каждого государства. Причем следует сделать акцент на том, что ученый говорит не о «жизни» или «существовании», а именно о «выживании».

Четвертое положение заключается в том, что все без исключения государства обладают военным наступательным потенциалом, при использовании которого они могут наносить серьезный урон другим государствам и даже уничтожать их.

Последний, пятый тезис, гласит о том, что ни одно государство не может быть уверено в намерениях другого. Это условие создает определенную атмосферу в международной политической системе — атмосферу вражды и подозрительности.

Собрав все эти пять положений воедино, мы можем получить характерную картину состояния международной политической системы по Джону Миэршеймеру. Это система, основанная на взаимной враждебности акторов; в рамках такой системы все государства опасаются друг друга. В связи с вопросом о взаимоотношениях между государствами, можно провести параллель с социально-политической концепцией Томаса Гоббса, изложенной в его работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». В рамках сравнения концепций Миэршеймера и Гоббса, следует отметить тот факт, что в обеих присутствует «война всех против всех», но отличие заключается в том, что если у Гоббса эта война происходит, прежде всего, на социальном уровне, то у Миэршеймера она выходит на уровень глобальный.

Говоря о балансе сил в таком типе международной политической системы, Джон Миэршеймер указывает, прежде всего, на баланс военных сил. Все государства стремятся наращивать свой военный потенциал, так как это является единственным условием для выживания в суровых условиях вечного противостояния с другими странами. Но недостаточно просто увеличивать количество и качество военной техники и оружия: единственный путь для достижения безопасности, по мнению ученого, это путь гегемонии: «Великие силы осознают, что лучший путь для подтверждения своей безопасности — это достижение гегемонии сейчас, вместе с уничтожением возможности конкуренции с другой великой силой»¹. Также Миэршеймер говорит о том, что в международной политической системе невозможно существование некоего «статус-кво» в балансе сил, так как государства все время развивают и увеличивают свои военные потенциалы.

Раскрывая проблему гегемонии, Миэршеймер считает, что государство не может стать мировым гегемоном, но вполне может занять позицию локального гегемона. Государства, достигшие такого статуса, начинают играть роль «внешних стабилизаторов» («offshore balancers»): то есть они, занимая

¹ Ibid. P. 102.

позицию локального гегемона, не вмешиваются в дела других регионов за исключением той ситуации, когда в этих регионах великие силы не способны остановить появление гегемона. К таким государствам, по мнению ученого, относятся США, так как они занимают доминирующую позицию на североамериканском континенте.

Баланс сил на глобальном уровне, как уже было сказано выше, это, прежде всего, баланс военных ресурсов. Здесь, по мнению Миэршеймера, возникает еще одна проблема: государства наращивают свой военный потенциал, не учитывая возможности других акторов, что приводит к такому положению дел, когда наращивание военной мощи становится основной линией в политическом курсе государства. Следовательно, это явление обращает в прах все надежды на установление какого-нибудь равновесия на международной арене.

Говоря о балансе сил в концепции Джона Миэршеймера, необходимо отметить тот факт, что ученый склонен разделять силы на два типа. Первый тип — потенциальная сила, она берет начало в количестве населения государства, что является основой для создания вооруженных сил. Второй тип — действительная сила, которая выражается в различных видах войск, которые являются средством для захвата территории и влияния на другие государства и их интересы. Следовательно, первый тип силы есть некая ресурсная база, которую можно при желании, а, если следовать концепции Миэршеймера, необходимости, использовать для создания армий; второй же тип — материальное воплощение этой ресурсной базы.

Итак, проведя краткий анализ концепции наступательного реализма Джона Миэршеймера, можно сказать, что эта ветвь политического реализма наиболее жестка в анализе политических реалий. Но этот факт отнюдь не снижает эффективности этой теории как способа анализа изменчивых международно-политических реалий.

Библиография

1. *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. — N. Y.: W. W. Norton & Co., 2001. — 576 p.
2. *Mearsheimer J.* Liddell Hart and the Weight of History. — N. Y.: Cornell University Press; London: Brassey's, 1988. — 234 p.
3. *Mearsheimer J.* Conventional Deterrence. — N. Y.: Cornell University Press, 1983. — 296 p.
4. *Mearsheimer J.* Power and Fear in Great Power Politics // One Hundred Year Commemoration to the Life of Hans Morgenthau (1904–2004) / Mazur G. O. — N. Y.: Semenenko Foundation, 2004. — P. 184–196.
5. *Mearsheimer J.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975 // Journal of Modern History. — Vol. 56. — № 4. — P. 710–711.
6. *Mearsheimer J.* Structural Realism // International Relations Theories: Discipline and Diversity / Tim Dunne T., Kurki M., Smith S. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — P. 71–88.

Дарья Алексеевна Соловьева

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Французская политическая мысль эпохи Реформации

Аннотация

Работа представляет собой описание французской политической мысли XVI века и, в частности, ее основных течений. Выявляется закономерность зарождения ряда идей и их обусловленность историческим контекстом эпохи.

Ключевые слова: Возрождение, Реформация, политическая мысль, суверенитет.

Франция — страна классического феодализма, где раньше всего возник и оформился абсолютизм. Реформация во Франции протекала в специфической форме и, наложившись на мысль Возрождения, дала определенные идеологические плоды, повлиявшие на ход социально-политической борьбы в государстве.

Политические теории второй половины XVI века могли опираться только на сочинения К. де Сейселя, итальянца по происхождению, советника французских королей Карла VIII и Людовика XII. В своем труде «Великая французская монархия», автор в значительной степени опирается на учение Макиавелли и, выстраивая свою концепцию, становится первым в истории общественной мысли теоретиком и защитником абсолютной монархии. Он полагал, что наилучшей формой государства является та, которая исторически более привычна для каждого народа. В силу этого он защищает наследственную монархию во Франции, хотя и отмечает некоторые ее недостатки. По мнению Сейселя, основным недостатком монархии является возможность перехода в тиранию, поэтому власть государя необходимо ограничить законом и судом. Мыслитель не настаивает на извечности монархии, несмотря на то, что исторически это наиболее привычная форма для французского народа. Средние слои и простой народ — вот социальные слои, которые могут свергнуть монархию и попытаться установить какой-то иной государственный строй. Как защитник интересов дворянства, Сейсель выступал против усиления роли зарождавшейся буржуазии, против предоставления народу большей свободы, приобщения его к воинскому ремеслу и даже против его обогащения. В то же время он выступал за предоставление народу экономических льгот для предотвращения голода. Этот комплекс идей, особенно касавшихся положения простого народа, позднее был воспринят почти всеми политическими теоретиками самых разных взглядов.

¹ Научный руководитель: старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ Алексей Александрович Зоткин.

Мощный толчок для развития политических учений во Франции XVI века дали гражданские войны 1560–1598 гг.¹ В середине века впервые зарождаются идеи тираноборчества, занявшего столь важное место в их ходе. В истории общественной мысли Возрождения особое место занимает концепция Этьена де ла Бозси, исключительное положение которой объясняется тем, что она была единственной из предложенных концепций по устройству власти, в которой проповедовались идеи республиканизма. Единственное политическое сочинение Этьена де ла Бозси «Рассуждение о добровольном рабстве» было направлено против принципа единовластия и любых форм его проявления. В трактате впервые теоретически обосновывалось право народа на вооруженное восстание против тирана, то есть были сформулированы зачатки идеи народного суверенитета, тираноборчества и идеологии борьбы с феодализмом. Он выдвинул принцип социального равенства, чем и обосновал свое требование устранения социальных сословных перегородок, характерных для феодализма.

Монтень также внес свой вклад в разработку проблемы политического устройства государства и идеи «естественного права». Наиболее известным сочинением Монтеня о государственном устройстве стали «Опыты». Идеальное государство для Монтеня то, которое исторически утвердилось в каждой стране (здесь он созвучен с Сейселем). Монтень резко осуждает любые попытки изменить существующий строй, выступает против теорий, рисующих идеальное общество. Философ защищает абсолютную монархию, так как опыт религиозных войн показал, что эта форма способствует развитию страны и не дает ей распасться. Уничтожение или изменение привычной формы государства, по крайней мере в данных исторических условиях, привело бы, с точки зрения Монтеня, к восстановлению феодальной анархии. Также важным аспектом учения Монтеня является критика современного ему общества, которое использует конфессиональные различия в политических целях. По его мнению подобное использование религиозных чувств может привести лишь к распаду государства и его возвращению к временам феодальной раздробленности.

Специфика расстановки социальных сил в стране в период гражданских войн, незрелость и слабость французской буржуазии во многом определили направленность политических теорий указанного периода. В большинстве политических учений данной эпохи в той или иной степени нашли отражение воззрения формирующейся буржуазии. Наиболее заметна эта тенденция в деятельности партии политиков и ее идеологов. Большая часть представителей этого направления были выходцами из «дворянства мантии» — чиновничества. К ним можно отнести М. де Лопиталья, Э. Паскье². К этому же те-

¹ Эльфонд И. Я. Проблема веротерпимости в трактовке французских гуманистов второй половины XVI века // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи / Ответ. редактор Брагина Л. М. — М.: Наука, 1997. — С. 31

² Эльфонд И. Я. Учение о государстве Жана Бодена // Культура Возрождения XVI века. — М.: Наука, 1997. — С. 14.

чению можно отнести Жана Бодена, разработавшего учение о революции и прогрессе, основоположника истории экономических учений, разработавшего теорию суверенитета, проблему цивилизации и многое другое. Но опередив свою эпоху в сфере социально-политической мысли, Жан Боден искренне верил в существование колдунов и даже написал трактат о демонологии, в котором разъяснял как распознать колдунов какие наказания следует к ним применять.

С точки зрения Бодена — «Государство есть управление множеством семейств (или домохозяйств) и тем, что является общим у них всех, осуществляемое суверенной властью сообразно праву»¹. Неотъемлемым свойством государства является суверенитет. Без него государство ничтожно, ибо суверенитет — это основа, на которую опирается вся структура государства — от нее зависят все судебные законы и распоряжения, она скрепляет воедино всех членов государства и позволяет взаимодействовать всем семьям и коллегиям.

Ольга Евгеньевна Сорокопудова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Русский народ и государство в трактовке В. В. Розанова

Аннотация

В статье рассматривается отношение отечественного мыслителя и религиозного философа В. В. Розанова к таким явлениям, как государство, власть, монархия, а также его понимание природы и сущности русского народа. По мысли Розанова единственно возможной формой правления в России выступает монархия. При этом мыслитель отмечает, что следует различать части понятийного ряда «государство» — «правительство» — «власть» — «самодержец»: если для русского человека государство не персонифицируется в образе монарха, то оно становится мертвым и чужим.

Ключевые слова: государство, власть, русский народ, монархия, В. В. Розанов, политические идеи.

Анализируя феномены государства и власти, В. В. Розанов — яркий публицист, религиозный мыслитель и философ, никогда не рассматривал их

¹ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. — М.: Норма, 2007. — С. 174.

² Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ **Дмитрий Васильевич Ермашов**.

абстрактно, как явления вне времени и пространства. Теория ради самой теории никогда не интересовала его. Любые его размышления, прежде всего, конкретны и связаны с судьбой своей родины, своего народа. Поэтому рассматривать отношение В. В. Розанова к государству и обществу можно только сквозь призму его отношения именно к русскому человеку, обществу и государству.

Патриотизм и любовь к России и ко всему русскому часто сочетается у В. В. Розанова с неумолимой критикой. «Настоящий патриот всегда недоволен», — говорил он. Но патриот никогда не обмолвится против «русского духа и русской земли». «При грубости, нервности, порой даже ругани „русских порядков“ в душе горит вечный (никому не заметный) огонь любви, и бесконечной любви, к русскому в целом»¹. Отношение к русскому народу у В. В. Розанова сродни отеческой любви: он видит все недостатки, но от этого меньше не любит.

Можно отметить, что для мыслителя общественное и политическое были совершенно разными началами народной жизни. В сборнике «О писательстве и писателях» Розанов указывал на особое отношение русских людей к началам государственности и власти. Это отношение является, по его мнению, практически «родовым» отличием нашего народа — отсюда все его беды и в этом его особая прелесть. Данной чертой русских писатель считал глубокую и органическую аполитичность. «Мы *a*-политичны², внегосударственны... Такого глубочайше анархического явления, как «русское общество» или вообще «русский человек», я думаю, никогда еще не появлялось на земле. Это что-то ... божественное или адское, и не разберешь»³. Причину такого положения писатель видит в том, что «все на Руси «музыкают» и, кроме «музыки», ничем в сущности и не занимаются. Т. е. все занимаются вещами сладкими, личными, душевными...»⁴.

В этом В. В. Розанов видит отличие нашего народа от других, например, от немцев, говоря об их «мужественности», «железности», в противовес нашему «женственному началу». И опять мыслитель не видит в этом какого-то порока или ущербности, наоборот, это противопоставление призвано подчеркнуть скорее богатство нашего духовного мира, тонкость и мягкость внутренней организации русского общества и человека. Он восстает против извечного желания подделаться, подстроиться, превратиться в другой народ. «Нужно ли нам переделываться в Германию? Нет. Тогда зачем Русь? „Две Германии“. Но удвоений в истории не бывает»⁵.

Одну из особенностей русского национального характера Розанов видит

¹ Николоюкин А. Н. Розанов. — М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001. — С. 384.

² Здесь и далее — курсив автора В. В. Розанова.

³ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николоюкина А. Н. — М.: Республика, 1996. — С. 558.

⁴ Там же.

⁵ Розанов В. В. Последние листья. — СПб.: Кристалл, 2002. — С. 100.

в том, что русские, беззаветно отдаваясь чужим влияниям, непременно требуют в том, чему отдаются — кротости, любви, простоты, ясности. Русские принимают тело, но духа не принимают. Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух¹. Может, именно в этом причина того, что многочисленные в нашей истории иностранные, искусственные «привнесения» и «новшества» в нашу общественно-политическую реальность не смогли прижиться, установившись формально, не были приняты и поняты глубинно — русским человеком, русской душой.

Продолжая сравнение с Германией, В. В. Розанов пишет, что все силы, «весь ум и душа» их уходит на строительство государства. Когда строишь «настоящую государственность», — «империю Бисмарка», когда хочешь получить победы, блеск, славу — простишься с литературой. Русские же «музыканят» и ни малейше государства не делают. Отношение к нему — «черт бы его побрал», и в том Розанов видит весь нерв русской духовной жизни². Русское «в высшей степени художественное ничегонеделанье» гораздо тоньше, углубленнее, нежнее, интимнее, это сама русская душа без предела и горизонта.

Государство для русских, по Розанову, второстепенно: оно необходимо, но никогда не будет являться главенствующим элементом для общества. По существу, народ и правительство параллельны друг другу, хотя писатель со свойственной ему точностью и прозорливостью подмечает, что и правительство тоже «музыканит», так как состоит из тех же русских.

И, тем не менее, В. В. Розанов вовсе не отрицает государство, он относится к нему с уважением, понимая, что функции его необходимы для народа. «Государство, — внешность. Оно «без души». Государство «настоящее» *внеинтимно, строго*, повелительно, сухо: где нужно — беспощадно³. Государство мыслитель сравнивает с солдатом; общество, нацию, народность — с поэтом, и «обняться» они не могут никогда: кроме редких случаев и то ненадолго, как например, Отечественная война.

Василий Васильевич видит явные сложности такого отношения: «Все это хорошо... Для «нас» хорошо, — музыканящих... Но как же тут управлять??!»⁴. Именно потому, что государство, по мнению автора, имеет другую природу, нежели общество, и потому, что оно должно ограничивать и защищать «мягкость и женственность» русского народа, оно должно быть, прежде всего, сильным. «Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство

¹ Цит. по Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. — М.: Наследие, 2000. — С. 113–114.

² См.: Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николокина А. Н. — М.: Республика, 1996. — С. 558.

³ Там же. С. 559.

⁴ Там же. С. 559.

есть сила. Это его главное»¹. Вот почему единственный порок — слабость. «Слабое государство не есть уже государство, а просто нет»². Возможно, и острое предчувствие, и неприятие грядущей революции связано для В. В. Розанова с тем, что были расшатаны самые основы традиционной государственной жизни.

Поэтому для Розанова, как для мыслителя, который всегда высоко оценивал и превозносил Царство, естественной и единственно возможной формой правления выступает монархия. Только такая форма правления, по его мнению, органична для русского народа. Отчасти В. В. Розанов выступает как последователь географического детерминизма, указывая, что в наших природных и климатических условиях всякие другие формы управления, кроме монархической, просто невозможны. «Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Нет, я за самодержавие. Из теплого дворца управлять «окраинами» можно. А на морозе и со своей изгой не управиться»³. Необходимость монархической формы правления для нашей страны писатель обосновывает не только объективными обстоятельствами географических и климатических условий, но и душевными склонностями русского народа.

Оценивая монархию, прежде всего, эстетически, мыслитель считает, что для нее нужны специальные способности, особые «монархические чувства»⁴. «Любить Царя» — есть действительно существо дела в монархии и «первый долг гражданина»: не по лести и коленопреклонению, а потому что иначе портится все дело»⁵. Розанов разводит понятия государства, правительства, власти и монарха, самодержца. Если для русского человека «государство» не выступает персонифицировано как «государь», то оно чужое, внешнее, мертвое.

Таким образом, В. В. Розанов старается избежать односторонних оценок и прямолинейности. Неоднозначность и особая связь со временем и обстоятельствами — одни из ключевых характеристик взглядов и отношений мыслителя. Однако, в целом, можно говорить о выраженной консервативной монархической направленности мировоззрения В. В. Розанова. Оно, в свою очередь, определяет его отношение не только к государству, обществу и русскому человеку, но и к другим социально-политическим явлениям.

Библиография

1. *Николюкин А. Н.* Розанов. — М.: Молодая гвардия, 2001. — 511 с.
2. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николюкина А. Н. — М.: Республика, 1996. — 702 с.

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 113.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 60–61.

⁵ Там же. С. 36.

3. *Розанов В. В.* Опавшие листья. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 384 с.
 4. *Розанов В. В.* Последние листья. — СПб.: Кристалл, 2002. — 320 с.
 5. *Розанов В. В.* Во дворе язычников. — М.: Республика, 1999. — 462 с.
 6. *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. — М.: Эксмо, 2008. — 766 с.
 7. *Розанов В. В.* Русская мысль. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — 575 с.
 8. *Сохряков Ю. И.* Национальная идея в отечественной публицистике XIX — начала XX вв. — М.: Наследие, 2000. — 254 с.
-

Татьяна Анатольевна Хабарова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Идеи культурной автономии Украины в творчестве Н. И. Костомарова

Аннотация

Статья посвящена месту и роли идей культурной автономии Украины в творчестве Н. И. Костомарова вообще, и его концепции всеславянской федерации в частности. Автор данной статьи анализирует работы Н. И. Костомарова, в которых ученый наиболее подробно объясняет смысл понятия «культурная автономия», процесс установления данного политического института на Украине и обосновывает необходимость данного процесса. Особое место в данном контексте занимают реформы в образовании (установление народного языка, как языка школы, церкви), которые, по мнению Костомарова, необходимо провести для успешного преобразования Российской империи и славянских народов Европы в славянскую федерацию.

Ключевые слова: Костомаров, культурная автономия, федерализм, Украина, украинофильство.

Николай Иванович Костомаров (1817–1885) внес значительный вклад в украинскую и русскую науку и культуру как писатель, этнограф, политический идеолог и общественный деятель, в частности его интересовала проблема русско-украинских отношений, нашедшая свое отражение в концепции всеславянской федерации. По мнению ученого, созданный всеславян-

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

ский союз должен был опираться на культурную и религиозную общность славян, но в то же время иметь в своей основе демократический принцип равенства всех субъектов федерации, воплощающийся в установлении культурной автономии народов, в нее входящих.

Одна из первых по времени выхода в свет и наиболее значимых по содержанию работ, содержащих планы федеративного переустройства Российской империи и идеи культурной автономии Украины, — «*Книга бытия украинского народа*», также известная как «Закон Божий» — была написана в период существования Кирилло-Мефодиевского общества (1845–1847 гг.). Задача объединения славян конкретизировалась в двух неразрывно связанных направлениях: создании подлинно демократического, равноправного сотрудничества славянских народов в рамках федеративного государства, а также культурном и социальном возрождении Украины. В данной работе подчеркивается, что «при соединении, каждое славянское племя должно иметь свою *самостоятельность*»¹, но одновременно «должен существовать общий славянский собор из представителей всех племен»²: русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словенцев, лужичан, сербов, хорватов и болгар. Во всех частях федерации, отмечал Н. И. Костомаров много позже в «Автобиографии», предполагались одинаковые основные законы и права, общая система мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли, ликвидация крепостного права, единая центральная власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию³. Предполагались и общие руководящие органы федеративного союза: президент и конгресс, которые должны были избираться каждые четыре года (по образцу идеальных в этом отношении, по мнению Костомарова, Соединенных Штатах Америки).

В знаменитом письме к А. Герцену под названием «*Украина*»⁴, которое было опубликовано в газете «Колокол» 15 января 1860 г., Н. И. Костомаров также пропагандировал идею славянской федерации, основанной на равноправии народов. При этом его взгляды приобрели европейское значение. Отстаивая необходимость возрождения украинской нации и ее государственности, он ратовал за свободное и независимое развитие в федеративном государстве всех славянских народов. Украина должна была составить «отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком, с сохранением единства, основанного не на губительной, мертвящей централизации, а на ясном сознании равноправности и своих собст-

¹ Цит. по изд.: Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847) / Зайончковский П. А. — М.: Издательство Московского университета: 1959. — С. 85.

² Там же.

³ Автобиография Н. И. Костомарова / Под ред. Котельникова В. — М.: Задруга, 1922. — С. 188.

⁴ См.: Костомаров Н. И. Украина. Письмо к издателю «Колокола» // Костомаров Н. И. Казаки: Исторические монографии и исследования. — М.: Чарли, 1995. — С. 410–411.

венных выгод»¹.

В работе «*Две русские народности*», опубликованной в журнале «Основа» в марте 1861 г., Н. И. Костомаров развил тезис о различии украинского и русского народов, первоначально сформулированный им в магистерской диссертации в 1843 г. Ученый высказал предположение, что мир Древней Руси («русский материк») и современные русские люди («русский народ») всегда состояли из нескольких народностей. Данное разделение было вызвано географическими и историческими условиями: оно выражалось в различиях национального характера и поведения². В общине Н. И. Костомаров, как и многие другие представители украинской интеллигенции второй половины XIX в., видел элементы народоправства, с которым связывал возможное переустройство российского общества на федеративной основе. Вместе северно-русская и южно-русская народности, по мнению автора, и образуют Русский народ, они дополняют друг друга, и их сближение необходимо для них обоих, но при условии, если каждый из них будет сохранять культурную автономию. Союзность, то есть установление федеративного государственного устройства, по Костомарову, возможна только тогда, когда все субъекты равны, и при этом объем культурной автономии данных субъектов одинаков, когда нет «ни главного господствующего, ни второстепенного, — подчиненного; когда один народ не только не станет покушаться на стихии народности другого, но искренно будет их поддерживать и способствовать их процветанию»³, — пишет он в работе «Князь Владимир Мономах и казак Богдан Хмельницкий».

В статье «*Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке*»⁴ (1862) Н. И. Костомаров разработал подробный план реформ в сфере образования, которые, по его мнению, должны были привести к становлению и развитию украинского языка. Надо, прежде всего, писать и печатать на украинском языке книги, заключающие в себе элементарные сведения о науках, которые бы расширяли кругозор простого народа. В статье подчеркивается, что после воссоединения России и Украины Московское государство оказывало уважение к принципу культурного и политического своеобразия последней и признавало, что малороссияне могут жить по собственным обычаям (имеется в виду казацкая вольница). Лишь во второй половине XIX в. появилась мысль, что поддержка украинского народа и, в частности, развитие украинского языка могут быть вредны для государственной целостности России. На это Н. И. Костомаров ответил, что «народ южнорусский

¹ Там же. С. 411.

² Костомаров Н. И. Две русские народности // Основа. — 1861. — № 3. — С. 34–35.

³ Костомаров Н. И. Князь Владимир Мономах и казак Богдан Хмельницкий // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 152.

⁴ См.: Костомаров Н. И. Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. М. С. Грушевського. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 137–140.

своим уважением к законности и порядку, своим постоянным сознанием необходимости органической связи с великорусским заслужил, кажется, от власти столько доверия, чтобы не считали его языка и саморазвития зловредным для цельности государства»¹. Государство, по Костомарову, — есть «необходимая внешняя форма соединения обществ и может быть составлено из многих народов, которые, в государственном смысле, все вместе составляют одно тело, но во внутренней жизни каждый пребывает самобытным целым»², отстаивая, таким образом, идею культурной автономии. Государство не должно предпочитать один из нескольких подвластных себе народов и ставить его выше других. Напротив, ему следует охранять порядок их взаимных отношений и не мешать свободному развитию каждого из них.

Данную мысль Н. И. Костомаров развил в статье «*Украинофильство*» (1881)³. Статья состоит из двух разделов: в первом рассматривается история украинофильства как понятия, общественного (заметим, не политического) феномена и движения. Автор замечает, что «украинофильство» (окрещенное таким названием только в прошлом десятилетии) явилось стремлением некоторых малоруссов писать на своем родном наречии, и, вместе с тем, изучать богатую сокровищницу народной поэзии»⁴. Второй раздел посвящен освещению процесса роста гонений на украинофильство и негативным последствиям данного процесса для самой России. Ученый недоумевает: «Возможен ли такой случай, чтоб являлась необходимость говорить людям: вы не должны любить собственной речи ради любви к собственному государству? Это можно сказать разве покоренному народу, когда заметят, что этот народ пытается вырваться из-под давящего иноплеменного гнета. Власть, говорящая таким языком, во всяком случае будет не права, потому что покоренные народности только тогда примиряются удобно с своим положением, когда встречают от подчинивших ласку и заботливость, а не одно только грубое понуждение к покорности. Малорусы же никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело»⁵. Таким образом, по мнению Н. И. Костомарова, украинофильство не преследует никаких политических целей, представляет собой скорее группу людей, проникнутых любовью ко всему украинскому, в частности к украинскому языку. Однако он неоднократно в своих трудах указывал на то, что для образования федеративного славянского государства необходимо организовать активную просветительскую работу, которую, например, на Украине могли бы выполнять украинофилы.

¹ Там же. С. 139.

² Там же. С. 138.

³ См.: Костомаров Н. И. *Украинофильство* // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под редакцією Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 281–289.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ Там же. С. 288.

В статье *«Язык как средство объединения славянских национальностей»* (1867)¹ Н. И. Костомаров также высказал мысль о пользе изучения русского языка всеми славянскими национальностями. Обосновывал он данную идею тем, что русский язык был бы полезен для развития славянской литературы вообще. Н. И. Костомаров ратовал за то, чтобы распространение русского языка среди славянских народов не преследовало цели уничтожения других славянских языков и наречий, то есть за установление федерации и культурной автономии. Таким образом, Н. И. Костомаров неожиданно указал на невозможность объединения славян в единую федерацию и предложил создание множества славянских государств, между собою связанных только духовно и материально (главным образом через язык), но не политически.

И, наконец, в связи с идеями Н. И. Костомарова о развитии украинского языка и установлении культурной автономии Украины стоит упомянуть статью, запрещенную цензурой и напечатанную лишь после Октябрьской революции — *«Украинский сепаратизм»* (1863)². В ней ученый дал разъяснения об истоках сепаратистских настроений на юге Российской империи, заявив, что это происки Польши в попытке восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Такая трактовка делала затруднительными для украинской интеллигенции попытки развития украинского языка и культуры и установления культурной автономии. Ученый делает следующий вывод: не может быть ничего плохого в том, что народ говорит на особом языке, сохраняет самобытный образ жизни и верования, поэтому необходимо данному процессу способствовать. Данная работа также подчеркивает некую противоречивость федералистской концепции Н. И. Костомарова: субъекты федерации предполагается выделять по территориальному признаку, однако культурная автономия создается для сохранения и развития самобытности определенного народа. Как быть, если какая-либо территория заселена несколькими народностями?

Таким образом, можно сделать вывод, что Н. И. Костомаров выступал за создание всеславянского федеративного государства на демократических началах. Основой создания данного государства должна была стать культурная и религиозная общность славянских народов. Все народы, входящие в федерацию, наделялись равным статусом, который воплощался в культурной автономии, принципы образования и функционирования которой Костомаров показал на примере Украины.

¹ См.: Костомаров Н. И. Письмо к редакторам Ливчаку и Климковичу с приложением его статьи «Язык как средство объединения славянских национальностей» // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 216–219.

² См.: Костомаров Н. И. Украинский сепаратизм. (Неизвестные запрещенные страницы). — Одесса: 1921. — 16 с.

Бібліографія

1. Автобіографія Н. І. Костомарова / Под ред. В. Котельникова. — М.: Задруга, 1922. — 441 с.
2. *Барвінський О.* Погляди Миколи Костомарова на задачі української інтелігенції й літератури // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — Львів: 1918. — Т. 126–127.
3. *Грушевський М.* З публіцистичних писань Костомарова // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. III–XXI.
4. Кирилло-Мефодиевское общество / Зайончковский П. А. — М.: Изд. Московского университета: 1959. — 172 с.
5. *Костомаров Н. И.* Братья Украинцы! // Былое. — 1906. — № 2. — С. 67–68.
6. *Костомаров Н. И.* Две русские народности // Основа. — 1861. — № 3. — С. 33–80.
7. *Костомаров Н. И.* Задачи украинофильства // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 289–298.
8. *Костомаров Н. И.* Заметка // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. М. С. Грушевського. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 163–164.
9. Из истории «Общества св. Кирилла и Мефодия» (I. Устав и правила. II. Прокламации) / Костомаров Н. И // Былое. — 1906. — № 2. — С. 66–68.
10. *Костомаров Н. И.* Книга бытия украинского народа (Закон Божий) // Кирилло-Мефодиевское общество / Зайончковский П. А. — М.: Изд. Московского университета: 1959. — С. 149–160.
11. *Костомаров Н. И.* Князь Владимир Мономах и казак Богдан Хмельницкий // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 149–155.
12. *Костомаров Н. И.* Малорусская литература // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. М. С. Грушевського. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 240–247.
13. *Костомаров Н. И.* Малорусское слово // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. М. С. Грушевського. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 267–271.
14. *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале древней Руси // Отечественные записки. — 1861. — Кн. 2. — С. 53–66.
15. *Костомаров Н. И.* Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 137–140.

16. *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в древней Руси // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. — М.: Чарли, 1994. — С. 131–238.
17. *Костомаров Н. И.* Письмо к редакторам Ливчаку и Климковичу с предложением его статьи «Язык как средство объединения славянских национальностей» // Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / Под. ред. Грушевського М. С. — К.: Державне видавництво України, 1928. — С. 425–434.

Наталья Александровна Чамаева

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Ассоциация предпринимателей и гражданская ассоциация в политической теории Майкла Оукшотта

Аннотация

Работа посвящена анализу сущностных черт и внутренних целей, свойственных ассоциации предпринимателей и гражданской ассоциации — крайних точек континуума, предложенного британским политическим философом Майклом Оукшоттом для анализа политического устройства общества. С помощью этой бинарной модели Оукшотт стремится определить условия существования устойчивой и эффективной социально-политической системы, в которой сохраняется разумный баланс порядка и хаоса. По мысли Оукшотта, только в обществе, где поддерживается гармоничное напряжение между формальными и реальными, гласными и негласными нормами и структурами, возможно сохранение человеческой свободы.

Ключевые слова: Оукшотт, политическая теория, модель, политическое устройство, легитимность, свобода, либертарианство.

Британский политический философ Майкл Оукшотт (1901–1990) в своей фундаментальной работе «О человеческом поведении» (Oakeshott M. On Human Conduct. Oxford, 1975) описал модель политического устройства, основанную на противопоставлении двух способов видения организации социально-политического пространства, а именно — ассоциации предпринимателей и гражданской ассоциации. Сопоставление этих двух форм социального бытия и анализ напряжения, возникающего между ними, как крайними точками континуума, позволяют Оукшотту выявить ограничения, издержки и

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **Ольга Юрьевна Бойцова**.

пределы эвристичности, свойственные каждой из них. В результате анализа этой модели Оукшотт приходит к выводу о необходимости сочетать элементы гражданской ассоциации и ассоциации предпринимателей в реальной социальной системе с эффективным управлением и системой ценностей, выстроенных вокруг центрального для него принципа — неотчуждаемости свободы человека.

Первая крайняя точка бинарной модели Оукшотта — это ассоциация предпринимателей («universitas», «enterprise association»). Ее характерной особенностью Оукшотт называет четкую устремленность к явно сформулированной цели, пути достижения которой известны и признаны гласно или негласно, формально или неформально легитимными. Время от времени люди объединяются для достижения общих целей, и их деятельность в этом случае описывается логикой труда. Важно, что в ассоциации предпринимателей не только общие цели установлены и выстроены в иерархию, но и пути их достижения известны и прописаны. Подобная структура взаимодействия имеет место всякий раз, когда люди договариваются вместе действовать в интересах группы, сформировавшейся на почве общих стратегических ценностей и тактических техник. По достижении цели ассоциация предпринимателей может безболезненно прекратить свое существование. Точно так же, нет оснований препятствовать желанию кого-либо выйти из коллектива в случае существенных расхождений между членами группы в понимании своих ситуаций. В приложении к публичной деятельности ассоциация предпринимателей как модель политического устройства, основывается на таком понимании государства, при котором законы выполняют роль средства для достижения поставленной конечной цели, трактуемой в духе инструментального рационализма. Политической целью ассоциации предпринимателей может быть любое желательное состояние социальной системы, будь то социальная революция, либеральная демократия, тоталитаризм или теократия.

Положительными сторонами ассоциации предпринимателей являются ее консенсусная основа, а также высокий уровень мобилизации всех ресурсов, в том числе человеческих. Крайнюю форму такой социальной организации представляет собой общество во время войны, когда вполне закономерной представляется ситуация сворачивания многих свобод, распространение идеологии общих ценностей и концентрация всех имеющихся ресурсов в руках руководителей для достижения одной единственной цели — победы. Основной недостаток ассоциации предпринимателей, ее главная опасность заключается в отсутствии препятствий для идеологизации и коммерциализации политического пространства, власть в котором будет концентрироваться в руках узкого круга утопистов-фанатиков или демагогов, манипулирующих сознанием людей. Руководство ассоциации предпринимателей, формулирующее общезначимые и общеобязательные цели, имеет возможность не только вторгаться в личное пространство человека, но и способствовать сближению (вплоть до отождествления) формальных и неформальных структур, гласных и негласных норм. Таким образом, основной недостаток

ассоциации предпринимателей, по Оукшотту, заключается в стремлении вывести на поверхность и регламентировать все «подводные течения» повседневной жизни.

Другая крайняя точка модели Оукшотта — гражданская ассоциация («societas», «civil association»), где законы не устремлены к общей конечной цели и не носят инструментальный характер. Она основана на толковании норм в логике игры; ее целью является предоставление гражданам возможности выбирать альтернативы поведения в ситуации неопределенного будущего в долгосрочной перспективе. Роль государства здесь ограничена, а законодательные ограничения направлены на обеспечения максимума свободы индивидам и группам, определяя лишь «процедурные условия» выбора. Правило (закон) в этом случае не предопределяет, как именно следует поступить; оно лишь очерчивает круг возможных действий, причем как явно — предлагая ту или иную стратегию со всеми издержками и последствиями, — так и скрыто, в связи с несоблюдением правила, поскольку вокруг нормы выстраивается практика формальных и неформальных действий. Закон в гражданской ассоциации не предписывает содержания деятельности, но дает критерий разграничения действий по степени легитимности, причем как формальной, так и неформальной, а также устанавливает систему общеизвестных ограничений и санкций за нарушение правил игры.

Гражданская ассоциация по определению бесцельна — но не бессмысленна. Смысл ее существования — в создании условий для сосуществования множества целей, поддержания разнообразия локальных ассоциаций предпринимательского типа, сохранения различных точек зрения. Единственной высшей ценностью подобного способа ведения политики (Оукшотт часто называет его достоянием консервативного мировоззрения) является признание разнообразия убеждений и видов деятельности, а также поддержание мира, — но не путем наложения запрета на свободу выбора и уничтожения спектра альтернатив в результате выбора чего-то определенного. Свобода в гражданской ассоциации — это состояние, наступающее тогда, когда правила представляются гражданину продуктом его собственного выбора, а общественный порядок оказывается санкционирован явным или подразумеваемым согласием гражданина на его разворачивание. Соответственно, единственной общей целью гражданской ассоциации можно считать поддержание status quo, то есть состояния свободы, при котором граждане вольны участвовать в тех или иных ассоциациях предпринимателей для достижения — через общее дело — своих целей, пересекающихся с целями других людей.

Напряжение между гласной и негласной легитимностью, формально и неформально признанными нормами может стать источником стабильной в долгосрочной перспективе власти и свободного строя, где сохраняется баланс порядка и хаоса. В анализе общества при помощи бинарной структуры, крайними точками которой являются ассоциация предпринимателей и гражданская ассоциация, Оукшотт проявляет себя как представитель традиции либерально-консервативного синтеза. Действительно, мыслитель рассужда-

ет, как либерал, когда говорит о наличии множества локальных ассоциаций предпринимателей в обществе, где люди «объединяются по интересам» в группы и реализуют свои цели. В том же, что касается публичной политики и так называемых конституционных основ общества, Оукшотт проявляет себя скорее как консерватор, призывая не уподоблять основной закон государства инструментальной идеологии и не сводить его к системе содержательных предписаний, направленных на достижение всеобщего счастья в духе патернализма. Оукшотт ищет основания для выведения «правила определения правил» из области гласного, формального, официального консенсуса граждан, которым легко манипулировать, в область негласного признания. Рассуждая, по сути, о легитимности власти, он переходит с языка описания ассоциации предпринимателей, в которой легитимность опиралась бы на формализованный в национальной идеологии общественный договор, подкрепленный «волей суверенного народа», на язык гражданской ассоциации, где власть становится более гибкой, мягкой, «микрoфизичной», поскольку опорой ее авторитета служит напряжение между гласной и негласной сторонами функционирования норм в деятельности. Легитимность власти, в таком случае, опирается на признание разнообразия человеческих практик и множественности видов опыта в качестве фундаментального постулата политической реальности.

Библиография

1. *Оукшотт М.* Рационализм в политике // Рационализм в политике / Оукшотт М. — М: Идея-Пресс, 2002. — С. 7–37.
2. *Чамалева Н. А.* Консерватизм в политической философии Майкла Оукшотта // Вест. МГУ. Сер. 12. Полит. науки. — 2005. — № 5. — С. 97–101.
3. *Шамиурин В. И.* Консерватизм и свобода. — Краснодар: Глагол, 2003. — 474 с.
4. *Gerenscer S.* Oakeshott, Authority and Civil Disobedience (Papers from the British Society of Criminology Conference [Electronic Resource]. URL: <http://britsoccrim.org/volume5/002.pdf> (дата обращения: 04.07.2009).
5. *Oakeshott M.* Hobbes on civil association. — Berkeley: University of California Press, 1975. — 154 p.
6. *Oakeshott M.* On human conduct. — Oxf.: Clarendon Press, 1975. — 329 p.
7. *Sullivan A.* The Skeptical Conservative [Electronic Resource] // AEI Home : [site]. URL: <http://aei.org/article/37> (дата обращения: 04.07.2009).
8. *Podoksik E.* Oakeshott: What Kind of Liberal? [Electronic Resource] // PSA : [site]. URL: <http://www.psa.ac.uk/cps/2004/Podoksik.pdf> (дата обращения: 07.09.2004).
9. *Trogenza I.* Oakeshott on Freedom and Civil Association [Electronic Resource] // M. Oakeshott Association: [site]. URL: http://michael-oakeshott-association.com/pdfs/papers_trogenza_freedom.pdf (дата обращения: 04.07.2009).

Екатерина Давидовна Чкоидзе

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

«Русофобия»: генезис термина и современные коннотации

Аннотация

В данной статье исследуются происхождение термина «руссофобия» и исторические предпосылки его возникновения, являются современные коннотации. Анализируются причины (в первую очередь носящие внешнеполитический характер) формирования негативного отношения к России в Европе в годы правления Николая I. Рассматриваются позиции Федора Ивановича Тютчева (1803–1873), Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), Игоря Ростиславовича Шафаревича (р. 1923 г.) а также взгляды авторов зарубежных статей, в которых представлено понимание Западом феномена «руссофобии». Изучение данного явления позволит точнее представить картину прошлого, объяснить и понять суть происходящих в XIX веке исторических событий.

Ключевые слова: русофобия, Тютчев, Шафаревич, антирусская клика, неприязнь к России.

Во второй четверти XX века термин «руссофобия» впервые вошел в словарь русского языка. Однако в период правления И. В. Сталина произошли серьезные изменения, последствием которых было повсеместное ужесточение цензуры. И вплоть до последнего времени этот термин отсутствует во многих энциклопедических источниках.

В толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремова понятие «руссофобия» определено, как «неприязненное отношение ко всему русскому, к самим русским как к чуждому и опасному для представителей иной нации».

Из такого определения следует, что критика конкретных людей, правительства или, например, чиновников не имеет отношения к «руссофобии», поскольку отдельные элементы общества — это не «все русские».

Интересным является определение «руссофобии», характерное для большинства иностранных словарей и литературы, обозначающее патологический страх перед Россией и российским влиянием («Morbid dread of Russia or of Russian influence»). Данное толкование в наибольшей степени отражает реальность, поскольку “fobia” это в первую очередь страх, боязнь.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор Александр Андреевич Шириняц.

Тем не менее, впервые термин «руссофобия» был введен в общественный оборот Ф. И. Тютчевым, указывавшим, что в ее основе — ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России. В трактате «Россия и Запад» он делает акцент на сопоставлении исторического опыта России, Германии, Франции и Австрии, и рассуждает о роли Российской Империи в революциях, произошедших в этих странах. Помимо этого, на основе происходящих внешнеполитических событий, он выстраивает свой взгляд на отношения России и Европы. Через понятие «руссофобии» Тютчев выражает истинное отношение Европы к России, определяет предпосылки его возникновения. В противовес «руссофобии» Тютчев выдвигает идею панславизма и признает православие в качестве важной отличительной черты русской культуры.

Подобных идей придерживались многие единомышленники Тютчева. В. И. Ламанский в работе «Об историческом изучении Греко-славянского мира» отмечал проявление «руссофобии» по отношению к славянским народам и к России в частности. В качестве примера негативного отношения немцев к русским мыслитель приводил цитату из немецкого журнала, вышедшего в Австрии в начале XIX века: «Характер русского общий всем славянам — недоверчив, обманчив, лукав, без малейшей привязанности, без религии, в высшей степени тупой и грубый, предан пьянству и разврату».

Н. Я. Данилевский полагал, что причиной неприязненного отношения Запада к России является боязнь потерять свое могущество.

Позднее, в 1980 году, о сущности «руссофобии» высказался И. Р. Шафаревич, определяя ее как взгляд, «согласно которому русские — это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебное культуре, а Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира».

Актуальным в данном случае является вопрос происхождения «руссофобии», который бы позволил понять причины неприязненного отношения Запада к России и страха перед ней.

«Руссофобия», главным образом, возникла на либеральной и национально-освободительной почве. Из этого следует представление о России (сначала царской, затем коммунистической) как о силе, подавляющей и угнетающей всякие проявления свободы как внутри, так и вовне, а о русских — как об агентах этой силы. Эти представления актуализировались со всяким актом подавления Россией национально-освободительного движения (Венгрия в 1848 и 1956 гг.; Польша в 1831 и 1863 гг.). Этот круг представлений носит также политический характер, поскольку еще И. Р. Шафаревич задумывался о связи «руссофобии» и пропаганды, выразителем которой являлась журналистская публицистика. Шафаревич также подчеркнул то обстоятельство, что, как и любая пропаганда, «руссофобия» имеет определенную цель, в данном случае — доказать «опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу

современных западных демократий в построении общества».

Историю «русофобии» на уровне государственной политики можно проследить с 1820-х годов, когда легитимистская политика Николая I вызывала страх в наиболее развитых государствах Европы. А возникновение «русофобии» связано с подавлением русскими войсками венгерской революции 1848 года в Австро-Венгрии.

Политика Николая I в Европе была направлена на сохранение приобретенных ранее территорий, укрепление новых границ, подчинение Польши, Прибалтики и Финляндии Российскому государству. С особой враждебностью он относился к Франции, рассматривая ее как носителя революционного духа в Европе. Легитимизм внешней политики Николая также выражался в том, что российская армия подавляла революции в странах Европы дипломатическими, политическими, а нередко и военными методами.

Что же вызывало страх перед Российской Империей и враждебное отношение к ней?

В период с 1812 по 1815 год Россию прославляли как спасительницу Европы от тирана, но уже вскоре после этого ее же стали считать наследницей мощи Наполеона. Западная общественность практически приняла за аксиому то, что Россия, подобно наполеоновской Франции, стремится к созданию всемирной монархии.

В 40-е годы XIX века проявление «русофобии», прежде всего во Франции и Германии, усилилась. Особенно после издания в 1843 году книги французского литератора маркиза де Кюстина о его путешествии по России, которая впоследствии перепечатывалась несчетное число раз. Она была представлена Кюстином в виде поверхностно цивилизованной восточной деспотии, ее население — как масса рабов без всякого понятия о праве и собственном достоинстве.

Тютчев на протяжении ряда лет исследовал причины подобного положения, поскольку долгое время служил на дипломатическом поприще в Мюнхене, Генуе и Турине и мог непосредственно наблюдать проявление «русофобии» (как со стороны Запада, так и со стороны некоторых представителей русской знати и интеллигенции).

Возникновение образа России — «чудовища», «людоеда XIX века» — в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы.

Он также отмечает инстинктивный характер «русофобии», возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство — «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe (благоговейного страха), которое испытывают только по отношению к Власти».

Тютчев исходил из того, что во внутренней жизни Империи действия русофобской «клики», что и делало ее собственно «русофобской», прежде всего, разрушали русскую печать, препятствовали формированию самосоз-

нения русского общества. Подчеркивая генетическую связь «русофобии» и пропаганды, важнейшим средством борьбы с нею Тютчев считал не «материальную силу», а воздействие печати на общественное мнение, главным способом такого воздействия — убеждение «свободным словом», а не силой оружия.

Таким образом, жесткая внешняя политика Российской Империи второй четверти XIX века в отношении «государств-революционеров», огромные территориальные ресурсы и материальная сила не могут являться причиной возникновения и распространения такого явления как «русофобия».

Именно на это указывает Тютчев, говоря о связи «русофобии» и пропаганды, как способа распространения идей. Воздействие печати на общественное мнение является весьма сильным оружием, способным радикально поменять отношение одного государства к другому как в лучшую, так и в худшую сторону. Что и произошло в XIX веке, во время царствования Николая I.

Библиография

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. [Электронный ресурс] // Портал Грамота.RU : [сайт]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/efr/> (дата обращения: 19.07.2009).
2. *Лабанов С. С.* Русофобия в России: ее исследователи и критики [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Православие.RU» : [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/rusophobia.htm> (дата обращения: 19.07.2009).
3. *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам: А. И. Георгиевскому. 1864–1866. Письмо пятое. Ницца. 2/14 января 1865 года // Литературное наследство. — Т.97. — В 2 кн. — Кн. 1. Федор Иванович Тютчев / Отв. ред. Макашин С. А. и др. — М.: Наука, 1988. — С. 380–411.
4. *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: книга пророчеств. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 1999. — 208 с.
5. *Шафаревич И. Р.* Русофобия // Есть ли у России будущее? / Шафаревич И. Р. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 389–486.
6. *Gleason J. H.* The genesis of Russophobia in Great Britain: a study of the interaction of policy and opinion. — Cambridge: Harvard University Press, 1950. — 314 p.
7. *Marquis de Custine.* Lettres de Russie / La Russie en 1839 [Письма из России / Россия в 1839 году]. — Paris: Gallimard, 1985. — 416 с.
8. *McNally R. T.* The Origins of Russophobia in France; 1812–1830 // The American Slavic and East European Review. — 1958. — № 17. — P. 173–189.
9. The Free Dictionary by Farlex : [сайт]. URL: <http://thefreedictionary.com/> (дата обращения: 19.07.2009).

Александр Андреевич Шириняц

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

«Мыслящая история» С. П. Шевырева

Аннотация

Степан Петрович Шевырев — выдающийся русский мыслитель, политический публицист традиционалистского толка, поэт «тютчевской плеяды» и литературный критик, ученый-историк литературы и искусства, христианский педагог и организатор университетского образования, был одним из тех, кто не только внес содержательный вклад в становление и упорочение политическими консервативных ценностей, но и в разработку проблематики социально-политической науки. Разрабатывая в диссертации «Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии» (1833) идею «мыслящей истории», Шевырев, как показано в статье, сумел доказать связь символического, мифотворческого начала как образной формы мировоззрения и актуальной политики.

Ключевые слова: С. П. Шевырев, «Дант и его век», «История поэзии», мыслящая история, Данте Алигьери, Италия, «Божественная комедия», история науки.

Если бы, можно было всю современную науку назвать одним именем, то прилично бы ей было, как мне кажется, наименование *мыслящей истории*.

С. П. Шевырев. История поэзии

Степан Петрович Шевырев (18.10.1806, Саратов — 08.05.1864, Париж) — выдающийся русский мыслитель, политический публицист традиционалистского толка, поэт «тютчевской плеяды» и литературный критик, ученый-историк литературы и искусства, христианский педагог и организатор университетского образования. Вся его жизнь связана с Россией, Москвой и Московским университетом. Связь эта выразилась в том, что четыре десятилетия, начиная с учебы в Благородном пансионе при Московском университете и посещения лекций в самом университете до увольнения со службы в 1857 г. и последних лет жизни, проведенных за границей, Шевырев добросовестно работал на благо России, твердо и резко защищая все русское и московское от нападок недоброжелателей, пропагандируя синтез общечеловеческих ценностей и русской духовной культуры в характерном для себя методологическом ключе «мыслящей истории». Такая «история» вполне адекватно объясняла идеальный мир человека, который, как доказывал Шевырев, не есть мир отвлеченной фантазии, а «творится из материалов че-

ловеческой же действительности»¹.

В конце 1827 — начале 1828 г. Шевырев получил предложение стать наставником семнадцатилетнего князя А. Н. Волконского и сопровождать его в поездке за границу. В Италии они провели почти три года в интенсивных научных трудах, изучая историю литературы, искусства и архитектуры (исключая лекционную сессию в Женевском университете в ноябре 1831 — апреле 1832 г.), и вернулись в Россию в 1832 г.²

По совету М. П. Погодина Шевырев решил стать преподавателем Московского университета, дабы, как он сам писал, «связать свою участь с судьбой этого великого образовательного учреждения в России»³. По протекции С. С. Уварова, ему разрешено было претендовать на место адъюнкта (т. е. помощника профессора) по кафедре русской словесности, которую после смерти А. Ф. Мерзлякова с 1831 г. возглавил И. И. Давыдов. Чтобы занять эту должность, Шевырев, не имевший ученой степени, должен был написать диссертацию на свободную тему и прочесть пробную лекцию, тему которой — «Изящные искусства в XVI веке» — задал университетский Совет. Как вспоминал Погодин: «Шевырев избрал Данта, заперся в своей комнате..., месяцев шесть не выходил никуда со двора, перечитал все источники, уже ему знакомые, и написал классическое рассуждение о Данте, какому не было подобного в русской литературе»⁴.

Погодин в своей высокой оценке сочинения Шевырева оказался абсолютно прав. Выбрав предметом диссертационного рассуждения творчество Данте и обратившись к тщательному анализу «Божественной Комедии»⁵, С. П. Шевырев в своем диссертационном труде демонстрирует незаурядные

¹ Шевырев С. П. История поэзии. // Шевырев С. П. Об отечественной словесности / Сост., вступ. ст., комм. Марковича В. М. М.: Высшая школа, 2004. С. 110.

² О разносторонности интересов и занятий Шевырева в это время свидетельствует его дневник, в котором заметки о России, русском языке, буквах ять и е, русском стихосложении чередуются с мыслями об октаве, стихотворным переводом отрывка из «Освобожденного Иерусалима», заметками о прочитанных древних и новых авторах, о различии между трагедией древней и новой, краткими, довольно меткими характеристиками современных ему русских писателей и ученых, замечаниями о представительном сенате, французской конституции и т. д. См.: Шевырев С. П. Итальянские впечатления / Вступительная статья, подготовка текста, составление и примечания Медового М. И. — СПб: Академический проект, 2006. — 645 с.

³ Цит. по: Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. М. Погодина. СПб., 1869. С. 20.

⁴ Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. М. Погодина. СПб., 1869. С. 20.

⁵ Дант, Данте (Dante) Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, гуманист, политический деятель. Европейскую известность принесла ему поэма «Комедия» («Commedia», соч. 1300–1318, первые печатные издания восходят к 1472 г.) в 3 ч. («Ад», «Чистилище», «Рай»), описывающая путешествие автора по загробному миру. На протяжении XIV–XVI вв. «Комедия» пользовалась большой популярностью в Италии, ее читали и комментировали наравне со Священным Писанием; с венецианского издания 1555 г. в ее заглавии появился и утвердился в дальнейшей традиции эпитет «Божественная» («La Divina Commedia»).

способности вдумчивого и умного исследователя, знатока не только культуры и истории Италии, но и всего Запада (включая античный период). Его наблюдения подчас поражают глубиной проникновения в суть вещей и экспрессией¹.

Так, например, рассуждая о культурно-исторических предпосылках появления феноменального по своей энциклопедичности (и по своему масштабу) произведения, созданного гением Данте², Шевырев указывает на два существенных обстоятельства. Первое касается того, что в XIII веке направление ума во всех сферах жизни было богословским, все науки того времени считались лишь приготовлением к богословию как вершине человеческого знания. Второе — того, что богословие было тесно связано с политикой и народной жизнью.

Действительно, богословие того времени существенно отличалось от современного С. П. Шевыреву. В силу переплетенности науки и религии, политики и религии — оно (богословие) носило характер, с одной стороны, схоластического, рационального, догматического теоретизирования ученых³, с другой, активно вмешиваясь в мирскую жизнь, борясь за «миродержавную» роль католической религии (в лице папы римского) с властью императорской, неизбежно принимало публичный характер, а апеллируя в этой борьбе к религиозному чувству народа, пытаясь воздействовать на народное воображение близкими и понятными ему образами из области языческих ве-

¹ Чего стоит, например, его экспрессивный образ дрожащей руки природы-художника: «Так как материя мешает совершенству; то природа никогда уже не выдает произведения в том идеале, какой сначала печатлеет Бог; природа действует, подобно художнику, опытному в искусстве, но у которого рука дрожит». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 159–160).

² То, что Данте — гений, у С. П. Шевырева не вызывало сомнений. В начале своей диссертации он прямо заявляет: «Дант принадлежит к числу тех немногих избранных небом гениев, которые олицетворяют в себе самопознание своего века, служа полным ему отражением. Сии гении суть как бы огромные зеркала, которые Провидение по временам наводит на разные эпохи человечества и на которых вечен остается отпечаток сих эпох, в урок и завет грядущему... Гений внезапно, как свет во вселенной, как человек между тварями, как все божественное в земном. Рождение его объясняется одним безусловным: да будет!». Понимая непредсказуемость появления гениев, Шевырев подчеркивает связь, обусловленность творчества любого выдающегося мыслителя (гения) временем, в котором он живет: «Гений есть олицетворенный ответ на современный ему вопрос человечества». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография, 1833. № 5. С. 306–307).

³ «Скажу мимоходом, что, может быть, в сем излишнем подчинении Религии сухим формам науки, в сем смешении оной с стихиями разума и заключался зародыш будущего ее потрясения на Западе». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 127).

рований, поэзии, мифологии древнего мира¹, неизбежно принимало черты иррациональные, символические, становилось частью народного самосознания.

Замечателен один из многих конкретных примеров придания символического, мистического значения событиям прошлого в контексте политической ситуации в современной Данте Италии, раздираемой междоусобицами, на который обращает внимание С. П. Шевырев: «В Раю, устами Юстиниана, рассказывается история Римского орла или Императорской власти²: из сего рассказа мы видим, что начало сей власти вели от приезда Энея в Италию; что Эней перенес орла, символ сей власти, от востока к западу, по законному вращению самого неба; что Константин, против сего закона, обратил орла от запада на восток, что крылья сего же орла Энеева, в лице Карла Великого, защитили Христианскую церковь от Лонгобардов. На сей родословной орла, символа Цесарской власти, к коей прицепляет Поэт всю историю Рима, начиная от баснословного сказания об Энее до Карла Великого, основывает Дант право сего орла на защиту церкви, несправедливость Гвельфов, которые сему знаку дерзают противопоставлять желтые линии, т. е. Францию, и порицание Гибеллинов, которые разделяют сей знак от правосудия и ратуют под ним за свои частные выгоды (Замечательно, что орел именуется птицею бога (т. е. Юпитера) и говорится, что на востоке от времен Константина; он правил миром *под тенью священных крыл своих*. — прим. С. П. Шевырева). Мы видим ясно во всем этом сочетание идей миродержавного символа власти Римской, власти Императорской и правосудия всемирного. На сем основании утверждалось мнимо-ученым образом мнение партии Гибеллинов, которые во власти Императора видели олицетворение правосудия божественного на земле и начала сей власти искали в самых баснословных временах

¹ «Надо было новому Христианскому чувству или поспорить с ним; но, по старой любви и доверенности к нему, это было невозможно; или найти в нем отголосок своему чувству и освятить его символическим значением. Так Парнасс соединен был мысленно с Эдемом; райская вода с нектаром языческим...»; «Мифология решительно противилась чувству религиозному; но нельзя не признать, что она приняла характер Истории. В нее верили, как в историческое предание, основанное на событии... Мифология, если и отвержена была как Религия, то существовала во всей силе как История и в виде предания возбуждала к себе веру ученую и народную.» (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 131–132; 134–135).

² См.: Божественная комедия. Рай. Песнь VI. 1–8 и др. Константин Великий перенес (в 330 г.) столицу из Рима в Византию, причем орел, символ римской империи, совершил полет с запада на восток, против видимого движения звезд, тогда как встарь он летел вслед звездам, с востока на запад, когда, после падения Трои, сопровождал родоначальника римлян Энея, который, прибыв в Италию, взял в жены Лавину, дочь латинского царя Латина. После этого римский орел (господня птица) двести с лишним лет пребывал на рубеже Европы, на берегу Босфора, близ гор Троады, с которых он впервые взлетел с Энеем, и здесь, в Византии, переходя от одного императора к другому, достался наконец Юстиниану (Прим. М. Л. Лозинского к «Божественной комедии» <http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/comedy.txt>).

древнего Рима, видя, как и Гвельфы, в Энее предначертание Божие, и о том символе, который блистал на их знаменах»¹.

В третьем отделении диссертации, озаглавленном «Дант — философ. Учение Данте, извлеченное из Божественной комедии» характеризуется мироучение Данте, которое, как доказывает С. П. Шевырев, основывалось на достижениях науки того времени². По сути это мироучение было не чем иным, как геоцентрической системой мироздания, освященной христианской идеей³. Оно, по мнению С. П. Шевырева, обуславливало все философское и нравственное учение Данте — его идеи Бога, мира, человека, и, в конечном счете, его политические предпочтения сторонника гибеллинов — политической партии, защищавшей императорскую власть против папской в Италии.

В социально-политическом отношении характерен логический строй рассуждений Данте-гибеллина, который реконструирует С. П. Шевырев: «Дант допускает влияние неба на движения человеческие, но не на все. Он вооружается против мнения фаталистов и утверждает свободный произвол в человеке. С таким только понятием совместна мысль о божественном правосудии, которое награждает за благо и казнит за зло. Потому вина всех пороков человеческих и всего зла, покрывающего мир, находится в людях (Чистилища П. XVI — *прим. С. П. Шевырева*)»⁴. И далее: «Как в одном человеке причина зла зависит от злоупотребления воли: так и во всем современном человечестве причина всех пороков в дурном управлении мира. Против злоупотребления воли узда есть закон. Человек принадлежит миру духовному и земному. Страж закона духовного должен быть Папа; страж закона земного есть Император. Посему он и олицетворяет Правосудие. Сии два солнца должны бы были показывать человеку путь Бога и путь мира. Но Папа жаждет земной власти, пастырской посох соединился с мечем; духовная власть наместника Петрова оскверняется прикосновением светской стихии, — и вот причина дурному управлению мира (Чистилища П. XVI — *прим.*

¹ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 138–139.

² «Мысли его о земле и небе не суть ни создания его собственного воображения, ни поверья простого народа, а знания, принятые учеными века... она (поэма — авт.), под поэтическим покровом, представляла полную Энциклопедию наук ... в комментарии к сей Поэме можно было заключить все учение века со всеми его подробностями». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 142).

³ «Система мира у Данта есть система Птолемея, но освященная идеею Христианскою». (Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 154)

⁴ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 169.

С. П. Шевырева)»¹.

Изложив взгляды итальянского мыслителя, Шевырев формулирует основной вывод: учение Данте есть плод, результат многовекового развития науки; Данте, собрав в стройную и правильную систему различные мнения предшественников — ученых и богословов, перевел их с мертвой латыни на общепонятный, живой итальянский язык, тем самым «воплотив науку в поэзию» и сделал ее достоянием народа. В этом главная заслуга итальянского мыслителя.

Диссертация и пробная лекция² были признаны удачными и Шевырев с 15 января 1834 г. приступил к чтению курса по истории всеобщей словесности в Московском университете. Что же касается научной значимости усилий самого Шевырева, то он сумел доказать, что поэма Данте есть «слияние учености века с народностью»³, поэзии и религии⁴, показал связь символического, мифотворческого начала как образной формы мировоззрения и актуальной политики⁵. Все это, по мнению современного авторитетного исследователя, позволяет причислить имя Шевырева к Олимпу европейских дантологов⁶.

¹ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 172

² Изящные искусства в XVI веке. Лекция, читанная на предложенную тему в университетском Совете ищущим степени адъюнкта в Московском университете С. Шевыревым // Ученые записки Императорского Московского Университета. 1833. № 4. С. 77–133.

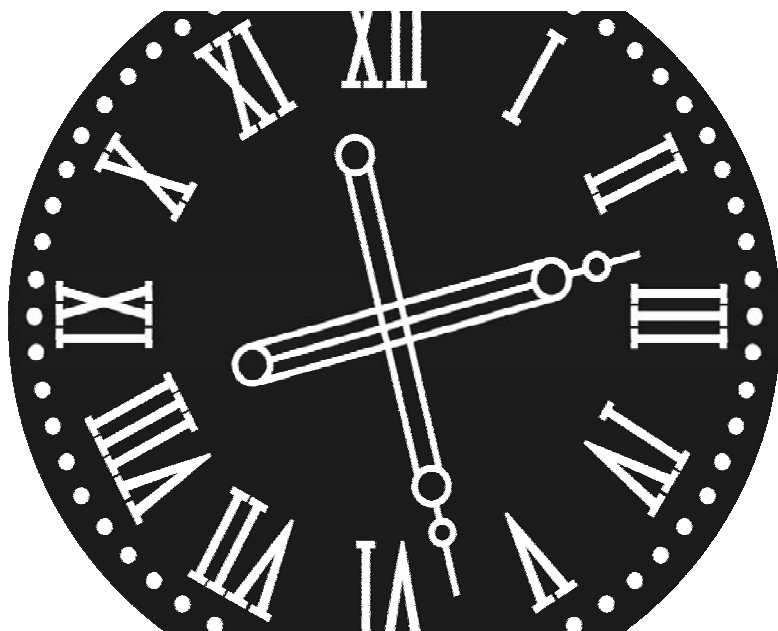
³ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 7. С. 134.

⁴ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография. 1834. № 8. С. 372–373.

⁵ Дант и его век. Исследование о Божественной Комедии. Адьонкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки императорского Московского университета. М.: Университетская типография, 1834. № 7. С. 122–123, 138 и др.

⁶ См.: Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...» Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. — С. 192.

Российская политика

Марина Викторовна Алешина

Аспирант гуманитарного факультета Тульского государственного университета¹

Процесс легитимации парламентаризма в современной России

Аннотация

В статье говорится об особенностях процесса легитимации парламентаризма в современной российской политической системе, об основных проблемах его становления и функционирования. Также проанализированы результаты исследований, проводившихся автором в Тульской области, которые посвящены изучению особенностей институционализации парламентаризма в России. Выявлены основные проблемы его становления и предложены пути оптимизации деятельности российских парламентов.

Ключевые слова: парламентаризм, легитимность, легитимация, демократия, политическая культура, Федеральное собрание РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ.

Демократизация современного российского государства находится в прямой зависимости от процессов институционализации парламентаризма, которые предполагают формирование механизмов представительства, осуществление законотворческой деятельности, развитие политической системы в целом. Законодательная власть, осуществляемая представительными органами, в системе разделения властей занимает чрезвычайно важное место. Без преувеличения можно сказать, что вопросы организации и функционирования органов законодательной власти находятся в центре политической практики и конституционно-правовых доктрин. Тенденция к демократизации общественной жизни и государственного устройства весьма отчетливо проявляется в развитии институтов представительной демократии, парламентаризма.

Особую актуальность исследования, осмысления и анализа проблематики парламентаризма как в теоретическом, так и практическом плане обуславливают реальные процессы радикальной трансформации российского общества на рубеже XX–XXI веков, становления в нём принципиально новой системы государственной власти, её институтов, принципов организации и функционирования. Исследование успехов и неудач в ходе политического реформирования страны, которое активизировалось после принятия в 1993 году новой Конституции РФ и продолжается по настоящее время, необходимо для определения ориентиров развития российской государственности по пути институционального утверждения системы парламентаризма.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, декан Гуманитарного факультета Тульского государственного университета, профессор **Ирина Александровна Батанина**.

Парламентаризм для России относительно новое явление. В этих условиях недостатки, присущие ему, наблюдаются в работе Государственной Думы весьма часто. Проблема места и роли парламента в политической жизни государства усложняется и тем, что, согласно Конституции, федеральный парламент не имеет правовой опоры в виде органов законодательной (представительной) власти субъектов РФ, организационных рычагов воздействия на них. Это, конечно, в определенной степени снижает значение Федерального Собрания в жизни общества, ослабляет его по сравнению с исполнительными и судебными органами власти.

В России складывается современная система парламентаризма. Принятие новой Конституции ознаменовало переход государства к классическим либерально-демократическим представлениям о парламентаризме, к юридическому ограничению полномочий и разделению сфер деятельности каждой ветви власти. Вместе с тем процесс становления системы парламентаризма в России сопровождается возникновением ряда проблем. Одна из них связана с отношением общества к парламенту (проблема его легитимности). В 90-х годах развитию парламентаризма препятствовало не всегда конструктивное соперничество между президентскими структурами, правительством и палатами парламента. В деятельности самого парламента политические функции нередко доминировали над законодательными, превращая его в арену бурных идейно-политических дискуссий и столкновений. Инициативы парламента воспринимались обществом с недоверием и наталкивались на серьезное противодействие. Вследствие этого по настоящее время в массовом сознании сложилось стереотипное восприятие парламентариев (особенно депутатского корпуса Государственной Думы) как бесполезной и обременительной государственной надстройки, являющейся лишь дополнительным источником социально-политической напряженности.

Чтобы выявить основные проблемы становления института парламентаризма в современной России и определить причины, влияющие на уровень легитимности парламента, автором были проведены две волны экспертного опроса депутатов Тульской областной думы (2008 и 2009 год) и фокус-группа с участием специалистов-политологов (2008 год).

В результате проведенных исследований выяснилось, что эксперты-практики, являющиеся действующими политиками-депутатами, в качестве основных факторов, влияющих на легитимность института парламентаризма, отметили внешние факторы (уровень политической культуры населения и степень заинтересованности политикой). Внутренние факторы (деятельность парламента, законопроекты, принимаемые парламентом, личность лидера и т. д.), по их мнению, являются менее значимыми. Независимые эксперты-политологи, наоборот, признали внутренние факторы доминирующими, а внешние — сопутствующими. Из этого можно сделать следующий вывод. Чтобы в России смог утвердиться институт парламентаризма с демократическими ценностями, необходимо повышать уровень легитимности парламента. Для этого нужно сделать многое, в частности, проводить работу с

населением, увеличивая его политическую культуру и прививая демократические ценности. Кроме этого, необходимо многое менять и в деятельности высшего законодательного органа страны, повышая не только эффективность его работы, но и уровень политической культуры парламентариев. Немаловажным фактором является налаживание конструктивного диалога между властью и обществом. Для формирования подлинной системы парламентаризма необходим эффективный механизм обратной связи с населением. Только тогда в нашей стране парламент станет де-факто представительным институтом.

Современный этап реформирования парламентаризма в России, связанный с изменением порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ, корректировкой избирательного законодательства, образованием параконституционных институтов, предполагает оптимизацию деятельности российских парламентов. На наш взгляд, это можно осуществить путем реализации следующих мер:

- изменение порядка формирования парламента (в частности, верхней палаты Федерального Собрания — Совета Федерации);
- совершенствование состава депутатского корпуса;
- повышение уровня компетентности парламентариев;
- повышение эффективности деятельности региональных парламентов;
- совершенствование избирательного законодательства.

Таким образом, проблемы современного парламентаризма — это совокупность сложных и противоречивых явлений российской политической действительности. Для решения одних достаточно принятия соответствующих нормативно-правовых актов, а условием решения других является изменение политической и гражданской культуры общества. Как уже отмечалось, все проблемные сюжеты касаются признаков парламентаризма как особой демократической системы, и поэтому разрешение их также должно иметь системный характер. Место и роль парламента в системе государственной власти, его характер представительства, профессиональность и, в конечном счете, ответственность парламентария перед электоратом во многом зависят от тех, кто выбирает.

Библиография

1. *Авакьян С. А.* Парламентаризм в России: идеи и решение // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. — 2006. — № 2. — С. 3–19.
2. *Баранов Н. А.* Легитимность власти: политический опыт России // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 1. — С. 18–29.
3. *Жамалдаев Ш. В., Тарасов И. Н.* Роль парламента в демократизации политической системы // Власть. — 2006. — № 3. — С. 51–56.
4. *Хутинаев И. Д.* Парламентаризм в России: некоторые вопросы институционализации // Современное право. — 2006. — № 3. — С. 20–24.

Валентина Тенгизовна Бабакишвили

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Мария Александровна Парамонова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

**Невоенные средства обеспечения
военной безопасности государства**

Аннотация

В связи с интернационализацией конфликтов, всё большую роль играют невоенные методы их разрешения, а также невоенные методы обеспечения безопасности. Сегодня есть немало невоенных методов воздействия, которые не менее эффективны, чем военные: экономические, использующих лоббистские структуры, а также информационные технологии.

Ключевые слова: угрозы, военная безопасность, обеспечение.

Военная безопасность — одна из специфических (особых) видов безопасности. Она служит условием обеспечения многих других видов безопасности и в то же время зависит от них.

Под военной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз; она является первоочередным приоритетом и важнейшим компонентом национальной безопасности, характеризующим возможность реализации ее интересов средствами вооруженного насилия. Для обеспечения военной безопасности необходимо своевременно проводить оценку, предотвращение, локализацию и нейтрализацию военных угроз, создавать благоприятных внешние и внутренние условия существования и развития страны¹.

Место военной безопасности в системе национальной безопасности можно определить следующим образом: безопасность есть состояние, при котором нация не жертвует своими интересами из-за боязни оказаться вовлеченной в войну и способна надежно и эффективно защитить эти ценности военными средствами и методами, если войны избежать не удастся.

Российская политика в области обеспечения военной безопасности и военного строительства формируется под воздействием ряда внешних и внут-

¹ Правовую основу обеспечения военной безопасности нашего государства составляют: Конституция Российской Федерации, Закон РФ «О безопасности» (от 05.03.1992 № 2446-1 с изменениями и дополнениями), Федеральный закон «Об обороне» (от 31.05.1996 № 61-ФЗ с изменениями и дополнениями), Военная доктрина РФ (утверждена Указом Президента РФ от 21.04.2000 № 706). Законодательство в этой области постоянно совершенствуется и адаптируется применительно к современным угрозам и вызовам.

ренных факторов военно-политического, финансово-экономического, демографического, военно-технического, научно-технического и нормативно-правового характера. При этом важнейшими факторами, определяющими ее характер и направленность, являются потенциальные внешние и внутренние военные угрозы жизненно важным национальным интересам Российской Федерации.

Внешний аспект военной безопасности отражает способность нации противодействовать или сдерживать воздействие военной силы из-за рубежа. Это предполагает наличие современных вооруженных сил, формирование эффективной системы коллективной безопасности или всеобщей безопасности, вхождение в состав тех или иных военно-политических союзов. Опыт «холодной войны» показал, что наиболее действенный путь укрепления военной безопасности — это формирование эффективной системы международной безопасности. Так, бывший начальник Генерального штаба ВС РФ Ю. Н. Балуевский в своё время отмечал, что «в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации и влияния на геополитическую обстановку в мире сохраняется необходимость военного присутствия России в некоторых стратегически важных регионах мира».

Исключительно большое значение в решении геополитических, региональных и национальных, военно-политических проблем имеют невоенные средства оборонной безопасности.

В отличие от недалекого прошлого, когда основой системы военной безопасности выступал военный фактор, в современных условиях главным в структуре данной системы выступают невоенные средства. Цели, способы и формы применения невоенных средств существенно различаются в зависимости от характера политики (оборонительная, агрессивная, миротворческая), условий (мирные, предвоенные, военные) и возможностей этих мер¹.

Невоенные средства — это совокупность «социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности»². Невоенные средства служат привлечению дополнительных сил — приобретению союзников и друзей, ослаблению и устранению военных угроз и опасностей (договора, соглашения, превращение недругов в нейтралов и т. п.), уменьшению возможностей агрессоров (изоляция, создание негативного имиджа в общественном мнении, разоблачение планов и т. д.). Они выступают помощником и даже заменителем (при определенных условиях) военной силы³.

¹ Калих А. А. Невоенные угрозы в Военной доктрине // НВО. — 2007. — № 8. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2007-03-16/4_doctrina.html (дата обращения: 05.08.2009).

² Капто А. С. Энциклопедия Мира. — М.: Книга и бизнес, 2005. — 707 с.

³ Капто А. С., Серебрянников В. В. Невоенные средства оборонной безопасности России // Диалог. — 2000. — № 2. URL: http://www.kp62iww.narod.ru/Nowar_defense.htm (дата обращения: 05.08.2009).

Реальная мощь невоенных средств, как и любых других, измеряется в действии — «работой», которую они способны выполнить. Исторически невоенные средства преимущественно применялись и давали самые грандиозные успехи при подготовке и осуществлении нападений, агрессий, вмешательств во внутренние дела других государств¹. В конце XX века невоенные средства по своей эффективности сравнивались с военными, если не превзошли их. Невоенные средства могут активно применяться и для подготовки, развязывания войн и вооруженных конфликтов, для подрыва и ослабления военной мощи, разрушения военных систем и вооруженных сил жертв агрессии. Невоенными средствами нередко удавалось укрепить военную безопасность государства, его международное положение, приобрести сильных союзников и друзей, создать систему отношений, связывающих агрессоров по рукам и ногам, ослабить их, выиграть время, сорвать планы завоевателей, остановить конфликты, предотвратить гражданскую войну. Стало возможным добиваться таких целей, которые раньше достигались кровопролитнейшими войнами.

Яна Вадимовна Борисенко

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Роль молодёжных общественно-политических движений в политическом процессе современной России

Аннотация

В статье рассматривается роль молодёжных общественно-политических движений на современном этапе развития российского общества. Особое внимание уделено политической социализации молодёжи, а также разработке основных направлений государственной молодёжной политики.

Ключевые слова: политический процесс, молодёжные общественно-политические движения, современная Россия, политическая социализация, государственная молодёжная политика.

Интерес к изучению проблем молодёжи и роли общественно-политических молодёжных движений в современной России определяется в основном тремя обстоятельствами:

¹ Чаевич А. В., Павлов С. Н. Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности России // Ориентир. — 2005. — № 1. URL: http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_орон_konspekt/2005/2005-10-1.html (дата обращения: 05.08.2009).

² Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Дагмар Миронова**.

- особой ролью молодежи как активной силы современного политического процесса;
- возрастающим значением воспитания активного и инициативного гражданина страны;
- политической социализацией молодежи в процессе её общественно-политической деятельности.

Всплеск создания молодежных общественно-политических движений различной направленности приходится на 2000–2005 гг., когда к молодежи начали проявлять серьезный интерес органы государственной власти. В этот период возникают молодежные движения «Идущие вместе», «НАШИ», «Молодая Гвардия», «Россия молодая», которые поставили перед собой конкретные политические цели и имеют определенные идеологические установки. В это же время появляются оппозиционные молодежные движения: «Пора», «Идущие без Путина», «Мы», «Оборона». Оппозиционные движения представляют собой в основном бизнес-проекты, появились тендеры на создание украинской «Поры» и грузинской «Кмары».

Воспитание политически активного, инициативного гражданина страны — одна из важных целей современного российского государства. Особенно это важно в настоящее время. Для этого разрабатывается новая стратегия государственной молодежной политики. Эта политика предполагает формирование у молодежи умение оценивать события с позиции государственных национальных интересов, воспитывать социально-политический иммунитет, пропагандировать живой опыт работы. То есть речь идет о формировании политической позиции личности в процессе практической общественно-политической деятельности и активного участия в политическом процессе. Несмотря на то, что политическая социализация молодежи обладает своими специфическими особенностями, она имеет много общего с другими процессами и явлениями общественной жизни. Речь идет о фактах, которые, так или иначе, воздействуют на сознание молодых людей. Это — состояние политического и экономического развития общества, макро- и макросоциальные среды, специальные политические институты, средства массовой информации, литература, искусство и т. д. С их помощью происходит передача политической информации, предоставляется возможность включиться в политическую жизнь общества. Для этого выработаны и применяются различные технологии, например: создание корпоративных институтов для подготовки управленческих кадров; организация и проведение обучающих семинаров, образовательных программ, дискуссионных клубов; подготовка к участию в выборах и проведение избирательных компаний, создание фондов, молодежных сообществ, построение социальных сетей; организация молодежных форумов и лагерей; проведение массовых, благотворительных акций; проведение научно-практических и деловых игр и т. п. Кроме того, в рамках молодежной политики используется мотивация молодых людей, которая представляет из себя симбиоз непосредственного интереса к участию в работе самого движения и более широких интересов. Например, акцентиру-

ется внимание на создании возможностей для реализации лидерских качеств, для карьерного роста, вертикальной политической мобильности, получения доступа к различным ресурсам.

Таким образом, политическая социализация молодежи зависит от степени ее вовлеченности в общественную работу. Чем активней молодежь участвует в общественно-политической жизни, тем более зрелые суждения у нее формируются в отношении различных политических событий. Поэтому в формировании новых молодежных общественно-политических движений в постсоветский период в силу не вполне устоявшихся политических процессов преобладает создание движений с помощью наиболее авторитетных массовых партий и государственных структур и, следовательно, с использованием административных технологий наряду с другими. Это также помогает исключить стихийный, неуязвимый процесс молодежных движений, который может вносить другие, чуждые нашему обществу социально-политические идеи и интересы.

Можно сказать, что в настоящее время молодежные общественно-политические движения, претерпев период своего становления, пережив кризис периода политической и социальной трансформации государства и общества, становятся значимым фактором в развитии политического процесса, а многообразие технологий и форм работы движений способствуют расширению возможностей участия молодых людей в политическом процессе, а также развитию инновационных подходов в молодежной политике.

Библиография

1. *Данилин П. В.* Новая молодежная политика. 2003–2005. — М.: Европа, 2006. — 291 с.
2. *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. — М.: Голос, 2001. — 692 с.
3. *Ильинский И. М.* Между будущим и прошлым. Социальная философия Происходящего. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. — 663 с.
4. *Кольжанова И. Н.* Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры : автореферат дис. ... канд. политических наук. 23.00.02. — Ростов\н Дону, 2006. — 26 с.
5. *Кострова А. А.* Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Москва, 2008. — 229 с.
6. *Махмудов З. Ч.* Роль молодежных общественных объединений в политической системе современного общества // Право и политика. — 2008. — № 3. — С. 650–653.
7. Политические отношения и политический процесс в современной России: учебное пособие для студентов вузов / Исаев Б. А., Баранов Н. А. — М.: Питер, 2008. — 394 с.

Евгений Николаевич Гаталов

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политический аспект административно-государственной реформы в России (2004–2008 гг.)

Аннотация

Статья предлагает на основе приведенного механизма сопряжения современной административно-государственной реформы с политическим процессом комплексное рассмотрение политического контура аналогичной реформы в России. Выявляются ее основные политические проблемы и достижения.

Ключевые слова: администрация, реформа, демократизация, управление, политика, элита, коррупция.

Политический контур современных административно-государственных реформ (АГР) обнаруживается на основе определения таких параметров, как политико-административные цели реформы, включенность АГР в конкретный политический контекст, способствующие и тормозящие процесс АГР политические факторы. Выявляются они на основе конкретного прикладного анализа политической материи.

Одной из основных целей АГР является демократизация механизмов административно-государственного управления, понимаемая в двух аспектах. Демократизация предполагает рассмотрение граждан в качестве потребителей государственных услуг, из чего следует наделение их правом выбора поставщиков соответствующих услуг. Степень демократизации повышается также и вследствие формирования открытой модели госслужбы. Вместе с тем демократизация невозможна без выстраивания механизмов обратной связи, партнерства с гражданским обществом и информационной открытости. Все это приводит к усилению публичного контроля и большей подотчетности государственных органов и организаций, а, следовательно, и снижению коррупционных проявлений.

Кроме того, демократизация происходит и в самой властной вертикали за счет уплощения иерархических пирамид, стирания существовавших внутри них перегородок преодоления информационной асимметрии, делегирования полномочий, функций на передний край и подрядчикам.

Демократизация, в свою очередь, ведет к повышению технической эффективности административно-государственного управления, сжатию государства (вопрос о роли государства в обществе), что обуславливает повышение качества административной организации государства и, как следствие,

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Ирина Алексеевна Василенко**.

совершенствование практики выработки государственной политики и ее результативной реализации. Последнее обуславливает рост удовлетворенности граждан предоставляемыми госуслугами и, соответственно, увеличение электоральной поддержки правящей политической элиты и ее лидеров.

Только эффективно организованный административный аппарат может быть реальным инструментом модернизации страны. АГР, таким образом, становится важным институциональным условием проведения иных фундаментальных реформ.

Вполне очевидно, что кроме управленческих задач и преобразований в сфере официальной политики, АГР решает и иные политические проблемы, обусловленные тем или иным политическим контекстом. Исследователи, рассматривая подходы к проведению АГР, выделяют т. н. диалектические и конфликтологические теории¹. Согласно этим представлениям, административные изменения являются продуктом политической целесообразности, либо политического торга, доля менеджериальных новаций в балансе интересов при таком подходе стремится к нулю.

Начиная с 2004 г., в России проводится системная АГР. Ее основными целями являются повышение эффективности функционирования исполнительной власти и противодействие административной коррупции за счет упорядочения административно-государственной системы и веберовской рационализации управленческих институтов и механизмов.

Отечественная АГР, несмотря на использование специфической риторики, лишь в незначительной степени ориентирована на повышение демократизации управления и менеджериальные новации. Отсюда — отсутствие широкой работы по ее освещению в СМИ и весьма слабая общественная поддержка. Это, в свою очередь, предопределило основной движитель реформы — политическую волю Президента (и соответствующие проблемы).

АГР стала одним из инструментов политической реформирования страны. Ее политические задачи состояли в удалении от власти олигархических группировок и их политических назначенцев, борьбе с саботажем принимаемых руководством государства решений² и снижении роли и степени политического участия бюрократии, которая нередко торговала своими полномочиями.

Российская АГР изначально была политической мерой. Внезапное решение об отставке Правительства М. М. Касьянова, состоявшейся 24 февраля 2004 года, т. е. накануне президентских выборов, стало поворотным пунктом в истории политической модернизации страны. Касьянов являлся креатурой ельцинской команды, его противоречия с курсом нового президента наиболее рельефно проявились в позиции по делу «ЮКОСа». Кроме того,

¹ См.: Fernandez S., Rainey H. G. Managing Successful Organizational Change in the Public Sector: An Agenda for Research and Practice // Public Administration Review. — 2006. — Vol.66. — № 2. — P. 168–176.

² В докладе Администрации Президента РФ 2002 г. сообщалось, что только 48% ведомственных актов прошлого года выполнены. Президентские указы исполняются на 77%.

ряд журналистов полагал, что Касьянов мог стать одним из участников переворота, подготавливаемого Б. Березовским. Отставка правительства позволила связать с ним весь негатив прошлых лет, разорвать контракт с «семьей», и таким образом, удачно завершить электоральный цикл.

Со временем АГР становится средством поддержания внутриэлитного гомеостаза, обеспечивающего сдерживание политической борьбы¹. Последнее является важным свидетельством того, что произошла циркуляция политических элит и преобразование политических процессов в «путинский формат». Политическая конкуренция и борьба за власть являются одними из имманентных характеристик политического процесса в любой стране. В России, где доминирует одна политическая сила, политическая конкуренция за политические и административные посты разворачивается в рамках правящей элиты, за счет чего достигается относительная политическая стабильность. Но только подлинная конкуренция идей, перекрестная критика политических сил обеспечивают поступательную политическую эволюцию. Политическая логика реформы управления состояла в том, чтобы сменить стимулы политического поведения: на смену ресурсам госдолжностей должны были прийти различные возможности руководящих постов в государственных компаниях и корпорациях, а это, в свою очередь, позволило бы значительно снизить уровень политической коррупции и надавить на коррупцию административную.

В то же время нельзя не отметить ту функциональную роль, которая коррупция играет в нашем обществе. Выгоды административного рынка очевидны не только для коррупционеров, но и зачастую для их клиентов, т. к. коррупция, в условиях высокой институционализации общественно-государственных отношений, становится наиболее простым и быстрым способом преодоления административных барьеров. Само общество пронизано самой разной коррупцией, многие люди связывают с ней реализацию своих жизненных планов. Коррупция действует как болеутоляющее, но ее большие дозы могут оказаться смертельными.

С приходом к власти Президента Медведева обострилась борьба с административной коррупцией. Был принят национальный план и закон о противодействии коррупции: дано определение этому явлению, антикоррупционные ограничения гражданской службы распространены на все виды госслужбы. Однако сам Президент признал, что снизить коррупцию может нормальный уровень жизни населения и зарплат чиновников². Меры противодействия вступили в коррупционную сферу ровно настолько, насколько коррупционеры уже отступили от грубых методов работы и неосмотрительности. Чиновничий саботаж и коррупция по-прежнему являются одними из основных факторов, тормозящих процесс АГР.

¹ Так, к примеру, атака на заместителя министра финансов С. Сторчака завершилась повышением министра финансов Л. Кудрина до вице-преьера.

² Сванидзе Н. К., Сванидзе М. Х. Медведев. — СПб.: Амфора, 2008. — С. 63

Политические риски, первоочередная задача поддержания политической стабильности, реструктурирование политической системы делают укоренение политико-административных новаций весьма проблематичным¹. В то же время пройденный путь отражает ряд важных достижений: введение открытой модели рекрутинга на гражданскую службу, частичное применение методов управления по результатам на основе выбора граждан, автономизация учреждений, принятие законодательства об информационной открытости ведомств и такая важная антикоррупционная мера, как внедрение тендерных процедур (в т. ч. электронных) при госзакупках.

Библиография

1. *Моисеев А. В.* Институт государственной гражданской службы в российской политике // *Власть*. — 2007. — № 11. — С. 83–88.
 2. *Сванидзе Н. К., Сванидзе М. Х.* Медведев. — СПб.: Амфора, 2008. — 329 с.
 3. *Fernandez S., Rainey H. G.* Managing Successful Organizational Change in the Public Sector: An Agenda for Research and Practice // *Public Administration Review*. — 2006. — Vol. 66. — № 2. — P. 168–176.
-

Наталья Игоревна Голубкова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Избирательные споры в политических технологиях организации и ведения предвыборной кампании

Аннотация

В статье рассматриваются избирательные споры и их использование в политических технологиях организации и ведения предвыборной кампании. Актуальность работы обусловлена тем, что данный феномен чаще рассматривается с юридической, а не политтехнологической точки зрения.

Ключевые слова: избирательные споры, политические технологии, предвыборная кампания, избирательные права, кандидат.

Рассмотрение избирательных споров является одной из любимых тем для анализа многих авторов. Рассматриваются избирательные споры в отечественной науке исключительно с юридической точки зрения. Однако о том, что избирательные споры зачастую используются как политические

¹ См.: Моисеев А. В. Институт государственной гражданской службы в российской политике // *Власть*. — 2007. — № 11. — С. 83–88.

² Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры мировой и российской политики философского факультета **Сергей Евгеньевич Заславский**.

технологии, говорят даже сторонники юридического подхода.

А. В. Иванченко относит использование избирательных споров к черным PR-технологиям и называет этот способ «поточными» жалобами, когда в избирательную комиссию поступает огромное количество жалоб по самым незначительным поводам. Цель подобных методов, по мнению автора, состоит в том, чтобы помешать эффективной правоприменительной деятельности избирательных комиссий.

Более детальное рассмотрение данного применения избирательных споров дает О. А. Матвейчев. Он называет технологию целенаправленного применения избирательных споров юридическими войнами. Этот метод автор относит к числу тех, которые дезорганизуют *общую* работу противника, а не какие-то ее отдельные виды. Это связано с тем, что использование подачи жалоб возможно на *реальные* или *мнимые* нарушения действий конкурента в любой сфере ведения избирательной кампании. В данном случае совсем неважно, что конкурент может выиграть какие-то судебные разбирательства. Само участие в них наносит ему существенный ущерб, во-первых, заставляя принять оборонительную позицию, во-вторых, медленно лишая его веры в себя и вывода из состояния равновесия. В-третьих, планируя свои расходы и свои действия, одновременно осознавая, что могут снять с предвыборной гонки, кандидат будет более обдуманно и скупое тратить деньги, отступить от принятой в самом начале стратегии, которая может быть весьма удачной. Помимо всего прочего, постоянное участие в судебных разбирательствах по поводу нарушения избирательного законодательства и избирательных прав других кандидатов и самих избирателей способно существенно увеличить имиджевые потери противника.

В вопросах репутационных издержек кандидатов, по поводу действий которых постоянно подаются жалобы, очень важен вопрос освещения принятых судебных решений в средствах массовой информации. Вообще, в российском избирательной законодательстве нет нормы, требующей обязательного освещения результатов судебных разбирательств. Публикуются далеко не все решения. И подающей жалобы стороне совсем необязательно, чтобы публиковались все, потому что, как мы понимаем, многие из них могут не иметь под собой основания. Однако для того, чтобы самым компрометирующим конкурента судебным разбирательствам дать освещение, необходимо подкрепить их какими-либо действиями. Например, гневными письмами избирателей на этот счет в газеты, митингами и пикетами, о которых обязательно станет известно общественности. Освещение в СМИ, в свою очередь, заставит противника оправдываться, даже если до этого он молчал.

Необходимо также уделить внимание тому, кто же будет подавать эти жалобы. Конечно, существенное количество жалоб будет идти от кандидата, желающего воздействовать на своего конкурента путем подачи жалоб. Однако подготовкой этих жалоб занимается не сам кандидат, а обслуживающие его юристы. О. А. Матвейчев в одной из глав своей книги рассматривает роль юристов в ведении избирательной кампании. В зависимости от выпол-

няемой функции можно выделить разные виды юристов. Важен тот факт, что в числе наиболее важных он выделяет такой вид, который занимается подачей жалоб и развязыванием электоральных конфликтов. Этот вид он называет «кляузники — скандалисты». Далее можно рассмотреть те цели, которые преследуются данной категорией юристов в избирательных кампаниях.

Во-первых, принуждение противников отвечать на жалобы вместо того, чтобы писать их на кандидата, на которого работают эти юристы. Здесь действует принцип «лучшая защита — это нападение».

Во-вторых, возможность вселить в противника неуверенность в собственных действиях, а также компетенции тех людей, которые работают в его штабе. Это заставляет противника бояться, перестраховываться, уделять большее внимание процедурным мелочам, отвлекаясь от решения тактических задач. Прием этот безотказно работает в отношении любого, даже самого крепкого противника, поскольку негативные исходы судебных разбирательств могут выбить почву из-под ног у любого человека.

В-третьих, желание создать у избирательной комиссии и у избирателей ощущение, что соперник нарушает все возможные законодательные предписания. Действительно, это в дальнейшем при неблагоприятном исходе выборов для собственного кандидата позволяет оспорить их легитимность, поскольку в ходе выборов имела масса нарушений. Также это помогает выглядеть более достойно в глазах своих избирателей в случае поражения. Роль жертвы, как мы знаем, в России пользуется популярностью.

В-четвертых, стремление создать у избирателей и у членов избирательной комиссии ощущение, что противник на каждом шагу нарушает избирательное законодательство, имеет также своей целью создание иллюзии о том, что «обвинитель» (т. е. «свой» кандидат) это законодательство не нарушает. Ведь если он открыто говорит о чужих нарушениях, значит, самому ему скрывать нечего.

В-пятых, возможность заставить конкурента тратить время, деньги и нервы на восстановление своего имиджа, тогда как все это можно было потратить на реализацию своей изначальной стратегии и программы.

Несмотря на то, что многие авторы считают область применения политических технологий свободной от какой-либо морали, мы бы хотели уделить некоторое внимание этической стороне вопроса применения избирательных споров в качестве избирательной технологии.

При беглом ознакомлении с данной тематикой может показаться, что использование этой технологии является чем-то аморальным. Однако, на наш взгляд, этот вывод является поспешным.

Ведь далеко не все поданные жалобы являются беспочвенными, довольно часто электоральные киллеры используют и реальные нарушения, которые в ходе судебных разбирательств устраняются. На наш взгляд, это не является негативным последствием применения избирательных споров в качестве политтехнологии.

Положительным результатом применения этого метода станет то, что

любой кандидат, если и не будет стремиться к тому, чтобы его действия полностью соответствовали законодательству, то по меньшей мере станет более внимательно относиться к нормам законодательства. И по нашему мнению, сложно переоценить значение соблюдения законов всеми участниками избирательного процесса.

И, наконец, последним положительным последствием применения описанной нами технологии, о котором хотелось бы сказать, является возможность устранения правовым путем тех кандидатов, которые используют административный ресурс, обладают огромным лоббистским потенциалом, подкупают членов избирательных комиссий и других организаторов выборов или просто используют силовые методы воздействия. Электоральные юристы не раз становились тем оружием, которое лишало возможности подобных кандидатов попасть во властные структуры. Таким образом, помимо решения проблемы конкретного заказчика они способствуют решению государственных задач и обеспечению государственных интересов.

Библиография

1. Средства массовой информации и выборы : вопросы и ответы / Большаков С. В.; отв. ред. Вешняков А. А. — М.: Типография «Новости», 2003. — 96 с.
2. Борисов И. Б., Заславский С. Е. Партии на будущих выборах. Новое законодательство. — М.: Европа, 2005. — 333 с.
3. Заславский С. Е., Зотова З. М. Организационно-правовые основы участия политических партий в выборах. — М.: РЦОИТ, 2007. — 232 с.
4. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 359 с.
5. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992–1999) / Отв. ред. Вешняков А. А. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 720 с.
6. Избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации в решениях Верховного Суда Российской Федерации (1995–2000) : В 2-х томах / Сост.: Биктагиров Р. Т. и др.; Отв. ред. Вельяшев О. Ю. — М.: Норма, 2001. — Т. 1. — 1104 с.; Т. 2. — 848 с.
7. Колюшин Е. И. Судебная защита избирательных прав граждан. — М.: Издательский дом «Городец», 2005. — 144 с.
8. Колюшин Е. И. Судебная практика по делам о правонарушениях и спорах в ходе финансирования избирательных кампаний // Право и власть. — 2002. — № 3. — С. 3–11.
9. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — М.: Формула права, 2003. — 688 с.
10. Матвейчев О. А. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. — М.: Эксмо, 2008. — 640 с.

Инна Игоревна Гурьянова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Нефтегазовый сектор Российской Федерации в период кризиса и условия для его развития

Аннотация

Статья посвящена проблеме развития нефтегазового комплекса Российской Федерации в условиях современного экономического кризиса. В статье анализируется существующее положение НГК РФ в данный момент и возможные пути его развития при участии государства.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, государство, мировой экономический кризис, финансовый мировой рынок, страны-экспортеры нефти, энергетический потенциал, международные инвесторы, кредитно-денежное взаимодействие.

В период мирового экономического кризиса отечественный нефтегазовый сектор оказался под сильным давлением как внешних, так и внутренних политических и экономических факторов.

Одной из важных проблем является привлечение инвестиций в данную отрасль. Необходимы как государственные, так и иностранные инвестиции. Однако в современных условиях нефтегазовый сектор слишком уязвим, и в связи с этим инвестиционная привлекательность очень сильно зависима от колебаний на финансовом мировом рынке, а также от положения нефтегазовой сферы в других странах-экспортерах нефти. Одним из источников проблем в данной сфере служит такой негативный фактор как нестабильность мировой валюты. Колебания валюты сильно коррелируют с ценами на нефть, что негативно сказывается на развитии нефтегазового сектора.

На данном этапе политика РФ заключается в расширении энергетического поля страны на международной арене, устанавливаются и развиваются отношения со странами, которые обладают значительными энергоресурсами. Это, несомненно, очень важное направление для отечественной энергетики. Однако, наряду с внешним расширением энергетического потенциала, необходимо активно разрабатывать нефтегазовую отрасль еще в нескольких направлениях. С одной стороны важно обеспечить переход к интенсивному способу разработки месторождений энергоресурсов, для чего требуется переоборудование нефте- и газодобывающих, перерабатывающих станций. Для подобного рода операций необходимы инвестиции. Чтобы привлечь капиталопоток со стороны иностранных инвесторов, государство само должно на-

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко**.

чать модернизацию и усовершенствование объектов нефтегазового сектора в сфере добычи, переработки и реализации продукта. Параллельно с этим приоритетным направлением должна проводиться политика, направленная на изменения в правовой базе энергетической сферы. Здесь стоит отметить, что доработка необходима как для сферы разведывания, добычи, переработки и транспортировки ресурсов и сырья, так и для сферы предпринимательства.

Несмотря на кризисную ситуацию в мировой экономике и проблемное положение энергетического комплекса, в сложившейся ситуации важным и положительным моментом является повышение оптимизма (пусть и умеренного) среди международных инвесторов в энергетическую сферу, о чем, например, свидетельствует опрос американского инвестиционного банка Merrill Lynch¹. Растет инвестиционная активность в связи с тем, что большая часть инвесторов не верят в возможность новой кризисной волны.

Для текущего положения дел очень важна политика государства, как в вышеописанных сферах, так и в кредитно-денежном взаимодействии. При смягчении государственной политики и удешевлении кредитов государство сделает отечественный нефтегазовый сектор более привлекательным для инвесторов.

Можно сделать вывод о том, что основным условием для развития нефтегазового сектора является необходимость комплексного решения проблем нефтегазовой сферы государством. Такие действия будут способствовать повышению эффективности работы нефтегазового сектора, а также приведут к улучшению качества сырьевой базы, что в свою очередь повлечет за собой возрастание привлекательности сектора для иностранных инвесторов.

Библиография

1. *Кара-Мурза С. Г.* Матрица «Россия». — М.: Алгоритм-Книга, 2007. — 319 с.
2. *Лоран Э.* Нефть: ложь, тайны, махинации. — М.: Столица-Принт, 2007. — 432 с.
3. *Симонов К. В.* Экономическая сверхдержава. — М.: Издательство «Алгоритм», 2006. — 272 с.
4. *Симонов К. В.* Глобальная энергетическая война. — М.: Издательство «Алгоритм», 2007. — 272 с.
5. Энергетический кризис в капиталистическом мире / Под ред. Примакова Е. М. — М.: Мысль, 1975. — 478 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. — 2000. — 11 июля (№ 133).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 № Пр-1440): [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. [2008]. URL: <http://www.rg.ru/2008/05/26/koncepciya-dok/> (дата обращения: 27.06.2009).

¹ Merrill Linch — financial management and advisory : [сайт]. URL: <http://www.ml.com/>

8. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 24 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
 9. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2003 № 1234-р (ред. от 15.06.2009) «Об энергетической стратегии России на период до 2020 года».
 10. Нефтяное обозрение (oilru.com) : [сайт]. URL: <http://www.oilru.com/>
 11. RusEnergy.com : [сайт]. URL: <http://www.rusenergy.com/>
 12. ИД «Нефть и Капитал» : [сайт]. URL: <http://www.oilcapital.ru/>
 13. Merrill Lynch : [сайт]. URL: <http://www.ml.com/>
-

Мария Александровна Иванова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Сити-менеджер в муниципальном образовании — профессиональный управленец или лобби губернатора?

Аннотация

Новый закон о местном самоуправлении 2003 года позволил выбирать систему избрания главы муниципального образования: традиционно, путем всенародных выборов, или из числа депутатов местного парламента. Во втором случае избранный депутатами глава таковым является номинально, в действительности же управляет муниципальным образованием и распоряжается его бюджетом нанятый сити-менеджер.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные выборы, сити-менеджер.

Местное самоуправление является одной из основ любого демократического строя. Именно на муниципальном уровне реализуется право каждого участвовать в управлении делами — в данном случае, делами местной жизни.

Важная роль в процессе становления местного самоуправления как демократического института принадлежит муниципальным выборам. В муниципальных образованиях местные выборы являются самой близкой гражданам формой непосредственной демократии, каналом влияния населения на муниципальную власть. В связи с этим, институт муниципальных выборов приобретает особую значимость как наиболее часто используемая форма прямого народовластия при осуществлении местного самоуправления.

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации мест-

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Татьяна Алексеевна Штукина**.

ного самоуправления в Российской Федерации», принятый в 2003 году, позволяет выбирать депутатов в местные законодательные органы, а также глав муниципальных образований. Законодатели на местах сами определяют, по какой системе проводить выборы в парламент, — мажоритарной, пропорциональной или смешанной.

Закон 2003 года позволяет также решать, по какой схеме будет выбран руководитель муниципального образования. Он может избираться гражданами непосредственно на муниципальных выборах, либо из числа депутатов представительного органа МСУ. В обоих случаях глава является высшим должностным лицом муниципального образования. Но, в первом случае, он совмещает должности главы как муниципального образования, так и местной администрации. Во втором случае, он исполняет полномочия Председателя законодательного органа, а функции главы местной администрации выполняет нанятый по контракту сити-менеджер.

Закон № 131-ФЗ определил, что местный Совет выступает с законодательными инициативами, идеями и планами развития, а исполняет его задумки всенародно избранный мэр, либо нанятый по контракту сити-менеджер. В новой модели управления за разработку и утверждение идеи отвечают депутаты во главе с мэром-председателем, а за исполнение — управляющий хозяйством сити-менеджер. Депутаты являются, прежде всего, политиками, над ними довлеет бремя следующих выборов. Большинство их работает не на постоянной основе, поэтому профессионально руководить территорией они не всегда готовы. Для этого нанимается сити-менеджер, имеющий соответствующую квалификацию, способный реализовать планы, разработанные местным парламентом.

Само избрание сити-менеджера осуществляется конкурсной комиссией, состоящей из представителей местной администрации и законодательного органа, а также региональных властей и губернатора. Для губернатора важно предложить «своего человека» на место сити-менеджера, тем более, если у него есть разногласия с главой муниципального образования.

Данный вопрос имеет принципиальное значение в связи с изменениями, касающимися муниципальной собственности. В соответствии с законом № 131-ФЗ органы МСУ должны распродать или репрофилировать «непредусмотренное имущество». Распоряжается им администрация. Её возглавляет либо всенародно избранный мэр, чья отставка вызовет непонимание у общественности; либо избранный при участии губернатора сити-менеджер, чьи полномочия может прекратить созданная двухсторонняя комиссия.

Закон № 131-ФЗ запрещает одновременно руководить исполнительным и представительным органами. Сити-менеджер руководит администрацией и возглавляет исполнительную власть. Глава муниципального образования является высшим должностным лицом и исполняет полномочия председателя местного представительного органа. Он руководит законодательной властью, а главой исполнительной власти является только номинально.

Всенародно избранными мэрами становятся зачастую лица, проводящие

своекорыстную политику. Внедрение должности сити-менеджера позволяет разрешить вопрос в пользу центра региона, избрав проверенного со всех точек зрения управленца, в том числе, в части его возможного криминального прошлого, чем, к сожалению, «грешат» иногда всенародно избранные представители, используя различные популистские приемы.

Современная политическая реальность демонстрирует, что большинство мест на муниципальных выборах в советы депутатов получает «Единая Россия». Председателем закономерно становится представитель той же партии. В условиях, когда мэр-председатель совета и губернатор являются членами партии «Единая Россия», разногласий между исполнительной властью и центром региона не возникает. Внедрение схемы с сити-менеджером фактически отменяет всенародные выборы главы администрации, тем самым, укрепляя вертикаль исполнительной власти.

Опыт внедрения модели управления с сити-менеджером показывает, что у нее есть свои достоинства и недостатки. С одной стороны, институт сити-менеджера позволяет передать управление хозяйством муниципального образования профессионалу в этой области. С другой стороны, массовое назначение сити-менеджеров в муниципальные образования может привести к ситуации, когда в региональные центры найдут самых лучших управленцев, а мелкие города и поселения в условиях дефицита хороших кадров останутся без профессионального руководства.

Решающую роль в назначении сити-менеджера играет губернатор, заинтересованный в подконтрольности и управляемости муниципального образования. Государственной власти вести контроль через назначение проще и удобнее, чем через выборы. В первом случае вопрос необходимо согласовать с конкурсной комиссией, во втором — убедить избирателей в своей компетентности. При перепрофилировании муниципального имущества губернаторам особенно важно следить за исполнением законодательства.

Избранный сити-менеджер становится своеобразным продолжением вертикали исполнительной государственной власти, тем самым, укрепляя ее. Возможность замены прямых выборов главы муниципального образования назначением сити-менеджера схожа с отменой выборности губернаторов. Наделенные полномочиями по новому Закону губернаторы представляются «надежнее» народных избранников. Нанятый комиссией и соответствующим представительным органом МСУ сити-менеджер считается профессиональнее избранного гражданами политика.

Библиография

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 07.05.2009) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003). [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт]. [2009]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=87601> (дата обращения: 12.07.2009).

2. *Фимиогли Е. С.* Муниципальные выборы в механизме формирования публичной власти в Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. — М., 2008. — 27 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://map-academia.ru/avtoref/fimiogli1.doc> (дата обращения: 12.07.2009).
 3. *Жулякова Е. В.* О чем мечтает сити-менеджер // Босс. — 2006. — № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bossmag.ru/view.php?id=2698> (дата обращения: 12.07.2009).
 4. *Сеньшин Е. А.* Город взят // «Эксперт-Урал». — 2005. — № 16 (24 апреля). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expert-ural.com/1-239-3043> (дата обращения: 12.07.2009).
-

Валерий Иванович Коваленко

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

«Вертикаль власти в России»: исторические измерения и основания

Аннотация

В статье выявляются пружины развития российской государственности, специфика взаимодействия Центра и регионов на Руси и в России. Основной методологический посыл автора — анализ проблемы в аспекте принципов и механизмов взаимодействия непреложной логики общеисторических императивов и требований отечественной политической традиции. Раскрываются историческая обусловленность жесткой политической централизации в стране, ее возможности и пределы. Определяются параметры развития России в контексте задач совершенствования федеративных отношений, развития гражданского общества в стране.

Ключевые слова: отечественная политическая традиция, политическая централизация, Центр и регионы.

Российское государство в своем историческом движении, несомненно, подчинено тем закономерностям и принципам государственного развития, которые проявили себя повсюду в мире. Вместе с тем, вспоминаются слова Л. А. Тихомирова: «Нельзя стройно и прочно устроить жизнь нации в противность качеству материала, из которого мы строим, — подобно тому, как в постройке архитектурной материал предопределяет все: и способы достижения прочности, и доставление удобства помещений, и формы красоты стиля. Из камня строим иначе, чем из дерева, из железа иначе, чем из камня. Таким

материалом в политике и социологии является дух нации, сложившийся в процессе образования ее, под влиянием расы, истории, способов существования и т. д.»¹.

Как бы то ни было, в российской истории мы можем выделить целый ряд постоянно действующих факторов, обусловивших значительную специфику отечественной государственности. В их числе — характерная для России пространственная и геополитическая ситуация, особая роль государства в регулировании социальных отношений и организации территориального пространства. Огромная протяженность страны, отсутствие естественных географических границ формировали определенные, достаточно стойкие стереотипы политико-экономического и социально-психологического порядка.

Применительно к характеристике пружин российской политической истории нам важно выделить следующие обстоятельства. «Великорусское племя, — писал В. О. Ключевский, — не только известный этнографический состав, но и своеобразный экономический строй, и даже особый национальный характер, и природа страны много поработала и над этим строем и над этим характером»². Равнинный характер местности, сочетание леса и степи, отсутствие перенаселенности в течение многих веков, земельной тесноты — все это существенным образом влияло на расселение населения, на складывающиеся стратегические ситуации, на возможность колонизации новых земель, формы управления ими. В стране укоренились экстенсивные методы хозяйствования, противостоящие модернизационным импульсам любого рода, и инициативу в осуществлении инновационных проектов неизменно и всегда было вынуждено брать на себя правительство. Громадное значение при этом имели геополитические обстоятельства.

Россия в течение всей своей многовековой истории жила в режиме сверхвысокого давления извне, давления, которое в Европе (за исключением, может быть, Испании) прослеживается в значительно меньшей степени и которого Америка, к примеру, практически вообще не ощущала. По подсчетам русского историка В. О. Ключевского, великорусская народность в период своего формирования за 234 года (1228–1462 гг.) вынесла 160 внешних войн. И позднее, в XVI веке, Московия, ни на год не прерывая борьбы против татарских орд на южных, юго-восточных и восточных границах, воюет на севере и северо-западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, в XVII веке она воюет 48 лет, в XVIII — 56 лет³. Так или иначе, в течение многих веков Россия клинком доказывала свое право на жизнь и развитие.

Уступая по своему военно-экономическому потенциалу соседям, Моск-

¹ Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России. Статьи 1909, 1910, 1911 гг. — М.: Типография В. М. Саблина, 1912. — С. 1–2.

² Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. — М.: Изд-во «Мысль», 1987. — С. 310.

³ Нестеров Ф. Ф. Связь времен. — М.: Молодая гвардия, 1987. — С. 14.

ва, постепенно объединявшая русские земли, искала ответ на внешние и внутренние вызовы, и она нашла его, энергично утверждая принципы централизации, концентрации власти. Была создана особая служилая система, при которой каждый слой общества (сословие) имел право на существование лишь постольку, поскольку нес определенный круг повинностей, или, по терминологии того времени, «службы» или «тягла». Специфическими характеристиками утверждающейся российской государственности стали, прежде всего, мобилизационный тип развития, высочайшая политическая дисциплина¹, необычайный уровень политической централизации.

Обратим внимание на точку отсчета возвышения Москвы. На Руси — это эпоха полной феодальной раздробленности, поддерживаемой извне Золотой Ордой, которая постоянно натравливала русских князей друг на друга, стремясь не допустить усиления любого из них. Естественно, что политика Москвы осуществлялась в прямо противоположном направлении, имея целью сосредоточение максимума возможной в конкретных условиях политической централизации. Ф. Энгельс совершенно правильно отмечал, что в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига. Централизация соответствовала историческим потребностям страны и неудивительно, что в целом она встречала поддержку всех социальных слоев русского народа — от истерзанных междоусобными распрями и набегами иноземцев крестьян до феодального боярства, уходившего от удельных князей на службу московскому государю. Безусловно, этот процесс проходил совсем не просто: были и бунты, и дворцовые интриги и заговоры, но амплитуда центробежных колебаний в стране была все же неизмеримо короче, чем где бы то ни было. Высшие интересы государства заставляли русское общество соблюдать лояльность по отношению к центру — Москве.

Первой внутренней политической задачей, осознаваемой московским правительством, стала поэтому ломка удельной системы. Не случайно, в исторической науке существует авторитетная точка зрения, согласно которой опричнина Ивана Грозного была нацелена не столько на подавление боярского своеволия, сколько на окончательное искоренение удельных структур. Даже новгородский погром, хотя и осуществленный в крайне жестких, можно даже сказать, варварских формах, в такой логике вполне укладывается в политику, объективно направленную против пережитков удельного време-

¹ Воспользуемся только одним примером. На Западе продолжительность военной службы вассала была определена достаточно четко. Так, в Англии XIII века ее срок составлял от 21 до 40 дней в году, более того в некоторых районах существовал обычай, по которому рыцарь брал с собою в поход свинной окорок, с последним куском которого истекал срок и его службы. Ополчение Московской Руси служило бессрочно. Конечно, и оно находилось в зависимости от взятого провианта, запаса вооружения и т. д., но в любом случае вопрос о том, когда и сколько сидеть в седле, решался только в Кремле. Ослушники, даже на несколько дней самовольно покидавшие ряды войска, беспощадно карались

ни¹.

Выражая исторические потребности борьбы народа за свое существование, за национальную независимость, за решение насущных задач экономического развития, эта политика не могла не сопровождаться крайне существенными издержками. «Необходимость централизации, — писал А. И. Герцен, — была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства... События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценою? Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни»².

Оставим в стороне вопрос о том, что, конечно же, политическая централизация не означала полной унификации даже на сугубо русских территориях, что Московская Русь, позже — империя, сохраняла многочисленные следы прежней автономии отдельных земель, имела отличия в системе местного управления и самоуправления, что это тем более проявляло себя в характеристиках национально-государственного устройства, особенностях имперского пути развития России. В любом случае, доминирующая (временами — подавляющая) роль Центра оставалась ведущей тенденцией российской государственности.

Выступая, по выражению С. М. Соловьева, «хирургической повязкой на больном члене», централизация, вместе с тем, в ее сложившейся исторической форме не могла не гасить вечевых традиций, препятствовала реализации возможности политического развития по пути городов-республик, наподобие Новгорода или Пскова. Вольница казачьего круга или движение раскола тем более не могли не восприниматься как антигосударственные по своей природе явления. И хотя тенденция к тотальному огосударствлению так никогда и не смогла снизить до предела роли местных учреждений, начал самоуправления на Руси и в России (что, так или иначе, осознавалось центральным правительством: реформы Екатерины II, федералистские проекты Александра I), оптимального решения проблемы взаимоотношения центра и регионов в стране так и не было найдено.

Более того, в России со временем начинает все более последовательно проводиться линия не просто на унификацию политико-административных структур, но и на вытеснение в государственной политике значимых региональных (тем более национальных) социокультурных компонентов.

¹ Можно назвать традицию, согласно которой наместниками в Новгород назначали людей только с княжескими титулами (как бы новгородских князей), что эти наместники имели к тому же право самостоятельных сношений с некоторыми иностранными государствами. Особым было и положение новгородского архиепископа. Он, например, единственный из архиепископов и епископов носил белый, а не черный клобук. Белый же клобук был знаком митрополичьего достоинства (Кобрин В. Б. Иван Грозный. — М.: Моск. рабочий, 1989. — С. 115).

² Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. — М.: Академия наук СССР, 1956. — С. 403–404.

Объективные процессы экспансии индустриально-капиталистических форм организации экономики, ведущие к разрушению традиционных устоев жизни, бюрократическая верхушка использовала как более органичную для себя форму нивелирования процесса управления; на окраинах империи все более четко стало проявляться тяготение администрации к переходу к прямым методам управления, игнорированию местной специфики и традиций, существующих социально-политических институтов.

Такого положения не исправили и две крупные реформы (земская и городская), осуществленные правительством Александра II. Так, несмотря на довольно обширные полученные полномочия, возможности земских учреждений остались достаточно ограниченными. Они не обладали, в частности, принудительной властью, то есть, их решения и указы для приведения их в исполнение должны были подкрепляться решениями администрации и полиции. Об участии в политической власти речь вообще не шла, как практически не ставился и вопрос о преобразовании земства в инструмент утверждения федеративных отношений в стране.

И к 1917 году не только не были созданы основания для демократизации власти и управления, но и не был выработан четкий курс в отношении параметров дальнейшего государственного строительства. «Слишком велик, — как отмечал М. Хильдемайер, — был разрыв между центром и периферией. Процессы, протекавшие в провинции, не находили продолжения в центре империи и, когда «крыша» рассыпалась вслед за крушением монархии в феврале 1917 г., страну охватили хаос и гражданская война. В России не существовало федералистской традиции, которая бы обеспечивала механизм равновесия между различными регионами»¹. С этими больными вопросами Россия и вошла в новую — революционную — эпоху.

Не были эти вопросы решены и в советский период российской истории. Официальная идеология декларировала, что в Советском Союзе осуществлено соединение принципов «демократического централизма» с принципами социалистического федерализма, а это позволило полностью решить национальный вопрос, обеспечить суверенные права всех наций и одновременно согласованность и единство действий всех звеньев государственного механизма на всей территории страны. Бюрократическая сверхцентрализация принятия решений в СССР привела к тому, что коллективные права на суверенитет и самоуправление в Советском Союзе не были обеспечены, местная специфика Центром зачастую игнорировалась.

Аутентичные федеративные связи и отношения так и не были сформированы, и единство государства в первую очередь определялось характером КПСС, которая со временем все больше демонстрировала свои атрибуты не политической партии в классическом понимании, но «партии-государства». Понятно поэтому, что ослабление правящей партии объективно разрушало и

¹ Хильдемайер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperio*. — 2002. — № 1. — С. 93.

скрепы советской государственности. Не случайно, что отмена 6 статьи Конституции, где закреплялась руководящая и направляющая роль КПСС в политической системе общества, в значительной степени стимулировала и центробежные тенденции в стране в период «перестройки».

После распада СССР Россия в течение долгого времени сохраняла инерцию распада. Напомню, что в политическом классе имели хождение идеи о целесообразности разделения страны на 35–40 образований. Начала государственности попросту оплевывались, что, кстати, с моей точки зрения, стало одной из важнейших причин краха радикальной либеральной парадигмы. Поэтому подъем государствообразующих ценностей явился не просто закономерным поворотом в политике и в общественных ожиданиях, но и был столь же плодотворным для нашей страны, как и в период ломки удельной системы или преодоления Смуты.

Первое Послание Президента РФ Федеральному Собранию в новом веке началось, как известно, буквально с гимна идее сильной государственности. Последующие действия по выстраиванию «вертикали власти» шли именно в русле данного посыла. И это спасло единство страны и государства, и уже не в первый раз, как показывает историческая практика. Не случайной была и та беспрецедентная для новейшего времени поддержка этого курса со стороны подавляющих масс населения.

В современной политологии есть, однако, понятия, которые на сегодня обладают своим мощным эвристическим звучанием. Это, в частности, политическое пространство и политическое время. И если категория политического пространства в контексте отечественной политической традиции свидетельствует о жизнестойкости централизующего начала, то категория политического времени — и о необходимости постоянной оптимизации всей системы отношений между центральными властями и регионами, местным уровнем власти вообще, их потребностями и возможностями.

Обозначим еще раз свою позицию. Концепт сильного государства должен сохранять свое безусловное значение. Признавая позитивность такого процесса, как, к примеру, регионализация, не могу не высказать тревоги в отношении проскальзываемых подчас ноток о целесообразности включения регионов в число субъектов международного права, «выламывания» их из общенациональной системы государственной политики.

В то же время, нужно очень хорошо понимать, что в условиях резкой динамики политического процесса у нас нет солидного временного резерва для корректировки политического курса по принципу «маятника». Сильное государство должно восприниматься в его современных выражениях. Его основания сегодня — не только в укреплении позиций Центра, государственных структур вообще, но и в одновременном эшелонировании себя в сильной социальной политике, развитии гражданского общества, нарастающей поддержке инициатив, идущих с мест. Уроки отечественной традиции свидетельствуют, в частности, и о том, что нарушение баланса между Центром и регионами неизменно и всегда оборачивалось ростом дестабилизи-

рующих, взрывных начал. Проблемы оптимизации территориальной организации, распределения властных и экономических ресурсов не могут, поэтому, не выступать одной из самых важнейших задач российской политической науки.

Библиография

1. *Бахлов И. В.* От империи к федерации. Историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. — Саранск: Издательство Мордовского университета, 2004. — 652 с.
2. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: УРСС, 2004. — 349 с.
3. *Кастэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 318 с.
4. Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений. — СПб: Издательство СПбГУ, 2008. — 304 с.
5. Территориально-политическое устройство российского государства: от прошлого к будущему : материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 3 апреля 2008 года. — М.: РАГС, 2008. — 341 с.
6. *Фарукишин М. Х.* Сравнительный федерализм. — Казань: Издательство Казанского университета, 2003. — 282 с.

Денис Афизиуллаевич Курайши

Стажер кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Исламский фактор в политических процессах республик Северного Кавказа

Аннотация

Исследования, ситуации в республиках Северного Кавказа на предмет выявления воздействия исламского фактора на политические процессы.

Ключевые слова: ислам, политический процесс, Северный Кавказа, терроризм, сепаратизм, экстремизм, радикализм.

При исследовании воздействия исламского фактора на политические процессы в республиках Северного Кавказа, необходимо, прежде всего, обратить внимание на ряд общих моментов.

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова.**

Анализ современных политических процессов в республиках этого региона, воздействие на них исламского фактора необходимо увязывать с анализом как общефедеральных, так и региональных процессов и их тенденций. Вместе с тем нельзя не учитывать и происходящие в мире процессы глобализации, которые оказывают существенное влияние на этнонациональные и конфессиональные процессы в мире и на данной территории.

В исследовании специфики политических процессов на Северном Кавказе необходимо исходить из того, что эти процессы связаны с развитием всего общества в целом, представляя его отдельные стороны. В методологическом плане это означает необходимость рассмотрения всех сторон общественной жизни: экономической, политической, духовно-нравственной, религиозной и идеологической. Важно также иметь в виду, что анализ эволюции политических процессов в республиках Северного Кавказа в современный период российской государственности нельзя отрывать от исторических предпосылок. Как справедливо отмечает В. И. Коваленко, в период «социально-политического ренессанса» Российской Федерации назрела реальная необходимость задуматься над тем, «как осуществлялись крупномасштабные реформы в нашей стране, а именно те из них, которые обозначали собой заметные отходы от традиционалистских оснований общественной жизни»¹.

Сложность политических, конфессиональных, территориальных отношений, противоборство геополитических интересов позволяет прийти к выводу о повышенной степени конфликтогенности северокавказского региона, что значительно влияет на происходящие там политические процессы.

Современные политические процессы в республиках Северного Кавказа необходимо рассматривать с учетом специфики генезиса политических концепций религиозного радикализма и терроризма в условиях Юга России. Кавказское общество, несмотря на общемировые тенденции глобализации и «вестернизации», продолжает сохранять ряд сущностных характеристик.

В России особая активность исламских радикалов стала отмечаться в конце 1980-х — начале 1990-х годов в республиках Северного Кавказа, где проповедовались идеи всеобщей исламизации жизни людей. В эти годы наблюдался рост числа приверженцев исламского радикализма в форме ваххабизма, особенно в Чечне и Дагестане, их стремление подчинить своему влиянию официальные культовые учреждения, а также противопоставить верующих официальным органам власти. Создавались религиозно-политические структуры и вооруженные формирования, укреплялись контакты с руководителями экстремистских движений как внутри страны, так и за ее пределами.

Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, по нашему мнению, заключается в сращивании на ос-

¹ Коваленко В. И. Проблемы трансформации демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 2007. — № 2. — С 9.

нове идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными экстремистскими структурами. При анализе этого феномена необходимо учитывать этнокультурные, этнопсихологические, этноконфессиональные особенности, элементы политической культуры горских народов Кавказа, механизмы их синтеза, используемые в деятельности террористических групп.

Роль ислама в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа с каждым годом усиливается, соответственно увеличивается политическое влияние традиционных исламских институтов. Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что ислам не стал консолидирующим фактором для северокавказцев, среди которых по-прежнему преобладающим является фактор этнической и общинной принадлежности, что также сыграло свою роль в развитии и эскалации очагов напряженности. Взаимосвязь этнического и религиозного факторов способствовала тому, что в ходе многочисленных конфликтов ислам на Северном Кавказе используется для упрочения своих позиций и усиления политического влияния различными политическими (в том числе сепаратистскими и другими деструктивными) силами.

Библиография

1. *Абдулатипов Р. Г.* Историческая многонациональность в России: политика, мораль, управление. — М.: Слав. диалог, 1999. — 62 с.
2. *Авцинова Г. И.* Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 1995. — № 3.
3. *Акаев В. Х., Магомедов С. С.* Суфийские братства в Чечне, их взаимоотношения и участие в современной общественно-политической жизни // Научная мысль Кавказа. — 1996. — № 3.
4. *Акжиева С. И.* Международная конференция «Ислам — религия мира» // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 1999. — № 28.
5. *Журавлев И. В., Мельков С. А., Шеринев Л. И.* Путь воинов Аллаха: Ислам и политика России. — М.: Вече, 2004. — 383 с.
6. *Кепель Ж.* Джихад: Экспансия и закат исламизма / Перевод с франц. В. Ф. Денисова. — М.: Ладомир, 2004. — 486 с.
7. *Коваленко В. И.* Проблемы трансформации демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки. — 2007. — № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.msu.ru/pub/Vestnik/2007/2f.zip> (дата обращения: 13.07.2009).
8. *Медведко Л. И.* Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? / Медведко Л. И. — Жуковский; М.: Кучково поле, 2003. — 512 с.
9. Политический терроризм и религиозный экстремизм в советской России. Северный Кавказ / Брусницын Ю. А., Вакула И. М., Мидова В. Н. и др. — Ростов на Дону: РЮИ МВД России, 2002. — 99 с.

Екатерина Юрьевна Носкова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

От «партии власти» к «партии большинства»: этапы эволюции «партии власти»

Аннотация

В статье рассматривается онтогенез и становление отечественной партийной системы, которую, по мнению автора, можно представить как поэтапный эволюционный процесс, в результате которого «партия власти» (а на протяжении отечественной электоральной истории таких партий было несколько, начиная от «Выбора России» и заканчивая «Единой Россией») трансформируется в «партию большинства».

Ключевые слова: партийная система, «партия власти», «доминантная партия», «партия большинства».

Для характеристики российской партийной системы в политическом анализе часто используют такие категории как «партия власти», «доминантная партия» и «партия большинства».

Понятие «*партия власти*» прочно закрепилось в российском политическом процессе, войдя в обиход в 1993 г., однако до сих пор в отечественной политической науке нет единства в толковании данного феномена. В целом, можно выделить **три трактовки** «партии власти»: во-первых, её отождествляют с новой российской политической элитой; во-вторых, это объединения партийного и движенческого типа, непосредственно создаваемые элитой и играющие роль главного выразителя ее интересов; в-третьих, это совокупность различных групп властвующей элиты, активно действующих в сфере публичной политики в качестве самостоятельных субъектов политического действия.

Категория «*доминантная партия*» носит во многом инструментальное определение: партия становится доминантной при достижении определённого уровня электоральной поддержки (С. В. Устименко и А. Ф. Иванов определили этот уровень между 30 и 40% голосов избирателей).

Наконец, существует понятие «*партии большинства*». Данным термином обозначаются партии, которые полностью поддерживают проводимый президентом и его правительством курс и располагают большинством в парламенте.

Попытаемся выделить основные этапы эволюционирования «партий власти» в российском политическом процессе.

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Андрей Юрьевич Шутков**.

Первый этап можно условно назвать этапом создания и развития «пропартий власти» (1991–1995 гг.). Оценивая данный этап, следует отметить наиболее характерные его черты. Во-первых, это фрагментированность федеральных и региональных политических элит, их неспособность консолидироваться на выборах в рамках одной партии. Во-вторых, «партии власти» в ходе избирательных кампаний боролись не за победу с оппозиционными партиями, а между собой: «Демократический выбор России» соперничал с ПРЕС в 1993 г., а в 1995 г НДР противостояли Конгресс русских общин, «Блок Ивана Рыбкина» и другие более мелкие избирательные объединения, лоббировавшие интересы различных групп внутри властвующей элиты. В-третьих, создаваемые «партии власти», в силу своей многочисленности и отсутствия консолидации, изначально не имели поддержки со стороны президента и не могли претендовать на статус ни «доминантной партии», ни «партии большинства».

Второй этап развития российских «партий власти» (1996–1999 гг.) — переходный. Уже в ходе президентской избирательной кампании 1996 г. «партиям власти» удалось провести эффективную мобилизацию своих рядов и заручиться поддержкой значительных слоев населения.

Ключевым этапом в процессе эволюционирования «партии власти» стала парламентская избирательная кампания 1999 г. В борьбе сошлись три вида «партий власти»: старая «партия власти» НДР, утратившая свой статус и получившая на выборах 1,19%; «партия власти» настоящего — избирательный блок «Отечество — вся Россия» (ОВР) (13,33%); и «партия власти» будущего — избирательный блок «Единство», набравший 23,32% и уступивший КПРФ менее процента (24,29%). Таким образом, кампания 1999 года продемонстрировала: у «партии власти» как у института в условиях российской политической системы есть определенные возможности для развития, и «партию власти» можно успешно строить только при непосредственном участии высшего эшелона федеральной власти.

Третий этап (2000–2003 гг.) — период перехода «партии власти» в разряд «доминантной партии». Особенностью данного этапа стало пересечение и взаимопроникновение двух важных процессов: 1) усиления государственной власти и 2) развитие государственного партостроительства, затронувшего не только политические партии, но и всю избирательную систему. Для реализации этой цели в 2001 г. был принят первый в истории России специальный закон «О политических партиях». Он запретил деятельность региональных политических партий, что открыло перед федеральной «партией власти» перспективу превращения во всероссийскую партийную вертикаль путем их поглощения.

Думские выборы 2003 г. показали, что направление усиления «партии власти» было избрано правильно: «Единая Россия», выросшая на базе «Единства», одержала убедительную победу, набрав 37,56% голосов.

Четвёртый этап эволюции «партии власти» (начиная с 2004 г. по настоящее время) ознаменовался достижением главной цели — «партия вла-

сти» стала «партией большинства». Важной мерой, способствующей укреплению позиции «партии власти», было вступление в силу в 2003–2005 гг. нового федерального законодательства о выборах и политических партиях (отмена порога явки на выборы и графы «против всех», повышение заградительного барьера до 7%, переход на федеральном уровне к пропорциональной системе избрания депутатов). Немаловажным условием стало согласие Президента РФ В. В. Путина возглавить избирательный список «Единой России».

Кульминацией этапа стала избирательная кампания 2007 г., завершившаяся убедительным разгромом оппозиции и победой «партии власти», набравшей 64,30% и получившей в Думе конституционное большинство.

Однако, несмотря на усиление роли «партии власти» в Госдуме, сегодня она не имеет реальных «рычагов влияния» на исполнительную власть, что делает её положение неустойчивым. В этой связи можно предположить как минимум два варианта развития событий. Первый — основной задачей «партии власти» станет сохранение нынешнего status quo «партии большинства» на продолжительное время (10–15 лет), при этом она становится исключительным инструментом власти, занимая по отношению к ней подчинённое положение. Второй вариант — «правящая партия» вновь продолжит процесс своей эволюции и станет «партией большинства» лучшего образца западных демократий, получив доступ в исполнительную власть на правах победителя (например, право формировать правительство). Однако для этого придётся внести в Конституцию ряд изменений и практически перейти от нынешней суперпрезидентской к президентско-парламентской республике.

По какому из возможных путей пойдёт дальнейшее развитие «партии власти» в России покажет время, но наиболее приближённым к реальности нам пока видится первый вариант.

Библиография

1. *Гельман В. Я.* От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трасформация российской партийной системы) // *Общественные науки и современность.* — 2006. — № 1. — С. 46–58.
2. *Голосов Г. В., Лихтенштейн А. В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // *Политические исследования.* — 2001. — № 1. — С. 6–14.
3. *Мухаметов Р. С.* Феномен «партий власти» в современной России: теоретический аспект // *Без темы.* — 2006. — № 2. — С. 120–123.
4. *Рябов А. В.* «Партия власти» в политической системе современной России // *Формирование партийно-политической системы в России / Под ред. Макфола М., Маркова С. А. и Рябова А. В.* — М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. — С. 80–96.
5. *Устименко С. В., Иванов А. Ф.* Российская многопартийность и место «партии власти» в партийной системе // *Власть.* — 2005. — № 4. — С. 22–29.

Юлия Владимировна Порутенко

Аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Социально-политическое измерение института суда присяжных в современной России

Аннотация

1 ноября 1993 года в Российской Федерации была проведена судебная реформа, результатом которой стало возрождение суда присяжных. Причиной введения института присяжных являются сложные социально-политические процессы, происходившие в России после распада СССР. Статья посвящена социально-политическим аспектам деятельности российского жюри.

Ключевые слова: суд присяжных заседателей, социальная власть, государственная власть, функция, гражданская культура.

Возрождение института суда присяжных заседателей в современной России связывают со сложными социально-политическими процессами, происходящими в обществе².

С распадом СССР, ознаменовавшим конец практики внутреннего регулирования и конец корпоративного функционирования государства, начинается постепенная автономизация правосудия. Когда юстиция была всего лишь орудием политической власти или обычая, от нее ждали подтверждения деяний власти: она должна была санкционировать и придавать статус нравственности многим политическим решениям, в том числе и репрессиям. С дискредитацией мировоззренческих систем, господствовавших в советском обществе на протяжении долгого времени, именно с правосудием стали связываться надежды на восполнение образовавшегося вакуума. Право — как в области прав человека, так и в сфере судопроизводства — становится одной из главных референций политической деятельности. Участие в правосудии дает гражданам более широкие возможности для индивидуальных, целеустремленных и последовательных действий, чем классическое политическое представительство, прерывистое и удаленное.

На волне подобных изменений общественность и обращается к суду присяжных: «Отныне правосудие воплощает нейтральное публичное пространство, право — референцию политического действия, а суд присяжных — дух публичности и беспристрастности»³.

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета МГУ Татьяна Ивановна Пороховская.

² Стецовский Ю. И. Судебная власть. — М.: Дело, 1999. — С. 22.

³ Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. — М.: Nota bene, 2004. — С. 48.

В действительности полного разрыва связей между политическим миром и судом не существует нигде, и оно даже нежелательно. Проблема, скорее, в том, чтобы сделать это взаимодействие прозрачным, чего не доставало в советском обществе, что подорвало веру граждан в авторитет советского права. Идея возрождения доверия общественности к правосудию и государству в целом, возможно, заложена в самой сущности суда с участием присяжных заседателей. Способность судить — это основа нашего гражданства, — напоминает нам знаток суда присяжных Анри Леклер. Присяжные «внезапно оказались в ситуации граждан, которые задаются вопросами о справедливости и несправедливости, о смысле наказания. Есть не много мест, где очевидность демократии читается таким открытым текстом»¹.

Сущность суда с участием присяжных заседателей двояка. Как институт социальной власти суд присяжных представляет собой орган социального контроля, представляющий возможность обществу через своих представителей (присяжных) контролировать и осуществлять правосудную деятельность в интересах всего общества. Как орган государственной власти институт присяжных заседателей осуществляет защиту прав всех граждан государства путем судебного разбирательства уголовных дел в процессуальной форме.

Как социально-политический институт суд присяжных выполняет следующие функции.

1. *Социализирующая функция* — приобретение определенных правовых знаний, приобщение к правовой культуре общества: «Суд присяжных невероятным образом служит формированию суждения и увеличению естественных позиций народа. На него следует смотреть как на бесплатную школу, где каждый присяжный учится своим правам, где законы преподаются ему практическим способом и становятся достоянием его ума»².

2. *Воспитательная функция*: присяжные принимают свое решение, руководствуясь своим жизненным опытом, здравым смыслом и моральными представлениями. Исполнение обязанностей присяжного способствует нравственному воспитанию гражданина.

3. *Функция социального контроля*: благодаря правосудию с участием присяжных заседателей социальные и правовые проблемы, раскрытые в ходе судебного заседания, приобретают большую актуальность: «Институты не могут заменить нравственной работы на уровне индивида, но они ей могут помочь. Добротные институты облегчают людям нравственное поведение, а некоторые из них имеют своей задачей подмечать и выправлять моральные отклонения в поведении людей»³.

4. *Правотворческая функция*: коллегия присяжных может указывать

¹ Цит. по изданию: Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. — М.: Nota bene, 2004. — 313 с.

² Токвиль А. Демократия в Америке. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. — С. 376.

³ Сутор Б. Политическая этика // Полис (Политические исследования). — 1993. — № 1. — С. 68.

на очевидные для общественного сознания недостатки уголовного законодательства и даже на способ их устранения.

Суд присяжных как социально-политический институт возможен только в государстве, находящемся на демократическом пути развития в вопросах участия населения и управления страной, именно тогда он обретает реальную социальную базу и может эффективно функционировать. В государстве должен быть закон, определяющий, что запрещено, и гарантирующий каждому гражданину свободу, пока он не нарушит этого закона¹. Для того, чтобы судить уголовные дела, в которых часто бывают и политические оттенки, нужно иметь чувство безопасности и сознание, что свобода присяжного не подвергнется никаким посягательствам. Трудно верить, что несвободное общество может дать хороших судей. Суд присяжных, представляющий высшее проявление и духа общественности, и чувства гражданского достоинства, не может существовать в среде, где нет индивидуальной свободы: присяжные не будут иметь ни надлежащего достоинства, ни необходимой самостоятельности. Только в обществе, где есть условия для развития гражданской культуры определенного уровня и активной гражданской позиции, рядовые граждане страны могут самостоятельно вести диалог с государством в лице его профессионального судебного корпуса.

Библиография

1. *Васютинский М. С.* Присяжные заседатели и новый закон. — Одесса: Типография Л. Нитче, 1911. — 30 с.
2. *Владимиров Л. Е.* Суд присяжных условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. — М.: Издательство СГУ, 2009. — 235 с.
3. *Гарapon А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. — М.: Nota bene, 2004. — 328 с.
4. *Нарутто С. В.* Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика. — М.: Проспект, 2008. — 205 с.
5. *Стецовский Ю. И.* Судебная власть. — М.: Дело, 1999. — 400 с.
6. Суд присяжных. Судебная практика, 1994–2005 гг. — М.: Новая юстиция, 2008. — 654 с.
7. *Сутор Б.* Политическая этика // Полис (Политические исследования). — 1993. — № 1.
8. *Тисен О. Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей : теоретические и практические проблемы : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. — Оренбург, 2009. — 201 с.
9. *Токвиль А.* Демократия в Америке. — М.: Издательство «Весь Мир», 2000. — 560 с.
10. *Simon J.* La liberte politique. — Paris: Hachette et cie, 1871. — 372 p.

¹ Simon J. La liberte politique. — Paris: Hachette et cie, 1871. — P. 168.

Кирилл Олегович Телин

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Муниципальная реформа как ключевой фактор обновления политической системы Российской Федерации

Аннотация

В работе рассматривается потенциальная роль муниципальной реформы в развитии межрегиональных связей и отношений в Российской Федерации в условиях глобального экономического кризиса и рассматривается вопрос информационно-методического обеспечения процесса муниципальной реформы и ее влияния на развитие политического процесса в России в контексте модернизации отечественного федерализма. Особое внимание уделяется изучению инструментария для оптимизации процесса реализации положений муниципальной реформы. Проведен анализ информационного и организационного взаимодействия различных уровней государственной власти в сфере проведения муниципальной реформы и выработки общенациональной экономической и политической стратегии.

Ключевые слова: муниципальная реформа, информационное обеспечение, кризис, стратегия, уровни власти, дискурс, инструментарий, кооперация, консенсус, регион.

Формирование эффективно функционирующего муниципального уровня государственной власти давно является основообразующей компонентой внутренней политики российского правительства. Еще в конце 1990-х годов, когда окончательно сложилась и актуализировалась потребность в проведении реформы системы местного самоуправления, функционирующего, по самым скромным оценкам наиболее лояльных правительству экспертов, недостаточно эффективно, была поставлена задача сформировать наиболее соответствующую российским социально-экономическим условиям систему местных властей, формально выделенную из иерархии органов государственного администрирования, но при этом имеющую собственную четко определенную структуру, позволяющую наиболее эффективным образом разрешать локальные задачи государственного управления и адекватно отвечать на вызовы времени.

Тем не менее, в проведении региональной политики, тесно связанной с

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Андрей Юрьевич Шотов**.

политикой в сфере муниципальных отношений, были допущены серьезные пробелы. Не учитывая опыт реализации мер по оптимизации структуры органов местного самоуправления и лишь фрагментарно копируя второстепенные иностранные разработки (в частности, касающиеся информационного обеспечения функционирования наиболее тесно связанных с населением органов муниципальной власти), наша страна, ввиду отсутствия реальных работ в муниципалитетах большей части регионов и отсутствия адекватной материально-финансовой базы для углубления реформы, оказалась перед лицом возникновения фундаментальных политических проблем. Глобальный финансовый кризис лишь подчеркнул это состояние российской политической системы, существенно сократив объем средств, которые можно было бы направить на совершенствование и модернизацию муниципального уровня власти.

Для улучшения существующего климата взаимоотношений федеральной власти, регионов и муниципалитетов стоит упомянуть концепцию, представленную научному сообществу в ходе международной конференции в Софии доктором философии Лондонской Школы Экономики Деяном Верчичем (Университет Любляны)¹. Согласно этой концепции, связи с общественностью (в широком их понимании, касающемся скорее сферы публичной политики в целом) можно разложить на четыре обширных предметных поля, каждое из которых становится ключевым в зависимости от подхода, который реализуют конкретные органы и институты, отвечающие за публичную политику. Одной из этих областей, имеющей совершенно особую роль как во взаимоотношениях широкой общественности и органов государственной власти, так и, в принципе, в среде внутренней кооперации органов этой самой власти, является т. н. «дискурсивная область» (*discursive cluster*), связанная на ресурсе «значения» (*meaning*)². Преобладание этого предметного поля в методологическом аппарате связей с общественностью основано на публичном и всестороннем обсуждении категорий реальной публичной политики и выработке действительного консенсуса по наиболее значимым положениям актуальной политической повестки дня; одним же из наиболее значимых недостатков существующей системы местного самоуправления является недостаточная четкость в определении стратегических приоритетов государственной политики в отношении регионов и муниципалитетов.

В этом свете развитие дискурсивных взаимодействий, особенно в сфере непосредственного обеспечения информационно-методической поддержки муниципальной реформы, представляется чрезвычайно важным для успеха

¹ См.: Vercic D. Four Approaches to Public Relations: Informative, Persuasive, Relational and Reflective // *Media and Public Relations: Issues of Education and Practice* / Perv T., Zlateva M. — Sofia: Sofia University, 2002. — P. 40–46.

² См.: Cheney G., Christensen L. T. Organizational Identity: Linkages Between Internal and External Communication // *The New Handbook of Organizational Communication: Advances in Theory, Research, and Methods* / Jablin F., Putnam L. — Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. — P. 231–269.

проведения государственной политики на всей территории Российской Федерации, ведь, кроме слабого взаимопонимания, здесь существует и еще одна фундаментальная проблема — слабая методологическая составляющая процессов государственного и муниципального управления, особенно в той ее составляющей, что касается отечественных разработок.

Инструментарий, который возможно использовать в ходе модернизации системы информационного обеспечения муниципальной реформы, довольно широк. В него могут войти следующие мероприятия:

- создание единой коммуникационной системы муниципалитетов и регионов, позволяющей максимально оперативно обмениваться текущей социально-экономической информацией, что возможно использовать для улучшения ситуации с бюджетным и экономическим планированием;
- выработка реальных политически значимых решений существующими ассоциациями и объединениями муниципальных образований;
- периодическое проведение организационных и научных конференций с участием представителей всех трех уровней государственной власти в РФ, что позволит скорректировать общенациональный политический курс в отношении системы государственного и муниципального управления;
- систематизация текущих социально-политических решений со стороны как муниципалитетов, так и региональных властей, что позволит улучшить ситуацию с исполнением мер как в рамках различных федеральных программ, так и в сфере местных инициатив.

В качестве бонусов, которые получит муниципальный уровень власти от более тесной информационно-методической кооперации, можно назвать два фундаментальных для политической среды явления: во-первых, развитие политической культуры и политических отношений на местах выйдет на новый уровень, а во-вторых, на большей части территории страны начнется действительная модернизация политического дискурса, учитывающая фундаментальные и наиболее актуальные для отечественной политической практики события.

Библиография

1. *Vercic D.* Four Approaches to Public Relations: Informative, Persuasive, Relational and Reflective // *Media and Public Relations: Issues of Education and Practice* / Perv T., Zlateva M. — Sofia: Sofia University, 2002. — P. 40–46.
2. *Cheney G., Christensen L. T.* Organizational Identity: Linkages Between Internal and External Communication // *The New Handbook of Organizational Communication: Advances in Theory, Research, and Methods* / Jablin F., Putnam L. — Thousand Oaks, CA: Sage Publication, 2001. — P. 231–269.

Анна Андреевна Хлеханова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Региональный аспект изучения становления и функционирования институтов гражданского общества в России

Аннотация

В статье освещены особенности становления и функционирования институтов гражданского общества, правовое регулирование их деятельности, специфика отдельных, особо активных, институтов. Прослеживается динамика взаимодействия последних с органами государственной власти и местного самоуправления, а также основные проблемы, препятствующие их нормальному функционированию в российских регионах.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, субъекты Федерации, регионы, Общественная Палата, региональные общественные палаты.

Становление и развитие институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации происходит с разной динамикой. С одной стороны, политика содействия созданию таких институтов в ряде российских регионов не является приоритетной, с другой стороны — социальный и человеческий капитал каждого из регионов отличается неоднородностью своего состава.

Важнейшую роль в определении статуса институтов гражданского общества сыграли Федеральный закон от 19 мая 1995 года «Об общественных объединениях» и Федеральный закон от 12 января 1996 года «О некоммерческих организациях».

В 13 субъектах Российской Федерации приняты законы о взаимодействии органов государственной власти субъектов Российской Федерации и общественных объединений, некоммерческих организаций. Региональные законы о грантах приняты в девяти субъектах Российской Федерации.

В восьми субъектах России были приняты законы о социальном заказе. К настоящему моменту указанные законы остались действующими лишь в трех регионах: в Калужской, Тамбовской и Тульской областях. Отчасти это объясняется историко-культурными особенностями данных субъектов Федерации. Но, в некоторых случаях, законы, регулирующие деятельность институтов гражданского общества, не прижились из-за слабого финансирования. Законы субъектов Российской Федерации о благотворительной деятельности

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова**.

были приняты в 35 субъектах, в 15 из них к настоящему времени они утратили силу¹.

Реформирование федеративных отношений и усиливающееся влияние федерального центра на регионы способствует и будет способствовать унификации законодательства субъектов Российской Федерации, приданию ему единообразия. В данном случае имеется в виду издание в регионах законов об Общественных палатах — что произошло благодаря принятию Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»².

Анализ региональных нормативных актов, которые регулируют деятельность институтов гражданского общества, позволяет охарактеризовать имеющуюся правовую базу как *фрагментарную*. В большинстве регионов нормативная база для функционирования институтов гражданского общества развивается: появляются новые регулирующие акты, расширяется практика использования имеющихся документов.

Региональные общественные палаты, действующие на основании специального закона, и Общественная палата Российской Федерации являются самостоятельными органами. Самостоятельность в данном случае проявляется в том, что они создаются не при том или ином органе государственной власти субъекта Федерации, а действуют в соответствии с целями и задачами, провозглашенными в законе. По закону Общественные палаты выступают не просто как органы, объединяющие и координирующие деятельность общественности, но и как контрольные органы за деятельностью власти³.

Значительным скачком к укреплению статуса региональных Общественных палат было бы наделение их возможностью выхода с собственной законодательной инициативой. Это право региональная Общественная палата может реализовать посредством внесения в законодательный орган субъекта Российской Федерации проекта того или иного закона.

Наделение региональной Общественной палаты правом законодательной инициативы не превратит палату в орган, подменяющий собой законодательный орган власти региона или посягающий на право этого органа, поскольку исключительное право принятия региональных законов по-прежнему принадлежит региональному парламенту.

По направлению деятельности спектр общественных объединений в регионах довольно широк. В большинстве субъектов Федерации преобладают направления деятельности, связанные с удовлетворением социальных потребностей людей. Достаточно велика роль правозащитных организаций и

¹ Законодательное обеспечение деятельности общественных палат, взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти / Авт.-сост. Попов С. А. — М.: Издание Государственной Думы, 2006. — С. 21.

² Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 25.12.2008) «Об Общественной палате Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.03.2005).

³ Законодательное обеспечение деятельности общественных палат, взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти / Авт.-сост. Попов С. А. — М.: Издание Государственной Думы, 2006. — С. 45.

организаций, осуществляющих свою деятельность в области молодежной политики. Значительно реже направлениями деятельности региональных общественных объединений являются общественная и международная дипломатия, литературное творчество, поддержка малого бизнеса, информационная поддержка гражданских инициатив, поддержка сельского хозяйства, борьба за мир и т. д.

Большая часть региональных общественных организаций ориентирована не на «самообслуживание», т. е. не на реализацию корпоративных и личных целей членов этих организаций, а на работу с нуждающимися в помощи людьми. Необходимо заметить, что есть существенные различия в мотивах общественной деятельности членов досуговых организаций и организаций правозащитных. Первые — ориентированы на «самообслуживание», вторые — на защиту и укрепление правопорядка и прав широкого круга лиц.

Опираясь на данные Росстата, можно выявить, что большой проблемой региональных общественных объединений является отсутствие притока в них новых специалистов, что значительно снижает динамику их функционирования. Зачастую создаваемые новые общественные объединения являются теми же «старыми» по своему составу, но с новым названием.

Официальная статистика свидетельствует, что доходы «третьего сектора» в России за последние годы выросли в несколько раз. По данным аналитического обзора «Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России», проведенного исследовательской группой ЦИРКОН в 2006 году, можно выделить следующие источники доходов НКО: зарубежные организации, членские взносы, коммерческие организации, собственная хозяйственная деятельность, государственные, муниципальные организации и другие источники.

Тем не менее, «некоммерческий сектор» старается уйти от поиска средств зарубежных фондов и активно осваивает российские источники финансирования. Общественные объединения становятся более конкурентоспособными в борьбе за средства, предоставляемые различными спонсорами. Это позволяет говорить об устойчивости и большей независимости «третьего сектора» от источников финансирования. Доли бюджета НКО, получаемые от собственной предпринимательской деятельности, спонсорских, бюджетных средств и грантов различных фондов, делают невозможным давление со стороны какого-либо одного донора, что повышает роль «некоммерческого сектора» именно как сектора, отстаивающего *интересы общества и каждого конкретного гражданина.*

Подавляющее большинство общественных объединений постоянного источника доходов не имеет. С одной стороны это вносит финансовую нестабильность в работу общественных объединений, с другой стороны — заставляет объединения быть более гибкими и мобильными в поиске ресурсов для реализации проектов.

Одним из важнейших событий последних двух лет в области развития гражданского общества в России стало выделение значительных средств из

федерального бюджета на реализацию проектов общественных объединений и на укрепление их материально-технической базы.

Нужно признать, что достаточно часто имеет место прямое финансирование отдельных «особо приближенных» НКО (т. е. без конкурса). Как следствие — недовольство «отстраненных».

Общественные объединения готовы к конструктивному сотрудничеству с органами власти. Лидеры НКО ждут от власти (преимущественно региональной) приглашения к совместной разработке и реализации общественно-значимых программ. В обмен на такое сотрудничество НКО готовы демонстрировать эффективность и прозрачность своей деятельности.

Чтобы деятельность институтов гражданского общества была прозрачной и открытой для всех, необходимо ее освещение в средствах массовой информации. СМИ призваны быть одним из самых мощных инструментов влияния для общественных объединений. Но, как мы можем наблюдать, НКО редко обращаются к СМИ, а если обращаются, то в основном для того, чтобы иметь возможность отчитаться затем перед грантодателями по количеству публикаций. Сами журналисты не проявляют большого интереса к их деятельности, т. к. события общественной жизни редко привлекают внимание значительной аудитории.

Нельзя не отметить, что важнейшим фактором развития институтов гражданского общества является распространение сети Интернет. Но, к сожалению, далеко не все общественные объединения регионов имеют свободный доступ к сети и, соответственно, не получают необходимой информации о возможных источниках финансирования, о деятельности коллег из других городов, регионов России, стран мира.

Хотелось бы также отметить, что значительно осложняет задачу исследования гражданского общества в регионах неравномерное географическое покрытие территории страны деятельностью их институтов, то есть существенный дисбаланс между центром (г. Москва) и субъектами в контексте развития «третьего сектора». Это связано с укреплением «вертикали власти», в результате чего произошло усиление «центра» и снижение значимости периферии. Регионы стали в значительной степени терять свои специфические характеристики и начали заимствовать черты «центра».

Библиография

1. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. — М.: Гардарики, 2003. — 384 с.
2. Законодательное обеспечение деятельности общественных палат, взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти / Авт.-сост. Попов С. А. — М.: Издание Государственной Думы, 2006. — 151 с.
3. Кудряшова М. С. К вопросу о перспективах гражданского общества в России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 2001. — № 5. — С. 64–68.

4. *Мамсуров Т. Д.* Регионы — Центр: проблемы согласования интересов. — М.: Издательство РУДН, 2000. — 280 с.
5. *Медведев Д. А.* Россия — вперед! [Электронный ресурс] // Президент РФ : [сайт]. [2008]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 09.11.2009).
6. *Мелешикина А. С.* Региональная идентичность как фактор становления региональных политик в Российской Федерации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 1999. — № 6. — С. 48–59.
7. *Мерсиянова И. В.* Дифференциация российских регионов в контексте предпосылок формирования гражданского общества // Власть. — 2008. — № 8. — С. 9–18.
8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. [2006]. URL: <http://rg.ru/20-06/05/11/poslanie-dok.html> (дата обращения: 09.11.2009).
9. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика. — М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. — 780 с.

Мировая политика и международные отношения

Виктория Александровна Авдеева

Студентка факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета¹

НАТО как система обеспечения коллективной безопасности

Аннотация

В статье рассматривается понятие коллективной безопасности и анализируется роль НАТО в обеспечении безопасности Евро-Атлантического региона. Раскрывается тема эффективности организации Североатлантического договора в обеспечении коллективной безопасности на региональном уровне, а также характеризуется роль России во взаимоотношениях с Альянсом.

Ключевые слова: Организация Североатлантического договора, коллективная безопасность, проблема международной безопасности.

Проблема безопасности — одна из центральных в теории и практике международных и государственных деятелей. С нею, так или иначе, связан практически любой вопрос международной политики.

Коллективная безопасность — единственный путь для преодоления дилеммы безопасности, который проходит через создание и укрепление международных институтов (и, прежде всего, через укрепление и дальнейшее развитие системы ООН), дальнейшее совершенствование международного права, соблюдение общепринятых норм нравственности.

При этом понятие «коллективная безопасность», получившее политический статус еще во времена Лиги Наций (1920–1946), начиная с 1970-х гг. не только привлекает внимание исследователей, но и имеет широкое хождение в политических кругах, занятых разработкой и осуществлением стратегии международной безопасности как в обеих сверхдержавах, так и в авторитетных межправительственных (ООН, СБСЕ, НАТО, ОВД и др.), а также неправительственных (например, СИПРИ) организациях.

Коллективная безопасность — сотрудничество государств по поддержанию международного мира, предотвращению и устранению угрозы миру и, в случае необходимости, подавлению актов агрессии. Соглашение о коллективной безопасности должно включать систему мер, направленных на оказание коллективного отпора агрессору и коллективную помощь (включая военную) жертве агрессии по принципу: нападение на одного из участников договора о коллективной безопасности рассматривается как нападение на всех его участников. Организация Североатлантического договора (North

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета, профессор **Нина Владимировна Дергунова**.

Atlantic Treaty Organisation) — международная политическая и военная организация, созданная подписанием Североатлантического договора в Вашингтоне 4 апреля 1949 и включавшая в себя первоначально 12 европейских и североамериканских государств.

Целью организации является обеспечение коллективной безопасности своих членов в европейско-атлантическом регионе, нападение на одного из членов организации рассматривается как нападение на союз в целом. Согласно уставу НАТО, она открыта для вступления новых членов, способных развивать принципы договора и вносить свой вклад в коллективную безопасность.

Одной из самых важных статей Североатлантического договора является статья 5: она устанавливает, что в случае «вооружённого нападения» на одного или нескольких его участников другие члены НАТО немедленно окажут помощь стране или странам, подвергшимся «нападению». Продолжение такой политики весьма существенно для сохранения стабильности в Европе, и, в частности, именно НАТО поэтому НАТО придерживается принципа коллективной безопасности.

В Стратегической концепции Североатлантического альянса от 24 апреля 1999 года были закреплены основные положения, касающиеся обеспечения международной безопасности. Так, в статье 2 говорится о том, что НАТО успешно обеспечивала свободу своих членов и предотвращала возникновение войны в Европе на протяжении сорока лет «холодной войны». Сочетая оборону и диалог, она сыграла незаменимую роль в мирном разрешении конфронтации между Востоком и Западом. С исчезновением опасности «холодной войны» открылись многообещающие перспективы, но одновременно возникли и сложные задачи, новые возможности и факторы риска. Идет процесс становления новой, основанной на большей интеграции Европы, создается структура евро-атлантической безопасности, в которой НАТО играет главную роль. Североатлантический союз был средоточием усилий по развитию новых форм сотрудничества и взаимопонимания в Евро-Атлантическом регионе.

Что же касается отношений России и НАТО в этом плане, то Россия уже не считает НАТО «врагом». К тому же Россия на достаточно высоком уровне сотрудничает со многими европейскими странами НАТО, такими как Германия, Италия, Франция и другими.

Россия и США вместе вносят вклад в обеспечение коллективной безопасности, например, в области борьбы с терроризмом, торговлей наркотиками, распространением оружия массового уничтожения, с последствиями экологических катастроф и стихийных бедствий.

Исходя из того, что проблема международного терроризма является одной из главных угроз международной системе, необходимо строить новую систему коллективной безопасности, в которой сотрудничество между Россией и НАТО сыграет не последнюю роль. Развитие партнерства между Россией и НАТО — одна из главных целей. Но внутри альянса все еще сильны

позиции «коалиции желающих» обслуживать интересы США, и все еще слаб голос стран, стремящихся к развитию более продуктивных и взаимовыгодных отношений с Россией.

Организация Североатлантического договора зачастую ассоциируется в сознании российского общества с США, внешняя политика которых многими рассматривается как возможная угроза национальной безопасности. НАТО, по сути, служит механизмом реализации интересов США и постоянно ведет проамериканские войны. Начиная с создания НАТО в 1949 году ни одна страна не пыталась напасть на страны входящие в данную организацию. США активно вмешивается в дела других стран, союзников по блоку, и создает благоприятные условия для обогащения и усиления своей мощи за счет стран НАТО.

Но в целом натовская система коллективной безопасности имеет большой потенциал в наше время. Формальное превращение НАТО в ключевой элемент региональной системы коллективной обороны будет иметь положительные последствия и для Европы, и для самого Альянса.

Библиография

1. *Бартош А. А.* Россия–НАТО: ни эйфории, ни слепого отторжения [Электронный ресурс] // Независимая газета : [сайт]. [2008]. URL: http://www.ng.ru/politics/2008-03-28/3_kartblansh.html (дата обращения: 26.06.2009).
2. Внешняя политика. Вопросы теории и практики : материалы научного семинара / Научный редактор Цыганков П. А. — М.: Университетский Книжный дом, 2009. — 231 с.
3. *Константинов В. Ю.* Станет ли НАТО гарантом европейской безопасности? [Электронный ресурс] // Институт изучения России : [сайт]. [2008]. URL: <http://www.ii-rus.com/comentariyi/157/> (дата обращения: 26.06.2009).
4. Международные отношения. Теории, конфликты, организации : учебное пособие для студентов вузов / Под редакцией Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М, 2004. — 280 с.
5. Мировая политика. Новые проблемы и направления / Под ред. Лебедевой М. М. — М.: МГИМО-Университет, 2008. — 147 с.
6. Стратегическая концепция североатлантического союза». Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_27433.htm (дата обращения: 26.06.2009).
7. Теория международных отношений / Сост., науч. ред. и коммент. Цыганкова П. А. — М.: Гардарики, 2002. — 400 с.
8. *Цыганков П. А.* Политическая социология международных отношений : учебное пособие. — М.: Радикс, 1994. — 318 с.

Софья Владимировна Арсентьева

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Глобализация и институты глобального управления

Аннотация

Сегодня глобализация является одним из основных направлений изучения мировой политики и международных отношений. Одной из основных тенденций в контексте процесса глобализации является развитие институтов глобального управления разного уровня. В статье отражаются основные факторы развития системы глобального управления, а так же рассматривается деятельность ряда международных организаций.

Ключевые слова: глобализация, глобальное управление, интеграция, демократизация, Европейский союз, Организация Объединенных Наций.

С созданием Организации Объединенных Наций, развитием глобальных и региональных организаций, государства предприняли попытку влиять на управление глобальными процессами. Несмотря на то, что система глобального управления постоянно сталкивается с мощными «тормозами» ее развития, уже существует сложная структура, включающая международные учреждения, межнациональные ассоциации и агентства, которые функционируют для того, чтобы продвигать, регулировать и контролировать систему мирового порядка. Они становятся частью системы международных отношений, причем зачастую наравне с государствами. За прошедшие пять десятилетий возможности такого рода организаций существенно расширились, а действия стали политизированным².

Термин «глобальное управление» широко вошел в научный оборот в начале 90-х годов, однако в современной научной литературе можно найти совершенно разные трактовки. Чаще всего встречается определение, согласно которому глобальное управление представляет собой политический процесс, в ходе которого, в отсутствие верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей. Соответствующие решения должны восприниматься в качестве легитимных большинством тех, кого они затрагивают, или же, по крайней мере, его наиболее влиятельными частями. Однако эти решения принимаются к действию в отношении всех, включая стороны, которые не

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Анатолий Иванович Костин**.

² McGrew A. Globalization and Global Politics // The Globalization of World Politics / Baylis J., Smith S., Owens P. — Oxford: OUP Oxford, 2005. — P. 29.

выразили с ними явного согласия. Агентами глобального управления выступают правительства, международные организации, неправительственные объединения, транснациональные корпорации, а эпистемологически — общества и даже отдельные лица, располагающие необходимыми для этого ресурсами. Если толковать глобальное управление в духе критической теории Франкфуртской школы, то речь идет о направлении в теоретическом осмыслении мировой политики, которое претендует на выработку организационных форм, точно соответствующих глобальным общественным запросам¹.

С комплексом глобального управления сосуществует (хотя и весьма ограниченно) транснациональное гражданское общество. Показателем формирования гражданского общества служит растущее число неправительственных организаций. Если в 50-х гг. их численность составляла 200–300 штук, то теперь их насчитывается более десяти тысяч, и тенденция к росту резко усиливается².

Одно из звеньев системы глобального управления — международные неправительственные организации. Международное гражданское общество, даже в таком зачаточном состоянии, в котором оно находится по сей день, может существенно влиять если и не на политику, то на общественное мнение однозначно. Стоит вспомнить конференцию в Рио-де-Жанейро в 1992 году, где представители неправительственных экологических организаций, корпоративного сектора и других заинтересованных сторон получили возможность не только высказаться, но и включиться в процесс принятия решений.

Современный институт глобального управления охватывает множество формальных и неофициальных структур политической координации среди правительств. Это межправительственная и межнациональная совокупность агентств и частных предприятий, предназначенная для того, чтобы понять и согласовать общие цели посредством создания или претворения в жизнь глобальных межнациональных правил и регулирования трансграничных проблем. Хорошей иллюстрацией тому служит создание международных трудовых кодексов, направленных на защиту прав трудящихся³.

Важным фактором развития института глобального управления в XXI веке является политическая интеграция, которая рассматривается в политической науке как институционализация политического процесса между двумя и более государствами. В основе интеграции лежат стихийный процесс усиления взаимозависимости экономик разных стран, развитие и углубление международного разделения труда, а также сознательное совместное регулирование государствами их взаимных экономических связей, создание надна-

¹ Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. — 2005. — № 3. URL: <http://intertrends.ru/seventh/002.htm> (дата обращения: 07.09.2009).

² Giddens A. *The third Way and it's Critics*. — Cambridge: Polity Press, 2000. — P. 122–163.

³ Мартыненко С. В. Глобализация мировой политики (факторы, институты, тенденции) : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — М., 2007. — 153 с.

циональных структур по управлению интеграционными процессами¹.

Сущность глобального управления заключается в том, что порожденный глобализацией процесс далее вступает в новую фазу, а потому уже сам влияет на глобализацию и ее последствия. Интеграция и регионализация рассматриваются в этом ключе как субпроцессы, воздействие на которые оказали глобализация и институционализация глобального мирового порядка.

Создание в последние годы XX столетия таких глобальных региональных организаций как Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества и ряда других показало всеобъемлющий процесс экономической, социальной, культурной и прочих форм интеграции.

В реальной практике международной интеграции функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета». Более того, европейский процесс показал, что особенно болезненной является именно проблема передачи государствами в «общий котел» части их политической и военной компетенции². К тому же, основные органы управления ЕС сильно бюрократизированы, Европейскому парламенту недостает влияния из-за низкого уровня авторитета данной структуры у населения.

Создание Европейского союза можно назвать грандиозным экспериментом, попыткой построить наднациональную политическую систему нового порядка, однако на данный момент решающую роль в принятии решений играют национальные правительства, которые и проводят политику, а наднациональные органы власти работают в роли консультативных советов и трибун для поиска поддержки. Институтам глобального управления не хватает политического веса. Одними из основных нерешенных проблем можно назвать нечеткость уставного законодательства, нежелание части государств-членов ЕС привести свое национальное законодательство в соответствие с общеевропейским законодательством, что ещё раз говорит о недостаточном уровне доверия к структуре в целом.

Деятельность институтов глобального управления связана с тенденцией демократизации, передачей части своего суверенитета наднациональным институтам, однако, как показывает опыт последнего десятилетия, происходит расхождения между декларированными целями и реальной политической практикой. Существующая практика применения политики двойных стандартов сводит позитивные изменения к минимуму и фрагментирует мировое сообщество. Это обусловлено как политическими и экономическими факторами, так и ментальными особенностями. Немаловажную роль в данном процессе сыграли антиглобалистские настроения среди политических деятелей, ученых и общественности, оказавшие негативное влияние на создание новых институтов и изменившие уже существующие структуры.

¹ См.: Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. Цыганкова П. А. — М.: Альфа-М; Инфра-М, 2007. — 319 с.

² Там же.

Хасан Фатих Бингол

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Международно-политический характер энергетической проблематики

Аннотация

Статья посвящена международно-политическому характеру энергетической проблематики. В этом контексте анализируется воздействие процессов глобализации на международную энергетическую политику, которое усиливает межгосударственное сотрудничество и урегулирование в данной сфере для обеспечения предсказуемости и стабильности энергетических рынков.

Ключевые слова: энергетическая политика, глобализация, международное сотрудничество и урегулирование в энергетической сфере.

В нашу эпоху внешняя политика государства характеризуется энергетическими приоритетами, поскольку экономическое развитие, и, соответственно, государственная безопасность страны в целом зависят от энергетической обеспеченности. Однако энергетическая проблематика становится сложнее, в связи с возрастающим влиянием процесса глобализации по всему миру. Интернационализация энергетического хозяйства привела к тому, что многие вопросы мировой энергетики отражаются на международных политических отношениях.

Фактически до энергетического кризиса 1970-х гг. развитые страны не относили проблемы энергетической безопасности к приоритетным проблемам, поскольку доминирование западных нефтедобывающих компаний на рынке способствовало тому, что развитые страны импортировали дешевую нефть, которая давала им экономическое преимущество. Однако создание Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) в 1960 г. положило начало межгосударственному регулированию в сфере энергетики, вследствие чего контроль в основном перешёл в руки добывающих стран. Кризис подтолкнул создание блока коллективной энергетической безопасности западными странами в виде Международного энергетического агентства в 1974 г. с целью противостояния странам-экспортерам, объединенным в ОПЕК.

Применение арабскими странами нефтяного эмбарго против Запада явилось ярким примером использования сырьевого фактора для реализации интересов государств. Это привело к интенсификации процессов, направленных на создание системы наднационального регулирования энергетики.

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Артур Леонович Демчук**.

Увеличение роли стран Персидского залива в мировой нефтедобыче и быстрое укрепление лидирующей роли стран ОПЕК в глобальном экспорте нефти подвергли ситуацию на мировом рынке коренному изменению. В настоящее время государственные компании нефтедобывающих стран играют важную роль на рынке, в связи с чем политические приоритеты внешней политики государств все больше находят отражение в процессе формирования глобальной энергетической политики. Кроме того, зарубежные компании пользуются сильной поддержкой со стороны своих правительств, что усиливает влияние политики на энергетическую сферу.

По мнению исследователей Е. А. Телегиной и Л. А. Студеникиной, «на рубеже XXI века энергетическая проблема на международной арене отчетливо проявляет себя как глобальный фактор, влияющий не только на состояние мировых рынков и мировой экономики, но и во все возрастающем масштабе используемый как политический инструмент прямого или косвенного воздействия, обозначения и закрепления национальных государственных интересов в любой точке мира»¹.

Как отмечает К. С. Гаджиев, «благодаря прогрессирующему размыванию границ между национальными экономиками проблемы, ранее считавшиеся исключительно внутривнутриполитическими, все больше приобретают международно-политический характер»².

Кроме того, растущее воздействие международных общественных движений и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и международных экономических и финансовых организаций приводит к потере смысла государственных границ. Однако эти новые субъекты, появившиеся благодаря глобализации, следуют своим интересам, что заставляют развивающиеся страны либерализовать свои экономики. По мнению американского исследователя В. Х. Рейнике (W. H. Reinicke), перечисленные организации в ближайшие годы будут играть ведущую роль в обеспечении международной безопасности³.

Такие факторы, как усиление интернационализации и глобализации мировой энергетики, рост энергетической взаимозависимости, и очевидность широко масштабного международного сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности ведут к дальнейшему развитию и совершенствованию институтов мировой энергетической политики и механизмов многосторонней энергетической дипломатии на глобальном уровне⁴.

В настоящее время воздействие процессов глобализации настолько

¹ Телегина Е. А., Студеникина Л. А. Энергетическая безопасность и энергетическая интеграция в Евразии в XXI веке: азиатский профиль. — М.: Информ-Знание, 2006. — С. 5.

² Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: конкуры нового миропорядка. — М.: Экономика, 2007. — С. 119.

³ Reinicke W. H. Global public policy // Foreign affairs. — 1997. — Vol. 76. — № 6. — P. 127–138.

⁴ Жизнин С. З. Основы энергетической дипломатии: Учеб: в 2-х т. Т. 1 — М.: МГИМО-Университет, 2003. — С. 208.

сильно, что без их учета государства не могут самостоятельными ни в одной из сфер внешней политики, в том числе энергетической. В этой сфере им следует взаимодействовать, тем более что тесная энергетическая взаимозависимость стран заставляет их формировать новую политику обеспечения энергетической безопасности.

Подводя итоги, можно сказать, что именно вследствие энергетического кризиса 70-х гг., энергетический фактор стал играть большую роль в формировании внешней политики страны. В настоящее время все заинтересованные стороны в глобальной энергетике (в том числе основные страны-экспортеры в рамках ОПЕК, страны-потребители в рамках МЭА, соответствующие органы ООН, международные экономические и финансовые организации, а также транснациональные компании) стремятся к усилению глобального сотрудничества и регулирования в данной сфере. Пережившие энергетические кризисы 70-х гг. и его рецидивы в начале 80-х и 90-х гг., несмотря на нарастающую конкуренцию на рынках, они вырабатывают общую политику для обеспечения предсказуемости и стабильности энергетических рынков.

Залина Вердихановна Вердиханова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Предпосылки возникновения и развития процессов «цветных революций» 2000-х годов

Аннотация

В статье анализируется серия «цветных революций», произошедших в начале 2000-х годов, их основные предпосылки и характеристики. Представлена попытка сравнительного анализа процессов «цветных революций» на основе определенного набора закономерностей и их систематизация. Целью работы является выявление систематизированной картины «вызревания» и протекания «цветной революции» на примере расширенного круга государств.

Ключевые слова: цветные революции, предпосылки, оппозиция, правящий режим, факторы.

Феномен «цветных революций», как показывает политическая реальность, еще не исчерпал себя. Это технология, запущенная однажды, удачно реализуется уже почти десятилетие. Но последствия «цветных революций» на практике очень «хрупки»: система, которая приходит на смену «павшему

¹ Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Сергей Евгеньевич Заславский**.

режиму», не отличается политической стабильностью.

У «цветных революций» всегда имеется заказчик, которым выступает другое государство, содействующее так называемому «благому делу революции», или само государство, в котором разворачивается «цветная революция» на определенных объективных основаниях. В этот процесс активно вовлекаются массы, которые являются ее непосредственными участниками.

Как правило, оппозиция, которая руководит распространением «цветных» идей в массах, имеет достаточно крепкие позиции в данном государстве и определенный авторитет. На постсоветском пространстве, к примеру, ими выступают лидеры, которые долгое время занимали государственные посты, но потом на некоторое время ушли с политической арены, снова заявляя о себе под флагами «цветной революции».

В ходе проделанной работы мы попытались дать определение «цветной революции» (на это рабочее определение мы будем опираться в своем дальнейшем исследовании). *«Цветная революция»* — это сложный многомерный процесс (цепь политических событий), который обладает особенностями революционного характера, а также характеристиками государственного переворота, финансируется с привлечением иностранного капитала (и иных, например, информационных ресурсов из-за рубежа), проходит ненасильственным путем (форма протекания: митинги, акции протеста; но иногда принимает характер кровопролитной борьбы), имеет, как правило, стремительный краткосрочный характер и приводит к коррекции соответствующих режимов, частичной ротации или смене политических элит, перераспределению властных и прочих ресурсов.

Анализ предпосылок был осуществлен на примере следующих процессов: «революция роз» в Грузии (2003), «оранжевая революция» на Украине (2004), «тюльпановая революция» в Киргизии (2005), неудавшаяся «васильковая революция» в Белоруссии (2006), «бульдозерная революция» в бывшей Югославии (2000), вторая народная революция на Филиппинах (2000–2001), неудавшаяся «революция кактусов» в Мексике (2006) и «революция кедров» и «антикедровая революция» в Ливане (2005).

При анализе социально-экономических факторов было выявлено, что сочетание таких факторов внутри группы, как: наличие огромного внешнего долга, дифференциация доходов, высокий уровень инфляции, и, как следствие, падение уровня жизни, маргинализация населения и рост теневых доходов — все это формирует мощную базу процесса «цветной революции». Страны, где данные процессы развились до определенной степени, восприняли «цветную революцию» особенно остро. Несмотря на то, что «революция» во многом была привнесена в страны извне, именно глубокие внутренние процессы обусловили сложный переход к новому «послереволюционному» развитию.

При анализе геополитических предпосылок был сделан вывод, что геополитические факторы опосредованно обусловлены экономическим кризисом. Это объясняется сложным процессом вскрытия более глубоких общест-

венных противоречий на фоне кризисной экономической и социальной ситуации в стране. Уровень геополитических предпосылок — это уровень более глубокий, нежели уровень социально-экономических проблем, он гораздо слабее поддается анализу, потому что обладает латентным характером и обусловлен набором различных характеристик, которые, как отмечалось выше, в совокупности приводят к сильной дестабилизации в обществе. Социально-экономические предпосылки явились своеобразным катализатором глубинных геополитических факторов, которые обострились в кризисный период.

В категорию внутривнутриполитических предпосылок, которые повлияли на развертывание «цветных революций», на механизмы их осуществления, были включены важнейшие факторы. Таковыми являются: цели идеологов революции, цели масс, цели, которые легли в основу и были настоящими «двигателями» революции, роль политической элиты, раскол элит, характер оппозиции, доля участия народных масс, «внешние участники» (различные зарубежные фонды, «питавшие» революцию), повод к началу революции, анализ настроений внутри государства, итоги и последствия.

Необходимо отметить, что группа внутривнутриполитических предпосылок очень взаимосвязана с уже рассмотренными выше факторами социально-экономических и геополитических предпосылок. Именно сложная экономическая и социальная обстановка в некоторых исследуемых странах обусловила сложный процесс политической дестабилизации и большую долю участия масс в процессе «цветной революции». Раскол элит во многих анализируемых регионах был обусловлен противоречиями, которые носили не только политический характер, но и, к примеру, характер территориального раскола (Киргизия) или этнополитического раскола (Украина). Конфессиональный фактор и фактор этнической напряженности обусловили во многом победу оппозиции, которая сделала акцент именно на проблемах данного характера внутри страны. Социальная маргинализация населения (как один из социально-экономических факторов) также повлияла на усиление оппозиционных настроений в обществе по отношению к правящему режиму. То есть, можно сделать вывод о том, что внутривнутриполитические предпосылки, как основные (непосредственные) предпосылки «цветной революции», зависят от социально-экономических и геополитических предпосылок формирования данного процесса. Именно поэтому все эти характеристики необходимо рассматривать комплексно, добавив к ним еще роль внешнего фактора, как неосознаваемой характеристики такого явления как «цветная революция».

В рамках исследования была выявлена корреляция между группами предпосылок: внутривнутриполитические предпосылки, как основные (непосредственные) предпосылки «цветной революции», зависят от социально-экономических и геополитических предпосылок формирования данного процесса. Социально-экономическая нестабильность, в свою очередь, вскрыла латентные геополитические противоречия. Именно поэтому мы идем правильным путем, пытаясь рассмотреть все эти характеристики комплексно, добавив к

ним еще роль внешнего фактора, как неотъемлемой характеристики такого явления как «цветная революция». В ходе работы был сделан основной вывод исследования: «*цветная революция*», выступая как многомерный процесс, обладает рядом важных характеристик, которые проявляются в различных государствах на определенном этапе их развития, когда наступает кризисная ситуация, раскол в элитах, социальное размежевание и наблюдается общая нестабильность в стране. Эти характеристики присутствуют во всех анализируемых процессах в той или иной степени, тем самым позволяя выявить процессуальные и структурные закономерности протекания «цветных революций» в государствах с разным территориальным положением, идеологией, социальным составом, геополитическими интересами, что дает возможность говорить о феномене «цветной революции» как складывающемся устойчивом политическом явлении, которое приобрело широкие масштабы в современном мире.

Библиография

1. *Асмус Р.* Украина: путь на Запад // Россия в глобальной политике. — 2004. — Т. 2. (№ 5). — С. 174–187.
2. *Бузгалин А. В.* Майдан: народная революция или... // Свободная мысль. — 2005. — № 2. — С. 35–47.
3. *Габуев А.* Звезда филиппинской оппозиции // Коммерсантъ. — 2007. — 13 сентября (№ 166).
4. *Дубнов В. П.* Как не уходят патриархи: Новая Грузия: мечта для либерала, шанс для честолюбца или прекрасная политическая смерть для романтика? // Новое время. — 2003. — № 52. — С. 24–27.
5. *Дубнов В. П.* Крах идеальной пирамиды // Новое время. — 2004. — № 9. — С. 44–48.
6. *Зимон Г.* Революция в оранжевых тонах: украинский путь к демократии // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 10. — С. 20–32.
7. *Илларионов С. И.* Россия и Америка на глобальной шахматной доске. — М.: РИЦ «ПрофЭко», 2003. — 224 с.
8. *Исаев К. И., Борсокбаева С. С.* Причины и уроки народной революции в Кыргызстане // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 116–123.
9. *Кильдюшов О. В.* Оранжевая планета // Москва. — 2006. — № 8. — С. 167–172.
10. Киргизский переворот. Март-апрель 2005 года : Сборник статей / Сост. Павловский Г. О. — М.: Европа, 2005. — 216 с.
11. *Лозунько С. В.* Незамеченная революция // Ежедневник «2000». — 2006. — № 35 (331).
12. *Малинкович В. Д.* О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность : Сборник статей / Сост. Погребинский М. Б. — М.: Европа, 2005. — С. 29–63.

13. *Межуев Б. М.* «Оранжевая революция»: восстановление контекста // Полис. — 2006. — № 5. — С. 75–91.
 14. *Мошес А. Л.* Парадоксы украинских президентских выборов // Современная Европа. — 2004. — № 1. — С. 109–118.
 15. «Революция роз» — взгляд из Тбилиси и Москвы: [Статьи] // Дружба народов. — 2004. — № 3. — С. 163–185.
 16. *Симонян Р. Х.* Грузия, Украина... далее везде? // Власть. — 2005. — № 1. — С. 8–11.
 17. *Трифонов Е.* Бесцветная революция // Новое время. — 2005. — № 13. — С. 4–5.
 18. *Труевцев К. М.* «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии // Полития. — 2005. — № 2. — С. 5–22.
 19. *Тягуненко Л. В.* Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века // Новая и новейшая история. — 2001. — № 3.
 20. *Хисамов И.* Джугенгейт: уроки первой революции XXI века // Эксперт. — 2001. — 9 апреля (№ 14).
-

Мария Игоревна Вершинина

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

К вопросу об особенностях исследования межгосударственного сотрудничества

Аннотация

В статье дается определение межгосударственного сотрудничества; прослежена взаимосвязь сотрудничества и конфликта; исследованы теоретические основания изучения процессов межгосударственного сотрудничества с позиций реализма, либерализма, теории коллективной безопасности.

Ключевые слова: межгосударственное сотрудничество, межправительственные организации, теория коллективной безопасности, реализм, либерализм.

Сотрудничество всегда играло и продолжает играть фундаментальную роль в международных отношениях, являясь одним из самых эффективных механизмов взаимодействия между государствами. Рост взаимозависимости мира, возникновение и обострение глобальных проблем и, как следствие, неспособность государств решить их в одиночку необычайно увеличили объективные потребности в расширении и интенсификации сотрудничества на мировой арене.

Особую актуальность представляет исследование проблем деятельности международных институтов начала XXI столетия для России, поскольку ак-

тивный внешнеполитический курс с задействованием основных международных организаций наиболее адекватно отвечает ее интересам. Кроме того, Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН и ядерная держава несет на себе особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности, в том числе и в стратегически важном для себя регионе — постсоветском пространстве. Эта обязанность, вытекающая из Устава ООН, делает императивом вовлеченность нашей страны в ключевые международные институты.

Вслед за американским международником Р. Кохэйном многие ученые сегодня понимают сотрудничество как ситуацию, «когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других, через процесс [взаимной] координации политик... Каждый актор не обязательно помогает другому, но, делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик»¹.

В то же время существует разброс оценок и мнений по проблемам сотрудничества внутри каждой из основных парадигм международных исследований, поэтому важное значение имеет критическое осмысление концепций, оценок и прогнозов развития этого процесса и выработка новых межпарадигмальных подходов. На наш взгляд перспективен подход рассмотрения межгосударственного соперничества и сотрудничества как двух взаимодополняющих способов выживания государства. Прослеживается тесная связь между конфликтом и сотрудничеством: дружественные, союзнические, партнерские отношения вовсе не исключают доли враждебности, а достижение мирных отношений может трансформироваться в причины военных действий. При этом межгосударственное соперничество может сочетаться с сотрудничеством внутри коалиции. В свою очередь, в сотрудничестве всегда существует элемент конкуренции, жесткого отстаивания своих интересов. В частности, направление деятельности многосторонних институтов определяется не только общими интересами, но и конкуренцией между интересами их участников.

Представители всех современных теоретических направлений, так или иначе, затрагивают проблему межгосударственного сотрудничества (далее — МГС), но при этом делают разные акценты относительно его источников. В этой связи возникает необходимость комплексного рассмотрения факторов, влияющих на изучаемый феномен: как внутренних (политический режим, идиосинкразический фактор и т. д.), так и внешних (наличие гегемона, экономической взаимозависимости, общих угроз; исторической, этнической, культурной общности и т. д.).

В итоге следует отметить отсутствие комплексных классификаций видов МГС. Однако, что касается практического аспекта таких классификаций,

¹ Цит. по: Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. — 1992. — Vol. 44. — P. 467.

то считается нецелесообразным навязывать жесткие схемы. Сотрудничество может развиваться по принципу «изменяющейся геометрии», т. е. в тех формах, которые устраивают его участников. Так, при решении одних вопросов эффективным является двустороннее партнерство, при решении других — партнерство на многосторонней основе. Анализируя виды МГС, следует учитывать их наполнение — взаимное доверие и признание друг друга в качестве полноправного партнера. Отсутствие данных компонентов может привести к навязанному и дисфункциональному сотрудничеству.

Исследуя процесс МГС, нельзя не уделить внимание его институциональным проявлениям. Численность межправительственных организаций (далее — МПО), являющихся непосредственным проявлением МГС, постоянно растет и связано это, прежде всего, с ростом общих проблем, которые государства не могут решить в одиночку.

Особую актуальность представляет исследование роли МПО в сфере обеспечения международной безопасности. По мнению сторонников политического реализма возможно как позитивное, так и негативное влияние роста числа МПО на «количество насилия» в современном мире. Следовательно, роль каждой международной организации в деле смягчения возможных противоречий между своими членами должна рассматриваться конкретно. При этом роль той или иной политической организации в деле сохранения мира зависит от могущества ее лидера, а ее возникновение определяется существующей расстановкой сил в мировой политике.

Либеральные институционалисты рассматривают следующие два вида прямой зависимости:

(1) между экономическим сотрудничеством и сотрудничеством государств в области обеспечения мира;

(2) между числом повторяющихся межгосударственных взаимодействий и уровнем сотрудничества между ними. Однако теоретически эти корреляции доказать невозможно (единственным примером является ЕС), поэтому в большинстве случаев либеральные институционалисты просто обходят молчанием аспекты безопасности.

В отличие от либерального институционализма, который связывает международную безопасность с экономическими институтами, в теории коллективной безопасности речь идет о возрастающей роли политических международных организаций, которые способны убедить лидеров государств решать спорные вопросы только мирными средствами; доверять друг другу; следовать принципу «безопасность в круге». Эмпирическим подтверждением теории коллективной безопасности является создание ООН.

Вышеизложенный спектр теоретических позиций свидетельствует о том, что проблема роли международных организаций в вопросах безопасности (включая её результативность и эффективность) остается открытой.

Алина Геннадьевна Дмитриева

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Информационная война как феномен современной политики

Аннотация

В статье предполагается дать определение информационной войны, обозначить её основные предпосылки, характеристики, приёмы и последствия, а также рассмотреть современные примеры информационного противоборства в мировой политике.

Ключевые слова: информационная война, киберпространство, информатизация, СМИ, мировая политика.

Термин «информационная война» в последние годы прочно вошел в политическую лексику и активно употребляется как в научной литературе, так и в СМИ. Однако встречается масса различных его трактовок, что свидетельствует об отсутствии общепринятого определения данной категории. В условиях современного мира, подверженного процессам глобализации и углубления информатизации, влекущих возникновение информационных пространств различного уровня, конфликты перемещаются из традиционного физического пространства в принципиально иное — киберпространство, а потому исследование сущности информационных войн становится одним из самых актуальных направлений научных исследований.

Появление термина «информационная война» относят к 1976 году. Американский инженер Томас Рона употребил его в техническом отчете для компании «Boeing», который назывался «Системы оружия и информационная война». Т. Рона указал, что информационная инфраструктура становится ключевым компонентом американской экономики. В то же самое время, она становится и уязвимой целью как в военное, так и в мирное время.

В связи с появлением новых задач после окончания «холодной войны» термин «информационная война» был введен в документы Министерства обороны США. Он стал активно упоминаться в прессе после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году, где новые информационные технологии впервые были использованы как средство ведения боевых действий. Официально же этот термин впервые был употреблен в директиве министра обороны США от 21 декабря 1992 года.

Как в недавней истории, так и непосредственно в наши дни можно наблюдать множество примеров ведения информационной войны как на уровне государств («информационно-психологические операции» США в Ираке,

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Юрий Ивлонович Шелистов**.

грузино-югоосетинский конфликт), так и на личностном уровне (очевидно, что современный человек ежедневно сталкивается с потоком самой разной информации, которую на него обрушивают СМИ). Существуют различные теоретические подходы относительно социально-психологических аспектов информационной войны: «теория зависимости» Г. Лассуэлла, по которой человек абсолютно беззащитен перед манипуляцией СМИ; или концепция П. Лазарфельда, который говорит о более сложном воздействии на потребителя информации через т. н. «лидеров мнений»; «теория средства» М. Маклюэна, согласно которой новые информационные технологии приводят к сменам парадигм восприятия человеком окружающего мира, а также ряд других. Все они сходятся в одном: информационная среда обладает огромным влиянием, как на индивидуальное, так и на массовое сознание, и заинтересованные группы людей, естественно, этим активно пользуются.

Обычно в широком смысле информационную войну рассматривают как комплексную стратегию достижения информационного превосходства при противоборстве в конфликте путем воздействия на информационную среду противника при одновременном обеспечении безопасности собственной информационной среды. Как показывают последние исследования в этой области, можно выделить некоторые характерные черты информационной войны: универсальность (может применяться на различных уровнях — от личностного до международного, и при использовании различных средств); завуалированность (субъекту информационной войны не всегда очевидно деструктивное воздействие, такую войну необязательно объявлять); масштабность (чем более развиты информационные технологии, тем масштабнее урон от подобной войны, тем больше объектов в неё вовлечены); перманентность (ведется и в мирное время, и, собственно, в военное); превентивный, упреждающий характер (по сути, любой конфликт начинается информационной войной, а далее уже может следовать непосредственно «физическое» воздействие, уничтожение).

Итак, рассмотрев в самом общем виде понятие информационной войны, обозначив основные ее предпосылки и характеристики, можно свидетельствовать о всё большей актуализации этого понятия именно в современном мире, несмотря на то, что некие признаки информационного противоборства наблюдались с древних времен. Это обусловлено тем, что мир, подверженный процессам информатизации и глобализации, стремительно меняется, появляются новые вызовы и угрозы, и всё большая их часть перемещается из физического пространства в киберпространство. Соответственно, основным объектом поражения теперь становится информационная инфраструктура, массовое сознание и индивидуальная психика.

Специфические характеристики информационной войны, а также широкий арсенал инструментов и методов её ведения (как психологических, так и сугубо технических), позволяют говорить о многовариантности и огромных возможностях информационного воздействия на массовое сознание и инфраструктуру страны. Из этого следует необходимость мер по обеспечению го-

сударством информационной безопасности — защищенности жизненно важных интересов личности, общества и аппарата управления от преднамеренных или непреднамеренных воздействий в той или иной форме. Причем данные меры, безусловно, должны быть комплексными, а реакции на стремительно меняющуюся среду и постоянное появление инновационных технических средств и инструментов информационной войны — быстрыми и, по возможности, даже опережающими. Многие страны мира сейчас активно разрабатывают и применяют комплекс мер по защите своего общества от «информационной интервенции», осуществляемой, как известно, со стороны «монополистов» в этой области — США, Китая, Японии, стран Европы.

Россия пока не принимает существенных мер в этой сфере. Для нашей страны представляется необходимым усиление государственного участия в решении проблемы, выработка национальной стратегии и осуществление адекватной информационной политики.

Таким образом, понятие информационной войны, будучи весьма широким и многоаспектным, нуждается в дальнейшем сущностном изучении и разработке концептуального аппарата, поэтому чрезвычайно важной представляется работа по подготовке специалистов в этой области и созданию мощной научно-исследовательской базы.

Библиография

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Коробочкина М. Л. — М.: Весь Мир, 2004. — 188 с.
2. *Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. — М.: Международные отношения, 2007. — 288 с.
3. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую науку : учебник для вузов. — М.: Логос, 2000. — 540 с.
4. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь Мир, 2004. — 120 с.
5. *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. — М.: Изд-во «Наш дом — L'age d'homme», 1995. — 431 с
6. *Лассуэлл Г.* Психопатология и политика / Перевод с английского Самсоновой Т. Н. — М.: РАГС, 2005. — 352 с.
7. *Лисичкин В. А., Шелетин Л. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война. — М.: Ин-т социально-политических исслед. АСН, 1999. — 239 с. URL: <http://malchish.org/lib/politics/infwar.htm> (дата обращения: 14.08.2009).
8. *Панарин И. Н.* Информационная война и мир. — М.: ОЛМА-ПРЕСС , 2003. — 384 с.
9. *Расторгуев С. П.* Информационная война. — М.: Радио и связь, 1999. — 416 с.
10. СМИ и политика : учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. Реснянской Л. Л. — М.: Аспект-Пресс, 2007. — 256 с.
11. *Торфлер Э.* Третья волна. — М.: АСТ, 1999. — 781 с.

12. Теория международных отношений / Сост., науч. ред. и коммент. Цыганкова П. А. — М.: Гардарики, 2002. — 400 с.
 13. CNN.COM/International : [сайт]. URL: [http:// www.edition.cnn.com/](http://www.edition.cnn.com/)
 14. Агентура.Ru : [сайт]. URL: <http://www.agentura.ru/>
 15. Россия в глобальной политике : [сайт]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/>
 16. Информационные войны : [сайт]. URL: <http://www.infwar.ru/>
-

Татьяна Вадимовна Дудова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Экономический подход к анализу международных эколого-политических рисков

Аннотация

В данной статье внимание сконцентрировано на изучении экономических аспектов международных эколого-политических рисков, взаимосвязи с инвестиционными проектами и их влиянии на процессы выработки и принятия решений в мировой политике.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, риск, принятие решений, неопределенность

В теории мировой политики и международных отношений, политический риск представляет собой функциональную характеристику политических процессов, эффективность результатов которых напрямую зависит от кросс-национальной активности в коммерческой, дипломатической, стратегической и иных средах. Изучение политического риска в международной сфере в первую очередь сконцентрировано на исследовании конфликтных интересов как конституирующего элемента суверенности, когда международная активность государств, других агентов и коммерческих акторов оказывает сопротивление непохожим суверенным типам государственного устройства, обосновывая это уважением к правам собственности, легальным структурам и верховенству закона.

Сегодня международная среда характеризуется высоким уровнем международной активности, являющейся результатом технологического и коммерческого взаимодействия, распространения трансграничных обменов, увеличивающих степень взаимозависимости между современной политикой и экономикой.

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

Конфронтация является своего рода логической предпосылкой все увеличивающейся взаимозависимости и ответственности, которую невозможно разделить между участниками международно-политических процессов, или же переложить на одного из агентов.

Таким образом, в современных условиях появляется необходимость рассмотрения качественно нового концепта — концепта международных эколого-политических рисков.

Под *международными эколого-политическими рисками* мы предлагаем понимать возможности репутационно-финансовых издержек, связанных с деятельностью акторов на международной арене, ориентированной на благоприятный исход при принятии управленческих решений, затрагивающих социальную и экономическую сферы жизни общества и оказывающих влияние на состояние окружающей среды.

Экономическое направление анализирует существование эколого-политических рисков по двум категориям:

- тренды (анализ и прогнозы концентрируются на исторических предпосылках, возможностях участия в войнах, и т. п.);
- сравнительные характеристики (наблюдаются текущие социальные атрибуты и условия, которые могут вызвать потери от инвестиций: этнические конфликты, репрезентативность прав и др.).

Зарубежные исследователи¹ обращают внимание на следующие факторы, влияющие на существование политических рисков:

- политическая структура, система управления страной;
- специфическая природа управления в стране;
- легитимность правящей элиты перед населением;
- политическая культура населения, его подвластность управляющим структурам.

Экономический подход анализирует международные эколого-политические риски, связывая их с опасностями инвестирования в страны с нестабильной политической обстановкой.

Здесь существует довольно много подходов.

- Трактовка рисков как действий правительств в отношении иностранных инвестиций. Здесь предлагается следующее определение: «Политические риски проистекают из действий национальных правительств, которые препятствуют проведению деловых операций, либо изменяют условия соглашений, либо приводят к частичной или пол-

¹ См.: Jakobsen J. Enlightened Predictions and Shots in the Dark: A Broad Approach to Political Risk Assessment / American Political Science Association. [Electronic Resource]. URL: http://www.allacademic.com/meta/p40106_index.html (дата обращения: 17.11.2009); Coplin W. D., O'Leary M. K. The handbook of country and political risk analysis. — N. Y.: Political Risk Services, 1994. — 378 p.

ной конфискации имущества иностранных компаний»¹. В данном случае сущностной характеристикой является причастность к политической природе принимаемого решения, его форме проявления посредством властных структур.

- Политические риски связаны с изменениями самой политической среды. В работе «Политический риск: идентификация и оценка» С. Робок предлагает такое определение: «Политический риск в международном бизнесе существует, когда: происходят резкие изменения в деловом климате; они практически не поддаются предвосхищению, прогнозу и упреждению; изменения являются следствием политических изменений. Для того чтобы конституировать риск, эти изменения должны иметь значительное потенциальное влияние на доходы или иные цели деятельности отдельных предприятий»².
- В качестве факторов, влияющих на ситуации политического риска, выделяются любые изменения, происходящие в обществе. Здесь акцент смещается на действующие компании, а не правительства. На зарубежные прямые инвестиционные потоки влияет ситуация политической нестабильности. Так, например, Б. Вайнер выделяет факторы роста этнической и религиозной напряженности в мире³.

Таким образом, исследования, связанные с экономическими и инвестиционными интерпретациями, являются чрезвычайно важными для понимания современных эколого-политических рисков. Это направление довольно хорошо разработано в зарубежной политической науке, оно позволяет использовать накопленный опыт и транслировать знание об экономических издержках в ходе инвестиционной деятельности также на сферу выработки и принятия решений, связанных с охраной окружающей среды.

Библиография

1. *Jakobsen J.* Enlightened Predictions and Shots in the Dark: A Broad Approach to Political Risk Assessment / American Political Science Association. [Electronic Resource]. URL: http://www.allacademic.com/meta/p40106_index.html (дата обращения: 17.11.2009).
2. *Kobrin S. J.* Political Risk: A Review and Reconsideration // *Journal of International Business Studies*. — 1979. — Vol. 10. — № 1. — P. 67–80. URL: <http://www.jstor.org/pss/154371> (дата обращения: 17.11.2009).
3. *Wheeler N. C.* Risk vs. Uncertainty in Political Research: Assessing the Validity of Methodological Pluralism / American Political Science Association

¹ Weston J. F., Sorge B. W. *International managerial finance*. — Homewood (IL): R. D. Irwin, 1972. — P. 60

² Robock S. H. *Political risk: Identification and assessment* // *Columbia Journal of World Business*. — 1971. — July/August. — P. 7.

³ См.: Weiner B. *What executives should know about political risk* // *Management Review*. — Vol. 81. — January. — P. 19–22.

[Electronic Resource]. URL: http://www.allacademic.com/meta/p152865_index.html (дата обращения: 17.11.2009).

4. *Weston J. F., Sorge B. W.* International managerial finance. — Homewood (IL): R. D. Irwin, 1972. — 388 p.
 5. *Coplin W. D., O'Leary M. K.* The handbook of country and political risk analysis. — N. Y.: Political Risk Services, 1994. — 378 p.
 6. *Robock S. H.* Political risk: Identification and assessment // Columbia Journal of World Business. — 1971. — July/August. — P. 6–20.
 7. *Weiner B.* What executives should know about political risk // Management Review. — Vol. 81. — January. — P. 19–22.
-

Сергей Александрович Евтушенко

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Международное сотрудничество: проблема баланса абсолютных и относительных выгод

Аннотация

Рассмотрение оснований и природы сотрудничества между государствами, а также изучение характера ведущихся по этому поводу дискуссий между представителями либерального и реалистского направлений исследований международных отношений, обращает внимание автора работы на проблему соотношения относительных и абсолютных выгод, получаемых странами в ходе этого взаимодействия. Дается определение категорий «абсолютная выгода» и «относительная выгода» в контексте международной кооперации, рассматриваются трудности, возникающие в её ходе, а также анализируются стандартные стратегии поведения акторов на межгосударственной арене.

Ключевые слова: международное сотрудничество, абсолютные выгоды, относительные выгоды, реализм, либерализм.

Общепризнанным на данный момент определением международного сотрудничества является следующее, предложенное Р. Кохэном: сотрудничество представляет собой ситуацию, «когда одни акторы регулируют своё поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других через процесс координации политик»². При этом, в соответствии с

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

² Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics.

тем, что основой действий акторов в процессе сотрудничества признаётся их рациональность и, как следствие, эгоистичность, «каждый актор не обязательно помогает другому, но, делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведёт к взаимной координации государственных политик»¹. Таким образом, межгосударственное сотрудничество предполагает наличие трёх элементов: общие цели государств-партнёров, ожидание ими выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод².

Роль и значение международного сотрудничества были предметом дискуссий между двумя наиболее значительными направлениями в современной теории международных отношений — либерализмом (неолиберализмом) и неореализмом. Принято выделять шесть направлений дискуссий: природа и последствия анархичности международных отношений; содержание межгосударственного сотрудничества; проблема абсолютных и относительных выгод сотрудничества; приоритетные цели сотрудничества; причины, принуждающие к сотрудничеству; роль международных режимов³. Разберём три обозначенных выше элемента сотрудничества через призму дискуссий неореалистов и либералов о соотношении абсолютных и относительных выгод сотрудничества. С точки зрения либералов, государства в ходе сотрудничества стремятся к достижению абсолютных выгод, получение которых происходит независимо от других участников сотрудничества и ценно само по себе. С этой позиции в трёхчленной модели сотрудничества ожидаемые выгоды от сотрудничества, по сути, означают достижение в итоге общих целей сотрудничества.

Нельзя забывать о том, что согласно третьему элементу сотрудничества эти выгоды носят взаимный характер; к тому же достигаемые цели являются *общими* для всех государств. Неореалисты на этом основании утверждают, что при получении всеми государствами абсолютной выгоды (то есть, в идеале — при достижении всеми общих целей) ситуация взаимности выгод для всех участников станет источником конфликтности между партнёрами по сотрудничеству. Гипотетическая положение дел, когда в результате движения к общим целям, к достижению абсолютных выгод, одно из государств получит (хоть и ненадолго) чуть больше преимуществ, чем другие, порождает ревностное стремление участников сотрудничества скрупулезно отслеживать реальный объём выгод, тщательно проводить принцип равенства, равноценной взаимности при распределении выгод. Главной целью становится

1992. — Vol. 44. — P. 467.

¹ Ibid. P. 467.

² Цыганков П. А., Цыганков А. П. Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 1. — С. 132.

³ Там же. С. 133–134. См. также: Baldwin D. Neorealism and neoliberalism: the contemporary debate. — New York: Columbia University Press, 1993. — 377 p.; Smith S. The self-images of a discipline: a genealogy of international relations theory // *International Relations Theory Today* / Booth K., Smith S. — Cambridge: Polity Press, 1995. — P. 1–37.

сохранение баланса возможностей, существовавшего до сотрудничества. Абсолютные выгоды превращаются в относительные. «Ни одна страна не допустит политических преимуществ другой без ожидания (обоснованного или нет) получить взамен пропорциональные преимущества»¹.

Таким образом, достижение общих целей становится если не невозможным, то по крайней мере весьма проблематичным.

Однако с другой стороны международная практика вряд ли позволяет нам говорить с полной уверенностью о невозможности международного сотрудничества.

Решение проблемы возможно в том случае, если не отождествлять абсолютные выгоды, получаемые в результате сотрудничества, только с общими целями. Следует учитывать и то, что в процессе сотрудничества государства получают также определённые выгоды и преимущества, не связанные с достижением общих для всех участников целей. Более того, само понятие абсолютных выгод даже в большей степени подходит к таким выгодам. Получение абсолютных выгод происходит независимо от других участников сотрудничества и ценно само по себе как раз в силу того, что эти выгоды не имеют отношения к *общим* целям и промежуточным выгодам на пути достижения общих целей, которые *взаимны* по определению.

Абсолютные выгоды, в этом случае, индивидуальны. Общие цели и промежуточные выгоды на пути к их достижению — относительны. Они не могут быть абсолютными в силу того, что достигаются (в идеале) всеми участниками сотрудничества; как и любое коллективное благо, которым, в соответствии с теорией коллективных благ М. Олсона, пользуются все члены общества, эти выгоды сугубо относительны².

Итак, международное сотрудничество, сталкивающееся с трудностями реализации в силу того, что направлено на достижение общих для всех участников целей (по мнению неореалистов), становится возможным потому, что, наряду с достижением общих целей, делает вероятным и достижение сугубо индивидуальных, специфических для данного государства целей. Это и является мотивом для государств участвовать в организациях и инициативах сотрудничества.

Практически это не уменьшает проблем и подозрительности со стороны участников сотрудничества по отношению друг к другу; скорее, даже увеличивает. Однако соперничество переводится из сферы достижения общих целей (где выгоды взаимны) в плохо институционализированную и ясно не обозначаемую в рамках сотрудничества сферу достижения индивидуальных выгод, не связанных с общими целями. Достижение индивидуальных выгод — во многом рискованное предприятие с неопределённым исходом (в том чис-

¹ Grieco J. Anarchy and the limits of cooperation: a realist critique of the newest liberal institutionalism // International Organization. — 1988. — Vol. 42. — P. 469.

² См.: Abrams R. Foundations of political analysis. An introduction to the theory of collective choice. — New York: Columbia University Press, 1980. — 357 p.

ле и в силу противодействия других участников сотрудничества). Достижение же общих целей становится процессом с более предсказуемым исходом, построенным на согласии и коллективных действиях.

Реальность, безусловно, сложнее этих теоретических построений — хотя бы в силу того, что на практике зачастую очень сложно разделить процессы достижения общих для всех участников целей и процессы реализации специфических для каждого государства интересов. Однако проблемы и препятствия, встающие перед конкретными организациями межгосударственного сотрудничества, не отменяют, как кажется, основополагающих выводов теории.

Андрей Николаевич Иохим

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Использование семиотической методологии в исследованиях мировой политики и международных отношений

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты использования семиотической методологии в исследованиях мирового политического процесса. В частности, делается акцент на актуальности применения семиотического анализа в данной области знания.

Ключевые слова: семиотика, методология, мировая политика, концепт, коммуникация.

Важнейшей составляющей любой науки является её методология, поскольку в данном случае речь идет о том, чтобы научиться технике продуцирования нового знания и его применения в практической деятельности. Отсутствие единой сформировавшейся методологии исследования международных отношений и мировой политики зачастую вынуждает ученых прибегать к нестандартным, методологически эклектичным решениям. Появление в последние двадцать лет трудов, посвященных рассмотрению мировой политической системы в качестве некоей совокупности знаков коммуникации, а акторов международной политики — в качестве взаимодействующих субъектов с наличием конкретной роли «адресанта» или «адресата», — позволяет говорить о возможности применения методов семиотики в исследованиях международных процессов.

Семиотика является наукой о знаковых системах, она формировалась в

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

рамках лингвистических, математических, логических и культурологических дисциплин. Сегодня семиотическая методология рассматривается как весьма «гибкая» совокупность общих принципов, положений и методов, способная быть применимой к исследованию объектов различных гуманитарных и естественных дисциплин.

Актуальность семиотического подхода к изучению мировой политики также обусловлена тем, что существующие теории международных отношений: будь то дискуссии между конструктивистами о проблеме агента и структуры или школы изучения идентичности — не дают достаточно эффективных инструментов, позволяющих анализировать особенности взаимодействия различных международных субъектов или влияние этих взаимодействий на представления субъектов о себе и мире.

Семиотический анализ мировой политики как системы знаков требует учёта следующих аспектов: 1) первым шагом к конструированию эффективной методологии является правильное определение категориального аппарата исследуемой области знаний и проведение синтеза семиотических построений с реалиями мирового политического процесса; 2) важнейшими особенностями изучаемого объекта в контексте семиотического анализа являются динамические характеристики, такие как коммуникация, восприятие, трансформация идентичности, интерпретация и т. п.; 3) основываясь на разработках теории коммуникации и семиотики культуры, в качестве базовой методологической модели семиотического анализа мировой политики следует использовать простейшие явления изучаемых объектов как стандартные для большого круга данных объектов: элементарные коммуникационные акты, схемы «первичного» восприятия кода и др.

При использовании методов семиотики в исследованиях мировой политики следует осознавать, что мы имеем дело с семиотической реальностью. Создание искусственной системы категорий, закономерностей, методов помогает нам в данном случае проникнуть в те аспекты функционирования мировой политики, которые либо совсем не рассматриваются, либо рассматриваются не в полной мере при использовании других научных подходов.

Принимая во внимание современные тенденции развития семиотической науки и теории мировой политики, можно выделить следующие направления использования семиотического анализа в исследованиях мирового политического процесса:

1. Семиотические исследования культурно-политических концептов мировой политики. Данное направление может включать в себя:

a) изучение концептов визуальных коммуникаций, невербальных знаков в международных политических процессах на основе образов восприятия тех или иных объектов и явлений мировой политики;

b) анализ политического «языка» международных отношений, включающий в себя изучение международной политической афористики, риторики, тезаурусных связей и концептов политического дискурса.

2. Семиотические исследования коммуникации субъектов мировой по-

литики, включающие:

а) оценку влияния взаимной деятельности субъектов на изменение системы кодов восприятия знаков мировой политической системы отдельных субъектов;

б) анализ проблемных аспектов коммуникации субъектов мировой политики, связанных с различиями в интерпретации кодовых систем.

Семиотическая методология акцентирует внимание на возможностях изучения культурно-политических концептов и особенностях дискурса мировой политики, в процессе которого появляется возможность взаимовлияния субъектов друг на друга с целью изменения системы кодов восприятия, становятся отчетливыми коренные различия в интерпретации текущих событий. Важно, что данные аспекты составляют ядро функционирования современной мировой политической системы и соответствуют реалиям мирового политического процесса с присущими ему многовекторным развитием и плюрализмом альтернатив.

Говоря о перспективах развития темы, затронутой в настоящей статье, необходимо отметить, что изучение возможностей применения семиотического методологического аппарата к исследованиям мирового политического процесса позволяет решить не только некоторые теоретические проблемы, но и ряд прикладных вопросов. Под последними, прежде всего, подразумевается поиск стратегий преодоления отрицательных моментов в процессе коммуникации субъектов мировой политики, которые связаны с использованием различных понятийных рядов и неодинаковой интерпретацией существующих реалий.

Таким образом, актуализация проблемы методологии исследований мировой политики и международных отношений заставляет искать новые технологии исследования, основанные на междисциплинарном синтезе, заимствовании не только отдельных приемов и методик, но и целых подходов, концептуальных направлений, каковым является и семиотика.

Библиография

1. Методика лингвистических исследований. Учебно-методическое пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов / Шаховский В. И., Шейгал Е. И. — Волгоград: Перемена, 2008. — 122 с.
2. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — М.: URSS, 2009. — 204 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. — 326 с.
4. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. — 269 p.
5. Carlsnaes W. The Agency-Structure Problem in Foreign Policy Analysis // International Studies Quarterly. — 1992. — Vol. 36. — № 3. — P. 245–270.

Светлана Александровна Калинина

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Международные отношения: Организация Объединённых Наций в современном мире

Аннотация

Статья посвящена проблеме поиска оптимальной модели координированного международного взаимодействия в современных условиях. Приведён краткий анализ эффективности традиционных форм международного взаимодействия и неформальных встреч фигур мирового политического процесса. Была выдвинута гипотеза о координирующей роли ООН, предложены пути модернизации органов ООН.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, акторы мировой политики, Организация Объединённых Наций, саммит, легитимность, международное право.

Среди акторов мировой политики Организация Объединённых Наций занимает особое положение. Только эта организация ставит своей целью быть центром решения глобальных вопросов поддержания мира и безопасности, содействия в решении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. Однако сегодня ООН не справляется с заявленными функциями.

Можно говорить о наличии сетевой структуры в международных отношениях, где сосуществует множество политических и неполитических акторов. Такое разнообразие образует систему международного взаимодействия, где нет чёткого разграничения функций. Наложение сфер ответственности и зон влияния приводят к возникновению конфликтов различной силы. Сетевая система построения мира не в состоянии решить массу глобальных проблем. Финансовый кризис, который развернулся в 2008 году, в очередной раз продемонстрировал опасности, к которым может привести неконтролируемый процесс международного сотрудничества.

Традиционно ООН обладает легитимной функцией урегулирования большинства международных споров. Таким образом, деятельность ООН должна выйти на первое место по обеспечению международной стабильности.

Сегодня много говорится о кризисе ООН. ООН скомпрометирована рядом неудачных опытов международных переговоров, вмешательством в зону её эксклюзивной компетенции различных акторов мировой политики. Суб-

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ, профессор **Валерий Иванович Коваленко**.

региональная организация НАТО, различные региональные и экономические объединения (СНГ, Африканский Союз), неформальные встречи, такие как саммиты «Группы восьми», самостоятельно решают свои задачи. Такие действия не скоординированы посредником, что влечёт трудности в развитии международных отношений. Ни одна из вышеперечисленных организаций не ставит сравнимого с ООН комплекса универсальных целей.

Работа ООН отягощена сложной системой бюрократических процедур, что делает её неспособной к быстрому реагированию на возникающие срочные проблемы. В условиях недостатка времени переговоры, проводимые на неформальном уровне, такие как саммиты «Группы восьми», дают более продуктивные результаты.

Перед мировым сообществом стоит задача создания стабильных мирных форм современного международного взаимодействия. Традиционные формы международных организаций являются базой для формирования контролируемого международного сотрудничества. ООН обладает рычагами применения международного права, что делает её наиболее сильной международной организацией. ООН уже взяла на себя центральную роль в обсуждении большинства вопросов глобального масштаба, поэтому разумно было бы постараться сохранить её авторитет, например, с помощью реформ организации.

Современные международные отношения — это многоуровневый процесс, в котором участвуют как политические, так и неполитические акторы. Несмотря на то, что партнёрами ООН являются различные неполитические и правительственные организации, ООН остаётся системой, где государства обладают основными прямыми рычагами влияния. В Генеральной Ассамблее представлены все государства мира и формально они обладают равным статусом при принятии рекомендательного решения вне зависимости от степени заинтересованности каждой страны в решении того или иного вопроса, численности населения государства. В Совете Безопасности мы наблюдаем другую картину: в числе постоянных членов находятся только пять государств, остальные члены выбираются, зачастую, без учёта повестки дня.

Во времена создания ООН взаимоотношения между пятью постоянными членами, во многом, определяли мировую политику. С тех пор интеграционные и дезинтеграционные процессы на территории Европы, бывшего советского пространства, Латинской Америки и в других регионах значительно изменили расстановку сил в мире. Смена режимов и правительств, открытие новых полезных ископаемых, техническое развитие отдельных регионов привели к перераспределению ресурсов между государствами. Более того, появились новые объединения и организации, которые могут и не относиться к политической сфере, но, обладая значительными ресурсами, влияют на политику. Сильнейшие транснациональные корпорации (ТНК), некоммерческие организации (НКО) должны участвовать в международном сотрудничестве. Отдельные государства не в праве выносить единоличные решения по огромному спектру вопросов. Сегодня необходимо подключать к

решению главных проблем новые влиятельные акторы международных отношений. Наиболее рационально это можно осуществить в рамках созданной системы органов ООН, реформированных в соответствии с требованиями времени.

Автор статьи предлагает изменение формата проведения заседаний Генеральной Ассамблеи таким образом, чтобы облегчить процедуру вынесения заключений рекомендательного характера. В принятии того или иного решения должны участвовать все заинтересованные стороны, включая представителей финансовых, гражданских структур. Было бы полезно сторонам, участвующим в конфликте, встречаться в неформальной обстановке для обсуждения всех обстоятельств дела. На традиционной официальной встрече будут озвучиваться принятые решения. Мнения сторон, которые не являются активными участниками рассмотрения повестки дня, должны быть строго запротоколированы, однако, фактически, в обсуждении они участвовать не будут. Совмещение традиционной организационной структуры ООН и неформального проведения встреч должно послужить оптимизации процесса вынесения решений.

Также развитию ООН будет способствовать пересмотр состава Совета Безопасности и включение в него, наряду с государствами, представителей наиболее влиятельных фигур мировой политики: неправительственных организаций, транснациональных корпораций. Таким образом, можно получить влиятельный дееспособный орган управления мирополитическими процессами.

Реформирование ООН в соответствии с требованиями времени послужит хорошей опорой для строительства прочных дружеских отношений между субъектами мирового политического процесса.

Библиография

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. — М.: Логос, 2003. — 355 с.
2. *Гришаева Л. Е.* Россия и ООН: история и современность. — М.: Компания «Спутник+», 2007. — 508 с.
3. *Дадуани А. Г.* Демократия и Организация Объединённых Наций. — М.: Современная экономика и право, 2007. — 289 с.
4. *Заемский В. Ф.* Теория и практика миротворческой деятельности ООН. — М.: МГИМО-Университет, 2008. — 220 с.
5. *Морозов Г. И.* Международные организации. Некоторые вопросы теории. — 2-е изд., доп. — М.: Мысль, 1974. — 332 с.
6. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. Цыганкова П. А.; составители: Цыганков П. А., Дробот Г. А., Лебедева М. М. и др. — М.: Альфа-М: Инфра-М, 2008. — 320 с.
7. Руководство по разработке Национальной стратегии по устойчивому развитию (UNEP/NSDS) [Электронный ресурс]. URL: <http://rscap.un->

ep.org/nsds/pub/NSDSframework_guidelines_March06_rus.pdf (дата обращения: 13.07.2009).

8. *Фёдоров В. Н.* Организация Объединённых Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. — М.: Логос, 2007. — 944 с.
 9. *Хайнал П. И.* Группа восьми и группа двадцати. Эволюция, роль и документация / Пер. с англ. О. А. Якименко. — М.: Логос, 2008. — 347 с.
 10. *Цыганков П. А.* Политическая социология международных отношений : учеб. пособие. — М.: Радикс, 1994. — 320 с.
 11. Энциклопедия международных организаций. В 3 т. Т. 2: Международные неправительственные организации, обладающие консультативным статусом при Экономическом и Социальном Совете ООН / Под ред. проф. Галенской Л. Н. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 476 с.
 12. Организация Объединённых Наций : [сайт]. URL: <http://un.org/>
 13. Интернет-представительство НАТО : [сайт]. URL: <http://nato.int/>
 14. Совет Безопасности ООН : [сайт]. URL: <http://www.un.org/russian/sc/>
-

Людмила Валерьевна Комарова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Влияние спорта на динамику политических конфликтов

Аннотация

Спорт — это воплощение национальной гордости, источник объединения и, в тоже время, механизм, который используется политическими элитами для внушения определенных политических идей, как гражданам своего государства, так и жителям других стран. В XX–XXI веках невозможно отделить спорт от политики и наоборот.

Ключевые слова: спортивный конфликт, Олимпиада, «Футбольная война», идентичность, политическое противоборство государств, игра с нулевой суммой, агрессия, эскалация конфликта.

Спорт представляет собой неотъемлемую составную часть жизнедеятельности общества. Поэтому конфликтам, возникающим в этой сфере, свойственны как общие сущностные черты, характерные любому социальному конфликту, так и специфические особенности.

Понятие конфликта в современной литературе трактуется неоднозначно. При определении этого понятия специалисты исходят, как правило, из представления конфликта как социального противоречия. Одним из за-

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Артур Леонович Демчук**.

служивающих внимания определений является понимание социального конфликта как процесса, «...в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции»¹.

Особенностью спортивного конфликта является возможность рассмотрения его в качестве игры с нулевой суммой. То есть матч двух сборных, например, по футболу — это противостояние интересов, где точка равновесия будет тогда и только тогда, когда максимальный выигрыш одного игрока совпадет с минимальным выигрышем другого (согласно критерию равенства максиминной и минимаксной стратегий²). Следовательно, нельзя выиграть больше, чем проиграет твой противник, но всегда можно проиграть больше (например, из-за неверных расчетов).

Другая отличительная черта спортивных конфликтов — нейтрализация человеческой агрессии, предотвращение межэтнических конфликтов, которые являются одними из наиболее серьезных опасностей, грозящих людям в современных условиях культурно-исторического и технического развития.

В то время как на протяжении всего послевоенного времени в ряде автономных образований в Западной Европе межэтнические конфликты удалось решить мирным путем или хотя бы достигнуть относительной стабилизации, удельный вес спорта в поддержке национального имиджа довольно высок. Можно предположить, что чем больше развиты гражданские институты в конкретном обществе, тем большую роль в межэтнических конфликтах и вопросах суверенитета начинает играть спорт. Примером тому стоит считать и всемерную поддержку российскими властями чеченского спорта, наблюдаемая в настоящее время³, которую можно рассмотреть как попытку перевести энергию конфликта в спортивную соревновательность.

Итак, спортивный конфликт — это социально-политическое противостояние между большими социальными группами, затрагивающее политические отношения, для решения которого необходимы политические методы урегулирования. Спортивное противоборство позволяет людям выплеснуть свое недовольство существующим положением в стране или политическим режимом на спортивной арене, а не в погромах или наступательных войнах.

Воздействие спорта на развитие политических конфликтов может носить как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, оно носит положительный характер, когда благодаря спортивным соревнованиям не совершается эскалация внутреннего или международного конфликта или, наоборот, происходит объединение ранее враждовавших государств, пусть и символическое. Например, Олимпиада в Сиднее в 2000 году: в ходе церемо-

¹ Спортивный арбитраж / Кузин В. В., Кутепов М. Е., Холодняк Д. Г. — М.: ФОН, 1996. — С. 65.

² $\text{Min max } B \geq \text{max min } A$.

³ Например, участие в Чемпионате России по футболу чеченской команды «Терек».

нии открытия прошли единым маршем, взявшись за руки, под одним, специально созданным, флагом сборные Северной и Южной Кореи, что повторялось в 2004 и 2006 году.

Желание принять Олимпиаду 2014 года сплотило две страны, и в своей заявке на право проведения игр в городе Пьончанг они неоднократно подчеркивали, что зажигание олимпийского огня может стать уникальным событием на пути объединения Корейского полуострова, спустя 69 лет после его политического разделения на Северную и Южную части.

Нельзя не вспомнить о древнегреческой традиции, согласно которой во время проведения олимпийских игр все военные конфликты прекращались за семь дней до их начала. Данный принцип был нарушен на пекинской Олимпиаде 2008 года действиями Грузии. «Сам по себе спорт не может поддерживать мир. Но спорт играет ключевую роль в создании лучшего и распространении мира на нашей планете»¹.

С другой стороны, спорт оказывает и отрицательное воздействие на мировое политическое противостояние. Примером может служить так называемая «Футбольная война», кровопролитное столкновение двух государств, где причиной стал проигрыш одной из них в отборочном матче Чемпионата мира по футболу 1970 г. в Мексике, состоявшийся в 1969 г. в Сальвадоре.

В этих странах сложились предпосылки к эскалации конфликта. Во-первых, Гондурас и Сальвадор — пограничные государства, в них действовали военные режимы. Во-вторых, в экономическом отношении Гондурас зависел от Сальвадора, так как большая часть предприятий в Гондурасе принадлежала сальвадорцам, и гондурасцами это рассматривалось в качестве экспансии. В-третьих, правительство Гондураса было не согласно с планом развития Центрального Американского общего рынка. В-четвертых, руководителям обоих государств необходима была «маленькая победоносная война», чтобы отвлечь жителей от внутренних проблем. Так, правительство Сальвадора использовало футбольное противостояние двух сборных как повод к развязыванию войны.

Итак, спортивные конфликты позволяют нации показать свою идентичность, предотвратить мировые войны, путем выплескивания накопившейся агрессии на спортивной площадке, дать возможность объединиться на спортивной арене враждующим странам и заявить о себе как о лидере (спортивном и отчасти политическом).

Международная дипломатия — неотъемлемая составляющая спортивных событий. Политические лидеры, террористические организации используют мировые и крупные соревнования в своих интересах. И если первоначально Олимпиада и разнообразные чемпионаты означали только праздник мира и смотр спортивных достижений каждой страны, то в XX–XXI веках

¹ Генассамблея ООН поддержала резолюцию о прекращении войн в период Олимпиады в Пекине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/908625.html> (дата обращения: 26.06.2009).

они превратилась в политическое противоборство государств. Получается, что арена — это уже не просто место для выяснения лучшего в конкретном виде спорта, а скорее, место, где четко проявляется доминирование одной страны над другой или показывается расстановка сил в мировой политике, где все существующие противоречия видны как на ладони.

Артём Андреевич Косоруков

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Проблема акторности в мировой политике

Аннотация

В статье рассматривается предыстория возникновения и развития проблемы акторности в мировой политике и международных отношениях; преимущества и недостатки акторного подхода. Проведен анализ основных синонимичных понятий, таких как: «субъект», «агент», «игрок» по отношению к понятию «международного актора». Выделены основные характеристики международного актора и даны авторские определения понятиям «международный актор» и «акторность».

Ключевые слова: акторность, международный актор, субъект, агент, игрок, мировая политика и международные отношения, политический реализм, «третий большой спор», идентичность, интересы, стратегия, внешняя среда, уникальность, ТНК.

Проблема акторности является одной из наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Споры ведутся по ряду вопросов: что такое актор, какие существуют типологии акторов, насколько однороден актор, как актор воздействует на других акторов, каким образом он влияет на окружающую его среду, каковы перспективы и основные тенденции развития актора в современных международных отношениях и др. Основным актором в международных отношениях считается государство. Это происходит во многом благодаря его возможности влиять на международные отношения и оставаться в фокусе как практической политики, так и научных исследований. Также представляется принципиально важным постановка проблемы разграничения взаимодействий международного характера от взаимодействий внутреннего характера (в рамках одного актора, которым чаще является государство). Поняв это, мы сможем ответить на вопрос, когда актор действует на международной арене, а когда он действует на внутренней ак-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

торской площадке. Этот вопрос усложняется ещё и тем, что сам актер порой неоднороден и, соответственно, сложно определить, что в акторе носит международный характер (например, размещение его офисов по всему миру), а что носит сугубо внутренний характер (например, заключение правовых документов с государственными органами).

«Третий большой спор» в теории международных отношений в конце 1960-х — начале 1970-х гг. привлек внимание к проблеме «акторства», к изучению того воздействия, которое в условиях глобализирующегося мира оказывают на международные отношения факторы, которые играют все более самостоятельную роль помимо государственной политики и деятельности других акторов. Преимуществами акторного подхода являются: внимание к активным началам международных отношений (государствам, ТНК и т. д.), их поведению, смыслу, который они вкладывают в свое поведение (стратегии, идеологии, самосознание). Недостатками же акторного подхода являются: отодвижение на второй план международных структур, систем, институтов, среды, в которой формируются и действуют акторы.

Несмотря на то, что следующие понятия часто используются исследователями как взаимозаменяемые, следует различать понятие актора, с одной стороны, и субъекта, агента, игрока — с другой. Только актер в состоянии выполнять функции трех последних.

Что же такое субъект международных отношений? Субъект всегда противопоставляется объекту. Под субъектом подразумевается активное начало, обладающее самосознанием, которое противопоставляет себя внешнему миру и другим началам, рассматривая их как объект. Помимо этого, понятие «субъект» имеет отношение к сфере международного права, где субъект признается тогда, когда обладает международными правами и обязанностями и несет международно-правовую ответственность. В частности, суверенные государства выступают субъектами международного права.

Рассмотрим теперь понятие агента в международных отношениях. Агент — активное начало, скорее фактор, чем актер, действующий по поручению кого-либо, представитель какой-либо организации. А. Вендт рассматривает агента (государство) в его взаимоконструировании и противопоставлении структуре общих воззрений международных акторов¹. Агент зависит от среды, является ее выразителем.

В отличие от первых двух, игрок — это индивид, группа лиц или организация, обладающая своими собственными интересами во взаимодействии по определенным правилам и возможностью воздействовать как на исход взаимодействия, так и на сами правила. Термин в международных отношениях заимствован из интеракционистской социологии для обозначения включенности в мировую взаимозависимость, где пространство игры представляет собой набор возможностей для игроков.

¹ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of World Politics // International Organization. — 1992. — Vol. 46. — № 2. — P. 395–424.

Прежде чем дать определение международного актора, следует выделить его основные характеристики:

1) самосознание, выражающееся в самостоятельной оценке своих ресурсов и постановке целей своего развития (стратегия);

2) направленность его активности во внешнюю среду, означающая, что актор всегда взаимодействует с другими акторами или какими-то аспектами международной системы, к которой он адаптируется. При этом другие акторы и сама среда должны воспринимать его как актора, так как сама его деятельность сознательно или неосознанно направлена на изменение окружающей его среды;

3) актор обладает собственными интересами и идентичностью, которые он отстаивает в своей повседневной жизнедеятельности;

4) актор, с одной стороны, обладает уникальностью, с другой стороны, он является одним из многих в его ряду акторов, то есть актора всегда можно отнести к какой-либо группе акторов.

Таким образом, можно сделать вывод, что международный актор — это активное самостоятельное относительно обособленное от среды и других акторов деятельное начало, которое предпринимает такие действия, которые могут быть восприняты на международной арене, что позволяют нам хотя бы косвенно говорить о его участии/неучастии в международной жизни.

Под акторностью же следует понимать свойство того или иного деятельного начала в международных отношениях и мировой политике, которое вытекает из его способности либо в теории создавать новые принципы, могущие стать правовой нормой, либо на практике влиять на международную систему и на мышление и политику других деятельных начал. Акторность включает в себя активное, включенное, субъектное деятельное начало и — в меньшей степени — вытекает из пассивности, изолированности и объектности.

Библиография

1. *Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of World Politics // International Organization. — 1992. — Vol. 46. — № 2. — P. 395–424.*
2. *Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений : учебное пособие. — М.: Радикс, 1994. — 318 с.*
3. *Цыганков П. А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 1.: Актеры в пространстве и времени мировой политике / Под ред. Мельвиля А. Ю. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — С. 32–42.*

Анна Придоновна Мамрикишвили

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Европейский Союз как претендент на мировое политическое лидерство: проблемы и перспективы

Аннотация

В статье рассматривается и оценивается лидерский потенциал Европейского Союза, а также факторы, являющиеся преградой на пути к достижению мирового политического господства.

Ключевые слова: мировая политика, лидерство, Европейский Союз, интеграция, «мягкая сила».

В последнее время возникает все больше дискуссий на тему того, кто может стать мировым политическим лидером в условиях меняющегося и глобализирующегося мира, а также снижающегося политического влияния США, не справляющихся с целым рядом задач. В этой связи оценки Европейского Союза как сильного глобального игрока весьма высоки. Конечно, можно найти немало сходств в оценках глобальных угроз и собственно внешней политике Евросоюза и США. Однако нужно отметить уникальную политическую природу, геополитическую специфику и особенности экономической политики Евросоюза, которые существенно отличают его от стратегии США. Европа формирует собственную лидерскую стратегию, основанную на так называемом принципе «soft power» или «мягкой силы». Этот стиль более сдержан и дипломатичен. И хотя он ориентирован на долгосрочную перспективу, может оказаться намного эффективнее силового и агрессивного американского. И все же, насколько силен именно лидерский потенциал Евросоюза и насколько велики шансы завоевать лидерство на мировой политической арене? Чтобы оценить их, рассмотрим некоторые основания лидерства.

1. Во-первых, это экономические основания. Европейский Союз — крупнейший игрок в мировой торговле. По темпам экономического роста ЕС существенно уступает США и Китаю, но он смирился с этим для обеспечения выгоды в долгосрочной перспективе за счет введения единой европейской валюты и своего расширения. Евро становится фактором глобального экономического влияния и в связи с этим у Евросоюза появляется больше возможностей проводить экономическую и валютную политику, независимую от США.

2. Организационный ресурс. Можно сказать, что как раз активное ис-

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Юрий Ивлонвич Шелистов**.

пользование организационного ресурса — это одна из определяющих черт стиля «soft power», практикуемого Евросоюзом. Он участвует во всевозможных многосторонних общемировых и региональных организациях, режимах, диалогах, форумах и т. д. Примером применения организационного ресурса может служить помощь в разрешении грузино-югоосетинского конфликта в августе 2008 года. Европейский Союз обладает огромным влиянием во Всемирной торговой организации (ВТО). Активно используя процедуры разрешения торговых споров в рамках ВТО, он отстаивает свои интересы в отношениях с Соединенными Штатами.

3. Экологическая составляющая. По словам Дэвида Милибенда, любая образцовая держава в XXI веке должна ограничить выделение углекислого газа в атмосферу. Решения в области экологического регулирования, установленные в одностороннем порядке, цели по сокращению выбросов парниковых газов и готовность взять на себя новые обязательства — все это свидетельствует о больших амбициях Евросоюза продемонстрировать образцовый комплекс мер в вопросах препятствования изменению климата. Такая позиция оказывает определенное политическое давление на другие государства и мотивирует их к соответствующим действиям.

4. Четвертый принцип можно определить таким утверждением: «Глобальная Европа должна быть открытой Европой». Евросоюз достиг больших успехов в реализации этого принципа, он придерживается открытости в том, что касается торговли, идей, инвестиций, а также интегрировании новых общностей. И если он продолжит эту политическую линию, то возможно будет решить главную причину миграции — плохие экономические перспективы соседних государств.

5. Культурно-политическое влияние. Это необходимость мирного разрешения споров, соблюдение прав и свобод человека и этнических меньшинств, обеспечение экономической и политической стабильности на основе повышения благосостояния граждан, обеспечение общественной солидарности, дружественная внешняя политика. Эти ценности имеют широкий диапазон влияния — от Восточной Азии до Латинской Америки.

Однако наряду с большими возможностями, налицо и некоторые серьезные трудности и ограничения на пути к лидерству.

1. Трудности во внутренней организации. В частности, в использовании находящихся в его распоряжении ресурсов. По сравнению со структурами национальных государств, руководящие органы ЕС не могут оперативно направлять ресурсы в нужном направлении и концентрации, а также осуществлять их переключение с одного направления на другое. Эта проблема связана со сложностью процесса принятия решений, когда приходится согласовывать мнения 27 национальных государств.

2. Слабый военный потенциал ЕС. ЕС в военно-политическом измерении имеет сложную структуру. Можно выделить три его измерения: национальные государства, сам Евросоюз, блок НАТО. Можно сделать вывод о том, что в данном аспекте ЕС обладает слабым потенциалом и сомнитель-

ным статусом в качестве целостного субъекта.

3. Зависимость от США и энергетическая зависимость от России. США стремятся сохранить статус мирового лидера и свое влияние на мировую политику. К примеру, на западноевропейские государства США воздействуют еще на этапе планирования внешнеполитических проектов ЕС, ограничивая нежелательные для Вашингтона аспекты внешней политики и обороны.

4. Демографические и инновационные трудности. Главная проблема Европы — это изменение демографической ситуации. Население сокращается и стареет, в результате чего все меньшее число работающих будет вынуждено обеспечивать большее число пенсионеров. Также можно отметить проблему так называемой «утечки мозгов» из-за недостаточно развитой системы стимулирования научно-исследовательских разработок и инноваций. Европа также отстает от США в разработке и внедрении информационных технологий; более того, в силу глобализации повышается конкуренция, особенно со стороны Индии и Китая.

* * *

Изменчивость, неустойчивость и неопределенность современной международной среды заставляет по-новому оценить достоинства и слабости европейской модели лидерства. Стратегия «мягкого лидерства» вызывает гораздо меньшее сопротивление среды и связана с меньшими рисками от попыток ему противостоять. В этом одновременно заключается как ее слабость, так и преимущество.

Библиография

1. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / Авт. коммент.: Кашкин С. Ю., Четвериков А. О.; пер.: Четвериков А. О. — М.: ИНФРА-М, 2008. — 696 с.
2. Милибэнд Д. Европа как образцовая держава // Независимая газета : [сайт]. [2007]. URL: http://ng.ru/courier/2007-11-26/13_europe.html (дата обращения: 13.07.2009).
3. Стрежнева М. В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. — 2005. — № 1. — С. 17–28.
4. Тарасов И. Н. Перспективы внешнеполитического единства ЕС [Электронный ресурс] // Международные процессы. — 2009. — № 1. URL: <http://intertrends.ru/fifteen/007.htm> (дата обращения: 07.09.2009).
5. Троицкий М. А. Европейский Союз в мировой политике // Международные процессы. — 2004. — № 2. — С. 43–58.
6. Яжборовская И. С. Европейский союз на путях политической интеграции. — М.: Современ. экономика и право, 2004. — 119 с.

Андрей Викторович Манойло

Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационной политики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

Модели управления политическими конфликтами

Аннотация

В статье представлена авторская классификация современных культурно-цивилизационных моделей психологического управления международными и внутривнутриполитическими конфликтами.

Ключевые слова: международные отношения, психологические операции, информационная безопасность, модели управления конфликтами, технологии информационно-психологического воздействия, информационная война.

Множественность современных конфликтов и все возрастающая опасность, которую они представляют для глобального развития, требуют от мирового сообщества эффективных мер по их урегулированию и разрешению. Между тем, международная деятельность по урегулированию внешнеполитических конфликтов сегодня переживает системный кризис. Последний, в частности, переживает ООН, что выражается в неудачных попытках урегулирования и разрешения многих продолжающих существовать сегодня конфликтов (которые в результате такого вмешательства в лучшем случае переходят в «замороженную» фазу), требует не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами. В этих условиях многократно повышается значимость информационно-психологических технологий как реальной альтернативы силовым методам «принуждения к миру» и «гуманитарных интервенций».

Между тем, сегодня эта политическая ниша сегодня практически полностью занята моделями и технологиями информационно-психологического управления конфликтами, предлагаемыми представителями четырех основных мировых цивилизаций: англо-саксонской (США, Великобритания), романо-германской (Западная Европа, прежде всего — Германия и Франция), ближневосточной (исламский мир) и восточноазиатской (Китай, Япония, Вьетнам, и т. д.). Все эти модели эффективно работают в зонах конфликтов, не вступая во взаимные противоречия, а во многом и дополняя друг друга. Их индивидуальные особенности отражают культурно-цивилизационные и национально-государственные различия в мировоззрении существующих мировых цивилизаций на разрешение конфликтных ситуаций и очевидным образом появляются во внешней политике ведущих мировых лидеров: методы, применяемые США и Великобританией (относящихся к англо-саксонской цивилизации), существенно отличаются от методов и технологий воз-

действия на конфликтную ситуацию стран Восточной Азии, Ближнего Востока и даже Европейского Союза.

В основе англосаксонской модели лежит укоренившаяся в сознании и проникшая в подсознание достаточно исторически молодая идеология и мировоззрение протестантизма: все три основные американские идеологические концепции («экспорт демократии», «силовое умиротворение» и «бархатные революции») являются по своей сути переработкой и развитием основных норм протестантского мировоззрения. В основе восточноазиатской традиционной модели в основном лежит конфуцианское мировоззрение и идеология, а также философское учение Лао-Цзы. В основе романо-германской модели — значительный опыт конфликтного сосуществования различных народов в рамках тесной Европы и историческая культурно-религиозная традиция католицизма. В основе же ближневосточной модели, сформированной в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, обнаруживается исторический опыт расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее своего оппонента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «психологическая война»). Англосаксонская модель базируется на протестантском мировоззрении и этике успешности, полезности конечного результата.

Восточноазиатская модель исходит из цели разрешения конфликтной ситуации в постепенном, длительном встраивании (интеграции) политических систем и ценностей конфликтующих сторон, оппонентов в собственную систему политических отношений (например, тайваньская проблема, «возвращение» Гонконга: «одна страна — две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников. Известно исчезновение целых народов и этнических групп в Китае в результате длительной ассимиляции (манчжуры, динлины — таштыкская культура, и другие «варвары»¹).

Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламской идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который вклю-

¹ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. — М.: Наука, 1983. — С. 63.

чает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру. В шиитской ветви ислама, господствующей в Иране, отсутствуют призывы к джихаду против «неверных», более того, лидеры этой страны высказывают предложения о межцивилизационном диалоге¹, выступают за поиск взаимопонимания между христианскими и мусульманскими странами и народами, причем не путем взаимного отрицания ценностных установок, но посредством заимствования (обмена) культурных и технологических достижений.

Романо-германская (он же западноевропейская) модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников за счет принятия устоявшихся в этой цивилизации господствующих этических норм и стереотипов. Эта модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, т. е. смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

Анна Александровна Петрухина

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Ислам и политика в современном мире

Аннотация

В статье рассматривается появление политического ислама в современном мире. Особое внимание уделено исламскому экстремизму, исламизму как попытке поиска альтернативной социально-политической системы западному миру.

Ключевые слова: ислам, исламизм, исламское государство, исламский фундаментализм, исламский экстремизм.

Общеизвестно, что в течение достаточно продолжительного времени в разных регионах мира в различных дестабилизационных процессах активно участвуют исламские (исламистские) организации, движения, группировки и режимы. Террористические акты, конфликты разной интенсивности и военные действия характерны для таких регионов, как Ближний и Средний Вос-

¹ Ислам, диалог и гражданское общество / Хатами М. — М.: Росспэн, 2001. — С. 141.

² Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Маргарита Стефановна Кудряшова**.

ток, Центральная Азия, Западная Европа, Латинская Америка, США, «черная» Африка, а также Россия (Чечня и в целом Северный Кавказ).

Террористические акты 11 сентября 2001 года, последующие теракты, совершенные исламскими экстремистами в Западной Европе, в России и в ряде самих мусульманских государствах заметно усилили внимание к исламу во всем мире.

Интерес к исламу объясняется не только действиями террористов, но и возрастанием его политической роли. Это показали выборы, проходившие в ряде мусульманских государств (в Марокко, в Пакистане, в Египте, в Бахрейне, в Турции и некоторых других), где исламисты увеличили в несколько раз своё представительство в парламентах. Во многих арабских странах идёт рост числа людей, ориентированных на крайние формы исламской религиозности. Так, например, в Египте «Братья-мусульмане» превратились в мощную политическую силу. Исламисты сегодня имеют большое влияние в Иордании, в странах Персидского залива, в странах Северной Африки.

Исламизм — это идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание государства, основанного на исламских нормах, прописанных в Шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны). Причем исламизм выступает за революционные и радикальные решения, которые подразумевают разрушение существующей политической системы и её замену исламским государством. Ислам отвергает различия между государственной и духовной властью — принцип «deen wa dawla» означает, что все аспекты поведения и жизнедеятельности человека, как, например, мораль, политика, экономика, культура, образ жизни и т. п., регулируются правилами Корана и учением Мухаммеда. Исламизм стремится создать условия для применения шариатских норм во всех сферах жизни людей, поэтому является разновидностью фундаментализма и пронизан идеями политического радикализма.

Ислам в его историческом развитии прекрасно адаптируется к изменяющимся условиям общественной жизни. Сегодня исламисты утверждают, что ислам предлагает социально-политическую систему, отвечающую нынешним потребностям развития общества. Таковую, например, как в Ираке и в Афганистане, где установились фундаменталистские режимы.

Генезис современного политического ислама сложился под влиянием местных, региональных и глобальных факторов. В новейшее время мусульманские государства оказались на периферии современных научно-технических достижений. Среди них есть очень богатые в экономическом отношении страны, но большинство живет в условиях абсолютной бедности, с глубокими экономическими и социальными проблемами.

В современных условиях в исламских обществах возникло ощущение того, что их национальной идентичности и вековым устоям исламского общества грозит опасность быть уничтоженными ценностями и образом жизни западного мира, который им насильственно навязывают западные государства: рыночную экономику, светские ценности и идеалы, общество потрепле-

ния, западную массовую культуру и т. п. Кроме того, стремление некоторых западных кругов установить контроль над нефтяными богатствами исламского мира также вызвало значительную его радикализацию. Поэтому идея создания исламского государства, которое могло бы обеспечить быстрое решение существующих противоречий, получает значительный отклик среди широких слоев мусульманского населения.

Современный исламский экстремизм имеет глубокие корни. Он подпитывается как политическими, так и социально-экономическими причинами. Об этом говорит и внешнеполитическая ситуация: продолжающаяся неурегулированность ближневосточного конфликта, неопределенное положение Ирака. Ситуацию в Афганистане все труднее удерживать под контролем сил НАТО и других членов коалиции, а иностранное присутствие в Афганистане используется для мобилизации исламских экстремистов.

На наш взгляд, сами по себе исламистские проекты создания исламского государства не способны ни в настоящее время, ни в перспективе стать объединяющим и стабилизирующим фактором, поскольку важнейшими составляющими политического поведения мусульман являются также этничность и клановость, различающиеся истолкования Корана; отношение к модернизации и секуляризации. Но в случае критического обострения противоречий, исламистский фактор может сыграть свою дестабилизирующую роль в современном мире.

Библиография

1. *Игнатенко А. А.* Ислам и политика: сборник статей. — М.: Институт религии и политики, 2004. — 256 с.
2. Ислам и политика. Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии / Отв. ред. Белокрыцкий В. Я., Егорин А. З. — М.: Крафт+ ИВ РАН, 2001. — 416 с.
3. *Магомедов А. К.* Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. — Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2006. — 70 с.
4. *Наумкин В. В., Макров Д. В.* Исламский фактор в мировой политике и интересы России // Журнал «Стратегия России» : [сайт]. URL: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1185274200&archive=1185275035&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 21.07.2009).
5. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / Руководитель проекта: Семигин Г. Ю. — М.: Мысль, 1999. — 750 с.

Никита Юрьевич Пичугин

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Внешнеполитические стратегии государств и информационная повестка дня в Арктическом регионе

Аннотация

В данной статье автор анализирует геополитическую ситуацию в арктическом регионе и рассматривает стратегии политических акторов, вовлеченных в борьбу за ресурсы региона. Целью работы является анализ проблемного поля информационных стратегий политических акторов в Арктическом регионе. Рассматривается степень и характер влияния информационного контекста на принятие решений о статусе и общих принципах дальнейшего развития Арктики как геополитического региона.

Ключевые слова: стратегия, Арктика, повестка дня, информационное пространство, геополитика.

Развитие информационных технологий в последние десятилетия привело к переосмыслению одного из базовых компонентов политической науки и основополагающей категории такой отрасли политического знания, как геополитика, а именно — феномена пространства. Его традиционное рассмотрение, сводившееся к восприятию географических параметров региона/государства/территории как определяющих при позиционировании на мировой арене, сегодня не столько теряет актуальность, сколько дополняется новыми измерениями. Это связано с тем потенциалом, который воспринимают на себя политические акторы, так или иначе обращаясь к использованию информационных и цифровых технологий, преобразующих традиционную реальность, снабжающих её новыми параметрами — скоростью, мобильностью, гибкостью. Это стимулирует актора к позиционированию себя как в рамках «реального» геополитического пространства, обладающего характеристиками физической территориальности, так и в рамках той проекции региона, которая возникает в структуре формирующегося глобального информационного пространства.

Грамотно выстроенная информационная стратегия политического актора, направленная на завоевание преимущества не только на уровне глобального или локального информационного пространства, но и в рамках определенного геополитического региона, в качестве «целевой аудитории» рассматривает и ту часть мирового сообщества, которая имеет влияние на оцен-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

ку действий данного актора или принятие решения по спорному вопросу.

В связи с описанными выше обстоятельствами представляется необходимым определение характера и степени влияния информационной составляющей геополитического позиционирования политического актора в рамках отдельного макрорегиона. Для исследования данной проблематики автором выбран Арктический регион как своеобразный фронтир, геополитический узел, в котором сталкиваются интересы политических акторов различного спектра. Это обусловлено тем, что Арктика является крупнейшим регионом на планете, в отношении статуса которого до сих пор ведутся дискуссии.

В последнее время, в связи с обнаружением информации об обнаружении в Арктике огромных (по масштабам планеты) запасов нефти, газа и иных природных ресурсов, этот геостратегический регион стал объектом пристального внимания крупных политических акторов. С одной стороны — это арктические государства (Россия, Норвегия, Исландия, Дания — благодаря Гренландии и Фарерским островам, Канада и США — благодаря Аляске), а с другой — акторы, непосредственно не связанные с ним: государства (Китай, Германия, Япония, Индия и др.)¹; транснациональные корпорации (BP, Shell²; военно-политические блоки и наднациональные образования (НАТО и Европейский Союз). В связи с тем, что непосредственное присутствие второй группы акторов в Арктическом регионе затруднено объективными обстоятельствами — территория на протяжении практически всего года покрыта льдом и недоступна для освоения; кроме того, не все акторы имеют технические ресурсы для доступа в Арктику — единственным полем, в котором они могут себя позиционировать, является информационное пространство. Поэтому основные силы данные политические акторы направляют на использование информационного ресурса как наиболее открытого и доступного.

Основным инструментом ведения политики в данном поле является выстраивание актором информационной стратегии, в соответствии с которой он будет осуществлять коммуникацию с другими акторами. Учитывая потенциал современных информационных ресурсов и их влияние на мировой и локальные политические процессы, позиционирование актора в рамках информационного (геоинформационного) пространства представляет особый интерес для исследователя.

Важным представляется установление акцентов, выделение общих пунктов повестки дня, типичных для большинства акторов, — тех пунктов, которые формируют геополитический дискурс и предопределяют политику акторов в регионе. В данном случае к их числу необходимо отнести следующие пункты арктической повестки дня:

¹ Ледовое побоище. Арктический шельф в мировой политике и экономике XXI века / Андриянов В. И. и др. — М.: Трибуна, 2009. — С. 36.

² Там же. С. 139.

- экологический фактор и техногенная обстановка в регионе;
- циркумполярные арктические транспортные пути;
- ресурсно-экономическое освоение Арктики;
- военно-стратегическая обстановка в Арктическом регионе;
- приграничные споры и сотрудничество акторов.

Во многом, они представляют собой спорные вопросы, по которым присутствует несколько вариантов решения отдельной проблемы. Данные варианты и, что важно, практики их реализации в пространстве Арктики как геополитического региона являются предметом дискурса акторов, под влиянием которого они (акторы) изменяют характер своей информационной стратегии. Предполагается, что данные изменения в некоторой мере предопределяют и характер осуществления пространственных практик, иными словами, формата отстаивания акторами их геополитических интересов в регионе.

Активная совместная работа стран-членов Арктического совета по всестороннему научному изучению потенциалов региона станет фундаментальной базой легитимного международно-правового закрепления арктических секторов за суверенными государствами. Совместные проекты финансовых структур и топливно-энергетических компаний стран в экономическом и технологическом освоении Арктики приведут к взаимовыгодному партнёрству, прибыль от которого необходимо вкладывать в развитие территории, поддержку её уникальной экосистемы, сохранение культуры коренных народов и подготовку профессиональных специалистов для дальнейшего освоения потенциала и богатств, которые хранит Арктический регион. Согласованные действия политических акторов в этом направлении снимут конфликтный потенциал повестки дня и укрепят пока только формирующийся благоприятный информационный климат в Арктике.

Библиография

1. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. и др. — М.: Наука, 2002. — 356 с.
2. Ледовое побоище. Арктический шельф в мировой политике и экономике XXI века / Андриянов В. И. — М.: Трибуна, 2009. — 271 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 года; Пр-1440) [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт] [2008]. URL: <http://rg.ru/2008/05/26/konceptsiya-dok/> (дата обращения: 11.07.2009).
4. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 18 сентября 2008 года; Пр-1969) [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт] [2009]. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения: 11.07.2009).

Елена Павловна Пугачева

Студентка гуманитарного факультета Саратовского государственного социально-экономического университета¹

Энергетический аспект Каспийской политики Европейского Союза

Аннотация

Настоящая статья посвящена выявлению сущности и содержания Каспийской политики Европейского Союза в контексте диверсификации добычи и транспортировки энергоресурсов.

Ключевые слова: Европейский Союз, энергоресурсы, Каспийская политика, Восточное Партнерство, Набукко.

Развитие текущих геополитических процессов в Центральной Азии свидетельствует о возрастании значения региона в мировой политике. Он стал зоной соперничества и конкурентного сотрудничества великих держав современности. В Каспийском регионе сплелись интересы многих мировых лидеров (США, Китай, РФ, ЕС). В их ряду Европейский союз (ЕС) как интеграционное образование занимает особое место.

Задачей данной работы является выявление содержания Каспийской политики Евросоюза. В самом общем виде ее можно охарактеризовать как энергетическую политику ЕС, стратегию продвижения своих интересов в этой сфере в регионах Центральной Азии (ЦА), Южном Кавказе и Большом Ближнем Востоке.

Первые шаги в этом направлении были сделаны ЕС в 1992 году, когда он стал устанавливать первые контакты с новыми государствами Центральной Азии. Важными вехами в сотрудничестве стали такие события как, например, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с рядом государств (Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном), Программа сотрудничества ЕС со странами Центральной Азии на период 2007–2013 годов. Тактика ЕС подразумевает как использование действующих нефтепроводов, таких как «Дружба», так и активное участие в разработке шельфов Каспийского моря. Участие в нефтяной и газовой добыче каспийского региона принимают компании Shell (Голландия), TotalFinaElf и Schlumberger (Франция), ENI и Agip (Италия), British Petroleum и Lasmo (Великобритания), REPSOL (Испания), Wintershall (Германия) и Petrom (Румыния). Основным для ЕС региональным экспортером является Казахстан, ежегодно обеспечивающий до 20% всего импорта газа и нефти, поставляемого в страны ЕС. По данным Агентства Республики Казахстан по статистике, в структуре импорта энергоресурсов на

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии гуманитарного факультета Саратовского государственного социально-экономического университета **Илья Николаевич Тарасов**.

ЕС приходится более 95%.

Энергетическая политика Евросоюза, направленная на диверсификацию не только добычи, но и транспортировки энергоресурсов, не ограничивается регионом ЦА и охватывает постсоветское пространство и Большой Ближний Восток. Пример активного привлечения государств-транзитеров к сотрудничеству — программа «Восточное партнерство», стартовавшая 7 мая 2009 года. В идеале Партнерство должно стать проводником политики ЕС в регионе, а также институционализировать ее. Программа нацелена на сближение ЕС с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдовой, Беларусью и Украиной. Каспийская политика связывает воедино в рамках энергетического сотрудничества с Европой государства Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан), Южного Кавказа (Грузия, Азербайджан) и Ближнего Востока (Иран, Турция).

Энергетический аспект сотрудничества обсуждался в ходе саммита «Южный коридор — новый шелковый путь». Ключевым элементом «шёлковых» планов Евросоюза должно было стать подписание политической декларации по проекту «Набукко» (Nabucco). По итогам саммита была подписана декларация об увеличении поставок природного газа в Европу из стран Прикаспийского региона. Соглашение об увеличении поставок газа в Европу подписали Азербайджан, Турция, Грузия и Египет. Узбекистан, Казахстан и Туркмения, которые призваны наполнять гипотетическую евросоюзную трубу газом, отказались подписывать декларацию, носившую однозначно антироссийский характер. Ведь она не только не упоминала Москву в качестве ключевого партнера Евросоюза в энергетической сфере, но и преследовала цель торпедировать договорённости, уже достигнутые Россией со своими партнёрами по закупке природного газа, его транспортировке в Европу по существующим маршрутам, а также сооружения газопровода «Южный поток» через Балканы далее в Европу.

13 июля 2009 года в Анкаре было подписано межправительственное соглашение по проекту «Набукко» между Турцией, Австрией, Венгрией, Болгарией и Румынией. Основными газовыми источниками «Набукко» считаются Азербайджан и Туркменистан, однако объемов сырья, которые из этих стран планируется перекачивать в Европу, недостаточно для выведения трубы на проектную мощность. Перспективы стать крупным поставщиком газа в Европу имеет Иран, который, несмотря на сложные взаимоотношения с Западом, также заявил о желании подключиться к «Набукко». Не исключается и использование российского газа. Еще одной из составляющих ресурсной базы «Набукко» может стать Ирак — в Багдаде заявляют, что продолжают переговоры с ЕС о поставках газа в Европу. В итоге ориентация стран Каспийского региона смещается в сторону европейского направления; конкуренция между РФ и ЕС в этом регионе усиливается.

Каспийская политика Евросоюза не существует как целостная стратегия только в Прикаспийском регионе. Она складывается из политики ЕС в Центральной Азии, в восточном направлении (постсоветское пространство), на

Южном Кавказе (Грузия, Азербайджан) и Большом Ближнем Востоке (Иран, Ирак, Турция). Каспийская политика включает в себя и двустороннее сотрудничество с прикаспийскими странами (РФ, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Иран). В своей энергетической политике ЕС придерживается стратегии разграничения уровней сотрудничества. Уровень взаимоотношений РФ и ЕС — стратегический, потому в сфере энергетических интересов Россия занимает отдельное направление. С Ираном отношения выстраиваются более сложно, хотя в перспективе не исключается его участие в «Набукко». Россия и Иран рассматриваются скорее как страны-конкуренты по отношению к Каспийской политике Евросоюза.

Поскольку ЕС ведет стратегию диверсификации энергоресурсов, его Каспийская политика не ограничивается только прикаспийскими странами, в нее включаются не только страны-экспортеры энергоресурсов, но и их транзитеры. Поэтому термин Каспийская политика не укладывается в схему регионального деления, так как охватывает регионы Центральной Азии, Южного Кавказа и Большого Ближнего Востока. Содержание Каспийской политики ЕС определяет стратегия на укрепление сотрудничества, углубление экономических, в первую очередь, энергетических связей без непосредственной интеграции в европейское сообщество.

Библиография:

1. *Гусейнов В. А.* Каспийская нефть. Экономика и геополитика. — М.: ОЛМА-пресс, 2002. — 379 с.
2. *Казанцев А. А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: Фонд «Наследие Евразии», 2008. — 248 с.
3. *Миллер Н. Н.* Каспийская региональная система политических отношений и перспективы политики России : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Ставрополь, 2005. — 21 с.
4. *Петров С. П.* Каспийская нефть как фактор мировой и региональной политики. Конец XX — начало XXI вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15. — Москва, 2005. — 167 с.
5. *Уразов А.* Политика Европейского Союза в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Аналитический центр «Разумные решения» : [сайт]. [2006]. URL: <http://analitika.org/article.php?story=20051124041328945> (дата обращения: 16.07.09)
6. Центральная Азия в контексте трансформации современных международных отношений: материалы и тезисы регионального семинара. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. — 59 с.
7. В Праге открывается саммит ЕС «Восточное партнерство» [Электронный ресурс] // Вести.Ru : [сайт]. URL: [http://vesti.ru/doc.html?id=283090/](http://vesti.ru/doc.html?id=283090) (дата обращения: 22.07.2009).
8. Фонд стратегической культуры : [сайт]. URL: <http://fondsk.ru/>

Андрей Сергеевич Семченков

Кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Сеть глобального влияния мировых лидеров и пути ее нейтрализации

Аннотация

В статье рассматривается феномен сети глобального влияния мировых лидеров — Британии и США — как одного из важнейших инструментов осуществления мирового лидерства. Автором выделяются два уровня сети: глобальный, где сеть представлена как иерархическая подсистема управления, включающая наднациональные неправительственные форумы и федеральные органы исполнительной власти США, и многочисленные национальные сегменты в странах операционной деятельности. Основными характеристиками сети выступают: тенденция к максимальной анонимности заказчика — мирового лидера, включение и встраивание интересов, целей и проектов участников сети в его стратегию, реализация тайных операций, функционирование разведывательных структур мирового лидера как организационной основы сети. Автор уделяет внимание явлению самосинхронизации сети глобального влияния США, приводит примеры её проявления в отношении России, а также характеризует ответные действия последней. Участниками отечественного сегмента сети в периоды истории Российской империи и Советского Союза стали взаимно координирующие свою деятельность политические и финансово-экономические элиты, группы интересов, политические партии и движения, этнические и конфессиональные группы, общественные организации. Приводится авторская типология операций сети глобального влияния: стратегическая долгосрочная, среднесрочная и краткосрочная формы. В качестве примеров анализируются стратегическая долгосрочная операция «Лиотэй», среднесрочная операция — действия администраций Р. Рейгана Дж. Буша-старшего против СССР в 1980-е годы, краткосрочные операции — «бархатные» и «цветные» революции в ряде стран постсоветского пространства в 2000-е годы. В заключение анализируются модели и варианты противодействия сети в современных российских условиях.

Ключевые слова: сеть глобального влияния мирового лидера, заказчик операций, самосинхронизация сети, операционная деятельность, сегмент сети, участник сети.

Сеть глобального влияния мировых лидеров (Великобритании, США) — достаточно давно существующий, но мало осмысленный как целое феномен мировой политики. Основное внимание исследователей уделялось не самой сети, а ее отдельным сегментам и участникам, действующим на уровне тех или иных стран. Проявлениями этой деятельности в XX столетии стали многочисленные государственные перевороты в странах Латинской Америки, наиболее известным из которых является приход к власти в Чили военной хунты во главе с генералом Аугусто Пиночетом, поддержанным американскими транснациональными корпорациями и спецслужбами, неоднократные случаи давления на суверенные государства, тайная дипломатия и тайные операции, активность неправительственных правозащитных, гуманитарных организаций, частных военных компаний. Управление, координация деятельности такой сети не сводится к отданию прямых директив, широко используется опыт автономной деятельности повстанцев, партизанских движений, террористических групп; находит свое применение и рефлексивное управление другими сетями или группами, которым оказывается негласная и остающаяся скрытой для самих данных организаций помощь, а внедренные в них агенты влияния направляют деятельность этих структур по нужному руководству США направлению, часто не понимая и не осознавая тех опасных последствий, которые оно несет. В сеть глобального влияния США входят также спецслужбы западных и других государств, действующие в содружестве с американским разведывательным сообществом, оказывающие ему услуги или прямо выполняющие его поручения и задания на началах своеобразного подряда или субподряда¹.

Сеть глобального влияния можно рассматривать как один из важнейших инструментов осуществления мирового лидерства, включающего в качестве участников целый ряд политических акторов и агентов.

Одной из характеристик данной сети в настоящее время является тенденция к **максимальной анонимности заказчика операций — мирового лидера**, влияние которого можно идентифицировать лишь по прямым или опосредованным связям участников со структурами, обеспечивающими подготовку дестабилизирующих акций, а также по наличию его стратегических интересов в странах и регионах мира, в которых реализуется сетевая операционная деятельность.

Другая характеристика — **включение и встраивание интересов, целей и проектов участников сети в стратегию мирового лидера**. Перестройка рассматривается отдельными исследователями² как проект, привлекающий к своей реализации множество различных политических акторов (она была

¹ См.: Лекарев С. В. Лондон наносит удар через Ригу // Аргументы недели. — 2008. — № 6. URL: <http://argumenti.ru/publications/5983> (дата обращения: 04.08.2009); Лекарев С. В. «Гастарбайтеры» из ЦПУ на заработках в России // Аргументы недели. — 2008. — № 3. URL: <http://argumenti.ru/publications/5798> (дата обращения: 04.08.2009).

² См. Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. — М.: Вече, 2003. — 461 с.; Фроянов И. Я. Погружение в бездну. — М.: Алгоритм, 2001. — 523 с.

выгодна партийной номенклатуре на уровне Центра, республик и регионов, части директорского корпуса, заинтересованного в приватизации государственной собственности, представителям теневой экономики) и агентов (политических групп, движений, националистических, религиозных организаций, СМИ и др.) в СССР и ставший при этом частью стратегии США по удержанию мирового лидерства. Интересы всех заинтересованных участников и заказчика при этом согласовываются взаимно уравновешиваются.

Третья характеристика сети глобального влияния — **реализация в качестве основной формы деятельности тайных операций**, вытекающих из применения невоенных средств и военной силы в виде непрямых действий. Тайные операции — достаточно широкий формат, включающий в себя информационно-психологические и силовые операции террористических, революционных, сепаратистских сетей и ряд вспомогательных действий, направленных на эффективное управление ими и их обеспечение.

Четвертая характеристика сети состоит в том, что ее **организационную основу составляет разведывательная сеть мирового лидера** — ранее это сеть британской «Intelligence service», сегодня — сети американского разведывательного сообщества. Собственно говоря, эта характеристика и объясняет, почему основной формой деятельности сети являются тайные операции. В свою очередь, глобальное влияние вытекает из присущего как британской, так и американской разведке глобалистского подхода к ведению разведывательной деятельности, которого они придерживаются на протяжении всех периодов своего лидерства в мировой политической системе.

Сеть глобального влияния США, предназначение которой сегодня формулируется как ведение сетевых войн, является в основном двухуровневой структурой. Первый ее уровень — глобальный или международный, где сеть представлена как иерархическая подсистема управления (координации, логистики, информационного, организационного, кадрового, финансового обеспечения), включающая наднациональные неправительственные форумы (например, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, вырабатывающие общую для западных стран стратегию обеспечения их интересов и контролирующие ее реализацию) и федеральные органы исполнительной власти США (Государственный департамент, Министерство обороны, разведывательные службы, координирующие органы — Аппарат Белого дома, Центральную разведку и др.). Второй уровень — многочисленные, составленные из локальных оппозиционных, террористических, разведывательных, сепаратистских сетей, филиалов транснациональных корпораций, сект, этнических и конфессиональных диаспор национальные сегменты в странах операционной деятельности. Координация этой деятельности на всех этапах осуществляется эмиссарами первого уровня, которые находятся либо в стране пребывания локальных сетей, либо в государстве по соседству, являющемся, как правило, «молодой демократией».

Локальные сети предназначены действовать или готовить акции по своему профилю автономно, получая широкую самостоятельность в исполне-

нии общих заданий и планов уровня сегмента и подсистемы управления сети глобального влияния Соединенных Штатов. В острых для выполнения задач ситуациях подсистема управления сможет как «старший начальник» оказать и силовую поддержку локальным сетям дипломатическими средствами или военной силой.

В отечественной истории первыми признаками складывания, существования и операционной деятельности сегмента сети глобального влияния лидера мировой политики — Британии и США в разные периоды времени служат события, свидетельствующие о синхронности акций враждебных России государств и внутренней радикальной оппозиции, террористических организаций и сепаратистов. В. Е. Шамбаров и Н. В. Стариков указывают на признаки поддержки иностранными государствами восстания декабристов 14 декабря 1825 г., Кавказской войны, восстания в Польше 1863–1864 гг., деятельности практически всех революционных партий и движений, в особенности их лидеров — от А. И. Герцена и Н. П. Огарева до В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого¹. Поддержка обеспечивалась не только явным радикалам, но и скрытым неблагонадежным и недовольным, например, старообрядчеству, чьи купечество и промышленники своим процветанием в XIX — начале XX века обязаны британской разведке, спонсируя по ее указанию учебу и деятельность «русских» революционеров². Ячейками и агентами сети британского и американского влияния в России стали в свое время дипломаты иностранных посольств и резидентуры спецслужб, тайные дворянские общества, партии и движения радикальных революционеров, старообрядцы, контролировавшие половину промышленности Российской империи, крупнейшие банковские дома — основатели Федеральной резервной системы США и филиалы их банков в России, министры и товарищи министров, депутатские фракции в Государственной Думе, даже миссии Красного креста. Как и прежде, существенным подспорьем служили антироссийские коалиции, куда помимо Британии, Франции, Австро-Венгрии, входили Турция, Япония и другие державы, формировавшие свои сегменты сети и согласовывавшие свои действия на высшем политическом уровне. На примере обеих революций 1917 г. можно утверждать, что каждая из ячеек или ключевых участников действовали, выполняя общий неведомый им план, строго в определенные периоды времени, сменяя друг друга после выполнения конкретных задач — В. Е. Шамбаров видит такую смену в работе разных составов Временного правительства, искусственной задержке с приездом в Россию Ленина в 1905 г., а затем и Троцкого накануне Октябрьской революции³.

¹ См.: Стариков Н. В. От декабристов до моджахедов. — СПб.: Питер, 2008. — 282 с.; Он же. 1917. Разгадка «русской» революции. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 412 с.; Шамбаров В. Е. Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. — М.: Алгоритм, 2008. — С. 33–44; он же. Вихри враждебные // Красная звезда. — 2009. — № 62, № 67, № 72.

² См.: Галковский Д. Е. Они работали против России // Красная звезда. — 2009. — № 39. URL: http://www.redstar.ru/2009/03/11_03/5_03.html (дата обращения: 04.08.2009).

³ См.: Шамбаров В. Указ. соч.

Исследователь сетевых структур В.М. Коровин следующим образом характеризует механизм формирования сети. Заказчик в сетевой операции не является, по его мнению, непосредственным участником действий. Начало сетевой операции требует создания граничных условий, позволяющих заинтересовать и естественным образом вовлечь в действия ее участников. На примере операции в Чечне показывается, что такими участниками были: английские организации и финансисты-наследники британских финансовых империй, заинтересованные в возврате контроля над нефтяными ресурсами республики; Саудовская Аравия, стремившаяся к распространению ваххабизма в Чечне; Польша и другие страны Восточной Европы, создававшие благоприятный для сепаратистов информационный фон освещения событий в очаге конфликта; Турция, учитывавшая положение Чечни в планах установления своего влияния на Азербайджан. Вклад этих участников в осуществление операции состоял в том, что английские организации обеспечивали ее финансирование, Саудовская Аравия поставляла кадры для формирования боевиков, Польша и Восточная Европа обеспечивали информационную поддержку, через Турцию и Азербайджан были осуществлялись поставки вооружений¹.

Следует отметить, что **сетевые операции** могут делиться на **стратегические** — долгосрочные, **среднесрочные** и **краткосрочные** — отдельные эпизоды предыдущих. Примером стратегической операции, длившейся, как минимум, с 1947 г. по 1991 г., стал план «Лиотэ» («Льотей»), идея которого принадлежит заместителю шефа МИ-6 и руководителю британской внешней контрразведки Валентайну Вивьену. «Как глава внешней контрразведки, он был осведомлен о всех операциях МИ-6 на территории СССР. Анализ этих материалов и подсказал ему идею разработки комплексного плана борьбы с «советской угрозой». В основу плана была положена долговременная программа дестабилизации в советских республиках Средней Азии и Закавказья «с использованием религиозных, антирусских и националистических чувств и той ожесточенной ненависти, которую должен вызывать к себе советский режим во многих слоях населения». Если социалистическое сообщество лишить цельной идеологии и перессорить его членов между собой, весь монолит соцсодружества может рассыпаться»². «Операция Лиотэ» — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест... внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство, для сбора разведывательных данных и организации мероприятий»³. Планирование и организация операции были поручены специальной группе, возглавлявшейся представителем МИД Ве-

¹ См.: Коровин В. М. Главная военная тайна США. — М.: Яуза: Эксмо, 2009. — С. 55–57.

² Лекарев С. В. «Льотей» — стратегическая операция английской разведки // Аргументы недели. — 2006. — № 33. URL: <http://argumenti.ru/publications/2419> (дата обращения: 04.08.2009).

³ Мартиросян А. Б. Сталин и Великая Отечественная война. — М.: Вече, 2008. — С. 40.

ликобритании, и созданной по решению Комитета кабинета министров по вопросам коммунистической деятельности за границей (называвшемся по имени председателя Комитетом Джебба, а затем Комитетом Доддса-Паркера) от 29 июля 1953 г. Организация работы по сбору и анализу разведывательных данных и их дальнейшему использованию для решения поставленных задач отводилась МИ-6 — «Разведывательной службе Ее величества». Позднее к операции подключились ЦРУ, спецслужбы ФРГ и других стран.

Операция включала три цикла: «всасывание» — получение данных, «дистилляцию» — обработку данных и их переработку для потребностей ведения информационно-психологической войны, «излияние» — подготовку и доведение сообщений конкретным аудиториям. Наиболее ценной считалась информация, способная подорвать доверие к правящим партиям, обеспечить паралич деятельности правоохранительных органов, органов государственной безопасности и вооруженных сил. В коммуникациях допускалось использование сплетен, распространение слухов, искажение исторической правды в подготавливаемой и специально издаваемой для этого мемуарной и исторической литературе, подчеркивание исключительно негативных сторон истории и современности стран Организации Варшавского договора. Конечной целью этого являлось нейтрализация патриотических настроений в обществах Восточной Европы, провоцирование в них конфликтов между разными группами населения, большинством и меньшинством, поддержка оппозиции в ее противодействии законному руководству и в захвате власти для дезорганизации управления, формирования из этих государств внутренней оппозиции против СССР.

Как видно из целей и задач операции, она являлась планом информационно-психологической войны, что потребовало привлечь к ее осуществлению отдел дезинформации МИ-6, управление коммунистической информации МИД Великобритании, создать в МИ-6 отдел специальных политических акций и секцию пропаганды в нем¹.

Система краткосрочных операций включала операцию «Юно» — инспирированное летом 1953 г. восстание в ГДР, подготовленные к 1956 г. венгерские события, события в Чехословакии 1968 г., события начала 1980-х гг. в Польше, повлекшие введение на ее территории военного положения. С. Лекарев раздвигает временные рамки «Лиотэ» и замечает, что «дебют состоялся летом 1953 года. В Восточном Берлине на Сталин-аллею совершено неожиданно для спецслужб СССР и ГДР вышло 100 тыс. человек. Для подавления восстания были посланы советские войска.

За два года до начала волнений в Венгрии МИ-6 приступила к обучению будущих венгерских повстанцев обращению со взрывчатыми веществами и огнестрельным оружием. В этих целях в 1954 г. был налажен тайный вывоз диссидентов через венгерскую границу в британскую зону Австрии для обучения на специальных курсах подготовки боевиков.

¹ Там же. С. 40–44.

В 1959 г. в секретном приложении к плану «Льотей» с учетом уроков, извлеченных из событий в Венгрии, была проведена корректировка основных целей и задач. Для дестабилизации обстановки в Восточной Европе было предложено приступить к созданию внутренней оппозиции на базе этнических и конфессиональных особенностей населения.

Все эти директивы были использованы при подготовке и боевой поддержке афганских моджахедов. В учебных центрах велось обучение партизанской войне и саботажу в городах, обучали навыкам нападений на автомашины, склады горючего и боеприпасов, нефтепроводы, туннели и мосты.

Очередной этап операции «Льотей» получил свое развитие во время войны на Балканах. В дальнейшем эти механизмы продолжали действовать на территории Прибалтики, Средней Азии, а теперь Беларуси, Грузии, Монголии, Молдавии, Украины и Киргизии¹.

Среднесрочной сетевой операцией, весьма масштабной, охватившей несколько регионов Евразии, а также сферы международных экономических и военно-стратегических отношений, стала окончательная фаза холодной войны, приведшая, как и предполагалось «Лиотэ», к распаду Восточного блока и СССР. Заказчиком, судя по исследованию П. Швейцера², стала администрация президента США Р. Рейгана, активным организатором и координатором явилось ЦРУ, вовлекшее в эту операцию обманом, подкупом или угрозами ряд государств. Это Ватикан, действовавший против СССР с помощью «Солидарности» в Польше после инспирированного американской же разведкой покушения турецкого радикала на папу Иоанна-Павла II³; Саудовская Аравия, благодаря уговорам США инициировавшая резкое снижение цены на нефть — важнейшей статьи советского экспорта и организовавшая поток американского оружия и боевиков-ваххабитов в Афганистан для поддержки моджахедов против 40-й армии; Пакистан, чья объединенная разведывательная служба обеспечивала вместе с ЦРУ и Саудовской разведкой дестабилизацию Средней Азии. Сами США, в противоположность современной ситуации, описанной В. М. Коровиным, также приняли участие в сетевой операции, но в качестве ведущей державы, шантажировавшей советское военно-политическое руководство блефом безнаказанного нанесения по Москве ядерного удара ракетами средней дальности «Першинг», развертывания космической системы стратегической национальной системы противоракетной обороны «СОИ — Звездные войны». В совокупности тайная дипломатия, военно-политический шантаж, подрывные экономические меры и опе-

¹ Лекарев С. Цит. соч.

² Швейцер П. Победа. — Мн.: СП «Авест», 1995. — 464 с.

³ Подробнее об этом см.: Лекарев С. В. Покушение на Папу римского — инсценировка ЦРУ // Аргументы недели. — 2009. — № 7. URL: <http://argumenti.ru/publications/9017> (дата обращения: 04.08.2009).; он же. КГБ приказало «тормознуть» понтифика! // Аргументы недели. — 2009. — № 8. URL: <http://argumenti.ru/publications/9069> (дата обращения: 04.08.2009).; он же. Конец операции ЦРУ «Римский понт» // Аргументы недели. — 2009. — № 9. URL: <http://argumenti.ru/publications/9137> (дата обращения: 04.08.2009).

рации иностранных спецслужб как факторы информационно-психологической войны против не только рядового населения, но и лиц, принимающих государственные решения, поставили советское руководство и вслед за ним СССР в зависимое от США и их союзников положение, окончившееся распадом страны.

Самосинхронизация глобальной сети влияния США в контексте интенсивного скачкообразного развития информационных технологий, телекоммуникации и связи перестала быть трудной задачей и позволила повысить возможности одновременного проведения операций целого ряда национальных сегментов. Наглядные примеры успехов в деле самосинхронизации показаны Н. В. Стариковым при анализе превентивных действий США по срыву объединения стран-экспортеров природного газа и саботажа строительства нефтяных и газовых трубопроводов из России в 2002–2008 годах¹. Пытаясь провести в ряде государств-экспортеров «цветные революции» и оказывая давление в виде манифестаций и провоцирования политических конфликтов на европейские страны при подготовке соглашений о прокладке «Южного потока» и «Северного потока», заказчик (вероятнее всего, это Соединенные Штаты и другие государства — члены Международного энергетического агентства) стремились сорвать консолидацию производителей газа и не допустить, как полагают эксперты, дальнейшего сближения России и европейских стран-потребителей энергоресурсов. Таким образом, в глобальном плане США действовали путем нейтрализации неугодных правительств, а Россия — путем изоляции сегментов сети американского влияния от помощи из верхнего уровня — уровня управления (она выразилась в поддержке президента Венесуэлы Уго Чавеса как главы крупной страны-поставщика углеводородного сырья, походах в Атлантический океан боевых кораблей отечественного ВМФ, полетах стратегической авиации, совместных военных учениях Вооруженных сил России и Венесуэлы).

Как указывает В.М. Коровин, разветвленные западные сети существуют на сегодняшний момент и в самой России. Созданные в период правления Б. Н. Ельцина, они первоначально финансировались через систему грантов и представляли собой преимущественно неправительственные организации и общественные фонды. Деятельность многих из них на данный момент приостановлена по причине ее враждебного характера. Основной целью сетей являлось ангажирование элит, активной части российского общества, ее «переструктурирование» в западном, проамериканском ключе. Данная задача была решена почти полностью, российские элиты, подавляющая часть медиателиты страны укомплектованы кадрами, воспитанными и идеологически сформировавшимися в начале 1990-х гг. Несмотря на позитивные изменения последних лет, связанные с распознаванием технологии, разоблачением и противодействием реализации такой сетевой операции, готовившейся и в России, как «цветная» революция, сохраняется возможность активизации про-

¹ Стариков Н. В. Кризис. Как это делается. — СПб.: Питер, 2009. — С. 231–257.

американских сетей и центров для возврата политической ситуации в состояние начала 1990-х годов¹.

Пути противодействия сети глобального влияния США и развиты стран мира могут заключаться либо в срыве операций сети, основанных на модели информационно-психологической войны в отношении руководства страны, элит, основного населения, их индивидуального, группового и массового сознания, либо в разрушении самих локальных сетей и их узлов.

Говоря о втором пути, отметим, что ликвидация и дезорганизация сегментов сетевых структур на территории государства успешно осуществлялась диктаторскими режимами (подавление итальянской мафии Б. Муссолини, организованной преступности в послевоенные годы в СССР, ликвидация сети неправительственных организаций после событий в Анджане в 2005 г. в Узбекистане, контроль деятельности всех организаций и этнических меньшинств в Туркмении). Однако это действия лишь в «физическом пространстве», без использования возможностей в информационной и когнитивной сферах.

Более сложной является система мер противодействия сети, утвержденная И. В. Сталиным для защиты Советского Союза от акций холодной войны и получившая за рубежом название «железного занавеса»: ужесточение пограничного режима, усиление органов государственной безопасности, жесткий контроль за въезжающими и выезжающими из страны, строгая цензура, глушение западных радиопередач на СССР, защита от разлагающей идеологии и морали, укрепление духовной стойкости народа².

Среди зарубежных стран наибольших успехов на поприще противодействия сети глобального влияния добился Китай. Китайский путь решения данной проблемы опирается на преимущество КНР в наличии полного контроля министерств общественной и государственной безопасности над социумом, невозможностью ведения агентурной разведки, легальной и даже нелегальной оппозиционной деятельности в такой социальной среде. Поэтому воспользоваться китайским опытом в этой области могут очень немногие государства, в число которых не входит Россия. Вместе с тем для высшего политического руководства КНР сохраняется проблема уйгурского сепаратизма, организации движения которого, пользуясь террористическими методами и методами «ненасильственного сопротивления», продолжают дестабилизировать обстановку в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

В 2005–2007 гг. в РФ пошли по комплексному пути паралича деятельности отдельных неправительственных организаций за счет законодательно закрепленного запрета на зарубежное финансирование этих структур, отвлечения и направления по менее агрессивному вектору энергии молодежных масс, полной ликвидации и бескомпромиссной борьбы с террористическими

¹ См.: Коровин В. М. Указ. соч. С. 61–62.

² См.: Лутовинов В. И. Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. — 2009. — № 5. — С. 10.

и экстремистскими формированиями разного идеологического толка. Действия в физическом пространстве сопровождаются и работой над общественным сознанием, хотя не ясно, насколько результативна информационно-психологическая война, ведущаяся против руководства сегментов сети.

К недостаткам такого пути следует отнести отказ от полного решения проблемы функционирования сетей на территории нашей страны, что чревато сохранением дополнительного сильного фактора дестабилизации в чрезвычайных обстоятельствах — при вовлечении страны в крупномасштабную войну, инициировании в ней кризисов различного типа, уровня и масштабов. В то же время понятно и положение, в котором оказались лица, бьющиеся над решением этой проблемы, поскольку нейтрализовать и ликвидировать полностью столь разветвленную и способную действовать конспиративно сеть крайне трудно. Единственный метод, который соответствует таким условиям, — дезорганизация сегмента сети глобального влияния мирового лидера не только за счет парализации деятельности, который приведет лишь к резкому уменьшению числа заинтересованных участников, информационных кампаний, консолидирующих вокруг государственного руководства, его политического курса, и убавляющих число идейных сторонников сетей, но и за счет выявления и ликвидации ядра, координирующего активность сегмента.

Библиография

1. *Галковский Д. Е.* Они работали против России // Красная звезда. — 2009. — № 39. URL: http://www.redstar.ru/2009/03/11_03/5_03.html (дата обращения: 04.08.2009).
2. *Коровин В. М.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. — М.: Яуза: Эксмо, 2009. — 288 с.
3. *Лекарев С. В.* «Гастарбайтеры» из ЦРУ на заработках в России // Аргументы нед. — 2008. — № 3. URL: <http://argumenti.ru/publications/5798> (дата обращения: 04.08.2009).
4. *Лекарев С. В.* КГБ приказало «тормознуть» понтифика! // Аргументы недели. — 2009. — № 8. URL: <http://argumenti.ru/publications/9069> (дата обращения: 04.08.2009).
5. *Лекарев С. В.* Конец операции ЦРУ «Римский мост» // Аргументы недели. — 2009. — № 9. URL: <http://argumenti.ru/publications/9137> (дата обращения: 04.08.2009).
6. *Лекарев С. В.* Лондон наносит удар через Ригу // Аргументы недели. — 2008. — № 6. URL: <http://argumenti.ru/publications/5983> (дата обращения: 04.08.2009).
7. *Лекарев С. В.* «Льотей» — стратегическая операция английской разведки // Аргументы недели. — 2006. — № 33. URL: <http://www.argumenti.ru/publications/2419> (дата обращения: 04.08.2009).
8. *Лекарев С. В.* Покушение на Папу римского — инсценировка ЦРУ // Аргументы недели. — 2009. — № 7. URL: <http://argumenti.ru/publications/9017> (дата обращения: 04.08.2009).

9. *Лутвинов В. И.* Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. — 2009. — № 5.
 10. *Мартиросян А. Б.* Сталин и Великая Отечественная война. — М.: Вече, 2008. — 472 с.
 11. *Стариков Н. В.* Кризис. Как это делается. — СПб.: Питер, 2009. — 304 с.
 12. *Стариков Н. В.* От декабристов до моджахедов. — СПб.: Питер, 2008. — 282 с.
 13. *Стариков Н. В.* 1917. Разгадка «русской» революции. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 412 с.
 14. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. — М.: Алгоритм, 2001. — 523 с.
 15. *Шамбаров В. Е.* Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. — М.: Алгоритм, 2008. — 590 с.
 16. *Шамбаров В. Е.* Вихри враждебные // Красная звезда. — 2009. — № 62, № 67, № 72.
 17. *Швейцер П.* Победа. — Мн.: СП «Авест», 1995. — 464 с.
 18. *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР. История заговоров и предательства. 1945–1991. — М.: Вече, 2003. — 461 с.
-

Олег Владимирович Столетов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

«Мягкая власть» в мировой политике: проблемы и перспективы сравнительных исследований

Аннотация

В контексте использования конструктивистской парадигмы, а также на базе концепции М. Финнемор и К. Сиккинк автор предлагает ряд направлений осуществления прикладных сравнительных исследований региональных и мирополитических дискурсов, инициируемых ключевыми государствами.

Ключевые слова: идентичность, конструктивизм, «мягкая власть», политологический и политический дискурс, сравнительная политология.

В настоящее время мировая политическая система переживает период трансформации. Достаточно часто в научных и околонаучных дискуссиях речь идет о постепенном, но неуклонном ослаблении США как мирового лидера. Однако, несмотря на имеющийся у сторон набор аргументов, мы вынуждены признать, что в реалистском смысле США пока остаются безогово-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

рочным мировым лидером. Этот тезис может быть подтвержден посредством простого сопоставления масштабов военных потенциалов США и их ближайших конкурентов.

Необходимо признать, что в современной мирополитической системе для перераспределения власти все большую роль начинают играть «несиловые» механизмы влияния по сравнению с чисто военными механизмами доминирования.

В этом плане все больший интерес вызывает проблематика, связанная с возможностью и перспективами сравнительных исследований «мягкой власти» новых центров силы на международной арене. И, если сравнительные исследования военной мощи государств, при всех технических сложностях, как представляется, дают достаточно объективную картину реального положения вещей, то методология сравнительных исследований в русле «мягкой силы» государств в настоящее время находится в стадии формирования. Тем самым весьма затруднительными представляются операциональные исследования, позволяющие провести качественный и количественный анализ инструментально-технологического и идейно-стратегического потенциала «мягкой власти» отдельных государств.

Перспективы сравнительных исследований в данном направлении, по нашему мнению, связаны с развитием методологических возможностей конструктивистского подхода. Именно конструктивистская методология, по мнению Марты Финнемор и Кетрин Сиккинк, лежит в основе исследований проблем, связанных с политическими переменами, политической культурой, а также вопросов идентичностей и этничностей. Так как конструктивизм большое значение придает коммуникативным практикам, важную роль он может играть при исследовании проблематики формирования сетевого взаимодействия государственных институтов, бизнеса, ассоциаций гражданского общества, которое фактически является важной проблемной областью «мягкой власти».

Опора на конструктивистский методологический фундамент позволяет считать отправной точкой исследования идентичность государства. Идентичность фактически фиксирует то, каким образом государство само воспринимает себя на международной арене, а, следовательно, каким образом оно позиционирует себя, на какой статус и набор ролей претендует. В результате открываются возможности сравнительных исследований идентичностей таких разных государств, как США, КНР, Индия, Россия.

Конечно, между этими государствами существует значительные национально-цивилизационные отличия. Однако, так как данные государства на современном этапе выступают в качестве основных претендентов на региональное и, возможно, мировое лидерство, конструируя свои идентичности, они исходят из определенных идеальных характеристик, которыми должно обладать государство-лидер. Мы можем говорить о том, что общие мирополитические тенденции создают определенные параметры однородности, которые находят активное проявление в политологических и политических

дискурсах, инициируемых данными государствами.

Под дискурсом мы понимаем относительно устойчивый для данного государства набор способов видения и интерпретации своего статуса, роли, целей в международном регионе и мировой политической системе, а также других субъектов мировой политики и институциональных форм организации международных региональных и глобальных сообществ. Под дискурсивными практиками следует понимать определенный набор форм и процедур использования различных видов дискурсов по поводу производства или воспроизводства локальных, субрегиональных и региональных идентичностей, а также глобальной перспективной «повестки дня».

Важно подчеркнуть, что под однородностью, возникающей в условиях взаимодействия дискурсивных практик, мы имеем в виду ту однородность, которая формируется в контексте задаваемых этими государствами дискурсов. Пересекаясь, политологические и политические дискурсы формируют некие общие проблемные поля. В рамках этих полей государства по-разному подходят к решению заданных в них проблем, создавая привлекательные для других государств образцы и модели, а также определяя приоритетные направления практических действий.

Исследования региональных дискурсов в этой связи приобретают особую актуальность, так как, говоря о сравнении нескольких стран в контексте потенциалов «мягкой силы», мы фактически имеем в виду региональное сравнение.

Важным элементом для сравнительных исследований может служить инфраструктура «мягкой силы», как в плане ее источников и степени ее сформированности, так и в плане динамики ее развития. Более широкое региональное сравнительное исследование может быть подкреплено данными в рамках бинарных сравнений, представляющих картину более наглядно.

По нашему мнению, результаты сравнительных исследований применительно к потенциалам «мягкой власти» интересующих нас государств могут оказаться весьма полезными в плане выявления присущих этим государствам внутренних различий, которые вполне могут выступить в качестве объяснительных переменных в контексте избранного предмета анализа.

Итак, мы можем констатировать актуализацию конструктивизма в современной сравнительной политологии, объективность которой связана с последствиями коммуникационной революции, а также повышением роли когнитивных составляющих в политическом процессе. Считаем, что развитие конструктивистской методологии применительно к сравнительным исследованиям в аспекте изучения «мягкой власти» должно стать важным элементом развития современной политической науки в целом.

Библиография

1. *Барыгин И. Н.* Международное регионоведение: Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2009. — 384 с.
2. *Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология: Учебник. —

М.: РОССПЭН, 2002. — 472 с.

3. *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // *Полис*. — 2009. — № 1(109). — С. 118–129.
 4. *Finnemore M., Sikkink K.* Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. — 2001. — Vol. 4. — P. 391–416.
-

Мамед Низамович Галибов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Образ международной организации в сфере коллективной безопасности (МОСКБ) на примере ОДКБ: прогрессивный подход

Аннотация

Разработка концепций по формированию образов различных политических акторов, на сегодняшний день, идет очень быстрыми темпами; от имиджа того или иного политического субъекта зависит успех целой политической программы и многих политических процессов. Роль МОСКБ становится более значительной и ответственной, поэтому нужен совершенно новый, эффективный метод по реализации стратегических целей МОСКБ.

Ключевые слова: международная организация, коллективная безопасность, ОДКБ, образ, soft power.

В современном мироустройстве формирование позитивного образа международных организаций в сфере коллективной безопасности (МОСКБ) — это один значимых аспектов дальнейшего развития данной организации. Последовательная выработка стратегии, при помощи которой можно начать процесс формирования позитивного образа, представляет основную задачу для лиц, обеспечивающих развитие МОСКБ. В современных международных условиях развитие благоприятного имиджа — это естественный процесс, необходимый в силу расширения и увеличения роли информационно-коммуникационного процесса. Не зря в НАТО был приглашен бывший бренд-менеджер Coca-Cola Майкл Стопфорд (Michael Stopford), основной задачей которого является укрепление репутации Организации Североатлантического договора. Здесь учитывается тот фактор, что каждый политический актор имеет некое представление о себе и какое-то представление име-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Иван Александрович Чихарев**.

ют о нем иные участники политического процесса. Для организации в сфере коллективной безопасности особенно важно установить атмосферу доверия как среди членов сообщества безопасности, так и во внешней среде.

По сути, несмотря на то, что правительства и государства все еще остаются мощными действующими единицами, они теперь делят глобальную арену с множеством других властных организаций и институтов. Государству противостоит огромное число международных правительственных организаций (IGO — International Governmental Organization), международных властных институтов и структур, которые действуют независимо от расстояния посредством квази-наднациональных институтов. Негосударственные участники или транснациональные образования, подобные многонациональным корпорациям, транснациональным группам давления, межнациональным профессиональным ассоциациям, социальным «движениям» и т. д., также принимают активное участие в глобальной политике. И так же поступает множество субнациональных акторов и национальных групп давления, действия которых часто выплескиваются на международную сцену. Увеличение числа новых форм политического воздействия и организаций отражает быстрое распространение транснациональных связей и возникающее у большинства государств желание иметь дело с коллективными политическими проблемами. Данный фактор, благодаря которому имидж международной организации в сфере безопасности приобретает дополнительный стимул для развития, предопределяет ускоренное формирование данной области политического менеджмента.

ОДКБ как организация, имеющая высокий потенциал для увеличения количественного состава ее участников, а также для расширения внешних связей с иными международными организациями и государствами, может претендовать, возможно, не на самые высокие позиции в глобальных масштабах, но на лидерство в конкретном регионе — на постсоветском пространстве. При позитивном восприятии ОДКБ в нее будут, по возможности, интегрироваться иные страны в целях улучшения своего международного имиджа. Это предполагает более тесные контакты в регионе. Следовательно, это будет способствовать не только увеличению числа стран в организации и повышению внимания со стороны СМИ, иных политических акторов и общественности, но также развитию системы многосекторного сотрудничества (культурного, экономического, экологического и т. д.). Данная логическая цепочка вытекает из того, что в современном мире практически неограниченную власть имеют информационно-коммуникационные процессы. Сегодняшний мир основан на той виртуальной реальности, которая посредством невербальных и вербальных сигналов формируется в нашем сознании. Теоретическое обоснование роли и международного статуса ОДКБ, состояния его нынешнего имиджа позволило бы сформулировать обоснованный метод построения позитивного образа МОСКБ. ОДКБ все более усиливает свои региональные позиции, и при использовании правильной стратегии у нее будет возможность утвердиться в качестве доминирующей в данном регионе. Для

этого ей необходимо не только финансирование, увеличение военно-экономического потенциала, а, в первую очередь, информационное пространство (ИП), которое способствовало числу тех, кто обратил бы на нее внимание. Формирование собственного интернет-представительства, возможность передачи информации посредством нескольких международных языков, активное использование СМИ, формирование собственных образовательных учреждений позволят ОДКБ эффективно развиваться и влиять на мировую политику и международные отношения.

Формируя свой образ, ОДКБ своей главной целевой аудиторией должно видеть именно массы, народ, общество. Система ОДКБ должна представлять альтернативу иным МОСКБ и быть более привлекательной собственной социальной, военной, экономической, политической сферами, изображая себя только в сугубо позитивном ключе, чтобы иметь множество своих последователей: как среди политических акторов, так и среди неполитических субъектов.

Таким образом, восприняв опыт НАТО, учитывая все ее недостатки и положительные характеристики, ОДКБ следует сформулировать собственную стратегию по конструированию позитивного образа, используя системный подход, а в качестве базового метода — технологии мягкой власти (*soft power*). Последний может быть наиболее эффективным в современном информационном обществе и наименее затратным, так как непосредственного использования для повышения своего позитивного авторитета, позитивного имиджа не требуется расходов на военные действия, а, в первую очередь, никаких людских потерь.

Библиография

1. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура // Пер. с англ. Сапова В. В. и др. — М.: Праксис, 2004. — 576 с.
2. Castle S. With Soviet enemy gone, NATO polishes its brand [Electronic Resource] // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times : [site]. URL: <http://www.iht.com/articles/2008/07/15/europe/nato.php> (дата обращения: 09.07.2007).
3. Held D. Democracy and the global order from the modern state to cosmopolitan governance. — Cambridge: Polity Press, 1995. — 324 p.
4. Held D., McGrew A. G. Globalization theory. Approaches and controversies. — Cambridge: Polity, 2007. — 273 p.
5. Krasner S. International Regimes. — Ithaca: Cornell University Press, 1983. — 388 p.
6. Luard E. International Agencies: The Framework of Interdependence. — London: Macmillan, 1977. — 338 p.
7. Moore H. L., Held D., Young K. Cultural politics in a global age: uncertainty, solidarity and innovation. — Oxford: Oneworld, 2008. — 418 p.

Иван Александрович Чихарев

Кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Школа изучения мировой политики и международных отношений в Московском университете: традиции и инновации

Аннотация

Академические традиции изучения мира политического в стенах Московского университета были заложены при его создании. Интересен факт, что в первые десятилетия существования университета изучение политики рассматривалось лишь в контексте исследования феноменов, которые можно отнести к предметному полю мировой политики и международных отношений. Статья посвящена анализу развития данной области знания в Московском университете с 1755 года по настоящий момент времени, специфическим особенностям университетской традиции, базовым концептам ее видных представителей. Рассматривается роль марксистско-ленинской школы в формировании подхода к мировой политике как к явлению транснационального характера. В заключении излагается взгляд на приоритетные направления исследований международных отношений в Московском университете.

Ключевые слова: история Московского университета, теория мировой политики и международных отношений, политическая наука, транснациональный характер мировой политики.

При создании в 1755 году первого российского университета одним из десяти профессоров, которые были призваны «стараться, чтоб способом пристойных наук возрастало в пространной нашей империи всякое полезное знание», стал профессор политики. По проекту об учреждении в Москве университета, он должен был «показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»¹. Таким образом, еще в середине XVIII столетия в Московском университете была учреждена, как мы сказали бы сегодня, кафедра *мировой политики и международных отношений*.

Ее создание, несомненно, можно рассматривать как один из символов повышения международного статуса Отечества. В период правления Елизаветы Петровны Россия была признана империей рядом ведущих европейских

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. — С. 508–514. URL: http://az.lib.ru/L/lomonosow_m_w/text_0180-1.shtml (дата обращения: 22.11.2009).

государств — Турцией (1741 г.), Англией и Австрией (1742 г.), Францией (1744 г.), Испанией (1745 г.)¹. Как отмечают исследователи, «оказавшись прочно включенной в «концерт» великих европейских держав, Россия стала играть видную роль в сохранении «европейского равновесия»². Важно также и то, что русская дипломатия елизаветинского времени «предпочитала решать спорные проблемы политическими методами, избегать по возможности открытой конфронтации и военных столкновений»³.

То, что область знаний о взаимоотношениях государств понималась еще 250 лет назад как *политическая* наука, имеет значимые следствия в контексте современных дискуссий о соотношении предметных областей мировой политики и международных отношений. Преодолеваемое сегодня разграничение этих дисциплин явилось следствием более позднего, развернувшегося во второй половине XIX — первой половине XX в., процесса формирования политической науки как области знаний о внутригосударственных институтах. В этом качестве она была противопоставлена, прежде всего — в рамках реалистской традиции, знанию о международных отношениях — неинституционализированной и, соответственно, «дополитической» реальности. Однако основатели университета видели в межгосударственных союзах форму политической организации международных отношений. В этом смысле университетская традиция была близка намного опередившим свое время концепциям У. Пенна («Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств», 1693 г.) Ш. И. де Сен-Пьера (Проект вечного мира, 1713 г.), и, конечно, И. Канта, изложенной в работе «К вечному миру» (1745 г.) Создание кафедры политики на юридическом отделении говорило также о нормативно-правовом понимании международных отношений.

Однако университетская школа была далека от идеализма в описании и объяснении международных отношений. Об этом свидетельствует сочинение одного из первых русских профессоров Московского университета Семена Ефимовича Десницкого — слово о деяниях императрицы Екатерины II, которая завоевала признание современников, «смирив неприятеля громкими победами, защитив державу твердым сопротивлением, распространив России силу и славу за пределы света геройскими делами и внешнее с внутренним укрепив спокойство»⁴. Более соответствующим духу университетской традиции видится понимание силы российского государства как гарантии его собственной и общеевропейской безопасности: «Поборница наша восприняла купно Единое на себя и оное бремя, в понесении которого она пре-

¹ История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Санин Г. А. — М.: Межд.отношения, 2000. — С. 108–109.

² Там же. С. 108.

³ Там же.

⁴ Десницкий С. Е. Слово в день тезоименитства императрицы Екатерины II в 1775 г. Цит. по: Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835) / Факультет политологии МГУ; Под ред. Шутова А. Ю. — М.: Аспект-Пресс, 2009. — С. 207.

одолела всю завистующих Держав систему равновесия политическую, уверила каждого обладателя в соблюдении его пользы и безопасности, и невредящая никому из посторонних, равномерно как и неспособуема в войне никем, доставила всем спокойство, тишину и безмятежность»¹.

В приведенном фрагменте Слова обращает на себя внимание использование концепта «политическое равновесие». Привычный сегодня анализ международного взаимодействия с точки зрения системности и баланса сил в середине второй половины XVIII столетия был достаточно новым подходом, отвергающим имперские завоевания в пользу равновесной системы признающих суверенитет друг друга наций-государств. Десницкий, вероятно всего, усвоил этот подход, пройдя обучение в Шотландии, где Дэвид Юм еще в 1742 году опубликовал свое эссе «О балансе сил». Шотландский мыслитель с сожалением отмечает, что принцип баланса сил, несмотря на широкое признание среди ученых, пока не пользуется аналогичным авторитетом среди тех, кто правит миром². В России же елизаветинской эпохи этот принцип, как видно, становится действительным научным и практичным внешнеполитическим подходом.

Об этом же говорит дальнейшее развитие изучения международных отношений в первом российском университете. Уже в рамках созданного в 1804 г. отделения нравственно-политических наук предусматривалось изучение дипломатики. То, что дипломатов готовили на нравственно-политическом факультете, закрепляло важные черты традиции международно-политической науки и образования в университете. Во-первых, международные отношения продолжали трактоваться как политическая наука. Можно предположить, что в качестве первичных воспринимались невоенные инструменты международной деятельности, а в европейских делах усматривались системность и организованность. Как писал в квалификационной работе студент нравственно-политического отделения Д. Соколов: «Характер Новой Политической Истории составляет стремление держав Европейских их теснейшему соединению между собою; посему он совершенно отличен от характера Истории Средней, где Государства действовали совершенно отдельно друг от друга. Но с XVI столетия является между ними связь, которая мало помалу укрепляется до такой степени, что они составляют одно живое целое, чувствующее малейшую перемену в своих частях»³.

Во-вторых, важнейшую роль в подготовке специалистов по международной политике продолжали играть юридические науки. Сама «дипломатика» рассматривалась как политико-юридическая специализация, а важ-

¹ Там же. С. 208.

² Hume D. Of the Balance of Power // *Essays, Moral, Political, and Literary* / Miller E. F. — Indianapolis: Liberty Fund, 1987. — P. 338–340. URL: <http://www.econlib.org/library/LFBooks/Hume/hmMPL.html> (дата обращения: 22.11.2009).

³ Соколов Д. О характере новой политической истории. — ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 496. Д. 10. — Л. 151–154.

нейшим курсом было «Право народов» (международное право). В-третьих, международник начала XIX века должен был обладать философскими и историческими знаниями. И наконец, дипломатика определялась как наука нравственная — в данном случае вновь не стоит приписывать университетской традиции либерально-идеалистический характер. Скорее, ее можно характеризовать как нормативную, связанную с формированием ценностей и смыслов международного взаимодействия. При этом изучение международных отношений в Московском императорском университете не носило характера чисто умозрительного. Среди читаемых курсов значилась «статистика» — комплекс знаний о государстве, прообраз современных сравнительной политологии и политической географии, включавшая в себя значительный объем эмпирических данных, типологии европейских держав.

После реорганизации Московского университета в 1835 г. международная политика продолжала изучаться в рамках иных отделений и находила отражение в курсах по другим социально-гуманитарным дисциплинам — истории, философии, политической экономии, правоведению. Устойчивость и преемственность этой традиции были сохранены и после 1917 г. Примечательна статья Ивана Александровича Ильина, выдающегося университетского ученого, высланного из России в 1922 г., — «Мировая политика российских государей» (1949). По мнению И. А. Ильина, политическая линия, намечившаяся в отечественной внешней политике еще в середине XVIII столетия, заключалась в том, чтобы «строить Россию мировым равновесием сил». Эта линия противопоставляется в статье советской политике «революционного завоевания мира»¹.

Несмотря на противоречия в современной оценке внешней политики Советского Союза и ее идейно-теоретических оснований, нельзя оставить без внимания изучение мировой политики и международных отношений в Московском государственном университете в советский период. Прежде всего, марксистско-ленинская школа стала одной из первых в изучении мировой политики как *транснационального* явления. Разработанная Лениным теория империализма нашла отражение и в учебных стандартах.

4 марта 1921 г. В. И. Лениным был подписан декрет «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». В соответствии с этим декретом в учебные планы вузов в обязательном порядке включались общественные дисциплины: 1) развитие общественных форм, 2) исторический материализм, 3) пролетарская революция (исторические предпосылки революции, включая империализм, его формы и история в контексте истории XIX–XX вв. вообще и рабочего движения в частности), 4) политический строй РСФСР, 5) организация про-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. Книга I. — М.: Русская книга, 1993. — С. 124.

изводства и распределения в РСФСР, б) план электрификации РСФСР¹. На факультетах общественных наук, один из которых был создан в Московском университете, эти дисциплины изучались углубленно. Несмотря на очевидную идеологическую подоплеку, третья дисциплина не только отражала некоторые существенные аспекты мирового развития начала XX столетия, но и опережала свое время. Так, например, в западной науке о международных отношениях пристальное внимание транснациональному капиталу и рабочему движению (негосударственным акторам), характерное для теории империализма, начинает уделяться лишь в 70-е гг. XX в.

Созданная в 1976 г. в Московском университете кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения, несмотря на название, соответствовавшее духу времени, была одной из первых мире академических структур, изучающих мировую политику не только как систему межгосударственных отношений, но в качестве более сложного комплекса взаимодействий, включающего негосударственных акторов и изучение глобальных политических трендов.

Таким образом, основными чертами университетской традиции можно считать прежде всего прочтение международных отношений как реальности и науки политической. Это подразумевает целостное рассмотрение взаимодействий на международном уровне и поиск путей управления системой международного взаимодействия, особое значение, придаваемое правовым и дипломатическим инструментам мирорегулирования. Еще одна фундаментальная университетская черта — внимание к теоретико-методологическим аспектам знания о мировой политике, историософский характер международных исследований. Характерно также особое внимание месту и роли России в мире. Очень тонкая, но важнейшая составляющая университетской традиции — ценностно-ориентированное исследование мировой политики.

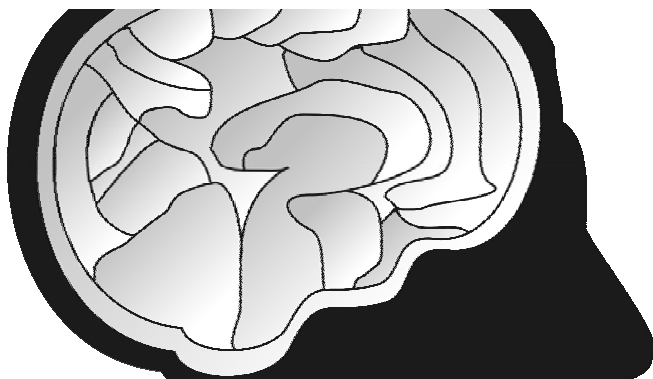
На основе традиций сегодня разворачиваются приоритетные направления исследований политологов-международников Московского университета: современная теория и методология исследования мировой политики и международных отношений, вопросы глобального политического развития, мирорегулирования и стабильности, позиционирования России в системе международных отношений и в современной мировой политике.

Среди направлений инновационных научных разработок в данном предмете поле нужно отметить исследование международно-политических коммуникаций и проблем информационно-интеллектуального управления в мировой политике. Здесь важны не только поисковые исследования, но также усилия по формированию международно-политического дискурса, российских нормативных моделей политического мироустройства. Весьма перспективным и вписывающимся в традицию представляется укрепление ин-

¹ Евсеева Е. Н. Эмигрантская и советская высшая школа 20-х гг. (опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. — 2001. — № 1. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/3.shtml (дата обращения: 22.11.2009).

теллектуального влияния России на мировой арене (smart power), подразумевающее не только создание коалиций в целях обеспечения безопасности и инновационный характер участия России в мировой политике и экономике, но и влияние отечественной научной школы мировой политики в международном интеллектуально-политическом сообществе.

Социология и психология политики

В современном политологическом знании есть разделы традиционные, представленные такими темами, как история и теория политики, сравнительная политология, политические институты и процессы, и есть такие сферы, которые начали развиваться сравнительно недавно. К последним относятся, прежде всего, политическая коммуникативитика и в определенной степени социология и психология политики. Но не только новизна тематики определяет интерес к материалам из данного раздела. Представленные статьи молодых исследователей, входящие в эти разделы сборника, отличает теоретическая и практическая актуальность.

В центре внимание авторов находится прежде всего проблематика политических образов. Так, Т. Абдрахманов исследует мифологические образы как механизм создания политической идентичности в российских Интернет-проектах. Луиза Габдрахманова делает акцент на формировании и продвижении образа России в мире. Несколько иные аспекты той же проблемы затрагивают в своих публикациях С.Новикова, анализирующая блогосферу, как политико-коммуникативное пространство в США и А. Богданов, обращающийся к образу партии «Единая Россия» в региональных политических коммуникациях или А. Иванова, предметом изучения которой стал политический дискурс парламентских партий. Во всех этих работах молодые исследователи смело обращаются к новой для политологии проблематике и дают свой ответ на поставленные реальной политикой непростые вопросы.

Другие темы этого раздела не менее актуальны. Так, хотя проблематика идентичности (М. Цветкова), или проблема манипуляции массовым сознанием при помощи СМИ (Н. Слепцов), не говоря уже об исследовании трудов Михайловского, давно находятся в поле зрения политической науки. Но посвященные этим темам публикации, вносят новое прочтение традиционных тем и интересны именно их авторской трактовкой.

Конечно, молодые исследователи находятся на разных этапах своего профессионального становления. Кто-то только делает первые шаги, например студент Т. Абдрахманов, а кто-то уже защитил кандидатскую диссертацию (Р. Денильханова) или близок к ее завершению (В. Трофимова), но все публикации заслуживают внимания, так как в них с вложен труд и талант, но они, как мы надеемся, могут стать вехой в биографии их авторов.

Елена Борисовна Шестопал, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Тимур Наильевич Абдрахманов

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Формирование мифологических образов героя как механизм создания российской политической идентичности (на примере современных российских интернет-проектов)

Аннотация

Автор статьи исходит из понимания образа героя как важного механизма формирования политической идентичности. В условиях непрекращающегося кризиса ценностей, переживаемого российским обществом, формирование положительного образа героя может быть рассмотрено как одна из приоритетных политических задач. На примере современных российских интернет-проектов демонстрируется возможность использования образа героя для создания российской политической идентичности.

Ключевые слова: образ героя, идентичность, ценности, мифологизация, Путин.

Образ героя является неотъемлемой и необходимой частью совокупности мифологических образов той или иной мифологии. Он играет важную роль в процессе формирования идентичности.

По сути, образ героя является проявлением *персонализации* — одной из основополагающих характеристик мифологического мышления, одушевления, одухотворения мира и наделения его и отдельных его сторон личностными характеристиками. Иначе говоря, те или иные значимые события в качестве результата *деятельности* как личностной характеристики.

Выделение этой черты является особенно важным при рассмотрении проявления мифологического мышления в контексте восприятия мира политического, так как принятие и выполнение политических решений невозможно без субъекта политического действия. Именно образ человека-деятеля, человека-творца, преобразователя играет важнейшую роль в осмыслении политики как сферы преобразования и улучшения мира.

В этой связи вполне понятно, почему многие мыслители (Карлейль, Ранк, Ницше) уделяли значительное внимание героическому началу в политике. Так, по мнению Карлейля, история вообще есть результат деяний героев². Ранк вслед за Юнгом говорит о существовании некоего архетипиче-

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Татьяна Васильевна Евгеньева**.

² Карлейль Т. Прошлое и настоящее // Карлейль Т. Теперь и прежде. — М.: Республика, 1994. — С. 6–198.

ского героического образца, на основании которого формируются конкретные политические мифы. Изучая различные мифы, он выявляет «ряд единых черт на типичном фоне, который может служить основой для построения стандартного сказания»¹ о том или ином герое.

Важно также отметить, что любой миф в известной степени является некоторым эталоном поведения, его идеальным образцом. По мнению М. Элиаде, «господствующая функция мифа состоит в том, чтобы предоставить модели для подражания во время совершения обрядов и вообще любых значимых действий»². Вера в миф дает человеку уверенность в том, что те или иные действия уже были совершены некогда героем в легендарные времена, «нужно только следовать его примеру»³.

Следовательно, политические герои становятся идеальными образами, заключающими в себе важнейшие ценности и приоритеты той или иной культурно-политической общности и играющими важную роль в формировании соответствующей этой общности политической идентичности. Подражание мифологизированному персонажу является вполне естественным процессом, а то, в рамках каких ценностных ориентаций будут действовать люди, воспринявшие этот образ, зависит во многом от того, какие ценности он будет символизировать, а также от того, в какой степени этот образ является для них привлекательным и сильным.

На проблему формирования образа героя обращают внимание и современные российские исследователи. Так, В. Полосин в своем исследовании политической мифологии «Миф. Религия. Государство» приходит к выводу о том, что «принципиально важно, чтобы публичный имидж главы государства соответствовал основным параметрам образа сверхчеловека»⁴. Т. В. Евгеньева рассматривает образ героя в связи с поиском и формированием культурной идентичности через идентификацию с теми или иными ценностями: «Одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежесекундному существованию. Ценности эти заложены, как правило, в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или общества в целом»⁵.

В этой связи особенно актуальной становится проблема формирования позитивного образа героя, поиск которого происходит как в героическом прошлом, так и в настоящем. Образ героя, как было отмечено выше, служит механизмом формирования идентичности: признавая ценность того или ино-

¹ Ранк О. Миф о рождении героя. — М.: «Рефл-бук», 1997. — С. 216

² Элиаде М. Аспекты мифа. — М.; Королев: Акад. проект; Парадигма, 2005. — С. 14.

³ Там же. С. 136

⁴ Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. — М.: Ладомир, 1999.

⁵ Евгеньева Т. В. Политико-психологические аспекты проблемы национально-государственной идентичности россиян // Политическая психология, культура и коммуникация. — М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. — С. 12.

го образа, мы делаем ценностный выбор, ограничивая тем самым те пределы, с которыми мы себя соотносим.

Вопрос формирования ценностной идентификации встает особенно остро именно в кризисные периоды истории. По мнению многих российских исследователей, в 1990-е годы наблюдается значительный ценностный кризис. «Современное российское общество, несомненно, духовно и нравственно больно, причем очень тяжелым заболеванием, ибо пораженными, разрушенными или размытыми оказались важнейшие центры общественного и личного сознания — ценностные ориентиры, духовно-нравственные идеалы и ценности, без которых ни одно общество просто не может существовать»¹. Образовавшийся идеологический вакуум начал отчасти стихийно, отчасти целенаправленно заполняться образами различных антигероев. Естественно, что такая ситуация не может не препятствовать созданию и утверждению положительного образа героя как одного из механизмов формирования положительной российской идентичности. Один из наиболее адекватных вариантов выхода из такого положения — обращение к истории своего Отечества, богатой героическими подвигами его «сынов»².

Именно этот сценарий и попытались реализовать организаторы интернет-проекта «Имя Россия»³, осуществленного в 2008 году. Для его реализации были привлечены огромные ресурсы, имеющие как реальный экономический эквивалент (значительное количество эфирного времени по одному из государственных каналов, привлечение видных деятелей культуры и искусства), так и несущие символическую значимость (для анонсирования проекта было использовано видео с избранным Президентом России Дмитрием Медведевым, а для информационной поддержки — официальное издание власти «Российская газета», основная функция которого заключается в оглашении и публикации законодательных инициатив и достижений). Все это говорит о весьма большой значимости результатов проекта для заказчиков.

Посредством анализа представленных биографий, а также путём сопоставления их содержания с конечными результатами голосования, представляется возможным выявить, какие черты и моменты мифологических биографий представляются наиболее значимыми как для организаторов (заказчиков), так и для участников голосования, выбравших именно этих героев в качестве победителей. Так, победителями стали Александр Невский, занявший первое место, а также Петр Столыпин и Иосиф Сталин, ставшие в итоговом рейтинге вторым и третьим соответственно. Образ каждого из этих ге-

¹ Перевезенцев С. В. Больной хочет выздороветь. О духовно-нравственном состоянии современного российского общества [Электронный ресурс] // Перспективы — Фонд исторической перспективы : [сайт]. URL: <http://www.prospekts.ru/rus/nashe/> (дата обращения: 27.06.2009).

² См.: Савельев А. Н. Герои и псевдогерои с философской точки зрения [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/19_6.htm (дата обращения: 27.06.2009).

³ Имя России : [сайт]. URL: <http://www.nameofrussia.ru/>

роев в отдельности символизирует определенные ценности, а их совокупность определяет общую ценностную картину и соответствующую политическую идентичность.

Результат подобного анализа показал, что наиболее актуальными ценностями для российского политического сознания становятся способность действовать, исходя из политической ситуации, своего рода адаптивность, выражающаяся в жесткой позиции по отношению к Западу и готовностью к сотрудничеству с Востоком; синтез жесткой силы как во внешней политике, так и в борьбе с внутренними врагами с «милостью» в отношении к преданным подданным, а также верное следование некоей наднациональной идее — «благоверность» (Александр Невский); этатизм и преобладание государственной необходимости над правом, «когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»¹, системный характер социальных преобразований (Столыпин); политическая эффективность за счёт принесения в жертву личности в пользу государственного целого (Сталин). В биографиях первых двух «героев» присутствуют параллели с биографией одного из современных политических деятелей — В. В. Путина, мифологизированный вариант которой можно найти на сайте проекта первого российского интернет-телевидения «Russia.ru»².

Необходимо заметить, что мифологизация героев происходит не только посредством внесения или невнесения тех или иных событий в текст биографий, не только определенной стороной их освещения, но и самим языком повествования. Говоря о героях не просто современным языком, но еще и языком, характерным для риторики определенной политической силы, занимающей лидирующие позиции в российском обществе, эти герои автоматически становятся частью этой культуры, частью символического наследия именно этой политической группировки. Так, например, стилистика и лексика большей части текстов, наполняющих проект, являются близкими по своему характеру к стилистическо-лексическому оформлению современной идеологической риторики партии «Единая Россия» и одобряющих её политику акторов.

Итак, посредством проекта «Имя Россия» происходит формирование определенной идентичности путём мифологизации исторических фигур. Эта мифологизация реализует интересы довольно широкой прослойки элиты (реактуализация ценности государства и политической необходимости в целом значима для всей государственной машины), также она может влиять на популярность отдельных её субъектов. Так, исходя из анализа биографий, наиболее значимым для современной политической культуры субъектом является В. В. Путин.

¹ Столыпин Петр Аркадьевич — биография [Электронный ресурс] // Имя России : [сайт]. URL: <http://www.nameofrussia.ru/person.html?id=100> (дата обращения: 27.06.2009).

² RUSSIA.ru : [сайт]. URL: <http://www.russia.ru/>

Библиография

1. *Евгеньева Т. В.* Политико-психологические аспекты проблемы национально-государственной идентичности россиян // Политическая психология, культура и коммуникация / Редкол.: Шестопал Е. Б. (отв. ред.) и др. — М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — С. 12–27.
 2. *Карлейль Т.* Теперь и прежде. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
 3. *Перевезенцев С. В.* Большой хочет выздороветь. О духовно-нравственном состоянии современного российского общества [Электронный ресурс] // Перспективы — Фонд исторической перспективы : [сайт]. URL: <http://www.prospekts.ru/rus/nashe/> (дата обращения: 27.06.2009).
 4. *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. — М.: Ладомир, 1999. — 441 с.
 5. *Ранк О.* Миф о рождении героя. — М.: «Рефл-бук», 1997. — 252 с.
 6. *Савельев А. Н.* Герои и псевдогерои с философской точки зрения [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/19_6.htm (дата обращения: 27.06.2009).
 7. *Элиаде М.* Аспекты мифа. — М.; Королев: Академический проект; Парадигма, 2005. — 224 с.
 8. *Имя России* : [сайт]. URL: <http://www.nameofrussia.ru/>
 9. *RUSSIA.ru* : [сайт]. URL: <http://www.russia.ru/>
-

Радима Хаважовна Денильханова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Чеченского государственного университета

Проблема диалектики «героя» и «толпы» в учении Н. К. Михайловского

Аннотация

Исследуются наиболее важные проблемы социальной и политической философии, имеющие непреходящую ценность — проблемы диалектики отношения личности и общества, роли и значению личности в истории. Выявлена общественная и культурная значимость в применении Михайловским инструмента психологического анализа в русской исторической науке и общественной мысли.

Ключевые слова: Михайловский, личность, общество, герой, толпа, социальная психология.

В творчестве русского публициста, социолога, представителя народничества Николая Константиновича Михайловского (1842–1904) можно выделить три этапа концептуального развития его основной идеи диалектики от-

ношений личности и общества: 1869–1874 гг. — Михайловский вырабатывает теорию разделения труда. Возникают теории различных форм кооперации; 1874–1879 гг. — создается теория «борьбы за индивидуальность»; 1879–1884 гг. — создаются концепции «коллективного подражания» в рамках его социально-психологической теории.

Последний этап, как наименее представленный в научной литературе, является предметом рассмотрения данного исследования.

Как показывает анализ научной деятельности Михайловского, его социология приближалась к постановке вопросов социальной психологии. Проблемы, которые он затрагивал в своем учении, в рамках субъективного метода могли решаться в диалектическом противопоставлении двух субъектов общественной жизни: «героя» и «толпы». Аналитическое наблюдение за этими явлениями позволяло достигнуть двух целей: во-первых, осуществить анализ психологических особенностей поведения индивида в группе и массе людей для выяснения психологического механизма воздействия индивида на массу; во-вторых, проанализировать роль социальной среды в формировании психологии массы и индивида.

Проблематика героя и толпы оказалась в фокусе внимания общественной и научной мысли второй половины XIX в. Проблему соотношения двух субъектов исторического процесса ставил еще английский философ и историк Т. Карлейль¹, но он решал ее в романтическом аспекте, героизируя личность, возвышая героя.

Для Михайловского появление героев связано не с наличием высокоодаренной интеллектуально или нравственно личности, а совсем по другой причине. Героев делает толпа, причем вследствие реализации природного инстинкта подражательности. Он относится к этому явлению как к загадке, как мы сказали бы, пользуясь современным научным языком, коллективного бессознательного. Главное наблюдение Михайловского состоит как раз в том, что все описанные им явления объединены немотивированностью поведения их участников. «В средние века (...) были еще какие-то нам пока неизвестные причины, которые обращали людей в автоматы и заставляли их повторять все, что проделывал над ними какой-нибудь «герой»². Таким загадочным явлением, отчасти сходным с массовым психозом, Михайловский считает крестовые походы, особенно первые. Он говорит об «ужасе крестовых походов», опираясь на классическое исследование Ж. Мишле.

В теории личности Михайловского герой — главная историческая фигура, он увлекает своим примером толпу, помогает ей преодолеть физическую и духовную скудость жизни, на которую человеческая масса обрекается в современном мире. Но не всякая личность способна взять на себя историческую моральную ответственность. Личность должна обладать опре-

¹ См.: Карлейль Т. Герои и героическое в истории. — М.: Вуз. кн., 2001. — С. 102.

² Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии. В 2-х т. Т. 2. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 38–39.

деленными способностями и быть глубоко мотивированной наличием в системе ее мышления идеала. Из таких личностей могут получиться «герои».

Определение «героя» у Михайловского лишено нравственно-этической составляющей. «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или на дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлечься примером опять-таки высоко благородным или низким»¹.

Михайловского волнует вопрос, «из каких людей составляется «толпа»? В чем заключается секрет их непреодолимого стремления к подражанию? Нравственные ли их качества определяют это стремление или умственные, или какие другие особенности?»²

Оппонируя своим предшественникам, он отмечает, что «если по Адаму Смиту выходит, что люди, склонные к нравственной заразе, суть наиболее чувствительные, то, по Спенсеру, это люди со сравнительно высокими умственными способностями»³.

По Михайловскому, склонность к подражанию напрямую зависит от уровня личной жизни субъекта. Чем разнообразнее личная, внутренняя жизнь, тем меньше человек склонен к бессознательному подражанию. Этот принципиальный вывод Михайловский делает на парадоксальном наблюдении: однообразие внешних впечатлений так же губительно для внутренней жизни субъекта, как и чрезмерное разнообразие. Эти обстоятельства одинаково притупляют потенции личности. «Разнообразие общественной жизни, взятое в целом, писал он, может, как я много раз это доказывал, находиться в прямом противоречии с богатством личностной жизни и даже обуславливать собой ее скудость, односторонность. И в таком случае, мы найдем, может быть, чрезвычайную склонность к подражанию»⁴.

Теоретический посыл Михайловского состоял в определении сложной динамики двух конфликтных и зависимых структур — личности и общества. Для Михайловского личность оказывается самоценной и самодостаточной. Она является критерием развития общества, его целью и движущей силой. Личность оказывает воздействие на общество, вырабатывая идеал, то есть представление о правильном (как частном, так и общеисторическом) поведении, основанное на представлениях о добре и зле. Личность, по Михайловскому, есть единственный носитель нравственного начала. Он видит и определяет диалектику отношений личности и общества. Личность через представление о добре и зле создает определенный тип общества, которое затем, сформировавшись и став индивидуальностью, влияет на личность.

Разумеется, Михайловский принимал как данность то, что история подчинена законам. Человек сам по себе не может их преодолеть. Но в области

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 67.

идей, в области деятельности, построенной на идеологии, каковой является политика, а отчасти — и экономика, действует фактор человеческой воли, а значит — должна иметь место свобода воли. Необходимо подчеркнуть, что в идеях Михайловского, безусловно, присутствуют элементы исторического детерминизма, однако при этом он далек от исторического фатализма.

Следует также отметить пионерскую роль Михайловского в применении инструмента психологического анализа в русской исторической науке и общественной мысли. Именно с его теориями связаны первые усилия по исследованию психологии массовых движений. Он сам прекрасно понимал степень неразработанности этих методов и отмечал, что «коллективная, массовая психология еще только начинает разрабатываться, и сама история может ждать от нее огромных услуг»¹.

Анастасия Александровна Иванова

Студентка гуманитарного факультета Тульского государственного университета²

Специфика отражения ценностных ориентаций политической культуры российского общества в политическом дискурсе парламентских партий

Аннотация

Слагаемые политической культуры активно используются политическими лидерами в ходе построения программных заявлений. Адресная направленность политического дискурса и эффективность формирования идеологического спектра предпочтений российского общества напрямую зависит от специфики использования исторически сложившихся свойств политической культуры.

Ключевые слова: политический дискурс, ценностные ориентации, парламентские партии, государство, российское общество.

Переходное состояние российского общества в сторону демократии оказывает существенное влияние на политико-культурную динамику и трансформацию ценностных ориентаций. Для прогрессивных изменений общества в политическом дискурсе парламентских партий должен учитываться потенциал политической культуры, объективные политические ориентации, установки и ценности. Парламентские партии конструируют политический дис-

¹ Михайловский Н. К. Отклики. В 2 т. — СПб: Типография Н. Н. Клобукова, 1904. — Т. 1. — 496 с.; Т. 2. — 435 с.

² Научный руководитель: доктор политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета Елена Викторовна Бродовская.

курс исходя из актуального уровня развития политической культуры.

В академической школе исследователями был предложен ряд типологий ценностных ориентаций, которые, так или иначе, отражаются в политическом дискурсе. Но в условиях российской действительности чаще следует опираться на ценностные ориентации, обусловленные политическим опытом (Алмонд, Верба), на символические структуры исторического наследия (К. Гирц), ценностные ориентации свойственные социальным коллективам в целом (социентальный подход), инструментальные ценностные ориентации, которые определяют значимость политических событий и формируют политическое сознание.

В российском обществе доминирует механический тип солидарности и аксиологизированная (ориентированная на ценности) ментальность. Предрасположенность российского общества к авторитаризму как способу осуществления политики можно считать архетипом, определяющим ценностные ориентации — содержательные (идеологические, исторически и утилитарно обусловленные) варианты реализации изначально заданного цивилизационного замысла. Под авторитаризмом в данном случае понимается онтологический принцип политической деятельности, порождающий монологическое, рассогласованное взаимодействие власти и общества (элиты и народа).

Авторитаризм как архетип политической культуры России, определяющий ее политико-культурную динамику, получает свое содержательное наполнение в следующих ценностных ориентациях: 1) этатизм — доминирование государства над обществом и личностью; 2) социоцентризм — приоритет ценностей общества, а не индивида; 3) легизм — законность определяется государственными интересами; 4) патернализм — источником гражданской и политической инициативы является государство. Традиционная тематика политического дискурса связана в первую очередь с исторически сложившейся политической культурой России. Главным фактором национальной самоидентификации является централизованное государство, которое воспринимается как «абсолютная ценность».

Данные черты определяют общинный способ обустройства общественной жизни; традиционно острое восприятие проблемы социальной справедливости; стихийный демократизм, принимающий в «окончательном варианте» форму либо беспредельной анархии, либо сверхбюрократизации (тоальной регламентации) общественной жизни; тяготение к этикоцентризму.

Для российского общества характерно особое понимание ценностей справедливости (соответствие моральному долгу, а не равенство) и свободы.

В условиях современной России изучение специфики отражения ценностных ориентаций политической культуры позволяет понять механизмы межпоколенной трансляции последней, ее воспроизводства и утраты социальной актуальности. Таким образом, определяется преемственность исторического социально-политического опыта людей и осуществляется воспроизводство их политических сообществ в устойчивых и целостных формах. Отражение ценностных ориентаций сохраняет общекультурную (националь-

ную) идентичность политической культуры, и в то же время дает возможность избавиться от негативных установок на политическую систему, тормозящих дальнейшее развитие ценностей и традиций.

Таким образом, использование в речевых практиках ключевых слов-стереотипов, ценностных ориентаций позволяет сделать дискурс адреснонаправленным, что формирует идеологические векторы в среде электорального выбора. Ассоциативные ярлыки, в основе которых лежит прошлый опыт, вызывающий определенные образы, воздействуют на политическое сознание, тем самым изменяя мотивацию действий и электоральный выбор.

Ценностные ориентации в российском публичном дискурсе отражают совокупность исторически сложившихся свойств, необходимых для установления стабильного демократического режима в условиях мирового демократического процесса.

Библиография

1. *Завершинский К. Ф.* Когнитивные основания политической культуры: опыт методологические рефлексии // Полис. — 2002. — № 3. — С. 19–30.
2. *Саква Р.* Политическая культура: возможности и сложности применения понятия для анализа процессов ускоренных преобразований // Полития. — 2004. — № 4. — С. 41–68.
3. *Симомян А. А.* Оценочность как составляющая политического дискурса // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. — 2006. — № 3. — С. 65–77.

Никита Александрович Слепцов

Студент факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета¹

Некоторые аспекты манипуляций сознанием при помощи СМИ

Аннотация

В данной статье автор предпринимает попытку раскрыть некоторые аспекты манипуляций сознанием при помощи СМИ, влияние этих манипуляций на конструирование социальной реальности, особенности данного процесса в России.

Ключевые слова: манипуляции сознанием, СМИ, социальная реальность.

Ни одно подлинно демократическое государство не может именоваться таковым, если на его политическом поле не присутствуют средства массовой

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета, профессор **Нина Владимировна Дергунова**.

информации (СМИ) как свободные акторы. В постиндустриальном обществе власть знаний и информации, возможность манипуляции ими становятся решающим фактором в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег (финансового ресурса) и государственного принуждения (административного ресурса).

В современных условиях говорить о независимости СМИ практически невозможно: газеты и телевидение в политическом процессе чаще всего выступают как ангажированные элементы, активно влияющие на политический процесс. Так, например, П. Бурдьё склоняется к мнению, что СМИ являются главным инструментом «оболванивания» масс¹.

В наиболее простом виде, современный политический рынок образуется вокруг трех основных элементов, а именно: избирателей (рациональных индивидов и групп), политиков (как «одиночек», так и объединенных в различные блоки и союзы) и различных механизмов, призванных обеспечить коммуникативную функцию между политиком и его электоратом. Самым важным из таких механизмов являются средства массовой информации. Именно поэтому наиболее актуальным был и остается вопрос о выявлении позиций и возможностей СМИ влиять на политические предпочтения населения. Рядовой член общества через газеты, телевидение, журналы, радио получает необходимую для него информацию, которая формирует его знание и представление об окружающем мире, задает вектор его политической ориентации. С полной уверенностью можно сказать, что непосредственно от этой информации зависит картина мира, воспринимаемая социумом как реальность.

СМИ, в особенности российские, в своей практике, как правило, не ограничиваются «сухой» подачей фактов. Различными СМИ они трактуются по-разному, все зависит от политики редакции и, соответственно, от владельца. Нужно также отметить, что непосредственно сами СМИ не обладают исходной информацией, которая необходима для конструирования социальной реальности. Соответственно, они должны выступать в качестве транслятора информации в процессе передачи ее от одних субъектов к другим. Нередко (а, как правило, постоянно) в процессе передачи информация изменяется — СМИ, проводя с ней различные манипуляции, продуцируют некоторые смыслы, которые потом транслируются.

Как пишет А. М. Цуладзе в своей книге «Политические манипуляции, или Покорение толпы»: «Основным материалом, с помощью которого СМИ осуществляют свои манипуляции, является информация. Информацию можно: сфабриковать, выдавая ее за подлинную; исказить путем неполной, односторонней ее подачи; отредактировать, добавив различные домыслы; интерпретировать факты в выгодном для манипулятора свете; утаить важную ин-

¹ Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. — 76 с.

формацию, какие-либо существенные детали; проявлять избирательное внимание к фактам в соответствии со своей позицией; сопроводить материал заголовком, не соответствующим содержанию; приписать кому-либо заявления, которых он никогда не делал; опубликовать правдивую информацию, когда она потеряла свою актуальность; неточное цитирование, когда приводится часть фразы или выступления, которая в отрыве от контекста приобретает другой, подчас противоположный смысл»¹.

Несомненно, что все манипуляции с информацией осуществляются ради каких-то конкретных целей и задач, поставленных определенными акторами. В последнее время в России основным «владельцем» СМИ стало государство. И именно оно выступает тем институтом, который оказывает целенаправленное воздействие на формирование различных точек зрения и доктрин понимания мира. Каждое государство заинтересованно в формировании у населения определенного понимания существующего в этом государстве режима, на создание и закрепление определенных моделей поведения и прививание того или иного типа политической культуры. Общество должно быть консолидировано и при необходимости легко мобилизуемо для решения поставленных государством задач. Контроль над передаваемыми через СМИ смыслами происходящих событий приобретает для государства принципиальное значение как одна из форм поддержания легитимности, стабильности политического режима и преемственности политического курса.

В условиях фактической государственной монополии на средства массовой информации, возможности других акторов практически сведены к минимуму. Они находятся на обочине формируемой государством социальной реальности, что, в свою очередь, понижает интерес населения к официальной информации и стимулирует попытки поиска альтернативных источников. Государство, осуществляя контроль над потоками информации, преследует свои интересы, которые могут расходиться с интересами общества.

Таким образом, средства массовой информации не просто отражают существующую политическую реальность, но также участвуют в ее конструировании и даже в создании абсолютно новой реальности. В современном обществе именно СМИ выступают тем механизмом, который конструирует для нас доктрину понимания мира. И во многом именно от позиции конкретных СМИ по определенным вопросам зависит наше восприятие и понимание современной российской политики.

Библиография

1. *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. — М.: Фонд научных исследований. «Прагматика культуры»; Институт эксперим. соц., 2002. — 159 с.
2. *Цуладзе А. М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. — М.: Книжный дом «Университет», 1999. — 274 с.

¹ Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. — М.: Книжный дом «Университет», 1999. — С. 76–77.

Вера Владимировна Трофимова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Биографический подход к изучению российского депутатского корпуса

Аннотация

Статья посвящена анализу происхождения и биографических особенностей российских депутатов. Такой анализ предоставляет широкие возможности для более полного понимания феномена парламентаризма. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось определение ключевых моментов в биографиях действующих депутатов, и на их основе сделаны выводы.

Ключевые слова: биография, Дума, депутаты, личностные особенности.

Государственная Дума РФ — один из центральных элементов политической системы нашей страны. Ведь представительный орган власти государства является одним из важнейших атрибутов демократии. Помимо представительной, Думе принадлежит еще законотворческая функция.

Однако феномен парламентаризма в России пока изучен недостаточно полно и всесторонне. Субъективная составляющая парламентской деятельности часто остается за скобками политологических исследований. Речь идет, прежде всего, об анализе личностных особенностей депутатов, их индивидуальных и групповых характеристиках.

В связи с тем, что использование контактных методов при анализе депутатского корпуса часто затруднено, биографический подход к изучению личностей российских депутатов, основанный на дистантных оценках², представляется наиболее перспективным.

Цель изучения происхождения и жизненных путей депутатов — выявление ключевых моментов в их биографиях, которые привели к тому, что они решили заняться политикой, вступили в партии и баллотировались в Государственную Думу, причем всё это успешно осуществили. В соответствии с данной целью была разработана теоретическая модель и методологическая программа сбора и обработки данных для проведения эмпирического исследования. Биографический метод использовался для того, чтобы провести социологический анализ депутатского корпуса Государственной Думы пятого созыва и предложить основанную на этом анализе типологию депутатов.

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ Елена Борисовна Шестопал.

² Ракитянский Н. М. Психологическое портретирование в политологической практике. Учебное пособие / Ракитянский Н. М. — М.: Интер-пресс, 2008. — 178 с.

В результате биографического исследования, проведенного с помощью количественных методов с использованием программы SPSS, были выявлены следующие ключевые моменты.

Большинство депутатов выросло и провело детство в городах, что способствовало их готовности к конкуренции и формированию у них целеустремленности. Значимым фактором их биографий является высокий уровень образования. Среди депутатов много выходцев из бизнеса. В то же время, большое значение имеет опыт работы в государственных структурах.

Проведенный анализ также показал, что для разных фракций типичными являются люди с разными биографическими особенностями. Определенный набор биографических характеристик повышает шанс конкретного лица не просто попасть в Государственную Думу, но попасть в качестве представителя определенной партии. Например, члены фракции КПРФ старше, лучше образованны и имеют гораздо больший парламентский опыт, чем их коллеги из других фракций. Члены ЛДПР в целом, наоборот, гораздо моложе своих коллег, родились и выросли в городах и пришли в политику из бизнеса. В «Единой России» состоит немало публичных персон, чьей основной профессией был спорт или сцена. Членом «Справедливой России» с большой вероятностью может оказаться женщина.

На основе анализа биографий парламентариев можно условно выделить восемь их основных типов: «бизнесмен», «промышленник», «чиновник», «силовик», «публичная персона», «бывший партиец», «профессионал», «общественный деятель». Основанием для типологии послужил профессиональный опыт депутатов, предшествующий их парламентской деятельности, а именно профессия, которая стала определяющей в жизни депутата.

Биографический анализ показал, что первичным условием для попадания в предвыборный список партий является успешная карьера в какой-либо области, будь то бизнес, военная служба, медицина или что-то другое. Чем больше областей, в которых человек себя успешно реализовал, тем лучше для его политической карьеры. Успех в профессии приносит известность и обширные связи, что увеличивает шансы стать депутатом. Для большинства депутатов политическая карьера стала определенным этапом в жизни, наступившим после достижения высот в других областях.

Все восемь рассмотренных типов депутатов в той или иной степени присутствуют только во фракции «Единая Россия». Активное включение в свои ряды большого количества «силовиков», а также известных спортсменов и артистов является эффективным политическим ходом. «Единая Россия» пытается максимально расширить круг своих членов и обеспечить в Государственной Думе представительство самых разных типов депутатов. Это можно считать своеобразной попыткой усилить парламентский плюрализм и сделать работу комитетов более эффективной за счет привлечения в них специалистов. Это представляет собой новый феномен и свидетельствует о действительно серьезных изменениях в парламентской системе. Старые партии с традиционными типами рекрутирования членов постепенно уходят в

прошлое. Так, КПрФ привыкла включать в предвыборные списки в основном «бывших партийцев» — людей, занимавших при советской власти высокие посты в государственных структурах и КПСС, ЛДПР — бизнесменов.

Подводя итог, можно сказать, что парламентская деятельность является комплексным политическим феноменом, содержащим как институциональные, так и неинституциональные компоненты. Эффективность депутата определяется как спецификой его статуса, так и личными особенностями, которые формировались в ходе приобретения депутатом жизненного опыта. Особенности жизненного пути и опыт человека являются ключевыми характеристиками для его попадания в ту или иную партию и избрания в Государственную Думу, они влияют и на его парламентскую деятельность. Поэтому биографический метод представляется перспективным и значимым для изучения российского депутатского корпуса.

Библиография

1. Гранкин И. В. Парламент России. — М.: Гуманит. лит., 2001. — 368 с.
2. Ракитянский Н. М. Психологическое портретирование в политологической практике. — М.: Интерпресс, 2008. — 178 с.
3. Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // Political Psychology. — 1991. — Vol. 12. — № 3.

Марина Витальевна Цветкова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Идентичность как политико-психологическая проблема

Аннотация

Исследуя природу идентичности, можно констатировать, что в основе рождения и формирования идентичности как общественной категории лежат психологическая и политическая проблемы. В условиях кризиса идентичности становится актуальным понять причины кризиса, создать инструментарий формирования новой парадигмы идентичности как для человека, так и общества в целом.

Ключевые слова: идентичность, кризис, проблема, ценность, информация.

Сформировать свою идентичность, адекватную жизненным реалиям, требуют от человека условия его жизнеобеспечения. Психологический образ

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики МГУ Татьяна Васильевна Евгеньева.

своего «Я» не бывает постоянным. На некоторое время человек удовлетворен созданной им идентичностью. Изменяющиеся условия жизнеобеспечения инициируют в человеке поиск её новой и более адекватной модели. Человек постоянно пытается определить более перспективные условия жизни, примкнуть к соответствующей группе идентификации. Поэтому идентичность можно представить как процесс становления психологической организации человека, соответствующий организационным принципам кластера, в котором он находится. Психологическая составляющая формирования идентичности является одной из ключевых в линии жизни человека.

С другой стороны, идентичность является общественной категорией. Как утверждает Т. В. Евгеньева¹. «Жить и развиваться может народ, имеющий целостное восприятие представление о себе, о том куда он идет, зачем он нужен цивилизации и человечеству». Следуя этому утверждению, можно постулировать, что идентичность есть нематериальный ресурс жизнеобеспечения человека и общества.

Политическая составляющая формирования идентичности является второй по значимости в развитии не столько личности, сколько организации социума и, следовательно, цивилизации. Таким образом, идентичность выступает для общества в качестве психологической и политической проблемы: первая её сторона проявляет себя в отношении индивидуума, а вторая — государства и общества в целом.

Психологический аспект проблемы идентичности. Окружающая среда, как всеобщая культура, существует как вокруг, так и внутри индивида. Идентичность в том случае является реальной, если она подтверждается другими. Таким образом, она есть результат взаимодействия самоидентификации с идентификацией другими².

Осознание человеком своей принадлежности к определённому народу и поиск его особенностей оказывают серьёзное влияние на отношение между людьми. Человеку постоянно необходимо ощущать себя частью «мы». Примеров групп, в осознании принадлежности к которым человек ищет опору в жизни — множество. Среди них и партии, и различного рода организации, и сам этнос.

Идентичность общества может строиться на двух принципиально разных основаниях. Первое из них составляют смыслы (или ценности как их проявления), вокруг которых общество объединяется, создавая образ «нас». Однако в условиях кризиса, когда существовавшие раньше системы смыслов уже утрачены, а новые еще не созданы, на первый план выходит второе ос-

¹ Евгеньева Т. В. Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи // Сб. Образы государств, наций и лидеров / Под. ред. Е. Б. Шестопал. — М. 2008. — С. 168.

² См.: Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: ЛЕНАТО, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с.

нование формирования идентичности: «мы» — не «они»¹. Происходит идентификация через образ «другого», где худшим вариантом является отношение «свой» — «чужой».

Политический аспект проблемы идентичности. Политическая проблема — это проблема идентичности политической системы.

а) Если политическая система общества является достаточно жесткой (тоталитаризм, например), то политика формирования идентичности является ее частью т. к. воздействие системы управления (власти) строго направляет потребность в самоидентификации в русло, необходимое самой системе.

б) Если же политическая система общества демократична, то создание идентичности крайне необходимо для политической системы как фактор сплочения общества и сохранения целостности государства.

Идентичность может также служить инструментом для создания самой системы управления (власти). Политика, проводимая в обществе, является корневой составляющей формирования идентичности граждан государства и, следовательно, ослабления его «Я» в обыденной жизни.

Важной характеристикой принятия решения об идентичности является полезность информации² для пользователя. Процесс идентификации состоит из двух частей: создания сравнительного образа, а также ценности и качества той информации, которая поступает. Что для первого, что для второго этапа данного процесса теория полезности информации является, на наш взгляд, ключевой. Полнота и достоверность принимаемой информации в образе являются основными критериями для принятия решения по данному объекту. Другой составляющей достоверности информации является канал передачи. Принимающий информацию либо доверяет каналу, либо нет. Канал искажает информацию либо умышленно, либо по техническим причинам, в обоих случаях пользователь примет неверное решение.

Согласно теории информации можно попытаться выстроить функцию идентичности, которая определяет зависимость идентичности пользователя от ценности информации для данного индивида, насколько она для него полезна.

Анализ функции идентичности для выбора отношений по информационному образу позволяет сделать вывод о том, что главным ресурсом идентичности общества является ценность (полезность) информации для индивида.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что идентичность имеет двойственный характер: она является индивидуальной в части психо-

¹ Евгеньева Т. В. Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи // Образы государств, наций и лидеров / Под. ред. Шестопал Е. Б. — М., 2008. — С. 169.

² См.: Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. — М.: Изд. иностр. лит., 1963. — 830 с.

логической составляющей, и она является групповой в части политической (социальной) составляющей.

Можно утверждать следующее:

1) чем ближе общество к демократической модели, тем разнообразнее идентичность;

2) чем стабильнее представление индивидуума о своей идентичности, тем устойчивее становится его психология.

Таким образом, **идентичность** — двусторонний обоюдодополняющий друг друга процесс поиска ориентиров, мотивов, ценностей и цели жизни для человека (индивидуума) и стратегии развития общества, цивилизации.

Выводы. Глобализация и формирование информационного общества породило феномен автономной (виртуальной) идентичности человека как члена другого общества.

Информационный человек становится менее зависим от политической системы и его система идентичности уже не связывается с данной территорией.

В перспективе информационно связанный мир будет обладать новой психологией, новым сознанием и иной парадигмой идентичности.

Идентичность является важнейшим нематериальным активом человека, общества и цивилизации в целом. Формирование разумной идентичности сплачивает общество и априори дает перспективы развития личности и общества. Категория идентичности — это один из источников конструирования и обретения новых жизненных смыслов и формирования планетарной идеологии.

Библиография

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Под редакцией Иноземцева В. Л. — М.: Изд-во «Логос», 2002. — 390 с.
2. *Евгеньева Т. В.* Культурно-психологические основания образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России / Под ред. Евгеньевой Т. В. — М.: Институт Африки РАН, 2004. — С. 39–58.
3. *Евгеньева Т. В.* Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопал Е. Б. — М.: Аспект Пресс, 2008.
4. *Заковоротная М. В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. — 200 с.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М.: REFL-book, 1994. — 368 с.
6. *Эриксон Э.* Детство и общество. — СПб.: ЛЕНАТО, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с.
7. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — 344 с.

Жанна Игоревна Черненко

Студентка философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Концепция оперантного научения Берреса Фредерика Скиннера

Аннотация

В данной статье изложены основные принципы рассмотрения политического поведения в рамках классического бихевиористского подхода. Кроме того, в ней даётся концептуальное изложение теории оперантного поведения Б. Ф. Скиннера.

Ключевые слова: политическое поведение, бихевиоризм, оперантное поведение, концепция Б. Ф. Скиннера.

Термин «политическое поведение» возник в политологии в 50-х гг. XX в., и само его появление было связано с приходом в политическую науку концепции бихевиоризма, которая базируется на эмпирическом изучении непосредственно наблюдаемого поведения индивидов с естественно-научной точки зрения. Данный подход получил широкое распространение в политологии благодаря значимости для политической науки рассмотрения основ поведения первоначального субъекта политики — человека.

Значительный вклад в популяризацию бихевиористского подхода в сфере изучения политического поведения внесли: американский психолог П. Лазарсфельд (1901–1976), совместно с коллегами из Колумбийского университета в 1944 году выпустивший работу «Выбор народа», в которой анализировалось электоральное поведение избирателей; представители «мичиганской школы» во главе с А. Кэмпбеллом (1910–1980), разработавшие «мичиганскую социопсихологическую модель» анализа поведения электората; сторонники ситуационного подхода (один из них — американский психолог Д. Истон), предложившие доступные к наблюдению и корреляционному анализу ситуационные факторы специфических сред обитания человека: физической, органической и социальной.

Общим для перечисленных и неупомянутых представителей школы политического бихевиоризма считается приверженность основной цели бихевиоризма: «последовательному проведению принципа учёта только подпадающих наблюдению и регистрации фактов политического поведения»², и основной идее — «гипотетической возможности прямого влияния социальной среды на поведение индивида»³.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ, профессор **Александр Андреевич Шириняц**.

² Мельвиль А. Ю. Политология: учебник. — М.: Проспект, 2009. — С. 383.

³ Шестопап Е. Б. Политическая психология: учебник для вузов. — М.: ИНФРА, 2002. — С. 23.

В современной политической психологии политическое поведение часто соотносится как с объектом исследования, так и с набором методов, но и то, и другое связано с поведением человека в политическом пространстве. Социологический словарь определяет политическое поведение как «поведение субъекта политической деятельности»¹.

Классический бихевиоризм в политологии за время своего существования претерпел значительную методологическую корректировку; и современные объяснения политического поведения базируются уже на необихевиористском подходе, который вводит в классическую бихевиористскую модель интерпретации поведения Дж. Б. Уотсона «S — R»² (где S — стимул, посылаемый из внешней среды, а R — реакция на стимул) дополнительные факторы ментального характера, изучение которых в рамках бихевиористского подхода изначально не предполагалось.

По мнению многих исследователей, наиболее ортодоксальным по принципу следования основной идее бихевиоризма и постулатам интерпретации самого поведения считается «радикальный необихевиоризм», основоположником которого в политической психологии принято считать американского психолога Скиннера. Усилия по изучению поведения, предпринятые Скиннером, примечательны, в первую очередь, из-за того социального значения, которое приобретают его работы в свете концепции «оперантного поведения», которая в политической науке однозначно воспринимается как концепция, представляющая широкие манипулятивные возможности. Так, Эрих Фромм отмечает, что «Психология Скиннера — это наука манипулирования поведением; ее цель — обнаружение механизмов «стимулирования», которые помогают обеспечивать необходимое «заказчику» поведение...»³.

Концепция оперантного поведения Скиннера несколько отличается от концепции респондентного поведения, разрабатываемой ещё И. П. Павловым, и базирующейся на выявлении спонтанных реакций, вызываемых известными стимулами, предшествующими реакциям. При определении оперантного поведения⁴ Скиннером вводится дополнительный фактор целенаправленности поведения, который проявляется в обратной связи (т. е. воздействии на поведение его последствий), а не обуславливается ментальными показателями (целями, намерениями или прочими внутренними аспектами). Именно в связи с исключением из области изучения ментальных факторов, концепция оперантного поведения и представляет собой наиболее верный традиции бихевиоризма подход к рассмотрению поведения. Говоря о значении оперантного поведения в политической сфере, необходимо также более подробно остановиться на методах его изучения и фиксации. В своих

¹ Социальная психология. Словарь / Ред. Кондратьев М. Ю. — М.: Per Se, 2006. — 176 с.

² Хрестоматия по истории психологии / Под ред. Гальперина П. Я. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 17–18.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — Мн.: Попурри, 1999. — С. 32.

⁴ Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 60–95.

исследованиях Скиннер отстаивал функциональный анализ, устанавливающий точные и обусловленные взаимоотношения между открытым поведением организма и условиями окружающей среды, контролирующими их. Эти переменные должны существовать независимо, быть очевидными и количественно определяемыми. Причинно-следственные отношения, проистекающие из функционального анализа, у Скиннера претендуют на звание общего закона науки о поведении. Практически из данного подхода вытекает возможность манипулирования переменными окружающей среды (т. е. независимыми переменными), которые позволяют делать прогноз, и затем — измерять поведенческую реакцию (зависимые переменные). Т. е. концепция оперантного поведения напрямую связана с возможностью модификации поведения, которая в политической сфере приобретает эмпирическое значение. Данная концепция легла в основу социального инжиниринга и программирования, носящего зачастую небезопасный для объектов программирования характер. По мнению ряда исследователей, подход Скиннера таит в себе практическую опасность, поскольку даёт теоретическое разрешение на проведение экспериментов с регулированием человеческого поведения: «аргументы Скиннера послужили научной основой насильственного контроля над поведением граждан самыми варварскими средствами, включая генную инженерию, авersivevную терапию и электрошок...»¹.

Для политической психологии изучение человеческого поведения в рамках классического и радикального бихевиоризма представляет собой теоретическую значимость, в то время как для прикладной сферы политики радикальный бихевиоризм представляет собой научную подоплёку необходимости контроля над политическими субъектами, который по мере овладения механизмами, рискует приобрести тотальный характер и наделить абсолютными властными полномочиями политические элиты, располагающие рычагами осуществления контроля.

Библиография

1. *Мельвилль А. Ю.* Политология. — М.: Проспект, 2009. — 624 с.
2. *Скиннер Б. Ф.* Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 60–95.
3. Социальная психология. Словарь / Ред. Кондратьев М. Ю.— М.: Per Se, 2006. — 176 с.
4. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — Мн.: Попурри, 1999. — 624 с.
5. Хрестоматия по истории психологии / Под ред. Гальперина П. Я. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 301 с.
6. *Шестопал Е. Б.* Политическая психология: учебник для вузов. — М.: ИНФРА, 2002. — 448 с.

¹ Шестопал Е. Б. Политическая психология: учебник для вузов. — М.: ИНФРА, 2002. — С. 24.

Политическая коммуникативистика

Артём Владимирович Богданов

Студент юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского¹

Партия «Единая Россия» в пространстве региональных политических коммуникаций (на примере Саратовской области)

Аннотация

Анализируются способы политической коммуникации партии «Единая Россия» на региональном уровне, воздействие ее на избирателей, позиционирование относительно других партий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, партия «Единая Россия».

Особый интерес представляет собой функционирование партии «Единая Россия» (ЕР) в политическом пространстве современной России. «Единая Россия» представляет собой политическую партию, наиболее удачно выстроившую отношения не только с избирателями, но и со своими конкурентами. В настоящее время эта партия имеет большинство мест высшего представительного собрания, а значит непосредственно формирует государственную политику России.

Как научный, так и практический интерес представляет собой анализ технологий политических коммуникаций, используемых ЕР в процессе борьбы за политическую власть.

Изучение вышеуказанной проблематики позволяет выделить следующие сферы использования партией «Единая Россия» технологий политических коммуникаций: взаимодействие партии «Единая Россия» с другими политическими партиями (в статье будет рассмотрен пример отношений «Единой России» со «Справедливой Россией»); взаимодействие партии «Единая Россия» с избирателями; взаимодействие партии «Единая Россия» с избирателями и политическими партиями на основе вброса компромата, как технологии политической коммуникации.

В результате проведенного анализа политических коммуникаций партии «Единая Россия» на региональном уровне было установлено следующее.

«Единая Россия» и «Справедливая Россия» взаимодействуют заранее спланированным «сверху» образом. Данные партии являются партиями власти № 1 и № 2 с той лишь разницей, что «Справедливая Россия» подбирает голоса тех избирателей, чьи голоса не смогла взять «Единая Россия». Однако количество мест в законодательных собраниях и во власти вообще ограничено, а желающих попасть туда довольно много. Поэтому постоянно идет борьба, особенно на местном уровне, но не так активно, как перед выборами.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, профессор **Александр Алексеевич Вилков**.

«Правление» «Единой России» ограничивается лишь нахождением рядом партии СР, и наоборот. В тоже время СР сплачивает вокруг себя людей, по тем или иным причинам, не примкнувшим к «партии власти № 1» либо «обиженных ею», и в дальнейшем обеспечивает передел сфер влияния в регионах и на некоторых федеральных «площадках». Основную роль играет партия «Единая Россия», не собирающаяся в ближайшее время менять тактику, а только осваивающая новые методы ведения борьбы.

Выстраивание коммуникации ЕР с другими партиями на региональном уровне осуществляется по схожему сценарию. Региональные площадки более свободны от контроля сверху, чем федеральные, что предполагает вариативность сценария развития событий. Но при этом рамки вариативности заданы сверху. На региональном уровне границы свободы взаимодействия политических партий шире, чем на федеральном уровне.

Технологии политической коммуникации с избирателями используются ЕР в двух направлениях: теоретическом и практическом. В теоретическом направлении партия во главе с президентом, выстраивает схему развития, которую можно представить следующим образом: «человек — производство — более совершенный человек». Суть практического направления заключается в большей «советизации» каналов политической коммуникации «Единой Россией» с избирателями. Прослеживается аналогия между советами, которые в свое время создавались при коммунистическом режиме партией КПСС и общественными палатами, «приемными Путина», которые являются собой один из способов политической коммуникации с избирателями.

При проведении модернизации современной России партией «Единая Россия» учитывается психологическая компонента избирателя. Ее суть состоит в том, что в сознании россиян борются два начала: первое — патерналистское, которое уже существует на подсознательном уровне; второе — это память о режимах и положении народа, когда при таких «реформах» осуществлялось угнетение населения, а механизмы принятия решения носили явно авторитарный характер. Это определяет менталитет поведения российских избирателей во время выборов, специфику которого «Единая Россия» учитывает при выстраивании политической коммуникации с гражданами.

Поэтому партия строит психологическую ассоциативную связь, объявляя, что Путин и «Единая Россия» — одно и то же. В этом случае частичка любви и уважения, которые избиратели дарят национальному лидеру, автоматически распространяется на «слуг народа» из официальной партии власти. Это повышение доверия к ЕР и ее руководителям, а также усиливает общественную поддержку проводимым реформам, что способствует выстраиванию устойчивой коммуникативной связи с избирателями.

Одной из форм политической коммуникации ЕР с другими политическими субъектами является вброс компромата. Чаще всего, вброс компромата используется партией «Единая Россия» непосредственно перед выборами, как возможность избежать прямого столкновения с вышестоящими политическими субъектами, снять с себя ответственность за провоцирование кон-

фликта. Следует отметить, что произошла трансформация от использования вброса компромата к использованию критики партией «Единая Россия». То есть ЕР обязана конкурировать идеями, критиковать другие партии, но критиковать в корректной форме. Это изменение в использовании технологии политической коммуникации объясняется тем, что «Единая Россия» достигла намеченных целей, что выражается в весьма устойчивых позициях данной партии в российской политической системе, при отсутствии реальной острой политической борьбы за власть между партиями.

При анализе ЕР в пространстве региональных политических коммуникаций была выявлена параллель между методами и способами политической коммуникации «Единой России» и КПСС при взаимодействии как с избирателями, так и с политическими партиями. Анализ применения ЕР технологий политических коммуникаций по выделенным выше сферам позволяет увидеть, что пик взаимодействия данной партии с избирателями и другими политическими силами приходится на время выборов. «Единая Россия» — одна из наиболее устойчивых и стабильных политических партий, быстро адаптирующихся к изменениям, происходящим в политической системе России, пользующаяся государственной поддержкой и административным ресурсом. Но при этом, в настоящее время, в условиях экономического кризиса, взаимодействие партии с иными политическими акторами и, особенно, с избирателями теряет свою направленность, интенсивность, что выражается в формальном характере данных взаимодействий (см. схему 1).

Схема 1. Интенсивность использования политической коммуникации партией «Единая Россия» в политическом пространстве (ось y — процент публикаций партии, с указанными видами коммуникационной активности).

Библиография

1. *Андрусенко Л.* «План Путина» и программа Медведева // Политический журнал. — 2008. — № 3. — С. 24–27.
2. *Аугенберг Р.* Солдат «Справедливой России» [Электронный ресурс] // Журнал «Саратовский репортёр» : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.rsar.ru/articles/472.html> (дата обращения: 05.08.2009).
3. *Вилков А. А.* Особенности институционального имиджа «Единой России» (анalogии с КПСС: общее и особенное) // «Новая Россия»: проблема доверия в современном российском политическом сообществе: сб. науч. статей. В 4 ч. Ч 1. — М.: РГГУ, 2007. — С. 133–143.
4. *Кретов Б. Е.* Средства массовой информации — элемент политической системы общества // Журнал «Социально-гуманитарные знания». — 2000. — № 1. — С. 101–115.
5. *Лешуков В. С.* Встали и ушли [Электронный ресурс] // Общественное мнение : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.om-saratov.ru/article/detail.php?ID=1379> (дата обращения: 05.08.2009).
6. *Лешуков В. С.* Депутатские ответы на PR-вопросы [Электронный ресурс] // Общественное мнение : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.om-saratov.ru/article/detail.php?ID=1405> (дата обращения: 05.08.2009).
7. *Олейник Д. Б.* Вал по плану [Электронный ресурс] // Журнал «Новые времена он-лайн» : [сайт]. [2007]. URL: http://nvsaratov.ru/default.php?go=show&id=4950&paper_id=213 (дата обращения: 05.08.2009).
8. *Победоносцев К.* Поражение «Партии власти» [Электронный ресурс] // Журнал «Саратовский репортёр» : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.rsar.ru/articles/766.html> (дата обращения: 05.08.2009).
9. *Пономарев А.* PRовал [Электронный ресурс] // Журнал «Саратовский репортёр» : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.rsar.ru/articles/728.html> (дата обращения: 05.08.2009).
10. *Прибыловский В. В.* Компромат как донос начальству [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новая Политика» : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.novopol.ru/opinion18639.html> (дата обращения: 05.08.2009).
11. *Семенова Ю.* PRовал [Электронный ресурс] // Журнал «Общественное мнение» : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.om-saratov.ru/article/detail.php?ID=1400> (дата обращения: 05.08.2009).
12. *Семенова Ю.* Есть такая партия [Электронный ресурс] // Журнал «Общественное мнение» : [сайт]. [2007]. URL: http://om-saratov.ru/article/detail.php?SECTION_ID=160&ID=1376&phrase_id=29866 (дата обращения: 05.08.2009).
13. *Ситин Е.* Кому его делать былью? [Электронный ресурс] // Ставропольская правда : [сайт]. [2007]. URL: http://www.stpravda.ru/200711-01/Plan_Putina_Komu_ego_delat_bylyu_2719.html (дата обращения: 05.08.2009).
14. *Соловьев А. И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. — 2002. — № 3. — С. 5–18.

15. *Урбан Дж., Соловей В. Д.* Коммунистическое движение в посткоммунистической России // Свободная мысль. — 1997. — № 3. — С. 18–24.
 16. Послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ (2000–2007 гг.) [Электронный ресурс] // Президент РФ : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/sdocs/appears.shtml?date_to=2008/05/06&stype=63372 (дата обращения: 05.08.2009).
 17. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ (2008 г.) [Электронный ресурс] // Президент РФ : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/sdocs/appears.shtml?stype=63372> (дата обращения: 05.08.2009).
 18. Россия, которую мы выбираем. Программное заявление партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Единая Россия : [сайт]. URL: <http://www.edinros.ru/rubr.shtml?110100> (дата обращения: 05.08.2009).
 19. Выступление Владимира Путина на съезде партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Росбалт : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.rosballt.ru/2007/10/01/418620.html> (дата обращения: 05.08.2009).
-

Луиза Ахматовна Габдрахманова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Образ России в мире: проблемы формирования и продвижения

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования и продвижения образа России в мире. Автором выявлены факторы для анализа проблематики, описаны текущие процессы, выявлены закономерности и предложены рекомендации.

Ключевые слова: политический имидж, образ государства, образ России.

В настоящее время никого не удивишь такими словами, как информационный ресурс, СМИ — четвертый тип власти, имидж государства, политическая реклама, черный PR. Все они как будто разом поселились у нас в подсознании, и мы четко понимаем, что есть механизмы, по которым они работают. И в информационной войне современности главным оружием государства становится не военный потенциал, а его **имидж**.

Это понимают и чиновники, которые пытаются применить вышперечисленные технологии в информационной политике государства. Так, в 2001 году на правительственном уровне была поставлена задача по улучшению

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Татьяна Васильевна Евгеньева**.

внешнего имиджа России. Тогда три крупных госучреждения заявили об участии в формировании и продвижении образа: Администрация Президента РФ, Министерство печати, телевидения, радиовещания и средств массовой информации и Министерство иностранных дел. Но до сих пор образ России складывается скорее стихийно, нежели его кто-то целенаправленно конструирует.

Российские ученые впервые заговорили об этом феномене в контексте политического восприятия в начале 2000-х годов.

Например, в МГУ имени М. В. Ломоносова, на базе кафедры политической психологии философского факультета под руководством профессора Е. Б. Шестопаля, стали проводить научно-исследовательские проекты по изучению образов власти и политических лидеров в массовом сознании. Политический образ — это отражение реальных характеристик объекта восприятия, т. е. политической власти, личности лидера и т. д., а с другой стороны — проекция ожиданий субъекта восприятия, т. е. граждан¹. В дальнейшем психологические подходы стали применять для анализа восприятия образов государств и наций².

С геополитическим подходом к формированию образа государства тогда впервые выступил ученый Д. Н. Замятин. В его трактовке геополитический образ — это целенаправленные и четко структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики определенных территорий, стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения³.

В контексте формирования и продвижения образа России в мире интересна имиджевая модель Э. А. Галумова, которая принципиально разделяет имидж государства на внутренний и внешний⁴. Также применимы подходы ярославских исследователей И. Ю. Киселева и А. Г. Смирновой в сфере формирования образа государства в международных отношениях⁵.

Следовательно, актуальность проблематики заключается в двойственной природе самого феномена «образ государства». С одной стороны, мы понимаем, что внешнеполитические решения порой принимаются на основании восприятия государства, как «друга» или «врага», с другой — есть ра-

¹ См.: Психология восприятия власти / под ред. Шестопаля Е. Б. — М.: СП мысль, 2002. — 241 с.; Образы власти в постсоветской России. Политико-психологический анализ / Под ред. Шестопаля Е. Б. — М.: Алетейя, 2004. — 536 с.

² Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопаля Е. Б. — М.: Аспект Пресс, 2008. — С. 12.

³ Замятин Д. Н. Структура и динамика политико-географических образов // Полития. — 2000. — № 3. — С. 107–115.

⁴ См.: Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. — М.: Известия, 2003. — 450 с.

⁵ См.: Киселев И. Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации // Полис. — 2003. — № 3. — С. 50–57; Образ государства и принятие решений в международных отношениях: Учебное пособие для вузов / Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — 174 с.

циональная, прагматическая составляющая решения, основанная на выгоде. И насколько профессионально они взаимодействуют, настолько логично формируется и продвигается образ государства.

По нашему мнению процесс формирования и продвижения территориального образа необходимо исследовать из следующих факторов:

- 1) какой фактический образ Россия уже имеет;
- 2) с какими целями следует конструировать территориальный имидж;
- 3) для какой целевой аудитории;
- 4) какие для этого есть ресурсы.

Попытаемся проанализировать вышеизложенные факторы.

Согласно исследованию западных экспертов компании «GlobeScan», которые на протяжении трех лет (2005–2008 гг.) исследовали имидж государств в динамике, именно Россия в 2008 году достигла «наиболее впечатляющих результатов» среди всех 34 стран мира, участвующих в рейтинге. Так за период с 31 октября 2007 года по 25 января 2008 года положительное восприятие страны выросло с 29% до 37% (от участвующих в опросе 17 457 респондентов). При этом негативное отношение России удалось снизить с 41% до 34%. Таким образом, в международном рейтинге имидж России занимает 9 место, обогнав США¹.

По нашему мнению, позиционирование России в качестве государства — политически стабильного партнера, способного отстаивать свои интересы, привело к повышению имиджа страны в международных рейтингах. Ярким примером может служить война Грузии и Южной Осетии, а также признание Россией независимости непризнанных республик. Это закрепило за Россией четкую позицию в отношении Запада, придало ей статус страны умеющей защищать себя и союзников, не поддающейся на провокации.

Следовательно, предполагаемыми целями формирования образа становятся те, в задачи которых входят сохранение и укрепление имеющихся позиций, а также их рост.

Российские исследователи в условиях отсутствия общественно-государственной информационной политики по продвижению России за рубежом, уже задавались этим вопросом. Мы обобщили их выводы и ранжировали по значимости. Таким образом, формирование образа России в мире отвечает следующим целям:

- 1) гармонизация восприятия России на международной арене²;
- 2) снижение фактора угрозы в отношении России³;
- 3) усиление влияния на принятие внешнеполитических решений в си-

¹ Global Views of USA Improve [Electronic Resource] // GlobeScan : [site]. URL: http://globe-scan.com/news_archives/bbcntryview08/ (дата обращения: 17.07.2009).

² См.: Перцовская К. О. Образ России во внешнеполитическом пространстве // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопал Е. Б. — М.: Аспект Пресс, 2008.

³ См.: Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Восприятие угрозы в международных отношениях как процесссоциального познания // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопал Е. Б. — М.: Аспект Пресс, 2008.

туациях кризисного взаимодействия государств¹;

4) повышение конкурентоспособности страны на внешних рынках².

Можно сделать вывод, что наиболее востребованными образами являются «политически стабильное, дружелюбное государство, способное отстаивать свои интересы и государство-партнер с конкурентоспособной экономикой».

Таким образом, в целевую аудиторию необходимо включать все лица, принимающие внешнеполитические решения в отношении России. Но, согласно нашей коммуникационной модели (см. рис. 1), при реализации коммуникативной стратегии внимание стоит уделить лидерам общественного мнения.

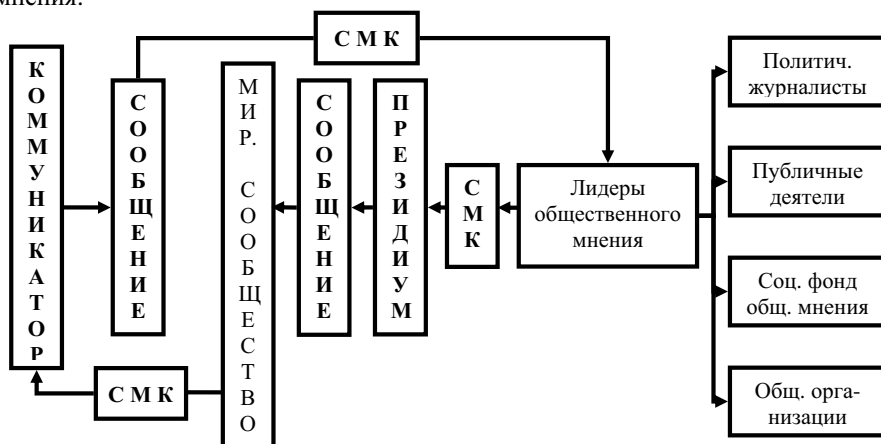

Рисунок 1.

Коммуникативная модель продвижения внешнего образа государства.

Данная модель имеет упрощенный вид и ставит целью показать иной механизм формирования и продвижения образа России в мире сразу на нескольких уровнях. Выбирая целевой аудиторией лидеров общественного мнения в виде экспертов, признанных ученых, известных людей («президиум»), образ продвигается одновременно по нескольким направлениям: в обществе и в элите. Отметим, что каждое сообщение в схеме передается через определенные каналы средств массовой коммуникации, которые востре-

¹ См. Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 19.00.12. — М.; Ярославль, 2004. — 25 с.; Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений : диссертация ... кандидата политических наук : 19.00.12. — М.: 2004. — 207 с.

² Панкрухин А. П. Маркетинг страны [Электронный ресурс]. // Гильдия Маркетологов : [сайт]. URL: <http://marketologi.ru/lib/terr/terr2.html> (дата обращения: 17.07.2009).

бованы у целевой аудитории. Обратной связью служит оценочное суждение мирового сообщества, то есть репутация о России, которую можно анализировать путем контент-анализа СМК и выразить в стоимостном соотношении, как стоимость бренда.

Согласно исследованию С. Анхольта, проведенному при поддержке компании «Global Marketing Insight», удалось оценить бренд России в \$663 млрд. При этом отмечено, что каждый человек как представитель нации тоже имеет свою стоимость в 4641 доллар¹.

В заключении, мы пришли к выводу, что образ России в мире имеет положительную тенденцию и, если он будет продолжать формироваться не стихийно, а целенаправленно конструироваться согласно научным исследованиям, то у России есть все шансы укрепить имиджевые характеристики и восприниматься как «политически стабильное, дружественное государство, способное отстаивать свои интересы».

Светлана Александровна Новикова

Студентка историко-политологического факультета Пермского государственного университета²

Блогосфера как политико-коммуникативное пространство в США

Аннотация

В статье делается попытка определить роль блогосферы в политико-коммуникационном процессе и формировании повестки дня в Соединенных Штатах Америки, рассматривая ее через призму формы гражданской журналистики, средства ведения избирательной кампании и средства повседневного общения.

Ключевые слова: блоги, блогосфера, новые медиа, коммуникация, предвыборная кампания в США.

В связи с распространением интернет-технологий в современном мире, сопряженным с сужением, формализацией традиционных каналов политической коммуникации, блоги (интернет-дневники) становятся все более популярным и удобным средством коммуникации.

Объектом исследования является блогосфера как коммуникативное сетевое пространство, предметом — роль блогов в политической коммуника-

¹ По результатам исследования «Рейтинг национальных брендов» С. Анхольта бренд России оценивается в \$663 млрд [Электронный ресурс] // Проект «E-xecutive» : [сайт]. URL: http://old.e-xecutive.ru/news/piece_15884/ (дата обращения: 17.07.2009).

² Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного университета **Дмитрий Георгиевич Красильников**.

ции западных стран на примере США.

Цель данной работы — объяснить, как менялась роль блогов в политико-коммуникационном процессе США в течение 1990–2000-х годов.

Выбор нами в качестве примера Соединенных Штатов Америки связан, в первую очередь, с тем, что США являются родиной самого феномена блогов и блогосфера там развивается наиболее активно.

Конец 1990-х годов стал определенным пиком в процессе роста и развития блогов, что было обусловлено созданием новых платформ и развитием технологии.

Мы считаем, что модель и цели использования блоггинга в общественно-политической сфере в США изменилась по сравнению с началом 2000-х годов, когда это явление только начинало распространяться, и создавались первые платформы.

Причинами такой трансформации, на наш взгляд, может быть стремительное увеличение численности и популярности блогов, ситуация, когда они становятся массовой, а не элитарной формой участия, обращают на себя внимание разных индустрий, вследствие чего происходит их коммерциализация.

Всплески активности блогосферы наблюдаются в период избирательных кампаний и иных знаковых общественно-политических событий, становящихся маркерами для обсуждения. Исследования 2005 года это подтверждают: спустя всего три месяца после президентских выборов 2004 года в США популярность блогов упала более чем на 50%¹.

Как настоящая общественно-политическая сила, способная конкурировать с традиционными СМИ, блоги стали осознаваться с сентября 2001 года — нью-йоркские авторы интернет-дневников вели репортаж с места событий о теракте 11 сентября 2001 года: они публиковали фотографии, описывали события, свидетелями которых стали, рассказы очевидцев, слухи.

С середины 2000-х годов на порталах многих крупных СМИ появляются обзоры блогов, цитируются мнения авторитетных блоггеров. Специалисты в области масс-медиа связывают такое сближение процессом конвергенции СМИ — их слиянии и взаимодействии. Как отмечает исследователь Е. Л. Варганова, конвергенция предполагает «передачу функций одних СМИ другим, «перемену ролей» у разных каналов коммуникации». Причем, мы можем полагать, что блоги и другие продукты Web 2.0 — это такая стадия конвергенции, когда потребитель и производитель СМИ являются одним и тем же субъектом.

Важным феноменом в общественно-политической жизни США стали интернет-дневники военных (milblog), участвующих в боевых действиях на Ближнем Востоке. Они дали исследователям основание полагать, что блого-

¹ Rainie L. The state of blogging [Электронный ресурс] // Pew Internet & American Life Project : [сайт]. [2005]. URL: <http://www.pewinternet.org/Reports/2005/The-State-of-Blogging> (дата обращения: 30.07.2009).

сфера может быть источником информации.

Первопроходцами в части применения блогов в предвыборном процессе стали демократы в ходе кампании 2004 года и, в частности, кандидат в президенты Говард Дин. Даже о своем решении баллотироваться на пост он объявил через интернет.

Дин, будучи на тот момент фаворитом избирательной гонки от демократов, создал блог «Dean Call To Action», где давал развернутые комментарии событий, критиковал республиканцев, призывал сторонников к консолидации. Он же стал первым, кто применил блоги для сбора пожертвований в фонд избирательной кампании. Через Интернет он получил 7,4 млн. долларов, то есть почти половину от всего бюджета кампании.

Президентская кампания 2004 года стала первым шагом к осознанию и активизации использования блогов и личных страниц как инструментов ведения кампании. По данным компании Pew Internet & American Life Project на момент старта кампании 2004 года примерно 32 миллиона американцев постоянно или периодически читали блоги¹ (при населении в 290 миллионов).

Уже в 2008 году Хиллари Клинтон и Барак Обама стали пользоваться этими техническими средствами в полной мере. По ходу кампании претенденты на пост кандидата в президенты США от Демократической партии Барак Обама, Хиллари Клинтон, Джон Эдвардс завели себе личные страницы на MySpace — самой популярной социальной сети и, по совместительству, блог-платформе Америки. Более того, на видеохостинге YouTube был создан специальный канал, посвященный предвыборной кампании.

Помимо страницы на MySpace, командой Обамы была создана собственная независимая платформа <http://my.barackobama.com>, где располагается не только личный блог кандидата, но и существовала возможность регистрации и ведения собственного дневника, можно было узнавать о событиях и новостях кампании, получать приглашения на митинги и встречи в городе проживания кандидата, общаться с единомышленниками. Данный портал активно использовался для привлечения сторонников и организации их для участия в кампании, под девизом «Organizing for America». Участники данного сайта могли соревноваться в активности своего участия, получая своеобразные очки за каждое действие, например за посещение мероприятий, за агитацию своих соседей и друзей (door knocking), за написание поста в блоге, за пожертвование денег и т. д.

Как писал журналист New York Times Дэвид Карр: «По сути, предвыборная кампания Обамы не принесла ничего нового. Он просто соединил вместе под одним «флагом» все новые медиа-инструменты, что привело к

¹ Survey: 53 Million Americans Help Create the Online World [Электронный ресурс] // Pew Internet & American Life Project [сайт]: [2004]. URL: <http://www.pewinternet.org/Media-Mentions/2004/Survey-53-Million-Americans-Help-Create-the-Online-World--Survey-Show-Almost-Half-of-Amer.aspx> (дата обращения: 18.07.2009).

появлению невиданного ранее движения, которое принесло деньги в фонды, новых участников в организации, силы для борьбы с клеветой и, главное, голоса избирателей»¹.

В заключении упомянем некоторые черты, которые характеризуют изменение особенностей блогосферы как коммуникативного пространства в США. Во-первых, это обретение блогами и «новыми медиа» роли инструмента в политической борьбе, во-вторых, профессионализация сообщества блоггеров и его сегментация — складывание среды гражданских журналистов, появление специализированных блог-платформ. В-третьих, и это в небольшой степени связано с повышением доверия к блогам, — они становятся достоверным и авторитетным источником информации и, в некоторых случаях, навязывают конкуренцию традиционным СМИ.

Библиография

1. Carr D. How Obama Tapped Into Social Networks' Power [Электронный ресурс] // The New York Times (NYTimes.com) : [сайт]. [2008]. URL: http://nytimes.com/2008/11/10/business/media/10carr.html?_r=1&ref=business (дата обращения: 18.07.2009).
2. Rainie L. The state of blogging. Washington, DC. Jan, 2005 [Электронный ресурс] // Pew Internet & American Life Project : [сайт]. [2005]. URL: http://www.pewinternet.org/~media/Files/Reports/2005/PIP_blogging_data.pdf.pdf (дата обращения: 18.07.2009).
3. Survey: 53 Million Americans Help Create the Online World. Mar 3, 2004 [Электронный ресурс] // Pew Internet & American Life Project [сайт] : [2004]. URL: <http://pewinternet.org/Media-Mentions/2004/Survey-53-Million-Americans-Help-Create-the-Online-World--Survey-Show-Almost-Half-of-Amer.aspx> (дата обращения: 18.07.2009).
4. Хитров А. Блог как феномен культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. 1. Спецвыпуск. — С. 66–76.
5. Интернет и интерактивные электронные медиа: В 2 частях. — М.: Издательство МГУ, 2007. — 1 ч.: Трансформация глобального информационно-коммуникационного пространства в интернете. — 262 с. URL: http://science.convergencelab.ru/files/Part_1%20whole.pdf (дата обращения: 18.07.2009); 2 ч.: Блоги в системе массовых коммуникаций. — 242 с. URL: http://science.convergencelab.ru/files/Part_2%20whole.pdf (дата обращения: 18.07.2009).

¹ Carr D. How Obama Tapped Into Social Networks' Power [Electronic Resource] // The New York Times (NYTimes.com): [сайт]. [2008]. URL: http://nytimes.com/2008/11/10/business/media/10carr.html?_r=1&ref=business (дата обращения: 18.07.2009).

Политический менеджмент и связи с общественностью

Данный раздел сборника «SCHOLA 2009» посвящен таким направлениям деятельности, как политический менеджмент и связи с общественностью. Очевидна и не вызывает сомнений важность и необходимость данного раздела в аспекте изучения прикладных аспектов современной политики.

Современная политика неминуемо становится все более и более технологичной, предъявляя все более высокие требования к квалификации специалистов, осуществляющих политическое управление, которое в развитых демократиях основано не на принуждении к выбору под угрозой применения так называемого легитимного насилия, а на убеждении и влиянии на общественное мнение с целью формирования политического выбора. Несомненно, такое понимание содержания политического управления требует профессиональных знаний, навыков и компетенций у субъектов политического управления, и технологии политического менеджмента становятся незаменимым инструментом при реализации политики на различных ее уровнях.

Одновременно с этим, демократизация современной политики объективно требует публичности всех субъектов политики, их открытости и готовности к коммуникации с источниками власти — народом, который и формирует общество. Поэтому технологии связей с общественностью в политике также важны и актуальны. Ни одно современное государство не обходится, и не может обойтись без применения технологий связей с общественностью при осуществлении политического управления и реализации политики в целом. Взаимодействие государства и общества, субъектов политики и общественности, налаживание эффективных двусторонних коммуникаций между ними являются сегодня критичным условием существования современной демократии.

Отрадно, что студенты и аспиранты факультета политологии активно обращают свое внимание на данную сферу политологии, изучая как ее основы, так и отдельные теоретические и прикладные аспекты политического менеджмента и связей с общественностью в политике.

В данном разделе сборника вы сможете прочитать результаты научных изысканий будущих специалистов-политологов, которые будут непосредственно заниматься вопросами политического менеджмента и связей с общественностью в нашей стране в уже недалеком будущем. Хотелось бы пожелать всем им успехов в изучении политологии, а читателям извлечь для себя пользу из прочтения публикуемых здесь материалов.

Сергей Владимирович Володенков, кандидат политических наук, доцент, заместитель руководителя образовательной программы «Политический менеджмент и связи с общественностью» факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Сергей Владимирович Володенков

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Использование мобильных коммуникаций в современных политических кампаниях

Аннотация

В работе рассматривается потенциал и оцениваются возможности и пределы использования в рамках политических кампаний ряда современных технологий мобильной связи, таких как WAP (Wireless Application Protocol — протокол беспроводного доступа), SMS (Short Message Service — служба коротких текстовых сообщений), MMS (Multimedia Message Service — служба мультимедийных сообщений), приложений для мобильных устройств, мобильных видеохостингов, LBS (Local Based Services — сервисов, основанных на определении местоположения) и целого ряда иных. Анализируются зарубежные примеры их использования (включая президентскую гонку в США в 2008 года), их общая результативность и эффективность, а также перспективы перенесения зарубежных моделей организации мобильной коммуникации в отечественный политический процесс.

Ключевые слова: мобильные технологии, политические кампании, WAP, SMS, MMS, LBS, мобильные приложения, iPhone, видеохостинги, RSS, Ring Back Tone, Home Screen Replacement, Interactive Cell Broadcasting.

С развитием технологий мобильной связи стала вызывать интерес с точки зрения работы с ней в рамках политических кампаний и такая многочисленная аудитория, как пользователи мобильных телефонов, смартфонов и коммуникаторов.

С каждым годом число владельцев мобильных устройств, пользующихся сотовой связью, становится все больше и больше и исчисляется десятками миллионов человек. Немаловажно и то, что проникновение мобильной связи, в отличие от Интернета, на сегодняшний день более глубокое.

Так, например, в России количество абонентов на конец августа 2009 года достигло 199,9 млн., проникновение увеличилось до 137,7 %. В Москве и Санкт-Петербурге на 100 жителей пришлось 193 и 182 SIM-карты соответственно¹.

¹ AC&M Consulting публикует скрининг абонентских баз сотовых операторов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.content-review.com/articles/10712/> (дата обращения: 09.11.2009).

При этом помимо услуг мобильной связи, провайдеры предоставляют пользователям все новые и новые дополнительные сервисы, позволяющие владельцам сотовых телефонов осуществлять коммуникацию и организовывать доступ к разнообразной информации не только с помощью голосовой связи.

Данные сервисы и технологии предоставляют новые возможности для осуществления контакта с представителями целевых аудиторий при проведении политических кампаний и позволяют формировать каналы массовой коммуникации с абонентами сетей сотовой связи.

Основными особенностями мобильных коммуникаций являются наличие массовой аудитории, возможность проведения интерактивных информационных и PR-кампаний, а также возможность таргетирования и персонализации сообщений, передаваемых владельцам различных мобильных устройств.

Еще одной характерной чертой мобильных коммуникаций является организация PR-кампаний в режиме реального времени, что, например, при использовании традиционных печатных СМИ попросту невозможно.

Информационное воздействие в мобильном секторе ограничено лишь зоной распространения сигнала, которая на сегодняшний день в большинстве случаев является вполне достаточной для проведения политических PR-кампаний, в т. ч. общенациональных.

Современные сотовые сети позволяют обеспечить охват массовых аудиторий и организовать их интерактивный отклик на PR-воздействие в рамках политической кампании.

К основным мобильным технологиям и ресурсам, которые могут быть использованы в рамках политической кампании для осуществления взаимодействия с целевыми аудиториями, мы относим следующие.

WAP (wireless application protocol) и WAP-ресурсы

Несмотря на то, что технология WAP используется на мобильном рынке уже достаточно давно и может в определенной степени считаться устаревшей, все же на сегодняшний день именно WAP-ресурсами пользуется большинство владельцев мобильных телефонов.

Ныне WAP-сайты являются наиболее посещаемыми среди пользователей услуг мобильной связи. Посещения только WAP-сайтов операторов мобильной связи исчисляются десятками миллионов в месяц. При этом основная WAP-аудитория — это социально активное население молодого и среднего возраста.

Рувап по экспертным оценкам развивается сегодня достаточно успешно и является привлекательным и перспективным ресурсом для размещения мобильной политической информации. Активно развиваются WAP-версии социальных сетей (pda.vkontakte.ru, m.myspace.com, wap.odnoklassniki.ru), информационных и развлекательных порталов (pda.lenta.ru, m.gazeta.ru,

wap.newsru.com, wap.rambler.ru, wap.jamango.ru, wap.rbc.ru), а также мобильная блогосфера (wap.mail.ru, wap.blogs.mail.ru, m.livejournal.com, m.lj.ru).

Таким образом, по аналогии со «старшим братом» — сетью Интернет, в мобильном «интернете» сегодня появляются все новые и новые площадки для организации массовых коммуникаций активных пользователей современных технологий, которые могут быть использованы для осуществления контактов с целевыми аудиториями.

При этом WAP-версий сайтов политической направленности на сегодняшний день практически не существует, и при планомерной работе в области создания собственных политических WAP-ресурсов для массовой аудитории возможности для осуществления контакта с массовой аудиторией в мобильном секторе будут, по нашему мнению, существенно возрастать.

Особое внимание целесообразно в ближайшей перспективе уделить мобильным социальным сетям. В последнее время социальные сети стали пользоваться значительно большей популярностью среди мобильных пользователей. Аналитики и сами сотовые операторы предсказывают, что число мобильных посетителей будет только расти, что позволит осуществлять оперативный интерактивный контакт с целевой аудиторией практически в любое время и в любом месте.

Кроме того, использование WAP-площадок в мобильном маркетинге предоставляет достаточно широкие возможности по вовлечению пользователей в интерактивное взаимодействие с помощью разнообразных механизмов («механик») вовлечения (engaging mobile mechanics), таких, как click-to-call («кликни, чтобы позвонить»), click-to-download («кликни, чтобы загрузить»), click-to-win («кликни, чтобы выиграть»), click-to-subscribe («кликни, чтобы подписаться»), click for a coupon («кликни, чтобы получить купон») и др., а также позволяет отслеживать посткликтовую активность («post-click activity») пользователя¹.

В качестве примера использования мобильных сайтов в политических кампаниях можно привести мобильный сайт Барака Обамы <http://m.barackobama.com/>²

Посетителям мобильного сайта кандидата в президенты был предоставлен доступ к разнообразному мобильному контенту — подробной биографии кандидата (раздел «Встречайте — Барак Обама»), логотипам, фотографиям, иным графическим изображениям, видеозаписям важных выступлений Обамы, мобильным видеороликам, рингтонам,

Также каждый владелец мобильного телефона получил возможность интерактивно взаимодействовать со штабом Обамы, принять участие в онлайн-

¹ Реклама на wap-портале wap.megaфонpro.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cus-tomline.ru/UserFiles/File/press.pdf> (дата обращения: 09.11.2009).

² iLoop Mobile Breaks New Digital Frontiers With Innovative Mobile Internet Site for Barack Obama's Presidential Campaign. [Electronic Resource]. URL: <http://www.iloopmobile.com/pages/news/prsum.php?press=081508.xml> (дата обращения: 09.11.2009).

опросах на сайте, самостоятельно отправить MMS (раздел «Поделись надеждой»), проинформировать о сайте и призвать проголосовать своих знакомых, родственников, друзей за Барака Обаму (данная возможность основана на принципах вирусного маркетинга), а также участвовать в его политической кампании, в т. ч. в качестве волонтера.

Кроме того, пользователям мобильного сайта была предоставлена возможность оформления подписки на получение оперативных уведомлений о появлении нового контента (видео, аудио, тексты речей и т. д.). На сайте работала горячая лента новостей и пресс-релизов, синхронизировавшаяся с интернет-сайтом кандидата¹.

Организация такого рода площадки для коммуникации с мобильными пользователями стала одним из серьезных факторов, повлиявших на конечный результат президентской кампании, позволив объединить в рамках единого ресурса несколько миллионов мобильных пользователей.

Можно привести и другие примеры использования мобильных ресурсов в политических кампаниях. Так, во время проведения выборов президента США социальная сеть MySpace и NBC News запустили специальный мобильный сайт, посвященный выборам Decision'08, на котором размещались новостные и аналитические материалы, связанные с темой президентских выборов.

В отечественной практике использование мобильных ресурсов на сегодняшний день практически не осуществляется.

Тем не менее, мы уверены, что при проведении политических кампаний их организаторам доступен арсенал эффективных инструментов для организации PR-кампаний различного содержания на WAP-площадках и осуществления коммуникации с целевыми аудиториями кампаний. По мере развития мобильного сектора основной контакт с целевыми аудиториями мобильных пользователей, на наш взгляд, сможет быть эффективно осуществлен помимо использования традиционных каналов также и посредством мобильных ресурсов.

SMS (Short Message Service) и MMS (Multimedia Message Service)

Несмотря на то, что на сегодняшний день многие эксперты негативно относятся к использованию SMS в качестве информационного носителя, в первую очередь отождествляя использование коротких текстовых сообщений с SMS-рассылками (которые, в свою очередь, ассоциируются со спамом) и оценивают эффективность SMS-кампаний как низкую, нам все же *представляется перспективным использование данного маркетингового инст-*

¹ Залог победы. Мобильные технологии в рамках кампании избранного президента США Барака Обамы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.content-review.com/articles/8016/> (дата обращения: 09.11.2009).

румента и одновременно рекламного носителя при проведении мобильных PR-кампаний.

Использование технологии SMS в мобильном секторе имеет достаточно значимые при проведении PR-кампании преимущества.

В первую очередь, SMS технология обеспечивает *гарантированную* доставку сообщений конечному потребителю информации. Во-вторых, применение данной технологии *позволяет охватить практически полностью аудиторию мобильных пользователей* — владельцев сотовых телефонов и коммуникаторов. Сочетание двух данных преимуществ позволяет сделать вывод о том, что при грамотном построении маркетинговых коммуникаций эффект от PR-кампании с использованием такого многофункционального маркетингового инструмента, как SMS, может в итоге оказаться достаточно высок.

В случае, если PR-кампания построена таким образом, что пользователь лоялен к получаемым SMS-сообщениям, данный инструмент может быть, по нашему мнению, активно использован при проведении политических кампаний.

К тому же *SMS-рассылки обладают широкими возможностями по таргетированию и персонализации сообщений* (например, обращение к каждому абоненту по имени; фильтрация по различным параметрам (адрес проживания, текущее местоположение и т. п.); рассылка по совпадению даты (например, для поздравлений с Днём Рождения) и т. д.), применение которых в политической кампании приводит к существенному увеличению уровня релевантности SMS-сообщения и, соответственно, значительному повышению эффективности контакта с представителями разнообразных целевых аудиторий.

Имея доступ к базе данных мобильных операторов, в которых содержится информация о месте проживания абонента, мы получаем возможность работы по конкретным избирательным округам и территориям проведения политической кампании.

Как мы уже заметили, для эффективного применения SMS-технологии необходимо достижение лояльности конечных получателей SMS-сообщений. Нам представляется достижимым создание и предоставление конечным пользователям таких информационных услуг, которые позволят существенно повысить эффективность проводимых посредством SMS-сообщений PR-кампаний.

Так, например, в декабре 2007 года, во время проведения общегосударственной кампании по выборам депутатов Государственной Думы РФ V созыва, мобильным пользователям была предложена возможность подписки на SMS-рассылку результатов голосования по всей стране в ночь после окончания выборов. По мере подведения итогов в режиме реального времени подписчикам периодически доставлялись SMS с текущими результатами подсчета голосов.

При этом пользователи были, безусловно, лояльны к получаемым SMS-сообщениям.

Также перспективным представляется *создание различных информационных сервисов*, в рамках которых информирование конечного потребителя осуществляется посредством тематических SMS-сообщений соответствующих интересам подписчика сервиса (например, информация о встречах кандидата с населением, часы работы общественной приемной политика или партии, ссылки на важные выступления партийных лидеров по общественно значимым вопросам и т. д.).

В качестве примера использования SMS в политических кампаниях можно привести работу штаба кандидата в Президенты США Джона Эдвардса, который первым из участников президентской гонки предложил своим избирателям подписаться на регулярные рассылки информационных SMS-сообщений о ходе своей избирательной кампании. Сторонники Эдвардса могли пройти регистрацию на его веб-сайте, на мероприятиях кампании, а также путем отправки SMS с коротким кодовым словом на пятизначный сервисный номер¹.

В дальнейшем штаб кандидата в Президенты США Барака Обамы также организовал подписку для всех желающих первыми получить информацию о том, кто в качестве кандидата в вице-президенты пойдет в паре с Обамой. SMS с информацией о фамилии кандидата в вице-президенты рассылался подписчикам даже ночью, что подчеркивало важность и эксклюзивность информации, что, в свою очередь, несомненно повысило существенным образом лояльность SMS-подписчиков.

Подписчики узнали о принятом решении одними из первых. Нет нужды говорить о том, что получатели SMS-сообщений были лояльны к рассылке информации.

Согласно данным Nielsen Mobile, одна лишь SMS-рассылка Обамы о выборе Джо Байдена в качестве вице-президента, была проведена на 2,9 миллиона подписчиков, что стало рекордом массовости для данного канала коммуникации в США².

Но не только в США SMS-рассылки используются при проведении политических кампаний. Так, например, в такой продвинутой с точки зрения развития мобильных коммуникаций стране, как Южная Корея, действующий президент страны Ро Му Хен в условиях, когда основные шансы на победу были у его соперника, сумел посредством организации масштабной SMS-кампании (наряду с e-mail рассылкой) организовать контакт с 800 тысячами избирателей и победить с отрывом в 2 % от основного конкурента.

¹ Мобильные технологии в политике [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.imobis.ru/articles/mobilniye-tehnologii-v-politike.html> (дата обращения: 09.11.2009).

² Залог победы. Мобильные технологии в рамках кампании избранного президента США Барака Обамы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.content-review.com/articles/8016/> (дата обращения: 09.11.2009).

В Индии использование SMS для увеличения числа своих сторонников стало уже традиционным, и индийские политики регулярно используют данную разновидность мобильных технологий. Они отправляют избирателям SMS-сообщения с текстом «vote4me» («голосуй за меня»), а также предлагают всем получить на телефон свою фотографию с символикой партии. Такие меры считаются очень выгодными с точки зрения скорости, удобства, дешевизны, а также возникающего в итоге вирусного эффекта самораспространения информации.

Например, партия BJP (Bharatiya Janata Party), использует возможности SMS для взаимодействия с журналистами. Через SMS рассылаются расписание встреч и деловых поездок лидера, тезисы брифингов и пресс-конференций в формате информационных лент.

В Испании также активно применялись SMS-рассылки во время выборов президента страны. Действующий ныне президент Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро инициировал SMS-призывы своим сторонникам с целью организации демонстраций протеста. Акция была организована за 24 часа до открытия избирательных участков. Испания на тот момент пережила серию террористических актов, прошедших накануне. Организованная же SMS-рассылка играла на чувстве безопасности жителей Испании. Именно это позволило собрать такое количество демонстраций по всей стране. Политические силы, правившие до этого страной на протяжении восьми лет, проиграли выборы, хотя и считались фаворитами¹.

В Кувейте SMS использовались для организации движения за права женщин, в Ливане с помощью SMS-сообщений удалось собрать на антисирийский митинг, посвященный выводу сирийских войск из Ливана, около миллиона демонстрантов.

Как можно увидеть, SMS-технология используется достаточно активно при проведении политических кампаний во многих странах и регионах по всему миру.

Также заметим, что на сегодняшний день практически не используется технология *MMS-рассылок*, позволяющая использовать помимо текстовой информации в сообщении иные медийные форматы (графика, аудио и видео). Представляется перспективным развитие данного формата работы с конечными потребителями, т. к. данная технология может быть во многих случаях более предпочтительна, чем SMS-сообщения, ограниченное использованием исключительно текстового формата, а также достаточно небольшим общим объемом сообщения. С учетом технического развития современных средств мобильной связи (высокая производительность процессора и большой объем оперативной памяти, позволяющие быстро открывать мультимедийные сообщения; большая диагональ экранов и их высокое разрешение, позволяющие успешно просматривать видео- и графический кон-

¹ Мобильные технологии в политике [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.imobis.ru/articles/mobilniye-tehnologii-v-politike.html> (дата обращения: 09.11.2009).

тент, и т. д.) мультимедийные форматы в MMS-сообщениях могут быть использованы достаточно эффективно для создания привлекательного контента.

На сегодняшний день SMS-технология представляет собой адекватный и обоснованный инструмент мобильного маркетинга в сфере проведения политических кампаний, который доказал свою эффективность во многих политических кампаниях во всем мире.

Однако нам, к сожалению, не известно ни одного случая практического использования данной технологии политическими силами в России в сколько-нибудь значимом масштабе.

Мобильные приложения

Мобильные приложения являются, по нашему мнению, одним из перспективных форматов политической рекламы для крупных политических сил. Анализ западного рынка мобильной рекламы показывает значительную динамику числа мобильных приложений, используемых для продвижения брендов. Мы предполагаем, что в скором времени это будет относиться и к продвижению брендов политических.

Сегодня использование мобильных приложений особенно актуально применительно к владельцам мобильных телефонов iPhone.

iPhone стал ведущей платформой во многом благодаря своей способности запускать насыщенные медиа-контентом приложения. Как нам представляется, подобные iPhone модели телефонов будут выпущены в ближайшее время и другими производителями, т. е. аппараты, способные запускать «тяжелые» и наполненные разнообразным медиа-контентом приложения, вскоре станут стандартом де-факто.

Штаб Барака Обамы первым использовал iPhone как предвыборную медиа площадку, создав специальное мобильное приложение. Данное приложение можно было бесплатно скачать через App Store. Важно отметить, что скачавший приложение пользователь уже являлся потенциально лояльным потребителем информации и не рассматривал приложение и получаемую с его помощью информацию как рекламу, что значительно повышало эффективность коммуникации.

Приложение к iPhone, выпущенное штабом Обамы, позволило пользователям получать последние новости о предвыборной кампании, информацию о ближайших событиях в округе, поддерживать связь с другими последователями Обамы и принимать непосредственное участие в самой кампании Обамы — осуществлять волонтерскую деятельность, оказывать поддержку при организации событий, а также делать пожертвования.

Новости и информацию о ходе кампании можно было также получать через текстовые сообщения и электронные письма на iPhone. Также через приложение пользователи имели возможность доступа к видеофайлам и фотоматериалам кампании.

Благодаря определению местонахождения пользователя, приложение предоставляло информацию о ближайшем офисе кампании Обамы, а также сообщало о событиях, касающихся предвыборной гонки кандидата в области конкретного избирательного округа.

Необходимо отметить, что к моменту запуска приложения Обамы, в iPhone уже были доступны такие опции политической тематики, как Campaign, с помощью которой можно было получать новости о ходе кампании обеих партий, опция Elections, которая обеспечивала доступ к информации о выборах не только президентских, но и в конгресс, информацию о кандидатах и др. Таким образом, штаб Обамы не был первооткрывателем в использовании iPhone в качестве медийного ресурса, но использовал этот ресурс в качестве дополнительной площадки коммуникации с избирателем (touchpoint).

Несомненно, практика использования мобильных приложений в политических кампаниях еще явно недостаточна, особенно в России, однако практический опыт применения мобильных приложений для организации коммуникации с целевыми аудиториями в мобильном секторе показывает высокую потенциальную эффективность данного ресурса, и мы считаем возможным сделать вывод о том, что использование мобильных приложений при проведении политических кампаний в нашей стране представляется перспективным в обозримом будущем.

Мобильные видеохостинги

Современные скорости обмена информацией и технические возможности мобильных телефонов позволяют осуществлять просмотр мобильных видеороликов с сотовых телефонов и коммуникаторов.

Уже существует мобильная версия самого популярного видеохостинга в мире — Youtube (m.youtube.com), а также мобильная версия отечественного видеохостинга RuTube (m.rutube.ru).

Таким образом, на сегодняшний день существует возможность доставки видеоконтента мобильным пользователям, причем эта возможность альтернативна традиционным каналам передачи видеoinформации (телевидение).

С учетом специфики мобильной аудитории, размещаемые на мобильных видеохостингах видеоролики могут быть созданы уже с учетом особенностей целевой аудитории (возраст, территория проживания, средний доход, социальная активность и т. д.), что непосредственным образом отражается на эффективности проводимой PR-кампании.

Очевидно, что рассчитанный на 25-летнего молодого человека видеоролик, размещенный на Youtube, в большинстве случаев окажется более эффективным в аспекте влияния на него в сравнении с массовым роликом, трансляция которого осуществляется, например, на Первом канале российского телевидения

Не стоит забывать и о том, что среди мобильных пользователей существуют тесные горизонтальные связи, позволяющие распространять интересный видеоконтент между пользователями с помощью их же собственных усилий и по их инициативе (на этом принципе построены все вирусные кампании как в интернете, так и в мобильном секторе). При продвижении видеоконтента сами пользователи осуществляют его распространение, что позволяет избежать необходимости самостоятельного и дорогостоящего продвижения со стороны команды субъекта политической кампании с одной стороны, а также обеспечивает необходимый уровень лояльности мобильных пользователей при просмотре видеоконтента, т. к. видеоролик, присланный другом или знакомым, обычно не воспринимается как прямая реклама.

Еще одним немаловажным преимуществом мобильных видеохостингов является то, что многомиллионные просмотры видеороликов о субъекте политической кампании в случае выборов не оплачиваются из избирательного фонда, в то время как с помощью традиционных каналов массовой коммуникации (телевидение) обеспечение такого количества показов многократно превысило бы любой избирательный фонд.

Даже если политическая кампания проходит вне рамок выборов, в любом случае использование видеохостингов для трансляции видеоконтента на массовую мобильную аудиторию позволяет сэкономить существенные средства, т. к. телевизионная трансляция в сравнимом объеме будет наверняка непомерно дорогой.

По нашему мнению, использование видеосервисов при проведении политических кампаний, целевыми группами которых выступает аудитория мобильных пользователей, по мере совершенствования технологий мобильной связи (в особенности после запуска в коммерческую эксплуатацию сетей 3G) и в нашей стране станет достаточно перспективным.

LBS (Local Based Services)

LBS представляется нам перспективным инструментом осуществления коммуникаций с целевыми аудиториями кампании, позволяющим успешно осуществлять территориальный таргетинг и, тем самым, существенно повышать эффективность планирования и проведения локальных политических кампаний.

Технология LBS заключается в определении текущего местоположения владельца мобильного телефона. Соответственно, пользователь может получать сообщение о том, где находится ближайшая к нему общественная приемная или штаб партии, кандидата, иного субъекта политической кампании. Также условием получения сообщения может быть нахождение владельца мобильного телефона на определенной территории (митинг, рынок, встреча с лидером партии и т. д.), что позволяет повышать эффективность проведения различных массовых мероприятий.

По местонахождению владельца телефона с высокой степенью вероятности может быть определена и его профессиональная принадлежность. Например, пользователь, находящийся на территории крупного завода, с высокой степенью вероятности является его работником. Пользователь, находящийся на территории университета, с высокой степенью вероятности является студентом или преподавателем. Исходя из этого, появляется возможность персонификации сообщений, отправки их целевым аудиториям (для рабочих, для студентов и т. д.)

Собственно решений, использующих LBS, на сегодняшний день существует уже достаточно много. Возможность определения местонахождения владельца мобильного телефона позволяет оптимизировать расходы на проведение PR-кампании, ограничивая круг лиц, получающих тем или иным способом информационное сообщение, что позволяет существенно оптимизировать бюджет кампании, а кроме того, сохранять лояльность других групп пользователей, которые не будут раздражены тем, что получили не таргетированное по отношению к ним сообщение.

Сервисы на базе LBS могут быть применены и социальными сетями, обладающими массовой аудиторией. Не обязательно осуществлять рассылку всем 40 миллионам пользователей сети Вконтакте, если политическая кампания проходит в конкретном регионе или городе. Вполне достаточно определить на основе технологии LBS только тех пользователей, которые находятся на интересующей нас территории проведения кампании.

Так, например, с помощью LBS-технологии во время президентских выборов в США штаб Барака Обамы в зависимости от местонахождения пользователя предоставлял таргетированную информацию о ближайшем к пользователю офисе кампании Обамы, а также информировал о тех событиях, которые касались политической кампании Обамы на территории конкретного избирательного округа, в котором находился владелец мобильного телефона.

Расширение арсенала LBS-услуг и LBS-based приложений со стороны операторов позволит, на наш взгляд, уже в ближайшей перспективе существенно повысить эффективность использования LBS в секторе мобильного маркетинга, при этом LBS может стать основой геотаргетинга в политических кампаниях.

Иные технологии

Существуют и иные мобильные технологии, которые успешно используются западными политтехнологами при проведении политических кампаний. К их числу можно отнести:

RBT (Ring Back Tone) — использование вместо гудка мелодий и рингтонов. В своей президентской кампании Барак Обама с успехом использовал политические рингтоны, которые мог скачать себе на телефон любой желающий. В качестве рингтонов использовались специально обработанные

музыкальные композиции, содержавшие в себе фрагменты выступления Обамы. Также политические рингтоны могут быть использованы и при звонках представителей целевых аудиторий на номера общественных приемных, штабов, партий, общественных организаций.

Home Screen Replacement -приложения для ОС Symbian и Windows Mobile которые позволяют «замещать» домашний экран смартфонов и КПК, превращая телефон в площадку для размещения мобильной политической рекламы — изображений политических брендов, логотипов, символов и названий партий, изображений политических лидеров, слоганов компаний и т. д.

ICB (Interactive Cell Broadcasting) — технология, позволяющая доставлять текстовую информацию на экран телефона в режиме интерактивного вещания. В течение дня на дисплее телефона могут появляться и задерживаться на некоторое время текстовые информационные сообщения. В случае трансляции привлекательного для конечного пользователя контента такая технология может быть успешно применена для осуществления контакта с представителями целевых групп. Такое информационное сообщение, в отличие от SMS, появляется и задерживается на экране на определенное время, после чего заменяется другим. Таким образом можно осуществлять трансляцию на экраны мобильных телефонов информации даже в режиме реального времени.

Мобильные RSS-агрегаторы — программы, позволяющие передавать на мобильное устройство информацию новостных лент, на которые подписан владелец телефона. Т. к. мобильный пользователь подписывается на RSS-каналы сам, то и его лояльность к получаемой информации также достаточно высока, в связи с чем RSS представляется привлекательной технологией для информирования целевых аудиторий в рамках политических кампаний.

* * *

Безусловно, существуют и иные возможности использования мобильного устройства в качестве инструмента для коммуницирования с представителями целевых групп в рамках политических агитационно-пропагандистских и PR-кампаний.

По мере развития мобильного сектора будут появляться и новые технологии передачи информации.

Однако основные из имеющихся на сегодняшний день возможностей по работе с аудиторией мобильных пользователей мы описали выше.

И, несмотря на то, что в России на сегодняшний день данные возможности мобильных коммуникаций практически не используются при проведении политических кампаний, по нашему убеждению, уже в ближайшие годы они будут активно применяться при реализации высокоэффективных и технологичных политических проектов.

Ирина Владимировна Купрюхина

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политическая реклама как способ формирования политического выбора граждан в современной России

Аннотация

Политическая реклама в России представляет собой один из способов управления политическим выбором граждан в процессе избирательной кампании. Ее влияние на современный избирательный процесс носит определяющий характер. Поэтому важное значение имеет качественное и эффективное использование механизмов манипуляции, помогающих сформировать политические представления избирателей.

Ключевые слова: политическая реклама, механизмы манипуляции, манипулирование, политические технологии, коммуникации, выбор.

Политическая реклама сегодня — одна из важнейших отраслей рекламной индустрии. В нашей стране она обозначилась рядом специфических черт от стадии своего становления до приобретения серьезного статуса. Так или иначе, политическая реклама используется для побуждения людей голосовать, делать свой выбор, отдавать своё предпочтение. В конечном итоге, реклама определяет наше восприятие политической реальности.

Любой из политических акторов может создавать политическую рекламу и пользоваться её преимуществами. Государство при этом имеет самые большие возможности для производства рекламы и развертывания информационных кампаний, созданию имиджа государства и правящего класса, а также поддержания коммуникации между обществом и властными структурами. Но особую актуальность политическая реклама в своем непосредственном значении имеет во время предвыборных кампаний.

Многие исследователи и специалисты склонны рассматривать политическую рекламу как одну из составляющих политического рынка, где присутствуют «товары», «спрос», «предложение», «конкуренция» и т. д. Ее можно определить как одну из форм политических маркетинговых коммуникаций. Однако на коммерческом рынке товар пытаются преподнести максимально приближенным к идеалу. Политика или партию обозначить в подобном смысле нельзя. Политик или партия — прежде всего «товары» с человеческим лицом, а идеальных людей не бывает. Задача политических технологов и менеджеров сделать так, чтобы недостатки, слабости, негативные

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова **Андрей Леонидович Зверев**.

черты характера лидеров, кандидатов превратились в их рекламное преимущество.

Политическая реклама будет эффективной, если при ее создании помимо рационального и логического элементов будут учитываться многие пласты глубинной психологии граждан — архетипы, мифы, представления. Их можно выявить путем качественных и количественных методов исследования — социологических опросов, глубинных интервью, фокус-групп и т. д. Г. Лассуэл говорил, что «цель манипулятора — создание политического мифа, т. е. комплекса идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных, независимо от того, истинны они или ложны в действительности»¹.

Определяющую роль в том, будет ли удачной реклама или нет, играет общественное мнение, представляющее собой совокупность сходных взглядов, оценок и убеждений, что может стать базой для некритического восприятия определенной информации, поступающей из привычного источника. Это создает возможность для целенаправленного формирования и управления общественным мнением. Таким образом, общественность — готовая база для создания не только определенных политических взглядов и предпочтений.

Любой выбор подразумевает неопределенность, говорящую о неуверенности человека, доля которой присутствует при принятии любого решения. Ведь можно только предполагать, к каким результатам оно приведет. Следовательно, в данной ситуации очень важно наметить ориентиры, подтолкнуть избирателя к тому, чтобы он повел себя нужным образом. Стоит отметить, что избирательная кампания в России длится сравнительно недолгий период времени, поэтому у людей не успевают сложиться четко сформированные представления о предвыборных программах тех или иных кандидатов. Они попросту не успевают выработать рациональных точек зрения. Поэтому определяющую роль в управлении и воздействии на целевые аудитории играют факторы, влияющие на эмоции и подсознание. Чаще всего для этого используются механизмы манипуляции, такие как внушение, заражение и убеждение путем логических доводов и рассуждений. Манипулирование — это процесс, которому свойственна закрытость, иллюзия, неразличимый сразу метод воздействия. Поэтому для технологов открываются широкие возможности применять ходы, соответствующие ситуации, всегда уникальные в своем роде.

В этой связи одним из центральных понятий в политической рекламе выступает образ или имидж кандидата. Исследования в области психологии и социологии отмечают, что особенностью российского электората является то, что избиратели голосуют чаще за личность, чем за идейное содержание. Первое, на что обращают внимание голосующие, является ли политик сильной личностью, способной справляться с трудностями, отвечать за слова и

¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2000. — 286 с.

поступки, находить перспективы роста и добиваться поставленных целей. Кандидат должен производить впечатление уверенного в себе, решительного, волевого, энергичного, оптимистичного руководителя. Не малую роль играет в этом случае биография. В основном, внимание концентрируется на том, что человек сделал себя сам. Обязательно подчеркиваются проблемы, с которыми пришлось ему столкнуться, прежде чем занять достойное место, при этом указывается высокий потенциал и способность к саморазвитию данной персоны. Такая личностно ориентированная политическая реклама всегда пользуется большим успехом и вызывает живой отклик у избирателей.

Как известно, успех кандидата или партии зависит от способности привлекать и удерживать внимание людей. Для этого необходимо понимать механизмы воздействия на людей, которые позволяют им сделать тот или иной выбор. Политические технологии в своем преобразованном и трансформированном виде существовали всегда; они ровесники самой политики. Безусловно, методы ведения борьбы за власть и за возможность управлять поведением людей менялись. С каждой эпохой менялась сама концепция. Но смысл остается неизменным — управление людьми.

Сегодня политическая реклама представляет собой те средства и методы, которые помогают политику быть понятым людьми, завоевать поддержку. Важно помнить, что весь набор технологий — это посреднические акты между кандидатами и избирателями, а значит, между властью и самим обществом.

Библиография

1. *Гринберг Т. Э.* Политическая реклама: портрет лидера. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 104 с.
2. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: ПР и реклама: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 317 с.
3. *Егорова-Гантман Е. В., Плеваков К. В., Байбакова В. Б.* Политическая реклама. — М.: Никколо-Медиа, 2002. — 240 с.
4. *Лисовский С. Ф.* Политическая реклама. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. — 255 с.
5. *Лисовский С. Ф.* Политическая реклама. Функциональные и жанровостилистические особенности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10. — Москва, 1999. — 222 с.
6. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2000. — 286 с.
7. *Решетов И. К.* Политическая реклама в системе массовых коммуникаций : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Москва, 1999. — 163 с.
8. *Шабарова Е. Б.* Политическая реклама в России конца XX — начала XXI века: структура и проблемы эффективности : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Москва, 2005. — 237 с.

Павел Александрович Малув

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Возможности государственной информационной политики в развитии гражданского общества современной России

Аннотация

В статье рассматриваются возможности государственной информационной политики в сфере формирования и развития институтов гражданского общества в современной России. В частности, отмечается, что государственная информационная политика может значительно сокращать дистанцию между социальными акторами, а также придавать социальным интеракциям публичный, прозрачный и доверительный характер.

Ключевые слова: гражданское общество, информация, информационная политика, публичность.

В поле зрения отечественных политологов все чаще попадают реально функционирующие институты гражданского общества, а также средства их эффективного развития, одним из которых, на наш взгляд, является государственная информационная политика. Данный тип государственной политики включает в себе комплекс механизмов и технологий, способствующих демократизации системы общественных отношений.

Государственная информационная политика способствует формированию и развитию институтов гражданского общества, прежде всего, посредством проявления активности в следующих направлениях: (1) формирование единого информационного пространства страны; (2) развитие информационно-коммуникационных технологий общего пользования; (3) обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства; (4) повышение уровня информационной культуры граждан; (5) придание властным и общественным отношениям, а также гражданским инициативам публичного характера; (6) кристаллизация и мобилизация общественного мнения; (7) интеграция и стабилизация общества, а также снижение уровня конфликтности и напряжённости общественных отношений.

Формирование *единого информационного пространства* включает в себя два аспекта. Первый связан с выработкой контента (информационного наполнения), а второй с технико-технологическим обеспечением процесса циркуляции данного контента на той или иной территории. Благодаря единому информационному пространству институты гражданского общества

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, начальник информационно-аналитического управления Аппарата полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доцент **Татьяна Алексеевна Штукина**.

получают уникальную возможность в режиме реального времени обмениваться информацией и знаниями, невзирая на порой значительную географическую дистанцию.

Обладая оперативным доступом к общенациональным информационным ресурсам, институты гражданского общества сопоставляют свою деятельность с деятельностью других институтов, тем самым избегая возможных ошибок, а также значительно сокращая временные и иные ресурсы на разработку аналогичных социальных технологий.

Единое информационное пространство не только выравнивает возможности институтов гражданского общества, но и создает условия для повышения уровня гражданской активности. В частности, оплата биллинговых услуг по Интернету экономит, в первую очередь, время граждан, которые смогут потратить сэкономленное время с пользой для общества, например, участвуя в благотворительных проектах.

Следующее направление заключается в том, что государственная информационная политика придает общественным отношениям и гражданским инициативам *публичный характер*.

Фактор публичности релевантен прежде всего потому, что именно он предоставляет человеку возможность довести свою позицию до Другого или Других. Публичность значима для всех социальных институтов и акторов, т. к. публичное осуждение всё ещё продолжает оставаться механизмом действительной борьбы с различного рода недугами современной системы общественных отношений. Так, для политика быть публично разоблаченным в своих незаконных или аморальных действиях является очень значительным фактором, определяющим его дальнейшую политическую деятельность.

Безусловно, такая система отношений не лишена недостатков. Главным, на наш взгляд, недостатком является ситуация, при которой публичность для политических акторов в пространстве социальных коммуникаций становится товаром, который можно приобрести за деньги, а политическая коммуникация становится «инкубатором» манипулятивных технологий. Тем самым выхолащивается сам смысл публичной сферы политики как площадки для рассуждений, дискуссий, обмена информацией и мнениями.

Основным механизмом обеспечения публичности является размещение информации в массмедиа, а также использование массмедиа как посредника в коммуникации между Собой и Другим или Другими. Ключевой проблемой для институтов гражданского общества в данном случае является ограниченность медийного ресурса в силу дороговизны его производства, поэтому не все институты гражданского общества в состоянии обеспечить себя достаточным медийным ресурсом, а наиболее влиятельные массмедиа принадлежат либо государству, либо крупным коммерческим структурам.

Особо отметим, что для большинства институтов гражданского общества публичность есть системообразующее условие их демократического развития. Например, Общественная палата России, по определению, есть институт гражданского общества с абсолютной мерой публичности. По реаль-

ной степени публичности подобных институтов можно судить об общем уровне публичности в отдельно взятом государстве. В тех государствах, где возможность обращения к широкой общественности отсутствует, либо существенно ограничена и находится под контролем официальных властей или бизнес-структур, говорить о развитом гражданском обществе не представляется возможным. Публичность для институтов гражданского общества так же важна, как свобода личной жизни для конкретного гражданина.

Еще одним направлением, в рамках которого государственная информационная политика оказывает влияние на развитие гражданского общества, является *кристаллизация и мобилизация общественного мнения*.

Своеобразным ответом на контент является обратная реакция адресата. Если адресатом является общественность, то обратная реакция может принимать форму общественного мнения. Придавая различным процессам, явлениям и объектам публичность, государственная информационная политика в любом случае оказывает воздействие на общественное мнение. Однако, на наш взгляд, само формирование общественного мнения нельзя рассматривать в качестве функции государственной информационной политики.

Общественное мнение складывается не только под влиянием информационной политики во всех её ипостасях, но и на основе «внутреннего мира» конкретной личности. И даже если ожидания специалиста по воздействию на общественное мнение в итоге оправдываются, это еще не означает, что именно ему удалось сформировать «нужное» общественное мнение. Поэтому будет корректнее говорить не о формировании общественного мнения, а о его кристаллизации и мобилизации. В частности, кристаллизация предполагает конструирование информационных поводов как своеобразных стимулов, направляющих процесс формирования общественного мнения.

Присутствие в фокусе общественного мнения важно для институтов гражданского общества как минимум по двум причинам. Во-первых, это связано со стремлением институтов гражданского общества продвигать и популяризировать свои идеи и ценности. Во-вторых, оказывая влияние на общественное мнение, институты гражданского общества воздействуют и на поведение общественности: могут привлекать граждан к своей деятельности, призывать к участию или неучастию в выборах или приглашать на демонстрации, митинги, шествия, пикетирования, собрания, публичные слушания.

Конечно, любая власть, стремящаяся сохранить свое влияние, очень внимательно отслеживает работу институтов гражданского общества с общественным мнением в масштабах всего государства, отдельного региона или города. У такой власти возникает вполне естественное желание контролировать эту работу, придавая ей предсказуемый характер. К сожалению, не всегда власть ограничивается мониторингом и вмешательством в деятельность институтов гражданского общества только в критические моменты.

В современной России пока ещё крайне мало примеров, когда бы независимые от власти общественные институты реально влияли на общественное мнение, формируя тем самым повестку дня. Если проанализировать это

влияние, то можно сделать вывод о его спонтанном и реактивном характере. На наш взгляд, это проблема, в первую очередь, самих общественных институтов и только во вторую очередь — государственной власти.

Общественным институтам необходимо развивать методы самостоятельного событийного планирования и создавать свои собственные информационные поводы. Только так они смогут наглядно продемонстрировать гражданам свою полезность и состоятельность. Ярким примером является публичная активность некоторых членов Общественной палаты России. Таким образом, в отношении работы с общественным мнением российское гражданское общество не слабое, как считают многие, а пассивное. А пассивное оно, в том числе и потому, что боится проявлять инициативу.

Последнее направление, которое мы рассмотрим, составляют усилия субъектов государственной информационной политики, нацеленные на *интеграцию и стабилизацию общества* и системы общественных отношений.

Формируя на всей территории государства единое информационное пространство посредством использования общего языка, продолжения культурных традиций, соблюдения норм общенационального законодательства, применения единых стандартов в информационно-коммуникационной сфере, выработки контента и воздействия на общественное мнение, государственная информационная политика может способствовать сплочению общества. В качестве примера можно привести новогодние поздравления Президента России, которые объединяют российскую нацию, может быть, даже в большей степени, нежели какая-либо идеологическая конструкция.

Что касается поддержания стабильности общества и системы общественных отношений, то это направление неразрывно связано с мерой информационного наполнения пространства социальных коммуникаций. Стабильность в данном случае обеспечивается оптимальным объемом продуцируемого акторами государственной информационной политики контента. И в случае дефицита информации, и в случае ее избытка, и в случае ее неравномерного распределения (количественного и качественного) нарушается принцип «информационной сбалансированности», что может привести к попыткам наиболее радикально настроенных сил воспользоваться сложившейся ситуацией в целях усиления эффектов дестабилизации. Институты гражданского общества, сами того не осознавая, могут оказаться заложниками такого процесса. Примером такой ситуации являются слухи и сплетни, компенсирующие дефицит информации или снижающие уровень её двусмысленности и неопределённости.

Основным механизмом поддержания баланса информации в масштабах государства является целенаправленная информационная деятельность, основанная на системном мониторинге настроений и ожиданий широкой общественности. Такая информационно-аналитическая работа способна своевременно подавать сигналы не только институтам государственной власти, но и общественным институтам. В одиночку государству сложно обеспечить информационную сбалансированность на всей своей территории.

Стабильность общественной системы также предполагает снижение уровня конфликтности и напряжённости отношений между различными акторами данной системы. Необходимо повсеместно развивать такие формы конструктивного общения, как публичные слушания и консультации, «жюри граждан», гражданский контроль, общественная экспертиза, дискуссионные клубы и публичные дебаты, презентации и конкурсы социальных проектов, подписание общественного договора.

Таким образом, рассмотренные выше направления свидетельствуют о том, что государственная информационная политика при соблюдении обозначенных условий может быть эффективным средством формирования и развития институтов гражданского общества.

Сергей Владимирович Мозжегоров

Студент Института истории и политических наук Тюменского государственного университета¹

Модель информационно-аналитической службы (ИАС) в органах исполнительной власти региона (на примере Тюменской области)

Аннотация

Раскрываются организационные, структурные и функциональные особенности аналитического управления исполнительной власти Тюменской области, место и роль структуры в системе политической коммуникации. Отмечены проблемы деятельности информационно-аналитической службы в осуществлении механизма обратной связи власти и населения региона.

Ключевые слова: информационно-аналитическая служба (ИАС), Тюменская область, государственное управление, информационное обеспечение, обратная связь, социально-политические исследования.

Информационное обеспечение управленческой деятельности является одним из необходимых требований любой современной организационной системы. В этом смысле особое значение в качестве самостоятельной структуры, реализующей информационно-коммуникационные функции конкретной организации, приобретает информационно-аналитическая служба (ИАС). Сфера государственного и муниципального управления не является здесь исключением.

¹ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политических наук Тюменского государственного университета **Сергей Михайлович Панарин**.

Архитектура современных информационно-аналитических служб региональных администраций и Правительств различна и не может быть сведена к кому-либо предписанному шаблону. Любая региональная ИАС представляет собой сложившийся управленческий и профессиональный опыт, реализуемый на практике. Во многом организационные особенности ИАС в том или ином субъекте федерации определены региональной спецификой, в частности финансовыми возможностями и политико-административной конъюнктурой.

Актуальность исследования информационно-аналитической службы в системе органов исполнительной власти Тюменской области не вызывает сомнения. Тюменская область, являясь регионом-донором, обладает высоким экономическим и ресурсным потенциалом. В области активно реализуются порядка 35 долгосрочных целевых программ по основным направлениям деятельности (от развития аграрного и промышленного комплекса до научно-инновационных и социальных сфер), национальные проекты федерального масштаба; регион выступает в качестве одного из пилотных в реализации программ информатизации.

В этом смысле значительно повышается значение и роль деятельности ИАС, как управленческого механизма, который должен обеспечить обратную связь между населением и властью региона. От эффективности данного механизма напрямую зависит принятие исполнительной властью конкретных управленческих решений.

В результате исследования модели ИАС органов исполнительной власти Тюменской области, нами были сделаны выводы, характеризующие её структурно-функциональные и организационные особенности.

Организационное оформление аналитического управления (именно такое именование имеет региональная ИАС) происходит в 2001–2004 гг., с избранием губернатором области С. С. Собоина и общим процессом реорганизации системы административного управления, сменой элитных группировок региона. Особенность положения аналитического управления в системе управления состоит в том, что данная структура не является автономным элементом органов исполнительной власти Тюменской области. Аналитическое управление включено в структуру Департамента информационной политики (ДИП), являясь одним из подразделений последнего. Таким образом, внутри органов исполнительной власти региона выстроена сложная многоступенчатая иерархическая система коммуникационных связей (губернатор — вице-губернатор — директор департамента информационной политики — начальник аналитического управления), представляющая собой механизм фильтрации и контроля информационных потоков и сообщений.

Отметим тот факт, что именно тогда роль региональной ИАС как автономной структуры в системе органов исполнительной власти значительно снижается. По сути, такая реорганизация предполагает превращение аналитического управления в чисто менеджерскую структуру, низводя функции ИАС до уровня исполнения поставленных «сверху» начальником-менедже-

ром службы задач.

Исследуя организационные особенности ИАС, нельзя не отметить и непосредственную деятельность структуры. Аналитическое управление органов исполнительной власти Тюменской области утрачивает и значимые функции исследовательского и аналитического характера (проведение собственных социально-политических исследований, качественная аналитика). Основная работа аналитического управления сводится к двум видам деятельности: ежедневному контент-анализа тем социально-политической направленности в областных печатных и электронных СМИ и ежемесячному телефонному опросу по актуальным темам (остается не совсем понятным кто определяет актуальность той или иной темы, и насколько эти оценки соответствуют действительности).

Для иных форм информационно-аналитического обеспечения органов исполнительной власти (комплексные социологические исследования), руководством ИАС ведется взаимодействие с социологическими структурами региона (региональное отделение ВЦИОМ, центр политической конъюнктуры, аналитический центр «Сотрудничество», Институт освоения Севера и т. д.). Реализуются формы договорных (рыночных) отношений, где аналитическое управление выступает в качестве заказчика проведения того или иного социального исследования, а исполнитель (имеющий статус негосударственного института) выявляется на конкурсной основе. Внешняя открытость, конкуренция и юридически закрепленные равные возможности негосударственных исследовательских центров претендовать на роль «исполнителя» заказов заменяется «закулисными» практиками лоббизма и личных договоренностей руководителя аналитического управления и конкретным исследовательским центром. Не удивительно, что преимуществами пользуются крупные социологические структуры, такие как региональное отделение ВЦИОМ. Существует вероятность, что в будущем данная структура примет статус монополии на региональном рынке социологических услуг.

Хотелось бы отметить, что процедура разработки и реализации социально-политических исследований на юге Тюменской области не всегда отвечает реальным запросам населения, а также, в силу своей узости и несовершенства, не всегда способна быть индикатором, который бы позволял определить приоритетные направления в деятельности власти. Те или иные приводимые данные и публикации скорее носят форму имитации, не отражают сложившегося социально-политического положения в регионе. Спектр социально-экономических исследований в регионе существенно ограничен и крайне политизирован. Тематика исследований сводится к двум направлениям государственной политики: реализация приоритетных национальных проектов (федеральный уровень), областные целевые программы и их реализация (региональный уровень). Это безусловный фактор, который влияет на снижение уровня доверия к представителям власти со стороны населения.

Одной из ключевых проблем деятельности аналитического управления в Тюменской области остается проблема открытости. Чаще всего полученная

в ходе исследований информация имеет закрытый характер, а потому не может должным образом быть верифицированной. Подобное мнение высказывает аналитик Московского Центра Карнеги Алексей Костылев: «Известно, что на территории региона периодически проводят исследования такие структуры как ФОМ и ВЦИОМ, однако результаты их работы становятся достоянием преимущественно только тех чиновников, в компетенцию которых входят затрагиваемые сферы»¹. В регионе издается и периодически выходит целая серия непубличных изданий, распространяемых исключительно внутри региональных государственных структур. В качестве примера можно обозначить журнал Правительства Тюменской области «Капитал. Налоги. Инвестиции», журнал «Сибирское богатство» и т. д., в которых публикуются результаты и анализ исследований. Основанная часть населения практически не имеет доступа к публикуемым в изданиях материалам.

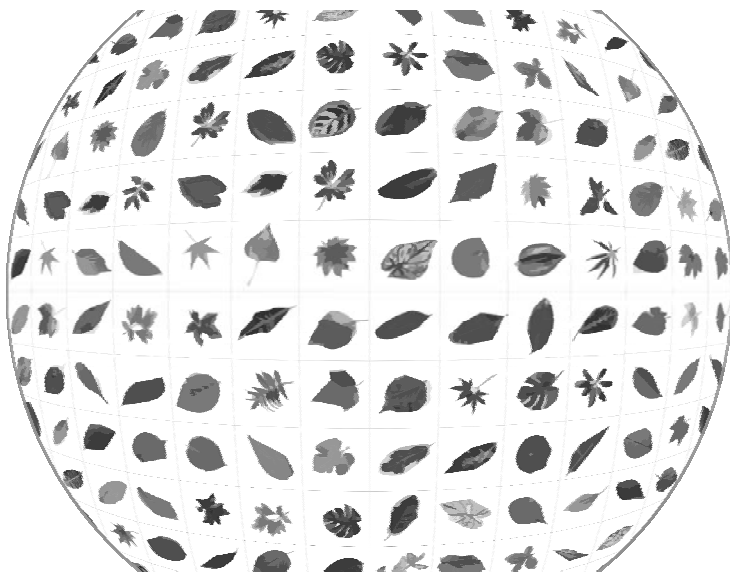
Таким образом, выявив организационные особенности аналитической службы, а также параметры её деятельности, хотелось бы отметить, что ИАС органов исполнительной власти Тюменской области, в том виде, в котором она существует сегодня, не отвечает потребностям региональной власти в получении и предоставлении необходимой информации для принятия управленческих решений. Механизм обратной связи как таковой не работает, а выстроенная коммуникация имеет однонаправленный вертикальный характер «сверху вниз». Модель информационно-аналитической службы органов исполнительной власти Тюменской области нуждается в скорейшей модернизации, а также повышении своего статуса и роли в управленческой системе региона. Последнее же возможно только в результате перестройки всей системы государственного управления.

Библиография

1. *Кузнецов И. Н.* Учебник по информационно-аналитической работе. — М.: Яуза, 2001. — 320 с.
2. *Костылев А.* Тюменская область в 2008 году [Электронный ресурс] // Московский Центра Карнеги (Carnegie Moscow Center) : [сайт]. [2008]. URL: <http://monitoring.carnegie.ru/2009/01/tyumen/kostylev-year-2008/> (дата обращения: 12.05.2009).
3. ВЦИОМ: Филиал по Уральскому федеральному округу : [сайт]. URL: <http://www.ural.wciom.ru/>
4. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области : [сайт]. URL: <http://www.admtyumen.ru/>
5. РИА «Ura.ru» : [сайт]. URL: <http://ura.ru/>
6. Тюменская интернет-газета «Вслух.ru» : [сайт]. URL: <http://vsluh.ru/>
7. Экспертный канал «УралПолит.Ru» : [сайт]. URL: <http://uralpolit.ru/>

¹ Костылев А. Тюменская область в 2008 году [Электронный ресурс] // Московский Центра Карнеги : [сайт]. [2008]. URL: <http://monitoring.carnegie.ru/2009/01/tyumen/kostylev-year-2008/> (дата обращения: 12.05.2009).

Экологическая политика

Андрей Игоревич Волошин

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Перспективы ноосферогенеза: синергетический подход

Аннотация

Конфликт трех научных картин мира — механики, термодинамики и эволюционизма — нашел своё разрешение в разработанной в конце XX века методологии синергетики, представленной, в частности, теорией диссипативных структур. Её применение к изучению закономерностей взаимодействия человечества и природы ставит под вопрос предсказанную В. И. Вернадским возможность перехода биосферы в ноосферу (т. е. в биосферу, перестраивающуюся под воздействием разумной деятельности человека). Сознательность преобразований окружающей среды ещё не означает их разумности. Это позволяет трактовать существующий этап развития биосферы не столько как сферу разума — ноосферу, но как сферу сознания (*conscientiosphere*). Такое понимание позволяет задать в качестве основной задачи ноосферного развития не столько экологизацию сознаний входящих в массы индивидов, сколько экологизацию сознаний членов правящей элиты, ответственной за принятие эколого-политических решений, ведущую, как следствие, к повышению общей разумности действий человеческой цивилизации.

Ключевые слова: системы, структуры, термодинамика, механика, эволюционизм, синергетика, теория диссипативных структур, И. Р. Пригожин, В. И. Вернадский, ноосфера, ноосферогенез, сознание, разум, экологическая политика, *conscientiosphere*.

Изучая Универсум

Системой может быть названо любое множество структурно связанных между собой элементов. Так, например, определенным образом структурированная связь одного протона и одного нейтрона создает систему атома водорода; структура связей двух атомов водорода и одного атома кислорода порождает систему молекулы воды; совокупность молекул воды представляет собой жидкость — одно из возможных агрегатных состояний вещества (также рассматриваемого как определенная система). Классически понимаемое вещество является основной формой существования материи в непосредственно наблюдаемой части Вселенной. Из него складываются системы различных порядков: начиная от простой песчинки и заканчивая скоплением галактик. Универсум как таковой может быть рассмотрен в качестве *сис-*

темы систем, включающей в себя структуры связей между различными формами бытия материи и временем.

С функциональной точки зрения религия и наука всегда выполняли одну и ту же роль — стремились предложить свои варианты ответа на вечные вопросы о законах и принципах функционирования Вселенной как системы систем. При этом каждая эпоха предлагала своё собственное уникальное решение: как метафизической, так и сциентистской направленности. Вероучение ранних христиан претерпело множество изменений, что находит своё отражение в различиях религиозных практик католицизма, протестантизма и православия. Новые времена требовали изменений: политика привела к идеологическому расколу западной и восточной церквей в 1054 году, а догматизм католицизма имел своим следствием «95 тезисов» Лютера и движение Реформации. Наука развивалась схожим образом. Количественное накопление фактических данных, не укладывающихся в теорию, вело к «шлифовке» последней, добавлению в неё новых гипотез и допущений. Но вечно сдерживать удары эмпирики невозможно: неизбежна элиминация теории и замена её новой, лучше описывающей реальность. Геоцентризм Птолемея уступает место гелиоцентризму Коперника, а механицизм Ньютона и Декарта — релятивизму Эйнштейна.

Однако если раньше смена одной научной картины мира занимала столетия, то двадцатый век стал эпохой подобных качественных скачков во всех сферах человеческого знания. Человечество ещё не ведало столь быстрых и бурных изменений: первые три информационные революции (развитие речи, появление письменности и книгопечатания) заняли несколько тысячелетий; последние же две (становление средств радио- и теле-коммуникации и всеобщая компьютеризация) пришлись на жизнь буквально одного-двух поколений. Если из девятнадцатого столетия человечество вышло с пониманием основ квантовой физики и механики, то в столетие двадцать первое цивилизация входит, обогатившись концептами различных синергетических учений и теорий самоорганизации.

Но что сулит человеку столь быстрое развитие и безопасно ли оно? Наука дает свои прогнозы и на этот счет.

Наука на распутье

Состояние науки середины XX века можно охарактеризовать как *систему трех противоречий*: механицизма, термодинамики и эволюционизма.

Несмотря на значительный прорыв в области изучения физики микро- и макромира (начиная с релятивистских концепций), представления научной общественности о бытии во многом базировались на установках, лежащих в русле всеобщего *детерминизма* и «*стиля научной рациональности*». В XIX веке французский ученый Лаплас допустил теоретическую возможность бытия в мире такого существа, которое, зная исходные положения всех точек во Вселенной, без труда могло бы рассчитать их траектории движения и тем

самым познало бы прошлое, настоящее и будущее. «Демон Лапласа» стал своеобразным объектом поклонения ученых-позитивистов: убежденность в разумной гармонии причинно-следственных связей заставляла многие поколения исследователей искать и описывать их. Допуская возможность познания мира, ученые становились сторонниками идеи *обратимого времени*. Это означало их готовность принять идею, что одни и те же процессы могут повторяться раз за разом, год за годом, эпоха за эпохой — но для всей системы в целом, для её «универсальных» и «всеобщих» законов это не будет играть никакой роли. Луна вращается вокруг Земли, Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вращается вокруг ядра галактики Млечный Путь. Каждый такой оборот для механициста ничем не отличен от другого: время есть лишь отдельный момент на траектории движения.

Однако серьезный удар механицизму был нанесен со стороны термодинамики и её второго начала, утверждающего невозможность превратить всю существующую энергию *закрытой* системы в полезную работу. Вечный двигатель невозможен: часть энергии неизбежно будет рассеиваться, увеличивая *энтропию* (мера необратимого рассеивания энергии) системы, приводя к её неизбежной остановке. Это означает, что нет и обратимого времени: ведь Универсум закономерно движется к своей гибели, моментом которой станет обращение общей энергии *системы систем* в ноль, а её внутренней энтропии — в сто процентов. Условно можно говорить, что каждый оборот Луны вокруг Земли отличен от предыдущего тем, что он приближает мир к своему концу.

Задача примирения механизма и термодинамики дополнительно усложнялась тем, что они обе, на первый взгляд, вступали в противоречие с эволюционными теориями, идущими от Ч. Дарвина. Для механициста появление жизни на Земле с её эволюцией выступает как необъяснимый каприз природы, возражение самой идее обратимого времени. Если же встать на позицию термодинамики и принять идею, что любая система не вечна и её энергия по мере развития убывает, то необъяснимыми оказываются эмпирически наблюдаемые феномены развития и усложнения.

«Новый альянс»¹ или неравновесная термодинамика

Теория диссипативных структур или «*неравновесная термодинамика*» Нобелевского лауреата 1977 года Ильи Пригожина и его коллеги Изабеллы Стенгерс, изложенная в работе «Порядок из хаоса»², в значительной степени изменила научное мировоззрение на рубеже веков, связав воедино эти три взгляда на мир. Ученые отталкивались от того, что все сущее в мире может

¹ См.: Prigogine I., Stengers I. La nouvelle alliance. Métamorphose de la science. — Paris: Gallimard, 1979. — 302 p.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: URSS, 2005. — 294 с.

находиться либо в хаотичном (хаос или, условно, хаотичная структура), либо в упорядоченном (упорядоченная структура, также именуемая структурой) виде. И хаос, и структуры постоянно подвергаются колебаниям извне, именуемыми *флуктуациями*. Если масштаб флуктуаций достигает некоторого порогового для своего объекта значения (*точки бифуркации*), то объект может скачкообразно перейти в новое состояние: хаос — стать структурой, структура — хаосом или новой структурой. Такой подход примирял механизм и эволюционизм. Уже не имеет смысла говорить о приоритете случайности (эволюционный подход) или необходимости (механистический подход). Случайность проявляет себя в момент прохождения системой точки бифуркации, а необходимость правит бал во времена её стабильного существования. Аналогичным образом разрешается проблема обратимого и необратимого времени. Если речь идет о развитии, переходе от одной точки бифуркации к другой, то время, очевидно, необратимо. В промежутках же между точками бифуркации вполне можно говорить об обратимости. Вращение планет вокруг Солнца можно рассматривать как обратимый процесс пока стабильно само Солнце: но через семь с лишним миллиардов лет, вместе с выгоранием водорода и сбрасыванием им своих верхних оболочек, о Солнечной системе в её прежнем виде говорить будет нельзя. Все зависит от сроков: то, что по меркам человеческой жизни, кажется обратимым, в перспективе имеет свой конец и свою необратимую точку бифуркации. Эволюция на Земле идет быстрее, чем выгорает Солнце, поэтому и точек бифуркации здесь на порядки больше.

Однако это не объясняет феномена усложнения с точки зрения второго начала термодинамики. Для этого Пригожин и вводит категорию «*диссипативная структура*». Диссипация – процесс рассеивания энергии (от латинского слова “*dissipatio*” — (расщепляю), а диссипативная структура порождает систему, которая существует за счет обмена энергией, материей и информацией с окружающей средой. Диссипативная структура открыта вовне, а это значит, что она не подчиняется второму началу термодинамики, справедливому только для *закрытых* систем. Уникальность диссипативной структуры заключается в том, что она «питается» всем тем, что поступает к ней извне, в том числе внешней энтропией, по сути своей — хаосом. Подвергаясь внешним ударам (в том числе со стороны хаоса), диссипативная структура может не только разрушиться, но также переходить на новый, более высокий уровень своего развития. Неравновесность диссипативной структуры делает её восприимчивой к внешней флуктуациям: точки бифуркации в такой системе следуют одна за другой, что становится залогом её саморазвития. Да, энтропия Вселенной в целом может повышаться, но это не приводит к однородности. Повышение уровня энтропии будет воздействовать на диссипативные подсистемы Вселенной, усложняя их, что станет основой их самоорганизации. Согласно второму началу термодинамики Универсум как закрытая система погибнет от истощения запасов своей внутрен-

ней энергии. Но сложность входящих в неё диссипативных структур к тому моменту будет неизмеримо выше текущей. Старая, Универсум усложняется.

Точка бифуркации: перспективы ноосферогенеза

Академик В. И. Вернадский в своё время писал, что все вещество *биосферы* (верхней тонкой оболочки планеты, охваченной жизнью) Земли можно разделить на три категории: живое вещество, косное вещество и биокосное вещество. Последние два типа, по большому счету, представляют собой всю ту же неодушевленную массу, которой наполнена материя непосредственно наблюдаемой части Вселенной. Что же касается живого вещества — то эта форма материи обладает неповторимыми и уникальными свойствами. По большому счету жизнь является не более чем преобладанием процессов синтеза над процессами распада. Камень не в состоянии произвести что-то сам — он лишь только может измениться под воздействием внешней среды; в то же время даже самое простое растение способно, используя солнечный свет, преобразовывать углекислый газ и воду в новый органический продукт.

В терминологии Пригожина живое вещество бесспорно получит именование «диссипативной структуры». Внешней питательной средой (условным «энтропийным хаосом») организмов-продуцентов являются вода, углекислый газ и энергия Солнца. В то же время для организмов-консументов внешней питательной средой, обеспечивающей их саморазвитие, выступают только ресурсы Земли. А это значит, что гетеротрофы, включая человека, могут рассчитывать на развитие только пока это позволяет делать внутренний энергетический (в широком смысле слова) потенциал планеты.

Однако легко провести параллели между развитием Вселенной и развитием человечества с точки зрения синергетики.

Диссипативная структура	Наблюдаемая Вселенная	Человечество
Источник энергии	Суммарный объем энергии, порожденный Большим взрывом.	Ресурсы планеты Земля (биосфера: живое, косное и биокосное вещество планеты).
Интенция развития	Усложнение форм организации материи.	Усложнение материальной культуры, социальных практик.
Итог развития	Исчерпание первоначальной энергии: остановка процессов развития в момент достижения их кульминации, наивысшего расцвета.	Исчерпание ресурсов планеты Земля в момент наибольшей потребности в них (ибо развитие инфраструктуры требует все больших ресурсов затрат).

И наблюдаемая часть Вселенной, и человечество развиваются по одним и тем же законам: им необходима энергия, причем лишь только незначительная часть её затрат собственно идет на развитие системы. Но только если момент исчерпания ресурсов Вселенной и её остановки предсказать достаточно сложно, человечество может достичь итога своего развития в гораздо более сжатые сроки.

Человечество не только часть биосферы: оно суть движущая сила развития биосферы. Последняя же под воздействием вызванных деятельностью человека флуктуаций как никогда близко подошла к новой точки бифуркации: и неизвестно, станет ли эта точка новым шагом на пути самоорганизации или разрушит структуру биосферы, ввергнув её в хаотичное состояние. Речь идет об наблюдаемом с начала XX века феномене, который условно можно назвать «ноосферогенезом».

В. И. Вернадский утверждал, что в XX веке биосфера Земли переходит в качественно новое состояние. В мире не осталось тех точек, на которые деятельность человека не оказывала бы влияния. Развитие техники, многократное увеличение мощи людей сделали возможной ситуацию, когда человек может оказаться где угодно и преобразовывать окружающую среду так, как он хочет. Антропогенную эру существования Земли Вернадский обозначает термином «*ноосфера*» (от греческого “*nous*” — разум и “*sphaira*” — шар), что буквально переводится как «*сфера разума*». Мыслитель писал: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше»¹.

Ноосферный идеал Вернадского заключается в том, что перестройка биосферы человеком идет в интересах «всего свободно мыслящего человечества»²: человек своим *разумом* начинает задавать вектор будущего развития планеты — и планомерно двигаться в сторону поставленной им цели. Биосфера становится ноосферой не в тот момент, когда сила человеческой цивилизации достигает масштабов, изменяющих естественное направление развития любого процесса на планете. Эра ноосферы начнется лишь тогда, когда люди научатся управлять своими силами, направлять их в нужное русло. Только ориентация на объективные закономерности природы и потребности людей с целью их гармонизации делает активность человека подлинно ноосферной. Ноосферное развитие не может носить стихийный неконтролируемый характер — оно подчинено некой общей программе. И именно поэтому Вернадский столь много внимания уделял тому, что в эпоху ноосферы крайне важную роль будут играть планирующие и контролирую-

¹ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-Пресс, 2007. — С. 480.

² Там же. С. 480–481.

щие органы, своеобразные «экологические Госпланы» (тракуемые предельно широко, как западное понятие “think tanks”), которые смогут сделать развитие человечества, планеты и биосферы по-настоящему *разумным*.

Данный 65 лет назад Вернадским ноосферный прогноз на сегодняшний день, к сожалению, оправдывается лишь частично. Бесспорен факт, что человек стал крупнейшей геологической силой на планете (63% разрушенных к настоящему моменту экосистем суши против 20% в начале XX века — яркое тому свидетельство¹). Не вызывает также сомнения, что большинство антропогенных изменений последних десятилетий являются результатом интенсивной мыслительной деятельности людей (любой хозяйственной деятельности, в том числе неэкологичной, предшествует стадия планирования: аварии на ЧАЭС предшествовали два десятка лет интенсивного инженерного труда). Но вот проблема контроля за ситуаций и преодоления стихийности изменений до сих пор не решена. Поэтому возникает вопрос, действительно человечество вступает в «сферу разума», или пока речь идет лишь о «*сфере сознания*».

“Noosphere” versus “conscientiosphere”²

Не затрагивая вопроса случайности или закономерности существования белковой жизни во Вселенной (неизвестно, возможно ли повторение всех земных точек бифуркации на другой планете), все же легко заметить, что большинство её форм на Земле не носят телеологического характера. Это значит, что практически все земные организмы не имеют *собственной цели существования*. Отдельные популяции и виды реализуют генетически заложенные поведенческие программы и имеют определенный коридор отклонений от них, связанных с выработанными условными рефлексам, но радикально изменить свою жизнь они не в состоянии. Конечно, всегда можно утверждать, что все популяции играют определенную роль в поддержании баланса отдельных экосистем, но для отдельных организмов данная цель не носит *сознательного характера*.

Сознание можно определить как форму мысленного осмысления действительности, реализуемую путем формирования соответствующих образов-представлений.

Если кто-то или что-то претендует на звание «субъекта сознательной деятельности», то оно должно мыслить — обладать способностью работать не только с реальными предметами, но и его мысленными, образными, модельными представлениям. Таким образом, часто употребляемые в социальной психологии категории «коллективного сознания», «группового сознания», «массового сознания» представляются не вполне удачными: ни коллектив, ни такие его разновидности, как группа или масса, не могут мыслить,

¹ Марфенин Н. Н. Устойчивое развитие человечества. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — С. 599.

² Conscientia (лат.) — сознание.

поскольку не обладают единым мыслительным центром, наподобие человеческого мозга: мыслят составляющие эти коллективы индивиды. Вполне могут существовать формируемые в процессе коммуникации коллективные *представления* (из которых в своей деятельности исходит часть членов коллектива), но абсурдно предполагать, что содержание индивидуального сознания всех членов какой-либо общности идентично друг другу.

Иными словами, единственным носителем сознания в мире является *человек* (или, более строго, человек и некоторые высшие приматы). Никто из людей не может полностью подчинить сознания себе подобных, однако всегда имеется возможность повлиять на них посредством определенной знаковой системы (языка или физического действия, например). На этом построены все типы отношений между людьми, начиная от дружбы и партнерства и заканчивая отношениями господства-подчинения.

Однако сам по себе факт мышления ещё не свидетельствует о его разумности основанного на нем действия. Сознание проявляет себя через сам факт любого мыслительного процесса, в то время как разум — через мыслительный процесс, своим итогом имеющий максимально приближенное к реальности *понимание* ситуации. Аффективное действие (с точки зрения психологии, а не уголовного права), совершенное под влиянием сильных эмоций, не лишено сознательности, но оно лишено мотива разумности.

Так, разрушение биосферы под воздействием мощнейших технологических ударов человечества — одна из разновидностей сознательного воздействия цивилизации на окружающую природную среду, но только такое воздействие не имеет ничего общего с идеями ноосферы Вернадского. Не любое *сознательное* преобразование природы можно назвать ноосферным или *разумным*: ведь сложно отказать в разумности эгоистическому отношению к природе крупных хозяйственных субъектов, стремящихся (с точки зрения теории рационального выбора) максимизировать свою прибыль и минимизировать издержки. Однако такое отношение едва ли можно назвать удовлетворяющим интересы всего человечества: как нынешних поколений, так и поколений грядущих.

Благодаря человечеству биосфера действительно прошла точку бифуркации, но став не столько ноосферой — сферой разума, сколько «*сферой сознания*» или, если давать латинское наименование этому феномену, превратилась в “*conscientiosphere*”. Однако сознание лишь только первый шаг к разуму. В плане своей заботы о будущем современной цивилизации уподобляется ребенку, который уже обладает определенной силой, но не в состоянии её контролировать и направлять не во зло, а во благо.

Взятые по отдельности индивиды обладают и сознанием, и разумом, постулирующим некоторые альтернативные и произвольные цели. Человек, взятый как организменная система, безусловно телеологичен. Но человечество, взятое в его тотальности, по-прежнему остается системой без конечной цели своего бытия. Ни идея ноосферы В. И. Вернадского, ни «экологический императив» Н. Н. Моисеева, ни международно-правовое понятие устойчи-

вого развития не стали фактом реальности в планетарном масштабе, оставшись лишь теоретическими построениями.

Локализованный в одном месте коллектив превращается в бессознательную толпу, ведомую элементарными эмоциональными импульсами (в понимании Г. Лебона); рассеянная же по большим пространствам общность, связанная лишь только доступом к одному и тому же источнику информации — не более чем пассивно созерцающая публика (в понимании Г. Тарда), не способная на решительные действия. Массы людей столь же нетелологичны и подчинены законам динамики популяций, как и любые другие животные. Так, например, войны государств за ресурсы принципиально нельзя отличить от межвидовой борьбы за свой естественный (т. е. ресурсообеспеченный) ареал обитания.

Роль государств в ноосферогенезе

В теории игр есть т. н. «дилемма заключенного» — пример, иллюстрирующий невыгодность сотрудничества для действующих по отдельности рациональных индивидов. Пусть два преступника А и В попадают под следствие, но у стороны обвинения нет убедительных доказательств их виновности. Заключенные А и В направляются в разные комнаты, и следователь говорит каждому из них, что в случае доноса на сообщника, предатель получит свободу, а сообщник — 10 лет тюрьмы. Взаимный донос повлечет за собой 2 года тюрьмы каждому. В случае же взаимного молчания на свободу оба узника выйдут всего через полгода. Матрица игры выглядит следующим образом:

	Молчание узника В	Предательство узника В
Молчание узника А	А — 6 месяцев В — 6 месяцев	А — 10 лет В — свобода
Предательство узника А	А — свобода В — 10 лет	А — 2 года В — 2 года

У каждого из узников есть альтернатива: осуществить донос или хранить молчание. При негативном сценарии молчания (А доносит, В молчит; А молчит, В доносит) есть риск сесть в тюрьму на 10 лет. При негативном сценарии доноса (А и В взаимно сдают друг друга) — оба получают всего 2 года. Позитивный сценарий доноса сулит свободу либо А, либо В. Позитивный же сценарий молчания грозит обоим полугодичным лишением свободы. Если узники рациональны, то они попытаются минимизировать риски и выберут стратегию доноса как наиболее безопасную в этом плане: и, скорее всего, оба попадут в тюрьму на два года. Если бы заключенные А и В действовали как единый коллектив, то они бы выбрали стратегию молчания и взаимно уменьшили срок пребывания под стражей. В итоге же взаимное недо-

верие, сопряженное с индивидуальной рациональностью, приводит к коллективному нерациональному действию.

Впрочем, в этой игре нельзя забывать и о третьей стороне, которая выигрывает всегда — это устанавливающая для А и В правила игры *сторона обвинения*.

Аналогичная ситуация складывается в отношении движения отдельных обществ и человечества в целом в сторону разумного ноосферного развития. Человечество само по себе не встанет на путь добровольной коэволюции с биосферой: индивидуально-рациональным действием отдельных экономических агентов будет путь эксплуатации природы в своих интересах так долго, сколько это позволяет природа. В масштабах же планеты от этого проигрывают все: и экономические акторы, не повысившие продуктивность своего труда за счет энергосберегающих технологий, и общество в целом, столкнувшееся с энергетическим и экологическим кризисом гораздо раньше ожидаемого момента.

Изменить ситуацию в состоянии только лица, ответственные за принятие обязательных к исполнению эколого-политических решений. Призвание государства и иных политических институтов — сформулировать такие правила игры, когда хозяйствующим субъектам будет выгодно беречь природу. Подобных механизмов достаточно много (принцип «загрязнитель платит», экологическое нормирование, экономическое лицензирование и т. д.) и они успешно применяются в странах, наподобие ФРГ и Японии, но лишь формально — в Российской Федерации.

Роль личностей в истории крайне велика и стимулирующий пример государства — лучший шаг на первом этапе перехода от простой «сферы сознания» к подлинной «сфере разума». Повышение экологической культуры масс «снизу» — важная задача, однако этот процесс займет ни одно десятилетие и не обязательно завершится успехом (потенциал воздействия отдельных точечных акций представителей различных «зеленых» организаций в планетарном масштабе ничтожен, а активное экологическое сознание масс проявляет себя лишь только в экстремальных ситуациях, наподобие взрыва ЧАЭС). Поэтому первой задачей на пути подлинного ноосферогенеза становится формирование экологического сознания политической и экономической элиты общества.

Как человека разумным делает его сознание, заключенное в головном мозге, так и человечество в целом разумным может сделать только работа общечеловеческого аналога головного мозга — властных институтов, наделенных полномочиями принимать решения.

Эвелина Алексеевна Козьменко

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Разработка стратегии устойчивого развития: исторический опыт Российской Федерации

Аннотация

Предлагается познавательная схема соотношений категорий «концепция» и «стратегия» в контексте их применения к феномену устойчивого развития и анализируется практическое ее развертывание в российской политико-правовой практике.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, стратегия устойчивого развития, российская экологическая политика, 90-е годы XX века.

Концепция устойчивого развития (УР) как система принципов, задач и целей была сформулирована по итогам работы Международной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (МКОСР) под председательством премьер-министра Норвегии Г. Брундтланд и изложена в докладе «Наше общее будущее».

Авторы доклада признавали устойчивым только такой тип развития, который «удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1, 50]. Из этого определения логичным образом вытекали два принципа, на которых базировалась вся концепция УР: *принцип антропоцентризма* (связан с понятием «развитие») и *принцип биосфероцентризма* (связан с понятием «устойчивость»).

Сама по себе концепция не может служить прямым руководством к действию: чтобы стать таковой, она должна приобрести качество *стратегии* – долгосрочного плана мероприятий, разработанного для достижения некоторой цели. Стратегический план действий, в отличие от концептуальных основ, может существовать лишь только в виде конкретных нормативно-правовых документов, предписывающих должное поведение. Так, глобальная стратегия УР вырабатывалась в рамках конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году (к ней относятся такие документы, как «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию» и «Повестка дня на XXI век»).

Говорить о подлинном устойчивом развитии можно лишь в том случае, если эффективная экологическая политика проводится на глобальном, планетарном уровне. Однако никакая политика на глобальном уровне не может быть эффективной без учета более низких уровней: они выступают базисом

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Артур Леонович Демчук**.

устойчивого развития взаимодействующих человечества и природы. Эффективная экологическая политика на субрегиональном уровне становится залогом успешности действий в области УР на национальном уровне; успешность на национальном уровне ведет к достижению устойчивости на уровне макрорегиональных взаимодействий; устойчивость множества макрорегионов ведет к глобальной устойчивости – реализации центральной цели устойчивого развития.

Вследствие этого, решения конференции ООН в Рио-де-Жанейро стали прототипом для стратегий УР отдельных стран и их регионов. Необходимость перехода России к реализации итогов Конференции ООН получила принципиальное одобрение в 1994 году, в Указе Президента Б. Н. Ельцина от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Президент одобрял ***Основные положения государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития***, прилагаемые к Указу, которые должны были лечь в основу концепции устойчивого развития России. Будучи разбиты на четыре основные группы («экологически безопасное УР в условиях рыночных отношений», охрана «среды обитания человека», оздоровление «нарушенных экосистем в экологически неблагоприятных регионах России», участие в «решении глобальных экологических проблем»), данные положения стали основой разработанной Правительством РФ и утвержденной Указом Президента от 1 апреля 1996 года № 440 ***Концепции перехода РФ к УР***. Данная же Концепция должна была выступить прообразом полноценной ***Государственной стратегии УР РФ*** [3].

8 мая 1996 года Председателем Правительства РФ В. С. Черномырдиным было подписано Постановление № 559 «О разработке проекта Государственной Стратегии устойчивого развития РФ». Председатель Правительства поручал разработать ***проект Государственной стратегии УР РФ*** Министерству экономики, Министерству охраны окружающей среды и природных ресурсов и Министерству науки и технической политики.

Минэкономики вместе с федеральными органами исполнительной власти и РАН предстояло до 1 июня 1996 года выработать методические материалы по созданию проекта стратегии.

До 1 сентября 1996 года Минэкономики должно было получить предложения по проекту стратегии, а сам проект планировалось внести на рассмотрение Правительства до 1 ноября 1996 г.

Формально поручение Президента и Председателя Правительства были выполнены. В декабре 1996 года Минэкономики представило в Правительство первый вариант Стратегии. Поручением Председателя Правительства В. С. Черномырдина от 30 декабря 1996 г. № ВЧ-П9-43119, данный документ был отправлен на изучение и доработку, а также для внесения предложений по нему [6]. Эта работа была завершена к ноябрю 1997 года. Минэкономики, вместе с другими органами федеральной власти и субъектов федерации, а также РАН, представило Проект Государственной Стратегии УР на рассмот-

рение Правительства. Этот документ обсуждался дважды: в ходе парламентских слушаний 14 октября 1997 года и в ходе заседания расширенной коллегии Министерства экономики 27 октября 1997 года [2].

11 декабря 1997 года Правительство одобрило проект. В апреле 1998 г. он был направлен на рассмотрение Администрации Президента РФ. Там его движение и остановилось: никаких конкретных действий так и не было принято. Объяснялось это экономико-политическим кризисом, охватившим страну: за 1998 год Правительство В. С. Черномырдина сменилось на Правительство С. В. Кириенко, а оно — на правительство Е. М. Примакова. В результате проект Государственной Стратегии УР был просто забыт.

12 мая 2009 года Президент России Д. А. Медведев подписал Указ № 537 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в котором указывается, что «для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации сосредоточивает свои усилия и ресурсы» на целом ряде «приоритетов устойчивого развития», в частности экологии живых систем и рациональном природопользовании, «поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны» [7]. Хотя это и позитивный шаг в сторону устойчивого развития, однако Государственной Стратегии перехода к нему в российском законодательстве до сих пор нет.

Библиография

1. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под редакцией Евтеева С. А., Перелета Р. А. — М.: Прогресс, 1989. — 371 с.
2. *Парфенов В. Ф.* Устойчивое развитие — магистральный путь России в XXI веке [Электронный ресурс] // Эко-бюллетень ИнЭКА. 1999. № 7–8. URL: <http://www.ineca.ru/?dr=bulletin/arhiv/0042&pg=003> (дата обращения: 23.11.2009).
3. Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития».
4. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440. «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».
5. Постановление Правительства РФ от 08.05.1996 года № 559 «О разработке проекта государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации».
6. Поручение Председателя Правительства РФ от 30 декабря 1996 г. № ВЧ-П9-43119.
7. Указ Президента РФ от 12.05.2009 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Ольга Игоревна Сафонова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Климатические изменения и их последствия как угроза мировой политической стабильности и безопасности

Аннотация

Климатические изменения и их последствия, накладываясь на уже имеющиеся региональные проблемы и противоречия, резко увеличивают конфликтный потенциал и угрозу политической нестабильности. «Когда земля, вода и другие природные ресурсы исчезают, это заставляет соседей убивать соседей». Необходим индивидуальный подход к каждому конкретному случаю, к каждому региону и выработка качественной и комплексной политики по смягчению последствий и адаптации к реальным и потенциальным изменениям климата.

Ключевые слова: климатические изменения, конфликтный потенциал, политическая дестабилизация, климатические нагрузки, адаптация, смягчение.

Климатические изменения — одна из наиболее обсуждаемых проблем в настоящее время. Они затрагивают различные сферы человеческой жизни. Что касается сферы политической, то их влияние здесь неоднозначно и весьма спорно. Будут ли будущие войны носить экологический характер или это только пугающие прогнозы? Насколько климатические изменения могут влиять на международные отношения и сложившийся баланс сил в мире? Эти вопросы постоянно поднимаются на различных международных форумах, конференциях, встречах.

Очевидно то, что климатические изменения и их последствия, накладываясь на уже имеющиеся региональные проблемы и противоречия (высокий рост народонаселения, слабый политический режим, неразвитая инфраструктура, неравномерное и несправедливое распределение ресурсов между странами, регионами, сообществами и группами людей), резко увеличивают конфликтный потенциал и угрозу политической нестабильности. International Alert² опубликовала список регионов наиболее уязвимых по климатическим показателям: из них 48 находятся под угрозой вооружённых конфликтов и 56 под угрозой политической дестабилизации³. Количество

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Артур Леонович Демчук**.

² International Alert — неправительственная организация, появившаяся в 2006 г. Главный офис располагается в Лондоне. Занимается вопросами урегулирования и предотвращения конфликтов во всем мире.

³ Smith D., Vivekananda J. A climate of conflict [Electronic resource] // International Alert Group : [site]. [2007]. URL: http://www.international-alert.org/pdf/A_Climate_Of_Conflict.pdf.

проблемных зон в мире велико, каждый регион необходимо рассматривать в отдельности для выявления его конфликтного потенциала и вклада климатических изменений в этот потенциал.

Вызываемые изменением климата эрозия почв, повышение уровня мирового океана, таяние ледников и усиление штормов ведет к новым вспышкам военных действий и социальных потрясений в большей части Африки, Азии и Южной Америки. Рассмотрим ситуацию в Перу. Питьевой водой эта страна обязана в основном таянию ледников. Но к 2015 году глобальное потепление грозит уничтожить практически все ледники на этой территории, и почти все 27 миллионов населения будут испытывать дефицит питьевой воды. Другая угроза нависла над Бангладеш. Здесь связанная с изменениями климата миграция уже сегодня приводит к кровопролитным столкновениям. В Африке ключевым источником питьевой воды являются такие реки, как Нигер, которые протекают через территорию многих государств. Если засухи будут ужесточаться, а запасы воды в этих реках исчерпываться, конфликты неизбежны. Считается, что большинство европейских стран в настоящее время достаточно стабильны, чтобы справиться с климатическими изменениями. Балканские страны составляют исключение. Политическая обстановка в таких странах, как Сербия и Черногория, в результате войн ухудшилась. По мере того как температуры будут расти, а количество земли, пригодной для обработки, сокращаться, перенаселение приведет к насилию, которое власти будут не в состоянии обуздать.

В то время как во многих регионах изменение климата приведет, по всей вероятности, к негативным последствиям, часть из которых будет носить потенциально необратимый характер, в других последствия могут быть и позитивными, скажем, улучшение качества земель, их плодородности в связи с потеплением. Климатические нагрузки будут проявлять себя в разных регионах различными путями. Некоторые группы или страны могут оказаться менее уязвимы к воздействию изменения климата, благодаря увеличению ресурсов, имеющихся для адаптации. Те же страны, в которых наблюдаются низкие уровни экономического роста, быстрый рост населения и ухудшение экологии могут оказаться более уязвимы к воздействию потенциальных изменений¹. Например, в Пакистане высокие темпы роста населения, истощение и деградация национальных природных ресурсов могут подорвать экономическую систему, нарушить социальные связи и дестабилизировать политическую ситуацию. А это, в свою очередь, может привести к гражданскому или даже международному конфликту. Конфликты в Руанде за последние два десятилетия также во многом связаны с изменениями климата и их последствиями в совокупности с демографическим фактором (высоким темпом роста населения).

Многие скептики говорят о том, что конфликты, возникающие из-за не-

¹ Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. — 1994. — Vol. 19. — № 1. — P. 5–40.

достатка ресурсов, не имеют практического интереса, это — закономерность исторического развития. Но очевидно, что недостаток возобновляемых природных ресурсов в течение следующих 50 лет будет расти огромными темпами, небывалыми в истории человечества. Большинство стран могут остаться без лесных ресурсов, плодородная почва может совершенно исчезнуть во множестве регионов уже в следующем поколении. Нехватка возобновимых ресурсов приводит к серьёзным экономическим проблемам, к экономическим кризисам и масштабным миграциям, что, в свою очередь, может привести к нарастанию протестных настроений, конфликтам между различными этническими группами, гражданским войнам и восстаниям, ослаблению институтов государства, широкомасштабным политическим спекуляциям противоборствующих этнических групп, к манипуляциям массами населения для завоевания политической поддержки.

Климатические изменения бьют по базовым потребностям человечества: воде, земле для выращивания своего пропитания, относительно стабильной жизни в родном регионе. Они сгоняют людей с привычных мест обитания, обрекая на бедность и голод. Это не войны за нефть, ведущиеся элитарными кругами с целью получения громадных доходов, это более страшные в своей перспективе войны огромных масс людей за своё выживание. «Когда земля, вода и другие природные ресурсы исчезают, это заставляет соседей убивать соседей»¹.

Важнейшая задача повестки дня всего мирового сообщества — выработка и проведение чётко структурированной и комплексной политики по противостоянию климатическим изменениям и их последствиям, разработка адаптационных мер для смягчения негативных климатических влияний.

Угроза климатических изменений — объективная реальность. Развитие всех сфер человеческой жизни, риски политики и бизнеса, самого факта стабильного существования человечества — под большим вопросом. Кризис налицо, необходимо действовать, учитывая все риски, быть открытыми для новых идей и проектов, только так можно будет предотвратить угрозу, нависшую над всем миром. Чтобы качественно ответить этому глобальному вызову каждое государство и всё мировое сообщество в целом должно предпринять следующие шаги:

- поместить проблему климатических изменений в список наиболее приоритетных вопросов международной политической повестки;
- изучать специфические региональные особенности последствия климатических изменений;
- развивать и распространять локальный опыт по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним и т. д.;
- налаживать международный диалог;
- развивать подходящий институциональный контекст;

¹ Gibbs N. Why? The Killing Fields of Rwanda. // The Journal of Environment & Development 1996. — Vol. 5. — № 3. — P. 270–291.

- быть готовыми справляться с миграцией;
- разработать и принять Национальный Адаптационный План Действий;
- поощрять инициативы частного сектора;
- поддерживать региональную кооперацию и адаптацию.

Библиография

1. *Homer-Dixon T.* Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // *International Security*. — 1994. — Vol. 19. — № 1. — P. 5–40.
2. *Homer-Dixon T.* Physical Dimensions of Global Change // *Global Accord. Environmental Challenges and International Responses*. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1993. — P. 43–67.
3. *Homer-Dixon T.* On the threshold: environmental changes as causes of acute conflict // *International Security*. — 1991. — Vol. 16. — № 2. — P. 76–116.
4. *Boko M.* Africa // *Climate change 2007: impacts, adaptation and vulnerability [summary] / Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — P. 433–469.
5. *Brown O., Hammill A., McLeman R.* Climate change as the new security threat: implications for Africa // *International Affairs*. — Vol. 83. — № 6. — P. 1141–1154.
6. *Stern N.* The Stern Review on the Economics of Climate Change. — Cambridge: University Press, 2007. — 692 p.
7. *Браух Х. Г.* Окружающая среда как угроза национальной безопасности // *Информац. промыш. вестник*. — 2004. — № 5(47). — С. 14–15.
8. *Гор А.* Неудобная правда. Глобальное потепление: как остановить планетарную катастрофу. — СПб.: Амфора, 2007. — 328 с.
9. *Smith D., Vivekananda J.* A climate of conflict [Electronic resource] // *International Alert Group [site]*. [2007]. URL: http://www.international-alert.org/pdf/A_Climate_Of_Conflict.pdf (дата обращения: 20.07.2009).
10. *Homer-Dixon T.* Terror in the Weather Forecast. — *New York Times*. — 2007. — Vol. 3. — № 1. — P. 15–27.
11. *Dupont A., Pearman G.* Heating up the planet: climate change and security. — Sydney: Longueville Media, 2006. — 144 p.
12. *Gemmenne F.* Climate Change and Forced Displacements: Towards a Global Environmental Responsibility? [Electronic resource] // *Center for Ethnic and Migration Studies : [site]*. [2006]. URL: <http://cedem.ulg.ac.be/m/cdc/12.pdf> (дата обращения: 20.07.2009).

Политическая регионалистика и этнополитология

Раиса Эдуардовна Бараш

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Неоднозначность трактовки категории «разделенный народ»

Аннотация

В статье рассматривается проблема корректной трактовки категории «разделенный народ». На сегодняшний день понятие очень часто используется для определения явлений, формально схожих, но фактически не имеющих ничего общего — ни в причинах появления, ни в позиции представителей (граждан) разделенного целого. Закрепление за категорией «разделенный народ» негативной трактовки обуславливает определенную ангажированность в понимании противоречия между проведением в жизнь права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства, предполагающего невозможность изменения государственных границ без согласия его граждан (представителей нации). Сегодня проблема «разделенных народов» воспринимается преимущественно как травма, историческая несправедливость, причина стагнации национального развития (ввиду ориентированности этноса на реализацию своего исторического проекта, необходимым условием чего является сохранение этнонациональной группой этнического единства), однако фактически акты разделения этнонациональных общностей могут являться событиями положительными, знаменующими реализацию права на самоопределение и независимость.

Ключевые слова: разделенный народ, разделение этнонациональных групп, сепаратизм, сецессия, самоопределение.

В современном информационно-аналитическом дискурсе политологии широко распространена категория «разделенный народ». При отсутствии четкого определения явления, единственным квалифицирующим фактором является разделение территории проживания некоторой этнонациональной группы политическими границами². Поскольку категория «разделенный народ» очень часто используется при анализе ситуаций, сопряженных с на-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Андрей Сергеевич Семченков**.

² См.: Huth P. K. Standing your ground: territorial disputes and international conflict. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. — 288 p.; Goertz G., Diehl P. F. Territorial Changes and International Conflicts. — N. Y.: Routledge, 1992. — 181 p.; Kim H., Kindermann G.-K. New international order and future of divided nations. — Seoul: ORUEM Pub. House, 2003. — 82 p.

сильственным разведением частей некогда единого целого, понятие сегодня ассоциируется с негативным проявлением имперской политики, принципа «разделяй и властвуй» и исторической несправедливости (хотя по форме своей мало чем отличается от сецессии)¹.

Фактически же явление разделения этнонациональных групп весьма неоднозначно и может определяться и как «радикальная хирургия, ...разрешающая уже сложившийся антагонизм, и как «создание в результате обоюдного решения двух и более государств»². А. Гераклайдс отмечает также, что если «размывание» границы в ходе сецессии в международном праве считается нелегитимным, то разделение международным правом признается (хотя только в том случае, если разделение признается мировым сообществом)³.

На основании даже наиболее ярких прецедентов разделения XX века (Ирландия, Индия, Кипр, Германия, Корея, Вьетнам) не только сложно установить «типические черты» явления этнонационального разделения, но, напротив, скорее можно резюмировать уникальность каждого случая, прежде всего, в части оценки конструктивности/деструктивности его последствий. Например, о разделении в равной степени можно говорить в **случае деления некогда единого государства** (Индия — Пакистан — Бангладеш); **внутреннего политического разделения страны** — например, по этническому принципу — в целях официального закрепления самобытности каждой из составляющих политического конгломерата (Бельгия, Голландия, в более общем смысле — Испания); создания внутри страны **полуавтономных регионов для этнических меньшинств** (создание в Ираке «Курдистанского Региона»); разделения **политически единой территории** на этнические регионы, которые не контролируются центральной властью (Косово, Биафра, Катанга).

А. Мерфи указывает, что в XX веке имели место четыре типа разделенности: разделение некогда единого государства на два независимых государства (например, Пакистан и Бангладеш); внутреннее политическое разделение страны по этническому вектору — в целях создания политической структуры, представляющей собой совокупность этнически неоднородных регионов (например, Бельгия); создание внутри страны полуавтономных ре-

¹ См.: Gavan S. Kurdistan. Divided nation of the Middle East. — London: Lawrence & Wishart, 1958. — 56 p.; Safrastian A. Kurds and Kurdistan. — London: Harvill Press, 1948. — 106 p.

² См.: Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985. — P. 588–589; Heraclides A. The self-determination of minorities in international politics. — London: Frank Cass, 1991. — 291 p.

³ Разделение в рамках деколонизации не может быть проведено без согласования участников разделения (в соответствии с гарантирующей независимость колониальных держав Декларацией Генеральной Ассамблеи ООН о Предоставлении Независимости Колониальным Странам и Народам — «Декларация Деколонизации»), любая попытка разделения или полной ликвидации национального и территориального единства страны несовместима с Хартией ООН. Подробнее см.: Conras V. Self-determination and the partition of states in international law. — Cambridge, MA: Harvard Law School. 1975. — 111 p.

гионов для этнических меньшинств (например, создание в Ираке «Курдистанского Региона»); фактическое разделение политически организованной территории на этнические регионы, которые не контролируются центральной властью (например, Кипр)¹.

Р. Шефер говорит о складывании в XX веке четырех типов разделения: в результате деколонизации (Ирландия, Индия, Палестина); вследствие «Холодной войны» (Германия, Корея, Вьетнам, Китай, Тайвань); обусловленном агрессивной политикой соседних держав (Турции на Кипре и, соответственно, в Курдистане); вследствие разрушения полинациональных государств (СССР, Чехословакия, Югославия, Эфиопия)². Эта классификация прецедентов разделения представляется уместной, однако недостаточной и очень общей.

Б. О'Лири предлагает классифицировать прецеденты разделения в зависимости от того, является ли оно внутренне или внешне обусловленным, а также по объекту разделения — гомогенных или гетерогенных образований³. Если внешне обусловленное разделение или распад этнически гомогенной группы справедливо трактуется как негативное явление, то внутренне детерминированное разделение или «расхождение» частей национально или этнически гетерогенного образования, напротив, может расцениваться как менее драматичное и даже положительное. Говоря предметно, целью **внутригосударственного** разделения может являться инициированное внутренними силами установление *системы иерархического управления одной и более этническими группами* (федерализация Бельгии и Испании), *их дезорганизация для последующей оптимизации управления* (реорганизация индийских штатов по языковому принципу). Внутреннее разделение может также быть направлено на *выделение из некоторого гомогенного политического организма определенной территории* — в целях купирования конфликта между различными этническими, национальными, религиозными и социальными группами (например, организация *автономии для некоторой группы* — к примеру, в случае намерения Квебека добиться для себя особого статуса). Фактически данные прецеденты являются примерами самоопределения и, соответственно, обладают скорее положительной контекстностью.

О **внешне обусловленном разделении** (категории, обладающей негативной контекстностью) можно говорить для обозначения внешнего вмешательства в суверенитет (как в случае с разделением Венгрии, Индии и Кипра) или в ситуации реализации имперской политики — прежде всего, Британией в отношении Ирландии, Индии (и, соответственно, Пакистана) и Пале-

¹ Murphy A. B. Partitioning as a response to cultural conflict // Geographical perspectives. — 1985. — № 55. — P. 53–59.

² См.: Schaeffer R. K. Warpaths: the politics of partition. — New York: Hill and Wang, 1990. — 306 p.; Schaeffer R. K. Severed states: dilemmas of democracy in a divided world. — New York: Rowman & Littlefield, 1999. — 273 p.

³ Kaufmann Ch. Possible and impossible solutions to ethnic civil wars // International security. — 1996. — № 20(4). — P. 136–175.

стины¹. Здесь же можно говорить о разделении колониального Ирака, от которого, до предоставления ему независимости, был отделен Кувейт (что впоследствии, обусловило претензии на него партии БААС как на девятнадцатую иракскую провинцию)².

Если **разделение многонациональных образований** нередко трактуется в положительном контексте как возможное проявление законного желания на самоопределение (распад Австро-Венгерской и Османской империй, дезинтеграция Чехословакии, Югославии и Советского Союза)³, то **разделение гомогенных национальных образований** однозначно представляется негативным и наиболее драматичным проявлением феномена разделенности (Ирландия, Индия, Руанда-Бурунди, Палестина и даже Голландия и Бельгия).

Разделение этнически гомогенных образований может быть обусловлено отнюдь не внешними причинами, но, напротив, стремлением к самоопределению какой-то из его частей В случае ФРГ и ГДР, Республики Корея и КНДР, Северного и Южного Йемена, разделения Вьетнама или отделения Тайваня от Китая каждая из частей разделения «позиционирует себя в качестве единственного легитимного преемника предшествовавшего государства или нации»⁴. Стороны разделения взаимно отказываются признавать друг друга, хотя это не исключает сосуществования и даже официальных контактов.

Таким образом, предельно широкая категория «разделенный народ» часто используется для определения явлений, формально схожих, но фактически не имеющих ничего общего — ни в причинах появления, ни в позиции представителей (граждан) разделенного целого. Закрепление за категорией «разделенный народ» негативной трактовки обуславливает определенную ангажированность в понимании противоречия между проведением в жизнь права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства, предполагающего невозможность изменения государственных границ без согласия его граждан (представителей нации). Хотя сегодня проблема «разделенных народов» воспринимается преимущественно как травма, историческая несправедливость, причина стагнации национального развития (ввиду ориентированности этноса на реализацию своего историче-

¹ Hitchens C. The perils of partition // Atlantic monthly. — 2003. — March. — P. 99–107. URL: <http://www.theatlantic.com/doc/200303/hitchens/> (дата обращения: 17.07.2009).

² Waterman S. Partition — a problem in political geography // Political Geography: Recent Advances and Future Direction / Taylor P. J., House J. W. — Beckenham: Croom Helm, 1984. — P. 98–116.

³ SNOSKA. Анализируя прецеденты разделения многонациональных образований, Г. Хендерсон и Н. Лебов предлагают различать разделенные нации (Германию, Корею, Вьетнам, Монголию, Лаос, Камбоджу) и разделенные государства / территории (Ирландию, Индию, Руанду-Бурунди, Палестину и даже Голландию и Бельгию). Подробнее см.: Henderson G., Lebow R. N., Stoessinger J. G. Divided nations in a divided world. — New York: D McKay, 1974. — P. 433–456.

⁴ Waterman S. Partitioned states // Political Geography quarterly. — 1987. — № 6(2). — P. 159.

ского проекта, необходимым условием чего является сохранение этнонациональной группой этнического единства), фактически акты разделения этнонациональных общностей могут являться событиями положительными, знаменующими реализацию права на самоопределение и независимость.

Библиография

1. *Chan L.* A Pragmatic Strategy for China's Peaceful Reunification // *American Asian Review*. — 1996. — № 1. — P. 97–107.
2. *Conras V.* Self-determination and the partition of states in international law. — Cambridge, MA: Harvard Law School. 1975. — 111 p.
3. *Gavan S.* Kurdistan. Divided nation of the Middle East. — London: Lawrence & Wishart, 1958. — 56 p.
4. *Goertz G., Diehl P. F.* Territorial Changes and International Conflicts. — N. Y.: Routledge, 1992. — 181 p.
5. *Henderson G., Lebow R. N., Stoessinger J. G.* Divided nations in a divided world. — New York: D McKay, 1974. — 470 p.
6. *Heraclides A.* The self-determination of minorities in international politics. — London: Frank Cass, 1991. — 291 p.
7. *Hitchens C.* The perils of partition // *Atlantic monthly*. — 2003. — March. — P. 99–107. URL: <http://theatlantic.com/doc/200303/hitchens/> (дата обращения: 17.07.2009).
8. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985. — 697 p.
9. *Huth P. K.* Standing your ground: territorial disputes and international conflict. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. — 288 p.
10. *Johnston R. E.* Partition as a political instrument // *Journal of international affairs*. — 1973. — № 27. — P. 159–174.
11. *Kaufmann Ch.* Possible and impossible solutions to ethnic civil wars // *International security*. — 1996. — № 20(4). — P. 136–175.
12. *Kim H., Kindermann G.-K.* New international order and future of divided nations. — Seoul: ORUEM Pub. House, 2003. — 82 p.
13. *Murphy A. B.* Partitioning as a response to cultural conflict // *Geographical perspectives*. — 1985. — № 55. — P. 53–59.
14. *Mushaben J. M.* A Search for Identity: The German Question in Atlantic Alliance Relations // *World Politics*. — 1988. — Vol 40. — № 3. — P. 395–417.
15. *O'Leary B.* Analysing partition: Definition, classification and explanation // *Political Geography*. — 2007. — № 26. — P. 886–908.
16. *O'Leary B., Lustick I., Callaghy Th.* Right-sizing the state: the politics of moving borders. — Oxford: Oxford University Press. 2001. — P. 444 p.
17. *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan. — London: Harvill Press, 1948. — 106 p.
18. *Schaeffer R. K.* Severed states: dilemmas of democracy in a divided world. — New York: Rowman & Littlefield, 1999. — 273 p.

19. *Schaeffer R. K.* Warpaths: the politics of partition. — New York: Hill and Wang, 1990. — 306 p.
 20. *Scruton R. A.* Dictionary of Political Thought. — London: Macmillan, 1984. — P. 345.
 21. *Waterman S.* Partition — a problem in political geography // Political Geography: Recent Advances and Future Direction / Taylor P. J., House J. W. — Beckenham: Croom Helm, 1984. — P. 98–116.
 22. *Waterman S.* Partitioned states // Political Geography quarterly. — 1987. — № 6(2). — P. 151–170.
 23. *Wei Y.* «Multi-System Nations», «Linkage Communities» and «Intra-National Commonwealth»: general concepts on the unification of divided states and their application to the Chinese as well as Korean cases // New Asia. — 1997. — № 4. — P. 17.
-

Александр Константинович Берёзкин

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Урегулирование этнополитических конфликтов в России и Китае (на примере Чеченской Республики и Синьцзян-Уйгурского автономного района)

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме урегулирования этнополитических конфликтов. Вооруженная стадия конфликта в Чеченской республике закончилась, однако вопрос полного урегулирования ситуации как в Чечне, так и на Северном Кавказе по-прежнему открыт. Указан международный характер данной проблемы и в качестве примера приведен опыт Китая.

Ключевые слова: политическая регионалистика, этнополитология, российская политика, этнополитические конфликты, Китай, Чечня, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Этнополитический конфликт — традиционное явление в мировой политике. Его роль особенно усилилась в последнее десятилетие XX века, и данная тенденция прослеживается по настоящее время. Распад СССР обнажил большое количество этнополитических конфликтов на территории бывших республик. Активная борьба за власть в центре в начале 90-х годов не позволяла руководству обратить пристальное внимание на происходящие события в республиках.

Слабая региональная политика центра, «парад суверенитетов», низкое

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Алексей Владимирович Федякин.**

экономическое благосостояние населения республики и вывод федеральных сил позволили режиму Дудаева мобилизовать население на восстановление «исторической справедливости» и создать сильную профессиональную армию. Остроту конфликту придавало наличие нефти на территории республики. Последовавшая война вызвала этнопсихологическое противостояние «Мы–Они» между русскими и чеченцами, а подписание Хасавюртовского соглашения привело к формированию на территории республики баз террористов и росту преступности.

После проведения контртеррористической операции, встал вопрос о постконфликтном урегулировании ситуации. Первоочередной задачей являлось восстановление прав и свобод чеченцев как полноправных граждан Российской Федерации. Этому способствовало принятие конституции Чеченской Республики 23 марта 2003 года на всенародном референдуме и ее дальнейшее приведение в соответствии с Конституцией РФ. Центром была сделана ставка на местную, лояльную ему элиту. На сегодняшний день в состав правительства республики входят только этнические чеченцы. Президент ЧР — Рамзан Кадыров — член бюро высшего совета партии «Единая Россия», выстроил эффективные отношения с федеральной властью, пользуется большим кредитом доверия у руководства страны и широкой поддержкой населения республики. На своем посту Кадыров ведет активную деятельность по консолидации народа, возвращению к мирной жизни бывших боевиков (теледебаты «Перспективы развития ЧР»), восстановлению культуры и спорта. Не менее важной являлась проблема экономического потенциала региона, который необходимо было поднимать с нуля. В 2002 и 2008 году были приняты федеральные целевые программы по восстановлению республики, а также концепция развития республики до 2020 года.

Несмотря на заметные подвижки в постконфликтном урегулировании ситуации в ЧР, остается ряд нерешенных и сложных проблем, таких как высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи или низкий уровень экономического развития. Решить их призваны развитие нефтеперерабатывающей отрасли, сельского хозяйства, социальное строительство. Важной задачей также остается восстановление полиэтничности республики и преодоление ксенофобии русских и чеченцев по отношению друг к другу. Снятие данной проблемы являлось бы важным шагом на пути к становлению единой нации, над которой работают современные идеологи. Однако, незначительный процент русских на территории ЧР, а также конфликты в Кондопоге и Ставрополе показывают, что предстоит проделать еще очень большой путь. В решении данного вопроса немаловажна роль прессы и телевидения, но на сегодняшний день официальные СМИ держат относительно его информационную блокаду. Естественно, необходимо подавить тлеющие очаги терроризма на территории Чечни и Ингушетии, а также пресечь деятельность неонацистских группировок; обращать тщательное внимание на миграционную политику.

Примечателен опыт Китая в урегулировании этнополитического кон-

фликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Данная задача является важной для руководства КНР, так как данный конфликт, представляя собой единственное слабое место во внутренней политике государства, может быть потенциально использован внешними силами для дестабилизации ситуации в стране. На протяжении всей своей истории правители Китая руководствовались китаецентристской моделью поведения в выстраивании взаимоотношений с национальными меньшинствами, подтверждением чему выступает жесткая политика ассимиляции. Данная модель поведения вызывала реакцию со стороны национальных меньшинств, так как срабатывал механизм самосохранения этноса. С момента включения территории Уйгурии в состав Китая (XVIII век) по настоящее время произошло более 400 восстаний и дважды на короткий период уйгуры добивались независимости. СУАР является самым большим и наиболее пестрым в этническом отношении регионом Китая. Остроту проблеме придает наличие большого количества полезных ископаемых на территории региона.

Китай проводит достаточно агрессивную политику ассимиляции уйгуров, заселяя СУАР ханьцами и дунганями. Наряду с ассимиляцией, центр использует репрессивную политику по отношению к членам сепаратистских и террористических организаций, действующих на территории района. Данные меры сочетаются с элементами марксистского подхода, в рамках которого правительство уважительно относится к культуре, традициям и языку уйгуров в рамках автономии, осуществляет диалог конфессий. Большую ставку центр делает на раскол между уйгурской интеллигенцией и радикальными организациями. При анализе состава правительства автономного района видно, что большинство составляют этнические уйгуры наравне с преобладающей ролью ханьцев в региональном аппарате Коммунистической партии. Сложной остается социально-экономическая ситуация в регионе: высокий уровень безработицы среди уйгурского населения дает активный приток молодежи в ряды радикальных группировок. Правительство оказывает активное влияние на поднятие экономического уровня региона, который приобретает статус нефтяной артерии Китая после строительства нефтепровода Казахстан–Китай «Атасу–Алашанькоу».

Библиография

1. Воскресенский А. Д. Этнические конфликты на Востоке. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2008. — 512 с.
2. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006. — 784 с.
3. Чечня: Белая книга. Часть 1 / Сост. Романов П. В. — М.: РИА «Новости»; Росинформцентр, 2000. — 173 с.
4. Чечня: Белая книга. Часть 2 / Сост. Романов П. В. — М.: РИА «Новости»; Росинформцентр, 2000. — 190 с.

Наталья Николаевна Емельянова

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Система самоуправления в городах современной Индии

Аннотация

В статье рассмотрены центральные аспекты и отличительные черты современной системы самоуправления в индийских городах, ее политико-правовое оформление, а также основные тенденции развития. Анализируется роль 74-й поправки к Конституции Индии, сыгравшей ключевую роль в унификации городского самоуправления. Рассматриваются количественные показатели уровня развитости системы муниципального самоуправления, а также дается авторская оценка.

Ключевые слова: индийская урбанизация, городской совет, муниципальный совет, муниципальная корпорация, 74-я поправка к Конституции Индии.

Индия представляет собой вполне успешно развивающееся демократическое государство. И система местного самоуправления, действующая на ее территории, несомненно, является одним из ключевых факторов в процессе полноценной демократизации индийского общества. По переписи 2001 г. в Индии проживало 27,8% городского населения, или 286 млн. чел., что на 68 млн. чел. больше по отношению к переписи 1991 г.² И хотя «по демографическим характеристикам Индия остается страной сельской, по экономическим признакам она стала вполне урбанизированной: 45–50% ВВП создается в городах»³, поэтому эффективная организация местного городского самоуправления является залогом не только политической стабильности в стране, но и ее экономического процветания.

Особенности индийской урбанизации напрямую коррелируют с проблемами, стоящими перед органами городского самоуправления. Среди *отличительных черт индийской урбанизации* можно выделить следующие: относительно медленные темпы роста; слабо выраженная макроцефальность, т. е. отсутствие доминирования одного центра над обширной территорией; естественный прирост как основной фактор роста городского населения в силу небольшого уровня сельской миграции в города; региональные различия в

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ **Ирина Алексеевна Василенко**.

² Statistical outline of India 2007–2008. — Mumbai: TATA services limited, Department of economics and statistics, 2008. — P. 31.

³ Индия сегодня: справочно-аналитическое издание / под ред. Шаумян Т. Л., Ванина Е. Ю., Горячевой А. М., Кашина В. П., Малярова О. В., Плешовой М. А., Рыбакова Р. Б., Юрлова Ф. Н. — М.: ИВ РАН, Ариаварта-пресс. 2005. — С. 64.

уровнях урбанизации: четкое региональное разделение на городской Юг и сельский Север; сегрегированное проживание населения по социально-кастовым признакам; высокое количество населения, проживающего в т. н. трущобах¹.

Органы индийского городского самоуправления после обретения независимости в 1947 г. вынуждены были функционировать в крайне неблагоприятных условиях. В первоначальном варианте Конституции Индии не было никакого упоминания по поводу органов городского самоуправления, кроме того, что вопросы местного самоуправления относятся к компетенции штатов. При этом «конституционный статус штата, помноженный на патерналистскую традицию управления в Индии, поставил штатовское правительство в привилегированное положение по отношению к муниципальным органам»². Мощные антидемократические тенденции стали «нормой» для системы управления индийскими городами. Это привело к высокому уровню коррупции, фракционности и неэффективности муниципальных институтов, отсутствию какой-либо правовой защищенности от бюрократического произвола, общей дезинтеграции системы. Кризисная ситуация, поставившая под угрозу существование муниципальных органов, достигла своего пика к середине 1980-х гг. И для сохранения самой идеи представительной демократии нужны были безотлагательные меры.

В итоге, 1 июня 1993 г. вступила в силу *74-я поправка* к Конституции (ст. 243P — 243ZG части IX-A Конституции), ознаменовав принципиально новый этап в развитии всей индийской муниципальной системы.

К *основным положениям поправки* можно отнести следующие: создание трех видов муниципалитетов в различных индийских городах, установление пятилетнего срока их полномочий, проведение регулярных и справедливых выборов на основе действия принципа всеобщего избирательного права, адекватное представительство в муниципалитетах наиболее незащищенных в социально-экономическом плане слоев индийского общества (Зарегистрированных каст и Зарегистрированных племен), а также женщин.

Ст. 243Q ставит в качестве обязательного условия формирование во всех индийских штатах муниципалитетов трех видов: *городских советов*, или нагар панчаятов, для т. н. переходной территории (сельско-городской — поселков городского типа); *муниципальных советов*, или нагар палика, для малой или средней городской территории; *муниципальных корпораций*, или маханагар палика, для крупной городской территории.

Обобщенные сведения по тому, каким образом функционирует современная система самоуправления в индийских городах, представлены на нижеприведенной схеме.

¹ Там же. С. 64–67.

² Плешова М. А. Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления / М. А. Плешова; Институт востоковедения. — М.: Наука; Издательская фирма Восточная литература, 1992. — С. 128.

Схема 1. Современная система городского самоуправления в Индии.

Определение *функций и полномочий*, необходимых для того, чтобы муниципалитеты могли действовать в качестве автономных единиц самоуправления, полностью относится к компетенции штатов. Однако 74-я поправка (ст. 243W) указывает на то, что полномочия муниципалитетов, переданные им законодательным собранием штата, могут охватывать, по крайней мере, вопросы следующего характера: 1) по подготовке планов социально-экономического развития; 2) по воплощению вверенных им схем; 3) по исполнению функций, перечисленных в XII приложении к Конституции. XII приложение включает в себя 18 пунктов, среди которых можно выделить городское планирование, регулирование вопросов землепользования и постройки зданий, обеспечение водоснабжения, организацию системы здравоохранения, улучшение бытовых условий в т. н. трущобах, реализацию программ по ликвидации бедности, регистрацию смертей и рождений, а также продвижение культурных, образовательных и эстетических аспектов в массы и др.

По данным на 2004–2005 гг., в современной Индии муниципальные органы сформированы и действуют на территории всех индийских штатов, к

которым применимы положения конституционной поправки¹. Общее количество муниципальных органов всех типов составляет 3013, из них муниципальные корпорации — 111, муниципальные советы — 1537 и нагар панчаяты — 1365.

Несмотря на то, что городскому самоуправлению приходится решать задачи, с которыми ему до сих пор крайне трудно справиться, деятельность современной индийской муниципальной системы, в целом, восстановлена. И произошло это благодаря унификации городского самоуправления, проведенной 74-й поправкой, которая обеспечила необходимые положения для партиципации городских жителей в решении вопросов, касающихся непосредственного политического и социально-экономического развития их территории. Наличие у современных муниципалитетов существенной поддержки со стороны государства, необходимой законодательной базы, обеспечившей для них расширенный объем ресурсов и условия для нормального функционирования, непременно должны выразиться в более успешной деятельности муниципалитетов в дальнейшем.

Библиография

1. Индия сегодня: справочно-аналитическое издание / Редакционная коллегия: Шаумян Т. Л., Ванина Е. Ю., Горячевой А. М., Кашина В. П., Малярова О. В., Плешовой М. А., Рыбакова Р. Б., Юрлова Ф. Н. — М.: РАН; Ариаварта-пресс, 2005. — 592 с.
2. Плешова М. А. Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления. — М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1992. — 191 с.
3. India: The Challenge of Urban Governance. — New Delhi: National Institute of Public Finance and Policy in collaboration with Centre for Urban and Community Studies, 1999. — 290 p.
4. Mohanty B. Municipal system in India: citizen's involvement. — New Delhi: Ashish Publishing House. 1993. — 245 p.
5. Prasad R. N. The Seventy-fourth Constitutional Amendment Act, 1992 and Urban Local Government Perspectives in Mizoram // Urban Local Self-Government in India: With Reference to North-Eastern States / Prasad R. N. — New Delhi: Mittal Pub., 2006. — P. 165–175.
6. Statistical outline of India 2007–2008. — Mumbai: TATA services limited, Department of economics and statistics, 2008. — 303 p.
7. Sivaramakrishnan K. C. Democracy in Urban India [Electronic resource] // Urban Age : [site]. URL: http://urban-age.net/10_cities/07_mumbai/_essays/india_Sivaramakrishnan.html (дата обращения: 12.07.2009).
8. The Constitution (Seventy-third Amendment) Act, 1992 [Electronic resource] // India Code. Legislative Department : Courts Informatics Division, National Informatics Centre, Ministry of Comm. and Information

¹ Сайт индийского Национального Института по вопросам городского развития/
<http://www.niua.org>

Tech : [site]. URL: <http://indiacode.nic.in/coiweb/amend/amend73.htm> (дата обращения: 12.07.2009).

9. National Institute of Urban Affairs (Индийский Нац. Институт по вопросам городского развития) : [site]. URL: <http://www.niua.org/>
-

Анна Сергеевна Заякина

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Политические аспекты маркетинга международного имиджа мегаполиса (на примере Москвы)

Аннотация

В статье дается определение понятия «имидж мегаполиса» и раскрываются основные маркетинговые механизмы построения имиджа мегаполиса в публичном пространстве на примере программы Правительства Москвы по повышению международного авторитета и формирования положительного образа российской столицы.

имидж, имидж мегаполиса, маркетинг имиджа.

Развитие информационного общества и ускорение процессов глобализации обусловили особую значимость публичного имиджа участников отношений — не только отдельных лидеров, но и властных институтов, государств, регионов, городов. Имидж становится реальным управленческим и дипломатическим ресурсом, способствующим благоприятному позиционированию его носителя в обществе, а также на региональном и международном уровнях.

В целом, «*имидж*» можно определить как относительно устойчивое эмоционально окрашенное представление (негативное или позитивное) о субъекте или объекте, имеющее характер стереотипа общественного сознания, и, как правило, являющееся продуктом целенаправленного и сознательного конструирования в информационном пространстве.

В рамках данного исследования будут рассматриваться политические аспекты конструирования имиджа мегаполиса — самой крупной формы городского расселения, образующейся в результате интеграции главного города с окружающими его поселениями, агломерациями. Определяющей черной мегаполиса является его роль своеобразного «узла» глобальной экономики, «центра притяжения» и «двигателя» развития региона.

Имидж мегаполиса — комплексная, взаимосвязанная, динамичная сис-

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Алексей Владимирович Федякин**.

тема субъективных представлений, отражающих специфику мегаполиса как многоуровневой интеграции социальных, экономических, культурных и прочих сетей единого урбанизированного пространства.

Имидж мегаполиса включает в себя множество не иерархичных слоев: имидж лидера и местных властных структур, имидж отдельных сфер жизнедеятельности, бытовой и официально позиционируемый, имидж отдельных районов. Значимой частью имиджа является и наличие исторически сложившихся стереотипов восприятия, мифов, городских легенд и прочих иррациональных компонентов.

В качестве функций имиджа мегаполиса можно отметить: социально-политическую консолидацию населения региона; международную презентацию; позиционирование мегаполиса в качестве финансового центра мировой экономики; коммуникационную; социально-психологическую утопизацию; формирование духовно-ценностной атмосферы, новых эстетических норм и др.

Прикладная функциональность и коммерческая утилитарность имиджмейкинга определили развитие маркетинга территории, рассматривающего город в качестве специфического товара, продвигаемого администрацией, потребителями полезных качеств которого выступают жители, инвесторы, предприниматели, туристы и т. д. В качестве одной из территориальных маркетинговых стратегий российский эксперт А. П. Панкрухин выделил маркетинг имиджа — обеспечение общественного признания положительного образа территории, посредством проведения коммуникационных мероприятий, улучшающих информацию и пропагандирующих ранее созданные преимущества территории.

Фактически, маркетинг имиджа мегаполиса — это управление процессом построения имиджа. Инструментами построения позитивного международного имиджа мегаполиса можно считать: создание и продвижение на уровне администрации стратегий развития позитивного имиджа, реализацию коммуникативной политики (работа со СМИ, проведение публичных мероприятий, поддержание информационных городских сайтов и т. д.), нивелирование в информационном поле политических рисков, активное межрегиональное и международное информационное сотрудничество как на институциональном, так и на межличностном уровнях и т. д.

Существенное внимание маркетинговым мероприятиям по повышению привлекательности Москвы для туристов и инвесторов уделяют и столичные власти. Одним из первых таких шагов стало принятие постановления Правительства Москвы от 22 марта 2005 года № 155-ПП «О комплексной целевой среднесрочной программе повышения международного авторитета и формирования положительного образа города Москвы на 2007–2009 годы». Основные положения этой программы связаны с активной информационно-пропагандистской работой с зарубежной и российской аудиторией. Намечено продвигать Москву как город, «благоприятный для международного сотрудничества и инвестиций», «мегаполис-пилот, успешно находящий решения са-

мых сложных городских проблем». Программа, среди прочего, прописывает следующие инструментарию построения позитивного имиджа:

- регулярный мониторинг и системное отслеживание информации о Москве, публикуемой в России и за рубежом;
- информационная поддержка собственных сайтов в Интернете, а также проведение пресс-туров, издание журналов, сборников, альбомов на иностранных языках;
- расширение партнерских связей с городами и регионами других стран, а также собственной внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности;
- развитие туристического информационного центра;
- проведение международных форумов, конференций, выставок, спортивных состязаний;
- поддержка соотечественников за рубежом;
- формирование Совета по международной информации при Мэре Москвы и Московского международного информационного центра.

В целом, положения программы Правительства Москвы разработаны в рамках маркетинга имиджа — улучшения информации о городе и пропаганде его конкурентных преимуществ как столицы и мегаполиса. Сегодня необходима планомерная и комплексная реализация в повседневной практике, как минимум, этих прописанных мер, с четко поставленными целями и ориентацией на конкретные аудитории.

Одновременно стратегия по формированию позитивного имиджа Москвы должна включать взаимосвязанные меры не только в информационной и политической сферах, но и в экономической, социальной, культурной областях. Мировые мегаполисы являются, в первую очередь, своеобразным «каркасом» глобальной экономики — привлекательными территориями для бизнеса и инноваций, что требует соответствующего уровня позиционирования и развития бизнес-инфраструктуры. Полноценное построение позитивного имиджа города не возможно и без повышения его привлекательности для жизни и работы обычного человека.

Отдельным направлением политики улучшения международного имиджа Москвы как столицы должна стать и работа по повышению авторитета и привлекательности всей страны.

Библиография

1. *Абышева Ю. Ю.* Проблема формирования имиджа города: социально-управленческий аспект : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.08. — Н. Новгород, 2005. — 173 с.
2. *Бударина О. А.* Коммуникативные технологии формирования и продвижения имиджа муниципальной власти: Политологический анализ : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Москва, 2002. — 205 с.

3. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территории. — М.: Изд-во РАГС, 2002. — 328 с.
4. *Панкрухин А. П.* Имидж Москвы: динамика и ресурсы развития [Электронный ресурс] // Кафедра менеджмента Российской академии государственной службы при Президенте РФ: [сайт]. [2004]. URL: <http://koism.rags.ru/publ/articles/29.php> (дата обращения: 20.07.2009).
5. *Перцик Е. Н.* Города мира. География мировой урбанизации. — М.: Международные отношения, 1999. — 380 с.
6. Постановление Правительства Москвы от 22.03.2005 № 155-ПП «О комплексной целевой среднесрочной программе повышения международного авторитета и формирования положительного образа города Москвы на 2007–2009 годы».

Дарья Олеговна Кислицына

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Зарубежный опыт управления северными территориями и российские реалии

Аннотация

Статья посвящена анализу северной региональной политики государства. Предшествующие модели государственного патернализма и экономической либерализации оказываются неадекватными современным реалиям. Необходимо изучение и экстраполяция позитивного зарубежного опыта управления северными территориями и переход к модели экономической координации. Сравнивается опыт РФ, США и Канады.

Ключевые слова: северная политика России, зарубежный опыт, Аляска, Канада, модель экономической координации.

Сегодня на официальном уровне отсутствует четкий механизм работы, не принято ни одной концепции, регламентирующей комплексную политику по отношению к Северу. Единственный документ, подготовленный рабочей группой Госсовета в 2004 году, — это доклад «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Севера»². По прошествии пяти

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Алексей Владимирович Федякин**.

² Доклад «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Севера» (заседание президиума Госсовета № 36 «Основные направления государственной политики в отношении северных территорий России») [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears2/2004/04/28/97302.shtml> (дата обращения: 25.06.2009).

лет со дня его выхода можно констатировать, что никаких стратегических решений не принято.

Как модель государственного патернализма, так и экономической либерализации уже не представляются адекватными. Современное состояние Севера ставит вызовы и доказывает необходимость поиска новой модели управления и взаимоотношений центра и регионов. Представляется, что изучение зарубежного опыта управления северными территориями и экстраполяция позитивных моментов на российскую почву — задача, стоящая на повестке дня.¹ Рассмотрим некоторые пары аналогий.

1. Вместо районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей — более строгая южная граница Севера. В советское время широкое распространение получила практика «приравнивания» к районам Крайнего Севера — первоначально отдельных «несеверных» предприятий, а затем и целых территорий — районов и регионов. Это позволяло распространить на рабочих и служащих «приравненных» предприятий и территорий северные льготы². Эскалация «приравнивания» постепенно привела к утрате строгости самого понятия «Север России»³.

2. Вместо районов Крайнего Севера — Север и Арктика. В штате Аляска эта проблема снята за счет того, что весь регион отнесен к Арктической зоне (Арктика>Севера). В США нет северного права, но активно развито право арктическое и таким образом найдено экономное решение проблемы соотношения Севера и Арктики.

В Канаде полярные и приполярные территории по площади существенно больше, чем в США. Разграничение Арктики и Севера существует в более мягкой и менее определенной форме (Арктика~Северу), по широтной параллели. Категория «северности» преобладает в научных исследованиях и мышлении ученых и практиков; «Арктика» — для международных проектов исследовательских, некоторых технологических решений.

3. Вместо «выкачивания» средств за счет эксплуатации природных ресурсов — отчисления в местные бюджеты. На Аляске деньги, вырученные от продажи нефти, составили 80% годового дохода штата. Другое новаторство США в том, что в 1976 г. избиратели Аляски одобрили создание Временного Фонда Аляски. В Фонд поступают 25% прибыли, полученной за использованием минеральных источников штата. Деньги расходуются на инвестиции в другие направления экономики.

В РФ ситуация противоположная: объем поступлений из северных регионов в федеральный бюджет почти в 7 раз превысил объем поступлений в

¹ Был изучен опыт двух стран: США и Канады. Выбор стран связан с рядом сходных характеристик. Все три страны (Россия, США и Канада) имеют северные территории, большую площадь, являются федерациями.

² Алексеев В. Юг Севера севером не считать // Правда Севера. — 2002. — 26 июля (№ 138). URL: <http://www.pravdasevera.ru/?id=7545/> (дата обращения: 25.06.2009).

³ Пилясов А. Н. Формирование новой роли государства на севере страны // Российский Север: стратегическое качество управления: спецкурс. — Вып. 11. — М.: Тайдекс, 2004.

эти регионы из федерального бюджета. В целом по всем субъектам Российской Федерации этот показатель почти в полтора раза ниже. 12 северных субъектов Российской Федерации из 24 являются фактическими «донорами» федерального бюджета, а Север в целом не является затратным для федерального бюджета¹.

4. Вместо неоправданно высоких налогов — продуманная налоговая политика. В налоговых доходах консолидированных бюджетов северных субъектов РФ в целом основную часть составляют налог на прибыль организаций — 37,3 % и налог на доходы физических лиц — 35,3%. В Канаде практикуются «северные» (жилищные, транспортные) вычеты из федерального подоходного налога. В Аляске не действуют ни НДС, ни индивидуальный подоходный налог, что также облегчает финансовую ситуацию населения. Таким образом, налогообложение вообще весьма лояльно к бизнесу, и в 2008 г. Аляска была поставлена на 4 место среди всех штатов по этому показателю. Аляска шла к новой модели давно. Уже 10–15 лет назад в иностранной печати появились материалы под таким аншлагом: «Аляска — самый социалистический штат Америки».²

5. Вместо районов проживания коренных малочисленных народов Севера — легитимный перечень национальных сел и соглашения по традиционным землям с аборигенными этносами и популяциями.

В Канаде и на Аляске действуют северные институты, закрепляющие отношения государства с коренными народами. Самым комплексным среди них являются соглашения федеральной/региональной власти с аборигенными этносами по поводу земель традиционного проживания, компенсационных выплат за прошлое использование этих территорий и приоритетных прав на традиционное жизнеобеспечение. Определен официальный перечень всех национальных сел для Севера Канады и для штата Аляска. Например, на Аляске достаточно большая доля коренного населения, а именно 15%³.

В Канаде и Аляске политика в отношении народов Севера формируется только на федеральном уровне, а реализуется на федеральном и отчасти региональном уровнях. Там федеральный центр традиционно является «доверителем» малочисленных народов. В России же «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» по Конституции относится к совместному ведению центра и регионов⁴. Поэтому здесь более адекватны совместные федерально-региональные институты по этому вопросу.

В Канаде на Север смотрят как на регион будущего, и с этой позиции определяется широкое долговременное отношение к нему. На Аляске офи-

¹ Официальный сайт Федерального казначейства (Казначейства России) : [сайт]. URL: <http://www.roskazna.ru/>

² Агранат Г. А. Капитализм и социализм: северный выбор // США. Экономика, политика, идеология. — 1994. — № 8. — С. 7–18.

³ US Census Bureau : [сайт]. URL: <http://factfinder.census.gov/>

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 72.

циальным девизом штата служит лозунг «На Север, в будущее». В России обоснование и пропаганда подобного мышления является совместной задачей государственных органов и научного политологического сообщества.

Екатерина Юрьевна Небольсина

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Этнополитический конфликт в Испании: история и современность

Аннотация

В статье описывается история межэтнического конфликта и националистического движения в Испании, требования противостоящих сторон. Показываются основные факторы возникновения конфликта, его первопричины а также разбирается современная ситуация в регионе. Анализируется текущее состояние дел, возможности дальнейшего развития конфликта в контексте целей противостоящих сторон, а также потенциальные пути его разрешения.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, Испания.

Тематика этнополитического конфликта в Испании, безусловно, актуальна на сегодняшний день. Это связано с тем, что данный конфликт территориально находится в самом сердце Европы, а любая попытка сепаратизма в данном регионе ставит под сомнение вопрос о европейской интеграции. Плюс к этому недавнее признание независимости Косово, события в Абхазии и Южной Осетии требует пристального изучения подобной проблематики.

Испания является ярким примером взаимодействия и противостояния двух тенденций — государственного и этнического национализмов: испанского, с одной стороны, в котором единство нации олицетворяет король, и баскского и каталанского, с другой².

Сила этнического национализма легко объяснима не только благодаря культурно-историческим факторам, но также и высоким уровнем экономического развития испанских регионов. Экономически благоприятные районы Каталонии и Страны Басков еще больше накаляют вопрос об их самоуправ-

¹ Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Юрий Ивлович Шелистов**.

² Прохоренко И. Л. Испанское национальное государство и феномен национализма // Национализм: теория и практика / Под ред. Позднякова Э. А. — М.: Институт мировой экономики и международных отношений, 1994. — С. 25.

лении.

Большинство исследователей в качестве ключевого требования баскских националистов на сегодняшний день называют «пересмотр Конституции Испании с целью включения в нее положений о признании за басками права на самоопределение»¹. Однако центральное правительство отклоняет любые обращения к пересмотру документов и поэтому «отказывается идти на какие-либо компромиссы в вопросе территориальной целостности Испании исходя из того, что в практическом плане проблема уже нашла свое решение»² в рамках действующей Конституции 1978 г. и Автономного Статута Страны Басков (*Estatuto de Autonomía del País Vasco*) 1979 г.

Национализм басков как оформленная идеология этнического движения возникает в конце XIX века как следствие интенсификации процесса промышленного развития региона и его централизации в рамках испанского государства.

С первых лет борьбы баски перешли к радикальным методам отстаивания своих национальных интересов в виде ярко выраженного сепаратизма. Так, например, Е. С. Самсонкина указывает, что среди причин, повлиявших на степень радикальности баскского национализма, «следует отметить высокую этническую гетерогенность басков. Культурно-этническое своеобразие басков по отношению к кастильской культуре было выше, чем у других национальных меньшинств Испании»³. Если кастильский и каталонский языки, несмотря на явные существующие различия, все-таки принадлежат к одной романской группе языков, то единственный в своем роде баскский язык не имеет аналогов не только в королевстве, но и во всем мире.

Идеология баскского национализма основывается на постулате о том, что баски — это нация более древняя исторически и культурно значимая по отношению к испанскому народу. Сабино Арана впервые провел резкое разграничение между Страной Басков и Испанией. Таким образом, «впервые был создан ярко выраженный образ врагов, который стал идеологической осью баскского национализма»⁴.

В эпоху режима Франко, когда межэтнический конфликт в Испании стал уже не только выражением национального, социального, но также и религиозного противостояния, произошел окончательный раскол единого националистического движения на два лагеря: традиционное, соединившее в себе практическую умеренность с сохранением ноты радикальности, и радикально-левое, ярые сторонники которого не боялись прибегнуть к жестким и крайним методам противостояния. Феномен ЭТА заключался «в совмещении и взаимодействии двух ключевых факторов — радикальной идеологии Са-

¹ См.: Самсонкина Е. С. Эволюция идеологии баскского национализма (конец XIX в. — 1975 г.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. — М., 2007. — 26 с.

² Цит. соч.

³ Цит. соч.

⁴ Самсонкина Е. С. Учение Сабино Араны и зарождение баскского национализма // Вестник МГУ. Сер. 8. История. — 2006. — № 2. — С. 29.

бино Араны и франкистской системы»¹.

Из существующих проблем в регионе осталось три нерешенных вопроса: сотрудничество с испанскими силами; одиночная борьба или в союзе с другими движениями; автономия или независимость.

Установление в Испании демократического политического режима дополнительно усугубило проблему баскского сепаратизма. Так, в 2008 году парламент Страны Басков проголосовал за наделение нынешней автономии статусом «свободно присоединившегося» к Испании государства. Аналитики замечают, что «хотя план и не предусматривает выхода Страны Басков из состава Испании, его реализация приближает испанскую автономию к независимости»².

Помимо этого отмечается «возможность получения Страной Басков независимости действительно стала реальной в рамках нынешней объединенной Европы. Создание Европейского Союза поставило под сомнение прежний суверенитет многонациональных государств над своей территорией. Поэтому национальные меньшинства Европы все более настойчиво требуют создания собственных государств в составе единого ЕС».

Проблема межэтнических конфликтов, к сожалению, становится все более и более популярной в мировом политическом процессе. Такого рода конфликты ставят под угрозу стабильность и суверенность границ не только стран «третьего мира», часто упоминаемых как «неудавшиеся государства» (failed states), но и развитых, благополучных во всех смыслах членов Евросоюза. Пристальное исследование истории Европы дает понять, что этнический сепаратизм, подогреваемый разными факторами, является одной из европейских политических традиций.

На данный момент в рамках баскского националистического движения и благодаря длительной его истории образовалось несколько течений, которые, с одной стороны, имеют общие элементы в культурно-этнической сфере, а также в некоторых пунктах идеологии, а с другой — различаются своими представлениями о национальных интересах и методах борьбы. «Сложность разрешения межэтнического конфликта заключается в отсутствии единства внутри баскского националистического движения»³. Несмотря на существующие факторы, сдерживающие сепаратистские настроения в Испании, такие как: «современные общеевропейские процессы интеграции и существенное размывание культурно-этнических основ басков в связи с волнами иммиграции из других испанских областей, все же национализм в раз-

¹ Хенкин С. М. Националистический терроризм: ЭТА в Испании // Европа и США перед вызовом терроризма / Под. ред. Субботина А. К. — М.: РАН, ИНИОН, 2003. — С. 45.

² Крылов А. Б. Единство террора. Баски и исламисты находят общий язык [Электронный ресурс] // Интернет журнал «Новая политика». URL: <http://novopol.ru/text/1377.html> (дата обращения: 01.11.2009).

³ См.: Самсонкина Е. С. Эволюция идеологии баскского национализма (конец XIX в. — 1975 г.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. — М., 2007. — 26 с.

личных его проявлениях является доминирующей силой в Стране Басков»¹.

Существующие противоречия, распри и конфликты между периферией и центром, между титульной нацией и национальными меньшинствами являются неотъемлемой частью политической жизни любой страны. И главная цель, очевидно, заключается не в устранении этих противоречий, а, хотя бы, в создании реальных условий для того, чтобы они, по мере возможности, не перерастали в острые или затяжные конфликты.

Майя Андреевна Незина

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²

Сепаратизм в Китае: проблемы и перспективы преодоления

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема сепаратизма в современном Китае, конкретно, ситуация в Тибетском автономном районе.

Ключевые слова: сепаратизм, Китай, Тибет, независимость, автономия.

В современном мире стабильность обстановки и безопасность государства все больше определяется внутренними, а не внешними факторами. При этом, в спектре внутренних угроз феномен сепаратизма регионов стоит по значимости на одном из первых мест. Действительно, «отсутствие единой концепции национально-государственного устройства, отвечающей современным требованиям правового и национального строительства, дисбаланс в разграничении полномочий и компетенций между центральным и региональным руководством приводят к конфликтным ситуациям во всей системе государственного управления, делая реальной угрозой сепаратизма»³. Сепаратизм — «стремление к отделению, обособлению, сецессии; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или же за предоставление части страны автономии»⁴. Проблема сепаратизма является актуальной, поскольку, обладая богатым историческим опытом, многообразием проявления и широким диапазоном средств, сепаратистские тенденции в условиях глобализации изменились как качественно, так и ко-

¹ Цит. соч.

² Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ **Алексей Владимирович Федякин**.

³ Порошкина Ю. О. Правовой сепаратизм регионов как угроза национальной безопасности Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 05.26.02. — Москва, 2000. — 229 с.

⁴ См.: Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. Сухарева А. Я. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 858 с.

личественно, за последние десять лет приняв массовые формы.

Конкретно проблема независимости Тибета возникла около полувека назад, и сегодня она является одной из наиболее важных тем для обсуждения мирового сообщества. Интерес объясняется тем, что, во-первых, на данный момент чрезвычайно актуальны вопросы национального и этнического самоопределения в рамках отдельно взятого государства (этому посвящен целый сектор деятельности международных организаций и многочисленные конференции). Во-вторых, проблемы взаимоотношений, носящих религиозный и этнокультурный характер, всегда стояли наиболее остро и труднее, чем все остальные, поддавались урегулированию и разрешению; этим вызван живой интерес мирового сообщества к проблеме Тибета. И, в-третьих, выбранный регион является пограничным, находится между двумя крупными и стремительно развивающимися мировыми державами — Индией и Китаем, вследствие чего обладает важным стратегическим значением и привлекательностью в качестве объекта политического, экономического и территориального интереса.

Между официальным Пекином и духовным лидером Тибета Далай-Ламой, которого в КНР обвиняют в сепаратизме и расколничестве, идет острая политическая борьба. Ключевой вопрос состоит в том, какой должна быть политика центральных властей по отношению к данному региону. Несколько раз возникал вопрос о переговорах относительно статуса Тибета между Далай-Ламой и руководителями КНР¹. Представляется, что политика Пекина по отношению к Тибетскому автономному району должна быть более лояльной. Следует отойти от преимущественно силовых методов борьбы, поскольку это, прежде всего, изнутри подрывает целостность и внутреннюю стабильность китайского государства, что крайне невыгодно для него, как актора, стремящегося занять лидирующие позиции на международной арене. Политика борьбы с сепаратизмом должна стать действенным инструментом, как защиты национальной безопасности страны, так и активного воздействия на сопредельные страны во имя реализации тех или иных интересов государства.

Изначально проблема имела религиозный оттенок. Один из упреков Далай-Ламы в адрес китайского правительства заключается в том, что Китай уничтожил тибетскую культуру. Что касается лидеров Тибета, то их сепаратистские устремления сводятся к тому, чтобы сделать Тибет как можно более (в идеале — абсолютно) автономным по отношению к Китаю. Речь идет не столько о собственном государственном образовании, сколько о наделении региона независимостью во всех смыслах этого слова. Сегодня Тибетский автономный район в Китае занимает меньше половины всего исторического Тибета, а население ТАР составляет всего лишь одну треть от населе-

¹ Проблема Тибета [Электронный ресурс]. URL: <http://conflictologist.narod.ru/tibet.html> (дата обращения: 01.11.2009).

ния исторического Тибета¹. Таким образом, одним из основных является вопрос о статусе Тибета, так называемая проблема «Великого Тибета», выдвинутая Далай-Ламой. Она заключается в том, должна ли и далее существовать нынешняя национальная районная автономия или следует создать «Великий Тибет», где будет единственная нация, единственная религия и единственная культура. Примечательно, что сами тибетцы приветствуют возвращение Далай-Ламы и одновременно хотят пользоваться благами экономического процветания, которое несет им центральное правительство страны.

Руководство КНР уяснило, что для обеспечения долгосрочной стабильности в Тибете нужно вести борьбу за расположение местного населения, искать понимание между китайцами и тибетцами, и в то же время убедить весь остальной мир, что Тибет — это неотъемлемая часть Китая. В области национальной политики Китаю необходимо, уважая принципы равноправия народов и регионов, законодательно закрепить статус ханьцев в качестве основной государствообразующей нации — с признанием государствообразующего статуса за другими народами. «Признав важность создания благоприятных условий для сохранения целостности и жизнеспособности китайского государства, обеспечив реализацию этих целей мерами законодательного и социально-экономического характера, необходимо одновременно гарантировать обеспечение тех же самых условий и равноправия для всех народов во всех областях жизни»².

Тибетский сепаратизм в Китае — одно из ярких проявлений феномена сепаратизма на мировой арене. Обладая собственными специфическими чертами, такими как сравнительная молодость конфликта, стратегическая значимость региона и важность культурной составляющей, конфликт вместе с тем полностью укладывается в заданные мировой практикой рамки. Это означает, что разрешить его удастся только с использованием и обобщением исторического опыта борьбы с сепаратизмом, необходимой готовностью пойти на компромисс и применением разнообразных, а не только силовых методов, с активным развитием международного сотрудничества. Развитие подобных практик должно стать одним из ведущих направлений политики государств на ближайшую перспективу.

Библиография

1. Бирюков С. В. Сепаратизм: идейные истоки, современное состояние, пути преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059027360> (дата обращения: 01.11.2009).
2. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. Сухарева А. Я. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 858 с.

¹ См.: Китай, Тибет, олимпиада. Ваше мнение? [Электронный ресурс]. URL: <http://odintovo.info/news/?id=16151> (дата обращения: 01.11.2009).

² Бирюков С. В. Сепаратизм: идейные истоки, современное состояние, пути преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://centrasia.ru/newsA.php?st=1059027360> (дата обращения: 01.11.2009).

3. Китай, Тибет, олимпиада. Ваше мнение? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odintsovo.info/news/?id=16151> (дата обращения: 01.11.2009).
 4. Порошкина Ю. О. Правовой сепаратизм регионов как угроза национальной безопасности Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 05.26.02. — Москва, 2000. — 229 с.
 5. Проблема Тибета [Электронный ресурс]. URL: <http://conflictologist.narod.ru/tibet.html> (дата обращения: 01.11.2009).
-

Дарья Вячеславовна Скрипниченко

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Совершенствование системы федеральных округов в контексте российской региональной политики

Аннотация

Необходимость совершенствования системы федеральных округов в РФ определяется усложнением задач российской региональной политики, связанной с регулированием политических и социально-экономических процессов. В деятельности системы федеральных округов в РФ может быть выделен ряд этапов, каждый из которых имеет свои особенности.

Ключевые слова: федеральные округа РФ, региональная политика, этапы деятельности системы федеральных округов.

Согласно Указу Президента № 1149 от 21.06.2000 на территории Российской Федерации образовалось семь федеральных округов (далее — ФО): Центральный ФО (центр — Москва), Северо-западный ФО (центр — Санкт-Петербург); Приволжский ФО (центр — Нижний Новгород); Северокавказский ФО (в последствии переименованный в Южный, центр — Ростов-на-Дону); Уральский ФО (центр — Екатеринбург); Сибирский ФО (центр — Новосибирск) и Дальневосточный ФО (центр — Хабаровск). Главой Федерального округа является полномочный представитель Президента. Институт ФО был и остаётся важным инструментом проведения региональной политики. На протяжении последующих восьми лет система федеральных округов корректировалась и совершенствовалась согласно решениям имеющихся задач управления регионами с позиции федерального центра².

Работу института федеральных округов можно разделить на несколько этапов, которые определяются задачами, возникающими в сфере проведения

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Галина Станиславовна Александрова**.

² См. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006. — 784 с.

региональной политики. Лейтмотивом через все этапы проходит укрепление вертикали власти посредством федеральных округов.

Основная задача первого этапа состояла в том, что система ФО должна была стать одним из основных инструментов проведения региональной политики, а также способствовать укреплению законодательства и вертикали власти. На данном этапе деятельности (с 2000 по 2005 год) можно выделить следующие особенности: во-первых, система федеральных округов утвердилась в российской федеративной модели, а в лице своих представителей федеральный центр получил более широкие возможности управления на региональном уровне; во-вторых, в течение этих лет был сформирован управленческий аппарат федеральных округов, соответствующий изменяющимся задачам региональной политики. Для их решения в структуре управления ФО возникли Совет при полпредах в ФО, должность начальника Главного управления Министерства внутренних дел РФ по ФО (кроме ЮФО) и др.

Следующий этап функционирования системы ФО (2005–2008 гг.) связан, прежде всего, с укреплением вертикали власти, поскольку система ФО подготовила условия для отмены выборов глав субъектов РФ. Точкой отсчета для этого периода является вступление в силу Федерального закона № 159 от 11 декабря 2004 года, согласно которому были отменены всенародные выборы губернаторов. Законодательно была определена новая функция ФО, которая позволила четко определить своё место институту ФО в отношениях между федеральным центром и регионами¹. Система ФО заняла промежуточное положение между регионами и федеральным центром в вопросе назначения глав субъектов РФ.

В этот период более чётко сформировались и функции ФО, позволяющие решать первостепенные задачи региональной политики (такие как регулирование региональных процессов, смена губернаторов в случае невыполнения заданных полномочий, контроль над исполнением федерального законодательства и задач федерального центра).

Современный этап деятельности системы ФО связан, главным образом, со сложной политической и социально-экономической обстановкой на территории Южного ФО. Решение данных проблем в регионе позволит укрепить систему ФО в целом.

Функционирующая на протяжении девяти лет система ФО способствовала нормализации взаимоотношений между центром и регионами, а также укреплению в них верховенства федерального центра. Система ФО позволила решить целый ряд задач региональной политики: устранение несоответствий в региональных законодательствах, укрепление вертикали власти, стабилизация ситуации в некоторых регионах.

¹ См. Указ Президента РФ от 24.03.2005 № 337 «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах» и Указ Президента РФ от 23.07.2001 № 904 «О начальниках главных управлений министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам».

Библиография

1. *Алаев Э. Б.* Федеральные округа — новация в территориальном статусе России // *Федерализм*. — 2000. — № 4. — С. 169–182.
 2. *Туровский Р. Ф.* Федеральные округа: политико-географический подход. — *Федерализм*. — 2003. — № 1. — С. 217–250.
 3. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика. — М.: Государственный университет — ВШЭ, 2006. — 784 с.
 4. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 19.06.2004) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (принят ГД ФС РФ 22.09.1999).
 5. Указ Президента РФ от 21.06.2000 № 1149 (ред. от 25.07.2006) «Вопросы обеспечения деятельности аппаратов полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральных округах».
 6. Указ Президента РФ от 23.07.2001 № 904 «О начальниках главных управлений министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам».
 7. Указ Президента РФ от 24.03.2005 № 337 «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах».
-

Андрей Михайлович Сузи

Студент факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Сетевая организация политического интернет-пространства региона (на примере Республики Карелия)

Аннотация

В статье рассматривается методология и методика изучения политического интернет-пространства региона с точки зрения его сетевой организации. В качестве примера анализируется интернет-пространство Республики Карелия.

Ключевые слова: интернет, сайт, политическое интернет-пространство, сетевая организация.

В последнее время всё большее значение получает информационная сфера жизни общества, всё теснее переплетаясь с другими сферами, в том числе политической. Информация становится одним из важнейших ресурсов в экономике, политике, обеспечении национальной безопасности.

¹ Научный руководитель: кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ **Татьяна Мисаковна Рыскова**.

Центральное место в информационной сфере занимает Интернет. Всемирная паутина (Веб) объединяет возможности информационного взаимодействия всех существующих информационных и коммуникационных средств и даже превосходит их и, таким образом, способна их заменить. «Интернет — это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе»¹. Некоторые исследователи называют сайты политического содержания принципиально новым и даже революционным способом публичной коммуникации субъектов политики².

Интернет представляет собой информационно-коммуникационное пространство, среду общения. При этом пользователь может относительно свободно перемещаться по этому пространству, переходя по гипертекстовым ссылкам. Гиперссылка — это элемент веб-документа, указывающий на другой веб-документ. Гиперссылки обеспечивают единство Веба, делают его сетью. Без них он представлял бы собой бессвязный набор веб-страниц.

Политическое интернет-пространство в данной работе понимается как совокупность сайтов политических организаций и отдельных политиков, а также связей между этими сайтами.

При исследовании политического интернет-пространства основное внимание обычно уделяется анализу отдельных сайтов, связи же чаще всего остаются в стороне. Между тем именно гипертекстовые связи формируют сетевую организацию интернет-пространства, что влияет на посещение пользователем тех или иных сайтов. Именно восприятие их совокупности и может создавать определённый образ политической системы региона.

Сайт отражает сознание того, кто определяет содержание этого сайта, то есть политика или политической организации (коллективное сознание). Ссылки же на другие сайты могут отражать отношения между политическими акторами, а сетевая организация интернет-пространства — свойства политической системы региона.

Ссылки хорошо поддаются измерению: можно посчитать как их количество, так и «расстояние» между сайтами — количество переходов по гиперссылкам, требуемое для перехода с одного сайта на другой³.

Для изучения сетевой организации интернет-пространства целесообразно выделить точку отсчёта, которую можно назвать центром пространства. Выявив центр, мы можем измерить удалённость всех сайтов от него.

В карельском политическом интернет-пространстве можно с уверенностью назвать центром республиканский портал органов государственной

¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 15.

² Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — М.: Издательство Михайлова, 2001. — С. 72.

³ Перфильев Ю. Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. — М.: Гардарики, 2003. — С. 40.

власти¹. Он связывает воедино почти всё пространство. Большая часть сайтов равноудалена от него. Однако существуют два ресурса республиканских министерств, которые не связаны с остальными сайтами, даже с центральным, и, таким образом, выключены из общей сети. Внутри пространства также стоит отметить небольшое количество исходящих не из центра ссылок, значительная часть из которых направлена обратно в центр. Ссылки между периферийными сайтами практически отсутствуют. Несколько сайтов вообще не ссылаются на другие. Таким образом политическое интернет-пространство Карелии одновременно централизовано и недостаточно организовано. Это отражает такие черты политической системы Карелии, как авторитарность главы республики С. Катанандова и низкую самостоятельную активность большинства других акторов. Кроме того, недостаточная организация интернет-пространства затрудняет его восприятие пользователем, снижая возможность перемещения между сайтами.

Интересен анализ ссылок партийных сайтов². Сайт регионального отделения «Единой России» имеет значительное число ссылок на сайты как региональных, так и федеральных властных структур, что отражает положение партии власти. Сайт КППФ связан с сайтами других региональных отделений партии и с федеральными «красными» ресурсами при отсутствии ссылок на органы власти, что представляет КППФ как оппозиционную партию с сильной межрегиональной интеграцией. Сайт отделения «Справедливой России» показывает его очень замкнутым: ссылка есть только на федеральный сайт.

Ещё несколько республиканских сайтов ссылаются только на федеральные сайты и сайты других регионов. Совокупности таких внешних связей интернет-пространства также интересны для изучения. Основным параметром данной совокупности является количество отдельных связей, составляющих её. Карельское политическое интернет-пространство намного сильнее связано с федеральным, чем с другими региональными интернет-пространствами. Более того, если с сайтами других регионов связаны второстепенные и периферийные сайты, то ссылки на федеральные ресурсы имеет большинство сайтов. При этом количество обратных ссылок значительно ниже. Это отражает большую значимость федерального Центра для регионального политического процесса и сравнительно невысокую значимость региона для российского политического процесса.

Гипертекстовым ссылкам не всегда уделяется достаточно внимания. Тем не менее, они влияют как на процесс восприятия отдельных сайтов и всей их совокупности, так и на формирующиеся в результате образы поли-

¹ Карелия официальная. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия : [сайт]. URL: <http://gov.karelia.ru/>

² См. Карельское региональное отделение Всероссийской политической Партии «Единая Россия» : [сайт]. URL: <http://edin.onego.ru/>; Политическая партия «Справедливая Россия». Карельское региональное отделение : [сайт]. URL: <http://karelia.spravedlivo.ru/>; Карельское республиканское отделение КППФ : [сайт]. URL: <http://www.kprf-10.narod.ru>.

тических акторов и политической системы. Поэтому они должны анализироваться наравне с другим контентом.

Библиография

1. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. — М.: Издательство Михайлова, 2001. — 253 с.
 2. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
 3. *Лосенков О. И.* Политические партии современной России в политическом пространстве Рунета / Лосенков О. И., Рябцева Е. Е. — Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. — 135 с.
 4. *Перфильев Ю. Ю.* Российское интернет-пространство: развитие и структура. — М.: Гардарики, 2003. — 272 с.
 5. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / Пер. с англ. Арапова М. В., Малыхиной Н. В. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
 6. *Филлипов В. А.* Интернет и семантический WEB. — М.: ЛЕНАНД, 2007. — 104 с.
-

Лия Рафаэлевна Хайбуллина

Студентка философского факультета Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина¹

Влияние СМК на формирование политического сознания студенческой молодежи Республики Татарстан

Аннотация

Политическое сознание раскрывает особенности субъективности проявлений политической системы и выполняет ряд значимых общественно-политических функций. Политическое сознание молодого человека, на данный момент учащегося в ВУЗе, очень сложно и многомерно. Среди новых каналов социализации молодежи наибольшее значение приобретают СМК.

Ключевые слова: политическое сознание, молодежь, СМК, политическая социализация, аполитичность, институты.

Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, проходящая стадию социализации, усваивающая общеобразовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемая обществом к усвоению и выполнению социальных

¹ Научный руководитель: доктор экономических наук, заведующая кафедрой прикладной политологии Казанского государственного университета, профессор **Морозова Галина Викторовна**.

ролей взрослого.

В формировании политического сознания молодежи участвуют институциональные и латентные механизмы. С одной стороны, политическое сознание формируется вследствие целенаправленного воспитания и обучения, что приводит к усвоению знаний, норм, требований, представлений и идеалов. С другой — является результатом социально-политических условий, отражает особенности положения молодежи в этих условиях и реальные политические отношения в обществе, которые часто приобретают противоречивый характер¹.

Противоречивость политического сознания молодежи связана с состоянием самой общественно-политической системы, изменением механизмов социализации, которые повлияли на процесс вовлечения молодых людей в политическую сферу (создание молодежных организаций, молодежных секций в рамках основных политических партий и др.) и размытостью социальных позиций молодых людей и их отражением как традиционных оснований идентификации.

Механизм формирования политического сознания молодежи позволяет ей ориентироваться в политической жизни общества, включает в себя коммуникационное поле, обучение, аккультурацию, а также иногда выступает как скрытый процесс политизации человеческих чувств и представлений. Функционирование данного механизма в России представляет смешанный тип — соединение прежнего советского и современного конфликтного. Отличительная черта политической социализации молодежи состоит в проекции всех социально значимых изменений на сферу политики. Факторы, которые определяют процесс формирования политического сознания молодежи, представляют собой совокупность политических, социально-культурных, экономических традиций и психологических качеств субъекта политики.

Одним из институтов, реально влияющих на формирование политических установок молодого поколения, являются средства массовой коммуникации (СМК): пресса, радио, телевидение, кино, видеозапись, компьютерные сети.

Исследование проводилось на базе 5 ВУЗов Республики Татарстан². Выборочная совокупность составила 500 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

Среди показателей потребления студентами РТ продукции СМИ, на первом месте по количеству времени стоит телевидение (58%), на втором — радио (23,3%). Интернетом часто пользуются 14% респондентов. Примеча-

¹ Сорокин О. В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. — 2007. — № 8. — С. 48–53.

² Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, Нижнекамский филиал Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева, Набережночелнинский государственный педагогический институт, Зеленодольский филиал Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Казанский государственный энергетический университет.

тельный факт — печатную прессу молодое поколение не выделяет в качестве основного источника информации (4,7%).

Основной вопрос связан с тем, как сами студенты могут оценить: часто ли возникает в их жизни ситуация, когда представления о том или ином политическом событии, о той или иной проблеме, формируются у них только благодаря информации СМИ. 76% респондентов на этот вопрос ответили «да»; «нет» ответили 14%; затрудняются с ответом 10%. Таким образом, среди тех, кто доверяет СМИ и считает их главным источником информации — 49,3% опрошенных студентов. Но это не касается прессы.

Таким образом, СМИ держат молодежь в курсе всех происходящих событий в мире, утоляя таким образом «информационный голод», повышают политическую культуру, служат для взаимного информирования властей и населения, снимают социальную напряженность.

Проведенное эмпирическое исследование роли СМК в формировании политического сознания студенчества РТ позволило определить масштаб воздействия этого канала социализации.

Во-первых, влияние СМК на политическое сознание студенческой молодежи имеет «кумулятивный» характер. Он больше тогда, когда направленное информационное воздействие в СМИ является устойчивым и долгосрочным. Восприятие того или иного политического персонажа или события определяется всей суммой ранее воспринятой и усвоенной информации.

Во-вторых, влияние СМК на политическое сознание студенчества РТ имеет многоканальный характер. Молодежь подвержена воздействию всего информационного поля, а не только одного конкретного СМИ. И чем более согласованными оказываются сообщения, получаемые молодым человеком из различных источников, тем большего эффекта достигает источник массовой информации.

В-третьих, в предвыборной ситуации, когда от молодежи требуется принятие определенного политического решения, он чаще обращается к различным источникам политической информации, и в большей степени становится открытым для информационного воздействия.

В-четвертых, среди различных социально-демографических групп более чувствительными к информационному воздействию оказались представители мужского пола, лица самого молодого возраста, коренные жители г. Казани.

При всех различиях внутри исследуемой возрастной группы модель повышенной информационной чувствительности является распространенной среди молодых людей, и влияние СМК достаточно велико, хотя неготовность значимой части студенчества к восприятию политической информации в силу своей политической необразованности и «особой» подачи информации различными СМИ очевидна.

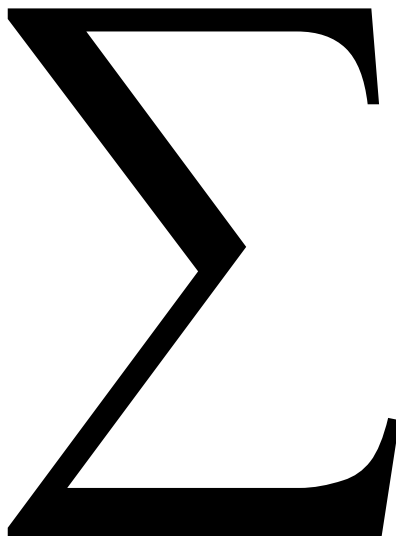
Большой интерес студенчества к политической информации говорит о необходимости более активного информирования молодежи. В данном случае необходимо построение четкой структуры СМК, объективном освеще-

нии политических событий. Это позволит преодолеть проблему аполитичности молодого поколения и сформировать систему политических ценностей, основанных на своих взглядах и убеждениях, а не на диктате официальной идеологии властей.

Библиография

1. *Зубок Ю. А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. — М.: Мысль, 2007. — 285 с.
2. *Ольшанский Д. В.* Психология масс. — СПб: Питер, 2002. — 363 с.
3. *Сорокин О. В.* Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // *Власть.* — 2007. — № 8. — С. 48–53.
4. *Суровова О. В.* Политическая социализация молодежи в современной России. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. — 169 с.
5. *Чупров В. И.* Молодежь в обществе риска. — М.: Мысль, 2007. — 288 с

**Математические методы
политического анализа
и прогнозирования**

Математические методы уже давно заняли прочное место в зарубежной политической науке. По ряду оценок, из общественных наук политология уступает по масштабам применения количественных моделей только экономике. При этом используется широкий спектр математических подходов: теория случайных процессов, дифференциальное исчисление, теория игр, и, разумеется, весь арсенал методов математической статистики — от описательных до многомерных.

В российской политической науке использование количественных моделей пока еще носит эпизодический характер, однако общий тренд в сторону усиления математизации явно просматривается. Так, весной 2009 года в рамках Всероссийской научной конференции «Политическая наука и политологическое образование в России» была проведена секция «Математические методы в политической науке». В мероприятиях такого масштаба это произошло впервые. Да и сам факт появления в сборниках серии «SCHOLA» раздела «Математические методы политического анализа и прогнозирования» (пусть и небольшого по числу публикаций), — свидетельство роста интереса к количественным подходам к решению исследовательских задач в политологии.

Следует отметить, что практически все публикуемые ниже работы так или иначе связаны с анализом политических *процессов*. Непосредственно этой проблеме посвящена статья П. Александрова и А. Ахременко; в работе Е. Галкиной общественно политическая конкуренция рассматривается как процесс; в статье М. Шкапиной также сделан акцент на динамических моделях. С математической точки зрения в качестве исследовательского инструмента выбраны линейные (в статье П. Александрова и А. Ахременко) и нелинейные (модель Лотки-Вольтерры в статье Е. Галкиной) системы дифференциальных уравнений. Системно-динамическое моделирование, о котором пишет М. Шкапина, также опирается на такой математический аппарат. При этом в западной политической науке такому подходу уделяется, на наш взгляд, неоправданно мало внимания. Представляется, что именно в этой области российские политологи, использующие количественные методы исследования, могли бы сформировать сильную научную школу, конкурентоспособную на мировом уровне.

Андрей Сергеевич Ахременко, доктор политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Павел Николаевич Александров

Доктор физико-математических наук, профессор, факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Андрей Сергеевич Ахременко

Доктор политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Динамическое моделирование политических процессов с использованием систем линейных дифференциальных уравнений

Аннотация

В работе представлен авторский подход к построению моделей политических процессов с использованием систем дифференциальных уравнений. Излагаются основные принципы методологии, разбираются конкретные примеры её применения, прогнозный потенциал, ограничения на использование, а также возможные интерпретации результатов решения для построенных на этих основах математических моделей (в том числе и в случаях расхождения прогнозируемых значений с реальными данными).

Ключевые слова: моделирование политических процессов, дифференциальные уравнения, политическая динамика, количественный анализ.

Одной из характерных черт современного мира является наличие огромного объема численной информации, характеризующей широкий спектр политических процессов, которая аккумулируется в различных государственных и негосударственных, национальных и международных организациях. Каждая страна имеет соответствующую статистическую службу, в которой содержатся численные данные практически по всем направлениям деятельности государства. Политологические исследовательские центры аккумулируют различные базы данных контент-анализа, ивент-анализа и т. д. Эти данные собраны за многие предыдущие годы и постоянно пополняются с течением времени, что позволяет рассматривать их с позиций изучения динамики политических процессов. Анализ таких количественных данных в большом объеме невозможен без привлечения математических методов. Он требует разработки специальной методологии применения математических моделей в анализе общественных процессов, формулировки соответствующих математических задач с целью выявления закономерностей и прогноза развития политических и государственно-правовых процессов. Современное состояние компьютерной техники и ее постоянное совершенствование позволяет решать чрезвычайно сложные математические задачи за счет огром-

ных и постоянно растущих вычислительных возможностей. Стремительно совершенствуется и программное обеспечение, в том числе и в плане адаптации к потребностям тех ученых, которые не обладают фундаментальной математической подготовкой.

Хотя в данной работе эмпирической основой моделирования являются статистические данные, методологический подход авторов базируется на *нестатистической, детерминистской парадигме*¹. Рассмотрим для начала простой «статический» пример, иллюстрирующий данный подход, — модель действия закона о выборах в рамках пропорциональной электоральной формулы.

Введем вектор результата голосования $X = \begin{pmatrix} x_1 \\ x_2 \\ \dots \\ x_n \end{pmatrix}$, элементами которого

являются проценты голосов, отданных партиям, процент голосов против всех, процент не принявших участие в голосовании. Сумма элементов этого вектора равна ~100% (предполагается, что количество испорченных бюллетеней незначительно). Далее, введем вектор результатов выборов $Y = \begin{pmatrix} y_1 \\ y_2 \\ \dots \\ y_n \end{pmatrix}$,

каждый элемент которого — доля депутатских мандатов, полученный политической партией.

Математической моделью, отражающей связь результатов голосования и результатов выборов, является система уравнений

$$Y = AX, \quad (1)$$

где матрица $A = \{a_{ij}\}$, $i=1, n$, $j=1, n$ — определяет реальный механизм действия закона о выборах и является искомой величиной. Эта матрица в идеале должна быть единичной $A=[1]$. Т. е. $y_i = x_i$, $i=1, n$. Иначе говоря, идеальная пропорциональная формула не вносит искажений в результаты выборов. Однако *матрица реальной политики*, отражающая фактическое действие закона о выборах, будет существенно отличаться от единичной, внося существенные искажения в пропорциональность перевода голосов избирателей в депутатские мандаты. Математический анализ такой реальной матрицы позволяет установить конкретный характер данных искажений, определить партии, получающие политические предпочтения от действия избирательного законодательства.

¹ Подробнее см.: Ахременко А. С. Количественный анализ политической динамики: статистический и детерминистический подходы // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 2009. — № 4. — С. 3–17.

Перейдем к рассмотрению предлагаемой авторами методологии математического моделирования политических процессов с использованием дифференциальных уравнений. Прежде всего, *под политическим процессом мы будем понимать здесь любой процесс, который можно рассматривать с политических позиций*. Например, динамика изменения доходной и расходной частей государственного бюджета может быть рассмотрена как политический процесс постольку, поскольку отражает властное распределение ресурсов и благ для общества.

В основу методологии количественного анализа политических процессов нами положены следующие основные принципы:

1. Время t — единственная независимая переменная в математических моделях политического процесса. В общем случае, математические модели политического процесса — это функции (скалярные, векторные и матричные) времени — $F(t)$, и являются функциями только одной переменной. Переход от табличного (или графического) представления к аналитическому виду функции позволяет решать задачи выявления закономерностей развития отдельных политических процессов. Методы перехода от таблично заданных функций к их аналитическому описанию хорошо разработаны в современной математике.

2. Нахождение и определение *взаимосвязей между функциями*, описывающими отдельные политические процессы, позволяет определять закономерности в их развитии. Необходимо рассматривать взаимовлияния в совокупности процессов, а не отдельные процессы изолированно друг от друга. Основная задача этой части методологии состоит в определении *линейных связей между функциями* для формирования полной математической модели развития политических процессов.

3. Сложный процесс можно рассматривать как совокупность простых (линейных) процессов. Для построения линейных моделей (прежде всего, систем линейных дифференциальных уравнений) необходимо определить, во-первых, между какими процессами существует однозначная взаимосвязь. Во-вторых, следует установить интервал времени, в котором взаимосвязь процессов может быть описана набором констант. Именно *такие константы¹ и будут отражать реальный политический курс, реализуемый на протяжении определенного периода времени*. Более того, резкое ухудшение качества линейной модели с постоянными коэффициентами после включения в нее данных из другого временного периода *и есть свидетельство изменения политического курса*.

Рассмотрим данный подход на конкретном примере. Пусть объектом нашего исследования является бюджет Российской Федерации, состоящий из двух главных составляющих — доходной и расходной частей. Данные по

¹ В принципе, параметры связи между процессами вполне могут рассматриваться и как функции времени. Однако такой подход порождает существенные усложнения математического аппарата, и мы не будем его здесь рассматривать.

каждой из частей представляют собой ряды динамики (функции времени). В соответствии с указанными выше установками, мы сосредоточим внимание на отыскании линейных связей между доходами (D) и расходами (P) бюджета. Математическая модель имеет вид:

$$\begin{aligned} D(t + \Delta t) &= b_{11}D(t) + b_{12}P(t) \\ P(t + \Delta t) &= b_{21}D(t) + b_{22}P(t) \end{aligned} \quad (2)$$

Смысл коэффициентов системы уравнений следующий:

b_{11} — доходы в предыдущий момент времени $D(t)$ будут влиять на доходы в следующий момент времени $D(t + \Delta t)$ (как прибыль увеличивается за счет эффективного управления или наоборот);

b_{12} — расходы в предыдущий момент времени влияют на доходы в следующий момент времени (например, доходы от инвестиций);

b_{21} — доходы в предыдущий момент времени порождают расходы в следующий момент времени (выплаты зарплат государственным служащим, пенсий и т. д.);

b_{22} — расходы в предыдущий момент времени влияют на расходы в следующий момент времени (например, расходы на создание новой сети государственных учреждений здравоохранения порождают расходы на их дальнейшее содержание).

Представим систему уравнений (2) в виде:

$$D(t + \Delta t) - D(t) = (b_{11} - 1)D(t) + b_{12}P(t)$$

$$P(t + \Delta t) - P(t) = b_{21}D(t) + (b_{22} - 1)P(t)$$

и поделим на интервал времени Δt . Устремим Δt к нулю, тогда в пределе получим:

$$\frac{\partial}{\partial t} \begin{pmatrix} D(t) \\ P(t) \end{pmatrix} = \frac{\partial}{\partial t} \mathbf{X}(t) = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{21} & a_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} D(t) \\ P(t) \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{21} & a_{22} \end{pmatrix} \mathbf{X} = \mathbf{A}\mathbf{X}$$

Иначе говоря, получена линейная система обыкновенных дифференциальных уравнений первого порядка. Будем основываться на данных Федеральной службы государственной статистики¹ по доходной и расходной части бюджета, представленных в таблице 1.

Таблица 1.

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Доходы бюджета (млрд. руб.)	2098	2684	3519	4139	5430	8580	10626
Расходы бюджета (млрд. руб.)	1960	2419	3422	3965	4670	6821	8375

Найдем конкретные значения матрицы:

$$\frac{\partial}{\partial t} \begin{pmatrix} D(t) \\ P(t) \end{pmatrix} = \frac{\partial}{\partial t} \mathbf{X}(t) = \begin{pmatrix} 0.4265 & -0.17596 \\ 0.19661 & 0.009112 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} D(t) \\ P(t) \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0.4265 & -0.17596 \\ 0.19661 & 0.009112 \end{pmatrix} \mathbf{X} = \mathbf{A}\mathbf{X},$$

¹ Данные имеются на официальном сайте ФСГС РФ: <http://www.gks.ru/>

которая и является количественным выражением реально действующей бюджетной политики. Математическая модель приобретает вид:

$$\frac{\partial D(t)}{\partial t} = 0.4265D(t) - 0.17596P(t)$$

$$\frac{\partial P(t)}{\partial t} = 0.19661D(t) + 0.009112P(t)$$

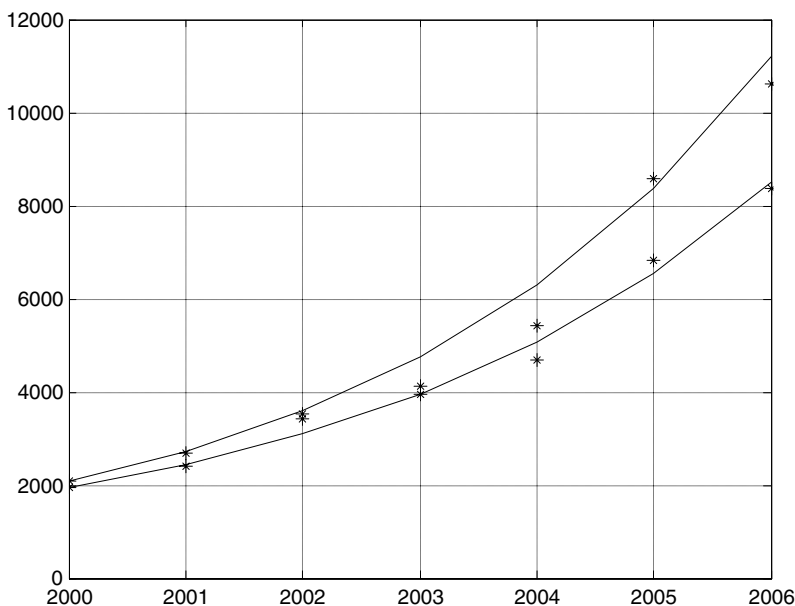
Или:

$$D(t + \Delta t) = 1.4265D(t) - 0.17596P(t)$$

$$P(t + \Delta t) = 0.19661D(t) + 1.009112P(t)$$

Прогноз модели (сплошные линии) и реальные данные («звездочки») по доходам и расходам бюджета представлены на рис. 1.

Рис. 1 Исходные данные по расходной и доходной части бюджета (звездочки) и результаты решения для математической модели (непрерывные линии). Цветом выделены: зеленым — расходная часть бюджета, синим — доходная. По оси абсцисс отложено время в годах, по оси ординат — части бюджета в миллиардах рублей.

Следующим этапом работы является анализ полученных коэффициентов, характеризующих бюджетную политику. Мы заострим внимание на проблеме устойчивости и стабильности рассматриваемого процесса.

С формальной точки зрения очевидно, что данная модель неустойчива по Ляпунову¹. Соответственно, на первый план выходит вопрос о ее стабильности. Общепринятого математического определения стабильности процесса (в отличие от устойчивости) не существует. Мы используем подход, предложенный Л. Ричарсоном применительно к анализу стабильности гонки вооружений². Общая идея, заложенная в этот поход, состоит в следующем: неустойчивость связана с диспропорциями в развитии отдельных компонентов системы (отдельных процессов).

Формальное выражение данной идеи применительно к нашему примеру следующее. Собственные значения матрицы 2×2 удовлетворяют квадратному уравнению

$$\lambda^2 - (a_{11} + a_{22})\lambda + (a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21}) = 0$$

Его решение имеет вид $\lambda_{1,2} = \frac{a_{11} + a_{22}}{2} \pm \frac{\sqrt{D}}{2}$, где

$$D = (a_{11} + a_{22})^2 - 4(a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21}) = (a_{11} - a_{22})^2 + 4a_{12}a_{21}.$$

Стабильность бюджетной политики в идеале (аналогично гонке вооружений Ричардсона) означает $D = 0$ или $\lambda_1 = \lambda_2$.

Отсюда вытекает обязательное условие $a_{12}a_{21} < 0$, которое выполняется, если $\begin{cases} a_{12} > 0 \\ a_{21} < 0 \end{cases}$, либо $\begin{cases} a_{12} < 0 \\ a_{21} > 0 \end{cases}$, что и имеет место в данной задаче.

Стабильность бюджетной политики удовлетворяет условию $D = +0$. Полученная матрица имеет следующие собственные вектора и собственные значения

$$A = v[\lambda]v^{-1}, \text{ где } v = \begin{pmatrix} 0.8392 & 0.5018 \\ 0.5439 & 0.8650 \end{pmatrix}, [\lambda] = \begin{pmatrix} 0.3125 & 0 \\ 0 & 0.1232 \end{pmatrix},$$

т. е. $\lambda_1 = \frac{0.3125}{0.1232} \lambda_2 = 2.5371 \lambda_2$. Это говорит об увеличении диспропорции между доходами и расходами бюджета, что может привести к кризисным последствиям.

Отметим особо, что предложенный в данной статье подход к количественному анализу политических процессов позволяет прогнозировать их развитие при условии сохранения политического курса (неизменности «матрицы реальной политики» А). Мы можем получить ответ на вопрос, что будет происходить в будущем, если политический курс останется неизменным и, в соответствии с результатами прогноза, принимать меры к выработке политического решения о смене (сохранении) текущей политики.

¹ Корн Г. А., Корн Т. М. Справочник по математике для научных работников и инженеров. — М.: Наука, 1974. — С. 832.

² См., напр.: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология: Методы исследования. — М.: Весь Мир, 1997. — 544 с. Современную критику модели см.: Brito D., Intriligator M. Increasing Return to Scale and the Arms Race: The End of the Richardson Paradigm? // Defence and Peace Economics. — 1991. — Vol. 10. — Issue 1. — P. 39–54. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~econ/papers/1999papers/01Brito.pdf> (дата обращения: 11.10.2009).

Елена Петровна Галкина

Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета

Математическая модель общественно-политической конкуренции

Аннотация

Описание процесса конфронтации двух политических мифов, конкурирующих между собой за некоторый общий ресурс с помощью математической модели конкурентной борьбы за общий ресурс.

Ключевые слова: миф, контрмиф, конфронтация мифов, модель Лотки-Вольтерра, неустойчивое равновесие.

Современные парадигмы представления о социальном мире рассматривают его как принципиально неравновесную систему, для которой столкновения и войны – нормальный механизм развития, а пребывание в конфликтной ситуации – естественное и постоянное состояние.

Рассмотрим конфронтацию двух мифов, конкурирующих между собой за некоторый общий ресурс (сторонников, избирателей).

Предположим, что внутри некоторой общественно-политической ситуации эти два мифа характеризуются ярко выраженными признаками. Числовые значения проявления этих признаков обозначим соответственно x_1 и x_2 ($x_i \in [0; \infty)$). Например, если признак в той или иной степени присутствует в данной общественно-политической ситуации, то в качестве x_i можно взять величину, обратную среднему квадратичному отклонению соответствующего признака.

Для описания процесса конкуренции мифов воспользуемся основными математическими моделями конкурентной борьбы за общий ресурс. Будем считать, что $x_1(t)$ и $x_2(t)$ зависят от времени $t \in [0; \infty)$. Адекватной реальности является модель Лотки-Вольтерра [1]. Получаем систему уравнений:

$$\begin{cases} \dot{x}_1 = \gamma(x_1 - x_2)x_1, \\ \dot{x}_2 = -\gamma(x_1 - x_2)x_2. \end{cases} \quad (1)$$

Заметим, что, если $x_1(0) = x_2(0)$, то правые части уравнений (1) равны 0, и, следовательно, $x_1(t)$ и $x_2(t)$ будут постоянными величинами сколь угодно долго. Это соответствует здравому смыслу, так как в этом случае мифы в борьбе за выживание уравновешивают друг друга. Таким образом, вся диагональ, где $x_1 = x_2$, состоит из точек равновесия. Покажем, что это равновесие является неустойчивым, то есть любое изменение начальной точки с ее смещением от диагонали приводит к необратимым последствиям.

Уравнения (1) также могут быть решены в явном виде:

$$x_1(t) = C \frac{1 + \mu e^{2C^2 \gamma t}}{1 - \mu e^{2C^2 \gamma t}}, \quad x_2(t) = C \frac{1 - \mu e^{2C^2 \gamma t}}{1 + \mu e^{2C^2 \gamma t}}$$

(если $x_1(0) > x_2(0)$), где $C = \sqrt{x_1(0)x_2(0)}$, $\mu = |x_1(0) - C| / (x_1(0) + C)$, $\mu \in (0; 1)$ – коэффициент удаленности начальной точки от диагонали. Можно показать, что для всех моментов времени будет выполнено равенство $x_1(t)x_2(t) = C^2 = const$, то есть все траектории на плоскости $(x_1; x_2)$ представляют собой гиперболы, при движении по которым либо $x_1(t) \rightarrow \infty$, $x_2(t) \rightarrow 0$, либо наоборот, что приводит к полному уничтожению одного из мифов. И хотя, по-видимому, мифы в общественно-политическом сознании окончательно не исчезают, модель (1) при приближении к катастрофе уже перестает действовать. При этом время T достижения нулевого («катастрофического») состояния всегда конечно:

$$T = -\frac{\ln \mu}{2C^2 \gamma}. \quad (2)$$

Очевидно, что T убывает при удалении от диагонали и при росте C . Напомним, что во всех точках диагонали $T = \infty$. Линии уровня зависимости $T(x_1, x_2)$ из (2) приведены на рис. 1.

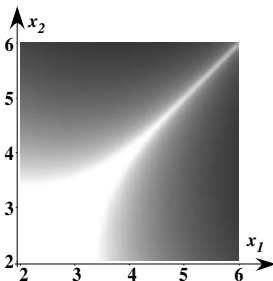

Рис. 1. Линии уровня времени достижения катастрофы.

Здесь одинаковой интенсивностью выделены области на плоскости $(x_1; x_2)$, на которых T примерно одинаково. Белым цветом отмечены области, в которых T велико, то есть области равновесия (хотя и неустойчивого). Отметим, что эта область сужается по мере удаления от начала координат. Это и означает возрастание степени неустойчивости конфронтации при увеличении поляризации мифов. Серым цветом отмечена область кризисного состояния. В области черного цвета T столь мало, что в реальной ситуации выйти из кризиса невозможно, и катастрофа неизбежна.

Модель (1) обладает важным свойством структурной «нежесткости»: коэффициент $\gamma(x_1 - x_2)$ в уравнениях (1) может быть заменен любой функцией $\varphi(x_1 - x_2)$, для которой выполняются естественные в приложениях условия: $\varphi(0) = 0$, $\varphi(x)$ — нечетная функция, $\varphi(x) \rightarrow \infty$ при $x \rightarrow \infty$. При этом

все отмеченные свойства траекторий сохраняется.

Итак, модель (1) описывает внутренние закономерности конфронтации двух конкурирующих мифов. Из этой модели вытекает, что любое отклонение от состояния неустойчивого равновесия приводит к катастрофе — уничтожению одного из мифов. В реальности это не всегда так. Во многих случаях проигрывающей стороне есть, что противопоставить для своего спасения: рекламную кампанию, воздействие СМИ, наконец, компромат на соперника [2]. Рассмотрим модель, в которой учитывается возможность противодействия:

$$\begin{cases} \dot{x}_1 = \gamma(x_1 - x_2)x_1, \\ \dot{x}_2 = -\gamma(x_1 - x_2)x_2 + u, \end{cases} \quad (3)$$

где $u > 0$ — постоянная величина, которую можно назвать интенсивностью противодействия контрмифа побеждающему мифу (при условии $x_1(0) > x_2(0)$).

Численное моделирование уравнений (3) показывают, что каково бы ни было начальное возмущение (отклонение от равновесия в пользу мифа), существует значение \bar{u} такое, что при всех $u > \bar{u}$ траектория модели (3) вернется в состояние равновесия. Это новое состояние будет смещено от первоначального в сторону большей степени неустойчивости. Таким образом, при достаточно большом противодействии можно нейтрализовать любые начальные возмущения.

Если же $u < \bar{u}$, то катастрофа контрмифа неизбежна, хотя время ее достижения можно задержать на некоторый более поздний срок. В случае $u = \bar{u}$ траектория приближается к равновесию, но с бесконечной степенью неустойчивости, что, по-видимому, означает переход к другой модели конфронтации. u должно быть максимально велико из возможного. Если окажется, что u меньше требуемого уровня, то катастрофу удастся только отсрочить. Если $u > \bar{u}$, где \bar{u} — требуемый уровень противодействия, который можно оценить адаптивно, то траектория возвращается в зону неустойчивого равновесия.

Тем самым завершается один цикл конфронтации двух мифов. В следующем цикле мифы могут меняться ролями, но одно остается неизменным: точка равновесия всегда перемещается в сторону обострения конфронтации мифов. Как уже отмечалось, степень неустойчивости при этом возрастает, даже незначительное отклонение от равновесия может привести к кризисной ситуации, циклы конфронтации становятся все короче, величина \bar{u} требуемого воздействия для нейтрализации начального возмущения возрастает, время T достижения «катастрофического» состояния уменьшается.

С помощью данной модели была проанализирована региональная система противостояния двух мифов губернаторов Ульяновской области Ю. Горячева и В. Шаманова [4].

Библиография

1. Социальные индикаторы / Бородкин Ф. М., Айвазян С. А. — М.: Издательство «ЮНИТИ-ДАНА», 2006. — 607 с.
 2. Введение в теорию нелинейных колебаний / Бутенин Н. В., Неймарк Ю. И., Фуфаев Н. А. — М.: Наука, 1976. — 384 с.
 3. Информационное противоборство. Книга вторая. Теоретические основы / Бухарин С. Н., Глушков А. Г., Ермолаев И. Д. — М.: Полиори, 2004. — 500 с.
 4. *Галкина Е. П.* Мифологические конструкты в процессах формирования властных отношений: региональный аспект : автореферат дис. ... канд. социологических наук : 22.00.04 — Ульяновск: УлГУ, 2007. — 23 с.
-

Юлия Игоревна Сенникова

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Смешанная электоральная формула как инструмент управления поведением электората

Аннотация

В статье предлагается подход к электоральной формуле как к инструменту воздействия на поведение электората и политических партий. Психологические эффекты, которые может иметь изменение электоральной формулы, иллюстрируются на примере реформы принципа формирования региональных законодательных собраний РФ.

Ключевые слова: смешанная электоральная формула, законодательные собрания субъектов РФ, явка на выборы, институционализм рационального выбора.

Пропорциональная электоральная формула, как и другие политические институты, способна оказывать влияние на избирательный процесс. Руководствуясь знаниями о тех последствиях, которые она влечет за собой, политический актер может более грамотно выстраивать свои коммуникации с электоратом.

Последствия изменения избирательной системы могут носить характер механический и психологический². Изучение первого предполагает подсчет

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ, доцент **Андрей Сергеевич Ахременко**.

² Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. — N. Y.: Wiley, 1964. — P. 56.

количества мест, набранных каждой партией. Психологический эффект связан с изменением поведения политических акторов и избирателей.

В 2002 году был принят закон, предусматривавший избрание не менее 50 процентов депутатов региональной ассамблеи на основе пропорциональной формулы¹. Федеральная власть считала этот шаг перспективным, повышающим ответственность партий, способствующим развитию уровня гражданского общества². Региональными законодателями нововведение воспринималось как минимум неоднозначно: за время переходного периода, предусмотренного Федеральным законом до вступления его в силу, ни в одном из 11 регионов, в которых проходили выборы, переход к смешанной системе не был осуществлен³.

Признание того факта, что электоральная формула оказывает влияние на поведение политических сил, имеет предпосылкой разделение позиции теории рационального выбора, согласно которой все действия в политике совершаются исходя из стремления к максимизации собственной полезности.

Однако теория рационального выбора в своем классическом варианте может объяснить поведение избирателя не всегда. Именно в процессе ее «корректировки» возник так называемый «институционализм рационального выбора»⁴. Главной функцией избирательной системы, одним из элементов которой является электоральная формула, он называет определение «правил игры», в рамках которых действуют ориентированные на максимальную прибыль акторы.

Основной гипотезой исследования в отношении избирателей является увеличение явки электората на выборы законодательных собраний регионов РФ в связи с переходом от мажоритарной к смешанной системе формирования ассамблей. В рамках мажоритарной системы «победитель получает все», поэтому в ситуации, когда фаворит находится далеко впереди от своих конкурентов, избиратели теряют интерес к участию в выборах (на взвешивание выгод и издержек голосования при принятии решения участвовать в нем указывал еще Э. Даунс⁵).

Результаты, полученные при проверке гипотезы на конкретном эмпирическом материале, будут свидетельствовать о реальных последствиях введе-

¹ Федеральный закон от 24.07.2002 № 107-ФЗ «О внесении дополнения и изменений в статью 4 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 26.06.2002) // Российская газета. — 2002. — № 137 (27 июля).

² Реформа органов власти укрепит целостность государства // Газета «Единая Россия» — 2004. — 18 октября.

³ Иващенко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 121.

⁴ См. Norris P. Electoral Engineering, Voting Rules and Political Behavior. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — С. 3.

⁵ Downs A. An Economic Theory of Democracy. — N. Y.: Harper and Row, 1957. — 310 p.

ния смешанной системы для электората, а, следовательно, откроют новые возможности политического управления как для государства, так и для политических партий.

Чтобы проверить гипотезу об участии граждан, мы сравнили показатели явки¹ на выборы парламентов одного–трех созывов, проводимые только по одномандатным или многомандатным округам, и на выборы по спискам. Основой для анализа послужили 46 субъектов РФ: 2 города федерального значения, 6 республик, 4 края, 31 область, 1 автономная область и 2 автономных округа².

Известно, что явка напрямую связана с уровнем выборов, поэтому сравнению подвергались те выборы, которые не совпадали с какими-либо другими, и находились по разные стороны на стреле времени от момента вступления нового закона в силу.

Для анализа явки был использован дисперсионный анализ — метод, позволяющий делать вывод об статистической значимости различий между средними значениями двух и более выборок. Первая выборка объединила случаи с показателями участия в выборах до исследуемой реформы, вторая — после нее. Всего в группу выборов с использованием мажоритарной системы попали 72 случая, с использованием смешанной системы — 52. Дисперсионный анализ основан на «разбиении общей дисперсии переменной на две компоненты, одна из которых обусловлена случайностью, а другая связана с различием средних значений»³. Статистическая значимость средней может быть представлена как отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой. Чем меньше доля случайных ошибок, тем больше это отношение, и, соответственно, тем более значимо различие средних. О значимости различия средних позволяет говорить критерий Фишера (*F*-критерий или *F*-отношение), для вычисления которого используются показатели суммы квадратов ошибки и эффекта с поправкой на объем совокупности. Чем

¹ Данные о явке взяты из источников: Политический альманах России 1997 / Под ред. Макфола М. и Петрова Н. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. — Т.1: Выборы и политическое развитие. — 641 с.; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. — М.: Весь Мир, 2001. — Т. 1. — 168 с; Т. 2. — 768 с.; Центральная избирательная комиссия РФ: [сайт]. URL: <http://cikrf.ru>; Независимый институт выборов: [сайт]. URL: <http://vibory.ru>.

² Полный список исследуемых регионов: Москва, Санкт-Петербург, республика Адыгея, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Коми, Марийская, Татарстан, Чечня, Красноярский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, Амурская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Орловская, Псковская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская области, Еврейская автономная область, Ненецкий и Чукотский автономные округа.

³ Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2006. — С. 133.

выше единицы F -критерий, тем более значимо различие средних. Полезно также обратиться к показателю p , фиксирующему значимость F -отношения: если $p < 0,05$, то мы признаем F -критерий значимым.

В нашем случае средние значения равны 38,146 и 42,2408 для первой и второй выборки соответственно. Среднее значение явки в выборах по смешанной системе выше. Обратимся к F -статистике. F -отношение = 5,593, что значительно выше единицы. Значимость F -критерия также подтвердилась: $p = 0,02$. Полученные с помощью дисперсионного анализа результаты позволяют признать различие между средними в двух группах случаев — с использованием мажоритарной и смешанной электоральных формул — значимым. Гипотеза о росте показателей участия на выборах в легислатуры регионов после перехода к смешанной системе их формирования подтвердилась.

Для субъектов политического управления знание данной закономерности является полезным: государство в рамках комплексных программ стимулирования электоральной активности может прибегнуть к реформированию избирательной системы, как это случилось в России, что отразится на поведении партий. Минимальное ограничение в виде заградительного барьера в сочетании с растущей активностью той части электората, которая в новых условиях считает свои шансы повлиять на исход выборов более значительными, может привести к использованию новых технологий в практике избирательных кампаний, корректировке партийной аудитории и появлению новых малых партий.

Библиография

1. *Ахременко А. С.* Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2006. — 333 с.
2. Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. — М.: Весь Мир, 2001. — Т. 1. — 168 с.; Т. 2. — 768 с.
3. *Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е.* Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 333 с.
4. Политический альманах России, 1997 / Под ред. Макфола М. и Петрова Н. — М.: Московский Центр Карнеги, 1998. — Т. 1: Выборы и политическое развитие. — 641 с.
5. Реформа органов власти укрепит целостность государства // Газета «Единая Россия» — 2004. — 18 октября.
6. Федеральный закон от 24.07.2002 № 107-ФЗ «О внесении дополнения и изменений в статью 4 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 26.06.2002) // Российская газета. — 2002. — № 137 (27 июля).

7. *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. — N. Y.: Harper and Row, 1957. — 310 p.
 8. *Duverger M.* Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State — N. Y.: Wiley, 1964.
 9. *Norris P.* Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 384 p.
 10. Центральная избирательная комиссия РФ : [сайт]. URL: <http://cikrf.ru/>
 11. Независимый институт выборов : [сайт]. URL: <http://vibory.ru/>
-

Марина Игоревна Шкапина

Студентка факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Применение метода моделирования при исследовании политических систем

Аннотация

В статье кратко представлено рассмотрение метода формализованного моделирования, его особенностей и типов для анализа политических систем. Объясняется значимость применения количественных методов в исследовании политической сферы.

Ключевые слова: моделирование, модель, политическая система, статические модели, динамические модели.

Метод моделирования благодаря своей хорошей объяснительной способности может открыть широкие возможности для исследования сложных систем, к которым относится и политическая система. Сложность оценке параметров устройства и функционирования политической системы придаёт отсутствие сформированной целостной методологии, которая была бы способна с достаточной точностью и достоверностью описать наблюдаемые эмпирически процессы, выявить их причинно-следственную связь. Представление политики как системы подразумевает рассмотрение совокупности взаимосвязанных между собой элементов, каждый из которых выполняет внутри системы определённую функцию, подвергая изменению остальные элементы и саму систему в целом. Политическую систему можно определить как совокупность элементов различного уровня сложности организации внутри одного государства, взаимодействующих друг с другом с целью поддержания функционирования определённого типа властного режима.

¹ Научный руководитель: доктор политических наук, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ, доцент **Андрей Сергеевич Ахременко**.

Необходимая методология исследования должна учитывать и динамический характер политической системы, что означает рассмотрение развития системы, изменения её во времени, происходящие посредством взаимодействия элементов, а также контактов самой системы с внешней средой. Такого рода задачи трудно выполнимы без подробного изучения множества разнообразных переменных, обычно являющихся показателями отдельных объектов действительности. Это приводит к необходимости чёткой формализации имеющейся в распоряжении информации, ибо массивы накопленной теоретической базы могут быть велики настолько, что обработка подобных объёмов информации под силу разве что специализированным компьютерным программам. Собранная информация используется при построении формальных моделей.

Моделирование применительно к сложным системам можно определить как процесс изучения свойств реально существующего объекта с целью выявления связей между его элементами, взаимовлияния различных компонентов как включённых в объект, так и воздействующих на него извне, и создания в результате модели (образа объекта), пригодной для дальнейшего анализа.

При анализе политической сферы используются модели различных типов, в частности, статические и динамические (детерминистские). Первый класс представляет собой тип моделей, в которых все зависимости отнесены к одному моменту времени. Такими моделями могут описываться статические системы (координаты которых на изучаемом отрезке времени рассматриваются как постоянные), но также и динамические – путём характеристики их состояния в заданный момент времени. Динамические же модели описывают сам процесс развития системы во времени. Анализ статической составляющей политических процессов обычно осуществляется в рамках т. н. статистической (стохастической) парадигмы, подразумевающей наличие в рамках модели вероятностной составляющей. Изучение изменения явления во времени в статических моделях в основном происходит с использованием показателей рядов динамики, методов выявления и количественной оценки сезонных тенденций (трендов) развития, метода параллельных рядов и др.

Существует ряд методов создания статистических моделей, широко применяемых при анализе политики. В частности, такие методы, как корреляционный и регрессионный анализ, широко используются для определения тесноты связи между показателями, не находящимися в функциональной зависимости, т. е. связь проявляется не в каждом отдельном случае, а в определенной зависимости.

Посредством стохастических моделей также возможно анализировать наблюдаемые изменения. При помощи сравнения и сопоставления результатов, полученных при тестировании нескольких однотипных стохастических моделей, представляющих состояния одних и тех же систем в разные моменты времени, возможен анализ закономерностей динамики разного рода

политических процессов.

Динамическая модель, напротив, не сводится к простой сумме ряда статических величин, а описывает силы и взаимодействия в политике, определяющие ход процессов внутри неё. Динамические модели обычно используют аппарат дифференциальных и разностных уравнений, вариационного исчисления.

В рамках сферы политического далеко не всегда сохраняется необходимый для использования статистических методик комплекс условий, а также редко улавливается чёткая тенденция развития признака во времени в виде тренда, потому область применения статистической парадигмы ограничивается анализом отдельных политических процессов, но не всей системы в целом. Применение математических средств в большинстве случаев сводится к анализу множественных регрессий, который обычно игнорирует динамическое изменение систем и элементы обратной связи. Статистические методы ставят своей целью предсказать вероятность наступления того или иного события, тогда как детерминистские модели служат задаче установления внутренних связей процессов и определения общего вектора развития ситуации. Однако при анализе системы в целом одной из главных целей должно стать как раз выявление существующих внутри неё зависимостей и связей. Перспективность подобных исследований по сравнению с уже имеющимися должна заключаться не просто в описании различных свойств системы в фиксированные моменты времени, но в прослеживании основных тенденций, направлений, в рамках которых функционирует система.

Анализ динамики систем – это подход, который предоставляет очень широкие возможности для изучения политической сферы: ведь системы политические являются динамичными, содержат механизмы обратной связи и задержек, а политические процессы могут быть поняты в терминах использования материальных, властных и информационных ресурсов.

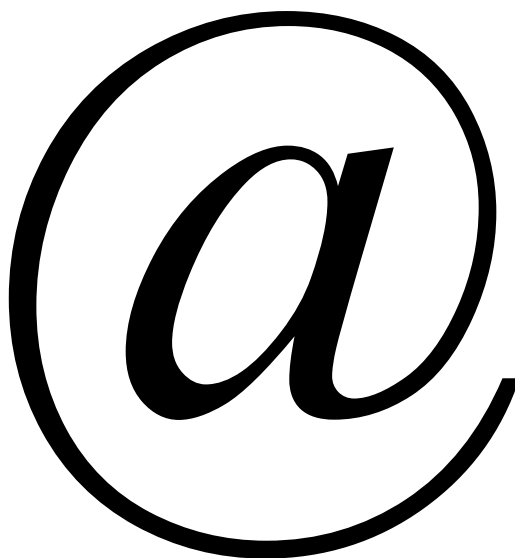
Таким образом, моделирование открывает перед исследователями политической реальности широкие возможности не только теоретического плана (например, установление закономерностей происходящих процессов), но и применения полученных наработок для нужд практики, например, для выявления источников сопротивления принимаемым решениям, проектирования более эффективных решений и т. д.

Библиография

1. *Давыдов А. А.* Динамика доли участвующих в выборах: стохастическая модель // Социологич. исследования. — 1995. — № 2. — С. 134–135.
2. *Лычкина Н. Н.* Современные тенденции в имитационном моделировании // Вестник университета, серия «Информационные системы управления», № 2. — М.: ГУУ, 2000. — С. 135–141.
3. *Малков С. Ю.* Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели // Моделирование социальной и экономической динамики. — М.: РГСУ, 2004. — С. 76–188.

4. Моделирование социальных процессов : Сборник статей / Отв. ред. Андреев Э. П., Гаврилец Ю. Н. — М.: Наука, 1970. — 228 с.
5. *Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2001. — 296 с.
6. *Шабров О. Ф.* Системный подход и компьютерное моделирование в политологическом исследовании // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 2. — С. 100–110.

**Информационные технологии
в политических науках**

Дмитрий Витальевич Коняев

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹

Молодёжная политика как элемент общественно-политической жизни современной России: сущность и особенности

Аннотация

В работе раскрывается содержание категорий «молодежь» и «молодежная политика», а также приводится типология взаимодействий государства, общества, и молодёжи.

Ключевые слова: молодежь, социальная политика, молодежная политика.

Среди элементов, обеспечивающих функционирование современного государства, молодёжная политика появилась относительно недавно, но уже заняла прочные позиции в обеспечении стабильного функционирования политической системы страны.

Понятие «молодёжная политика» появилось и оформилось во второй половине XX века. Молодёжью занимались и ранее, но молодёжная политика, понимаемая как система взаимоотношений государства и молодого поколения, возникла в ответ на усиливающееся участие молодёжи в общественной жизни, появление новых молодёжных организаций и форм протеста, присущих этим организациям.

Исследования молодёжной политики в отечественной политической науке можно разбить на три этапа. До конца 1980-х гг. внимание к данной проблеме уделялось больше на философском и историческом уровнях, проводились исследования в рамках социологии и научного коммунизма. После принятия в СССР в 1991 году закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» появились общественно-политические и прикладные работы по тематике молодёжной политики. После «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии (2003–2005 гг.), проведенных силами молодёжных масс, молодёжная политика стала восприниматься как важный элемент обеспечения стабильности политического процесса.

Для раскрытия содержания термина «молодёжная политика» необходимо определить содержание категории «молодёжь». Впервые в отечественной социологии такое определение разработал В. Т. Лисовский. Он определил молодёжь как поколение, проходящее стадию социализации, усваивающее, а в более зрелом возрасте уже усвоившее, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции². Понятие было вскоре

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Андрей Юрьевич Шутов**.

² См.: Социология молодёжи: методическое пособие / Под ред. Лисовского В. Т. — СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996 — С. 5–13.

переработано Лисовским совместно с группой учёных. В работе «Человек и общество: социальные проблемы молодежи», опубликованной в 1969 году, молодёжь определяется как социальная группа, которая обладает «открытостью», определённой свободой выбора и принятия на себя социальных позиций и ролей¹.

Современные подходы к пониманию того, чем является молодёжь, отражены в работах Н. А. Чистяковой и В. В. Павловского.

Н. А. Чистякова отмечает: «Молодёжь как особая социально-демографическая группа имеет ряд особенностей, вытекающих, прежде всего, из самой ее объективной сущности. Социальные особенности молодежи определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения, то есть потенциальными сущностными силами молодого человека»².

По мнению доктора философских наук В. В. Павловского, молодёжь — «это особая биосоциальная возрастная группа людей от 13–14 до 29–30 лет (женский и мужской пол), которая занимает переходное положение между общностями людей подросткового и взрослого зрелого возраста; представляет собой возрастное образование, включающее в себя 17 годовых подгрупп, объединяемых в 4 стадийные крупные подгруппы, которые характеризуются спецификой освоения и реализации молодежных возрастнo-ориентированных программ; детерминируется природной средой, конкретно-историческим обществом с его общественной формацией, цивилизацией, государственным строем и другими особенностями социального развития; является результатом социализации в пяти основных сферах жизни общества; осуществляет переход от репродуктивной (подготовительной) к продуктивной деятельности, эволюцию от общественной и гражданской несамостоятельности — к статусу взрослых самостоятельных членов общества, полноправных граждан и сформировавшихся личностей. Это группа, которая отражает в себе классовую, социально-групповую, этническую и иную актуально важную структуру того или иного общества. Это старшая по возрасту часть первого поколения общества, это генетически и исторически необходимое особое социальное звено в преемственности поколений как формы существования общества»³. Определение В. В. Павловского можно считать наиболее полным на сегодняшний день.

Молодёжь в России сегодня, в соответствии с проектом законопроекта «Об основах федеральной молодёжной политики в Российской Федерации»,

¹ См.: Громов И. А., Иконников С. Н., Лисовский В. Т. Молодёжь в обществе // Человек и общество: Социальные проблемы молодежи / Под общ. ред. Ананьева Б. Г., Керимова Д. А. — Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1969. — С. 3-12.

² См.: Основы социальной работы : учебник / Бабкин Н. И., Павленок П. Д., Яковлев А. И. и др.; Под. ред. Павленок П. Д. — М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. — 367 с.

³ См.: Павловский В. В. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. — М.: Академический проект, 2001. — 301 с.

внесённом в начале 2009 года на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации, — люди в возрасте от 14 до 30 лет, которые учатся, начинают работать, создают молодые семьи. Это социальный слой общества, который способен содействовать социально-экономическому и духовному развитию страны, но вместе с тем наименее защищен в социальном плане.

Эта социальная прослойка очень важна для государства, т. к. молодёжь — это те люди, которые придут на смену правящему в данный момент поколению. Действия государства, партий, государственных и негосударственных учреждений, направленные на работу с молодёжью, называют молодёжной политикой. Обычно она заключается в социализации молодёжи, в её воспитании в соответствии с некими идеалами, в контроле за маргинальными и революционными настроениями, которые всегда царили и царят в молодёжной среде.

Определив понятие молодёжь, можно перейти к рассмотрению молодёжной политики.

По определению В. С. Дианова, молодёжная политика — «это научно-обоснованная, долговременная, организационно и методически обеспеченная деятельность партии и государства по созданию политико-правовых, материально-экономических и идейно-воспитательных предпосылок для удовлетворения личных интересов молодёжи и формирования всесторонне образованного, гармоничного нового поколения советского общества»¹.

М. Г. Антонов в своей работе, посвященной молодёжной политике, описывая функции молодёжной политики, замечает: «Молодёжная политика регулирует не только социальные аспекты развития молодёжи, но и экономические, производственные, политические, культурные ... то есть все созидательные творческие стороны её жизнедеятельности»².

В современном обществе молодёжная политика является многозначным понятием и в разных формах охватывает четыре большие сферы взаимодействия государства, общества, и молодёжи, как членов общества.

Таковыми сферами являются:

- Государственная молодёжная политика, проводимая государством и органами власти в отношении молодёжи, как установленная законодательством Российской Федерации система формирования приоритетов и мер, направленных на создание правовых, экономических, социальных, организационных и иных условий для успешной социализации³.

¹ См.: Дианов В. С. Программа «Молодёжь» как механизм реализации государственной молодёжной политики // Молодежь и общество: проблемы разработки и реализации рег. молодёжной политики: / Ред. Родионов В. А. — М.: Институт молодежи, 1991. — С. 60.

² См.: Антонов М. Г. Молодежная политика государства, партии и общественных организаций: историко-политический и теоретический аспекты, опыт России и СССР, 1917–1995 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. — М, 1995. — С. 48.

³ См.: Проект Федерального закона № 98059899-2 «Об основах государственной молодёжной политики в Российской Федерации».

- Молодёжная политика, проводимая партиями и общественно-политическими организациями.
- Молодёжная политика как область деятельности молодёжных общественных, общественно-политических и иных организаций.
- Фиктивная молодёжная политика, имеющая с настоящей один субъект — молодёжь, — но, при этом не направленная на реализацию интересов самой молодёжи.

Необходимо остановится подробнее на каждой из форм.

1. Государственная молодёжная политика — комплексная система мер, направленная на социализацию молодёжи, воспитание молодого человека в духе патриотизма, уважения к культуре и истории своей страны, вовлечение молодёжи в общественную деятельность, добровольческое и волонёрское движения. Формируется и реализуется органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации при участии органов местного самоуправления, молодежных и детских общественных объединений, консультативных и совещательных органов, структур молодежного парламентаризма и иных юридических и физических лиц¹. Государство обеспечивает поддержку молодых специалистов, семей, инициативных и талантливых представителей молодёжи через специально созданную для этого систему органов по делам молодёжи, а также при помощи системы грантов и льгот. Помимо этого, государство берёт на себя обязательства по предотвращению правонарушений в молодёжной среде (при помощи органов по контролю за правопорядком) и обеспечивает духовное и физическое развитие молодых людей с помощью образовательной системы.

2. Молодёжная политика, проводимая партиями и общественными организациями. Партии и общественные организации видят молодёжь как обширную электоральную базу, на которую необходимо воздействовать, и, по возможности, рекрутировать. Данная форма может частично пересекаться с государственной молодёжной политикой (к примеру — молодёжная политика партии «Единая Россия»), существовать параллельно с ней, с небольшими коррективами (к примеру — политика КПрФ — основной упор которой делается на защиту прав трудящейся молодёжи). Также возможен вариант, при котором партия или общественная организация проводит свою молодёжную политику с целью дестабилизации политического процесса. Такой вариант характерен для ультрарадикальных объединений, которые не могут оформиться как партии, многие из которых используют молодёжь как властный ресурс.

3. Молодёжная политика как область деятельности молодёжных общественных, общественно-политических и иных организаций. Эта сфера, находясь в зачаточном состоянии с 1991 по 2004 гг., в 2005 г., после опыта «цветных революций» в странах постсоветского блока, получила

¹ Там же.

мощную государственную, коммерческую и медийную поддержку, что помогло ей за кратчайший срок оформиться и разбиться на четко определённые ниши. С 2004 до 2006 года было создано множество молодёжных организаций, частично это происходило «сверху», но многие организации были созданы в инициативном порядке. Так, в этот период появились основные общероссийские движения, которые в дальнейшем задавали тон всей молодёжной политике в целом. Эти организации можно разбить на несколько блоков.

3.1. Основными в *прогосударственном блоке* стали молодёжное антифашистское движение «НАШИ», «Молодая Гвардия Единой России», «Россия Молодая», являющиеся самыми массовыми общественно-политическими организациями. Их главная задача заключалась в рекрутировании молодёжи и поддержании стабильной политической системы. Прокремлёвские молодёжные организации запомнились многотысячными акциями, направленными на блокирование деятельности оппозиционных и экстремистских организаций, кампаниями по созданию социальных лифтов и оказанием помощи в проведении государственной молодёжной политики.

3.2. В *опозиционном блоке* — «Молодёжное «Яблоко», «Оборона», а так же примкнувшие к ним ранее созданные «Авангард Коммунистической Молодёжи», «Национал-Большевистская Партия», создавшие себе образ борцов с режимом. Деятельность организаций, направленных на дестабилизацию политической системы, выражалась в провокационных выступлениях и маршах, зачастую несогласованных с властями.

У двух блоков существуют различия как в идеологической платформе, так и в структурном оформлении, однако, есть и одно сходство. Молодёжная политика, проводимая этими организациями, зачастую является «поддержкой собственного спроса». В этом случае молодёжная организация пытается создать кадровые лифты или «раскрутить» своих лидеров или ярких представителей организаций.

3.3. Отдельно стоят организации, которые не заявляют о своей политической принадлежности. Такие организации, которые можно назвать *неполитическими*, чаще всего являются малочисленными и занимаются решением конкретных проблем молодёжи — организацией досуга и спортивных мероприятий, защитой прав молодёжи, оказанием помощи государству в области профилактики негативных явлений в молодёжной среде, реализацией программ в области образования и религиозного воспитания. Всем этим занимаются и вышеперечисленные *прогосударственные* и *опозиционные* организации, но, в силу узких рамок деятельности, *неполитические* организации чаще решают конкретные вопросы молодёжи успешнее и быстрее. В качестве примера таких организаций можно привести поисковые отряды, экологические, добровольческие и краеведческие движения, штабы стройотрядов, а так же множество других организаций, зачастую не выходящих за рамки муниципальных образований в городах и регионах.

4. Фиктивная молодёжная политика. Молодёжную политику можно считать фиктивной, если она, будучи молодежной, не направлена на реализацию интересов самой молодёжи. Такой может считаться политика, проводимая движениями радикального или экстремистского толка. В качестве примера — уже упоминавшаяся запрещённая Национал-большевистская партия, созданная вокруг фигуры Э. Лимонова, или Объединённый Гражданский Фронт, возникший для политической поддержки Г. Каспарова. Здесь молодёжная организация используется для «удовлетворения собственного спроса» её руководителя как лидера общественного мнения, а также создания эффекта массовости вокруг него, причем это становится основной задачей структуры. Однако повышение узнаваемости главы такой организации не является реализацией интересов её членов.

Также можно считать фиктивной молодёжную политику, проводимую на уровне некоторых муниципальных объединений. Полномочия муниципальных властей в области работы с молодёжью жестко ограничены организацией культурного и спортивного досуга, который финансируется по остаточному принципу. Ещё одной проблемой является непонимание муниципальными властями нужд молодёжи или их игнорирование. Поэтому, зачастую, практикуется разовое проведение показательных мероприятий, которые не отвечают интересам молодёжи. Примером такой политики может являться реализация программы «Московский молодёжный парламентаризм» в ряде внутригородских муниципальных образованиях Москвы. Молодёжные палаты, формально функционирующие при каждом Муниципальном собрании в районах Москвы для экспертизы принимаемых депутатами решений с точки зрения молодых жителей районов, зачастую создаются на бумаге, или же указ об их формировании просто игнорируется. Многие созданные же Молодёжные палаты являются мёртворождёнными структурами из-за ошибок, допущенных при подборе состава палат и определения целей их работы.

Таким образом, феномен молодёжной политики раскрывается в четырех сферах и при этом постоянно эволюционирует, что отличает его от уже устоявшихся понятий «социальная политика» или «экономическая политика».

Вместе с тем, сама молодёжная политика в целом является важнейшим понятием для современной России, что особо подчеркивается усиливающимся влиянием молодежных организаций на процессы стабилизации и дестабилизации политической системы и скорой необходимостью в обновлении политических и управленческих элит.

Молодёжная политика интересна и с научной точки зрения. Имеющиеся на сегодня исследования имеют своим предметом только государственную молодёжную политику и, изредка, молодежную политику как сферу действия общественно-политических организаций. При этом они практически не охватывают другие сферы деятельности и жизни молодёжи. Поэтому понятие требует дальнейшей концептуализации, а сама молодёжная политика (во всех четырех смыслах) — дальнейшего исследования.

Анатолий Иванович Костин

Доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Политика и становление информационного общества

Аннотация

Нарастающие процессы информатизации и становления информационного общества давно стал одной из основных тенденций развития современного глобализирующегося мира. В работе рассматриваются основные черты происходящей ныне информационной революции: дифференциация стран мира по уровню развития информационных технологий, влияние информации на процессы производства и сбыта и глобальную экономику, роль СМИ, Интернета и иных средств информационно-коммуникационного взаимодействия в жизни людей. Анализируются теоретические аспекты концепций информационного общества и их практическая ценность. Представлен авторский взгляд на положительные и отрицательные стороны глобальной информатизации, а также значение информационных технологий в жизни современных государств.

Ключевые слова: информация, глобализация, информационное общество, информационная революция, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, Интернет, информационная дифференциация, «общество риска».

Процесс информатизации, являясь центральным звеном в стратегии глобализации, обеспечивает создание своеобразной нервной системы глобальной экономики и планетарного общества в целом¹. Важная особенность последних десятилетий — беспрецедентное по темпам развитие современных информационных технологий, включающих новые средства связи, коммуникации и обработки информации² (прежде всего в США, Японии и в лидирующих странах Европы). В США расходы на информационные технологии в 1970-е и 1980-е годы возрастали в среднем ежегодно на 20–25%, а в 1990-е — примерно на 30–35%. На США приходится 1/3 общемировых затрат на НИОКР, а также свыше 2/5 мировых капиталовложений в сферу информационных технологий (столько же, как на Японию и западноевропейские страны вместе взятые). По расчетам американского исследователя

¹ См.: Узбестер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 398 с.

² См.: Мельянцева В. А. Информационная революция — феномен «новой экономики» // МЭМО. — 2001. — № 2. — С. 3–10.

Дж. Б. Делонга, в течение жизни одного поколения в 1970-е — 1990-е годы цена компьютеров (и полупроводников) понизилась более чем в 10 тыс. раз, или в среднем ежегодно на 30–40%¹. Падение цен на этот вид информационных технологий (и средств связи) значительно превосходит все имеющиеся исторические прецеденты. В одном из докладов Всемирного банка отмечается, что «если бы авиационная промышленность развивалась так же стремительно, как компьютерная с середины 1960-х годов, то к середине 1980-х Боинг-767 стоил бы 500 долларов и мог бы облететь земной шар за 20 минут, потребляя всего 20 литров горючего»².

Поток информационного обмена в Интернете практически удваивается каждые 100 дней, что в год превышает 700%. В целом, по имеющимся расчетам и оценкам, за последние 5–10 лет общий объем существующей в мире информации удваивался каждые 1,5 года, эту тенденцию стали называть законом Мура (по имени человека, впервые ее обнаружившего).

Дифференциация стран мира по темпам освоения информационных технологий весьма значительна даже среди развитых государств. По числу компьютеров на одного занятого и по доле семей, использующих Интернет, США к началу века в 2–3 раза превосходили Японию и страны Западной Европы. По этим же показателям разрыв между передовыми и развивающимися странами громадный, намного превышающий существующие расхождения по критерию подушевого ВВП.

Информационные технологии, призванные объединять человечество и осуществляющие это, на нынешнем этапе глобализации и в современной ее форме во многом способствуют и его расслоению. Богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями, и кроме обычного деления на развитые и развивающиеся (менее развитые) страны возник еще более глубокий раскол: на страны, во многом уже базирующиеся на информационно-инновационной экономике, и страны, даже и не помышляющие об этом.

Развитие информационных технологий значительно углубляет международное разделение труда и интенсифицирует межгосударственную торговлю, позволяя производителям товаров и услуг быстрее и глубже изучать зарубежные рынки сбыта своей продукции и оптимизировать его географическую структуру, а покупателям — выбирать посредством так называемой электронной торговли необходимые товары и услуги в различных странах. Экономика приобретает новые качественные особенности: возникают электронные биржи, интернет-магазины; маркетинговые и консалтинговые фирмы в интернете начинают оказывать воздействие на движение товаров и капиталов, способствуют увеличению вывоза капитала, развитию междуна-

¹ DeLong J. B. The Price of Computers Has Fallen More than Ten Thousand-Fold in a Single Generation [Electronic Resource]. // Brad DeLong's Website : [site]. URL: <http://econ161.berkeley.edu/oped/virtual/technet/handouts/tnh10.html> (дата обращения: 09.11.2009).

² См.: World Development Report 1998–1999: Knowledge for Development / World Bank Publication. — New York: Oxford University Press, 1998. — P. 23.

родных производственных, торговых и финансовых связей как на уровне предприятий, банков, торговых или страховых компаний, так и на уровне национальных экономик в целом.

Интернет утвердил новые принципы организации человеческого бытия: сетевой, виртуальный, интерактивный — и распространил их практически на все сферы человеческой жизни. Колоссальное влияние на социальную и политическую сферы оказывает интеграция глобальной сети и средств массовой информации, развитие интерактивного телевидения, электронных изданий и т. д. Реализация этих принципов привела к возникновению таких явлений, как «новая цифровая экономика», «электронное правительство», «дистанционное обучение».

Новые изменения коснулись и сущностных аспектов самоидентификации человека. Определение личности во многих странах осуществляется теперь на основе электронной цифровой подписи, в некоторых регионах выборы политических лидеров проводятся путем применения технологий электронного голосования.

Уже в 1960–1970-х годах стало очевидно, что человечество вступает в новый исторический период, дорогу к которому проложило бурное развитие техники, в первую очередь — информационной технологии и научно-технической революции в целом. Происходящие и предстоящие существенные изменения жизни человека в этом полностью «технизированном» и «информатизированном» мире попали в поле исследований социальных мыслителей, что привело к формированию идей «информационного» общества. Постепенно «информационное общество» выделяется в качестве особой исторической, культурной и социально-экономической стадии развития общества и этапа эволюции техносферы.

Теоретики информационного общества Е. Масуда, О. Тоффлер, Дж. Пелтон, Х. Эванс, Дж. Мартин с разных сторон характеризуют революционизирующее действие информационной технологии, вследствие которого современный социум радикально меняется. В новом обществе классы заменяются социально недифференцированными «информационными сообществами» (Е. Масуда). «Малые» экономические формы — индивидуальная деятельность на дому, «электронный коттедж» — противопоставляются традиционным громоздким корпорациям и включаются в общую структуру информационного общества с его различными сферами (О. Тоффлер). Повсеместное введение компьютеров ведет к замене традиционной печати «электронными книгами», трансформирует идеологию, преобразует безработицу в обеспеченный досуг (Х. Эванс). На основе синтеза телевидения, компьютерной службы и энергетики радикально меняется весь образ жизни (Дж. Пелтон). Центральная роль в этих изменениях отводится телекоммуникационной «кабельной сети». Обеспечивая двустороннюю связь граждан с правительством, она позволяет учитывать их мнение при выработке политических решений (О. Тоффлер и Дж. Мартин).

Реальность формирующегося «информационного общества» оказывается сложнее и противоречивее любых предвосхищений. Адаптация индивида к новым условиям жизни становится сложнее: высшие достижения и лучшие стартовые возможности становятся условиями успеха, остальные безжалостно отбраковываются. Однако механизмы рынка носят безличный, анонимный характер, они не всегда угадывают лучшие «человеческие качества». Нарастает неуправляемая сложность социотехноприродного взаимодействия. Формируется общество риска.

Усиление социального расслоения внутри отдельных обществ дополняется в условиях информационной глобализации углубляющимся разрывом в уровнях развития различных регионов мира. Кроме того, негласно происходит возникновение «аристократии информационного общества», которая, «игнорируя государственные законы, демократические принципы и ценности, готова сама устанавливать направления в развитии глобального информационного общества». Предвосхитить результаты применения новых компьютерных информационных систем очень сложно, трудно выяснить все возможные отрицательные социальные последствия развития информационного общества. Но когда доминирующие политические силы не способны предотвратить негативное развитие, начинают работать общественные инициативы и контрдвижения, которые могут активизировать разные слои населения и побудить их к участию в решении таких проблем.

В современных условиях колоссальное воздействие на индивидуальное и групповое поведение оказывают социокультурные факторы, СМИ, расширение информационных структур, что снижает возможности или даже делает не работающими многие прежние модели социальной реальности. В мире, полном глобальных и социальных противоречий, сложно переплелились старые и новые тенденции. «Возвышение» индивида происходит наряду с сохраняющимися социальными, классовыми, групповыми и иными интересами, которые модифицируются в новых условиях и усложняют политическую борьбу. Сведение социального, группового сознания и поведения к индивидуальному не перестает быть ошибочным и в новых условиях. Качественные изменения индивидуального сознания и поведения, значительно модифицированные в информационной среде, не устраняют, однако, законов движения больших социальных и исторических общностей. Различия интересов (и весьма существенные) ведут к политическим противоречиям и конфликтам, которые не дают реализоваться мечте о мировой солидарности.

Вместе с тем информационная революция качественно изменила и резко усилила возможности контроля за личностью. Отсутствие эффективных средств контроля в предшествующие исторические периоды ограничивало возможности власти в надзоре за подданными. Глобальная информатизация и компьютеризация общества, происходящие в современном мире, создают широчайшие возможности для контроля за сознанием и поведением граждан, реанимируют тенденции политического тоталитаризма.

По мнению О. Тоффлера, в конце XX — начале XXI века именно знания и «информация становятся ключевым ресурсом, позволяют достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти, убедить людей в их личной заинтересованности, превратить противников в союзников»¹. В современных условиях компьютерные сети позволяют накапливать и использовать обширнейшую информацию о здоровье, общественной активности, политических установках, личных связях, финансовых делах, встречах и поездках граждан и т. д. Электронные досье, в которых легко, быстро и незаметно для общества собирается информация о любом конкретном человеке или организации, дают властям мощное оружие по предотвращению или пресечению нежелательных действий, обеспечивают возможности косвенного и внешне не бросающегося в глаза управления поведением людей. Глобальная информатизация и компьютеризация общества «делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию, тотальное „промывание мозгов“, но и управление индивидуальным и групповым, массовым сознанием и поведением»². В этих условиях возрастают возможности проведения «информационных войн» в различных сферах. На международном уровне они ведутся с далеко идущими геополитическими целями и задачами.

Информационная глобализация усиливает значение борьбы за права человека, за реальную политическую демократию. Глобальная информатизация не решает проблему прав человека, поскольку технология не может создать этической «операционной системы» и общение между индивидами предполагает более глубокие отношения. Остается открытой проблема уравновешивания индивидуальных и общественных благ и интересов.

Одно из проявлений глобализации в сфере СМИ выражается в появлении транснациональных медиа-корпораций, в их растущем влиянии на мировую политику. Глобальные СМИ получают своеобразную монополию на формирование мирового общественного мнения, политической повестки дня и оценку текущих или предстоящих событий. Технологии по воздействию на сознание населения целенаправленно и успешно используют для достижения разнообразных политических целей. В этой связи возникает проблема собственников и управляющих СМИ как менеджеров общественного мнения, способных повлиять на политический процесс в регионе или конкретном государстве. Благодаря определенной открытости, оперативности в формулировании оценок и позиций, отражающих интересы разнообразных слоев населения, СМИ могут оказывать значительное влияние на политику.

Деятельность СМИ все более направлена не на информирование, а на формирование определенного общественного мнения. Они становятся важ-

¹ См. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. — 1992. — № 5. — С. 16.

² Пугачев В. П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии XX века // На рубеже веков. — 1997. — № 4. — С. 54.

нейшим инструментом определения предпочтительных политических порядков, средством создания необходимым властям связей и отношений с общественностью. Вместе с тем СМИ органично встроены в рыночную систему, в сферу их приоритетов входят коммерческие интересы (прибыль, в первую очередь).

Отношение к информации как к товару является определяющим фактором, формирующим интересы и профессиональные усилия СМИ и их представителей. В последнее десятилетие процесс глобализации экономики и массмедиа усилился под влиянием сети Интернет. Транснациональные связи и институты глобального мира все более складываются с помощью сетевых технологий, формируя его нормы и традиции. Интернет все более оказывается в ряду важнейших механизмов, транслирующих влияние внешней социально-экономической среды на политику. Политические субъекты, не имеющие соответствующего информационного сопровождения деятельности, как правило, утрачивают позиции и снижают свое влияние. Первоначально Интернет сформировал мировой рынок новостей неподконтрольный государственной власти, но в дальнейшем государственные органы в ряде стран стали пытаться контролировать интернет-коммуникацию¹.

Глобальные СМИ сложились относительно недавно. Практически до 80-х гг. XX в. они имели национальный масштаб. И в этот период осуществлялся импорт книжных изданий, кинофильмов, музыкальных произведений, однако основные системы телевизионного и радиовещания находились в руках национальных компаний. Учитывая стратегическую значимость их сферы деятельности, она регулировалась местным законодательством, что ограничивало присутствие в ней иностранцев. С развитием новых спутниковых и цифровых технологий, приватизацией медиа- и коммуникационных систем ситуация стала меняться. Появились глобальные медиагиганты. Они постепенно превратились в транснациональные информационные империи².

Доминирование нескольких медийных корпораций в глобальном информационном пространстве ведет к формированию информационного и культурного монополизма. Создание условий для эффективного решения проблемы организации и редактирования информационных потоков в обществе массового информационного потребления становится существенным фактором эффективного глобального развития. Социальные и политические коллизии и конфликты переносятся в информационную среду в верхний эшелон современных систем государственного управления.

¹ Например, Китай, Северная Корея ввели у себя систему косвенного государственного контроля за интернет-коммуникациями. В США были приняты этические кодексы поведения пользователей в сети, следование которым носит добровольный характер. См. о проблеме государственного контроля: Прайс М. Масс-медиа и государственный суверенитет. — М.: Институт проблем информационного права, 2004. — 332 с.

² Верхний уровень формируют транснациональные или многонациональные медиаконгломераты. В их числе: America OnLine, Time Warner, Vivendi Universal, Disney, CBC Viacom, Bertelsmann, News Corporation.

В наше время СМИ становятся основным средством производства современной культуры. Например, М. Кастельс отмечает: «Осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения»¹.

Поскольку СМИ могут способствовать дестабилизации социальной преемственности поколений, разрушению социальных установок, затруднению формирования гражданской идентичности, то активную роль в этих условиях призвано сыграть государство. Оно может в большей или меньшей степени открывать свое внутреннее пространство для информационных потоков, поступающих извне. Внешнюю политику в информационной сфере целенаправленно проводят большинство государств. Её задача — определить в глобальной информационно-медийной среде свою роль и использовать возможности этой среды в своих интересах.

На необходимость разработки моделей формирования информационного общества указывали многие исследователи ещё несколько десятилетий назад, но только в 90-е годы задача создания и развития информационного общества легла в основу политических стратегий многих стран². В США, Японии, Европе приняты собственные программы, которые оказывают влияние на развитие общества данных стран и политический процесс в целом. В США, Японии, Южной Кореи, Сингапуре ориентируются на построение информационного общества с национальной спецификой. Страны Европейского Союза создают собственную интеграционную модель.

В России Интернет появился в 90-е годы. Новый этап его распространения связан с 1998 г., когда у государства возник интерес к концепции информационного общества, а также связанными с ним проблемами национальной информационной безопасности, электронного правительства и информатизации образования. В 1998 г. на свет появилась «Концепция государственной информационной политики», в 1999 г. была принята «Концепция формирования информационного общества в России». В 2001 г. российское правительство одобрило федеральную программу «Электронная Россия»³. В новых условиях политическая роль государства в обеспечении информационной безопасности страны значительно возрастает.

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 193.

² См.: Варганова Е. Л., Ткачева Н. В. Национальные модели информационного общества. — М.: Икар, 2004. — 412 с.

³ Концепция была одобрена решением Государственной комиссии по информатизации при Государственном комитете Российской Федерации по связи и информатизации. Особое место отводится вопросам информационной безопасности. См.: Программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс] // Федеральные целевые программы России: [сайт]. URL: http://www.programs-gov.ru/28_1.php (дата обращения: 23.11.2009).

Дарья Сергеевна Кравченко

Магистрант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹.

Политическая коммуникация в Интернет-пространстве

Аннотация

Интернет, как особое интерактивное средство массовой информации, все чаще и качественнее используется в политических целях, т. к. политика существует в рамках человеческой деятельности, различных способов взаимодействия ее носителей, коммуникационных процессов, связывающих, направляющих общественную жизнь. Политическая коммуникация в Интернет-пространстве выступает своеобразным социально-информационным полем политики.

Ключевые слова: коммуникация, политическая коммуникация, Интернет.

Проблеме политических коммуникаций в политологии всегда уделялось значительное место. В контексте ее изучения были созданы различные научные подходы и концепции. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение.

Характерной чертой общественно-политических отношений начала XXI века является стремительный рост масштабов внедрения новых информационных технологий в жизнь общества, из которых особая роль принадлежит глобальной сети Интернет. Среди современных форм коммуникации только Интернет позволяет человеку получать необходимые сведения «здесь и сейчас». Коммуникации в Интернет-пространстве становятся все более обыденным явлением для миллионов людей во всем мире. Развитие происходит так стремительно, что практика использования новых политических технологий остается недостаточно изученной.

Интернет в качестве особого интерактивного средства массовой информации все чаще используется в политических целях, так как политика существует в рамках человеческой деятельности, различных способов взаимодействия ее носителей, коммуникационных процессов, связывающих и направляющих общественную жизнь. Политическая коммуникация в Интернет-пространстве выступает своеобразным социально-информационным полем политики. Ее роль в политической жизни общества сопоставима, по образному выражению французского политолога Ж.-М. Коттрэ, со значением кровообращения для организма человека.

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Андрей Юрьевич Шутов**.

Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения и модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами¹. В настоящее время формируется новый канал политической коммуникации, развитие которого изменяет всю систему политического коммуникативного процесса с его классическими технологиями.

На прошедших в 2008 году президентских выборах США технологии в интернет-пространстве сыграли решающую роль, кардинально изменив характер политической борьбы. Сегодня и в России Интернет получает все большее признание в качестве эффективного средства политического формирования и общения власти и общества, что требует, как и любой другой феномен политической жизни, теоретического анализа и оценки. Складывается новая структура политической коммуникации: политические интернет-коммуникаторы, каналы и технические способы формирования и осуществления обратной связи. Создание сайтов, блогов, рассылка почты с приглашением к участию и объяснением позиции, просьбой поддержки, вовлечением в агитационную кампанию путем распространения по принципу сарафанного радио, т. е. возможность адресной работы, дает новый импульс для ведения политической борьбы, агитации, влияния на массовое сознание и формирование общественного мнения.

В Интернет-пространстве, в отличие от традиционных СМИ, человек изначально ограничен только двумя факторами: наличием свободного времени и своим интересом к данной тематике. Именно поэтому процессы, связанные с осуществлением и организацией политической коммуникации в Интернете, являются крайне актуальными и требуют детальной проработки.

Библиография

1. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. — 253 с.
2. *Дмитриев А. В.* Политика, политология, интернет. — М.: Изд-во Совер. гуманитар. ун-та, 2002. — 102 с.
3. *Михайлова А. М.* Политическая Интернет-коммуникация в современном региональном пространстве : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. — Улан-Удэ, 2007. — 185 с.
4. Политическая психология, культура и коммуникация / Под. ред. Шестопал Е. Б. — М: РОССПЭН, 2008. — 319 с.
5. *Чугунов А. В.* Политика и интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.01. — СПб, 2000. — 179 с.

¹ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. — С. 6.

Олеся Викторовна Латышева

Магистрант гуманитарного факультета кафедры социологии и политологии
Тульского государственного факультета¹

Блогообразная политика

Аннотация

В статье рассматривается проблематика влияния сети Интернет на современный политический процесс посредством блогов (интернет-дневников). Раскрывается функциональная нагрузка сетевых дневников в избирательных кампаниях. По мнению автора, сеть Интернет в современном российском обществе представляет собой не только источник информации и средство коммуникации, но и неотъемлемую часть политической реальности.

Ключевые слова: сеть Интернет, блог, видеоблог, сетевой дневник, интернет-дневник, блогосфера, политический сегмент, политика.

Жизнедеятельность общества — это процесс непрерывной коммуникации. Люди взаимодействуют друг с другом с момента рождения: семья, друзья, коллеги, различные уровни власти. Взаимодействие и, как следствие, обмен информацией — постоянны. Меняются только средства и уровни коммуникации. Список источников информации, в который входят слухи, а также печатные и электронные средства связи, теперь дополняет сеть Интернет. Дополняет и конкурирует. Ни газета, ни телевидение, исключая редкие, но ставшие уже традиционными, ТВ-мосты с президентом и премьер-министром, пока не способны создать настолько «живую» иллюзию прямого общения, разговора на «ты» с властью. Немаловажно также, что в сети инициатором беседы может выступать каждый: вне зависимости от социального статуса, уровня образования, возраста, географического положения, в удобное для него время и по волнующему именно его, а не государство вопросу. Речь о блогах — интернет-дневниках политических деятелей, столь естественных для западной политики и только получающих распространение в российской. Подобное легко объяснимо, поскольку впервые блоги появляются в США и получают развитие как личные сетевые дневники, в которых обсуждаются темы, интересующие авторов и его друзей-подписчиков. Первоначально блоги зародились как творческое развитие идеи интернет-форумов в сторону их индивидуализации, повышения прав и возможностей отдельных пользователей.

Что же касается функциональной нагрузки интернет-дневников в политическом процессе, то она заключается в следующем: в привлечении сто-

¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного факультета **Денис Геннадьевич Бычихин**.

ронников и их мобилизации, в пропаганде и обкатке определенных идей, контрпропаганде. Как уже отмечалось, сетевые дневники создают ощущение непосредственного диалога с политическим деятелем, поскольку его формат не предполагает жестких рамок общения. Необходимо также отметить, что наиболее эффективным является размещение контрпропаганды через сетевые дневники. Основные приемы размещения подобного рода информации, как правило, дублируют те, которые используются в традиционных СМИ: выброс компрометирующей информации, дезинформация, переключение внимания, психологическое давление на оппонента. Но в отличие от традиционных СМИ, в блогах есть ощущение анонимности и безнаказанности.

Российская же блогосфера является наиболее динамично развивающейся в мире, что относится и к её политическому сегменту. Интересен тот факт, что русскоязычная блогосфера изначально носила общественно-политический характер. И если еще в недавнем прошлом интернет-дневники в нашей стране были прерогативой оппозиционных политиков: Н. Белых (belyh¹), Г. Каспаров (kasparov_ru), Б. Немцов (b_nemtsovs), А. Богданов (bonych), М. Гайдар (m_gaidar), В. Новодворская (vnovodvorskaia), то сегодня дело обстоит иначе. В рамках официального сайта «Единой России» запущена социальная сеть «Берлога» (<http://togeth.er.ru>), в LiveJournal уже можно обнаружить дневники С. Миронова (sergey-mironov), М. Барщевского (barshevsky), а также целый ряд других парламентариев и общественно-политических деятелей. Рост популярности интернет-дневников среди «внутригосударственных» политических деятелей вызван скорее тем, что в 2009 году Д. А. Медведевым перед государством было поставлено две задачи: 1) обеспечить равный доступ к сети Интернет населению, 2) обеспечить информационное удобство для граждан, а так же полноценное (т. е. с возможностью обратной связи) присутствие власти в сети. Толчком к решению второй задачи стало открытие действующим президентом своего видеоблога. Сначала это, как окрестили его журналисты «Коммерсанта», «недоблог», поскольку отсутствовала его комментарийная составляющая, да и выкладываемые видеосюжеты, как правило, дублировали новостные. Постепенно появилась возможность оставить свой комментарий, а видеопослания уже отличны от выпусков новостей и имеют ярко выраженную адресную группу. Двадцать второго апреля президентский блог официально стал частью LiveJournal — одного из крупнейших блог-сервисов мира, а также самого крупного русскоязычного сервиса такого рода.

Стоит подчеркнуть, что Дмитрий Анатольевич довольно активно популяризирует глобальную паутину: крупное событие, которое будет представлено в блоге, параллельно освещается в вечернем выпуске новостей общероссийского канала, на советах или при встречах с губернаторами от президента

¹ Здесь и далее в скобках указаны имена соответствующих пользователей в сети LiveJournal (Живой Журнал).

можно услышать, что ему «в блоге описывали данную проблему», был создан Совет при президенте по развитию информационного общества. И так, к сети Интернет можно относиться по-разному, но то, что глобальная паутина стала атрибутом российской политики — это уже неоспоримый факт. И если человек не идет в политику, то политика сама идет к нему, теперь по сетям Рунета.

Библиография

1. *Иванов Д. Г.* Политический PR в Интернете: российские реалии // Интернет-маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 6–14.
2. *Сметанин М.* Борис Немцов. — первый политик в российском интернете [Электронный ресурс] // Электронный архив «Русского журнала»: [сайт]. [2002]. URL: <http://old.russ.ru/netcult/history/20020320.html> (дата обращения: 04.07.2009).

Оглавление

История и теория политики

<i>Бекхан Вахаевич Агаев.</i> Российский либерализм в начале XX века: политическая программа кадетов	6
<i>Андрей Сергеевич Алтухов.</i> Последствия миграционных процессов и необходимость их учета при формировании государственной миграционной политики Российской Федерации	10
<i>Роман Юрьевич Анисимов.</i> Креативный компонент политического дискурса	13
<i>Владимир Григорьевич Белоус.</i> Миссия интеллектуалов. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (1907–1917) и его историческое значение.....	19
<i>Александр Вахтангович Гегечкори, Елена Викторовна Поступная.</i> Применение системного подхода к исследованию высшего образования как объекта государственного управления в Украине	22
<i>Юлия Викторовна Игнатенко.</i> Сложность изучения феномена политической культуры.....	26
<i>Татьяна Николаевна Краснополяская.</i> Стратегии гражданского общества и модели его взаимодействия с государством	29
<i>Светлана Владимировна Крестовская.</i> Идея разделения власти Петра Великого в документах и указах.....	32
<i>Евгений Александрович Минаев.</i> Антидемократические политические режимы в XX веке: отдельные модели и их эволюция.....	41
<i>Ринат Маратович Нуруллин.</i> Терминологические проблемы теории сецессии	43
<i>Борис Александрович Прокудин.</i> Панславизм как модернистский политический проект	46
<i>Василий Иванович Тимошенко.</i> Методологические основания структурно-ценностного анализа предвыборных партийных программ.....	50
<i>Юлия Константиновна Шталикова.</i> К проблеме соотношения «духовного» и «политического» в условиях современности	58

История социально-политических учений

<i>Дарья Алексеевна Акулова.</i> Политическая мифология Фридриха Ницше	65
<i>Кирилл Михайлович Андерсон.</i> Осуществленная невозможность: экспериментальная утопия Нового времени.....	68
<i>Станислав Кириллович Андерсон.</i> Остзейский вопрос в творчестве Ю. Ф. Самарина	72
<i>Стелла Игоревна Балахнина.</i> Справедливость как проблема политической теории: основные подходы в западной политической мысли во второй половине XX века.....	75
<i>Федор Сергеевич Богров.</i> Добродетель «существа политического»	78

<i>Ольга Юрьевна Бойцова.</i> К вопросу о нормативных теориях в современной политической науке.....	81
<i>Вера Александровна Вархотова.</i> Основные тенденции развития идеи вечного мира в истории социально-политической мысли Европы Нового и Новейшего времени.....	84
<i>Виктор Николаевич Ватиль.</i> Общетеоретические основания социально-политического идеала в российском либерализме Серебряного века	87
<i>Николай Викторович Ватиль.</i> Трактровка политического насилия в работе И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»	90
<i>Богдан Витальевич Вовченко.</i> Социально-политические идеалы православного фундаментализма.....	93
<i>Ольга Александровна Гусева.</i> Международные отношения в политической философии Г. В. Ф. Гегеля	96
<i>Асланбек Хаважович Денильханов.</i> Естественно-правовая проблематика в русской либеральной мысли на рубеже XIX-XX веков.....	99
<i>Наталья Владимировна Евдокимова.</i> Проблема воспитания идеального человека (М. Лютер, Т. Мор)	102
<i>Анастасия Сергеевна Ермолина.</i> Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским как памятник русской политической мысли XVI века	104
<i>Марат Умербаевич Ибраев.</i> Концепт политической власти в учении классического евразийства	107
<i>Иван Андреевич Козиков.</i> Д. И. Менделеев о безопасности России.....	110
<i>Анастасия Михайловна Козлова.</i> Диалектика как методологическая основа политической концепции Гегеля	116
<i>Александр Ермолаевич Костюков.</i> Концепция государства в политическом учении Н. Н. Алексеева	119
<i>Виктор Кузьмич Кудрявцев.</i> Идеи обновления монархии в консервативной политической мысли России начала XX века.....	121
<i>Екатерина Леонидовна Лукиенко.</i> Личность и государство в социально-политической теории П. И. Новгородцева.....	125
<i>Максим Викторович Максимов.</i> Социально-экономические взгляды М. Н. Каткова.....	128
<i>Иван Владимирович Манаев.</i> Методология политической концепции Гегеля	131
<i>Илья Александрович Матвеев.</i> Эссекская школа дискурс-анализа	134
<i>Яков Павлович Миронов.</i> Особенности интерпретации понятия «власть» Мишелем Фуко	137
<i>Анна Валериевна Мыркова.</i> Ф. И. Тютчев как представитель российского консерватизма XIX века	140
<i>Виталий Владимирович Ошкин.</i> Критика демократии в творчестве Л. А. Тихомирова	146
<i>Кирилл Алексеич Патин.</i> Ценностные ориентиры народнического революционаризма	148

<i>Сергей Вячеславович Перевезенцев.</i> Идея сильной личности в сочинениях Федора Курицына.....	151
<i>Оксана Олеговна Пертель.</i> Понятие власти Ханны Арендт и его критики	155
<i>Анастасия Михайловна Репёва.</i> Социально-исторические предпосылки формирования политико-экономических взглядов В. В. Берви-Флеровского	160
<i>Владислав Александрович Сасов.</i> Карл Маркс и русский народ (историко-политологическая характеристика)	163
<i>Мария Игоревна Семенова.</i> Антон Шпрингер как историк пангерманизма	167
<i>Никита Романович Сетов.</i> Джон Миэршеймер как представитель политического реализма	171
<i>Дарья Алексеевна Соловьева.</i> Французская политическая мысль эпохи Реформации.....	174
<i>Ольга Евгеньевна Сорокопудова.</i> Русский народ и государство в трактовке В. В. Розанова	176
<i>Татьяна Анатольевна Хабарова.</i> Идеи культурной автономии Украины в творчестве Н. И. Костомарова.....	180
<i>Наталья Александровна Чамаева.</i> Ассоциация предпринимателей и гражданская ассоциация в политической теории Майкла Оукшотта	186
<i>Екатерина Давидовна Чквидзе.</i> «Русофобия»: генезис термина и современные коннотации	190
<i>Александр Андреевич Шириняну.</i> «Мыслящая история» С. П. Шевырева ..	194

Российская политика

<i>Марина Викторовна Алешина.</i> Процесс легитимации парламентаризма в современной России	202
<i>Валентина Тенгизовна Бабакишвили, Мария Александровна Парамонова.</i> Невоенные средства обеспечения военной безопасности государства.....	205
<i>Яна Вадимовна Борисенко.</i> Роль молодёжных общественно-политических движений в политическом процессе современной России	207
<i>Евгений Николаевич Гаталов.</i> Политический аспект административно-государственной реформы в России (2004–2008 гг.).....	210
<i>Наталья Игоревна Голубкова.</i> Избирательные споры в политических технологиях организации и ведения предвыборной кампании	213
<i>Инна Игоревна Гурьянова.</i> Нефтегазовый сектор Российской Федерации в период кризиса и условия для его развития.....	217
<i>Мария Александровна Иванова.</i> Сити-менеджер в муниципальном образовании — профессиональный управленец или лобби губернатора? ..	219
<i>Валерий Иванович Коваленко.</i> «Вертикаль власти в России»: исторические измерения и основания	222
<i>Денис Афизуллаевич Курайши.</i> Исламский фактор в политических процессах республик Северного Кавказа	228
<i>Екатерина Юрьевна Носкова.</i> От «партии власти» к «партии большинства»: этапы эволюции «партии власти»	231

<i>Юлия Владимировна Порутенко.</i> Социально-политическое измерение института суда присяжных в современной России.....	234
<i>Кирилл Олегович Телин.</i> Муниципальная реформа как ключевой фактор обновления политической системы Российской Федерации	237
<i>Анна Андреевна Хлеханова.</i> Региональный аспект изучения становления и функционирования институтов гражданского общества в России	240

Мировая политика и международные отношения

<i>Виктория Александровна Авдеева.</i> НАТО как система обеспечения коллективной безопасности	246
<i>Софья Владимировна Арсентьева.</i> Глобализация и институты глобального управления	249
<i>Хасан Фатих Бингол.</i> Международно-политический характер энергетической проблематики	252
<i>Залина Вердихановна Вердиханова.</i> Предпосылки возникновения и развития процессов «цветных революций» 2000-х годов	254
<i>Мария Игоревна Вершинина.</i> К вопросу об особенностях исследования межгосударственного сотрудничества.....	258
<i>Алина Геннадьевна Дмитриева.</i> Информационная война как феномен современной политики.....	261
<i>Татьяна Вадимовна Дудова.</i> Экономический подход к анализу международных эколого-политических рисков	264
<i>Сергей Александрович Евтушенко.</i> Международное сотрудничество: проблема баланса абсолютных и относительных выгод	267
<i>Андрей Николаевич Иохим.</i> Использование семиотической методологии в исследованиях мировой политики и международных отношений.....	270
<i>Светлана Александровна Калинина.</i> Международные отношения: Организация Объединённых Наций в современном мире	273
<i>Людмила Валерьевна Комарова.</i> Влияние спорта на динамику политических конфликтов.....	276
<i>Артём Андреевич Косоруков.</i> Проблема акторности в мировой политике .	279
<i>Анна Придоновна Мамрикишвили.</i> Европейский Союз как претендент на мировое политическое лидерство: проблемы и перспективы.....	282
<i>Андрей Викторович Манойло.</i> Модели управления политическими конфликтами	285
<i>Анна Александровна Петрухина.</i> Ислам и политика в современном мире..	287
<i>Никита Юрьевич Пичугин.</i> Внешнеполитические стратегии государств и информационная повестка дня в Арктическом регионе.....	290
<i>Елена Павловна Пугачева.</i> Энергетический аспект Каспийской политики Европейского Союза	293
<i>Андрей Сергеевич Семченков.</i> Сеть глобального влияния мировых лидеров и пути ее нейтрализации	296
<i>Олег Владимирович Столетов.</i> «Мягкая власть» в мировой политике: проблемы и перспективы сравнительных исследований	306

<i>Мамед Низамович Талибов.</i> Образ международной организации в сфере коллективной безопасности (МОСКБ) на примере ОДКБ: прогрессивный подход.....	309
<i>Иван Александрович Чихарев.</i> Школа изучения мировой политики и международных отношений в Московском университете: традиции и инновации	312

Социология и психология политики

<i>Тимур Наильевич Абдрахманов.</i> Формирование мифологических образов героя как механизм создания российской политической идентичности (на примере современных российских интернет-проектов).....	321
<i>Радима Хаважовна Денильханова.</i> Проблема диалектики «героя» и «толпы» в учении Н. К. Михайловского.....	325
<i>Анастасия Александровна Иванова.</i> Специфика отражения ценностных ориентаций политической культуры российского общества в политическом дискурсе парламентских партий.....	328
<i>Никита Александрович Слепцов.</i> Некоторые аспекты манипуляций сознанием при помощи СМИ.....	330
<i>Вера Владимировна Трофимова.</i> Биографический подход к изучению российского депутатского корпуса.....	333
<i>Марина Витальевна Цветкова.</i> Идентичность как политико-психологическая проблема.....	335
<i>Жанна Игоревна Черненко.</i> Концепция оперантного научения Берреса Фредерика Скиннера.....	339

Политическая коммуникативистика

<i>Артём Владимирович Богданов.</i> Партия «Единая Россия» в пространстве региональных политических коммуникаций (на примере Саратовской области).....	344
<i>Луиза Ахматовна Габдрахманова.</i> Образ России в мире: проблемы формирования и продвижения	348
<i>Светлана Александровна Новикова.</i> Блогосфера как политико-коммуникативное пространство в США.....	352

Политический менеджмент и связи с общественностью

<i>Сергей Владимирович Володенков.</i> Использование мобильных коммуникаций в современных политических кампаниях	359
<i>Ирина Владимировна Курпихина.</i> Политическая реклама как способ формирования политического выбора граждан в современной России	371
<i>Павел Александрович Малуев.</i> Возможности государственной информационной политики в развитии гражданского общества современной России.....	374

<i>Сергей Владимирович Мозжесгоров. Модель информационно-аналитической службы (ИАС) в органах исполнительной власти региона (на примере Тюменской области)</i>	378
--	-----

Экологическая политика

<i>Андрей Игоревич Волошин. Перспективы ноосферогенеза: синергетический подход.....</i>	384
<i>Эвелина Алексеевна Козьменко. Разработка стратегии устойчивого развития: исторический опыт Российской Федерации.</i>	
<i>Ольга Игоревна Сафонова. Климатические изменения и их последствия как угроза мировой политической стабильности и безопасности.....</i>	397

Политическая регионалистика и этнополитология

<i>Раиса Эдуардовна Бараиш. Неоднозначность трактовки категории «разделенный народ»</i>	402
<i>Александр Константинович Берёзкин. Урегулирование этнополитических конфликтов в России и Китае (на примере Чеченской Республики и Синьцзян-Уйгурского автономного района)</i>	407
<i>Наталья Николаевна Емельянова. Система самоуправления в городах современной Индии.....</i>	410
<i>Анна Сергеевна Заякина. Политические аспекты маркетинга международного имиджа мегаполиса (на примере Москвы).....</i>	414
<i>Дарья Олеговна Кислицына. Зарубежный опыт управления северными территориями и российские реалии.....</i>	417
<i>Екатерина Юрьевна Небольсина. Этнополитический конфликт в Испании: история и современность</i>	420
<i>Майя Андреевна Незина. Сепаратизм в Китае: проблемы и перспективы преодоления</i>	423
<i>Дарья Вячеславовна Скрипниченко. Совершенствование системы федеральных округов в контексте российской региональной политики</i>	426
<i>Андрей Михайлович Сузи. Сетевая организация политического интернет-пространства региона (на примере Республики Карелия).....</i>	428
<i>Лия Рафаэлевна Хайбуллина. Влияние СМК на формирование политического сознания студенческой молодежи Республики Татарстан</i>	431

Математические методы политического анализа и прогнозирования

<i>Павел Николаевич Александров, Андрей Сергеевич Ахременко. Динамическое моделирование политических процессов с использованием систем линейных дифференциальных уравнений</i>	437
<i>Елена Петровна Галкина. Математическая модель общественно-политической конкуренции</i>	443
<i>Юлия Игоревна Сенникова. Смешанная электоральная формула как инструмент управления поведением электората.....</i>	446

Марина Игоревна Шкатина. Применение метода моделирования при исследовании политических систем 450

Информационные технологии в политических науках

Дмитрий Витальевич Коняев. Молодёжная политика как элемент общественно-политической жизни современной России: сущность и особенности 462

Анатолий Иванович Костин. Политика и становление информационного общества 462

Дарья Сергеевна Кравченко. Политическая коммуникация в Интернет-пространстве 469

Олеся Викторовна Латышева. Благообразная политика 471

Научное издание

SCHOLA-2009

Сборник научных статей

Ответственный редактор *А. И. Волошин*

Редактор *Э. А. Козьменко*

Корректор *Э. А. Козьменко*

Художник *А. И. Волошин*

Компьютерная верстка *А. И. Волошин*

<http://www.schola.su>

Сдано в набор 30.11.2009. Подписано к печати 15.12.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,06. Тираж 200 экз.

Издатель ООО «Издательский Дом «Импресс Медиа».
141200, Московская область, г. Пушкино, ул. Грибоедова, д. 7.
Тел. (495) 981-57-50.